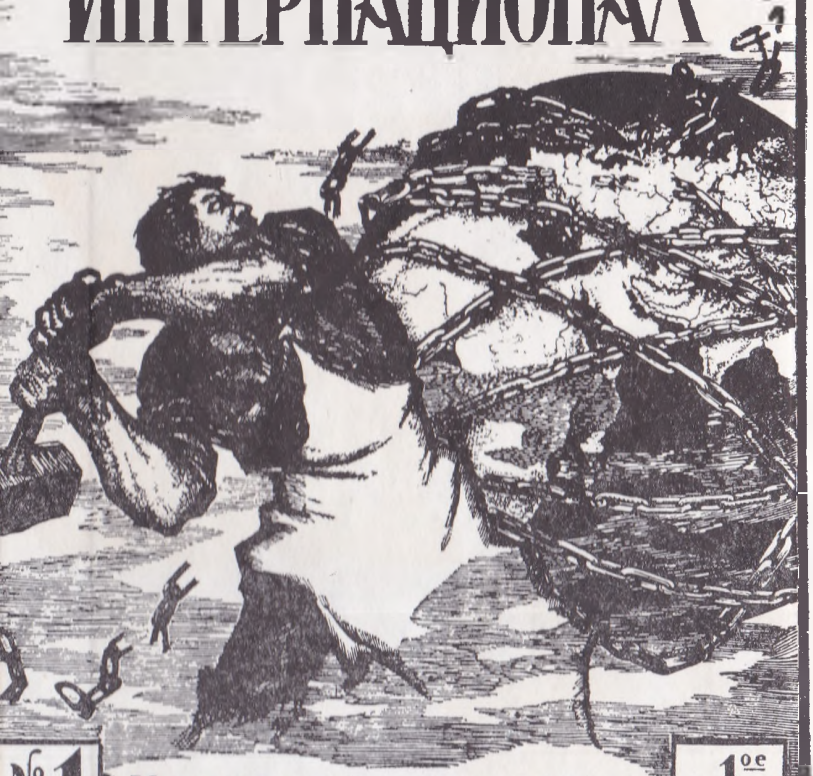
9(47)
Е56

Б.И.КОВАЛЬ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОПЫТ XX ВЕКА

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ



№ 1

Москва-Кремль. ◆ Петроград-Смольный.

1-ое МАЯ 1919 г.

1905 1917

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ХРОНИКА XX ВЕКА

1905-1907 РОССИЯ
1905-1911 ИРАН
1908 -1909 ТУРЦИЯ
1910-1917 МЕКСИКА
1911-1913 КИТАЙ
ФЕВРАЛЬ 1917 РОССИЯ

ОКТЯБРЬ 1917-ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1917 1939

1918 ФИНЛЯНДИЯ
1918 АВСТРИЯ
1918 ГЕРМАНИЯ
1919 ВЕНГРИЯ
1920-1923 ИРЛАНДИЯ
1921 МОНГОЛИЯ
1925-1927 КИТАЙ
1933 КУБА
1936-1939 ИСПАНИЯ

1939 1949

1940 ЛИТВА, ЛАТВИЯ, ЭСТОНИЯ
1941-1945 ЮГОСЛАВИЯ
1941-1945 БОЛГАРИЯ
1941-1945 АЛБАНИЯ
1941-1948 ЧЕХОСЛОВАКИЯ
1943-1947 ПОЛЬША
1943-1947 ВЕНГРИЯ
1941-1945 ГРЕЦИЯ
1945-1949 ГДР
1945 КОРЕЯ
1945 ВЬЕТНАМ
1949 КИТАЙ

Ис21
К-56

Б.И.КОВАЛЬ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОПЫТ XX ВЕКА

ПОГАШЕНО

Москва
«МЫСЛЬ»
1987

ББК 66.017.715
К56

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Отв. редактор и автор вступительной статьи — доктор философских наук, профессор *В. В. Загладин*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Ю. А. Красин*
доктор исторических наук, профессор *В. Л. Мальков*

В оформлении форзацев использованы обложка журнала «Коммунистический Интернационал» и плакат художника Д. С. Моора.

К $\frac{0302030100\text{-}138}{004(01)\text{-}87}$ 40-87

© Издательство «Мысль», 1987

О КНИГЕ Б. И. КОВАЛЯ И СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Читая страницу за страницей книгу профессора Б. И. Коваля — автора, хорошо известного читателю как исследователь социальных процессов нашей эпохи (им опубликованы книги «История бразильского пролетариата», «Свет Октября над Латинской Америкой», «Революция продолжается» и др.),— шаг за шагом продвигаешься в глубины Страны Революции. Впрочем, Страна — выражение неточное, ибо речь идет о целых континентах. Географическое пространство ее огромно — весь наш земной шар. А временно́е пространство — весь наш век, все XX столетие.

По своему жанру данная работа прежде всего историко-социологическое, но также и философское исследование. Вместе с тем это исключительно полезный обзор революций, имеющий и познавательное и, если можно так выразиться, информационно-справочное значение.

Наверное, кто-то сможет предъявить автору те или иные претензии — то ли не хватает каких-то деталей, то ли недостаточен общеисторический фон... Конечно, это не история века. Но это — картина революций, порожденных условиями века.

Разумеется, очень важен анализ каждой отдельно взятой революции, выяснение ее специфических черт и особенностей. Но это во многом сделано, это — привычный подход. А разве не становятся особенности отдельных революций ярче, выпуклее, виднее, если рассматривать весь ход революционного процесса на протяжении века? Понятно, речь идет здесь о первой попытке такого подхода. Но представляется, картина получилась весьма интересная. Тем более интересная, что автор в последних частях книги выдвигает ряд важных обобщений. Причем он делает это нетрадиционно, по-своему. А своего взгляда на вещи (пусть у какого-то другого исследователя возникнут какие-то другие выводы) так не хватает в нашей обществоведческой литературе!

I

Книга Б. И. Коваля построена на прочной методологической основе марксистско-ленинской теории. Автор, будучи хорошо и разносторонне подготовлен теоретически, даст убедительный и оригинальный анализ особенностей тех или иных революций, вскрывает черты, присущие всем революционным процессам XX в., а вместе с тем их специфику. Содержание работы полностью подтверждает как то, что революциям нашей эпохи присущи общие закономерности, так и то, что, как предвидел В. И. Ленин, следующие за Октябрем исторические этапы нашей переходной эпохи внесут много нового, продемонстрируют немало новых черт, комбинаций, поворотов общественных процессов.

Б. И. Коваль хорошо показывает, сколь многообразным и вместе с тем единым стал революционный процесс в XX в. Сам Октябрь, будучи сплетением различных революционных потоков — борьбы рабочего класса за социализм, крестьянства за землю, всего народа за мир, национально-освободительной борьбы, — дал первый пример соединения, сплетения разнообразных по характеру, но направленных в конечном счете к единой цели движений.

После Октября В. И. Ленин на основе глубокого анализа показал, что борьба против империализма и капитализма, за демократию и социализм неизбежно станет соединением самых различных потоков революционных, освободительных движений. Этот его прогноз полностью подтвердился.

Факторы, определяющие сложность революционного процесса в наши дни, — это: *во-первых*, сложность системы противоречий мирового развития, соединяющей в себе противоречия классового, внутриклассового, общедемократического и общечеловеческого характера; *во-вторых*, сложность, неоднозначность конкретных задач, которые должны быть разрешены, чтобы общественный прогресс завоевывал новые рубежи; *в-третьих*, обусловленная этим сложность, неоднозначность, а подчас и социальная противоречивость сил, выступающих носителями общественного прогресса; *в-четвертых*, крайняя разнохарактерность различных потоков борьбы за общественный прогресс. Не учитывая всех этих моментов, понять социальные, общественно-политические движения современной эпохи просто нельзя.

Обобщенная характеристика современной эпохи, со-

держащаяся в новой редакции Программы КПСС, констатирует основные направления современной борьбы за общественный прогресс и вместе с тем основные силы этой борьбы. Простое сравнение этой характеристики с теми, которые давались в прошлом, показывает: обогащение революционного процесса продолжается; и хотя не все составляющие его потоки носят непосредственно-революционный характер, все они в конечном счете соединяются, становятся факторами движения общественного прогресса. В книге Б. И. Коваля через анализ конкретных революций убедительно показывается, как поэтапно, на протяжении века, складывалась сегодняшняя картина революционного процесса, какие новые черты он приобретал за послеоктябрьские семь десятилетий.

И один из вопросов, на который невольно наталкивается мысль, когда читаешь работу Б. И. Коваля, состоит в следующем.

В начале нашего века, в связи с Октябрем, после Октября, многие революции на Западе поднимались непосредственно на свержение капитализма. Прямая социалистическая цель выдвигалась как лозунг революции. А затем революции становились все более частыми, но лозунги их, как правило, оказывались менее остроантикапиталистическими. Нет, социализм как цель не исчезал. Но в большинстве случаев он не был непосредственной целью революции. Что это? Снижение уровня общественного развития? Отдаление социалистической цели?

Ни то, ни другое. Дело в том, что развитие общества, развитие капитализма со временем выдвигало на первый план различные задачи. Очень часто они имели непосредственно не антикапиталистическое, а общедемократическое содержание. Это потому, что империализм, подавляя общество, противопоставляя себя всему человечеству, превращал демократию (в широком смысле слова) в фикцию. Это потому, что империализм порождал (или до крайности обострял) такие проблемы, в принципе вполне разрешимые в условиях эксплуататорского общества, которые приобретали взрывчатый характер, становились стимулом общедемократических, нестандартных освободительных движений протеста.

Это не означало, конечно, снижения уровня революционной борьбы, — напротив, речь шла о его повышении: ведь на базе общедемократических лозунгов в движение приходили все новые и новые массы людей, до того

стоявшие вне политики. А значит, революционная борьба становилась все более масштабной. С другой стороны, превращение общедемократических (прежде всего национально-освободительных) лозунгов в лозунги революций означало и другое: массы включились в борьбу против неспособности эксплуататорского строя справиться с проблемами, в принципе для него разрешимыми. Несмотря на все более активную борьбу масс, вызывающую понятное сопротивление «хозяев общества», проблемы эти не только не решались, но, напротив, углублялись. И то, что по своей природе не носило антикапиталистического характера, приобретало со временем именно такой оттенок – в силу неспособности и нежелания старого строя разрешать возникающие насущные задачи.

В наше время, в конце XX в., в сферу активной борьбы оказались вовлечены и проблемы, носящие общечеловеческий, глобальный характер. И эти проблемы, начиная с вопроса о войне и мире, которые империализм решать не может и не хочет, начинают приобретать все более отчетливый не только антиимпериалистический, но и антикапиталистический заряд...

Такова логика истории, логика развития империализма. Стремясь превратить все поприща, все сферы общественной жизни в источник извлечения сверхвысоких прибылей, в орудие эксплуатации массы населения, он тем самым превращает их в сферу социальной борьбы, объективно имеющей тенденцию приобретать антикапиталистическое содержание.

II

Один из основных, наиболее сложных аспектов современного этапа революционного процесса состоит в том, что, с одной стороны, это по-прежнему этап постепенного перехода всего человечества от капитализма к социализму, а с другой – непосредственно назревшей задачей, которую ему предстоит решить, по сути дела предпосылкой дальнейшего движения человечества вперед, стала задача по своему существу общечеловеческая, то есть обеспечение выживания рода людского. Основной силой, все более влияющей на ход событий (при том, что ее влияние может быть и оказывается на деле противоречивым, неоднозначным), был и остается социализм. Но именно сейчас в движение, в борьбу за социальный прогресс (другое дело – сознательно или несознательно)

включаются (и все более широко) силы, очень далекие от социализма и даже враждебные ему: общечеловеческие задачи и требования заставляют их втягиваться в общий поток социальной активности.

В этой связи невольно напрашивается пожелание автору: продолжить теоретическую работу, связанную и с типологией революций нашей эпохи, и с закономерностями их возникновения, протекания и послереволюционного развития. Возможное уже в прошлом нарушение порядка развития, так сказать «перемена местами», отдельных стадий социально-классовой борьбы и самой революции все очевиднее становится своего рода закономерностью. Это и понятно, если учесть, с одной стороны, все более тесное сплетение практически в любой стране самых различных противоречий, а с другой — вовлечение в революционный процесс практически всех стран вне зависимости от уровня их развития и всех слоев общества, вне зависимости от их отношения к социализму.

Встает вопрос и о перспективах сочетания методов революционного и реформистского действия (при сохранении в обоих случаях их революционного содержания), о формах революционного насилия, в частности о соотношении военной и политических, экономических, моральных форм такого насилия. Все эти вопросы в литературе ставятся, но ставятся нередко без учета новизны ситуации, без элемента новизны мышления, необходимость которой порождается не только военно-политическими и военно-техническими факторами, но также и (если говорить о революционном процессе) социально-политическими сдвигами на мировой арене, изменениями в соотношении сил, нынешней, беспрецедентной комбинацией разнохарактерных противоречий общественного развития и т. д.

Из книги Б. И. Коваля хорошо видна динамика современных революций, в том числе динамика изменения роли классов. Речь идет прежде всего о бесспорном возрастании со временем роли рабочего класса, превращающегося из участника революционных движений в их гегемона, а затем руководителя.

Есть и другой вопрос, который находится в стадии исследования. Рядом с традиционным рабочим классом вырастают слои, которые в силу новых тенденций в развитии общественного производства оказываются причастными к кругу непосредственных производителей, которые связаны при этом с самыми передовыми средства-

ми производства, создают их. Речь идет о научно-технической интеллигенции, о техниках, работниках конструкторских бюро. Это — *производители*, живущие на плоды своего труда, — пусть по происхождению, доходам и привычкам они являются часто выходцами из эксплуататорских классов.

Пока что они еще слабо участвуют в собственно революционной борьбе. Но их роль в борьбе за разрешение проблем общедемократического, а тем более общечеловеческого характера резко возрастает. И это — фактор, не обращать внимания на который те, кто думает о будущем, не имеют права.

Количественно эта категория трудящихся быстро растет, в то время как численность рабочего класса в промышленности развитых стран и относительно, и все более абсолютно сокращается. Но дело даже не в его численности, а в его роли в производстве. Она же растет, и чрезвычайно быстро, растет повсеместно.

Автором посвящено немало интересных страниц вопросу о роли армии в революционных движениях. Важны его замечания о том, что эта роль выросла не потому, что армия — военная сила, а потому, что во многих случаях она единственная подготовленная (по уровню образования, сознательности и т. д.) сила, способная быть не просто оппозицией (в развивающихся странах), а действенной силой революционных поворотов. Вопрос важный, заслуживающий и дальнейшего изучения.

Но ведь в какой-то степени и вопрос об армии — это тоже вопрос о новых научно-технических слоях общества, которые более подготовлены, которые держат в своих руках важную часть нервов общественной жизни!

Сказанное никак не отменяет — и не может отменить! — роли пролетариата в революционной борьбе: классовой природой, подобной природе рабочего класса, — природой, делающей пролетариат естественным и самым последовательным противником капиталистического строя, никто, кроме него, в буржуазном обществе не обладает. Но зато новые изменения в структуре труда со всей очевидностью говорят: без союза с техническим трудом, с трудом научным рабочему классу в наше время свою роль сыграть вряд ли удастся.

Речь идет и еще об одном процессе, недостаточно изученном исследователями (в его современном виде), а именно о роли буржуазии. В цитаделях старого общества роль вожака революций она объективно утратила со времени перерастания капитализма свободной конкурен-

ции в империализм. Но даже в этих цитаделях различия позиций отдельных кругов буржуазии, противоречия по вопросу об отношении к перспективам будущего развития, по вопросу в первую голову о войне и мире, становятся все более очевидными. Нет, речь идет не о приобретении какими-то частями буржуазии (речь идет о крупной и средней буржуазии) революционного потенциала. Но у них возникают (и все чаще) поползновения ограничить разумными пределами алчность сверхмонополий, ведущую к подрыву условий существования всего общества.

В развивающихся странах (конечно, по-разному) буржуазия также не играет революционной роли. Но ее антиимпериалистический потенциал, ее стремление к независимости далеко не исчерпаны, а кое-где и нарастают. Это усложняет общую, и без того мозаичную, картину социальной жизни общества. Но это отнюдь не препятствует социальному прогрессу.

Работа Б. И. Коваля наталкивает на все эти вопросы. Автор, что вполне понятно, не ставил перед собой задачи исчерпывающе ответить на них, но некоторые из них им рассмотрены, а другие — поставлены. И очень желательно, опираясь на уже достигнутое, продолжить рассмотрение свежих и интересных проблем. Это позволяет уже накопленный эмпирический материал; этого требуют и уже вполне определившиеся тенденции усложнения революционного процесса — как по характеру задач, которые ему предстоит решить, так и по составу его участников, находящихся друг с другом в самых неожиданных (по меркам прошлых периодов) взаимоотношениях.

III

Изучение революций XX в. с особой остротой демонстрирует, сколь важно в наше время учитывать значение *внешнего фактора* революционной борьбы. Понятно, что *внутренние факторы революции играли и продолжают играть первенствующую роль.* Но с течением времени возрастала (и возрастает) роль внешних факторов классовой борьбы — и позитивного и негативного характера. Это отчетливо показано в книге Б. И. Коваля.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Прежде всего процесс интернационализации производства, обмена, всей общественной жизни, бывший одним из важнейших процессов, присущих мировому развитию с момента

утверждения в большинстве развитых стран капиталистических отношений, неизбежно вел к углублению взаимозависимости процессов развития отдельных стран. Понятно, что и мировой революционный процесс, став мировым, обусловливал взаимосвязь классовой борьбы в разных странах мира. Борьба международного рабочего класса и международной буржуазии, бесспорно, носит всемирный характер; ее отдельные, национальные плацдармы взаимосвязаны. Точно так же взаимосвязаны и разные фронты антиколониальной борьбы. Поначалу, конечно, речь шла скорее об объективной взаимосвязи тех и других, но затем эта взаимосвязь приобретала вполне осязаемый характер. Развивалось взаимодействие — и не только революционных сил, но и сил контрреволюции. При этом контрреволюция, например контрреволюционная буржуазия разных стран, нередко налаживала организационные связи между собой даже раньше, чем революционеры.

Материал, приведенный в книге, позволяет проследить, как развивалась интернационализация классовой борьбы (и контрреволюции), как она поднималась от стадии объективной взаимосвязи, стимулировавшейся самой революционной атмосферой эпохи, к стадии осознанной интернациональной солидарности и взаимопомощи.

Нельзя не заметить, что в вопросе о внешнем факторе социально-классовой борьбы существует немало еще не исследованных аспектов. Ясно, например, что процессы интеграции, развитие транснациональных корпораций создают серьезные новые факторы внешнего характера, важные и для революционной борьбы. Пожалуй, до настоящего времени они дают больше преимуществ силам контрреволюции — рычаги интернационализации находятся в их руках, и это расширяет их поле для маневра. Тем более что преимущества в сфере экономики дополняются преимуществами, предоставляемыми механизмом военных блоков и политических объединений. Но вместе с тем интернационализация, создавая новую базу для международной солидарности, для взаимодействия революционеров, дает определенные преимущества и силам общественного прогресса. Опыта их использования последним пока недостает. В любом случае новых вопросов здесь возникает предостаточно.

Важная сторона проблемы внешнего фактора классовой борьбы — характер и формы развития международной обстановки. Взаимодействие конфронтации, напря-

женности, с одной стороны, разрядки, смягчения напряженности, — с другой, и развития классовых сражений — очень важный момент, требующий изучения в наши дни. В любом случае ясно одно: международное развитие, характер международных отношений (а стало быть, относительную свободу или относительную скованность сил «экспорта контрреволюции») приходится учитывать, чтобы точнее проанализировать те или иные повороты и изгибы классовых битв.

Нельзя не упомянуть и о следующем аспекте вопроса о внешних факторах социально-классовой борьбы. Автор книги разработал интереснейшую статистику — статистику революций XX в. При этом революции подразделены на группы — по их характеру, социальному содержанию. Приведенные цифры представляют большую ценность. Но хотелось бы добавить к соображениям автора еще одно: все революции, взятые им «на учет», начались «сами» — в истории XX в. нет и не было ни одного случая «экспорта революции», — «экспорта», о котором любят говорить империалистические политики и идеологи и легенды о котором они превращают в предлог для «экспорта контрреволюции».

Да, все революции XX в. — результат обострения внутренних социальных противоречий в странах, в которых они произошли, закономерный результат развития капитализма и углубления присущих ему социальных антагонизмов. И если уж искать «виновника» этих революций, их «зачинщика», то это сам капитализм, империализм, его господство, практикуемое им ограбление, эксплуатация людей в «своих» и «чужих» странах.

Конечно, одним из факторов революционного развития в XX в. был и является сам революционный характер нашей эпохи, в том числе и сила примера победивших революций, начиная с Великого Октября. В этом, кстати, одна из причин постоянно предпринимаемых империализмом попыток «закрыть» Советскую Россию, подавить социализм, ослабить силу его примера. Однако и сам характер нашей эпохи, и сила примера победивших революций — это тоже следствие развития капитализма, результат разрешения присущих ему противоречий.

Впрочем, оглянемся на все предыдущие эпохи. Эпоха буржуазных революций, будучи порождением внутренних противоречий феодального строя, мощно стимулировалась примером прежде всего победоносных французской и американской революций конца XVIII в.

И тогда, в ту далекую от нас пору, феодальные про-

тивники этих революций точно говорили об их «незаконности», о неком «экспорте революции». А что же сами эти революции? А они гордо отвечали на эти обвинения своими документами, в которых (как, например, в американской «Декларации независимости») провозглашались принципы народного суверенитета, право народа свергать правительство, стремящееся подчинить его своему «неограниченному деспотизму», то есть право на революцию.

Да, право на революцию было впервые в официальном, государственном плане признано именно новорожденными Соединенными Штатами. И точно так же там было категорически отвергнуто право на контрреволюцию. И вот теперь – о чудовищная игра Истории! – именно Соединенные Штаты выступают как главный экспортер именно контрреволюции, как сила, решительно и безоговорочно отрицающая право народов свергать правительства, стремящиеся подчинить народы своему «неограниченному деспотизму»!

Если вернуться к статистике Б. И. Коваля, то к ней можно сделать и еще одно добавление: если не было ни одного случая «экспорта революции», то попыток «экспорта контрреволюции» было столько же, сколько было революций. И в большинстве случаев США либо были инициаторами, организаторами этого беззаконного, циничного «экспорта», либо поддерживали его, стоя за кулисами...

Современные Соединенные Штаты унаследовали не заветы Джефферсона, но «заветы» тех феодально-абсолютистских сил, которые двести с лишним лет назад собирались задушить американскую революцию.

И еще одно соображение – весьма примечательное. Попыток «экспорта контрреволюции» было много. Но *удачных* попыток такого рода становится все меньше... И это тоже примета нашего революционного времени.

* * *

Книга «Революционный опыт XX века» появится в свет в канун семидесятилетия Октября. Думается, это очень уместно; это – удача и автора, и издательства. Книга самым убедительным способом показывает: да, социальные революции – это действительно величайшая движущая сила современной человеческой истории, главный стимул исторического развития в нашем столетии!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное общество переживает переломное время. Приближается новый, XXI век. Что он принесет человечеству? Удастся ли сохранить мир на Земле, сделать жизнь людей лучше, справедливее, гуманнее? Эти вопросы волнуют каждого.

XXVII съезд КПСС дал четкий ответ: дело прогресса и мира можно вполне обеспечить в напряженной и суровой борьбе с силами мировой реакции. Одним из важнейших условий успеха выступает творческое новаторство масс, умелое использование всего богатейшего революционного опыта XX в.

За истекшие после победы Октября семь десятилетий человечество прошло немалую часть этого многотрудного пути. Социализм, первоначально ставший реальностью в нашей стране, превратился в мировую систему. На новый путь развития вышли народы бывших колониальных и зависимых государств. Существенно вырос политический вес международного рабочего класса – основного революционного класса современности, борющегося за преобразование общества на принципах мира и социальной справедливости. Примечательной чертой нашего времени является также небывалый рост демократических движений в несоциалистической части мира, обогащение форм социального протеста трудящихся.

Прогресс человечества осуществляется не по мановению волшебной палочки; это результат героической и упорной борьбы прогрессивных сил, прежде всего международного рабочего класса. Достигнутые в этой борьбе завоевания – убедительное подтверждение жизненности и верности марксистско-ленинского учения, его огромного созидательного потенциала.

Нынешняя переломная ситуация в развитии мира требует трезвого анализа всего накопленного революционного опыта и подлинно творческого подхода к новым сложным проблемам. Именно такую задачу поставил XXVII съезд КПСС. «Вести правильную, научно обоснованную политику,– подчеркивал М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,– можно, лишь ясно понимая ключевые тенденции реаль-

ной действительности. Глубокое проникновение в диалектику происходящего, его объективную логику, умение делать правильные выводы, отражающие движение времени, — дело непростое, но настоятельно необходимое»[1].

На каждом этапе истории, в каждом регионе и в каждой стране классовая борьба имеет свою специфику. Ее высшие формы выливаются в революции, нацеленные на слом эксплуататорского общества и создание нового, социалистического общества. Взятые в совокупности, эта борьба, эти революции, включая и строительство нового общества, образуют содержание мирового революционного процесса.

Даже современному, весьма искушенному в политике и образованному человеку весьма непросто, однако, представить себе более или менее цельную картину классовой борьбы, характер накопленного в XX в. интернационального революционного опыта. В лучшем случае память восстанавливает лишь наиболее крупные революции. Большинство же происшедших в XX в. революционных взрывов как бы теряются из виду. Между тем не некоторые, а все без исключения революции с их страданиями и кровью, победами и поражениями, взятые в совокупности, все без исключения революционные подвиги больших и малых народов — вот что образует живую ткань мирового революционного процесса как реального явления, а не абстрактной категории. Знать эту впечатляющую и поучительную историю, использовать ее опыт, опираться на него обязан каждый политически грамотный человек, каждый революционер. Это особенно важно в современных условиях.

Советские обществоведы внесли большой вклад в изучение мирового революционного процесса, но, как подчеркнул XXVII съезд КПСС, в настоящее время остро необходимы переход от описания фактов к их теоретическому анализу, отказ от застывших догм и оценок, новое осмысление уроков и опыта истории.

Еще более остро этот вопрос был поставлен на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. В докладе М. С. Горбачева на Пленуме подчеркивалось, что по ряду причин в марксистско-ленинских общественных науках в СССР, и не только в СССР, в последние десятилетия сложилась своеобразная абсолютизация старых, исчерпавших себя теоретических представлений и выводов, получили хождение всякого рода абстрактные суждения и оценки[2]. Особенно ярко подобный недостаток проявляется в освещении проблем революционной борьбы, которая выгля-

дит нередко как сплошное триумфальное шествие трудящихся от одной победы к другой.

Вместо объективного исследования реальных явлений в сфере классовой борьбы на разных этапах истории, особенно после 1917 г., писались, говоря словами М. С. Горбачева, схоластические «трактаты «заздравного» характера, напоминающие порой больше прекраснодушные тосты, чем серьезные научные исследования»[3].

Многие ученые уходили от постановки крупных, обобщающих проблем, ограничиваясь описательным изложением отдельных узких вопросов. Если говорить о проблематике мирового революционного процесса, то в этой сфере знаний сложилось своего рода разделение труда между философами, разжевывающими общие истины о классовой борьбе и революции, и историками, комментирующими конкретные факты из истории политической жизни отдельных стран в те или иные годы.

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС показал пример смелого и честного переосмысления многих аспектов социалистического строительства и советского опыта, пример искреннего и требовательного вскрытия больных вопросов, резкого осуждения негативных моментов. Иными словами, Пленум стал образцом поистине нового политического мышления.

Этот пример служит могучим побудительным стимулом к такому же строго научному рассмотрению успехов и недостатков, достижений и трудностей в развитии мирового революционного процесса, в том числе к сравнительному изучению опыта революций XX в.

В теоретическом осмыслении и обеспечении передачи этого революционного опыта новым поколениям состоит одна из важнейших функций общественных наук. Более того, сама революционная теория не может развиваться без опоры на революционную практику. Вот почему важно углублять и расширять наши представления о классовой борьбе, ее итогах и перспективах. Опыт XX в. в этом отношении особенно интересен и важен.

Подлинно научный – политический и теоретический – анализ международного революционного опыта содержится в работах В. И. Ленина. Основатель партии большевиков и вождь Великого Октября, опираясь на труды К. Маркса и Ф. Энгельса, создал прочный методологический фундамент анализа общих закономерностей и особенностей современного мирового революционного процесса. Важнейшее место в теоретическом наследии В. И. Ленина занимают проблемы трех российских рево-

люций. Что касается революционного опыта других стран, то и в этом отношении вклад В. И. Ленина поистине велик и многообразен.

Немало глубоких трудов о революционном опыте XX в. создано выдающимися деятелями международного коммунистического движения А. Грамши, П. Тольятти, У. З. Фостером, Г. Димитровым, М. Торезом, Д. З. Мануильским, О. В. Куусиненом и многими другими представителями коминтерновской плеяды. Неоценимым источником по проблемам опыта 20—40-х годов являются документы конгрессов Коминтерна и пленумов Исполкома Коминтерна. Для современного периода особое значение имеют материалы съездов КПСС и других коммунистических партий, труды и выступления их руководителей. Интересные обобщающие труды по проблемам революций созданы советскими и зарубежными учеными-марксистами.

Обозреть сколько-нибудь полно всю марксистскую историографию невозможно, ибо она насчитывает тысячи наименований книг, статей, сборников. Опираясь на эту литературу, автор поставил задачу провести сравнительный анализ конкретного исторического опыта революционной борьбы в мире в XX в. Поскольку речь идет о поистине необозримой теме, пришлось с самого начала ввести ряд жестких ограничений.

Во-первых, пришлось отказаться от специального рассмотрения экономических проблем революционной борьбы. Оправданием такого подхода служит то, что анализ этих проблем по странам и континентам дан в марксистской литературе довольно полно. Политэкономические вопросы империализма, государственно-монополистического капитализма, экономики развивающихся стран в общем изучены неплохо, хотя, разумеется, и здесь имеются «белые пятна» и спорные оценки.

Во-вторых, книга не затрагивает проблем революционного опыта по строительству нового общества. Это относится как к международному опыту социалистического строительства, так и к опыту развития государств социалистической ориентации. Иными словами, в данной работе освещаются в основном политические проблемы борьбы за власть и осуществления революции. Те проблемы и опыт их решения, которые возникают после победы революции, требуют, как нам представляется, особого разговора.

В-третьих, важно было освободить книгу от излишне детального описания исторических событий, ибо детали-

зация всегда уводит в сторону от главного. В то же время минимум исторических сведений абсолютно необходим: он помогает сравнивать, сопоставлять опыт разных стран, понять его специфику. Для доступности изложения пришлось также отказаться от подробных ссылок на использованную научную литературу. В тексте даны лишь самые необходимые сноски.

Эти три ограничения сделаны вполне сознательно, хотя, быть может, кто-то и осудит меня за такой подход. Однако каждый волен избирать свой путь. Если бы я следовал подсказкам, то никогда бы не взялся за эту тему, ибо ничего, кроме предостережений, я ни от кого не слышал. Итак, выбор сделан, и книга написана.

Кратко о методологии работы. Основываясь на методе научного историзма, я пытался соединить вместе исторический и социологический подход к исследованию поставленной проблемы, памятуя, что революционный опыт в целом значительно шире опыта революций, о которых идет речь в книге.

Сравнивать, сопоставлять опыт самых различных революций совсем не просто, но еще труднее выделить некоторые общие тенденции, характерные для того или иного этапа исторического развития или, скажем, региона.

Революции шествуют не по проторенной дороге. На их пути встречаются и непроходимые чащи реформизма, и топкие болота оппортунизма, и предательство попутчиков, и другие неожиданности. Многие революции остановились на полпути или были потоплены в крови. Некоторые потерпели поражение в результате собственных ошибок. Такова жизнь, и идеализировать ее нельзя. Эту истину доказал весь XX век.

Буржуазная наука и пропаганда старались и стараются сделать все, чтобы «доказать» несостоятельность марксистско-ленинской концепции мирового революционного процесса. Возникла даже целая отрасль буржуазной науки — так называемая «социология революции», или «революционология».

Опираясь на труды родоначальников буржуазной социологии О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, А. Адамса, П. Сорокина, а также политологические изыскания старых и новых ренегатов типа К. Каутского, В. Адлера, Р. Гароди, П. Петкова, Ф. Клаудина и им подобных, современные буржуазные специалисты по проблемам «революционологии» стремятся всячески опорочить само понятие революции.

Утверждают, например, что «социальная революция» – это чаще всего верхушечный политический переворот, форма ротации «правящих элит» (Д. Бодин, Б. Адамс, П. Сорокин, Л. Эвардс), а раз так, то историческое значение революций невелико.

Пропагандируется мысль, что под революцией можно понимать вообще любое групповое или массовое действие с целью изменения государственного устройства, слома «конституционного порядка незаконными средствами» (К. Бринтон, Дж. Пети, Р. Тантер).

В буржуазной социологии до сих пор популярна и точка зрения о том, что революция якобы неизбежно ведет к хаосу и насилию (Ч. Эллвуд), к опасному нарушению «социального равновесия» и стабильности системы (Ч. Джонсон), а посему в высшей степени нежелательна[4]. Вместо революции проповедуются реформа и модернизация капиталистического строя с целью упрочения его стабильности.

Эти и другие «открытия» буржуазных «революционологов» лишь затемняют суть дела. В глазах буржуазных идеологов революционные «локомотивы истории», о которых писал К. Маркс, превращаются в некое подобие порожних вагонов, случайно сбившихся с пути и катящихся неизвестно куда и зачем, внося своим неожиданным появлением безмерный хаос и бессмысленные разрушения.

Все или почти все буржуазные социологи отрицают (прямо или косвенно) главную суть революции как формы (пути) перехода от одной общественно-экономической формации к другой. При таком подходе, естественно, не остается места для современного мирового революционного процесса – единственной силы, действительно способной обеспечить переход от капитализма к социализму и коммунизму.

Крайне узко понимается буржуазными учеными даже та важнейшая функция, как говорил В. И. Ленин, всякой «настоящей революции», которая приводит «к классовому сдвигу», прежде всего к сдвигу в характере государственной власти[5]. Взамен предлагаются рассуждения о ротации «правящих элит», борьбе различных групп и лидеров за власть и т. п.

Для буржуазной «революционологии», и это, пожалуй, главное, типично почти полное (и видимо, сознательное) отрешение от конкретной истории. Все подается в схоластическом, умозрительном и оторванном от реальности виде. Забвение историзма, отрыв от практи-

ки — один из кардинальных пороков буржуазной социологии, которая за бесстрастным структурно-операционалистским разбором механизмов явления упускает само явление во всем его многообразии.

Такая «методология» не помогает познанию истины. Задача состоит в том, чтобы на конкретных исторических примерах проследить реальное развитие мирового революционного процесса в XX в., дать подлинно научную оценку опыта борьбы, накопленного в ходе революционных свершений.

В. И. Ленин как-то заметил: «Учение Маркса... есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*»[6]. Эта оценка схватывает самое главное в той проблеме, которая нас интересует.

Марксисты-ленинцы относились и относятся к боевому наследию как к всеобщей ценности. Особенно важен опыт великих революций и народных освободительных движений, крупных классовых битв и социальных столкновений.

Если выделить главную тенденцию XX в., то налицо поступательный процесс обогащения опыта, укрепления связи теории с практикой, рост сознательного фактора классовой борьбы. Для успешного развития революционного движения, подчеркивал В. И. Ленин, необходим политический опыт самих масс. «Таков — основной закон всех великих революций...»[7]

Почти полтора столетия — от созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом Союза коммунистов до наших дней — марксистско-ленинская наука по крупицам собирала и теоретически обобщала самые эффективные приемы и формы борьбы, многократно проверяя на практике различные методы и подходы. Опираясь на опыт истории, коммунисты решительно отбросили в сторону все негодные и вредные «рецепты» вроде расчетов анархистов на стихийный бунт и индивидуальный террор, установок синдикалистов на сугубо экономические формы протеста профсоюзов, реформистско-соглашательских призывов к сотрудничеству классов и т. п.

В горниле интернациональной революционной деятельности шаг за шагом формировались революционная стратегия и тактика нашего времени. Революционную теорию, говорил В. И. Ленин, «нельзя выдумать, она *вырастает* из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света»[8].

Конечно, любой, даже самый ценный и самый бо-

гатый опыт — это не икона для поклонения, а совокупность определенных завоеваний и открытий революционной практики, которую, как отмечал В. И. Ленин, нельзя оценивать «по мерке какого-нибудь фантастического идеала», а следует рассматривать как «практическое движение обыкновенных людей...»[9].

Каждая историческая эпоха имеет свой опыт и свои традиции классовой борьбы. Они зависят прежде всего от определенного уровня общих экономических и политических условий той или иной стадии общественного прогресса, а также от конкретной обстановки и степени политического развития классов и социальных групп в каждой стране.

Революционный опыт, понимаемый как обобщенная конкретно-историческая практика людей, а не как идеи и призывы отдельных героических личностей, начал накапливаться лишь тогда, когда в крупные социальные сражения стали втягиваться широкие слои народа.

Первым этапом явились выступления народных низов против феодализма и абсолютизма в Германии (Реформация и Крестьянская война 1524—1525 гг.), в Нидерландской революции (1566—1609 гг.) и буржуазной революции в Англии (1640—1649 гг.), в Войне за независимость английских колоний в Северной Америке (1774—1776 гг.). Во всех этих классовых сражениях массы действовали под руководством своих же эксплуататоров и лишь в некоторых аспектах начали проявлять свои интересы, накапливать свой опыт.

Более богатый и многообразный опыт народные низы приобрели в огне крестьянских войн XVIII в., особенно в ходе Великой французской революции 1789—1794 гг. Плебейские элементы оказали существенное воздействие на все ее развитие. Этот опыт до сих пор сохраняет свое значение.

Революционный опыт XIX в. значительно превзошел по объему и содержанию весь предыдущий. Его наиболее крупными вехами стали война за независимость народов Латинской Америки (1810—1825 гг.), особенно революции 1830 и 1848 гг. в Европе, антиколониальные восстания народов Азии, Балканских стран, Гражданская война 1861—1865 гг. в США и др. Особое место занимает Парижская коммуна 1871 г. — первая пролетарская революция.

В наше время, как и раньше, многие неустойчивые попутчики революции осыпают гневными проклятиями революционное прошлое, заявляют о полной непригодно-

сти его опыта для сегодняшнего дня, о необходимости все и вся ревизовать, «обновить», пересмотреть. Просто диву даешься, как много усилий тратится на то, чтобы оторвать историю от современности, разорвать преемственность революционного опыта.

Нигилизм в отношении революционного прошлого всячески и весьма умело поощряется буржуазией. И это вполне понятно: чем меньше трудящиеся знают историю и традиции борьбы старших поколений, тем проще буржуазии обманывать массы, влиять на их политическое поведение.

Особая опасность презрительного отношения к урокам прошлого возникает тогда, когда скепсис и пессимизм облекаются в псевдоноваторские одежды «модернизма». Этот прием может существенно дезориентировать не искушенных в политике людей, увлечь их на ложный путь.

Не меньший вред революционному движению наносит и догматическое, слепое преклонение перед опытом истории, боязнь критического анализа устаревших традиций, так сказать, ортодоксальный консерватизм. Цепляние за изжившие себя приемы и формы классовой борьбы означает неверие в революционное новаторство масс, ведет к пассивности и страху перед самостоятельным решением в изменившейся обстановке.

Особый интерес для нас представляет мысль В. И. Ленина о полном приоритете опыта классов и масс перед опытом отдельных лиц или организаций. Допускаемые последними тактические просчеты в общеисторическом контексте, как пишет В. И. Ленин, «неизбежно выправляются соответственными группами или классами, заинтересованными в борьбе. Классы не ошибаются: в общем и целом они намечают свои интересы и свои политические задачи соответственно условиям борьбы и условиям общественной эволюции»[10]. В ленинских словах «классы не ошибаются» выражена глубокая убежденность в неодолимой силе революционного опыта народных масс, прежде всего пролетариата.

Хотелось бы отметить еще одну деталь. Важно изучать и учитывать в политике не только положительный, но и отрицательный опыт, не только факторы побед, но и уроки поражений. «Учесть все эти + и − сможет, конечно, только история»[11], — подчеркивал В. И. Ленин. Борющимся классам и партиям не страшны ошибки, ибо их можно исправить, но было бы непростительной безот-

ветственностью повторять просчеты, которые уже имели место в прошлом.

Опыт не есть застывшее, статическое состояние, хотя в описательных терминах он и выглядит как некая окаменевшая данность. На самом же деле это процесс постоянного соотношения, взаимодействия, реального действия с включенным в него наследием.

Ныне политика — это не только главная функция государства и партий, но и огромное «поле жизни», на котором одновременно, каждый по-своему, «трудятся» государства, классы и группы, нации, партии, каждый член современного общества. А это означает, что постоянно растет и объем политического опыта, в том числе и опыта революционного, носителем которого становятся самые широкие массы. Важной научной задачей поэтому является рассмотрение национально-специфических черт и интернациональных характеристик, равно как и исторически обусловленных форм, традиций и методов классовой борьбы в современном мире.

По сравнению с XIX веком или даже с 40-ми годами нашего столетия появились новые оперативные и мощные каналы и средства связи, возросла и развилась сеть международных прямых и косвенных контактов, обмена политической информацией и т. д. Все это оказывает самое прямое воздействие на процесс интернационализации революционного опыта.

Неизмеримо возросла также роль тех общественных институтов, которые обладают богатейшим революционным опытом и используют его в своей политической и идеологической деятельности. Среди них центральное место занимают коммунистические партии, прогрессивные профсоюзы и другие демократические массовые организации.

Повсюду и всегда основным каналом передачи революционного опыта является сама революционная практика. Без нее все застывает на месте, а опыт рассеивается.

Если под этим углом зрения рассматривать процесс передачи революционного опыта как жизненно важной социальной информации от одного поколения к другому, то очевидно, что, чем выше уровень организации класса, прежде всего его партийно-политической системы, тем чище и полнее передается эта информация, тем меньше помех и искажений. В тех странах, где рабочий класс не имеет сильных революционных партий, каждому поколению вновь и вновь приходится проходить тот же путь

исканий, ошибок, испытаний, пройденный до этого другими.

Раскрывая эту сторону дела, В. И. Ленин писал: «Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения»[12]. От того, насколько полно и без искажений передается от поколения к поколению, от одного национального отряда пролетариата к другому выстраданный в борьбе опыт, зависит умение вести революционную массовую борьбу.

Ясно, что ко всякому опыту, в том числе к опыту масс, следует подходить не поверхностно, а творчески, ибо слепое, некритическое перенесение этого опыта на иные условия приводит нередко к серьезным просчетам. В последние десятилетия практика не раз подтверждала справедливость этого вывода.

Завершая предисловие, хотелось бы напомнить глубокое замечание В. И. Ленина: «...политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается... Наука требует, во-первых, учета опыта других стран, особенно, если другие, тоже капиталистические, страны переживают или недавно переживали весьма сходный опыт; во-вторых, учета *всех* сил, групп, партий, классов, масс...»[13]

В нынешней международной обстановке особенно остро необходима именно такая политика, в которой бы органически сочетались наука и искусство. Достичь такого единства можно только на основе глубокого анализа и обобщения всего международного революционного опыта.

Глава первая

ДООКТЯБРЬСКИЙ ЦИКЛ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ XX ВЕКА

Русский пролетариат может гордиться тем, что в 1905 году под его руководством нация рабов превратилась впервые в нападающую на царизм рать миллионов, в армию революции.

В. И. Ленин

1905 год был началом конца «восточной» неподвижности.

В. И. Ленин

ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XX ВЕКА И ЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Первые десятилетия XX в. ознаменовались вступлением капитализма в свою высшую и последнюю стадию — империализм. В социальной плоскости этот переход привел к резкому обострению всех общественных противоречий, к росту милитаризма и развязыванию мировой империалистической войны. В ряде стран — России, Иране, Турции, Китае, Мексике — развернулись буржуазно-демократические революции, образовавшие в своей совокупности более или менее законченный цикл. Наиболее крупной из них явилась революция 1905—1907 гг. в России — первая народная революция XX в.

Давно ушли из жизни те задавленные каторжным трудом питерские рабочие, которые 3 января 1905 г. поднялись на забастовку, превратившуюся в мощное 100-тысячное выступление пролетариата. Далеко в прошлом осталась и воскресная трагедия 9 января, ознаменовавшая начало первой народной революции XX в.

В тот день 140 тыс. рабочих с детьми и родителями, поверив медоточивым проповедям священника Гапона, с хоругвями и иконами в руках и наивной надеждой в сердце двинулись к Зимнему дворцу — резиденции российского самодержавия — «искать правды и защиты». «Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей... — говорилось в петиции. — Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот

страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук».

Даже и сейчас, восемь с лишним десятилетий спустя, нельзя без волнения читать эти слова, за которыми явственно видится вся безысходность, вся нищета, вся забитость и бесправие народа в царской России.

Далее говорилось: «...не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу — мы умрем здесь на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути — или к свободе и счастью, или в могилу»[1].

В петиции, опубликованной в газете «Вперед» № 4 за 1905 г., в последнем абзаце, где речь шла о двух путях — «или к свободе и счастью, или в могилу», имелась и такая фраза: «Укажи, государь, любой из них, мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы это и был путь смерти». Чем кончилось это мирное шествие, хорошо известно: Николай II приказал солдатам встретить мирную демонстрацию ружейным огнем. Дворцовая площадь обагрилась кровью: почти 4,6 тыс. человек, включая детей и старцев, пали убитыми и были ранены[2].

Но народ, и прежде всего пролетариат, не собирался приносить в жертву царизму свою жизнь; он избрал путь революционной борьбы против самодержавия.

История справедливо покарала царский режим за его глухоту, бессердечие и жестокость. «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. ознаменовало начало конца самодержавия. Под вторым мощным ударом народа, в феврале 1917 г., оно было свергнуто навсегда.

И 9 января 1905 г., и все последующие события первой революции — массовые пролетарские забастовки (в стране в 1905—1907 гг. произошло более 23,6 тыс. стачек, в которых участвовало более 4,6 млн человек)[3], Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г., восстание на броненосце «Потемкин» и более 270 солдатских бунтов, боевые крестьянские выступления, Декабрьское вооруженное восстание в Москве — эти и другие героические эпизоды навсегда вписаны в анналы истории.

Опыт и уроки российской революции 1905—1907 гг. имеют огромное международное значение. Первая революция XX в. и сегодня служит классическим образцом подлинно народной и подлинно демократической революции. «Генеральной репетицией» 1917 г. называл ее В. И. Ленин. Эта образная формула емко и точно отражает истинное место 1905 года в истории России и всемирного освободительного движения.

Но почему буржуазно-демократическая революция стала «генеральной репетицией» революции пролетарской? Ведь первая революция потерпела поражение, а значит, «репетиция» не удалась. Подобного рода рассуждения нередко встречаются на страницах солидных исторических трудов западных авторов.

«Репетиция» 1905 г. на самом деле удалась, поскольку состоялся первый полный выход на главную политическую сцену всех основных и второстепенных героев. Все классы, слои, партии, группы — революционные и контрреволюционные, активные и пассивные, последовательные и колеблющиеся, «верхи» и «низы», сторонники самодержавия и его враги — все пришли в движение и проявили свой характер, сыграли «свою» роль, причем делали они это не по подсказке, а добровольно, исходя из ситуации и своих собственных интересов. В этом-то и был главный и единственный смысл «генеральной репетиции», во время которой все четко обозначилось и определилось.

Дальнейший ход событий во многом развивался именно в соответствии с «генеральной репетицией». Не случайно через 12 лет так сравнительно легко и успешно удались в феврале 1917 г. второе, а в октябре 1917 г. и третье — главное — действия революции. Мудрым и требовательным режиссером всех трех революционных актов, никому не прощавшим малейшего промаха, неточной реплики или усталости, выступала сама история.

Первая народная революция XX в. открыла целую цепь последующих победоносных революций — и демократических, и антиимпериалистических, и социалистических, которые в своей совокупности определили весь исторический процесс перехода от капитализма к социализму.

Что же ценного было найдено в ходе «генеральной репетиции»? Какие черты опыта 1905 г. выдержали проверку временем и были даже по-своему повторены в других странах?

Этот вопрос и ныне занимает важное, а порой главное место в бурных дискуссиях по проблемам революционного опыта XX в. Буржуазные «специалисты по революции», следуя примеру Э. Бернштейна и К°, пытаются доказать, что все значение революции 1905—1907 гг. свелось к частичной модернизации российского капитализма и либерализации самодержавия, а посему не вышло за узконациональные рамки. Для более развитой Европы, полагал Э. Бернштейн, «русский опыт» вообще

неинтересен и неприемлем[4]. Такая точка зрения до сих пор весьма популярна в западной историографии.

Повторяя зады кадетской концепции, многие современные буржуазные авторы исходят из трех главных постулатов: 1) самодержавие имело надклассовый характер и могло бы еще сыграть позитивную роль, но ему не хватило расторопности, чтобы вовремя предотвратить революцию при помощи реформ; 2) суть мирной реформации (ее главными проводниками были С. Ю. Витте и П. А. Столыпин) состояла в исторически прогрессивной модернизации строя в соответствии с «западными моделями», а революция лишь затормозила этот процесс; 3) народные выступления в 1905—1907 гг., особенно Декабрьское вооруженное восстание, были излишними «насильственными актами черни», которую искусственно возбудили социал-демократические агитаторы.

Буржуазные историки и политологи утверждают, что искать в современности какие-либо отзвуки 1905 г., взаимосвязь с его опытом — занятие бесперспективное, поскольку-де революция 1905—1907 гг. произошла много десятилетий назад, да еще в отсталой и изолированной от остального мира России. Некоторые более изощренные буржуазные социологи используют даже тезис о том, что каждая революция оригинальна и ее копировать нельзя, а посему русский опыт вообще не подлежит никакой интернационализации.

Но как бы ни стремилась буржуазная «революционология» принизить значение 1905 г., история распорядилась иначе: революция 1905—1907 гг. заняла особое место в развитии мирового революционного процесса всего XX века.

Если оценивать самое непосредственное влияние 1905 г. на развитие классовой борьбы и освободительного движения за пределами России, то бросается в глаза несколько тенденций.

Под влиянием 1905 г. произошло общее оживление общедемократических народных движений и были осуществлены революции в Иране, Турции, Мексике, Китае. Разумеется, было бы наивно искать какие-то прямолинейные связи революционных событий в России и других странах. Каждая революция имела свои причины и формы, развивалась под влиянием объективных внутренних факторов. И тем не менее сам факт, что в России народ смело поднялся против могущественного царизма, стимулировал невиданное пробуждение революционных сил в других (особенно в соседних) странах.

Огромное значение для судеб мирового революционного процесса имело то обстоятельство, что в 1905—1907 гг. на практике наглядно доказала всю свою правоту ленинская теория и стратегия, что укрепило позиции большевизма в международном рабочем движении.

Впервые в истории рабочий класс именно в 1905 г. сумел сыграть роль гегемона в народной революции, объединив вокруг себя все трудовые слои общества, и прежде всего крестьянство, т. е. оказал реальное «политическое воздействие на другие элементы населения...»[5]. Это был наглядный и стимулирующий пример для рабочего класса всех других стран. В этом плане неоценимое значение и огромный теоретический и политический интерес приобрела ленинская концепция борьбы за создание революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства как этапа к установлению диктатуры пролетариата.

В 1905 г., в условиях углубления общенационального кризиса, вызванного поражением России в войне с Японией, раскрылась взаимосвязь борьбы против царизма с борьбой против войны и милитаризма. Российский опыт способствовал росту выступлений трудящихся многих стран против угрозы надвигавшейся мировой войны.

И наконец, благодаря опыту 1905—1907 гг. огромный интерес во всем мире вызвало революционное творчество рабочего класса России, создавшего по примеру Парижской коммуны свои собственные органы власти — Советы.

Для целого ряда стран Латинской Америки, Африки и Азии российский опыт приобрел особую практическую ценность не сразу, а лишь спустя несколько лет и даже десятилетий, т. е. тогда, когда сами эти страны вступили в полосу открытых революционных столкновений с империализмом, колониализмом и феодализмом. Иначе говоря, по мере того как развивались революционные процессы в этих странах, возрастало и распространялось международное значение опыта первой народной революции XX в.

Рабочий класс, все трудящиеся до сих пор находят много ценного и полезного в истории 1905—1907 гг. К числу наиболее важных сторон российского опыта для современной Европы, например, относятся такие, как всеобщая политическая стачка, тактика большевиков в отношении Государственной думы, поведение буржуазной либеральной оппозиции, средних слоев, тактика левого блокирования и др.

Здесь, собственно говоря, мы и подходим к той теме, которая нас интересует прежде всего: сохраняется ли международное значение великого опыта 1905 г. для последующих этапов, особенно для современного этапа мирового революционного процесса, и если да, то в чем конкретно это значение проявляется? Теперь, спустя восемь десятилетий, накоплен богатейший международный опыт, который с полнейшей определенностью позволяет говорить о том, что ряд основных черт 1905 г. отражают общие закономерности в развитии народного демократического (еще несоциалистического) революционного процесса на всем протяжении XX в. и во всех странах.

В. И. Ленин, характеризуя международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, писал, что «русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»[6]. И это предвидение великого мыслителя и вождя мирового пролетариата, опиравшегося лишь на опыт революций в Венгрии, Финляндии и Германии, полностью подтвердила практика всех последующих социалистических революций.

Исторический опыт, как представляется, показал и то, что «русский образец» 1905 г. также оказался весьма характерным для всех народных (демократических по содержанию) революций XX в.

Революции не случаются по декрету, а медленно созревают в недрах общества, дожидаясь определенного стечения обстоятельств для своего появления на свет. Иными словами, неизбежность повторения в международном масштабе того, что было в России в 1905—1907 гг., могла подтвердиться в других странах лишь на всем протяжении всех последующих десятилетий вплоть до наших дней.

Разумеется, саму повторяемость некоторых черт революции 1905—1907 гг., как и любой другой революции, нельзя понимать буквально. Никогда не бывало и не может быть в разных странах и в разное время абсолютно аналогичных ситуаций или одинаковой расстановки классовых сил, полностью похожих форм и методов борьбы, точного совпадения в поведении «низов» и «верхов». Каждая революция имеет свою изначальную и историческую уникальность. Не может быть абсолютной копии чужого опыта, как бы интересен и богат он ни был.

Речь идет о том, что в новых условиях и в иной обстановке неизбежна определенная и единая логика каждого типа революции, определенная система самых об-

щих тенденций ее развития. В данном случае нас интересует логика народной революции, решающей не социалистические, а демократические задачи, но руководимая не буржуазией, а пролетариатом. В этом, говоря кратко, и состоит суть первой народной революции XX в. как особого, нового типа революций нашей эпохи.

Логика и алгоритм революции 1905—1907 гг. явились именно тем, можно сказать, классическим образцом, который приобрел международную универсальность. Он был неоднократно подтвержден на практике в целом ряде стран, хотя в каждом случае это подтверждение (повторяемость) осуществлялось самобытно и по-новаторски, чаще всего даже по частям, а не в целом.

Почему же именно революция 1905—1907 гг., а не какая-либо другая крупная революция XIX или XX в. оказалась типичным образцом народно-демократической революции? Ведь до 1905 г. в мире произошла целая серия буржуазных, буржуазно-демократических и антиколониальных революций. Каждая из них внесла существенный вклад в исторический прогресс. Среди них выделялись свои «классические образцы». Однако буржуазные «локомотивы истории», приведя порожденный ими новый общественный строй к его «конечной станции» — империализму, в принципе исчерпали свою двигательную силу. Их опыт и уроки, конечно, не канули в Лету, не рассеялись в историческом пространстве. Но их великое позитивное воздействие продолжалось лишь до тех пор, пока капитализм развивался по восходящей линии.

Конечно, в течение прошедших после 1905 г. восьми десятилетий во многих странах, особенно в Азии, Латинской Америке и Африке, произошли и буржуазные, и буржуазно-демократические революции антиколониального, антиимпериалистического и антифеодального характера. Многие из них имели важное прогрессивное значение. Однако после революции 1905—1907 гг. функции «главного локомотива» истории стали играть революции нового типа, главной силой которых являются сами народные массы.

Революция 1905—1907 гг. по своему социально-экономическому и политическому содержанию еще была буржуазно-демократической, а по характеру движущих сил, формам и масштабам участвующих классов — подлинно народной (пролетарской и крестьянской) революцией. Ее гегемоном выступал рабочий класс. До 1905 г. подобного типа революции история не знала. Во всех случаях, за

исключением пролетарских восстаний в столицах европейских государств в 1848 г. и Парижской коммуны, эксплуатируемые массы действовали в глубине сцены. Ведущую партию исполняла сама буржуазия. Она являлась подлинным гегемоном.

В общеисторическом плане эта особенность ранних буржуазных революций была естественной и закономерной, ибо нарождающаяся буржуазия еще могла выступать действительно по-революционному в борьбе с феодализмом. Но эта закономерность рано или поздно сменилась другой: на авансцену истории постепенно вышли новые силы — трудовые низы во главе с пролетариатом.

1905 год обозначил качественный рубеж. Благодаря гегемонии рабочего класса и мощному народному фактору первая революция XX в. оказалась целиком устремлена в будущее, связана с последующей борьбой за социалистический переворот. В этой ориентации и скрыта особая неисчерпаемая и постоянно обогащающаяся жизненная сила революции 1905—1907 гг. Первая народная революция XX в., Октябрь, социализм и весь современный мировой революционный процесс в итоге оказались особенно тесно, неразрывно связаны, у них единая корневая система.

Вся дальнейшая история классовой борьбы ни в чем не опровергла опыт 1905 г., не отбросила его в сторону, а впитала в себя и в переработанном виде воплотила в жизнь. К числу важнейших интернациональных сторон этого опыта можно отнести следующие:

1) усиление народного фактора революции;

2) постепенное или быстрое контрреволюционное перерождение буржуазии, опасающейся революционной энергии низов больше, чем победы врагов революции;

3) необходимость диалектического сочетания задач демократической революции и задач борьбы за социализм, установления революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян как главного рычага победы революции и ее дальнейшего развития;

4) активное участие пролетариата в народной революции и постепенное выдвижение его на позиции гегемона;

5) решающую роль революционного авангарда в мобилизации и организации масс, завоевании власти и обеспечении перерастания демократической революции в революцию социалистическую.

Говоря о важнейших уроках 1905 г. с точки зрения международного опыта истекших десятилетий, можно

также упомянуть и проблему мелкобуржуазного революционаризма, и роль армии в демократическом перевороте, и проблему путей революции, и типологию революционных ситуаций, и роль вооруженного народного восстания, и многое другое.

Попытаемся вкратце осветить хотя бы некоторые аспекты названных проблем.

Центральной проблемой, имеющей особое значение в современных условиях, является проблема политической гегемонии в демократической революции. Российский опыт интересен тем, что он дает классический образец ее решения в пользу самой революции.

Накануне 1905 г., как подчеркивал В. И. Ленин, почти «всю политическую авансцену занимали либеральные буржуа...»[7]. Что же касается рабочего класса, то он до поры до времени держался как бы в тени, сдерживая себя, сосредоточенно всматриваясь в окружающую обстановку и собирая силы. Лишь в начале января, когда питерские рабочие начали всеобщую забастовку, «революция встала на ноги...»[8].

Ситуация в России, в основном до обнародования Манифеста 17 октября 1905 г., отличалась тем, что на политической сцене действовали три главных лагеря: 1) правительственный (самодержавие, двор, полиция, армия, высшая знать, крепостники-помещики, чиновничество), 2) либерально-буржуазный (земство, буржуазные и мелкобуржуазные группировки, часть либерального дворянства) и 3) революционно-демократический, народный (крестьянство, городские низы, студенчество, часть интеллигенции) во главе с рабочим классом.

Курс правительственного лагеря на прямое насилие и сохранение самодержавия весьма откровенно выразил министр внутренних дел и шеф жандармов В. К. Плеве. Еще за несколько месяцев до 1905 г. он говорил: «Очень может быть, что мы накануне больших потрясений, которые поколеблют государство... Если мы не в силах изменить историческое движение событий, ведущих к колебанию государства, то мы обязаны поставить ему преграды, дабы задержать его, а никак не плыть по течению, стараясь быть всегда впереди... У нас до сих пор, слава богу, еще крепок в народе престиж царской власти и есть у государя верная армия»[9].

Вскоре обнаружилась вся несостоятельность примитивного расчета правительственного лагеря на усмирение революции.

В своем дневнике великий князь Константин Констан-

тинович Романов 21 июня 1905 г., сразу же после восстания на броненосце «Потемкин», записал: «Что это творится в России? Какой-то развал, распадение: точно одежда, затрещавшая, порвавшаяся по всем швам и расползающаяся... Отовсюду приходят вести одна страшнее другой... Это полная революция»[10]. И это признание соответствовало действительности: в стране развертывалась подлинно народная революция.

В этих условиях буржуазные либералы (второй лагерь) с целью навязать революции собственные узкие интересы стали громко ратовать за установление конституционной монархии, признание «всевластного всероссийского земства», объявление свободы слова и союзов, отмену сословий, введение 8-часового рабочего дня и т. д. Они всячески стремились «слиться» с народом, доказать наличие двух противостоящих лагерей – самодержавия и народа и тем смазать разницу между либеральным и революционно-демократическим (пролетарским) взглядом на революцию.

Курс либеральной оппозиции, противостоящей не столько самодержавию, сколько народной революции, образно выразил ближайший сотрудник Плеве Лев Тихомиров: «Кто же спорит? Конечно, *революционеров* должно было подтянуть. Но ведь Россия – не революционерка, и она действительно нуждается в глубоких улучшениях жизни...»[11] Что же подразумевалось под этими «глубокими улучшениями жизни»? А ничего особенного – некоторая либерализация режима, и только.

Лидер кадетов П. Н. Милюков сразу же после Манифеста 17 октября откровенно писал: «...главный смысл нашей тактики заключается в том, чтобы направить само революционное движение в русло парламентской борьбы... наша задача – разоружить революцию, заинтересовав ее в сохранении нового (т. е. монархически-конституционного. – *Б. К.*) порядка»[12]. В этой лаконичной формуле и состоял весь радикализм российского либерализма.

Как удивительно похожи тактика российской буржуазии и поведение буржуазно-оппозиционных кругов в шахском Иране накануне народной революции 1979 г. или, скажем, в Никарагуа, когда развертывалось повстанческое движение против тирании Сомосы. Во всех трех случаях (а на протяжении XX в. десятки раз) либеральная буржуазия одевалась в тогу самой смелой оппозиции, требовала перемен, но, когда народ брался за оружие,

она почти всегда трусливо пряталась в кусты, а зачастую переходила на контрреволюционные позиции. Такое поведение стало своего рода традицией.

Наличие трех главных лагерей — правительственного, либерально-оппозиционного и народно-революционного — было характерно не только для 1905 г., но и для всех последующих демократических революций. Во всех случаях пролетариату и революционному лагерю приходилось вести борьбу как с главным врагом всей нации (самодержавие, фашизм, тирания, колониализм), так и с предательской тенденцией буржуазного и мелкобуржуазного либерализма.

Две социальные войны в условиях противостояния трех главных лагерей — это самая типическая черта не только 1905 г., но и современных революционных процессов, в которых все теснее сплетаются друг с другом демократические и социалистические задачи.

Именно особое сочетание этих минимальных и максимальных целей революции обеспечило политическую почву для того, чтобы роль гегемона в 1905 г. взял на себя рабочий класс. Большевики, как известно, всегда исходили из неразрывности социалистических и демократических задач. В стратегическом плане это соответствовало идее непрерывности революции, перерастания демократической революции в социалистическую.

На определенном этапе (вплоть до февраля 1917 г.) главной задачей всех революционных и — шире — всех демократических сил являлась борьба против самодержавия, ибо, «с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата...»[13]. Из таких же соображений исходят в своей политике и современные поколения революционеров, ведущие в странах Азии, Африки и Латинской Америки борьбу против империализма и внутренней реакции, за национальное и социальное освобождение.

Но дело не только в приоритете общенациональных интересов. В политическом плане любая попытка «перепрыгнуть» через этап демократической революции, как к тому призывали русские троцкисты или левацкие элементы в Чили, Португалии и других странах, означает самый опасный авантюризм и неизбежно ведет к ослаблению революционного лагеря.

Если сравнить поведение основных классов в демократической революции XX в., то прежде всего бросаются в глаза удивительная пассивность и трусость буржуазии. Именно такую траекторию буржуазии — от либе-

ральной оппозиции к контрреволюции — в наиболее полной форме и показал 1905 год.

Эта линия весьма отчетливо наметилась уже в революциях 1848 г. Прежде, и в английской, и в Великой французской революции, буржуазия, писал К. Маркс, была тем классом, который «*действительно* стоял во главе движения»[14]. Ничего подобного уже не было в 1848 г. Имея в виду Пруссию, К. Маркс отметил, что буржуазия развивалась так вяло и медленно, что в итоге «опустилась до уровня какого-то *сословия*, обособленного как от короны, так и от народа, оппозиционно настроенного по отношению к ним обоим, нерешительного по отношению к каждому из своих противников в отдельности, так как она всегда видела их обоих впереди или позади себя; она с самого начала была склонна к измене народу и к компромиссу с коронованным представителем старого общества, ибо она сама уже принадлежала к старому обществу...»[15].

Эта Марксова оценка полностью применима и к российской буржуазии. Она не верила ни в себя, ни в народ, брюзжала против «верхов», страшилась «низов», была лишена всякой энергии и инициативы.

Именно так вела себя буржуазия многих стран в XX в. (Австрия, Германия, Венгрия, Чили, Португалия, Никарагуа и др.). После первой же военно-политической победы народа буржуазия повсюду, даже в странах Азии и Африки, скатывалась в болото контрреволюции. Только сам народ — рабочие, крестьяне, студенчество, часть армии и офицерства, городские средние слои, полупролетарские «низы» — уверенно шел вперед, с корнем вырывая старые традиции, ломая прежнюю политическую надстройку и создавая свою революционно-демократическую диктатуру.

Конечно, далеко не везде пролетариат сумел сыграть роль гегемона, как в 1905 г. Во многих странах почти полностью отсутствовал коммунистический авангард или он не имел достаточной силы. Не так активно, как в России 1905—1907 гг., вело себя крестьянство. И все же, несмотря на эти неблагоприятные факторы, многие, даже очень многие черты первой народной революции XX в. приобрели международное распространение. В зависимости от расстановки классовых сил проблема политической гегемонии по-разному решалась в народных революциях XX в. Если в России рабочий класс, и только он один, мог возглавить борьбу против самодержавия (ни либеральная буржуазия, ни мелкобуржуазные народниче-

ские группы не были способны на последовательные и решительные действия), то во многих странах Латинской Америки, Азии и Африки на роль авангардной силы претендовали в разное время сразу несколько участников антиимпериалистической и антиолигархической революции: рабочий класс, городские средние слои, мелкая буржуазия, патриотическая интеллигенция, демократическое офицерство, а иногда и либеральная буржуазия.

В каждом случае, в зависимости от обстоятельств, успех сопутствовал одному или сразу нескольким претендентам. Возьмем для примера опыт 70-х годов: в Чили, Южном Вьетнаме лидерство прочно взял в свои руки рабочий класс; в Португалии, Никарагуа, Афганистане во главе народных революций поначалу выступали одновременно и рабочий класс, и мелкобуржуазные прогрессивные группы; в Перу, Эфиопии политическая гегемония принадлежала революционной демократии; в Зимбабве руководящую роль пытались исполнить либерально-буржуазные круги; в Иране — религиозно-политическая группировка, а также мелкая и средняя торговая буржуазия («базар»). Все зависело от расстановки и политической активности классовых сил, от уровня их революционности и массовой базы.

Международный опыт XX в. показывает, что налицо некоторые общие тенденции в развитии демократических народных революций. В самой краткой форме это можно суммировать следующим образом.

1. Всем демократическим революциям XX в., как и революции 1905—1907 гг., было присуще буржуазно-демократическое (а не социалистическое) содержание. В России это означало борьбу против самодержавия и помещичьего землевладения, в других странах (Мексика — 1910—1917 гг., Португалия — 1974 г., Ангола — 1975 г., Никарагуа — 1979 г., Афганистан — 1979 г. и др.) борьба велась против средневековых пережитков в экономике, против империализма и тиранических режимов, за демократизацию всей общественной жизни, за независимость и социальный прогресс.

2. Как и в России 1905—1907 гг., в целом ряде последующих демократических революций особым образом переплетались, взаимодействовали демократические и социалистические задачи, шла непосредственная борьба не за переход всей власти в руки буржуазии, а за установление революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян. Только это и означало действительную победу народа.

В ходе борьбы с самодержавием в 1905 г. возникли Советы рабочих, а также крестьянских депутатов. Они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества. В других странах в ходе революционной борьбы еще до свержения старой власти тоже возникали местные органы рабоче-крестьянской диктатуры, в ряде случаев на отвоеванной территории создавались устойчивые формы революционной власти (освобожденные районы в Китае, во Вьетнаме, в Анголе, Лаосе, современном Сальвадоре).

В отличие от 1905 г. многие последующие демократические революции имели, как правило, антиимпериалистический (или даже антиколониальный) освободительный характер, что предопределяло форму и методы деятельности революционно-демократической диктатуры, ее взаимоотношения с патриотическими слоями буржуазии, ее внешнюю политику и т. д. Но эта специфика нисколько не меняла главную суть новой власти как революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян.

Особое значение для деятельности этой диктатуры и перехода от демократической к социалистической фазе революции имело то обстоятельство, что развитие мирового революционного процесса происходило в основном уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда возникла и приобрела характер устойчивого и во многом решающего фактора взаимосвязь народных демократических революций, в какой бы стране они ни совершались, с реальным социализмом, с ходом противоборства двух противоположных общественных систем.

В России в 1905—1907 гг. внешний фактор не благоприятствовал революции. Никакой реальной помощи извне первая революция XX в. не получила и получить не могла, скорее наоборот, само начало открытой борьбы с самодержавием и его ослабление означало помощь всем европейским и азиатским революционным силам. Конечно, огромное позитивное значение имело международное движение солидарности с русскими революционерами, но для успешного исхода борьбы этого фактора было недостаточно.

В последующие десятилетия роль внешней помощи значительно возросла. Благодаря ей удалось отстоять завоевания революции и на Кубе, и в Анголе, и в Афганистане, и во многих других странах.

3. Как и в России в 1905—1907 гг., во многих последующих народных революциях (демократического и антиимпериалистического типа) обнаружилась особая расстановка классовых сил по сравнению с традиционными буржуазно-демократическими революциями XVII—XIX вв.

В революциях XX в. неоднократно повторялось в самых разных ситуациях предательское поведение буржуазии, ее страх перед напором «низов», ее готовность в любой момент предать интересы революции и пойти на сговор с врагом.

Вопрос о роли буржуазии в демократической революции имеет принципиальный характер. Дело в том, что во многих развивающихся государствах Азии и Африки (в меньшей степени в Латинской Америке) буржуазия как класс еще находится на стадии роста, играет в целом прогрессивную роль в экономике и политике, вступая в противоречие с империализмом и латифундизмом. Вместе с тем растут ее противоречия с рабочим классом, что толкает местную буржуазию вправо, к реакции.

4. К характерным чертам революции 1905—1907 гг. и многих последующих революций относится решающее участие широких народных масс, прежде всего рабочего класса, крестьянства и городских слоев, в борьбе за переустройство жизни. Впервые в 1905—1907 гг. народный фактор революции приобрел вполне самостоятельное значение. Именно это обстоятельство и дало В. И. Ленину основания для вывода о новом, народном типе буржуазно-демократической революции, в которой гегемония принадлежит не буржуазии, а пролетариату, во-первых, и чрезвычайно сближены демократические и социалистические задачи, во-вторых.

Характерно, что в большинстве демократических революций XX в., как будет показано ниже, эта черта также проявилась четко и определенно. Именно трудовые низы составляли основную армию революции, ее главную движущую силу.

5. Пятый признак революции нового типа, а именно боевое и массовое участие крестьянства в революции под руководством пролетариата, проявился в революциях XX в. далеко не во всех случаях и весьма по-разному. Что касается общего участия крестьянства в революционном процессе, то здесь ситуация была однозначной: во всех странах имели место стихийные крестьянские выступления и бунты, многие крестьянские семьи принимали прямое участие в повстанческом движении (Куба, Ан-

гола, Никарагуа, Сальвадор) или активно поддерживали партизан. В этом смысле крестьянский элемент сыграл важную роль. Но что касается воздействия рабочего класса на поведение крестьянства, этот момент был выражен слабее, чем в России 1905—1907 гг.

6. «Гегемония рабочего класса,— учил В. И. Ленин,— есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения...»[16] Такое воздействие, естественно, не может возникнуть из ничего, оно нарастает постепенно, в ходе развития классов и классовой борьбы, путем укрепления самого пролетариата и его политического авторитета. По-видимому, на разных этапах борьбы складываются различные уровни и формы гегемонии рабочего класса, которые достигают своей завершенности лишь при установлении диктатуры пролетариата. К прежнему качеству гегемонии пролетариата как лидерству, предводительству, первенству, добровольно признанному другими классами (прежде всего крестьянством и городскими средними слоями), на этом этапе прибавляется очень важная новая категория — сила революционной власти.

Гегемония как руководство союзными силами на этапе демократической революции исключала принуждение и целиком зиждилась на согласии, добровольном признании руководящей роли рабочего класса и его партии. Это обстоятельство требовало от рабочего класса не только определенного признания ценностей и интересов союзников, но и усилий по реальной защите непролетарских интересов трудовых масс народа. Именно в указанном широком смысле, на наш взгляд, следует понимать следующее замечание В. И. Ленина: «Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии»[17].

В России благодаря целому ряду объективных и субъективных причин рабочему классу и его партии удалось «включить» эти интересы в общую стратегию борьбы за демократический переворот и тем самым обеспечить добровольное признание своей гегемонии как передового класса всего народа.

В России политическая гегемония пролетариата стала проявляться уже накануне революции 1905—1907 гг., но по-настоящему реализовалась именно в ходе революции. Важнейшей предпосылкой оформления политического лидерства рабочего класса явилось создание большевистской партии. Политическое преимущество и авторитет революционного пролетариата, завоеванные в 1905 г.,

придали совершенно новый характер всему народному революционному движению.

Гегемония пролетариата формировалась постепенно как в процессе развития самого рабочего класса, так и в ходе становления его взаимоотношений с другими социальными силами. Сам рабочий класс, прежде чем вырасти в руководителя революции, должен был пройти немалый и трудный путь, накопить определенный опыт борьбы с самодержавием и эксплуатацией.

Решающую роль в этом процессе сыграло внесение революционной теории в массовое рабочее движение, т. е. деятельность большевистской партии. В. И. Ленин как-то заметил, что марксизм как передовую революционную теорию Россия поистине выстрадала[18]. Перефразируя эту мысль, можно сказать, что и пролетарская гегемония была также выстрадана в ходе длительной и трудной борьбы рабочего класса, в процессе его социального и политического саморазвития.

Но имелась и другая сторона дела, состоявшая в том, что никакой другой класс в России не мог и претендовать на роль руководителя революции. Если взглянуть на эту сторону, то можно выделить такие факторы.

Крестьянство и городская мелкая буржуазия, будучи активными борцами против самодержавия, не имели по сути дела никакой политической самостоятельности и организованности, традиционно тяготели к поиску более сильного и авторитетного руководителя. Само крестьянство было крайне неоднородно (бедняки, середняки, кулаки), распылено и неорганизованно, в массе своей неграмотно, а посему никак не могло сыграть руководящую роль.

Что касается либерально-буржуазной оппозиции (ее ядро составляло обуржуазившееся дворянство, а не собственно предприниматели-капиталисты, которые политикой почти не занимались), то она не только не могла выступить в роли вождя народной революции против самодержавия, но стояла прямо на контрреволюционных позициях.

В революционной обстановке 1905 г. только пролетариат и его социал-демократический авангард уверенно шли вперед, объединяя вокруг себя крестьянство и городские низы.

В отличие от тех черт формирования – объективных и субъективных – гегемонии пролетариата, которые мы наблюдаем в России, в ряде других стран этот процесс развивался иными путями. В некоторых случаях местная

буржуазия реально претендовала на руководство демократической революцией и пролетариату не всегда удавалось преодолеть буржуазное влияние в массах. Так было в Мексике в период революции 1910—1917 гг. Буржуазное и мелкобуржуазное лидерство было присуще боливийской революции 1952 г., иранской революции 1979 г., революционным антиимпериалистическим процессам в Перу и Панаме, Зимбабве.

Во многих случаях проблема гегемонии пролетариата касалась в основном его воздействия на политическое поведение средних городских слоев, а не крестьянства, которое вело себя весьма пассивно (Чили — 1970—1973 гг., Португалия — 1975 г.).

В целом ряде стран сам пролетариат был развит очень слабо и фактически не мог претендовать на роль гегемона, уступая лидерство революционной демократии. Рабочий класс не имел ни достаточного политического опыта, ни своих марксистских партий.

Постепенно пройдя первую фазу активного соучастия в революции, рабочий класс в целом ряде стран (Куба, Никарагуа, Лаос, Вьетнам, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Афганистан) прочно завоевал руководящие позиции.

Таким образом, в отличие от России, где пролетариат благодаря активной деятельности большевиков еще до революции 1905 г. стал утверждаться на позиции вождя всех трудящихся, во многих перечисленных странах рабочий класс только в ходе самой революции и даже после ее победы, уже в процессе развития революционно-демократической диктатуры народа, постепенно выдвинулся на роль гегемона.

Несмотря на то что первая революция XX в. по ряду причин (недостаточные согласованность и организованность действий пролетариата, несвязанность революционных выступлений рабочих и крестьян, благоприятная для царизма международная обстановка и т. д.) не достигла цели, она ознаменовала вступление мирового революционного движения в новую полосу — в эпоху революционных бурь.

ПРОБУЖДЕНИЕ АЗИИ

Революция 1905—1907 гг. в России, словно гигантское землетрясение, всколыхнула всю Азию. И в прошлые эпохи на этом огромном континенте неоднократно вспыхивали освободительные движения против колониального угнетения (восстание сипаев в Индии в 50-х годах

XIX в., антиимпериалистические бунты в Китае, Персии, Турции), но эти выступления носили локальный, а главное, стихийный характер. Масса «низов» стояла в стороне от политики.

Процессы, связанные с перемещением центра международного революционного движения из Западной Европы в Россию, особенно революция 1905—1907 гг., затронули и сопредельные с ней страны. Россия представляла некую пограничную область между Западом и Востоком. По уровню развития капитализма царская Россия существенно отличалась от стран Азии. Российский капитализм уже вступил в свою высшую стадию, тогда как, например, в Персии (Иране) он только начал набирать силу. Важным отличием было и то, что революции в странах Азии были окрашены в антиимпериалистические, антиколониальные тона. Народы Востока вели борьбу за национальное самоопределение, что создавало объективные предпосылки для всеобщего «слияния» классов в борьбе против чужеземного гнета. Иной являлась в этих условиях и позиция местной буржуазии. Если в Европе и России (к 1905 г.) буржуазия как класс политически сгнила, столкнувшись лицом к лицу с пролетариатом, то на Востоке ситуация была другой. В Азии еще существовала буржуазия, способная реально и активно представлять боевую, последовательную демократию. Главным представителем и социальной опорой освободительного демократизма являлось крестьянство.

Эта тенденция наглядно проявилась в эпоху «пробуждения Азии», т. е. в ходе антиимпериалистических революций в Персии (Иране), Турции и Китае, а также в ходе мексиканской революции 1910—1917 гг. Каждая из них имела как свои неповторимые черты, так и нечто общее, характерное для определенной исторической обстановки начала XX в. Чтобы выявить общее и особенное, обратимся к сравнительному анализу четырех «азиатских», а затем к мексиканской революции.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1911 гг. В ПЕРСИИ (ИРАНЕ)

Эта революция явилась одной из наиболее типичных революций буржуазного, точнее буржуазно-демократического, типа в отсталой полуколониальной стране[19]. В отличие от России Персия (Иран) находилась на феодальной стадии развития и только начала вступать на капиталистический путь. Главной движущей силой тако-

го перехода выступала торговая буржуазия, тесно связанная с крупным землевладением, производящим на рынок. Полное преобладание торгово-ростовщического капитала предопределяло крайне медленный и консервативный путь развития капитализма.

Иранскому обществу предстояло преодолеть два препятствия: 1) полуколониальную зависимость от Англии и России; 2) господство феодально-абсолютистской монархии. Решение таких задач было под силу только народной революции.

Полуколониальная зависимость тормозила развитие национальной экономики и создавала почву для всякого рода политических интриг при шахском дворе. Царизм проявлял заинтересованность в укреплении абсолютной власти шаха, которого охраняла даже специальная казачья бригада. Английский империализм поддерживал оппозиционные настроения и поощрял сепаратизм южных феодальных ханов, стремясь превратить Персидский залив в зону своего постоянного присутствия.

Зависимость от империализма и шахский феодальный абсолютизм породили в конце XIX — начале XX в. довольно широкое движение за установление конституционной монархии. Выразителями этих настроений были разнородные течения пробуржуазного направления и представители торгового капитала. В целом их требования сводились к созданию самых элементарных условий для буржуазного предпринимательства и постепенного ограничения деспотической власти. В этом заключалось нечто принципиально общее между революцией 1905 — 1907 гг. в России и иранской революцией, однако расстановка классовых сил, формы борьбы против абсолютизма, степень самостоятельного участия масс в политической борьбе, роль пролетарских слоев в революции (в Иране пролетариат еще не сформировался как класс; даже спустя 10 лет в стране насчитывалось всего 120 тыс. рабочих[20]) и многие другие показатели оставались весьма различными. Единственное, что почти полностью совпадало, так это поведение царского и шахского дворов, а также либерально-буржуазных оппозиционных кругов. Последние и в России, и в Иране в душе с самого начала стремились к быстрейшему компромиссу с противником и «недопущению» всякой народной инициативы снизу. «Азиатские революции, — писал В. И. Ленин, — показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма...»[21]

Народный характер революции в Иране проявился

достаточно отчетливо, хотя и в значительно меньшем, нежели в России, масштабе. В 1905—1906 гг. в Тегеране, Кермане, Тебризе, Ширазе прошли стихийные массовые демонстрации и рабочие забастовки с требованием «даровать конституцию и созвать меджлис (парламент)». Все чаще стали закрываться базары и лавки. Тысячи человек в знак протеста ушли в бест (метод традиционного пассивного сопротивления, основанный на праве неприкосновенности в мечетях). К этой форме протеста присоединилась часть рабочих, устраивавших нечто вроде сидячих забастовок на территории мечетей. Начался бойкот английских банков. В марте 1906 г. вспыхнули крупные волнения крестьян в Иранском Азербайджане, самой развитой и населенной части страны. Революционно-демократические, мелкобуржуазные силы организовали тайные военизированные секты общества муджахидов («борцов за веру»). Социальной опорой муджахидов были мелкие торговцы и ремесленники, городская беднота, крестьянство. Им принадлежала наиболее активная роль в революции, причем в созданные ими добровольческие отряды федаев («жертвующих собой») входили в основном пролетарские и полупролетарские элементы. Муджахиды требовали реформирования феодально-деспотической системы власти, передачи крестьянам шахских земель, введения демократического законодательства, но они не посягали на устои монархического строя, не выступали за республику, по-видимому опасаясь усиления английского влияния. Их позицию можно условно оценить как радикально-мелкобуржуазную.

Стремление побыстрее прекратить конфликт побудило шаха Музаффара-эд-Дина издать 5 августа 1906 г. указ о введении конституции и созыве меджлиса. По существу повторился русский вариант с Манифестом 17 октября, имевший аналогичные последствия, а именно быстро и окончательно произошло политическое размежевание сил: торгово-буржуазные круги, либеральная оппозиция, духовенство полагали, что борьба на этом закончилась; революционно-демократические силы, особенно городские низы, стремились к продолжению борьбы с отсталостью.

В сентябре 1906 г. в Тебризе была объявлена всеобщая забастовка, были закрыты базары, возник первый в Иране энджумен (объединение выборщиков). В ходе последующей борьбы в ряде городов по примеру российских Советов местные энджумены стали превращаться в некие организации самоуправления. Правда, в отличие

от Советов они возглавлялись чаще всего торгово-буржуазными элементами, а не трудящимися. Такие случаи имели место и в России. Массовой опорой энджуменов являлись, однако, именно пролетарские, ремесленные и торгово-ремесленные слои.

Опасаясь углубления революции, Мохаммед Алишах, вступивший на престол в январе 1907 г., при помощи казачьей бригады под командованием полковника Ляхова в июне 1908 г. совершил контрреволюционный переворот. Меджлис был разогнан, конституция отменена. Этот эпизод удивительно напоминает переворот 3 июня 1907 г. в России, за которым последовала эпоха столыпинской реакции. Однако последствия оказались разными. Если Столыпин набрался храбрости распустить Вторую Государственную думу лишь на этапе спада революции, то иранский шах попытался запугать революцию тогда, когда она еще набирала силу. И в этом он жестоко просчитался. В стране начался новый подъем революционной борьбы, принявшей во многих местах форму вооруженных восстаний.

О перевороте 1908 г. и последующем за ним всплеске революционной волны В. И. Ленин писал так: «В Персии произошла контрреволюция, своеобразно соединившая российский разгон первой Думы с российским восстанием конца 1905 г.»[22]. Первая (булыгинская) дума была созвана по царскому указу от 6 августа 1905 г. и имела сугубо совещательный характер. Под напором пролетариата Николай II подписал 17 октября манифест об учреждении законодательной Государственной думы. Таким образом, Первая (булыгинская) дума была ликвидирована. Самодержавие рассчитывало при помощи такого маневра успокоить массы и приостановить революцию. Вместо этого оно получило Декабрьское вооруженное восстание пролетариата Москвы и ряда других городов. Именно этот период в развитии российской революции В. И. Ленин сравнивает с ситуацией в июне 1908 г. в Иране.

Апогеем революционного подъема в Иране явилось восстание 1908—1909 гг. в Тебризе. Оно проходило под лозунгом восстановления конституции и созыва нового меджлиса. В нем участвовали городские низы, в том числе рабочие. Руководители восстания крестьянин Саттар, рабочий Багир и лидер муджахидов Али Мосью были связаны с бакинскими большевиками. Тебризская группа стремилась проводить «чисто пролетарскую» линию и поэтому оценивала буржуазную революцию в Иране как

реакционное движение. На Иран, таким образом, механически переносились те оценки роли буржуазии в демократической революции, которые были верны в отношении России, но абсолютно не соответствовали иранской ситуации, где буржуазия и пролетариат еще могли вместе выступать против империализма и монархии.

Иранские сторонники большевизма не нашли верного сочетания общедемократических и пролетарских требований и поэтому не получили активной массовой поддержки.

Вооруженное восстание в Тебризе в конечном счете потерпело поражение. Лишь в результате последующего похода на Тегеран революционных частей из северной провинции Гилян и отрядов южных бахтиарских племен под лозунгами сепаратизма Мохаммед Али-шах вынужден был в июле 1909 г. все же отречься от престола в пользу своего малолетнего сына Ахмеда. Конституция 1906 г. была восстановлена. В этом состоял крупный и главный успех демократических сил, но борьба не закончилась. Буржуазные лидеры, взяв власть в свои руки, почти сразу же скатились на контрреволюционные позиции. С помощью полиции и отрядов бахтиаров федайские части, вошедшие в Тегеран в июле 1909 г., были разоружены. После этого революция пошла на убыль.

Окончательный разгром революционно-освободительных сил был достигнут при помощи англо-русской военной интервенции. В декабре 1911 г. меджлис вновь был распущен, действие конституции приостановлено, разогнаны энджумены и отряды федаев, закрыты левые газеты.

Поражение революции 1905—1911 гг., ее незавершенный характер оказались в какой-то мере неизбежны, однако ее значение было огромно. К политической жизни впервые пробудились широкие народные массы, началась ломка феодальной государственной структуры, развернулась активная борьба за независимость. Страна вступила в новый исторический этап своего развития — этап перехода от феодализма к капитализму.

МЛАДОТУРЕЦКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1908—1909 гг.

Почти одновременно с революцией в Иране развернулось антифеодальное и антиимпериалистическое движение в Турции. Османская, или Оттоманская, империя, так же как и Иран, находилась в полуколониальной зави-

симости от Англии, России и Франции. В конце XIX в. в Турцию ринулся германский империализм[23].

Межимпериалистическое соперничество приобрело самые острые формы, оказывая крайне отрицательное влияние на экономическую и политическую жизнь Турции. В этих условиях власть самого султана во многом зависела от умелого лавирования между великими державами, что оказывалось для правящей верхушки даже весьма выгодным.

Особенность турецкой ситуации заключалась в том, что, будучи фактически полуколонией, Османская империя в свою очередь владычествовала над многими другими народами и территориями, проводя жесткий курс порабощения и эксплуатации (Болгария, Албания, Македония, Крит, Сирия, Ливан, Египет, Ирак). Экономическая и политическая жизнь в каждой из этих стран развивалась по-разному, но под тяжелым бременем турецкого господства. Угнетенные национальные меньшинства вели борьбу за свою независимость против деспотического султаната Абдул-Хамида II.

В этой ситуации главным условием прогресса являлось устранение полуколониальной зависимости, ликвидация феодально-тиранического режима, освобождение угнетенных народов Османской империи, обеспечение развития страны по капиталистическому пути. Все эти задачи сплетались в один клубок и могли быть решены лишь в совокупности, а не отдельно друг от друга. Речь, таким образом, еще не шла о завоевании власти рабочими и крестьянами. Задачи революции были значительно скромнее и на первом этапе сводились к установлению конституционной буржуазной монархии взамен монархии абсолютной и феодальной.

В авангарде демократических сил выступали весьма умеренные буржуазные и мелкобуржуазные круги, представленные партией «Единение и прогресс» (младотурки). Главным лозунгом младотурков была триада «Равенство, братство и свобода!». Этот призыв приобрел большую популярность в народе, хотя совершенно не ясно, о каком равенстве и братстве, о какой свободе шла речь. Каждый понимал этот призыв по-своему. Младотурки выступали за сохранение целостности империи и провозглашали всех турецких подданных «равноправными османами». Такая линия, конечно, была далека от признания национальной независимости порабощенных народов, которые видели свою задачу именно в освобождении от турецкого гнета.

Наибольший размах освободительное движение приобрело в Македонии и Албании. Здесь в начале XX в. развернулась даже вооруженная партизанская борьба, начались волнения в армии и на флоте. В этих условиях младотурки попытались при опоре на армию осуществить быструю политическую революцию. Солдатское восстание 28 июня 1908 г. в македонском городе Ресна ознаменовало начало революции, которая распространилась на другие районы. Против султана выступила часть офицерства, городская буржуазия, трудовые низы. И хотя все эти акции носили разрозненный характер и не угрожали монархии, в совокупности они создавали крайне тревожную обстановку.

Спустя месяц султан, опасаясь расширения движения и учитывая опыт России и Ирана, поспешил подписать указ о созыве парламента. «В Турции,— оценивал события В. И. Ленин,— одержало победу революционное движение в войсках, руководимое младотурками. Правда, эта победа — полупобеда или даже меньшая часть победы, ибо турецкий Николай Второй отделался пока обещанием восстановить знаменитую турецкую конституцию»[24]. Младотурки, однако, вполне удовлетворились этой уступкой султана, а войдя в состав правительства и парламента, вовсе успокоились. Такова логика всякой буржуазной, а нередко и мелкобуржуазной революционности.

Тем не менее революция 1908—1909 гг. привела к известному прогрессу: была несколько ограничена власть султана, а в 1909 г. он был низложен. Но младотурецкая революция практически ничего не дала народу. Старые феодальные порядки сохранялись, нисколько не была поколеблена зависимость от иностранного империализма. Более того, курс на «османизацию» других народов был продолжен. Антиимпериалистическое движение при младотурках не получило полного развития, что вызвало явное одобрение держав. В. И. Ленин в связи с этим отмечал: «Младотурков хвалят за умеренность и за сдержанность, т. е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов,— и в то же самое время Турцию продолжают грабить по-прежнему»[25].

Революция, таким образом, отличалась непоследовательностью. Она не развернулась в полную силу. Рабочее движение в Турции только зарождалось. Малочис-

ленный пролетариат не мог сыграть сколько-нибудь самостоятельной роли. Трудовые низы были не организованы. Все их действия носили стихийный характер. Крестьянство еще не пробудилось к активной борьбе. В итоге младотурки оказались без прочной социальной поддержки.

По сравнению с первой российской и даже иранской революциями младотурецкая революция имела ограниченный характер. В. И. Ленин так оценил ее специфику: «Если взять для примера революции XX века, то и португальскую* и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают»[26].

При всей своей ограниченности младотурецкая революция все же дала импульс движению трудовых слоев народа. В стране стали проводиться забастовки, были созданы первые профсоюзы, в 1910 г. в Стамбуле возникла Османская социалистическая партия, действовавшая в рамках социал-реформизма. Наметился определенный сдвиг в развитии антиимпериалистического и антифеодального протеста. Этот сдвиг соответствовал общей тенденции, которую в 1913 г. В. И. Ленин охарактеризовал так: «В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там *еще* идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе *сотни* миллионов людей»[27]. Не осталась в стороне от этого процесса и Турция.

Соглашательская позиция младотурок, слабое участие народных масс, неразвитость пролетариата определили незавершенность революции, а это в свою очередь привело к победе консервативно-помещичьего пути развития капитализма.

Цели буржуазной революции были фактически достигнуты лишь в годы правления Кемаль-паши (Ататюрка). По его инициативе был уничтожен султанат (1922 г.) и провозглашена республика (1923 г.), церковь отделена от государства (1928 г.), предоставлены избирательные

* Под «португальской революцией» имеется в виду республиканский переворот 1910 г., в ходе которого армейские части во главе с либерально-буржуазными элементами свергли Браганцскую династию. Эта типично верхушечная революция не затронула феодальные порядки и не устранила зависимости от английского империализма.

права женщинам (1934 г.), выкуплены иностранные концессии, проведена реформа уголовного права, создана национальная промышленность, проводилась независимая внешняя политика, в частности были установлены дружеские отношения с Советской Россией.

Все это были важные достижения, путь к которым был открыт младотурецкой революцией 1908—1909 гг., деятельным душеприказчиком которой на практике и стал ее активный участник Кемаль-паша. Правда, сам он, следуя младотурецкой традиции, оставался глух к нуждам рабочих и крестьян. Все, что он предпринимал, делалось исходя из интересов предпринимательских кругов. Против рабочего класса и коммунистической партии Кемаль-паша применял самые суровые репрессии.

Младотурецкая революция по сравнению с первой российской и иранской революциями носила преимущественно верхушечный характер, и, если бы не участие солдатских масс в вооруженной борьбе с султанатом, ее с полным основанием можно было бы отнести к классу «революций сверху» [28]. И тем не менее ее значение было для Турции исключительно: она привела к определенному классовому сдвигу в структуре власти, открыла путь вперед, расчистила почву для буржуазно-демократических реформ. Опыт младотурецкой революции показал, что в условиях полуколониальной зависимости и общей отсталости народные массы оказались не в состоянии наложить свой отпечаток на ход событий. Еще раз показала всю свою беспринципность буржуазия. Не отличалось последовательностью и поведение мелкобуржуазных демократов. Со всей очевидностью проявилась слабость младотурецкого руководства, выражавшего не столько народные, сколько буржуазные и мелкобуржуазные интересы.

Эти же черты оказались присущи революции 1911—1913 гг. в Китае.

СИНЬХАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1911—1913 гг.

I

В конце XIX — начале XX в. Китай, как и Иран, фактически оказался разделенным на сферы влияния соперничающих империалистических держав — Англии, Франции, Германии, Японии и России. США в 1899 г. провозгласили доктрину «открытых дверей», намереваясь потеснить своих конкурентов и завоевать прочные позиции в Китае.

Англия прочно удерживала гегемонию на юге Китая и в бассейне реки Янцзы. Франция в 1885 г. добилась льгот на разработку горных богатств юго-западных районов. Царская Россия рассчитывала укрепить свои позиции за счет железнодорожных концессий в Маньчжурии. Япония по Симоносекскому миру 1895 г. получила о. Тайвань и Пескадорские о-ва, пользовалась преференциями в торговле с Китаем. «...Япония,— писал В. И. Ленин,— стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии»[29].

Экономика Китая оставалась крайне отсталой: в земледелии преобладали феодальные порядки, не было общей денежной системы, отсутствовал единый внутренний рынок. Основная часть населения — крестьянство — влачила жалкое существование. Процесс формирования пролетариата не завершился: в 1904 г. число промышленных и железнодорожных рабочих составляло всего 250 тыс. человек[30].

Несмотря на все препятствия, в стране постепенно возникали новые классы: из среды торговцев, помещиков и бюрократии складывалась буржуазия. Все больше людей работало по найму.

В политическом отношении Китай представлял собой феодальное государство с междоусобными распрями и соперничеством милитаристских клик. Находившаяся у власти с XVII в. маньчжурская династия проводила капитулянтскую политику в отношениях с империалистическими державами и жестоко подавляла всякий протест со стороны народа. Противоречия императорского двора с обществом носили крайне острый характер. В итоге антиимпериалистические и антиманьчжурские волнения сплелись в одно целое. В 70-х годах XIX в. по стране прокатилась волна крупных выступлений против иностранных купцов и миссионеров.

В 1895 г. начала действовать первая революционная политическая организация — «Союз возрождения Китая»,— которая видела свою главную цель в свержении маньчжурской династии. Во главе Союза стоял выдающийся революционер-демократ Сунь Ятсен.

Народное возмущение политикой маньчжурской династии вылилось в 1898—1899 гг. в вооруженно-повстанческое движение низших слоев населения — ихэтуаней (борцов за справедливость и согласие) в провинции

Шандунь. Одновременно начались крестьянские волнения в Северном Китае.

Тайное общество «Ихэтуань» (кулак, поднятый во имя справедливости и мира) обучало своих членов особым приемам кулачного боя (иностранная пресса на этом основании называла их «боксерами»). Общество носило религиозно-мистическую окраску. Под лозунгом «Поддержим Цин, смерть иностранцам!» ихэтуани уничтожали здания иностранного типа, разбирали железнодорожные пути, ломали машины и т. д. Это был стихийный протест против всего чужеземного. Отряды ихэтуаней, встречая поддержку населения, быстро двигались к крупнейшим городам Северного Китая. С целью подавления восстания в порту Дагу высадился военный десант сразу восьми держав – Англии, США, Японии, Франции, России, Германии, Италии и Австро-Венгрии.

С разрешения императорского двора, с которым ихэтуани с самого начала были готовы сотрудничать, повстанцы вошли в Пекин и начали осаду иностранных миссий и концессий. Императрица Цыси в свою очередь также объявила войну державам. Вооруженные бои приняли затяжной характер. В августе 1900 г. 40-тысячная армия шести держав – Японии, Англии, Германии, США, России, Франции – заняла Пекин. Императрица Цыси бежала из столицы, но вскоре предала ихэтуаней и вступила в сговор с державами. Войска интервентов в союзе с императорскими войсками в крови потопили восстание ихэтуаней. На Китай была наложена огромная контрибуция. Страна окончательно превратилась в полуколонию.

Однако антиимпериалистическое и антиманьчжурское движение сопротивления продолжалось, причем все чаще оно стихийно выливалось в вооруженную борьбу: революционные демократы возглавляли борьбу масс под лозунгом Сунь Ятсена: «Национализм, демократия, народное благосостояние». Это была линия «боевого, искреннего демократизма»[31]. Так оценивал В. И. Ленин платформу Сунь Ятсена и возглавляемого им «Китайского революционного объединенного союза».

В 1906–1910 гг. в разных провинциях Китая неоднократно вспыхивали вооруженные восстания рабочих, солдат, крестьян против маньчжурского владычества (восстание 30 тыс. шахтеров в провинции Цзянси в 1906 г., выступления крестьян в провинциях Гуандун, Гуанси, Юньнань, восстания солдат в Гуанчжоу в апреле 1910 г., «рисовый бунт» 10 тыс. голодающих крестьян в Чанша в 1910 г. и др.)[32]. Стремясь сдержать рост массового

движения, императорский двор пошел на некоторые реформы и обещал ввести конституцию, но эти маневры никого не обманули.

В сентябре 1911 г. в провинции Сычуань вспыхнуло крупное народное восстание, а в октябре того же года — солдатский мятеж в Учане, расположенном в самом центре Китая, в провинции Хубэй. Эти события положили начало синьхайской революции (1911 год — год «синьхай» по китайскому лунному календарю). Маньчжурский наместник бежал из города. Военное революционное правительство призвало все провинции страны присоединиться к восстанию. К концу ноября 1911 г. 15 провинций провозгласили свою независимость от маньчжурского императорского правительства. Революция триумфально распространялась по всему Китаю[33].

1 января 1912 г. в Нанкине было торжественно провозглашено создание Китайской республики, временным президентом которой стал Сунь Ятсен. Разработанная при его участии «временная конституция» впервые провозглашала равные права всех граждан, свободу слова и печати, организаций, вероисповедания, неприкосновенность личности и т. д.

Это была крупнейшая победа, которая открывала путь к прогрессу. Однако сформированное Сунь Ятсеном правительство, составленное в основном из буржуазных либералов, встало на путь ограничения революции. Спустя полтора месяца, в феврале 1912 г., под давлением сторонников компромисса Сунь Ятсен, стремясь избежать внутренней войны, был вынужден отказаться от президентской должности в пользу генерала Юань Шикая, за спиной которого стояли реакционно-помещичьи слои и империалистические державы. Ошибка Сунь Ятсена имела самые печальные последствия. В ряде провинций реакционные круги стали силой подавлять выступления трудовых слоев. В июле 1913 г. революционеры-демократы под руководством Сунь Ятсена, стремясь переломить ход событий, попытались поднять войска против Юань Шикая, но массы не поддержали «вторую революцию», ибо не получили каких-либо реальных выгод от первой.

Синьхайская революция, несмотря на многие слабости, привела к свержению маньчжурской династии и установлению буржуазно-помещичьей республики. Это был важный успех антифеодальных и антиимпериалистических сил, который пробудил широкие слои не только

в Китае, но и в других странах Азии — в Корее, Вьетнаме, Индонезии, Монголии.

Национальная буржуазия, возглавившая синьхайскую революцию, вела себя более энергично, чем российская, но также в конце концов пошла на компромисс с реакционными помещичьими кругами. В. И. Ленин, оценивая уроки синьхайской революции, писал: «Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик — пролетариат. А в Азии есть *еще* буржуазия, способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию, достойный товарищ великих проповедников и великих деятелей конца XVIII века во Франции. Главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии — крестьянин. Рядом с ним есть уже либеральная буржуазия, деятели которой, подобно Юань Ши-каю, более всего способны к измене: вчера они боялись богдыхана, раболепствовали перед ним; потом,— когда увидали силу, когда почувствовали победу революционной демократии,— они изменили богдыхану, а завтра будут предавать демократов ради сделки с каким-нибудь старым или новым «конституционным» богдыханом» [34].

Революционно-демократическое крыло под руководством Сунь Ятсена действовало по-боевому, но непоследовательно, не веря в силы народа и не имея четкой программы демократических преобразований. Основная слабость революционной партии Сунь Ятсена состояла в том, отмечал В. И. Ленин, что «она *недостаточно* еще смогла втянуть в революцию *широкие массы* китайского народа» [35].

Как в Турции и Иране, так и в Китае народные массы, стихийно поднявшись на революцию, не были организованы, не имели такого вождя, каким являлся пролетариат России в 1905—1907 гг., что прямо сказалось на всех стадиях революционной борьбы. В Иране, Турции и Китае в отличие от России еще отсутствовало самостоятельное рабочее движение, а главное, не было подлинно революционной политической партии, способной руководить широкими массами трудящихся.

Сунь Ятсен наивно рассчитывал объединить под общими лозунгами различные социальные и политические силы и при помощи реформ миновать стадию капитализма для Китая, но выполнить эту задачу он не смог.

В известной степени незавершенный характер революционной борьбы определялся непоследовательностью

местной буржуазии, которая хотела освободиться от зависимости, но опасалась неуправляемой энергии «низов» и посему вела дело к компромиссу. Более энергично действовала мелкобуржуазная демократия, но и она в решающий момент растерялась. В итоге чрезвычайно большую роль в политике стали играть новая армия и всякого рода военные группировки. Эта же тенденция проявилась и в развитии контрреволюции, которая приняла форму господства милитаристских групп. В конечном счете синьхайская революция, свергнув монархию, остановилась в своем развитии.

В Азии начинался процесс пробуждения масс к активной социальной борьбе. Требовалось определенное время для накопления ими собственного политического опыта.

Оценивая значение совершившегося «пробуждения Азии», В. И. Ленин писал: «Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные «цивилизованные» гиены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах» [36].

Демократические революции первых десятилетий XX в. явились поворотным рубежом в развитии освободительных процессов в странах Востока. Важнейшим фактором прогресса на этом этапе явился союз крестьянской демократии и либеральной буржуазии. Однако крестьянство еще не могло до конца провести свою демократическую позицию и в основном шло за либерально-буржуазными группами, которые в решающий момент качнулись вправо. Такая расстановка классовых сил, а главное, слабость народного фактора привели к незавершенности революционного подъема. Тем не менее накопленный в эти годы опыт, особенно опыт антиимпериалистической и антиолигархической борьбы, который приобрели массы, надолго определил формы и методы революционных действий. Благодаря этому опыту значительно возмужал местный пролетариат, окрепла уверенность трудящихся в своих силах. В результате сложилась совершенно иная расстановка классовых и политических сил — участников антиимпериалистического движения.

Такой же поворот наметился и в жизни народов Латинской Америки. Он был ознаменован героической эпопеей крестьянской революции 1910—1917 гг. в Мексике.

Мексика накануне буржуазно-демократической революции 1910—1917 гг. принадлежала к тому типу государств, которые В. И. Ленин не относил к колониальным или полуколониальным территориям, а выделял как особую группу «зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости»[37]. Это обстоятельство неизбежно придавало любому выступлению против феодально-реакционной диктатуры Порфирио Диаса, установленной еще в 1877 г., отчетливо антиимпериалистический, освободительный характер.

На протяжении многих десятилетий мексиканский народ мужественно боролся против реакционного режима Диаса, но разрозненные действия масс не могли привести к свержению власти клерикально-помещичьей олигархии, опиравшейся на поддержку иностранных империалистов. Антинациональная политика диктатуры открывала двери широкому проникновению английских и американских банков, нефтяных и железнодорожных компаний, промышленных монополий, позволяла с огромной выгодой для себя хозяйничать в Мексике. Так, накануне революции американцы контролировали 78% рудников, 72% металлургического производства, 58% добычи нефти, 68% производства каучука и т. д.[38]

Против капитулянтского курса правительства, реакционной внутренней и внешней политики Диаса выступали буржуазные круги, патриотическая интеллигенция, рабочий класс и крестьянство. Либерально-буржуазная оппозиция, которую возглавлял крупный предприниматель и помещик Франсиско Мадеро, считала, что с диктатурой Диаса следует бороться только «законным» путем, т. е. на выборах президента в 1910 г. забаллотировать кандидатуру Диаса. Каких-либо массовых действий против тирании мексиканские либералы всячески избегали.

Иной была позиция трудового люда. В отличие от азиатских стран в Мексике существовал довольно развитый рабочий класс. Численность промышленного пролетариата достигала 400 тыс. человек[39]. С 70-х годов XIX в. в стране действовали профсоюзы, издавались рабочие газеты. В 1907—1910 гг. широкий размах приобрело забастовочное движение.

На юге Мексики в начале XX в. развернулось стихийное крестьянское движение под командованием пеона

Франсиско Вилья (прозвище Панчо Вилья), а на севере с 1906 г. стали действовать партизанские отряды, во главе которых стоял выдающийся крестьянский вожак Эмилиано Сапата.

К середине 1910 г. со всей очевидностью обозначился глубокий общенациональный кризис. Диктатура уже не могла управлять по-старому, но видела выход не в реформах, а в репрессиях и терроре, в еще большем пресмыкательстве перед империализмом. Народ в свою очередь не мог больше терпеть реакционный режим и только ждал повода для революционного выступления[40].

Инициативу в развязывании схватки взяли на себя мадеристы, стремившиеся провести политическую революцию под своим контролем и руководством. Сам Мадеро, желая заручиться поддержкой крестьянства, особенно партизанских армий Панчо Вильи и Эмилиано Сапаты, выдвинул «план Сан-Луи-Потоси» с обещанием возвратить крестьянам отнятые у них в 80-х годах земли, укрепить общинный сектор (эхидо), выкупить часть владений у помещиков, восстановить конституцию 1857 г. и т. п. Это была весьма умеренная буржуазная программа, но она затрагивала интересы народа, и прежде всего 10-миллионного крестьянства Мексики, задыхавшегося от безземелья и нищеты.

В октябре 1910 г. Мадеро, самовольно принявший на себя обязанности временного президента Мексики, призвал к свержению диктатуры Диаса. Это был смелый и решительный шаг, который привел к быстрой поляризации политических сил. Возникло нечто вроде формального двоевластия. Огромное большинство народа встало на сторону Мадеро. Во многих городах и селениях началась вооруженная борьба против правительственных войск. Революционный вулкан пришел в действие.

Главной силой буржуазно-демократической революции являлись партизанские армии крестьян под командованием Панчо Вильи и Эмилиано Сапаты, но ее политическим лидером оставался Франсиско Мадеро. Победы повстанческого народного движения над правительственными войсками и взятие партизанами городов Сьюдад-Хуарес и Куатла, успешные сражения на подступах к г. Куэрнавака в мае 1911 г. привели к перелому сил в пользу революции.

В этих условиях либерально-буржуазное руководство, не желавшее дальнейшего развития демократической революции, пошло на предательский шаг: Мадеро сформи-

ровал в г. Сьюдад-Хуарес правительство и вступил в переговоры с представителями Диаса о прекращении военных действий при условии ухода диктатора в отставку.

По соглашению об умиротворении, подписанному 21 мая 1911 г., крестьянские повстанческие отряды подлежали разоружению и роспуску. Армия Сапаты отказалась сдать оружие и продолжала марш на столицу, но вынуждена была в конце концов остановиться. В Мехико в конце мая стихийно начались массовые демонстрации, завязались вооруженные схватки с войсками Диаса. В ночь с 25-го на 26 мая 83-летний диктатор бежал из своего дворца.

Это была крупная, но еще не полная победа революции. Народ стремился к глубоким социально-экономическим преобразованиям и не мог удовлетвориться простыми верхушечными перестановками. Иначе оценивал ситуацию Мадеро. В октябре 1911 г. он был избран президентом и сразу же заявил, что на этом «революция окончена». Но это не снизило накала борьбы. Эмилиано Сапата отказался разоружить свою армию и создал в штате Морелос революционную хунту. В ее программе отмечалось, что Мадеро «не привел революцию, которая была так славно начата, к счастливому концу», поэтому он перестал быть подлинным вождем. Народу «надоели обманщики и изменники, которые, выступая в роли освободителей, дают обещания, но, придя к власти, забывают их и превращаются в тиранов»[41]. Это была самая точная и убийственная характеристика предательства либерально-буржуазного течения.

В отместку Мадеро инспирировал враждебную кампанию, обвинив бойцов Эмилиано Сапаты в мародерстве и насилиях. Дальнейшая поляризация сил вылилась в открытую гражданскую войну между крестьянами и буржуазно-помещичьим лагерем. Бывшие союзники превратились во врагов.

Ситуация осложнилась тем, что против Мадеро выступали и крайне правые силы, стремившиеся к реставрации диктатуры Диаса и требовавшие самого жестокого подавления крестьянского движения. С другой стороны, свое недовольство антиимпериалистическим курсом Мадеро выражали державы, и прежде всего США. Американский посол фактически организовал заговор с целью осуществления государственного переворота и передачи власти реакционному генералу Уэрте. США спешно готовились к интервенции, намереваясь подавить крестьян-

скую революцию и установить свой контроль в Мексике, в том числе и над ее центральным правительством.

18 февраля 1913 г. произошел реакционный переворот. Мадеро и некоторые его сторонники были убиты. Власть взял в свои руки ставленник американского посла генерал Уэрта. Силы внутренней и внешней реакции одержали победу.

Но революция на этом не закончилась, а вступила в новый, еще более сложный этап. Теперь с особой ясностью проявилась роль крестьянского движения, которое направило свои удары уже против диктатуры Уэрты и американского империализма. В освобожденных районах повстанцы проводили аграрную реформу, сурово карали врагов революции, устанавливали народную власть по типу революционной хунты в штате Морелос. Однако их действия носили стихийный характер: неграмотные крестьяне не могли сами выработать четкую программу революционных преобразований, нуждались в политическом руководстве.

Этим воспользовались буржуазные либералы, во главе которых после смерти Мадеро встал губернатор штата Коауила Венустиано Карранса. Теперь он объявил себя «вождем революции». Крестьянские полководцы Вилья и Сапата, исходя из сложившейся ситуации, формально признали верховенство Каррансы. Под ударами революционных сил в июле 1914 г. режим Уэрты был свергнут. Вторично власть перешла к либерально-буржуазным силам, на этот раз во главе с Каррансой.

И снова повторилась траектория предательства. Более того, Карранса направил войска против крестьян и даже обманным путем натравил на них так называемые «красные батальоны», сформированные из рабочих. Армия Сапаты оказалась блокированной в штате Морелос, а отряды Вильи отошли к границам США. По существу это означало разгром крестьянского движения. Вслед за этим Карранса обрушил удар против пролетариата, подписав 1 августа 1916 г. декрет о смертной казни за участие в забастовках[42].

Однако социальные противоречия временно отошли на второй план, ибо в марте 1916 г. США начали военную интервенцию, преследуя главной целью полное подчинение Мексики. В этих условиях все силы — и либерально-буржуазные круги, интересы которых представлял Карранса, и крестьянство, и рабочий класс — видели главную и общую задачу в том, чтобы отразить нападение интервентов с Севера. Вновь все классы на время

объединились. После эвакуации американских войск (в феврале 1917 г.) в связи с готовящимся вступлением США в мировую войну внутренние противоречия в Мексике снова обострились. Однако революция переживала спад, и власти Каррансы никто уже серьезно не угрожал.

Завершающим актом мексиканской революции 1910—1917 гг. явилось принятие буржуазно-демократической конституции в феврале 1917 г. Это была самая прогрессивная для своего времени конституция (вводились весьма широкое трудовое законодательство, 8-часовой рабочий день, определялись условия и цели аграрной реформы, принципы внешней политики и т. д.), хотя многие права народа лишь декларировались. Тем не менее свержение реакционной диктатуры Диаса, введение буржуазно-демократических порядков, установление конституционного строя, отражение интервенционистских действий США, а главное, расчистка пути для развития национального капитализма, пробуждение широких масс к политике, накопление ими опыта самостоятельных действий — таковы были главные и исторически важные завоевания мексиканской революции. Глубоко народный характер этой революции выделяет ее в ряду других революций начала века и вплотную ставит вместе с российской революцией 1905—1907 гг.

Основной слабостью мексиканской революции явилось отсутствие союза рабочих и крестьян, неспособность пролетариата возглавить демократический переворот. Буржуазно-либеральные круги, выступившие во главе народных масс, действовали непоследовательно и не только тормозили рост инициативы низов, но и прямо подавляли ее силой, скатываясь на контрреволюционные позиции.

Опыт Мексики показал, что крестьянство — огромная и в условиях этой страны главная сила революции, но сила слабо организованная, нуждающаяся в политическом руководстве со стороны других классов и неспособная сама по себе обеспечить прочную победу демократии.

Мексиканская революция 1910—1917 гг., несмотря на то что она не ликвидировала отсталой аграрной структуры, не обеспечила экономической и политической независимости от империализма, явилась крупной вехой в истории страны. В результате революции резко ускорилось развитие мексиканского капитализма, окрепла национальная буржуазия, прочно державшая в своих руках правительственную власть.

* * *

Демократические революции в Иране, Турции, Китае, Мексике, общий подъем освободительной борьбы в Азии, Латинской Америке и Африке в первые десятилетия XX в. показали, что с наступлением эпохи империализма в этих странах развернулись два параллельных и взаимосвязанных процесса: становление местного капитализма, следовательно, формирование новых классов — буржуазии и пролетариата — и усиленное проникновение в экономику, финансы и политику иностранных монополий.

Эти процессы происходили в сравнительно отсталых феодальных или полуфеодальных обществах, для которых были характерны политическая неразвитость масс и сохранение самых деспотических и монархо-абсолютистских форм государственного управления. Это выдвигало на первый план задачу борьбы за элементарные демократические требования, против средневековья и забитости, против чужеземного гнета. Естественно, что такие цели объединяли самые различные слои — от бедного крестьянина до зажиточного буржуа-либерала. В этом состояла специфика революционных процессов в указанных странах.

Однако обнаружилось, что по мере пробуждения «низов» и их активного включения в борьбу повсюду происходили поляризация классовых сил и обнажение глубинных внутренних социальных и политических противоречий.

Как и в России в 1905—1907 гг., везде на сцене действовали три «главных героя»:

1) реакционная монархия и помещичья олигархия, нередко выступавшие в союзе с империализмом, хотя и имевшие с ним отдельные противоречия: шахский двор в Иране, Цинская династия в Китае, диктатура Порфирио Диаса в Мексике, султанат Абдул-Хамида II в Турции;

2) либерально-буржуазная и мелкобуржуазная оппозиция, склонная к компромиссу с врагом и опасавшаяся «низов» больше, чем собственного поражения (в Мексике — Мадеро и Карранса, в Турции — младотурки, в Иране — сторонники конституционализма, в Китае — Юань Шикай);

3) революционно-демократические слои, играющие роль основной силы в борьбе за демократический переворот (муджахиды в Иране, партизаны Панчо Вильи

и Эмилиано Сапаты в Мексике, радикальные сторонники Сунь Ятсена в Китае, тебризская группа в Турции).

Примерно такая же расстановка сил была характерна для всех последующих революций демократического типа. Но это сходство весьма условно, ибо сплетение различных черт и событий в каждой стране оставалось оригинальным и неповторимым.

Это различие отчетливо проявилось в роли и силе народного фактора. Повсюду он проявил себя весьма заметно, но лишь в Мексике революция приобрела подлинно народный размах. Основная масса крестьянства шла за буржуазными лидерами, рабочий класс поднимался на самостоятельную классовую борьбу и еще не мог выступить в роли ведущей силы.

Средние городские слои, мелкая буржуазия, интеллигенция повсюду переходили на революционно-демократические позиции, но вели себя крайне непоследовательно, нередко с недоверием и неприязнью относясь к низам и предпочитая революцию «сверху».

При таком соотношении сил революционный процесс развивался непоследовательно, зигзагообразно. На этапе наступления на старую власть всех объединяла общая цель. Формально в авангарде шли либерально-буржуазные круги, но они двигались вперед лишь постольку, поскольку их побуждал к этому народ.

В период взятия власти и утверждения республиканского строя буржуазные лидеры революции везде проявляли удивительную растерянность и неуверенность. Получив от народа завоеванную им власть, многие буржуазные вожди не сумели ее использовать в целях укрепления революции (Мадеро и Сунь Ятсен почти без боя отдали власть в руки контрреволюции, младотурки удовлетворились обещанием султана обнародовать конституцию).

После демократического переворота во всех странах верх брала контрреволюционная тенденция, причем бывшие либерально-буржуазные круги нередко оказывались в стане реакции и силой подавляли народ (Уэрта, Каррансa в Мексике, Юань Шикай в Китае). Такой ход событий был закономерным. Прочного единства между народными массами и их угнетателями быть не могло, хотя на определенном этапе их интересы совпадали, особенно если речь шла о борьбе против деспотизма и чужеземного гнета. Как только власть переходила в руки буржуазии, сразу же обнажались противоречия между нею и народом.

По сравнению с российской революцией 1905–1907 гг. ни в одной из первых революций XX в. рабочий класс не играл и еще не мог играть роль гегемона. Фактически он еще даже не выделился в самостоятельную классовую силу, хотя действовал в ряде случаев очень решительно. В ходе революционной борьбы постепенно формировались предпосылки для роста рабочего движения и распространения марксизма. Все эти революции (Иран, Турция, Китай, Мексика) не увенчались полной победой. Они не покончили с феодализмом, не обеспечили национальную независимость, тем не менее их историческое значение исключительно велико. В ходе боев был накоплен богатый опыт, а главное, к политике потянулись широкие массы. В этом и состоял смысл того процесса, который В. И. Ленин образно назвал «пробуждением».

ФЕВРАЛЬСКАЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ. ОПЫТ ДВОЕВЛАСТИЯ

В первом туре революций XX в. особое место занимает февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. Она как бы подвела итог всей истории, начиная от Парижской коммуны. В отличие от своей предшественницы – революции 1905–1907 гг. – вторая российская революция протекала стремительно и по существу одним ударом покончила с самодержавием. Всего за семь дней – с 23 февраля по 2 марта 1917 г. (с 8 по 15 марта по н. ст.) – была низвергнута царствовавшая в России 314 лет династия Романовых. Такая быстрая победа была подготовлена всем ходом народной борьбы против царизма, начиная с восстания декабристов в 1825 г.

Буржуазные историки и политики полагают, что в таком исходе повинно само самодержавие: поведи оно более гибкую политику, и все обошлось бы без потрясений. «Заговорщиками, свергнувшими царизм, – писал в свое время, например, Д. Ллойд Джордж, – были, в сущности говоря, царица и Распутин; помощь в свержении царизма им оказали неспособные министры...»[43]

Бездарные действия царского правительства отнюдь не укрепляли авторитет самодержавия.

К февралю 1917 г. монархия Николая II полностью обнаружила свою внутреннюю гнилость. Разложение «верхов», коррупция, разгул распутинщины, недееспособ-

ность царского правительства — все это изнутри подтачивало и разъедало самодержавие, однако оно не могло рухнуть автоматически. Оно опиралось на армию, полицию, суды. Среди довольно широких слоев населения еще сильна была некая магическая вера в царя, упование на его высшую волю. Свалить царизм было нелегко. Нужен был мощный революционный взрыв.

В. И. Ленин подчеркивал, что «сугубо дикий и свирепый гнет царизма особенно долго и в особенно разнообразных формах порождал революционеров разных толков, революционеров удивительной преданности, энтузиазма, героизма, силы воли...»[44]. Только совокупный опыт всех поколений революционных борцов — от декабристов до большевиков — позволил в феврале 1917 г. нанести сокрушительное поражение самодержавию.

Февральская буржуазно-демократическая революция выполнила задачи политического демократического переворота. Социально-экономические задачи решены не были. Февраль не дал народу мира, даже не поставил аграрный вопрос, не ликвидировал голод и т. д. Но главное было сделано: свержение самодержавия открыло путь социалистической революции.

За короткие 10 лет после подавления первой революции Россия пережила немало: господство столыпинской реакции, которая путем резкого усиления эксплуатации трудящихся дала мощный толчок развитию капитализма; участие России в мировой войне, приведшее к резкому обострению социальных противоречий и углублению пропасти между царизмом и народом.

В отличие от 1905 г. буржуазия уже фактически приблизилась к власти и в определенной мере влияла через Думу на правительственную политику. Вторая революция поэтому пугала ее не меньше, а даже больше, чем первая. Не случайно буржуазные круги в принципе поддерживали курс Столыпина на модернизацию экономики и подавление классовой борьбы. После поражения Декабрьского восстания 1905 г. в Москве казалось, что Россия не скоро созреет для новой революции. Однако российский пролетариат сумел всего за 4—5 лет преодолеть тяжесть неудачи и вновь стал подниматься на борьбу. Мощная волна забастовок взметнулась в стране в 1912 г. в связи с Ленским расстрелом, причем общее число только политических стачечников, по подсчетам В. И. Ленина, достигло миллиона человек[45].

1912 год В. И. Ленин назвал «годом великого, исторического перелома в рабочем движении России... Рабочий

класс перешел к массовому наступлению на капиталистов и на царскую монархию... Россия вступила в полосу нарастания *новой революции*»[46].

Под влиянием низов наметилось некоторое «полевение» буржуазии. Понимая полную бесперспективность сохранения монархии, она была готова принять республику, но хотела достичь этой цели конституционной реформой, не обижая аристократию, дворянство и царский двор.

Примирить непримиримое оказалось невозможным: не только рабочий класс, но и крестьянство требовало радикальных перемен. Летом 1914 г. волна социального протеста поднялась еще выше. В ряде городов произошли крупные всеобщие забастовки. В Петербурге, например, забастовка охватила 300 тыс. человек. В Москве, Харькове, Баку и других центрах участились вооруженные стычки между рабочими и полицией. Крестьянство и солдатская масса начинали также подниматься на борьбу.

Рост революционных настроений был, однако, временно заторможен начавшейся 1 августа 1914 г. мировой войной. Под влиянием правительственной пропаганды и призывов лжепатриотов «забыть» внутренние распри среди части трудящихся, в том числе и рабочих, стали распространяться социал-шовинистические взгляды.

В воззвании кадетов от 26 июля 1914 г., например, говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг — сохранить страну единой и нераздельной... отложим же внутренние споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия»[47].

Основная часть трудящегося населения поначалу не поняла подлинного характера войны и заняла оборонческие позиции. Однако более всех других именно рабочий класс оказался «иммунизированным в отношении шовинизма»[48].

Четкую классовую оценку войне и военной политике царизма дал В. И. Ленин: «Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»[49].

Обычно при характеристике первой мировой войны главный акцент делается на выявлении ее империалистического, захватнического характера. Нас же в данном случае интересует ее антипролетарское острие. Ведь именно война привела к расколу II Интернационала и международного рабочего движения. Она вызвала явное обострение противоречий между европейской рабочей аристократией и молодым пролетариатом колониальных и зависимых стран. Что касается России, то империалистическая война не ускорила, а отодвинула начало революции.

Лишь большевики сразу же решительно выступили против войны и единения народа с самодержавием. В Манифесте РСДРП, принятом VI съездом партии в июле 1917 г., отмечалось: «Страна с каждым днем становилась все более похожей на паралитика. Разрушение производительных сил, варварское расхищение их приводило к краху. Война, точно огромный вампир, высасывала все соки, отнимала все силы. Нет топлива, нет сырья, нет хлеба. Призрак голода стал гулять по городам, по квартирам бедноты. Бездонная пропасть гибели разверзлась перед страной»[50].

В этих условиях в конце 1916 — начале 1917 г. кризис «верхов» стал для всех очевиден. 17 декабря 1916 г. во дворце князя Ф. Юсупова был убит Распутин. Среди определенных кругов аристократии и буржуазной верхушки созрел план дворцового переворота с целью отстранения от власти Николая II. Однако «спасти Россию» буржуазным деятелям было не дано. Как и в 1905 г., они только разглагольствовали в великосветских салонах о судьбах родины, серьезно о борьбе с царизмом нисколько не помышляя. И тем не менее было бы ошибкой игнорировать определенную роль либеральной буржуазии. В. И. Ленин писал, что «если бы из этой контрреволюционности буржуазных либералов кто-нибудь сделал вывод, что их оппозиция и недовольство, их конфликты с черносотенными помещиками или вообще соревнование и борьба различных фракций буржуазии между собой не может иметь никакого значения в процессе нарастания нового подъема, то это было бы громадной ошибкой и настоящим меньшевизмом наизнанку»[51].

Однако свергнуть монархию и установить республику мог только сам народ, прежде всего пролетариат и солдаты-крестьяне.

Обстановка в феврале 1917 г. сложилась таким обра-

зом, что исход решающей схватки с царизмом зависел в основном от развития борьбы в двух центрах России — Петрограде и Москве, где столкнулись главные силы революции и контрреволюции и откуда шли импульсы во все концы страны. Питерский и московский пролетариат выступал как передовая сила всего освободительного движения. Особый авторитет этим отрядам российского пролетариата придавал опыт революции 1905—1907 гг., а также сосредоточение в Петрограде и Москве закаленных кадров подпольщиков-большевиков.

В. И. Ленин характеризовал петроградский пролетариат как «один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России»[52]. Численность петроградского пролетариата составляла в те годы почти 400 тыс. человек[53].

Важным этапом на пути к революции явилась январская стачка 1917 г. в Петрограде, которая по инициативе большевиков прошла под лозунгами: «Долой царскую монархию!», «Долой войну!» Общее число ее участников достигло 300 тыс. человек[54].

Боевые выступления рабочих произошли 9 января 1917 г. и в Москве, хотя здесь значительная часть пролетариата (общая численность примерно 450 тыс. человек) была подвержена мелкобуржуазному влиянию[55]. В январе 1917 г. бастовало относительно немного московских рабочих (всего 28 тыс. человек), но они вели себя активно и решительно, нередко вступая в рукопашные схватки с полицией и конными жандармами.

Россия стремительно приближалась к новой революции. Как и в 1905 г., инициатива открытой борьбы с самодержавием исходила от рабочего класса. Имелась, однако, существенная разница в расстановке сил. По сравнению с 1905 г. царизм в феврале 1917 г. был значительно слабее и уже утратил былой авторитет в народе. Стихийная вера в царя, расстрелянная 9 января 1905 г., отнюдь не возродилась, а сам Николай II во всех слоях населения воспринимался как слабая и безвольная личность. С другой стороны, правящие круги имели существенное преимущество: в Петрограде в связи с войной были сосредоточены огромные армейские и полицейские силы (всего в столице и ее окрестностях было расквартировано 322 тыс. солдат, а по некоторым данным — более 460 тыс. солдат). В Москве находилось более 100 тыс.

солдат. Военное преимущество царизма вскоре превратилось в его слабость, поскольку большевикам удалось завоевать сильные позиции во многих полках и батальонах, которые в конечном счете выступили на стороне революции.

Вторая российская революция началась в Петрограде 23 февраля (8 марта по н. ст.) 1917 г. с организации стачек и демонстраций под лозунгами солидарности с Международным женским днем, прекращения войны, ликвидации самодержавия. В разных районах города происходили стихийные митинги и шествия. Народные массы заполнили улицы столицы. Рабочие шли с пением революционных песен к центру города. Заслоны полиции были опрокинуты. До поздней ночи продолжались массовые действия с призывами: «Хлеба! Долой войну! Кончай работу!» Некоторые группы солдат и казаков перешли на сторону рабочих.

Пока народ действовал на улице, либеральные политиканы заседали в Думе в поисках путей выхода из кризиса. Революция застала их и царское правительство врасплох. Некоторые высшие чины просто растерялись, другие не поняли смысла происшедшего и рассчитывали, что достаточно будет «припугнуть» народ, чтобы вновь водворился порядок.

Но 23 февраля 1917 г. не было похоже на 9 января 1905 г., ибо пролетариат за годы первой революции и в последующий период прошел огромную школу классовой борьбы.

24 февраля стачка продолжалась, охватив примерно 200 тыс. человек. Повсеместный характер приобрели столкновения с полицией. Новые группы солдат и казаков примкнули к народу. Утром 25 февраля революционное движение возобновилось с новой силой. Число забастовщиков возросло до 300 тыс. человек. К рабочим присоединились ремесленники, служащие, студенчество, интеллигенция. Солдаты все чаще стали отказываться стрелять в народ. Рабочие в свою очередь начали использовать захваченное оружие. Фактически развернулась вооруженная борьба.

А думские деятели продолжали в Таврическом дворце словопрения, подыскивая удобную форму для отречения Николая II. О том, чтобы принять участие в революции, объединиться с народом, они и не помышляли. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко видел якорь спасения в том, чтобы царь назначил новое «ответственное министерство» и добровольно отрекся от пре-

стола в пользу сына, а царица выехала бы на постоянное жительство в Ливадию. Такая нелепая и беспомощная позиция отражала трусость российской буржуазии, ее неспособность сколько-нибудь активно бороться против царизма, ее всепоглощающее желание во что бы то ни стало «обойтись без революции».

Но это была несбыточная мечта: народ России во главе с пролетариатом уже вступил в решающий бой.

26 февраля 1917 г. произошли крупные столкновения с войсками. Погибли десятки людей. Властям казалось, что революция отброшена назад, но расстрел безоружных демонстрантов вызвал новый прилив энергии. Утром 27 февраля на улицы столицы вышло все ее трудовое население — более 800 тыс. человек [56]. Солдаты запасного батальона Волынского гвардейского полка, распропагандированные большевиками, и примкнувшие к ним солдаты Преображенского и Литовского полков также вышли с оружием на улицы столицы с лозунгом «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!». Началось братание рабочих и солдат. Это был переломный момент в развитии революции.

Первым ее успехом явилось освобождение политических заключенных из тюрем. Повсеместно происходило разоружение полицейских и городовых, начался разгром полицейских участков, захват военных складов. Гарнизон фактически вышел из повиновения. Царское правительство еще пыталось опереться на часть войска, но было поздно. Исполнить высшее «повеление о восстановлении порядка в столице» ни царские генералы, ни министры уже не могли. «Петербургские рабочие, — писал В. И. Ленин, — победили царскую монархию. В геройской борьбе против полиции и царских войск, начав безоружными восстание против пулеметов, рабочие привлекли на свою сторону бо́льшую часть солдат петербургского гарнизона» [57].

Пролетариат проявил героизм, увлекая за собой широкие массы трудящегося населения. А горстка помещиков и капиталистов с Гучковым и Милюковым во главе по-прежнему хотела «обмануть волю или стремление громадного большинства, заключить *сделку с падающей монархией*, поддержать, спасти ее...» [58].

Но спасать по существу уже было нечего: монархия полностью изжила себя. Сам царь в момент революции находился в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве, откуда утром 28 февраля выехал в Царское Село. Под давлением обстоятельств монарх в присут-

ствии лидеров думского комитета Гучкова и Шульгина безвольной рукой подписал поздно вечером 2 марта 1917 г. текст отречения: «В согласии с Государственной думой признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть». Корона передавалась брату Николая II «великому князю Михаилу Александровичу». Последний, однако, так растерялся от неожиданности, что, несмотря на настойчивые призывы приближенных «спасти Россию», отказался возложить на себя российскую корону и в свою очередь отрекся от престола, который ему так и не довелось занять.

За нелепой историей с престолонаследием последовала не менее нелепая возня с установлением республиканского строя. Буржуазные политики, образовавшие Временное правительство, оформили это в документе под странным и хитроумным титулом: «Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и признании им всей полноты власти за Временным правительством, возникшим по почину Государственной думы». Так была установлена формальная преемственность власти, о чем и заботились больше всего думские деятели. 1 марта 1917 г. на заседании Временного комитета Думы был сформирован Временный общественный совет министров во главе с князем Г. Е. Львовым.

Одновременно «снизу» шло формирование органов революционной власти. Еще 27 февраля к Таврическому дворцу, где заседала Дума, стихийно потянулись революционно настроенные массы. Многие полагали, что Дума взяла на себя руководство революцией и организацию нового правительства. Рабочие-большевики также пришли в Таврический дворец. Довольно быстро распространилось мнение о необходимости создать Совет рабочих депутатов с целью давления на думский комитет. На заводах сразу же стали выбирать делегатов. В большевистской листовке, выпущенной 27 февраля, говорилось: «Для победы нам нужна организованность, нам нужен руководящий центр движения. Приступайте немедленно на заводах к выборам в заводские стачечные комитеты. Их представители составят Совет рабочих депутатов, который возьмет на себя организационную роль в движении, который создаст Временное революционное правительство»[59].

В тот же день в 2—3 часа дня в левом крыле Таврического дворца собралась группа политических деяте-

лей, связанных с рабочими кругами,— меньшевики Н. С. Чхеидзе и М. И. Скобелев, трудовик А. Ф. Керенский и др. Все они не участвовали в революции, а занимались политическими интригами в рамках Государственной думы. Тонко уловив настроения масс и стремясь опередить большевиков, эти мелкобуржуазные политиканы поспешили назвать себя Временным исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов.

Вечером, примерно в 9 часов, открылось первое заседание Совета, в нем участвовали 240—250 человек, из них примерно 50 — с правом решающего голоса. Председателем Совета был избран Н. С. Чхеидзе, товарищами председателя — А. Ф. Керенский и М. И. Скобелев (в 1922 г. он вступил в члены РКП(б)). В Исполком из 15 человек вошли всего лишь два большевика — А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий, остальные стояли на позициях мелкобуржуазного революционаризма. Эти «вожди» считали, что главная задача Совета состоит всего лишь в содействии окончательной ликвидации самодержавия и утверждении буржуазной республиканской власти. Это была ошибочная позиция, но она отражала общее настроение масс.

И тем не менее создание Совета явилось крупнейшим завоеванием революции. «...В феврале 1917 года,— писал В. И. Ленин,— массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им,— вот кто создал эту форму пролетарской власти»[60].

В результате особого стечения обстоятельств в первые же дни революции оформились два центра власти. Оба размещались в здании Таврического дворца. Все залы, коридоры и комнаты были заняты вооруженными рабочими, матросами, солдатами. «Внезапный хаос пересоздания,— писал Мих. Кольцов,— взмыл старинный дом, расширил, увеличил, сделал его громадным, как при родах, вместил в него революцию, всю Россию. Екатерининский зал стал казармой, военным плацем, митинговой аудиторией, больницей, спальней, театром, колыбелью новой страны... Под ногами хрустит алебастр, отколотый от стен, валяются пулеметные ленты, бумажки, листики, тряпки. Тысячи ног месят этот мусор, передвигаясь в путаной, радостной, никому не ясной сутеге»[61].

Суть запутанности состояла в особенно странном, да-

же неестественном сочетании двух властей, сотрудничавших друг с другом, но представлявших интересы противоположных классов. Двоевластие отражало переходное состояние в развитии революции, которая зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до диктатуры пролетариата.

Совет рабочих депутатов с самого начала обладал огромной силой, но использовал ее неполно и непоследовательно. Мелкобуржуазные руководители Совета сковывали действия масс, полагая, что на смену царизму должна прийти только буржуазная республика. На заседании Исполкома Петроградского Совета, фактически выполнявшего роль Всероссийского Совета, 2 марта была принята позорная резолюция о поддержке Временного правительства, «постольку поскольку» последнее якобы способно защитить интересы революции и народа. В то же время Совет высказался против участия во Временном правительстве. Однако вопреки этому решению А. Ф. Керенский без колебаний дал согласие занять пост министра юстиции в кабинете князя Г. Е. Львова.

Линия Совета даже на условную поддержку Временного правительства была равнозначна политическому компромиссу с либерально-буржуазными кругами. И хотя Совет принял решение об образовании наблюдательного комитета за действиями Временного правительства, это был паллиатив, не столько связавший буржуазии руки, сколько давший ей свободу действий.

Нечеткая политическая линия Петроградского Совета, споры и разногласия, в том числе и в ЦК РСДРП(б), продолжались вплоть до приезда В. И. Ленина в Россию, который в Апрельских тезисах с полной ясностью обосновал новый лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству! Вся власть Советам!»

«Своеобразие текущего момента в России,— указывал В. И. Ленин,— состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»[62].

Советы, писал В. И. Ленин, являются единственно возможной формой действительно революционной власти, поэтому большевики должны завоевать большинство и руководство в Советах, показать массам всю трусливость и оппортунизм меньшевистско-эсеровского вождизма.

Слабость соглашательского большинства Петроград-

ского Совета особенно отчетливо проявилась в дни кризиса, возникшего 3 апреля 1917 г. в связи с нотой министра иностранных дел П. Н. Милюкова к союзным державам, в которой заявлялось о «всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы». По призыву большевиков 21 апреля в Петрограде прошла 100-тысячная демонстрация с требованием мира и передачи власти Советам. Массовые выступления состоялись также в Москве, Харькове, Нижнем Новгороде и других городах. Для Временного правительства сложилась критическая ситуация. В этой обстановке «Советы могли (и должны были),— отмечал В. И. Ленин,— взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны»[63]. Однако руководство Петроградского Совета и на этот раз пошло на сговор с буржуазией. После полученных от Временного правительства «разъяснений» по поводу ноты Милюкова оно заявило, что «инцидент исчерпан». Тем не менее Милюков по требованию масс оказался вынужден вскоре подать в отставку.

5 мая было создано первое коалиционное правительство; в его состав, с согласия Совета, вошли 6 «министров-социалистов», которые стали усердно трудиться над укреплением позиций буржуазного правительства. В результате открылся путь для установления единовластия Временного правительства, прикрывшегося тогой «умеренного социализма». В дни июльского кризиса двоевластию пришел конец. Соглашательский ЦИК Совета добровольно признал за Временным правительством «неограниченные полномочия и неограниченную власть». Так завершилось полное перерождение мелкобуржуазного революционаризма в контрреволюцию и пресмыкательство перед крупной реакционной буржуазией.

Новая обстановка побудила большевиков временно снять лозунг о передаче власти Советам.

В чем же состояла основная причина возникновения самого двоевластия и столь позорной траектории мелкобуржуазных демократов-революционеров? Почему рабочий класс не смог предотвратить соглашательскую линию руководства Петроградского Совета?

Причина добровольного отказа Совета от власти в пользу буржуазного Временного правительства, отмечал В. И. Ленин, заключалась в том, что «гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но

и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»[64].

Характерно, однако, что столичный Совет оказался в большей зависимости от буржуазии, чем Советы на местах (их было создано около 600). Поэтому на периферии революция продвинулась дальше, чем в Петрограде.

Тем не менее в течение четырех месяцев — с апреля до июля 1917 г. — сохранялось некое устойчивое равновесие, некое обоюдное стремление к компромиссу: ни у буржуазии, ни у пролетариата не хватало сил для перехода в наступление. Но длительное время такое положение сохраняться не могло. Кто-то должен был взять верх. В июле этот верх взяла буржуазия.

Опыт двоевластия впервые показал возможность мирного перерастания демократической революции в революцию социалистическую. В. И. Ленин, анализируя этот опыт, писал: «Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была *суть* дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции»[65].

Можно выделить три стороны такой возможности в 1917 г. в России: 1) никто не мог воспротивиться и помешать мирному переходу власти к Советам, т. е. такой переход мог осуществиться почти без боя; 2) внутри самих Советов соперничество классов и партий также могло развиваться наиболее безболезненно, и эсеро-меньшевистское большинство на перевыборах легко могло превратиться в большевистское большинство; 3) и, наконец, «главный грех» мелкобуржуазных слоев и более широких масс — их «доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий», т. е. можно было бы постепенно и «мирно изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с буржуазией»[66].

Июльский кризис показал, что всякие надежды на мирное развитие революции исчезли.

Слабость, шаткость, колебания и доверчивость к буржуазии со стороны российских меньшевиков и эсеров облегчили появление Кавеньяка — Керенского, который обрушился с террором на народ. Эсеры и меньшевики к концу двоевластия, по словам В. И. Ленина, буквально «проституировали Советы, сведя их к жалкой говорильне перед лицом крепнущей бонапартистской контрреволюции»[67].

В классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией, которая развернулась после Февраля, так сказать,

в «чистом виде», бонапартистская власть Керенского была призвана защитить интересы буржуазии не от царизма, а от натиска рабочего класса. Сделать это поначалу можно было только диктаторскими методами, поскольку политически буржуазия еще не окрепла. Бонапартистская власть могла лавировать, опираться на разные фракции и слои, манипулировать массовым сознанием, использовать личный престиж Керенского и т. д. Но такое положение не могло оставаться неизменным.

«Бонапартизм,— писал В. И. Ленин,— есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»[68]. Эта тенденция отразила некую общую закономерность, о чем свидетельствует история Франции (Наполеон III), Германии (Бисмарк), России (Керенский), Мексики (Карранса), Кубы (Батиста), Ирана (шахский режим) и многих других стран.

Россия в 1917 г. с удивительной быстротой «проскочила» через целую эпоху бонапартизма. В других странах для этого понадобились годы и десятилетия. Во многих странах доверие масс к никчемным мелкобуржуазным диктаторам не изжито до сих пор.

Сдвиг в массовом сознании в 1917 г. объяснялся прежде всего той исключительной ситуацией, в которой оказалась в годы войны и революции Россия. «Революция учит все классы с быстротой и основательностью, невиданными в обычное, мирное время»[69]. Благодаря этому путь от доверия к буржуазно-либеральным и мелкобуржуазным вождям, т. е. от неверия в собственные силы к вере в себя, в руководство пролетариата и его большевистской партии, был пройден в России ускоренно и энергично.

Если революция 1905—1907 гг. явилась «генеральной репетицией» Октября, то двоевластие стало его прологом. Международное значение Февраля состоит в том, что весь опыт борьбы от Февраля до Октября 1917 г. показывает возможность и сложность (в том числе и невозможность при ряде условий) двух путей перерастания демократической революции в социалистическую — мирный и немирный. В дальнейшем оба этих пути были неоднократно проверены на практике разных стран: мирный — в Венгрии в 1919 г., затем в 1945—1948 гг. в ряде стран Восточной Европы, затем на Кубе после свержения Батисты и, наконец, в 1970—1973 гг. в Чили; немирный, вооруженный путь был проделан в подавляю-

щем большинстве всех других стран, переживших революции.

Мирное развитие революции В. И. Ленин, как известно, относил к «*крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой... если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее»[70]. В России такая попытка была сделана в марте — июне 1917 г., а затем осенью, в дни разгрома корниловского мятежа, но эти попытки не удались.

В других странах опыт использования мирного пути революции оказался более успешным. Следует заметить, что мирная возможность развития демократической революции, ее, так сказать, «мирная непрерывность», возникала, как правило, уже после вооруженной победы самой демократической революции. Так, в России лишь после вооруженного восстания в Петрограде 27 февраля 1917 г., после того как в кровопролитных схватках с полицией и войсками погибло около двух тысяч человек, уже в период двоевластия открылась известная возможность для мирного перехода власти в руки Советов.

Коренной вопрос всякой революции — это вопрос о власти, но далеко не всегда ясно, где настоящая власть, ввиду расхождения между формальной и реальной властью. «Именно в этом,— отмечал В. И. Ленин,— и состоит одна из главных особенностей всякого революционного периода. В марте и апреле 1917 года неизвестно было, находится ли реальная власть в руках правительства или в руках Совета»[71].

Это чрезвычайно важное замечание В. И. Ленина, с одной стороны, объясняет причину двоевластия, а с другой — дает основу для анализа аналогичных ситуаций в других странах. Массам подчас действительно бывает неясно, «где находится настоящая власть», они не сразу могут распознать разницу между титулом, этикеткой власти и ее содержанием, между формальной и реальной властью.

Вторая революция в России благодаря гегемонии пролетариата зашла так далеко, что открылась возможность не только мирного, но и непосредственного перехода к диктатуре пролетариата, минуя промежуточный этап революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В ряде других стран (Куба, Никарагуа, Эфиопия, Ангола) такой промежуточный этап оказался необходимым.

Важное международное значение имел и другой ас-

пект опыта 1917 г., а именно выявление реакционной сущности попытки мелкобуржуазных демократов-социалистов достичь «классового сотрудничества» с буржуазией. Антиреволюционное (контрреволюционное) содержание такого курса в июле 1917 г. стало совершенно очевидным.

В развитии революционной борьбы наступил новый этап — этап непосредственной подготовки пролетариата к вооруженной борьбе за власть.

* * *

Опыт рассмотренных буржуазно-демократических революций начала XX в. (две российские революции, а также революции в Иране, Турции, Китае и Мексике) явился достоянием не узкого круга революционно-политической элиты и даже не авангарда, а самых широких народных масс. Многие миллионы людей — рабочие, крестьяне, солдаты, студенты, ремесленники, интеллигенция — впервые не только соприкоснулись с большой политикой, но и активно втянулись в классовую борьбу. Разумеется, не все понимали смысл происходящего, чаще действуя по велению сердца, а не разума. Нередко стихия захлестывала массы: они то с покорностью шли за Гапоном или слепо верили Мадеро, то с романтической самоотверженностью поднимали вооруженные бунты и восстания, создавали собственные органы революционной власти на местах (Советы, энджумены, революционные хунты и комитеты).

Широкие слои трудящихся не только пяти названных стран, но и десятков других государств (хотя и косвенно — через каналы интернациональной солидарности) приобрели сведения о важных навыках и приемах борьбы, начали освобождаться от ряда иллюзий и заблуждений, т. е. сделали гигантский шаг вперед по пути своего политического и психологического саморазвития, укрепления боевитости. В политическом обучении масс и состоит основное историческое значение революционного цикла начала XX в.

Разумеется, этим историческая ценность революций начала XX в. не исчерпывается. Огромное международное значение имели конкретные политические итоги революционной борьбы: свержение тирании шаха в Иране и Турции, установление буржуазно-демократических порядков в Китае и Мексике, ликвидация самодержавия в России. Это были крупные вехи в жизни всего мира,

повлиявшие и на экономические, и на политические международные отношения. Именно в эти годы началось активное антиимпериалистическое движение, причем борьба против чужеземных угнетателей теснейшим образом переплелась с борьбой против местных реакционно-олигархических, в основном феодальных, сил. Народные массы, поднявшиеся на демократическую революцию, сразу же связали ее судьбу с борьбой против империализма.

Либерально-буржуазные круги, опасаясь низов, склонны были пожертвовать и султанатом, и самодержавием, но повсюду проявили пресмыкательство перед империализмом, предавая национальные интересы. Однако благодаря народным массам прогрессивные силы сразу же противопоставили себя таким попыткам пресмыкательства и направили свой удар сразу против двух врагов – местной тирании и иностранного империализма.

Международная революционная практика первых десятилетий XX в. оказала огромное воздействие на развитие революционной теории. Выдающаяся роль в обобщении этого опыта принадлежит В. И. Ленину. Революционные бои 1905–1917 гг. вплотную подвели мир к новому историческому рубежу, который ознаменовался победой Великой Октябрьской социалистической революции.

Глава вторая

НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ

За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами *большинство* народа... За нами *верная победа*...

В. И. Ленин

...В каждой стране революция идет особым путем...

В. И. Ленин

ОКТЯБРЬ 1917 г.– ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ XX ВЕКА

Курс на непосредственную подготовку социалистической революции был выдвинут VI съездом большевистской партии в июле 1917 г. Съезд взял курс на подготовку вооруженного восстания с целью свержения буржуазного Временного правительства. В специальной резолюции «О политическом положении» подчеркивалось, что июльский кризис положил конец двоевластию, в результате чего «мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны... Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии»[1].

Борьба за власть могла быть успешной лишь при условии завоевания большевиками перевеса в Советах, обеспечения активной и сознательной поддержки со стороны основной массы пролетариата и хотя бы части армии. Эти условия могли бы дать, однако, лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не смогли привлечь на свою сторону большинство непролетарских трудящихся масс, оторвать их от эсеров и прочих мелкобуржуазных попутчиков революции.

В июне эти условия еще отсутствовали, поэтому восстание было бы преждевременным. В июле – сентябре 1917 г. обстановка с политической точки зрения оказалась еще более тяжелой в связи с репрессиями со стороны правительства и заговором генерала Корнилова, занявшего 18 июля пост верховного главнокомандующе-

го. Новоявленный Наполеон при поддержке империалистических держав 25 августа (7 сентября) поднял мятеж, намереваясь одним ударом подавить революционное движение «низов», а заодно и сбросить «социалиста» Керенского, чтобы самому сесть в кресло военного диктатора.

Корнилов открыто заявлял, что не задумается в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов. «Против Временного правительства я не собираюсь выступать. Я надеюсь, что мне в последнюю минуту удастся с ним договориться»[2].

И этот расчет не был случайным, ибо Керенский в душе сочувствовал Корнилову и сам стремился задушить революцию. «Керенский — *корниловец*, рассорившийся с Корниловым *случайно* и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами»[3], — писал В. И. Ленин в эти тревожные дни.

Политические интересы толкали Керенского и Корнилова к альянсу против народа, но личные амбиции и борьба фракций в стане контрреволюционной буржуазии оказались сильнее. Не желая терять пост министра-председателя, перепуганный Керенский объявил Корнилова изменником, а себя «защитником революции». Однако реальных сил у Временного правительства было не так уж много. Страх перед народом, перед новой революцией сковывал его способность к активному действию против Корнилова.

Неспособной сколько-нибудь решительно выступить против корниловщины оказалась и мелкобуржуазная демократия, прежде всего меньшевики и эсеры, еще имевшие большинство в Советах. В результате вторая возможность перехода власти к Советам мирным путем, возникшая в момент борьбы с корниловщиной, вновь была упущена.

Единственной силой, организованно выступившей против корниловщины и продолжавшей последовательно бороться против Керенского, была большевистская партия. В сложной и запутанной обстановке большевики заняли такую позицию, которая поднимала народ против всех форм контрреволюции, подводила массы к борьбе за социализм. «Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, — писал В. И. Ленин, — но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость... Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*... И агитировать надо *сию минуту* не столь-

ко прямо против Керенского, сколько *косвенно*, против него же...»[4]

По инициативе большевиков в городах, в тылу и на фронте, т. е. везде, где проявляли активность корниловцы, строились оборонительные сооружения, создавались ревкомы, формировались отряды Красной гвардии, рабочие учились владеть оружием. В корниловские части были посланы агитаторы. Питерские рабочие обеспечили революционный порядок в городе. В итоге спустя неделю мятеж потерпел полный провал.

Вопреки расчету Керенского произошло не усиление, а еще большее ослабление власти буржуазного Временного правительства: основная масса трудящихся перешла на сторону большевиков и революции.

В конце сентября в стране назрел глубокий общенациональный кризис, который мог разрешиться лишь новой, социалистической революцией. Обстановка требовала решительных действий. В середине сентября в письме в ЦК партии В. И. Ленин выдвигает конкретную задачу: «Большевики должны взять власть».

Во второй половине сентября — первой половине октября шла интенсивная подготовка восстания. В письме делегатам съезда Советов Северной области, открывшегося 11 октября в Петрограде, В. И. Ленин сделал вывод о том, что настал момент для непосредственного свержения правительства Керенского и потому «должно быть решено и осуществлено это восстание... как можно быстрее, как можно энергичнее... Промедление смерти подобно»[5].

Спустя две недели обстановка накалилась до предела. Вопреки решению ЦК о непосредственной подготовке восстания Каменев и Зиновьев 18 октября в меньшевистской газете «Новая жизнь» опубликовали интервью, в котором высказались против восстания[6]. По заявлению же Троцкого, перемена власти могла бы быть осуществлена только Всероссийским съездом. «Понадобится ли вооруженное выступление — это будет зависеть от тех, кто хочет сорвать Всероссийский съезд...»[7]

В. И. Ленин, прозорливо и точно оценив сложившуюся ситуацию, обратился в ЦК партии со знаменитым письмом, в котором говорилось: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... теперь все висит на волоске... на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Сове-

тов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство... Нельзя ждать!! Можно потерять все!.. ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью. История не простит промедления...»[8]

Итак, всего за несколько часов до начала восстания Троцкий ищет пути «избежать столкновения», а В. И. Ленин настаивает на немедленном выступлении: «...решать дело сегодня непременно вечером или ночью».

Поздно вечером 24 октября в Петрограде началось вооруженное восстание. В течение ночи революционные силы почти без сопротивления заняли вокзалы, телефонную станцию, электростанцию, мосты через Неву, все стратегические пункты. К утру 25 октября (7 ноября) успех восстания в столице окончательно определился. В воззвании «К гражданам России», написанном В. И. Лениным, было объявлено: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета».

В тот же день на экстренном собрании Петроградского Совета В. И. Ленин поставил новую задачу: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства»[9].

А в это время в городе еще продолжались бои. К вечеру революционные силы сосредоточились на подступах к Зимнему дворцу, где укрылись члены Временного правительства. В 9 часов 40 минут выстрел крейсера «Аврора» возвестил о начале атаки. Революция торжествовала свой звездный час. К исходу следующего дня, 26 октября, Второй Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире и Декрет о земле, сформировал Советское революционное правительство во главе с В. И. Лениным.

Бои за власть Советов продолжались в других городах еще несколько дней. В Москве они завершились победой пролетариата лишь 2 ноября. В течение первой недели после 25 октября власть Советов установилась в 16 губернских городах, к концу ноября — почти во всей Центральной России.

Революция прошла триумфальным маршем по России, ознаменовав начало новой жизни всех ее народов. «Теперь мы, на расчищенном от исторического хлама пути,— говорил В. И. Ленин,— будем строить мощное,

светлое здание социалистического общества. Создается новый, невиданный в истории, тип государственной власти, волей революции призванной очистить землю от всякой эксплуатации, насилия и рабства»[10].

Чтобы оценить международное значение третьей российской революции, необходимо выделить два аспекта: 1) определить силу воздействия самого факта победы социалистической революции на другие страны, особенно на развитие в них классовой борьбы, а также на изменение в международной ситуации («широкий» смысл) и 2) выявить в опыте Октября некоторые общие, универсальные тенденции развития самой социалистической революции («узкий» смысл).

Начнем с «широкого» смысла международного значения Великой Октябрьской социалистической революции.

Октябрь расколол мир на две социальные системы. Более глубокого и существенного воздействия на судьбы цивилизации, на ход истории не могло и быть. До этого все революции, даже самые крупные, как, например, Великая французская революция 1789–1794 гг., означали лишь шаг, скачок в развитии эксплуататорского общества.

Последовавшие за Октябрем социалистические революции при всей своей значимости означали продолжение начатого впервые в России перехода к социализму и коммунизму. Сама же победа социалистической революции именно потому, что она была первой, неизбежно приобрела уникальное международное значение в смысле прямого воздействия на мир, на дальнейший ход классовой борьбы, на идеологию и политику противоборствующих сил.

«Великая Октябрьская социалистическая революция, – подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, – **стала переломным событием всемирной истории, определила генеральное направление и основные тенденции мирового развития, положила начало необратимому процессу – смене капитализма новой, коммунистической общественно-экономической формацией»**[11].

Пример России вдохновил трудящихся других стран на свою социальную революцию. В 1918–1921 гг. в Финляндии, Австрии, Германии, Венгрии, Ирландии, Монголии произошли крупные революционные взрывы. В последующем все революции, в каком бы районе мира они ни происходили, постоянно опирались на опыт Октября, всегда получали поддержку реального социализма.

В этой солидарности проявляется неувядающее международное значение Октября в «широком» смысле. Наиболее четко и просто эту мысль выразил Ф. Кастро в речи на Красной площади в Москве 28 апреля 1963 г.: «Кубинская революция стала возможной потому, что задолго до нее совершилась революция 1917 г. в России. Без существования Советского Союза была бы невозможной и социалистическая революция на Кубе!»[12]

Особый аспект международного значения Октября связан с историей рабочего и коммунистического движения. Благодаря героическим усилиям В. И. Ленина и большевиков были заложены прочные основы для становления международного коммунистического движения и создания в марте 1919 г. Коммунистического Интернационала. Развернулась последовательная борьба против правого оппортунизма лидеров II Интернационала и «левого» уклона в самом молодом коммунистическом движении. В ходе сложной и героической борьбы коммунистическое движение превратилось в мощную политическую силу современности.

Под влиянием Октября развернулось освободительное движение в колониях и зависимых странах. Октябрь позволил впервые по-настоящему начать сближение трудящихся масс всех наций и стран в борьбе за социальный прогресс. Создались необходимые предпосылки союза всех национально- (и колониально-) освободительных движений с Советской Россией. В результате этого сдвига народы Азии, Африки и Латинской Америки стали быстро превращаться в активный фактор всемирной политики и революционного антиимпериалистического движения.

В отношении социальных участников мирового революционного процесса речь шла о боевом потенциале крестьянства как союзника пролетариата. И здесь особую роль сыграл ленинский Декрет о земле, который показал крестьянству всего мира, что именно рабочий класс способен защитить его интересы и быть его вождем. Под влиянием российского примера крестьянское движение во многих странах оживилось, стали укрепляться контакты рабочих и крестьян.

Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции проявилось и в том, что благодаря принятию ленинского Декрета о мире Советская Россия вышла из войны, что внесло радикальное изменение в международную политическую ситуацию. Рабоче-крестьянское правительство в первые же часы своего су-

ществования предложило всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом и демократическом мире. Цель этого призыва состояла в том, чтобы навсегда добиться «освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий...»[13]. Октябрь реально помог народам вмешаться в вопросы войны и мира, связать борьбу за мир и социальный прогресс в единое целое.

Этот курс осуществил на практике великий завет К. Маркса, который в Учредительном манифесте Первого Интернационала еще в сентябре 1864 г. указывал: чтобы перестроить международную жизнь, рабочему классу необходимо «самому овладеть тайнами международной политики... добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости... стали высшими законами и в отношениях между народами. Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса»[14].

После победы Великой Октябрьской социалистической революции проблемы войны и мира сразу же получили совершенно новый смысл, поскольку отныне на международной арене друг другу противостояли две социальные системы — капитализм и социализм. Для молодой Советской Республики мир был жизненно необходим, а это значило, что все формы антивоенных действий объективно способствовали этой цели.

Надо было найти путь к обеспечению выживания социализма «рядом с хищником, который вооружен до зубов...»[15]. И выход был найден в политике мирного сосуществования.

Защищая идею Брестского мира, В. И. Ленин предвидел перспективу крайне тяжелой борьбы за обеспечение мирного сосуществования. В докладе на VII съезде РКП(б) он отметил: «...специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма... Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу (т. е. в войну.— *Б. К.*), дошли до невероятных пределов, до мертвой хватки, до того, что ни одна из этих групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против русской революции не могла»[16]. Взаимосвязь социализма и мира, впервые полностью проявившаяся в дни Октября, придала российскому опыту 1917 г. особое международное значение.

Утверждения некоторых современных оппортунистов о том, что Октябрьская революция якобы давно исчерпа-

ла свой политический потенциал, так сказать, навсегда осталась в прошлом и не оказывает уже никакого реального влияния на сегодняшнюю классовую борьбу, полностью противоречат действительности. Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции — и в «широком», и в «узком» смысле — сохраняется и сегодня в своем полном объеме.

Неоднократно в разных странах было подтверждено, что решающим условием победы социалистической революции является активность рабочего класса, его умение привлечь на свою сторону непролетарские массы трудящихся.

Сила примера Октября состояла в органическом переплетении пролетарского движения с общедемократическими потоками — крестьянской борьбой за землю, освободительным движением угнетенных народов, антивоенными выступлениями масс. Слияние революционных потоков возникло не самотеком, а только благодаря гибкой тактике большевиков, сумевших учесть в своих лозунгах интересы всех слоев трудового народа. В этом отношении опыт 1917 г. оказался особенно богатым и поучительным.

В последующих социалистических революциях — и в Венгрии в 1919 г., и в европейских революциях 40-х годов, и на Кубе в 1959—1961 гг. — рабочий класс также выступал в роли самой передовой и организованной силы. Почти везде пролетарские восстания и всеобщие забастовки сыграли роль заключительного аккорда в установлении революционной диктатуры.

Во многом по образцу Октября развивались и взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством. Трудовые низы деревни во многих странах мира увидели в городском пролетариате достойного вождя, в результате чего сложился прочный союз рабочих и крестьян (страны Восточной Европы, Куба, Никарагуа, Лаос, Вьетнам и др.).

Опыт всего XX века показал, что объединение революционных сил рабочего класса и крестьянства при руководстве рабочего класса — главная предпосылка успеха. Не случайно, что, когда это условие отсутствовало, революция, как правило, терпела поражение. И наоборот, там, где этот союз укреплялся, революция успешно развивалась по восходящей линии.

В России впервые было доказано на практике, что беднейшее крестьянство способно стать надежным союзником пролетариата в социалистической революции. Во-

преки утверждениям Троцкого о контрреволюционности всего крестьянства пример Октября и России доказал правоту В. И. Ленина, видевшего в беднейшем крестьянстве главного союзника пролетариата.

В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В. И. Ленин так определял политическую стратегию партии и рабочего класса в отношении крестьянства: «*Сначала* вместе со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). *Затем*, вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетариатом, вместе со всеми эксплуатируемыми, *против капитализма*, в том числе против деревенских богатеев, кулаков, спекулянтов, и постольку революция становится *социалистическою*. Пытаться поставить искусственную, китайскую, стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, *кроме* степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, опошление его, замена либерализмом» [17].

Неизбежность изменений в расстановке классовых сил в ходе перерастания демократической революции в социалистическую явилась наглядным уроком Октября,— уроком, имеющим всеобщее значение. Только гегемония пролетариата позволила провести революционные силы России по всему сложному пути — от 9 января 1905 г. до 25 октября 1917 г. Без руководящей роли рабочего класса этот сложный и многотрудный путь пройти было бы просто нельзя.

Гегемония пролетариата проявилась, конечно, в его политическом воздействии не только на крестьянство, но и на другие непролетарские слои (студенчество, низшие категории служащих, ремесленники и мелкобуржуазные слои города, часть интеллигенции и лица свободных профессий и пр.). Все они в той или иной степени ощущали на себе влияние революционного пролетариата и его партии. В итоге именно пролетариат выдвинулся на позиции класса-авангарда, класса-вождя.

Эта черта по-своему проявлялась в каждой последующей социалистической революции, какую бы страну мы ни взяли. В 40-х годах именно рабочий класс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы образовал главную силу сначала национальных антифашистских фронтов, а затем народных революций. Повсюду роль гегемона была достигнута только благодаря воздействию

самого рабочего класса на все другие трудовые слои населения.

Особую роль в этом отношении сыграли коммунистические партии, и первым примером в этом отношении явилась именно Октябрьская революция. Большевистская партия под руководством В. И. Ленина возглавила борьбу за социалистический переворот. Без партии и ее политической работы в рабочем классе последний ни осознать, ни тем более осуществить свою руководящую роль в революции просто не мог. Только организованный в боевую партию пролетариат был в состоянии выполнить возложенную на него самим ходом истории задачу.

Большевизм за 14 лет своего существования — от II съезда РСДРП в 1903 г. до октября 1917 г. — приобрел огромную силу. Партия прошла через все перипетии классовой борьбы, через две революции, годы реакции и войны и на всех этапах действовала как самая революционная и организованная политическая сила.

К Октябрю большевистская партия превратилась в наиболее влиятельную политическую организацию в стране. Ее ряды со времени выхода из подполья в феврале 1917 г. возросли в 15 раз, а общая численность достигла 350 тыс. человек[18]. В решительный момент большевизм привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли, «объединил вокруг себя *весь* авангард пролетариата и *гигантское большинство* трудящихся»[19].

Большевистская партия в ходе подготовки Октябрьского вооруженного восстания проявила максимальную гибкость, умение быстро менять свою тактику в зависимости от условий, знала, какими методами привлекать на свою сторону массы, преодолевать их пассивность и веру в мелкобуржуазных вождей, разоблачать в глазах народа контрреволюционные маневры буржуазии.

Особая заслуга большевиков, и в первую очередь В. И. Ленина, состояла в последовательной и бескомпромиссной борьбе против предательства мелкобуржуазных эсеро-меньшевистских попутчиков революции, против всяческого — и «левого», и правого — оппортунизма в теории и политике.

Огромным преимуществом большевистской партии было то, что у ее руководства стоял гениальный теоретик-марксист и великий практик-революционер Владимир Ильич Ленин. Он, как штурман, прокладывал путь революции к цели, оценивал успехи и объяснял причины

неудач, смело вскрывая ошибки и намечая пути их исправления. Без этой титанической работы своего вождя большевистская партия не могла бы сделать и десятой доли того, что она сделала в период подготовки и проведения решающего штурма.

Многие, писал В. И. Ленин, готовы были бы «признать социальную революцию, если бы история подвела к ней так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как подходит к станции немецкий курьерский поезд. Чинный кондуктор открывает дверцы вагона и провозглашает: «станция социальная революция. Alle aussteigen (всем выходить)!»»[20]. Но такого в жизни не бывает. Всякая действительно глубокая социальная революция — это невероятно сложный и мучительный процесс, самая острая и отчаянная классовая борьба.

Опыт Октября показал, сколь сложной и запутанной была политическая обстановка в стране, как быстро менялись условия борьбы, как важно было вовремя суметь перейти от демократического к социалистическому этапу борьбы, с мирного на вооруженный путь, найти единственно верную дорогу к цели в самом хитром лабиринте событий. Без партии, без В. И. Ленина сделать это было просто немыслимо.

В ходе этой борьбы еще в 1905 г. самими массами была найдена наиболее эффективная и подлинно демократическая форма революционной власти — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В. И. Ленин видел в Советах во многих отношениях универсальную форму. Универсальную в том смысле, что ее социальную базу составляли рабочие и крестьяне (Парижская коммуна опиралась только на столичный пролетариат).

Как подчеркивал В. И. Ленин, «если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»[21].

Опыт российских Советов имел огромное международное значение. Речь, конечно, не могла идти о слепом копировании этого опыта другими странами, хотя такие тенденции в 20-х годах и имели место; речь шла о том, чтобы творчески использовать этот опыт при создании революционной власти. В Финляндии, например, в ходе социалистической революции в январе 1918 г. было образовано революционное правительство — Совет народных уполномоченных, на местах создавались городские

сеймы. В Финляндии, отмечал В. И. Ленин, «нет Советов, но тип власти... новый, пролетарский»[22].

Некоторые характерные стороны советского типа власти — избрание революционных депутатов от рабочего класса, крестьянства, армии, замена старых органов государственного механизма новыми, партийное руководство их деятельностью, сочетание законодательных и исполнительных функций, классовый характер пролетарской демократии, ограничение политических прав господствующих классов и уголовно-преступных элементов и т. д. — были успешно использованы в ходе китайской революции (так называемые Советские районы), а затем в странах народной демократии, во Вьетнаме, на Кубе, в Лаосе и целом ряде других стран, в том числе и избравших социалистическую ориентацию развития (Ангола, Эфиопия и др.).

Нельзя не сказать еще об одном уроке Октября, — уроке, также имеющем поистине универсальное значение. Этот урок очень точно и лаконично сформулировал В. И. Ленин: «Революции без контрреволюции не бывает и быть не может»[23]. Они вместе образуют две стороны единого процесса: «одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике»[24].

Опыт Октября важен не только с точки зрения признания неизбежности контрреволюции со стороны классового врага (буржуазии, черносотенной военщины, иностранного капитала), поскольку это существовало всегда и не вызывало каких-либо затруднений в оценке. Октябрь показал, что неизбежны также контрреволюционные тенденции «слева», т. е. со стороны неустойчивых участников или попутчиков самой социалистической революции — мелкой буржуазии, части крестьянства, даже отдельных групп рабочего класса (например, кронштадтский мятеж). Об этом говорит весь опыт истории. В 1848 г., как писал К. Маркс о революции во Франции, обманутые буржуазией крестьяне «составили главную армию контрреволюции»[25]. Против парижского пролетариата в 1870 г. выступили подкупленные и развращенные люмпен-пролетарские группы, часть молодежи. В войсках Кавеньяка и Галифе, душивших пролетарскую революцию и в 1848, и в 1871 гг., находилась, как отмечал В. И. Ленин, «часть рабочих»[26].

В России — и до, и в 1917 г. — на контрреволюционных позициях стояли и мелкобуржуазные демократы (эсеры и меньшевики, т. е. мелкобуржуазная интеллигенция), зажиточное крестьянство и казачество, отсталые и

забитые слои армии, люмпен-пролетариат и даже часть рабочих. Более того, на определенном этапе (с февраля по июль 1917 г.) мелкобуржуазная стихия захлестнула собой все и вся. Это была типичная мелкобуржуазная революционность, которая в любой момент могла вылиться (и вылилась) в контрреволюцию. Как отмечал В. И. Ленин, «великий отход» эсеров от революции начался еще в период двоевластия[27].

После июльского кризиса эсеры, пойдя на соглашательство с буржуазией, по оценке В. И. Ленина, «стали *противонародной, противокрестьянской, контрреволюционной* партией...»[28]. В июле 1918 г. контрреволюционный мятеж попытались осуществить и «левые» эсеры.

Такую же позорную траекторию совершили разного рода анархистские группировки. Некоторые из них героически сражались против монархии и затем против Временного правительства, но в итоге мелкобуржуазная распущенность, отрицание всякого государства привели анархистов в лоно контрреволюции.

Этот урок Октября В. И. Ленин обобщил в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», подчеркнув, что мелкобуржуазная революционность вообще крайне неустойчива, бесплодна, имеет «свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением» и т. д.[29] Именно такая траектория мелкобуржуазного революционаризма слева направо имела место во многих революциях XX в.

Поскольку мелкобуржуазные слои объективно существуют во всех странах, постольку, как писал К. Маркс, они неизбежно явятся в том или ином варианте «частью всех грядущих социальных революций»[30]. Эта закономерность действует и сейчас, что придает опыту 1917 г. актуальное звучание.

Все стороны богатейшего опыта Октября не перечислить. Главное — вывод о том, что международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, и в «широком», и в «узком» смысле, — это постоянно действующий и важный фактор современного развития всего мирового революционного процесса.

За семь десятилетий, прошедших с Октябрьских дней 1917 г., в мире произошли глубокие изменения. Иной стала расстановка классовых сил. Существенно обогатился опыт революционных выступлений трудящихся. Возникли новые формы и методы классовой борьбы. Но

и по сей день во всем ощущается живое дыхание Октября, его животворное влияние, его историческое величие.

«Мировое развитие, – отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, – подтверждает фундаментальный вывод марксизма-ленинизма о том, что история общества – не сумма случайных слагаемых, не беспорядочное «броуново движение», а закономерный поступательный процесс... Освободительные революции, начатые Великим Октябрем, определяют облик XX века» [31].

В этом, кратко говоря, и состоит главное международное значение Великой Октябрьской социалистической революции.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БИТВЫ 1918–1923 гг. В ЕВРОПЕ

«Руки пролетариев рвутся к мечам. Не пройдет и года, как вся Европа будет советской. Рабочие всех стран поняли, что наступил решительный момент... В 1919 году родился великий Коммунистический Интернационал. В 1920 году родится великая Международная Советская Республика» – так говорилось в первомайском воззвании Исполкома Коммунистического Интернационала от 20 апреля 1919 г.

Эти слова очень точно отражают всеобщий революционный энтузиазм, охвативший передовых трудящихся всех стран сразу же после победы Октября, их веру в быструю победу социализма на всем земном шаре. Эти искренние, но наивные ожидания были вполне естественны для широкой массы, поскольку соответствовали ее эмоциональному возбуждению, стремлению начать решительный и последний бой за свободу.

Иное дело, когда из подобного расчета на немедленную и всеобщую победу – победу самую быструю и легкую – исходили профессиональные революционеры. Но именно такую позицию в 20-х годах разделяли многие молодые коммунистические партии, что и нашло отражение в упомянутом воззвании ИККИ. Такую тенденцию В. И. Ленин образно назвал «детской болезнью «левизны» в коммунизме».

Но разве не сам В. И. Ленин в дни Октября писал о том, что «нарастание всемирной революции неоспоримо»? [32] В январе 1918 г., уже после победы пролетариата, он отметил: «Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши

надежды на *окончательную* победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении»[33].

В чем же заключалось принципиальное различие в позициях большевиков и «левых» коммунистов? Совпадение взглядов было чисто внешним. Большевики никогда не строили свою политику в надежде на немедленную европейскую социалистическую революцию. «Левые» коммунисты, напротив, полагали возможным искусственно ускорить ход событий, подогнать революцию к намеченному сроку.

В речи на Чрезвычайном Всероссийском съезде железнодорожников 13 января 1918 г. В. И. Ленин так прокомментировал точку зрения большевиков: «...мы не знаем, сколько времени пройдет для того, чтобы распустилась социалистическая революция и в других странах... Там буржуазия более сильна и умнее, чем наши Керенские, она успела сорганизоваться для того, чтобы труднее было подняться массам. Там рабочие обладают некоторым благосостоянием и поэтому там труднее пробить старые социалистические партии, которые держались десятилетия, вошли во власть, приобрели авторитет в глазах народа. Но такого рода авторитет уже теряется, масса кипит, и нет никакого сомнения в том, что в ближайшем будущем, может быть отдаленном, социалистическая революция становится на очередь дня во всех странах, так как гнету капитала пришел конец»[34].

Особый интерес представляет для нас ленинский анализ объективных факторов, затруднявших (и замедлявших) начало революционного взрыва в Европе. На VII съезде РКП(б) В. И. Ленин вновь выразил уверенность в неизбежности революции в других странах, но добавил: «Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять как факт...»[35]

Смелости признать этот объективный факт как раз и не хватало «левым» коммунистам, которые и до, и после Октября переоценивали готовность рабочего класса Европы к социалистическому перевороту.

Против реализма В. И. Ленина и большевиков выступали не только «левые» коммунисты и Троцкий, выдвинувший еще в 1905 г. концепцию так называемой «перманентной революции», но и многие лидеры II Интернационала, и прежде всего К. Каутский, Э. Бернштейн, О. Бауэр, В. Адлер и др. К. Каутский, например, приписывал большевикам несуществующий грех в том, будто они начали борьбу за власть, исходя из предпосылки,

что в Европе вот-вот разразится революция. В. И. Ленин, разоблачая эту клевету в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский», писал: «Если бы большевики построили свою тактику на ожидании революции в других странах *к определенному сроку*, это была бы бесспорная глупость. Но большевистская партия этой глупости не сделала...» [36]

Как отмечал В. И. Ленин, определенный политический расчет на европейскую революцию был вполне оправдан и даже «*обязателен* для марксиста» только при наличии революционной ситуации в Европе [37]. В годы империалистической войны такая ситуация сложилась почти одновременно в целом ряде европейских стран, возникла своего рода региональная, или, как говорил В. И. Ленин, «европейская революционная ситуация» [38]. Глубокий политический кризис охватил не только страны, оказавшиеся в лагере побежденных (Германия, Австро-Венгрия и Болгария), но и страны-победительницы (Франция, Англия, Италия, Португалия и др.).

Общим для всех стран Европы к 1917 г. стали три обстоятельства:

1) народные массы не могли более терпеть войну, требуя от своих правительств скорейшего заключения мира;

2) правящие классы доказали свою полную несостоятельность решить назревшие экономические и политические проблемы в интересах общества;

3) трудящиеся низы, и прежде всего пролетариат, все энергичнее протестовали против существующих порядков и под влиянием большевизма быстро революционизировались.

Под непосредственным воздействием Октября в мире начался невиданный по масштабам подъем классовой борьбы и антиимпериалистического движения. В августе 1918 г., оценивая обстановку в Европе, В. И. Ленин отметил: «Параллельно с войной одной группы империалистов против другой начинается всюду война, которую, зараженный примером русской революции, объявляет рабочий класс своей собственной буржуазии» [39]. Это был сдвиг исторического значения, окончательно оставивший в прошлом период сравнительно «мирного», спокойного развития капитализма. Совпадение во времени основных элементов кризиса и дало основание В. И. Ленину сделать вывод о наличии региональной, общеевропейской революционной ситуации.

Региональные революционные кризисы, из которых

вырастали революции, имели место и раньше, например в Европе в 1830 и в 1848 гг. Особенно четко такое явление стало наблюдаться в XX в. Можно упомянуть, скажем, ситуацию, сложившуюся в годы второй мировой войны в связи с борьбой против фашизма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, а также с борьбой против японского милитаризма в Азии — во Вьетнаме, Корее, Китае. В конце 60-х — начале 70-х годов нечто аналогичное наблюдалось в Южной Америке — Перу, Боливии, Эквадоре, Чили. В конце 70-х — первой половине 80-х годов региональный революционный кризис охватил Центральную и Карибскую Америку — Никарагуа, Сальвадор, Гренаду, Гаити. Незадолго до этого такая же обстановка сложилась в Африке, в результате чего более или менее одновременно произошли народные революции в Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау и Зимбабве. Названные революционные ситуации, не похожие друг на друга и развивавшиеся в разное время и на разных континентах, имели одно общее качество — это были региональные кризисы.

Когда В. И. Ленин писал о европейской революционной ситуации 1918—1919 гг., он имел в виду определенную взаимосвязь и одновременность вызревания объективных и субъективных факторов революций. Эти факторы были вызваны к жизни чудовищными ужасами войны и разрухи, обострением социальных противоречий между трудом и капиталом.

В 1918—1919 гг. произошли мощные революционные потрясения в четырех европейских государствах — в Финляндии, Германии, Австрии и Венгрии. В некоторых странах (Польша, Румыния, Болгария) вспыхнули крупные вооруженные восстания. В других дело до революции не дошло, но повсюду наблюдались важные перемены в развитии классов и классовой борьбы.

Во многих европейских странах (Австрия, Германия, Венгрия, Чехословакия, Финляндия, Люксембург, Швейцария, Польша, Ирландия, Италия, Югославия, Нидерланды) трудящиеся создавали Советы или органы типа Советов. Повсюду происходили расколы в старых социалистических партиях и выделялось революционное коммунистическое крыло, укреплялись позиции большевизма.

Все это были важные признаки начала нового этапа в развитии мирового революционного процесса. И хотя в то время европейская контрреволюция победила, весь дух, смысл, уроки революционного опыта 1917—1923 гг.

до сих пор сохраняют свое значение, поскольку впервые в международном масштабе были проверены на практике некоторые новые закономерности как демократической, так и социалистической революции, реализованные до этого в полной мере лишь в России.

Свою бессмертную работу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», написанную в апреле 1920 г. к открытию II конгресса Коминтерна, В. И. Ленин начинает так: «Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25.X—7.XI.1917) могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западноевропейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение»[40].

Тут же, адресуясь уже к «левым» коммунистам, он предупреждал, что «было бы величайшей ошибкой преувеличить эту истину, распространить ее не только на некоторые из основных черт нашей революции»[41].

В речи на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин еще рельефнее выразил эту мысль: «Было бы смешно выставлять нашу революцию каким-то идеалом для всех стран... У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет. Если мы будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвастуны»[42].

Ленинский подход к оценке общего и особенного в развитии социалистических революций позволяет вскрыть обе стороны в европейском опыте 1918—1923 гг., увидеть как многообразные, так и единые закономерности революционной борьбы.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ФИНЛЯНДИИ (ЯНВАРЬ — АПРЕЛЬ 1918 г.)

Первой революцией, последовавшей за Октябрем, стала рабочая революция в Финляндии. И это было вполне закономерно, ибо Финляндия входила в состав Российской империи, хотя сохраняла известную автономию. Численность рабочего класса здесь была невелика (примерно

100 тыс. фабрично-заводских рабочих и 300 тыс. батраков и поденщиков), в составе населения преобладало крестьянство, причем в основном «самостоятельные» хозяева-хуторяне. Классовая борьба финского пролетариата развивалась в общем русле движения народов России против самодержавия, а затем рабочего класса и его союзников против буржуазного Временного правительства.

Общая обстановка по сравнению с Центральной Россией отличалась значительно бóльшим либерализмом. После свержения самодержавия шесть представителей Социал-демократической партии Финляндии (создана в 1899 г.) вошли в состав местного буржуазного коалиционного правительства. Однако уже осенью 1917 г. они под давлением «низов» вышли из правительства и выдвинули довольно радикальную программу: борьба за независимость страны, необходимость прекращения войны и защита социальных интересов трудового народа.

Свержение правительства Керенского вызвало глубокий политический кризис в Финляндии. В крупных городах — Хельсинки, Тампере, Турку, Выборге и др. — левые профсоюзы и отряды рабочей Красной гвардии, созданные еще летом 1917 г., стали готовиться к решающей схватке. В телеграмме левым социал-демократам 11 ноября 1917 г. В. И. Ленин выразил надежду, что «большой организаторский талант финских рабочих, их высокое развитие и длительная политическая школа демократических учреждений поможет им успешно осуществить социалистическую реорганизацию Финляндии»[43].

Под влиянием Октябрьского восстания 14 ноября началась всеобщая забастовка. Правительство растерялось и утратило способность управлять событиями. Возникла ситуация, когда Центральный революционный совет, руководивший всеобщей забастовкой, мог сравнительно легко взять власть в свои руки. Однако его лидеры, занимавшие центристские позиции, пошли на компромисс с буржуазным сеймом. После одобрения закона о 8-часовом рабочем дне и новых правил выборов в муниципальные Советы забастовка была приостановлена[44].

С целью успокоения масс буржуазное правительство П. Свинхувуда выступило с идеей провозглашения независимости. 6 декабря 1917 г. сейм утвердил Декларацию о независимости Финляндии. 31 декабря Совет Народных Комиссаров по предложению В. И. Ленина принял постановление о признании государственной независимости Финляндской республики.

С целью разгрома пролетариата и подавления стре-

мления трудящихся к союзу с Советской Россией правительство Свинхувуда перешло к прямому насилию. Во главе правительственной армии был поставлен бывший царский генерал К. Маннергейм. Он должен был сыграть роль финского Корнилова.

В связи с переходом реакции в наступление обстановка в стране сразу обострилась. В ответ на наступление реакции Рабочий исполнительный комитет, созданный 23 января 1918 г. из представителей социал-демократов, профсоюзов и Красной гвардии, призвал пролетариат готовиться к вооруженной борьбе за власть. Спустя несколько дней Рабочий исполком объявил, что отныне вся власть в стране принадлежит «организованному рабочему классу и его революционным органам». Но мирного перехода власти не получилось. В стране развернулась самая острая и кровопролитная борьба.

«В конце января,— отмечал О. В. Куусинен,— отряды буржуазии начали нападения на рабочих. На это наша социал-демократическая партия ответила революцией. Предпосылки революции, как внутренние, так и внешние, были на этот раз для рабочего класса менее благоприятны, чем в ноябре»[45]. В ночь на 28 января отряды Красной гвардии заняли в Хельсинки ряд стратегических пунктов, в том числе правительственные учреждения. Вскоре пролетариат установил свой контроль в Турку, Тампере, Лахти, Выборге.

Контрреволюция избрала своим центром г. Ваас. Здесь был создан «большой Версаль» и сформировано правительство, распространившее свою власть на весь север и часть центра страны. Реакционным силам удалось под флагом национализма привлечь на свою сторону значительную часть крестьян, которых запугивали тем, что рабочая революция в случае своей победы лишит их земли.

Страна раскололась на два лагеря. В этих тяжелых условиях созданное 28 января революционное рабочее правительство — Совет народных уполномоченных (председатель — К. Маннер, члены — Ю. Сирола, О. Куусинен, А. Тайми и др.) — предприняло ряд важных акций: старый аппарат правительства в центре был упразднен, на предприятиях устанавливался рабочий контроль, власть на местах переходила к городским сеймам, крестьянам-арендаторам передавалась в собственность без выкупа обрабатываемая ими земля, был национализирован банк, налажено снабжение населения продовольствием, созданы революционные суды и т. д. Рабочее

правительство взяло курс на социалистические преобразования, однако эта линия проводилась весьма непоследовательно[46].

Руководство Социал-демократической партии, приверженное реформизму, не намеревалось укреплять революционную диктатуру, установившуюся на части территории Финляндии. Верхушка социал-демократии хотела во что бы то ни стало избежать гражданской войны и не озлоблять контрреволюцию. Но это значило стоять на месте, а не двигаться вперед. Такой курс грозил неизбежным поражением.

С целью стабилизации своего международного положения рабочее правительство 1 марта 1918 г. подписало договор «Об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой». Этот договор был очень важен и для Советской России, окруженной плотным кольцом врагов. Впервые в истории два рабочих правительства объединились в союзе против общего врага.

Однако пролетарской революции в Финляндии был нанесен удар в спину. Белое правительство П. Свинхувуда, отсиживавшееся в г. Ваасе, тайно призвало на помощь германские войска. Еще весной 1917 г. в Стокгольме начались секретные переговоры с Германией о военной помощи. Осенью П. Свинхувуд без ведома парламента направил своего специального агента в ставку генерала Людендорфа с наказом: «Добейся прихода немцев, иначе мы не справимся»[47].

5 марта 1918 г. началась германская интервенция. После тяжелых и кровопролитных боев (в сражениях было убито более 25 тыс. человек) войска оккупантов под командованием генерала фон дер Гольца 14 апреля захватили Хельсинки. Революционные части красногвардейцев вынуждены были отступить. Социал-демократы во главе с В. Танером призвали рабочих сложить оружие, дабы прекратить «напрасное кровопролитие». Это была полная капитуляция.

Левое крыло партии и Совет народных уполномоченных еще некоторое время, перебазировавшись в Выборг, продолжали руководить оборонительными боями, но силы были явно неравными. 29 апреля пал последний оплот революции — г. Выборг. В стране начался белый террор. Только в Выборге было расстреляно более 4 тыс. революционеров, в тюрьмы и лагеря брошено 90 тыс. человек[48]. Контрреволюция торжествовала победу.

Поражение революционных сил Финляндии объясня-

лось рядом причин: 1) рабочий класс был малочислен и плохо организован; 2) крестьянство не поддержало революцию, а, напротив, действовало в основном на стороне реакции; 3) в стране не было подлинно революционного политического авангарда, социал-демократы вели себя крайне непоследовательно, в решающий момент капитулировали и тем самым обрекли революцию на поражение; 4) молодая Советская Республика не имела достаточных средств для защиты Финляндии от экспорта контрреволюции.

Особо следует сказать о серьезных просчетах революционеров. Об этом откровенно писал О. В. Куусинен в письме от 3 сентября 1918 г. В. И. Ленину: «...обязанностью нашей партии, как боевой организации рабочего класса, было наступать... а не оставаться ожидать нападения буржуазии... В политическом отношении наше революционное правительство старалось долгое время скорее сдерживать, чем развивать внутреннее стремление революции к ясной диктатуре пролетариата и к социализму» [49].

Но главной причиной поражения была не слабость субъективного фактора, а прямой экспорт контрреволюции и военная оккупация страны. Как справедливо подчеркивается в книге финляндских авторов «Из истории Коммунистической партии Финляндии», «победа в гражданской войне могла остаться за рабочими, если бы крайне обеспокоенные белые правители Финляндии не призвали бы и не получили бы в помощь себе немецкие войска» [50].

Однако, несмотря на поражение, рабочая революция и сам факт трехмесячного существования Красной Финляндии сыграли важную роль в укреплении независимости страны и дружеских связей с РСФСР, выходе ее из войны, установлении в 1919 г. республиканской формы правления, окончательном выделении левого крыла социал-демократии и создании коммунистической партии, введении трудового законодательства и т. д.

Благодаря признанию со стороны Советской России независимости Финляндии процесс политического высвобождения пролетариата из-под идеологического влияния буржуазии был значительно облегчен, хотя в целом, по оценке В. И. Ленина, он все же шел в Финляндии «своеобразно, гораздо более мучительно, чем у нас», в России [51].

Опыт рабочей революции в Финляндии убедительно показал всю неустойчивость мелкобуржуазной революю-

ционности, особенно на этапе борьбы за диктатуру пролетариата, ее свойство быстро превращаться в покорность, подчиняться контрреволюции и даже принимать активное участие в белом терроре. Особенно наглядно стала видна вся пагубность правого оппортунизма, его попыток заменить революцию реформой, его стараний достичь «классового сотрудничества».

Опыт Финляндии вновь подтвердил ту истину, что мелкая буржуазия как класс постоянно шатается и колеблется, сегодня идет за пролетариатом, завтра пугается трудностей, впадает в панику от первого поражения, нервничает, хныкает, перебегает из лагеря в лагерь и т. д.

Поражение рабочей революции в Финляндии показало всему международному пролетариату, что́ представляет собой контрреволюция, как упорно буржуазия сопротивляется, как хитро она изворачивается и, наконец, без каких-либо сомнений предает национальные интересы ради собственного благополучия.

Тяжелым, но крайне важным уроком финляндского опыта явилось то обстоятельство, что силы внутренней и внешней контрреволюции сумели сравнительно легко преодолеть свои противоречия и соединиться для борьбы с революцией. Союз местной и немецкой буржуазии, несмотря на то что Финляндия как часть Российской империи воевала против Германии, оказался вполне возможен. Повторилось то же трогательное единение враждебных группировок эксплуататоров с целью защиты капиталистической системы, как и во времена Парижской коммуны в отношениях между немецкой и французской буржуазией, затем в ходе младотурецкой и персидской революций, а затем и в Китае. Вскоре после подавления рабочей революции в Финляндии эту способность контрреволюции к сплочению в полной мере ощутила на себе и Советская Россия, против которой начали интервенцию сразу 14 буржуазных государств, в том числе и воевавших друг против друга.

Поражение революции в Финляндии проявило силу мировой контрреволюции, ее готовность всеми средствами отстаивать буржуазный порядок. С другой стороны, обнаружились огромные трудности в достижении единства рабочего класса и трудящихся, решающим препятствием на пути к которому в те годы были социал-шовинистические, националистические настроения.

Рабочая революция в Финляндии явилась своеобразным продолжением Октября, но на ее пути встретились огромные трудности, преодолеть которые не уда-

лось. Поражение объяснялось превосходством сил внутренней и внешней контрреволюции, но первая неудача европейского революционного процесса не обескуражила рабочий класс. Вслед за финляндским пролетариатом выступил пролетариат Австрии.

РЕВОЛЮЦИЯ 1918 г. В АВСТРИИ

Почти одновременно с началом революционных событий в Финляндии развернулась борьба рабочего класса в Австрии, хотя здесь революция захлебнулась в самом начале. В значительной степени такой поворот событий был предопределен тем, что рабочая революция 1918 г. в Австрии протекала в обстановке противоречивого переплетения социальных (пролетарских) и национально-освободительных (общедемократических) задач движения.

Австро-Венгерская империя, как образно писал в свое время Ф. Энгельс, — это самая «лоскутная, составленная из унаследованных и наворованных клочков» монархия, какая-то странная «организованная путаница из десятка языков и наций», каждая из которых имела свои обычаи [52], цели и интересы. Ни в одной европейской стране феодализм, патриархальщина и рабски покорное мещанство не сохранились в столь неприкосновенном и цельном виде, как в Австрии.

В связи с развитием капитализма положение постепенно менялось, но и в годы первой мировой войны Австро-Венгерская империя дряхлого Франца Иосифа представляла собой нечто вроде старого лоскутного одеяла, уже распадающегося на части. Такое состояние не могло не сказаться на характере революционных процессов, которые в отдельных районах развивались по собственным путям. Уровень развития капитализма, расстановка классовых сил, формы и задачи борьбы революционных сил в различных районах страны не были одинаковыми, что ослабляло общий натиск буржуазно-демократической революции, разделяя ее на отдельные и часто слабо взаимосвязанные ручьи и потоки. Главной чертой являлась неравномерность, несовпадение по времени революционных выступлений, что было на руку габсбургскому абсолютизму.

После революции 1848 г. империя, казалось, могла бы легко расслоиться на отдельные государства, но сложилось чрезвычайно своеобразное положение: угнетенные народы империи (чехи, поляки, сербы, словенцы, хорваты и др.), нередко с оружием в руках выступавшие

против австро-венгерских угнетателей, в принципе были заинтересованы в сохранении своего вассалитета от Вены, дабы не быть полностью поглощенными и раздавленными еще более хищными соседями – Германией, Турцией, Россией [53].

Дуалистическая монархия состояла из двух политически равноправных частей – Австрии и Венгрии, все остальные народы находились в угнетенном положении, образуя нечто вроде полуколониальной периферии. Для империи была характерна резкая диспропорция в уровне социально-экономического и культурного развития: промышленные центры Австрии и Чехии соседствовали с аграрно-отсталыми областями Венгрии, Хорватии и других частей.

До поры до времени такой конгломерат сохранял свою жизнеспособность, но развитие капитализма и ослабление внешних сил, прежде всего Германии, Турции и России, в годы первой мировой войны вызвали неудержимые центробежные тенденции. В итоге сложилось противоречивое сочетание социальных и национальных, буржуазно-демократических и социалистических задач революции. Рабочий класс и буржуазия в зависимости от своего национального происхождения и уровня политического развития по-разному реагировали на такое переплетение. С точки зрения революционного пролетариата, на повестке дня стояло неотложное решение социальных проблем: прекращение войны, установление республиканского строя, предоставление национальной независимости угнетенным народам, введение трудового законодательства, ликвидация помещичьего землевладения, укрепление солидарных действий с Советской Россией.

Буржуазные круги были готовы пожертвовать монархией, расширить демократические права, но всячески стремились сузить социальные задачи революции: национальный вопрос свести к объявлению национально-культурной автономии, вместо национализации земли и ликвидации феодальных порядков предлагались всякого рода проекты выкупа необрабатываемых земель, вместо демократического республиканского строя обсуждались различные проекты конституционных реформ.

Российская революция 1905–1907 гг. оказала сильное влияние на рабочий класс Австро-Венгрии, вызвала рост стачечной борьбы, показала несостоятельность социал-реформизма, но оппортунизм продолжал прочно удерживать лидерство. Этому способствовали запутанность национального вопроса и всякие спекуляции по поводу

национально-культурной автономии ради сохранения единого сильного европейского государства.

Особенно пышным цветом оппортунизм расцвел на дрожжах шовинизма в годы империалистической войны. Откровенно прогерманский курс, угар мещанского патриотизма, уверенность в легкой и скорой победе, словно сладким дурманом, окутали все слои общества. Лидер социал-демократической партии Карл Реннер, отражая эти настроения, даже публично заявил, что война якобы вообще содействует прогрессу, который, по его мнению, ведет к подрыву опасной национальной ограниченности и сепаратизма, открывает путь к созданию «наднациональной центральноевропейской империи под гегемонией Германии» [54].

Таким образом, в канун крупнейших революционных событий рабочий класс Австро-Венгрии оказался в весьма сложной ситуации: во-первых, он был разделен национальными перегородками и не выступал как единая социальная сила всей империи, как это было в России; во-вторых, он не имел последовательно революционного политического руководства, так как социал-демократическая партия стояла на позициях рабски покорного мещанства и оппортунизма. Никакого более или менее заметного левого крыла в социал-демократии Австрии не имелось. На эту роль претендовали известный деятель Фридрих Адлер и некоторые его сторонники. Сам Ф. Адлер, желая дать толчок антивоенному движению, в октябре 1916 г. совершил покушение на министра-президента К. Штюргка и убил его, завоевав тем самым ореол героя. Независимо от субъективных намерений Ф. Адлера его поступок нанес вред рабочему движению, ибо способствовал росту популярности социал-демократии и не ускорил, а затруднил выделение подлинно левого крыла в партии [55].

Рабочее движение в Австрии по-настоящему оживилось лишь под влиянием февральской революции в России. В 1917 г. общее число бастующих выросло более чем в 7 раз.

В январе 1918 г., когда стало известно, что мирные переговоры между центральными державами и Советской Россией прерваны, поскольку германская и австрийская делегации предъявили России аннексионистские требования, рабочий класс Вены стихийно поднялся на борьбу против продолжения войны.

В одной из листовок безымянной леворадикальной группы, которые стали возникать во многих городах Ав-

стро-Венгрии, говорилось: «Рабочие всех стран, соединяйтесь под красным флагом русской революции! Мы, австрийский пролетариат, прежде всего должны спасти русскую революцию от козней нашего правительства... Выходите из ваших мастерских! Прекратите изготовление смертоносных гранат! Поднимайтесь из рудников на дневной свет. Останавливайте ваши станки... Выбирайте советы рабочих, как это сделали в России, и пролетариат завоюет победу!»[56]

14—15 января 1918 г. стачки охватили почти все крупные города Австрии, Венгрии и Чехии. Особенно острые сражения завязались в Вене, Южной и Верхней Австрии, а также в Будапеште. Борьба за мир, против империалистической войны начала перерастать в войну социальную.

Но тут на авансцену как по мановению волшебной палочки вышли «венские предатели социализма»[57] — О. Бауэр, Ф. Аустерлиц, К. Реннер и др. Как признавал сам О. Бауэр, перерастания январской забастовки «в революцию мы желать не могли»[58]. Но они не могли, конечно, заявить откровенно об этом массам, поэтому на митингах и собраниях продолжали театрально жестикулировать и провозглашать лозунги о свободе и революции. Сдержать рост стихийного народного протеста было уже нельзя. В январе в забастовочных выступлениях участвовало более 700 тыс. пролетариев[59]. Во многих городах стали создаваться рабочие Советы. В Вене был образован объединенный рабочий и солдатский Совет. Казалось, пролетариат Вены получил наконец реальную возможность свергнуть монархию. Стачка имела все условия для перерастания в вооруженное восстание. Армия разложилась, и часть столичного гарнизона уже была на стороне народа. Однако в стране не существовало организованной силы — марксистской партии, которая была бы идеологически и организационно подготовлена к руководству социальной революцией.

19 января 1918 г. правые лидеры сумели добиться от рабочего Совета рокового решения о прекращении забастовки. Еще несколько дней кое-где шли оборонительные бои, но реальный шанс на успех был навсегда утерян.

Однако борьба на этом не закончилась. Вслед за рабочими Вены в начале февраля 1918 г. выступили революционные моряки в адриатическом порту Катарро. В течение трех дней повстанцы держали в своих руках почти половину всех кораблей военного флота Австро-Венгрии. Выступление революционных моряков было

подавлено огнем береговой артиллерии, в боевых операциях против восставших участвовали немецкие подводные лодки. Четверо руководителей восстания были расстреляны, около 800 человек брошены в тюрьмы[60].

В течение ряда месяцев после подавления восстания моряков оппортунистические лидеры делали все, чтобы «успокоить» народ и перевести борьбу в русло реформ и мирных переговоров.

Однако осенью 1918 г. ситуация вновь резко обострилась в связи с начавшимся быстрым распадом империи. Как и предвидел К. Маркс, европейская война неизбежно привела к развалу «дутой» монархии Габсбургов[61]. Агония империи наступила просто и быстро: 28 октября 1918 г. Национальный совет в Праге принял на себя функции правительства нового государства — Чехословакии; 29 октября сербы, хорваты и словенцы создали Югославию; 2 ноября объявила о своей независимости Венгрия; 12 ноября К. Реннеру, возглавившему еще 31 октября коалиционное буржуазное правительство, ничего не оставалось, как провозгласить Австрию демократической республикой.

Так закончилось почти 650-летнее существование империи Габсбургов. В. И. Ленин в речи 6 ноября 1918 г. отметил: «...пролетариат Западной Европы поднялся и не оставил камня на камне в Австро-Венгрии. Тамошнее правительство отличается той же беспомощностью, той же дикой растерянностью, той же полной потерей головы, которой отличалось в свое время, к концу февраля 1917 года, правительство Николая Романова»[62].

Беспомощность и растерянность были характерны не только для последнего правительства Австро-Венгерской монархии, но и для первого правительства Австрийской республики во главе с К. Реннером, опасавшимся пробудившейся энергии «низов».

Съезд социал-демократической партии, состоявшийся 31 октября — 1 ноября 1918 г., одобрив вхождение представителей партии в коалиционное с буржуазией правительство, сразу же заявил, что на этом «революция победоносно завершилась». Такого рода настроения «удовлетворенности» никак не соответствовали интересам трудящихся.

Осенью 1918 г. в связи с началом распада империи и оживлением стачечной борьбы в Австрии возникли условия для нового подъема революции. Еще в августе 1918 г. В. И. Ленин записал: «Австрия... канун революции»[63]. Спустя полтора месяца, 22 октября 1918 г., он

подчеркнул, что «буржуазия разных маленьких государств, на которые теперь Австрия распадается, что эта буржуазия ни в коем случае не удержится... потому что везде стучится в двери рабочая революция»[64]. Еще через несколько дней, 6 ноября 1918 г., В. И. Ленин так оценил ситуацию: «...Австрия вся горит...»[65] В армии и на флоте то тут, то там происходили волнения. Дезертирство приняло массовые формы. В городах проходили митинги и демонстрации под лозунгом: «Вся власть Советам!» Рабочие устанавливали свой контроль на предприятиях.

Власть повсюду переходила в руки Советов, но во главе их — и в этом была трагедия — стояли оппортунисты, воспитанные в духе реформизма. В итоге Советы, почти как в России (после Февраля), добровольно передавали власть всякого рода муниципальным комитетам, представителям Временного национального собрания и т. п. Сам К. Реннер возглавил центральное правительство — полубуржуазное и полусоциалистическое. Коммунистическая партия Австрии, созданная 3 ноября 1918 г., естественно, еще не могла оказывать сколько-нибудь заметного влияния на политику.

Примерно до середины 1919 г. был возможен мирный переход государственной власти в руки Совета[66]. Это признавали и вожди социал-демократической партии, но они стремились избежать этой альтернативы, чутко уловив усталость масс и их неготовность к новым жертвам. Сам же по себе переход власти к Советам, в которых полностью заправляли оппортунисты, ничего не менял по существу. И главное — рабочий класс еще не созрел политически для взятия власти, не обладал крепкой революционной партией и в своем большинстве следовал за оппортунистами, не имея ни достаточного собственного опыта, ни достойных вождей. Все это и предопределило поражение революции.

Во многом аналогичные процессы, но еще более отчетливо и ярко, происходили в Германии.

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

Важнейшим звеном в общеевропейском революционном кризисе стала революция в Германии.

Семь десятилетий разделяли две немецкие буржуазно-демократические революции: 1848 и 1918 гг. В масштабах истории это сравнительно небольшой срок, но за эти годы качественно изменилась вся расстановка классовых сил. Буржуазия в сравнении с 1848 г. вела себя еще более

контрреволюционно. Эпоха империализма придала ей еще более реакционные черты, склонность к самому жестокому насилию, причем уже не только в национальных, но и в международных масштабах. Колониальный грабеж и экспорт контрреволюции стали ее органическим свойством.

Германия в конце XIX — начале XX в. как алчный зверь ринулась на завоевание колоний. В 1914 г. она развязала империалистическую войну за передел мира. Не случайно и то, что именно германские войска душили Советскую Россию, Советскую Венгрию, рабочую Финляндию, революционное движение в Польше, Чехословакии и других странах. Тенденция к эскалации агрессивности, милитаризма, насилия в конечном счете породила Гитлера и фашизм, привела ко второй мировой войне.

Одновременно, однако, развивалась и другая тенденция: за 70 лет, прошедших после революции 1848 г., немецкий рабочий класс превратился в один из наиболее организованных отрядов международного пролетариата. Стратегическое положение Германии, ее роль в империалистической войне, с одной стороны, и особая по сравнению со многими странами острота социальных противоречий, сравнительно высокая степень материальных предпосылок социализма, наличие многомиллионного организованного пролетариата и сильной социал-демократической партии — с другой, выдвинули германское революционное движение на исключительно важные международные позиции. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что с точки зрения интернациональной главное звено революционной борьбы «есть звено германское, потому что германская революция уже назрела, и от нее зависит больше всего успех мировой революции»[67].

Такая точка зрения во многом определялась тем, что по сравнению с Россией Германия значительно дальше продвинулась по пути капитализма. Объективные предпосылки социализма (уровень обобществления производства и концентрации капитала, развитие внутреннего рынка, степень урбанизации, объем и структура промышленного производства и т. д.) в Германии были несравненно выше.

Зрелость материальных предпосылок социализма не означала, однако, что в Германии существовал столь же высокоразвитый субъективный фактор социалистической революции. Сами по себе ни численность рабочего класса, ни степень его общего развития (В. И. Ленин писал, что в Германии налицо «более высокий культурный уро-

вень рабочих, большая пролетаризированность технического персонала...»[68]), ни профессиональная организованность немецкого пролетариата, ни многолетняя легальная деятельность социал-демократической партии не давали автоматически каких-либо преимуществ. Все эти особенности являлись лишь предпосылками формирования субъективного фактора революции, но не им самим. Более того, в Германии особенно заметен был разрыв между уровнем зрелости материальных предпосылок социализма (Россия в этом отношении намного отставала) и относительно низким уровнем политической зрелости пролетариата, его недостаточной субъективной готовностью к самостоятельной и созидательной революционной борьбе за социализм (Россия в этом отношении шла намного впереди). Как отмечал В. И. Ленин, рабочий класс Германии еще не окончательно освободился от идеологического влияния буржуазии, в своей массе поддерживал реформистов, был сильно заражен социал-патриотизмом и парламентскими предрассудками.

Необходимо также иметь в виду, что общественный строй Германии был обременен целым комплексом нерешенных буржуазно-демократических задач: сохранение абсолютной монархии, юнкерского землевладения, остатков сословного строя и т. д. Все эти авгиевы конюшни, как подчеркивал В. И. Ленин, были оставлены «в изрядной мере всеми передовыми государствами в недочищенном виде при совершении ими *их* буржуазно-демократических революций...»[69]. Германия не составляла в этом отношении исключения. Это означало, что революция в Германии либо должна была начаться, как это случилось в России, с демократического переворота (т. е. с Февраля) и затем перерасти в социалистическую революцию, либо последняя должна была «походя» решать огромный объем демократических задач.

Так или иначе, но особенности формирования объективных и субъективных предпосылок революции не могли не сказаться на характере борьбы. Ход событий Ноябрьской революции многократно освещался в советской исторической литературе[70], и здесь достаточно прочертить лишь главную линию.

Еще накануне первой мировой войны, в 1912—1913 гг., в Германии развернулась активная забастовочная борьба, которая, по словам В. И. Ленина, знаменовала важный сдвиг в развитии классов и классовой борьбы: «Миновала эпоха спокойного сна «немецкого Михеля» под опекой прусских Пуришкевичей и при ис-

ключительно-счастливом ходе капиталистического развития Германии»[71]. Наступало иное время, и неизвестно, как могли развиваться события дальше, если бы 1 августа 1914 г. не началась первая мировая война.

В годы войны социал-шовинистические настроения захлестнули все классы. Немецкая социал-демократия, руководимая Фридрихом Эбертом, Филиппом Шейдеманом, Густавом Носке, Карлом Легином и ее главным идеологом Карлом Каутским, занимала псевдопатриотические, оборонческие позиции. Лишь левое течение — группа «Спартак» во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург — стояло на интернационалистических и революционных позициях, выдвинув лозунг: «Не гражданский мир, а гражданская война!» За столь «непатриотическое» поведение и призывы рабочих к социальной борьбе в условиях военного положения К. Либкнехт и его товарищи летом 1916 г. были осуждены на каторжные работы. Но репрессии не остановили нарастания социального протеста масс.

Свержение Николая II поколебало и трон Вильгельма II. В апреле 1917 г. в Берлине была проведена 300-тысячная забастовка. Аналогичные выступления против войны и голода состоялись во многих других городах, причем в ряде мест были созданы по русскому образцу рабочие Советы (Берлин, Лейпциг, Магдебург, Галле и др.).

Стремясь не потерять влияние на массы, лидеры центристского крыла К. Каутский и Э. Бернштейн решили отмежеваться от правой социал-демократии и создали в апреле 1917 г. Независимую социал-демократическую партию Германии, в которую влилось около $^1/_3$ членов старой партии. В состав новой партии вошла и группа «Спартак», сохранив свою самостоятельность. Это было ошибочное решение, ибо линия «независимцев» лишь по форме выглядела весьма «левой», а на деле являлась оппортунистической. В. И. Ленин дал точную оценку политике «независимцев»: «...на словах «независимые», на деле *зависящие* целиком и по всей линии сегодня от буржуазии и шейдемановцев... люди без идей, без характера, без политики, без чести, без совести, живое воплощение растерянности филистеров, на словах стоящих за социалистическую революцию, на деле не способных понять ее, когда она началась, и защищающих по-ренегатски «демократию» вообще, то есть *на деле* защищающих *буржуазную* демократию»[72].

Политические маневры оппортунистов дезориентиро-

вали массы, сбивали их с толку, однако революционный инстинкт рабочих брал верх. Летом и осенью 1917 г. в Германии произошли серьезные волнения во флоте, на фронте началось братание солдат воюющих коалиций, в движение пришло студенчество, которое прежде всегда было оплотом консервативных сил, а также служащие. Даже в деревне обнаружились антимонархические и антивоенные настроения.

В обстановке нарастания массового социального протеста пришло известие о победе пролетарской революции в России. Спартаковцы сразу же призвали немецких рабочих последовать русскому примеру. «Всеобщий мир,— говорилось в «Письме Спартака № 8», вышедшем в январе 1918 г.,— не может быть достигнут без свержения господствующей в Германии власти»[73].

В Берлине по инициативе спартаковцев была объявлена политическая стачка, в которой участвовало около 400 тыс. человек. Политические демонстрации и забастовки в январе 1918 г. развернулись по всей стране. Вскоре в 50 городах бастовало свыше 1 млн рабочих, служащих, студентов[74]. «Это выступление пролетариата,— отметил В. И. Ленин,— в стране, одурманенной угаром национализма и опьяненной ядом шовинизма, есть факт первостепенной важности и представляет собой поворотный пункт в настроениях немецкого пролетариата»[75].

Против рабочих власти применили самые суровые репрессии. Установив временный «мир» дома, германская военщина 10 февраля прервала переговоры в Брест-Литовске, и 18 февраля были возобновлены военные действия против Советской России. Предательское поведение Л. Троцкого, нарушившего директивы СНК и отказавшегося подписать мирное соглашение, развязало руки Германии. Наступление германских войск на Украине и под Петроградом было остановлено Красной Армией, и 3 марта был подписан Брестский мир, давший молодому Советскому государству жизненно необходимую передышку.

В условиях мира немецкая буржуазия видела основную опасность в проникновении «большевистской заразы» в Германию. Свой вклад в «угашение» революционного сознания рабочего класса постарался внести и К. Каутский, выдвинувший идею о полной непригодности опыта Октября в немецких условиях. По мнению К. Каутского, для Германии были приемлемы лишь сугубо «парламентские методы» борьбы, а не «уличные

действия масс». С целью принизить значение Октября К. Каутский усиленно доказывал тезис о том, что в России якобы произошла «последняя из буржуазных, а не первая из социалистических революций»[76], а посему российский опыт не может быть полезен для «передовой Германии».

Разоблачению всей фальшивости и подлости подобного поведения бывшего адепта марксизма В. И. Ленин счел необходимым посвятить специальную большую работу «Пролетарская революция и ренегат Каутский», которую он закончил буквально в ту же ночь, когда началась революция в Германии: «Предыдущие строки были написаны 9 ноября 1918 г. В ночь с 9 на 10 получены известия из Германии о начавшейся победоносной революции сначала в Киле (восстание моряков в г. Киле 3 ноября 1918 г.— *Б. К.*) и других северных и приморских городах, где власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, затем в Берлине (9 ноября.— *Б. К.*), где власть тоже перешла в руки Совета»[77].

Спустя всего несколько дней красные флаги развевались почти во всех крупных городах на северо-западе, юге и западе Германии. Власть повсюду брали в свои руки рабочие и солдатские Советы. Дни империи были сочтены. Председатель СДПГ Эберт в этот решающий момент стремился всеми силами избежать революции. «Если кайзер не отречется,— заявил он в беседе с канцлером Максом Баденским 8 ноября,— социальная революция неизбежна. Но я не желаю ее, да, я ненавижу ее как грех»[78]. Это чувство разделяли и многие другие деятели СДПГ.

Однако продлить дни монархии было уже никому не под силу. 9 ноября император покинул Германию и выехал в Голландию, а правительство возглавил Эберт, поспешивший призвать берлинцев «спокойно разойтись по домам». На собрании рабочих и солдатских Советов Берлина 10 ноября было избрано «социалистическое правительство» — Совет народных уполномоченных во главе с Эбертом и Шейдеманом.

Для политиканов типа Эберта, Шейдемана, Носке и им подобных революция на этом закончилась. Старый государственный аппарат был сохранен в полной неприкосновенности. Получилось своеобразное слияние старой и новой власти, точнее, новая власть как бы механически надстроилась сверху на огромный бюрократический аппарат кайзеровской Германии. По существу была реализована идея Каутского о необязательности слома старого государства, о возможности сотрудничества органов

буржуазного и революционного государства. Подобный симбиоз под названием «чистая демократия» порождал огромные препятствия на пути революции.

Спартаковцы призвали народ к продолжению борьбы за «социальную республику», как в те годы часто именовалась социалистическая республика, но этот призыв нашел отклик лишь у меньшинства рабочего класса. Основная масса рабочих, доверчивых, не обладавших политическим опытом, пошла за социал-демократическими лидерами правого и центристского толка.

Без тени смущения «социалист» Носке на предложение другого «социалиста», Эберта, встать во главе правительственных войск для подавления революционного выступления берлинских рабочих заявил: «Пусть так, кто-то ведь должен стать кровавой собакой»[79]. И он без колебаний приказал солдатам огнем подавить рабочее выступление. Город был наводнен вооруженными карателями. Сотни людей погибли. Весь состав Исполкома Берлинского Совета был арестован, тысячи рабочих брошены в тюрьмы. 15 января 1919 г. были зверски убиты вожди германского пролетариата Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Но революционная энергия масс еще не иссякла. Борьба в стране продолжалась. В январе 1919 г. в крупнейшем портовом городе Бремене была провозглашена Советская республика. Затем рабочие взяли власть в Куксгафене, Гамбурге и других городах.

Своей кульминации борьба достигла в апреле 1919 г., когда в Баварии была провозглашена Советская республика, во главе которой встали коммунисты. Исполком Мюнхенского Совета национализировал банки, установил рабочий контроль над производством, принял меры по борьбе со спекуляцией и саботажем, провел конфискацию припрятанного буржуазией продовольствия. пытался установить контакты с крестьянством, но главные усилия все же был вынужден уделить обороне города от атакующих правительственных войск. Власть Советов распространилась еще на ряд городов Баварии. В течение 19 дней Красная Бавария героически сражалась против правительственных войск, но все же была разбита. 3 мая враг торжествовал победу.

Ноябрьская революция по своему содержанию не вышла за буржуазно-демократические рамки, хотя именно пролетариат был ее главной движущей силой и велась она в основном пролетарскими методами. Следуя понятиям русского «революционного календаря»[80], В. И. Ле-

нин на заседании Совета Народных Комиссаров РСФСР 11 ноября 1918 г., т. е. через неделю после начала германской революции, отметил, что «в основном, по-видимому, у немцев все-таки февраль, а не октябрь»[81]. К сожалению, эта оценка в кратком протоколе заседания не была расшифрована. Известно, однако, что весной 1918 г. В. И. Ленин считал, что «Германия еще не дозрела до «своего» февраля...»[82]. Когда же в ноябре 1918 г. началась революция, и особенно в дни Красной Баварии, февральский рубеж был, по-видимому, не только достигнут, но и в отдельных моментах превзойден. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии (за исключением ситуации в Баварии) в общем застряла где-то на полдороге между Февралем и Октябрем, не дойдя до социалистического переворота.

Трагический исход не умаляет международного значения Ноябрьской революции. Ведь благодаря ей была сметена империя Гогенцоллернов и провозглашена республика, открылась возможность для пересмотра позорного Брестского мира, были созданы рабочие и солдатские Советы, образована Коммунистическая партия Германии. Вместе с тем революция наглядно выявила определенные слабости рабочего класса, пассивность основной массы крестьянства и средних слоев и многое другое.

Ноябрьская революция имела чисто городской характер, ее главной и по существу единственной движущей силой выступал пролетариат. Пролетарскими были и основные формы борьбы — всеобщая стачка, политические демонстрации, вооруженные восстания, деятельность рабочих Советов и профсоюзов, создание отрядов Красной гвардии и пролетарской милиции, борьба группы «Спартак» и т. д.

Однако сам рабочий класс был расколот: одна его часть — революционное меньшинство во главе с коммунистами — вела борьбу за социалистический переворот, другая — большинство — плелась в хвосте у Эберта и Шейдемана, в хвосте у буржуазии, стояла на позициях социал-реформизма и была заражена антибольшевистскими предубеждениями.

Солдатская масса, в основном рекрутируемая из среды рабочих, сыграла выдающуюся роль в революции, но та же самая германская армия рьяно подавляла революционные силы и в самой Германии, и за ее пределами — в России, Финляндии, Венгрии. В отличие от России немецкий пролетариат не сумел привлечь на свою

сторону крестьянство, которое не приняло сколько-нибудь активного участия в революции.

В. И. Ленин в речи на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. констатировал, что «в Германии никакого свободного ветерка незаметно в деревне в смысле возникновения Советов из батраков и мелких крестьян»[83], а без этого условия рассчитывать на уверенную победу революции было нельзя.

Одной из основных причин незавершенности Ноябрьской революции явилась слабость субъективного фактора. В. И. Ленин еще накануне германского Ноября писал: «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней *нет* революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов... или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной. Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он остается великой бедой и великой опасностью»[84].

Этот коренной недостаток пытались выправить немецкие интернационалисты. 30 декабря 1918 г.— 1 января 1919 г. ими была основана Коммунистическая партия Германии. Но молодой партии не хватило сил для этого. Социал-демократы и «независимцы», стоявшие у руля революции, не желали ее поступательного развития в направлении к социализму. Такой курс не мог не завершиться и действительно завершился поражением.

К. Каутский, Э. Бернштейн пытались доказать возможность «мирного врастания» в социализм, ратовали за реформу и метод «парламентаризации» вместо «уличных действий» и «диктатуры низших слоев» в лице Советов и т. д. Это был, так сказать, «прусский путь» развития (точнее — стагнации) революции. Всякого рода эберты, шейдеманы, носке и им подобные словно плющ обвили здоровый ствол революции, лишили его воздуха и света, отравили ее соки ядовитыми теориями, не дав ей расти ни вширь, ни ввысь.

Но было бы неисторично все слабости Ноябрьской революции объяснять только тактикой реформистов. В конечном счете главное зависело от настроений и политических ожиданий самих масс, от их умения различать, где революция, а где оппортунизм. Недостаток политического опыта, привычка пассивно следовать за лидерами, ожидать приказа «сверху», мелкобуржуазные, особенно парламентские, иллюзии — все это лежало в основе тех процессов, которые определяли поведение масс. Особую роль сыграла стихийность движения. Так или

иначе, но именно массы добровольно избрали в руководство Советов всякого рода мелкобуржуазных оппортунистов и демагогов, веря им на слово и не умея противопоставить оппортунизму вождей свою волю и требования. Во многом эта доверчивость питалась опьянением от первого успеха, надеждами на легкое продолжение революции в едином строю, в союзе классов, в том числе буржуазии и пролетариата. Не случайно, например, в Бонне был даже создан «Совет рабочих, солдатских и буржуазных депутатов»[85].

Ход борьбы показал всю нелепость и несостоятельность расчетов на сотрудничество антагонистических классов в революции, которая, хотя и именовалась германской, на деле носила не национальный, а классовый характер.

Общий вывод о значении Ноябрьской революции содержится в ленинской работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», буквально пронизанной анализом германского опыта 1918 г. Главное достижение этого опыта состояло в «привлечении авангарда рабочего класса, в переходе его на сторону Советской власти против парламентаризма, на сторону диктатуры пролетариата против буржуазной демократии»[86]. Но, продолжает В. И. Ленин, важно сделать следующий шаг — отыскать, нащупать форму *«перехода* или *подхода* к пролетарской революции»[87]. К сожалению, в ноябре 1918 г. германский пролетариат не смог сделать этого шага. «Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно далеко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков — основной закон всех великих революций, подтвержденный теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией»[88].

Этот вывод В. И. Ленина имеет принципиальное и политическое, и методологическое значение.

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ВЕНГРИИ

Высшим этапом революционного подъема 1918—1923 гг в Европе явилось установление в марте 1919 г. Венгерской Советской Республики. Этому предшествовали два этапа: 1) осуществление буржуазно-демократической революции в октябре 1918 г. и 2) перерастание демократической революции в социалистическую (октябрь 1918 — март 1919 г.). В силу целого ряда обстоятельств обе революции развивались по мирному пути.

Чтобы понять предпосылки именно такого, а не иного хода событий, равно как и причины последующей кровавой победы контрреволюции, необходимо проследить последовательность всех этапов революционного процесса: складывание осенью 1918 г. революционной ситуации, осуществление в октябре того же года буржуазно-демократической революции, ее перерастание в революцию социалистическую, мирный путь установления диктатуры пролетариата, деятельность Венгерской Советской Республики и начало социалистического строительства, переход сил внутренней и внешней контрреволюции в наступление, падение Советской республики [89].

В отличие от Финляндии, Австрии и Германии, где развитие революционной борьбы не прошло все свои циклы, застопорилось на полпути, в Венгрии, как и в России, причем даже значительно быстрее, был проделан весь путь от буржуазно-демократической до победоносной социалистической революции. В России на это потребовалось 8 месяцев (с февраля по октябрь 1917 г.), в Венгрии — четыре с половиной месяца (октябрь 1918 — март 1919 г.).

Распад Австро-Венгерской монархии, принявший осенью 1918 г. необратимый характер, поражение центральных держав на фронтах войны, полный развал экономики, массовое дезертирство, разложение «верхов» и озлобление «низов» — все это привело к возникновению глубокого общенационального кризиса в Венгрии. Напряженность политической обстановки в октябре 1918 г. достигла критической точки.

Буржуазно-либеральные круги, объединившиеся вокруг лидера партии независимости графа Михая Каройи, выступали за заключение сепаратного мира и демократизацию монархии (королем Венгрии с 1916 г. после смерти Франца Иосифа являлся австрийский император Карл IV) с целью сохранения «целостности историче-

ской Венгрии». За этим термином скрывалось желание удержать господство над словенским и румынским населением королевства. О «почетном мире» речи уже не шло, надо было спасать главное – сам буржуазно-помещичий строй, собственность, власть.

В целях предотвращения «революции снизу», которая уже произошла в Финляндии и Австрии, граф Михай Каройи и его партия стремились как можно быстрее создать «демократическое» правительство. Эта линия удивительно напоминала поведение российских либералов накануне Февраля. Угроза «революции снизу» действительно нарастала с каждым днем, но в отличие от России рабочий класс Венгрии не имел революционной партии, способной повести за собой широкие массы. Руководство Венгерской социал-демократической партии (создана в 1890 г.) стояло на реформистских позициях. До войны оно активно выступало против милитаризма, участвовало в организации массового рабочего движения в защиту экономических интересов трудящихся, но с началом войны скатилось на позиции шовинизма и оппортунизма. В партии преобладало мнение о том, что поскольку речь идет о буржуазной революции, то и руководить ею призвана буржуазия.

Буквально накануне революции чрезвычайный съезд венгерской социал-демократии, открывшийся 13 октября 1918 г., выступил с предложением, чтобы король срочно назначил новое правительство из представителей «всех демократических классов». Партия выступала за проведение выборов в парламент, заключение мира, обеспечение демократических свобод, передачу земли тем, кто ее обрабатывает, введение закона о 8-часовом рабочем дне и т. д. Это была крайне куцая и либеральная платформа [90]. Манифест не призывал ни к свержению существующего строя, ни к установлению революционной народной власти. По существу взгляды социал-демократии и буржуазно-либеральной оппозиции совпадали.

Левая группа социал-демократов (32 делегата) предложила свой проект резолюции, в котором выдвигалась идея о создании Советов рабочих депутатов. Такой совет был создан в Будапеште еще во время всеобщей забастовки в июне 1918 г., но вскоре по вине социал-демократов распался. Правое руководство партии прочно удерживало свои позиции, пропагандируя путь реформ и компромиссов. В результате в условиях революционной ситуации рабочий класс Венгрии оказался без настоящего политического руководства. А между тем рабо-

чий класс Венгрии представлял собой огромную силу. За его плечами был опыт классовых боев 1848 г., крупных забастовочных выступлений 1905—1906 гг., массовых митингов и демонстраций в защиту экономических интересов, за введение всеобщего избирательного права и т. д. Широкий размах носило профсоюзное движение, объединившее в своих рядах к 1918 г. 300 тыс. человек. Общее число рабочих превышало 1 млн человек, из них примерно 440 тыс. были заняты в промышленности и 700 тыс.— в сельском хозяйстве[91]. Рабочий класс подвергался самой жестокой эксплуатации, страдал от голода и лишений, не имел почти никакого трудового законодательства.

В годы войны и особенно под влиянием февральской революции в России пролетариат Венгрии включился в активную стачечную борьбу. Крупные выступления произошли в апреле и мае 1917 г. Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала новый подъем рабочего движения. 25 ноября 1917 г. в Будапеште состоялся 100-тысячный митинг солидарности с Советской Россией. В ноябре — декабре развернулось массовое забастовочное движение, вылившееся в январе 1918 г., как в Австрии и Германии, в крупное политическое выступление рабочего класса. В январской трехдневной забастовке приняло участие несколько сот тысяч рабочих, выступавших под лозунгами: «Да здравствует Советская Россия!», «Долой войну!», «Да здравствуют рабочие Советы!»

Лидеры социал-демократии, испугавшись размаха пролетарского выступления, поспешили принять решение о прекращении забастовки. Повторилась типично австрийская ситуация, но стачечная борьба продолжалась. Все активнее в движение включались вернувшиеся из России бывшие военнопленные (с января по октябрь 1918 г. в Венгрию возвратилось свыше 300 тыс. военнопленных). Как указывалось в одном из циркуляров министерства внутренних дел Венгрии, «военнопленные целеустремленно используют все возможности, чтобы принять участие в пропаганде и в проведении в жизнь идей большевиков-максималистов»[92]. Действительно, многие венгерские пленные прошли хорошую политическую школу в России, сражаясь за установление Советской власти в Москве, на Урале, на Украине, в Сибири. В марте 1918 г. по инициативе выдающихся венгерских революционеров-большевиков Белы Куна и Тибора Самуэли в Москве была сформирована венгерская группа РКП(б). При

непосредственной поддержке В. И. Ленина она развернула подготовку агитаторов, которые по возвращении на родину включались в революционное движение.

К осени 1918 г. в стране стала складываться революционная ситуация, которая к концу октября вылилась в буржуазно-демократическую революцию. Главную роль в ее осуществлении сыграли пролетариат и солдатские массы, в том числе бывшие военнопленные.

25 октября 1918 г. в Будапеште стихийно началась массовая демонстрация с требованием заключения мира и отделения Венгрии от Австрии. Отказ короля от каких-либо уступок побудил буржуазных либералов во главе с Михаем Каройи объявить о создании Национального совета, в который вошли и социал-демократы. В воззвании к народу содержалось требование полной независимости Венгрии, мира, введения демократических свобод, проведения аграрной реформы. Главный смысл состоял, однако, в том, что Совет фактически объявлялся контрправительством.

Несмотря на пассивность Национального совета, сами трудящиеся, организуя повсеместно митинги и забастовки, привлекая на свою сторону солдат и полицию, настолько разложили старую власть, что реальная сила все больше концентрировалась в руках Совета. Как впоследствии признавал сам М. Каройи, «в то время, когда массы ожидали и постоянно требовали от нас действий, мы — наверху — стремились к мирному развитию»[93].

Но, как это часто бывало прежде, во всяком случае в подавляющем большинстве буржуазно-демократических революций (и в этом, по-видимому, скрыта одна из общих тенденций их развития), борющийся народ сам, добровольно передал власть буржуазно-либеральным элементам, т. е. самым пассивным и консервативным, но самым политически и интеллектуально организованным группам, даже не группам, а определенным популярным в массах лидерам, ожидая от них руководства и благодеяний, надеясь на их честность и политическую мудрость.

Под давлением масс 16 ноября 1918 г. Национальный совет принял воззвание о провозглашении Народной республики. Буржуазно-демократическая «революция астры», как она именуется в венгерской литературе, завершилась. Она свергла монархию, обеспечила Венгрии национально-государственную самостоятельность, ввела демократическую систему управления.

Рабочий класс в ходе буржуазно-демократической ре-

волюции впервые ощутил всю свою огромную силу, сыграв ведущую роль в обеспечении первой победы. Массам стала более ясна трусливая позиция буржуазных либералов, пассивность и оппортунизм правых социал-демократических вождей и профсоюзных боссов. Впервые были на практике установлены боевые контакты революционных рабочих, солдат и крестьян. Оформилось и стало быстро набирать силу левосоциалистическое и коммунистическое движение. На местах создавались Советы рабочих и солдат.

Важнейшим завоеванием явилось создание в ноябре 1918 г. Коммунистической партии Венгрии. В истории революционной борьбы наступил новый этап — этап перерастания демократической революции в социалистическую. Он был весьма коротким — всего четыре с половиной месяца, но расстановка классовых сил за это время существенно изменилась.

Рабочий класс Венгрии за короткое время после буржуазно-демократической революции накопил интересный опыт, а главное, приобрел революционного вождя в лице коммунистической партии. Влияние коммунистов и левых социалистов быстро росло. Мощным отрядом революции стали бывшие военнопленные. В декабре 1918 г. на коммунистические позиции встал Союз рабочей молодежи, порвавший с социал-демократической партией.

Широкие массы народа ожидали от правительства М. Каройи решения всех насущных проблем. Но с каждым днем становилось яснее, что венгерские либералы и меньшевики стремятся заузить революцию, свести ее к куцым реформам. В самих правительственных кругах началась грызня за лидерство, что вызвало серию кризисов и перестановок в верхнем эшелоне власти. Это привело, с одной стороны, к разочарованию масс в новом правительстве, а с другой — к ослаблению позиций М. Каройи и его сторонников. Правые круги, стремившиеся реставрировать старые порядки, создавали всякого рода контрреволюционные группировки, устраивали мятежи и провокации.

В январе 1919 г. возник глубокий политический кризис и открылась реальная возможность перехода всей полноты власти в руки социал-демократов. Правительство подало в отставку. Исполком Национального совета не нашел, однако, никакого иного решения, как провозгласить Каройи временным президентом. Перестановки в правительстве не могли успокоить массы. Повсюду

проходили митинги и демонстрации, крестьяне самовольно захватывали земли, солдаты отказывались повиноваться. В Будапеште на многих заводах был введен рабочий контроль. На местах создавались рабочие, солдатские и крестьянские Советы.

Правительство попыталось путем репрессий и запугиваний сбить революционную волну. Руководители коммунистов, в том числе Бела Кун, были арестованы. Партия перешла на полулегальное положение. Наступил своего рода перелом.

К середине марта в Венгрии созрела революционная ситуация. Державы Антанты попытались вмешаться в ход событий, чтобы предотвратить социалистическую революцию, заранее «ее уничтожить, не дать ей родиться»[94], а заодно укрепить свои позиции на Балканах и создать там плацдарм для последующего нападения на Советскую Россию. Однако события развивались не по сценарию, выработанному Верховным советом Антанты в Париже. Буржуазное правительство оказалось недееспособным. Каройи предложил социал-демократическим лидерам сформировать правительство, но и они побоялись пойти на этот шаг, понимая, что без коммунистов им власть не удержать. Утром 21 марта лидеры социал-демократов послали к Бела Куну, находившемуся в тюрьме, делегацию с предложением сформировать коалиционный кабинет. Бела Кун выдвинул обязательным условием признание программы коммунистов и принципов диктатуры пролетариата.

Кратко говоря, платформа для объединения, сформулированная Бела Куном в письме из тюрьмы 11 марта, сводилась к следующему: отказ от участия в буржуазном правительстве и разрыв с порочной политикой классового сотрудничества, создание власти рабочих, солдатских и крестьянских Советов, заключение мира, отказ от шовинизма и оборончества, роспуск старой армии, полиции и жандармерии и создание классовой армии вооруженного пролетариата, разоружение буржуазии, введение рабочего контроля над производством, национализация помещичьих земель, банков, транспорта и промышленности, введение монополии государства на внешнюю торговлю, разработка трудового законодательства, отделение церкви от государства[95].

Эти условия социал-демократы формально признали, и 21 марта было достигнуто согласие об объединении двух партий и образовании единого революционного правительства. Предчувствуя угрозу вооруженного вос-

стания и «во избежание бесполезного кровопролития», не имея ни армии, ни поддержки масс, М. Каройи подписал заявление об отставке. Через несколько часов он аннулировал свою подпись, но было уже поздно. 21 марта 1918 г. Венгрия была провозглашена Советской республикой.

Правые силы еще не успели консолидироваться и не смогли предотвратить установление диктатуры пролетариата. Вечером 21 марта рабочие Будапешта с оружием в руках завершили захват власти: полиция и жандармерия были разоружены, из тюрем выпущены политические заключенные, были заняты вокзалы, мосты, телеграф, телефон, что окончательно обеспечило победу пролетарской революции без кровопролития, мирным путем. «Мирный характер нашей революции,— подчеркивал Бела Кун,— объясняется тем, что венгерская буржуазия оказалась чрезвычайно обессиленной войной и потому не сумела оказать сопротивление, а венгерский пролетариат, наоборот, окреп за это время»[96]. Таким образом, мирная победа была обеспечена особым соотношением классовых сил, превосходством сил пролетариата над буржуазией.

Советская Венгрия просуществовала 133 дня. За это короткое время ей удалось сделать очень много: были национализированы средние и крупные фабрики, транспортные и торговые предприятия, сберегательные кассы, введена государственная монополия внешней торговли. Были обобществлены и все земельные владения размером более 100 хольдов (57 га), что позволило ликвидировать помещичьи хозяйства. Однако крестьяне-бедняки земли не получили, поскольку она перешла в ведение кооперативов и госхозов. Такое решение вызвало недовольство крестьянства, что ослабило Советскую республику.

Более успешно действовала Советская власть в области трудового законодательства: был введен 8-часовой рабочий день, повышена заработная плата рабочим и служащим, установлено социальное страхование. По всей стране развернулась борьба с неграмотностью. В связи с необходимостью защиты революции начали создаваться Красная Армия, отряды народной милиции.

Созидательная работа венгерского социалистического государства проходила в чрезвычайно сложной международной обстановке и при нарастающей консолидации сил внутренней и внешней контрреволюции. В середине апреля началась прямая интервенция румынских королевских войск в Трансильвании; в конце апреля с северо-востока

вторглась чехословацкая буржуазная армия. Империалистические державы Антанты пытались чужими руками задушить Советскую Венгрию. В мае положение стало критическим.

Советская Россия стремилась оказывать всю возможную военную помощь, однако силы были неравными. Под ударами внутренней контрреволюции и под натиском войск внешней контрреволюции 1 августа Советская республика пала. В Будапешт вступили румынские войска. Вскоре был установлен военно-диктаторский режим адмирала Хорти. В результате белого террора 6 тыс. революционеров были убиты, 70 тыс. брошены в тюрьмы, 100 тыс. человек бежали из страны[97].

Свержение Советской власти и реставрация буржуазных порядков явились тяжелым ударом по силам всего мирового революционного процесса, но даже поражение не могло принизить международное значение Венгерской Советской республики. Как отмечал Ф. Энгельс, иные поражения могут сделать «несравненно больше для революционизирования умов», чем легкие победы[98]. Конечно, это ни в малейшей степени не облегчает самой тяжести поражения, но придает ему в более крупном историческом масштабе особый смысл. Примером может служить, скажем, поражение Парижской коммуны или первой русской революции.

Опыт Венгрии показал, что рабочий класс без крепкой революционной партии не способен подняться на сознательную борьбу, добиться победы и защитить от контрреволюции достигнутые завоевания. Венгерский опыт в этом отношении имел огромное своеобразие: в марте 1919 г., на этапе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, произошло объединение старой, социал-демократической и молодой, коммунистической партий. Этот факт имел и плюсы, и минусы, но в конечном счете история показала, что здесь таилась роковая ошибка революции.

В. И. Ленин, анализируя причины поражения, специально подчеркивал: «Ни один коммунист не должен забывать уроков Венгерской Советской республики. Объединение венгерских коммунистов с реформистами дорого стоило венгерскому пролетариату»[99]. В чем же была ошибка? В том, что расчеты Бела Куна и других коммунистов на то, что постепенно удастся изолировать реформистские элементы, не оправдались. Небольшая коммунистическая партия практически растворилась в более многочисленной социал-демократической партии

и вынуждена была постоянно приспосабливаться к своему «союзнику», причем «союзнику», ведущему курс на отказ от диктатуры пролетариата. Как отмечал Бела Кун, «несомненно, что в самóм объединении уже были зародыши поражения. Вместе с тем очевидно, что, если бы не удалось связать до поры до времени социал-демократическую партию, Советская Республика пала бы еще быстрее»[100].

В принципе такое объединение не только возможно, но иногда и необходимо. В свое время большевики на IV съезде из тактических соображений временно объединились с меньшевиками. Главный смысл этой акции состоял в обеспечении единства действий пролетариата. Такой же курс проводили Бела Кун, Тибор Самуэли и другие руководители молодой Коммунистической партии Венгрии. И это было абсолютно верно. Но ситуация в России и Венгрии имела существенные различия.

Большевики с 1903 г. сложились в крепкое и самостоятельное политическое течение, имели авторитет в массах, т. е. по сравнению с меньшевистской фракцией обладали явным превосходством. В Венгрии преимущество оставалось на стороне местных меньшевиков. Коммунистическая партия только набирала силу. Вот почему, как отметил В. И. Ленин в беседе с венгерским коммунистом Ласло Рудашем, организационное объединение с социал-демократами явилось по крайней мере шагом очень опасным. Лучше было бы создать блок, в котором коммунисты сохраняли свою самостоятельность и в нужный момент могли вовсе порвать с теми, кто с самого начала предавал революцию[101]. Такой вариант рассматривался, но выбор был сделан в пользу организационного слияния двух партий. Эта ошибка повлекла за собой тяжелые последствия. Вместе с тем опыт Венгрии показал возможность перехода части левой социал-демократии на подлинно революционные позиции. Если бы международная обстановка была более благоприятной, отмеченные слабости венгерского рабочего класса, возможно, могли быть преодолены в ходе самого развития революции.

В значительной мере под влиянием мелкобуржуазной стихии уже на этапе социалистической революции пролетариат и его партия допустили немало тактических ошибок, чем не преминула воспользоваться окрепшая и поумневшая буржуазия. Бела Кун отмечает «две основные ошибки венгерской революции: объединение с социал-демократической партией и доктринерский, небольшевист-

ский подход к вопросу о крестьянстве, — подход, который лишил пролетарскую революцию и ее передовой класс, пролетариат, важнейшего резерва в революции — крестьянства. Обе эти ошибки были роковыми»[102].

Эти уроки имели огромное международное значение, поскольку учили пролетариат всех стран и его коммунистические партии, как надо и как не надо действовать, причем учили не на словах, а на конкретном, во многом уникальном опыте.

Важной его особенностью было то, что революция развивалась по мирному пути. Это дало пролетариату, как указывал В. И. Ленин, огромное моральное преимущество[103]. Но тот факт, что переход к советскому строю был в Венгрии несравненно более легким и мирным, чем в России, породил неподготовленность рабочего класса к вооруженным формам борьбы.

Опыт венгерской пролетарской революции показал, что исключительно важное значение для исхода борьбы имеет стратегическая обстановка, определенная международная ситуация. Если бы не экспорт контрреволюции извне, социалистическая революция сумела бы защитить себя от ударов внутреннего врага.

Все эти стороны венгерского опыта — и позитивные, и негативные — и по сей день сохраняют свою ценность.

Две венгерские революции — «революция астры» в октябре 1918 г. и пролетарская революция в марте 1919 г. — явились важными и крупными вехами в общем потоке революционных боев 1918—1923 гг. Они имели не только европейское, но и международное значение.

АНТИФАШИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ В БОЛГАРИИ

Среди революционных выступлений рабочего класса Европы в первые послеоктябрьские годы заметное место занимает антифашистское восстание в Болгарии. Оно произошло в сентябре 1923 г., т. е. уже в условиях спада революционной волны. Это в корне меняло условия классовой борьбы пролетариата, которая все больше приобретала оборонительный, а не наступательный характер.

Ситуация в Болгарии в начале 20-х годов была весьма специфической. С 1920 г. у власти находилось правительство А. Стамболийского — лидера Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), — пытавшееся путем развития кооперации осуществить идею самостоя-

тельной крестьянской власти. Стамболийский отрицал классовую борьбу и призывал рабочих к сотрудничеству с предпринимателями.

Болгарская коммунистическая партия, возникшая в 1919 г. путем преобразования партии тесных социалистов (выделилась из социал-демократической партии в 1903 г.), критически относилась к курсу Стамболийского, рассматривая его как представителя сельской буржуазии. В его лице она видела нечто вроде болгарского Керенского.

Коммунисты хотели как можно быстрее организовать «свою Октябрьскую революцию», не умея приспособить опыт большевизма к особым условиям крестьянской Болгарии. Отношения между коммунистами и «земледельцами» были плохими, если не сказать враждебными: первые обвиняли вторых в буржуазной политике и призывали рабочих не вмешиваться в борьбу между городской и сельской буржуазией. БКП не сумела вовремя распознать, что против либерального правительства А. Стамболийского выступают крайне правые и фашистские силы, стремящиеся установить в Болгарии открытую террористическую диктатуру.

Этот политический просчет имел самые драматические последствия. В ночь на 9 июня 1923 г. в София был осуществлен бескровный военно-фашистский переворот. Главой нового правительства царь назначил А. Цанкова, одного из лидеров тайной фашистской группировки «народный сговор».

Кое-где сторонники Стамболийского сумели организовать сопротивление, в котором участвовали отдельные группы рабочих.

В книге «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк» в связи с этим отмечается: «Руководство БКП не поняло, что речь шла не о простой замене одного буржуазного правительства другим, а об установлении реакционного террористического режима и ликвидации демократических свобод»[104]. В специальном письме ИККИ подчеркивалось, что «в международном масштабе теория нейтралитета может причинить неслыханные бедствия всем партиям Коминтерна»[105].

Фашистский переворот 9 июня 1923 г. в Болгарии удивительно напоминает корниловский мятеж в августе 1917 г. в России. Тогда самые реакционные круги крупного капитала и черносотенной военщины также стремились установить режим «жесткой руки» для подавления революции. Формально речь и в России шла о борьбе

различных фракций буржуазии, но большевики благодаря мудрости В. И. Ленина не заняли нейтральной позиции, а подняли пролетариат на борьбу с корниловщиной. Благодаря правильной политике большевиков «инициатива революционных масс,— писал В. И. Ленин,— начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреоборимое»[106]. В итоге подавляющее большинство Советов перешло на революционные позиции. Если бы не мужественная позиция большевиков и пролетариата, корниловщина неминуемо победила бы.

Опыт борьбы с корниловщиной, видимо, был мало известен болгарским коммунистам, которые, оказавшись почти в аналогичной ситуации, вместо активной борьбы против фашистского мятежа решили остаться в стороне от схватки. По-видимому, расчет состоял в том, чтобы буржуазия сама ослабила себя в междоусобной войне, но дело обернулось иначе: в стране победила фашистская власть.

Под влиянием Коминтерна и благодаря активной работе В. Коларова и Г. Димитрова ЦК БКП в августе 1923 г. принял решение о подготовке к вооруженной борьбе с фашизмом и о создании для этого единого фронта с партией «широких социалистов» и «земледельцами», со всеми демократическими организациями, профсоюзами, кооперативами и др.

Однако правительство А. Цанкова решило нанести удар первым. 12 сентября по всей стране начались аресты коммунистов. В первые же дни в тюрьмы было брошено более 2,5 тыс. человек. Стремясь переломить ход событий, ЦК БКП принял решение начать в ночь на 23 сентября 1923 г. вооруженное восстание с целью свержения фашистского режима и образования в союзе с «земледельцами» рабоче-крестьянского правительства.

Времени для подготовки оставалось крайне мало. Массы еще не оправились от июньского шока. Сама партия понесла тяжелые потери. К сожалению, восстание почти без всякой подготовки в ряде мест началось раньше установленного срока (19 сентября), в результате чего силы повстанцев были быстро разгромлены. В Софии восстание вообще пришлось отменить, что внесло дезорганизацию в ряды рабочего класса.

В некоторых городах правительству удалось предотвратить выступления. И тем не менее в 20-х числах сентября в Болгарии во многих районах развернулись вооруженные бои рабочих и крестьян против фашистской власти. Особенно острая схватка произошла во Врачан-

ском округе (на северо-западе страны). Революционная власть была установлена в 8 городах и 400 селах. Но и здесь восстание через несколько дней было подавлено. Повсюду началась жестокая расправа: более 5 тыс. патриотов были зверски убиты, 15 тыс. человек брошены в тюрьмы. Над Болгарией опустилась черная фашистская ночь[107].

Несмотря на поражение, Сентябрьское народное восстание имело огромное значение, показав первый пример героического и беззаветного выступления трудящихся против фашизма. Особое значение опыт 1923 г. имел для коммунистов Италии, Греции, Румынии и Югославии. Коммунистические партии Балканских стран с глубоким интересом изучали Сентябрьское восстание в Болгарии и его значение в борьбе за единый фронт. Большое внимание анализу этого события уделил Коминтерн.

Опыт 1923 г. крайне пригодился спустя ряд лет при разработке стратегии единого антифашистского фронта. Анализируя уроки Сентябрьского восстания, Г. Димитров еще в 1923 г. сделал вывод о том, что «фашизм вовсе не только *антикоммунистичен*, он в то же время и *антинароден*»[108]. Борьба с ним возможна лишь через «единый фронт труда», всех демократических сил. Этот курс в дальнейшем полностью оправдал себя.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В 1918–1923 гг.

Победа Октября, словно электрический заряд огромной мощности, вызвала к жизни революционный порыв трудящихся всего мира, в том числе народов колониальных и зависимых стран. В отличие от Европы большинство государств Азии, Африки и Латинской Америки в 1918—1923 гг. находились на более низкой ступени общественного развития, а многие являлись колониями и полуколониями. Лишь в Латинской Америке, да и то далеко не везде, был достигнут определенный уровень развития капитализма, причем и здесь сохранялись сильные феодальные пережитки. В афро-азиатском регионе колониальная зависимость и докапиталистические отношения полностью превалировали, образуя непроходимый барьер отсталости и бедности. Вполне естественно, что в этих районах мира речь шла не о социалистической, а об антиколониальной (антиимпериалистической)

революции. Местной буржуазии будущее представлялось не иначе как более или менее свободное развитие по капиталистическому пути. Кстати сказать, другой альтернативы до 1917 г. просто не существовало.

Победа Великого Октября впервые открыла возможность перехода отсталых стран к социалистическим преобразованиям, минуя стадию капитализма. Конечно, реализация такой возможности зависела от многих обстоятельств и в конечном счете стала осуществляться значительно позднее благодаря возникновению мировой системы социализма. Но первые шаги в этом направлении были сделаны сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В какой-то мере эту идею попытались в 1918—1923 гг. по-своему поставить революционные силы Ирландии и Бразилии, но они не добились успеха. Плодотворный результат дал опыт Монголии, которая стала первой страной, вступившей на путь социализма, минуя капитализм.

Антиимпериалистические революционные движения 1918—1923 гг. в Ирландии, Бразилии и Монголии явились, на наш взгляд, наиболее яркими событиями в общем потоке освободительной борьбы этого периода. Лишь условно их опыт можно рассматривать отдельно от европейского, ибо и в Европе, и за ее пределами революционная борьба в эти годы шла под непосредственным воздействием Октября.

Своего рода связующим звеном между европейским и неевропейским опытом служит революция 1920—1923 гг. в Ирландии.

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1920—1923 гг. В ИРЛАНДИИ

В. И. Ленин придавал особое значение восстаниям «маленьких наций в колониях и в Европе...» [109]. Ирландия же была самой типичной колонией, но колонией не в Азии или в Африке, а в сердце самой Европы. По сравнению с отдаленными колониями она имела, конечно, более тесные связи со всей структурой английского общества и потому в целом являлась капиталистически развитее, что делало освободительное движение «возможнее, осуществимее, упорнее, сознательнее» [110]. По существу здесь воедино переплетались буржуазно-демократические, прежде всего аграрные, и антиколониальные задачи, придавая ирландской революции большое своеобразие [111].

Колониальное ограбление обрекало ирландский на-

род на отсталость и прозябание, поэтому естественно, что все классы общества объективно были заинтересованы в независимости. Однако ирландское общество развивалось под знаком глубоких социальных противоречий. Рабочий класс выступал не только против английских колонизаторов, но и против «своей» национальной буржуазии, стремясь придать освободительному движению социальный смысл. Буржуазия же готова была отделаться полумерами.

Внутренними разногласиями — вполне естественными и неизбежными, более того, не поддающимися контролю или регламентации — умело воспользовались британские власти. Они не смогли пресечь освободительную революцию, но при помощи ловких маневров добились, что начавшаяся снизу антиимпериалистическая народная революция приобрела, как выразился В. И. Ленин, «усеченный» характер, не до конца раскрыла свою силу, ограничилась полупобедой [112].

Империалистическое «усечение» революции было достигнуто сначала с помощью насильственных средств вплоть до войны и посылки войск, а в критический момент — путем формального предоставления Ирландии права доминиона под названием «Ирландское свободное государство». При этом от Ирландии были отторгнуты шесть самых развитых в промышленном отношении провинций (Ольстер) в пользу метрополии. В доминионе сохранялись английские военно-морские базы, предприятия, банки и т. п. Такая структура зависимости получила свое оформление в англо-ирландском договоре от 6 декабря 1921 г.

Этому акту предшествовала настоящая антиимпериалистическая революция, в которой главную роль сыграли рабочий класс и другие группы трудящихся. Политическое руководство принадлежало буржуазным и мелкобуржуазным националистическим элементам. Отправной точкой мощного подъема антиимпериалистической борьбы, вылившейся под влиянием Октября в революцию, явилось антианглийское восстание 1916 г. в Дублине — административном и культурном центре «зеленого острова». Город не являлся средоточием промышленности, «фабричные» рабочие насчитывали здесь всего 1000—1500 человек, крупных предприятий не было, зато имелось много мелких мастерских и цехов. Значителен был слой неквалифицированных «самостоятельных» рабочих (плотников, каменщиков, возчиков, портных и т. п.) [113]. Мелкобуржуазное предпринимательство (тор-

говцы, лавочники, конторщики, адвокаты) плотным кольцом окружало пролетариат, влияя на его настроения, привычки, образ жизни.

Крайне отрицательное воздействие на развитие рабочего класса Ирландии оказывали как местный буржуазный национализм с его проповедью «классового мира», ради общей защиты от Лондона, так и лозунги самой английской рабочей аристократии об отказе от какой-либо поддержки «реакционных» требований отделения острова от метрополии. Найти точное соотношение между национально-освободительной борьбой и классовыми интересами рабочих метрополии и колонии было крайне трудно. «Среди угнетенных наций выделение пролетариата в самостоятельную партию,— писал В. И. Ленин,— приводит иногда к такой ожесточенной борьбе с национализмом данной нации, что перспектива извращается и забывается национализм угнетающей нации»[114].

Такое извращение «перспективы» было присуще значительной части ирландского населения. Классовое чутье толкало основную часть ирландского пролетариата на решительную борьбу против колониализма в союзе со всеми антиимпериалистическими силами, включая патриотическую часть буржуазии, городские средние слои, крестьянство. Эту линию проводил выдающийся лидер ирландских социалистов Джеймс Конноли, но в целом она осуществлялась рабочими скорее не осознанно, а инстинктивно. Определенные группы находились под влиянием чисто «английского» подхода к проблемам нации и ее будущего, плетясь в хвосте у английской рабочей аристократии. Тем не менее вся повседневная жизнь «колониального захолустья» постоянно подталкивала ирландский народ на антиколониальную борьбу.

Все это ярко проявилось именно в дни Дублинского восстания в апреле 1916 г. В течение недели 2 тыс. повстанцев удерживали в своих руках значительную часть Дублина, отражая атаки колониальных войск. «Красная пасха» в конечном счете была подавлена. Она показала, писал В. И. Ленин, что для нее характерно самое активное выступление «части городской мелкой буржуазии *и части рабочих*... Кто называет *такое* восстание путчем (имеется в виду К. Радек.— *Б. К.*), тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию как живое явление.

Ибо думать, что *мыслима* социальная революция без

восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками,* без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,— думать так значит *отрекаться от социальной революции*»[115].

Именно все эти черты оказались присущи последовавшей за Дублинским восстанием антиимпериалистической революции.

Репрессии, обрушившиеся на патриотов после восстания, заставили их перейти к партизанским формам борьбы. Не желая терять влияние в массах, на позицию боевого антиимпериализма перешло и левореспубликанское крыло ирландской буржуазии. Избранные в английский парламент делегаты отказались заседать в нем и смело объявили себя полномочным парламентом Ирландии. 21 января 1919 г. была принята декларация о независимости страны и выдвинуто требование немедленной эвакуации английских войск. Одновременно формировалось Временное республиканское правительство, во главе которого встал лидер националистической партии шинфейнеров Де Валера. По существу осуществилась установка на мирное отделение от метрополии.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, но, когда Лондон попытался силой уничтожить Ирландскую республику, послав на ее подавление 50-тысячную регулярную армию, патриотические силы начали вооруженное сопротивление. Население отказывалось подчиняться колониальным властям, снабжало продовольствием Ирландскую республиканскую армию (ИРА), созданную из добровольцев-патриотов. В апреле 1920 г. состоялась общенациональная забастовка. Борьба приняла упорный и затяжной характер. «Теперешние «победители» в первой империалистской бойне,— подчеркивал В. И. Ленин,— не в силах победить даже маленькой, ничтожно маленькой Ирландии...»[116]

Важным успехом Ирландской республики явилось решение об установлении дипломатических отношений с Советской Россией. В самой Англии развернулось пролетарское движение солидарности с ирландскими патриотами.

Среди британских правящих кругов не было единства по вопросу об Ирландии: одна фракция выступала за жестокие карательные меры, другая во главе с Ллойд Джорджем вела более гибкую политику, стремясь при

помощи уступок сбить революционную волну. В конце концов победили умеренные. В декабре 1921 г. был заключен упомянутый англо-ирландский договор, который сразу вызвал раскол в лагере антиколониального движения. Более того, в самой Ирландии началась внутренняя гражданская война между правыми буржуазно-фермерскими кругами, которые признали условия договора, и теми слоями рабочих, фермеров, городской мелкой буржуазии, которые по призыву левого крыла шинфейнеров выступали против отчуждения Ольстера.

В течение 16 месяцев продолжалась кровопролитная гражданская война, в которой проявилось стихийное стремление части рабочего класса выйти за рамки антиимпериалистической борьбы. Эта тенденция, однако, не получила развития, и в апреле 1923 г. военные действия по приказу премьера подпольного республиканского правительства Де Валера были прекращены. Республиканская армия распускалась. На этом «усеченная» ирландская революция завершилась.

Местная буржуазия, опасаясь своего народа, пошла на компромисс с империализмом, показав нежелание вместе с рабочим классом, трудовыми слоями защищать национальные интересы.

Опыт ирландской революции, как до нее опыт младотурецкой, персидской и китайской революций, показал чрезвычайную сложность сочетания классовых и национальных интересов в антиимпериалистической борьбе, неготовность рабочего класса возглавить народное движение и повести революцию вперед. Еще раз проявилась роковая роль экспорта контрреволюции, утонченных методов «усечения» революции.

Урок Ирландии оказался в высшей степени полезен не только для европейского пролетариата, но и для трудящихся всех колониальных и зависимых стран.

ПРОЛЕТАРСКОЕ ВОССТАНИЕ В БРАЗИЛИИ

Своеобразный опыт борьбы с империализмом накопил в эти годы и латиноамериканский пролетариат. Наиболее ярким событием явилось вооруженное пролетарское восстание в тогдашней столице Бразилии – Рио-де-Жанейро – в ноябре 1918 г. Цель восстания состояла в установлении «коммунистической республики». История этого революционного выступления до сих пор почти не известна, хотя его опыт представляет немалый интерес.

Бразилия, как и многие другие страны Латинской Америки, относилась к группе политически самостоятельных, но экономически зависимых государств. К 20-м годам XX в. развитие капитализма здесь достигло среднего уровня. В годы первой мировой войны в основном завершилось формирование двух основных классов — пролетариата и буржуазии. В промышленности было занято примерно 300 тыс. человек, причем рабочий класс уже накопил немалый опыт забастовочной борьбы, имел крупные профсоюзы. В стране с 1902 г. действовала социалистическая партия, но она проводила курс на «классовое сотрудничество» и оставалась слабо связанной с массами. Ее социальной базой являлись мелкобуржуазная интеллигенция, студенчество.

Среди трудящихся, и прежде всего рабочих, ведущую роль играли анархо-синдикалисты, создавшие в 1908 г. Бразильскую рабочую конфедерацию[117]. Все свои надежды они возлагали на «прямое действие» масс — стачку, саботаж, демонстрацию. Они придерживались в основном идей Петра Кропоткина о так называемом «безвластном коммунизме» и отрицали политические, особенно парламентские, формы деятельности, выступали против «государственного социализма».

Воодушевленные известием о февральской революции в России, анархо-синдикалисты и левые социалисты организовали в июне — июле 1917 г. в крупнейшем промышленном центре — г. Сан-Паулу всеобщую забастовку, в которой участвовало более половины всего промышленного пролетариата страны.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции вызвала новый прилив боевой энергии бразильского пролетариата, а главное, способствовала выделению левого крыла, которое возглавили А. Перейра, О. Брандао, Э. Леуенрот, А. К. Дуарте и другие пролетарские революционеры. Их целью стала организация пролетарской революции, замена нынешнего правительства, которое уже не отвечает национальным надеждам, «подлинно народным правительством рабочих и крестьян, как это было сделано в России»[118]. В брошюре, написанной Э. Леуенротом и А. К. Дуарте, выдвигалась программа организации на местах «власти Советов», формирования центрального «коммиссариата народа» и учреждения «коммунистической республики».

Искреннее стремление совершить «свой» Октябрь привело к созреванию идеи о вооруженном восстании. Общий план предусматривал организацию всеобщей

стачки рабочих столицы, участники которой должны были с оружием в руках штурмовать правительственный дворец с целью ареста президента. Одновременно другие группы рабочих должны были атаковать военные склады, захватить оружие, обмундирование и боеприпасы. С помощью провокатора полиция узнала о плане восстания и приняла меры по «предотвращению анархистского бунта». В результате движение во многом развивалось стихийно, без прочного руководства.

18 ноября 1918 г. на текстильных фабриках Рио-де-Жанейро, Нитероя, Петрополиса и Маже началась стачка. К фабрикам были срочно посланы воинские части и полицейские патрули. В большинстве районов правительству удалось подавить восстание, однако в ряде мест развернулась ожесточенная вооруженная борьба. Особенно активно сражались рабочие — металлурги и строители. В баррикадные бои включились также студенты. Пролетарский район Сан-Кристоф стал центром боевых действий.

Пытаясь склонить солдат на свою сторону, восставшие обратились к ним с воззванием, в котором говорилось: «Солдаты и моряки — сыновья народа! Как только солдаты и матросы объединятся с рабочими, богачи и политиканы потеряют всякую силу и не будут господами на земле».

Призыв этот, к сожалению, не дал положительного результата. Лишь небольшая группа солдат отказалась повиноваться своим офицерам и перешла на сторону рабочих. Основная же часть армии и полиция выступили против них. К ночи выступление пролетариата было подавлено повсюду. Лишь в рабочем поселке Маже еще продолжались бои, в ходе которых революционеры провозгласили Рабочую республику. Но через четыре дня и здесь войска навели «порядок».

К суду было привлечено 58 человек. Правительство издало декрет о запрещении Всеобщей федерации трудящихся, а также профсоюзов текстильщиков, металлургов и строительных рабочих под предлогом, что все они «нарушили общественный порядок, а их члены, в своем большинстве иностранные агитаторы, являются настоящими анархистами», которые хотели «установить в Бразилии режим кровавого террора по типу русских Советов»[119].

Поражение ноябрьского восстания вызвало окончательный раскол в лагере анархо-синдикалистов. Одни разуверились в силе рабочего класса и скатились к оп-

портунизму, другие (Астрожилдо Перейра, Отавио Брандао и их товарищи), напротив, поняли, что успех рабочего движения зависит от уровня его политической организованности. Главный вывод сводился к признанию необходимости создания подлинно революционной рабочей партии. Поражение ноябрьского вооруженного восстания окончательно развеяло веру в старые анархистские догмы, способствовало переходу передовой части рабочих на новые позиции. Именно этот сдвиг сыграл решающую роль в создании в марте 1922 г. Бразильской коммунистической партии.

Революционное выступление бразильского пролетариата в ноябре 1918 г. явилось большой политической школой для всего латиноамериканского пролетариата. Главный урок состоял в том, что пролетарское восстание в Рио-де-Жанейро оказалось изолированным от общих задач антиимпериалистического движения. Анархо-синдикалисты нацеливали главный удар против местной буржуазно-помещичьей олигархии, но они не сумели связать цели революции с задачами антиимпериалистической борьбы, в которой активное участие могли принять средние городские слои, крестьянство, национальная буржуазия. Недооценка общедемократических и антиимпериалистических целей вела рабочий класс к самоизоляции, что и продемонстрировал 1918 год. Понадобилось немало лет, чтобы найти верное место пролетариата в общем потоке революционно-антиимпериалистической борьбы.

В сравнении с ирландской революцией восстание бразильского пролетариата было значительно меньшим по числу участников, но оно отчетливо показало свой революционный характер, что в определенной степени дополнило опыт крестьянской революции в Мексике. Под влиянием Октября латиноамериканский пролетариат стал шаг за шагом выдвигаться на передовые позиции.

НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1921 г. В МОНГОЛИИ

Иначе развивалось революционное движение в отсталой Монголии, которая не была похожа ни на Ирландию, ни на Бразилию. Но и здесь со всей силой проявилось влияние Октября, благодаря которому монгольский народ обрел новую судьбу.

Итоги народной революции в Монголии превзошли все ожидания, причем особенно неожиданным было то,

что она осуществилась в наиболее отсталой азиатской стране, которая на протяжении ряда веков стояла на самой обочине цивилизации. Долгих два с лишним столетия Монголия представляла собой степные задворки маньчжурской династии. После синьхайской революции 1911 г. она вошла в состав Китая в качестве автономной (т. е. зависимой.— *Б. К.*) Внешней Монголии.

Феодально-скотоводческая страна с огромной и неосвоенной территорией (почти 1,5 млн кв. км) и неграмотным населением первой в мире пошла по новому, некапиталистическому пути прогресса. Народно-демократическая революция в Монголии впервые на практике подтвердила верность ленинского теоретического предвидения о том, что при помощи победившего пролетариата более передовых стран даже в самых отсталых странах можно проделать путь к социализму, минуя стадию капитализма [120]. Естественно, что такой опыт сразу же приобрел огромное международное значение, показав другим странам Азии и Африки новый, самый революционный и самый короткий путь к достижению полного национального и социального освобождения.

Монгольское общество накануне революции имело отсталую структуру. В стране не было крупных городов и промышленности. Свыше 90% трудового населения составляли скотоводы-кочевники, подвергавшиеся жесточайшей эксплуатации со стороны китайских и местных светских и духовных феодалов. Голод, сплошная неграмотность, эпидемии — таким был удел народа. Почти половина взрослого мужского населения была выключена из трудового процесса и занималась длительным каждодневным богослужением (ламы), демонстрируя и внушая покорность властям и судьбе. Верховная власть принадлежала главе ламаистской церкви — «живому богу» (Богдо-гэгэну). Трудовое аратство являлось абсолютно бесправным и отсталым, скотоводы-кочевники не были связаны друг с другом, не имели никакой организации. Основу экономики составляло экстенсивное кочевое скотоводство [121].

Казалось, что в таких условиях ни о какой революции, тем более народно-демократической, не могло быть и речи. Победа Великого Октября всколыхнула всю Азию. Для Монголии особое значение, разумеется, имели и события, развернувшиеся в 1919 г. в Китае,— так называемое «движение 4 мая». Это было массовое патриотическое, во многом стихийное выступление студенчества, рабочего класса, городской мелкой буржуазии,

бедноты и даже части национальной буржуазии против сговора империалистических держав на Парижской конференции 1919 г. о разделе сфер влияния в Китае. 4 мая в Пекине прошла многотысячная студенческая демонстрация протеста. В Шанхае и других городах забастовали рабочие. Повсюду начался бойкот японских товаров. Патриотическое выступление охватило свыше 10 млн человек в 150 городах 20 провинций Китая [122]. Такой размах не мог не оказать политическое и моральное воздействие на передовые слои монгольского общества. Определенный резонанс среди грамотных рабочих и интеллигенции получило также народное антияпонское восстание в марте 1919 г. в Корее, в котором приняло участие более 2 млн человек.

Через все границы и препоны устная информация несла в Монголию новые идеи, дух антиимпериалистического сопротивления. Автономная Внешняя Монголия волей обстоятельств все более оказывалась одним из важнейших стратегических узлов в общей политической ситуации, которая складывалась на юго-восточной границе РСФСР, в Сибири и Забайкалье, а также в связи с развитием межимпериалистического соперничества за сферы влияния в Азии [123].

Ввиду распространения Советской власти на Забайкалье монгольское правительство закрыло границу, прекратило торговлю с Россией и, более того, поддержало интервенцию империалистов Японии, Англии, США и Франции во Владивостоке. Японским войскам было разрешено дислоцироваться в г. Урге. Японский империализм рассчитывал расширить сферу своего влияния и создать Великую Монголию, куда бы вошли Внешняя и Внутренняя Монголия, часть территории Советской России с бурятским населением, Забайкалье. Этот план пытались осуществить армия атамана Семенова и японские войска, но в 1920 г. они были полностью разгромлены Красной Армией.

В этой обстановке на Монголию набросились китайские милитаристы, желавшие полностью «поглотить» Монголию. В ноябре 1919 г. в Пекине был опубликован декрет об отмене автономии. Этим поспешила воспользоваться Япония, срочно направив в г. Ургу белогвардейские банды барона Унгерна с целью «освобождения» Монголии и восстановления ее автономии, но уже под эгидой Японии. Барон Унгерн фактически стал диктатором Монголии.

Все эти события происходили за спиной монгольского

народа и вопреки его коренным интересам. Передовые люди понимали всю опасность новой империалистической колонизации и развернули партизанские действия под лозунгами независимости. В г. Урге были образованы первые подпольные революционные кружки во главе с Сухэ-Батором и Чойбалсаном. В городе находилось около 3 тыс. русских, среди которых многие были настроены по-революционному. Патриоты понимали, что настоящую свободу Монголия сможет завоевать лишь в братском союзе с Советской Россией и при ее помощи.

Обращение Советского правительства в августе 1919 г., в котором сообщалось об аннулировании всех тайных договоров России и заявлялось о праве монгольского народа на полную самостоятельность и независимость, вдохновило патриотов на борьбу за эти светлые цели. Особенно глубокое впечатление производили следующие слова советского воззвания: «Монголия есть свободная страна... Вся власть в стране должна принадлежать монгольскому народу. Ни один иностранец не вправе вмешиваться во внутренние дела Монголии...» [124]

При поддержке большевиков в Монголии стала выходить нелегальная революционная газета. В марте 1921 г. состоялся I съезд Монгольской народной партии и началось формирование из разрозненных партизанских отрядов единой Народно-революционной армии под командованием Сухэ-Батора. Развернулась тайная подготовка вооруженного восстания.

Разгромив 10-тысячную армию китайских милитаристов, войска Сухэ-Батора 18 марта 1921 г. освободили пограничный поселок Маймачен, который стал резиденцией Временного народного правительства. По всей стране развернулась повстанческая борьба пастухов против чужеземных захватчиков.

Советская Россия по просьбе Временного народного правительства выделила летом 1921 г. войска для осуществления рейда по освобождению г. Урги от белогвардейских банд барона Унгерна. В документах Советского правительства, связанных со вступлением Красной Армии на территорию Монголии, неоднократно подчеркивалось, что оно не считает возможным вмешиваться во внутренние дела страны и лишь выполняет свой интернациональный долг помощи: «Красная армия еще раз выполнит свою священную историческую миссию — быть освободительницей угнетенных народностей... Каждый народ имеет право строить свою жизнь так, как он этого хочет, как захочет большинство народа.

Освобождая Монголию от баронского ига, мы не должны и не думаем навязывать ей порядки и государственное устройство, угодные нам. Великое Народное собрание всего монгольского народа само установит формы государственного устройства будущей свободной Монголии»[125].

Помощь Красной Армии помогла добиться решающей победы: 6 июля революционные войска вступили в г. Ургу. Спустя несколько дней, 11 июля, было сформировано Народно-революционное правительство, объявившее о победе народа. Феодально-теократический строй отныне подлежал полной ликвидации. К середине 1922 г. вся территория страны была очищена от интервентов, Монголия стала независимым государством.

Власть взяло в свои руки трудовое аратство в лице Народной партии. Учитывая силу религиозных предрассудков, новое правительство временно оставило на престоле Богдо-гэгэна, но его права были существенно ограничены. Все феодальные привилегии объявлялись ликвидированными. В стране практически с нуля началась гигантски сложная работа по переводу отсталой Монголии на рельсы нового, некапиталистического пути развития.

Народно-демократическая революция 1921 г. в Монголии развивалась не по европейскому образцу, ибо и уровень развития, и расстановка сил, и цели революции носили свой, оригинальный характер. Пожалуй, единственное, что выглядело схожим, так это методы партизанской борьбы против империализма, которые, например в Ирландии, также показали свою высокую эффективность. Однако монгольская революция не знала всеобщих забастовок, так как рабочий класс практически отсутствовал. Не было здесь и каких-либо форм парламентаризма, социал-демократии и тред-юнионизма, зато все араты знали, как обращаться с конем и оружием, стихийно тяготели именно к прямым действиям, инстинктивно понимая важность борьбы с чужеземным угнетателем, черпая моральную силу в примере «русского богатыря», в благородстве внешней политики Советской России. Известной выгодой для революции обернулось и то, что немалая часть мужского населения вела сугубо религиозный, монашеский образ жизни, не вмешивалась ни в вооруженную борьбу, ни в политическую жизнь.

Но главным фактором успеха — и в этом заключалась более широкая закономерность, впервые проявившаяся

во всей своей значимости в Монголии, — явился международный союз победившего рабочего класса (в данном случае Советской России) и крестьянства (в данном случае аратской массы Монголии). Необходимость такого союза диктовалась объективными условиями монгольской революции, а его возможность стала реальной благодаря интернационалистической политике Советской России и верному курсу Монгольской народной партии, взявшей на свое вооружение идеи научного коммунизма и умело действующей в своеобразных условиях Монголии. Без братской поддержки и помощи со стороны первой страны социализма, без создания подлинно революционной партии-авангарда было бы невозможно добиться успеха в революции 1921 г. и осуществления последующего перехода к социализму.

* * *

Итак, мы кратко рассмотрели основные проблемы опыта революционной борьбы в первые послеоктябрьские годы в самых разных странах: в Европе (Финляндия, Австрия, Германия, Венгрия, Ирландия, Болгария), в Латинской Америке (Бразилия), в Азии (Монголия). В каждой из них были достигнуты разные результаты, но повсюду боевое творчество масс значительно обогатило сокровищницу международного революционного опыта, внесло много нового в теорию и практику классовой борьбы.

Если попытаться обобщить основные черты этого опыта, то можно прийти к следующим выводам.

Революционный цикл в Европе показал тесную связь демократического этапа революции с социалистическим. В этом плане стимулирующим фактором выступала не только объективная реальность более высокого капиталистического развития, т. е. зрелости материальных предпосылок социализма, но и прямое воздействие опыта трех российских революций, во-первых, и распространение марксистско-ленинских идей, создание и укрепление коммунистических партий — во-вторых.

Большинство революций этого цикла из-за относительной слабости рабочего класса, его доверчивости к социал-демократическим вождям, а также из-за допущенных тактических ошибок не прошли всех стадий саморазвития и не переросли демократический этап, «застряв» на пути перехода или подхода к социалистическому этапу (Финляндия, Германия, Австрия). В Бразилии революционные силы попытались было перескочить че-

рез демократический этап и сразу начать борьбу за «коммунистическую республику», но из этого ничего не вышло. Лишь в Венгрии удалось достичь органического перехода от демократического этапа к социалистическому и добиться установления диктатуры пролетариата. В Баварии и Словакии также на короткое время победила Советская власть. В бразильском поселке Маже в течение четырех дней существовала Рабочая республика. Все эти выступления, к сожалению, были подавлены.

Важным достижением было то, что в большинстве стран (Финляндия, Германия, Австрия, Ирландия) основной движущей силой, а в Венгрии — гегемоном революции выступал рабочий класс. В Болгарии рабочий класс во главе с коммунистами впервые вступил в вооруженную схватку с фашизмом.

Первая волна революций в Европе потерпела поражение не только из-за превосходства сил мировой контрреволюции (это главная причина), но и из-за относительной слабости самих революций. В отличие от Октябрьской революции они развивались, так сказать, по образцу Парижской коммуны, т. е. ограничились в основном выступлением городского пролетариата. Рабочий класс не сумел, как он это сделал в России, повести за собой крестьянство, фактически остался в изоляции. Политическое руководство со стороны молодых и неопытных коммунистических партий было явно недостаточным.

И тем не менее вклад молодых коммунистических партий оказался чрезвычайно значительным и полезным. Если бы не влияние реформизма, пролетариат Германии, Финляндии, возможно, и Австрии смог бы под руководством коммунистов довести революцию до социалистического переворота и установления своей диктатуры. Но этого не случилось.

Во всех революциях в Европе проявилась одна общая слабость — отсутствие у рабочего класса подлинно революционной партии, способной возглавить народную борьбу, преодолеть сектантство и оппортунизм, выработать верную стратегию и тактику. Во всех европейских странах основные рычаги политического руководства массами находились в руках соглашательских мелкобуржуазных элементов, что во многом предопределило исход борьбы.

Чрезвычайно слабым везде оказался союз рабочего класса с крестьянством и городскими средними слоями. Нередко крестьянство выступало на стороне контррево-

люции (Финляндия, Германия, Австрия, Венгрия), и лишь часть армии, т. е. тех же крестьян, одетых в шинели, принимала активное участие на стороне революции.

Опыт 1918—1923 гг. многократно подтвердил на практике, что в новых исторических условиях мелкобуржуазный революционаризм, в каких бы формах он ни проявлялся, представляет одну из наиболее непоследовательных, неустойчивых сил революции. Для мелкобуржуазных революционеров были характерны на разных этапах то бешеная энергия, то трусость, то героизм, то предательство. Опасные размеры в ряде стран приобрела мелкобуржуазная стихия, увлекшая за собой широкие слои рабочего класса (Австрия, Ирландия).

Особенно наглядно вновь и вновь проявилась контрреволюционная позиция крупной и средней буржуазии, готовой в любой момент силой подавлять самостоятельные выступления масс. Даже в Ирландии, где либерально-буржуазные круги принимали известное участие в антиимпериалистическом движении, они в конечном счете пошли на «ллойд-джорджевскую» уловку и постарались принять участие в «усечении» революции.

В ходе классовых боев выявилась особая роль всеобщих политических забастовок рабочего класса, с которых начинались революции в Австрии, Финляндии, Германии, Ирландии, Бразилии, Венгрии, а также народных вооруженных восстаний. Лишь в Венгрии обе революции — и буржуазно-демократическая, и социалистическая — развивались по относительно мирному пути. В Ирландии и Монголии особое значение приобрели партизанские формы антиимпериалистического сопротивления.

Опыт 1918—1923 гг. показал исключительную важность внешнего фактора. Помощь со стороны Советской России, оказанная венгерским, финляндским и монгольским революционерам, явилась существенным вкладом в развитие революционной борьбы. Но с другой стороны, прямой экспорт контрреволюции (против Советской Венгрии и Красной Финляндии, против демократической Ирландии) сыграл самую пагубную роль и в конечном счете предопределил поражение революций. Исключением являлась лишь Монголия, где Красная Армия раздавила белогвардейские банды. Тем самым были обеспечены благоприятные предпосылки для успешного продолжения народно-демократической революции.

Новым важным элементом революционного опыта

явилось своеобразное сочетание проблем войны, мира и революции. Революция в Германии прямо выросла из борьбы трудящихся за прекращение войны, против антинародной, агрессивной политики милитаристских кругов. Было бы, однако, ошибкой считать, что именно война породила революции. Как известно, эту идею защищал Л. Троцкий, утверждая, что «война – не в первый раз в истории – оказалась матерью революции. Империалистическая война оказалась матерью революции пролетарской»[126]. Такая точка зрения до крайности примитивизировала всю проблему революции, сводя ее глубинные социально-экономические причины к одной войне. На деле же она привела лишь к резкому обострению экономического и политического кризиса, подтолкнула массы к революционной борьбе. Вместе с тем война подняла мутную волну оппортунизма, социал-шовинизма, т. е. в немалой мере затруднила созревание субъективного фактора революции. Революции, как и война, были вызваны к жизни обострением всех противоречий капитализма, вступившего в свою высшую и последнюю стадию – империализм. Война не разрешила, а еще больше углубила эти противоречия.

В результате такого стечения обстоятельств и под влиянием Октября получил свое развитие революционный цикл 1918–1921 гг., причем в каждой стране он принял свои оригинальные формы и масштабы.

И наконец, важнейшим результатом революционных битв в первые послеоктябрьские годы явились широкое распространение практики Советов – как органов новой власти, утверждение идей марксизма-ленинизма, интернационализация опыта большевиков, с одной стороны, и окончательный крах II Интернационала, проводившего оппортунистическую, а нередко и контрреволюционную политику, – с другой.

Революции породили острую идейную и теоретическую борьбу в международном рабочем движении, что способствовало выделению коммунистического течения, формированию национальных коммунистических партий, а в конечном счете созданию в марте 1919 г. Коммунистического Интернационала. В истории мирового революционного процесса наступил новый этап.

Глава третья

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРАКТИКА В 20-х И НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ

Если слова: «революционная демократия» употреблять не как шаблонную парадную фразу, не как условную кличку, а *думать* над их значением, то быть демократом значит на деле считаться с интересами большинства народа, а не меньшинства, быть революционером значит ломать все вредное, отжившее самым решительным, самым беспощадным образом.

В. И. Ленин

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ – БОЕВОЙ ШТАБ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ

Огромный опыт соединения теории и практики классовой борьбы был накоплен Коммунистическим Интернационалом. В Коминтерне собиралась и научно анализировалась огромная информация по проблемам рабочего, коммунистического и национально-освободительного движений. В результате творческих дискуссий коллективно формулировалась политическая оценка тех или иных событий, вырабатывались согласованная стратегия и тактика.

В Манифесте I конгресса Коминтерна подчеркивалось, что в его главную задачу входит «обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от разлагающей примеси оппортунизма и социал-патриотизма, объединить усилия всех истинно революционных партий мирового пролетариата...»[1].

Коминтерн был подлинной школой соединения марксистско-ленинской теории с мировой революционной практикой. Эта задача решалась в каждом случае на основе творческого анализа всех – объективных и субъективных, международных и национальных – факторов развития общественной жизни, опыта классовой борьбы. Практически все сколько-нибудь важные стороны мирового революционного процесса в межвоенный период на-

шли свое яркое отражение в документах Коминтерна. В них воплощен колоссальный теоретический и практический опыт борьбы.

В данном очерке речь идет лишь о некоторых сторонах этого опыта. Мировой революционный процесс XX в. развивался и развивается в постоянном противоборстве с правым и «левым» оппортунизмом как в области теории, так и в сфере конкретной политической деятельности. С образованием Коминтерна эта борьба приобрела еще более острый характер. После спада революционной волны 1917—1923 гг. во всех странах развернулась полемика по проблемам стратегии и тактики, причем в Западной Европе и США явно усилились правая тенденция, стремление к поискам нездоровых компромиссов и половинчатых реформ.

В политическом смысле правый оппортунизм, как указывал В. И. Ленин, характеризуется тем, что «он *коренные* интересы движения приносит в жертву минутным выгодам или соображениям, основанным на самом близоруком, поверхностном расчете»[2].

Правая опасность в рабочем движении в основном исходит со стороны буржуазии или мелкобуржуазного окружения. Конформистские настроения, желание приспособиться к существующему порядку, выслужиться перед начальством характерны и для определенной части рабочих.

Что же касается правых оппортунистов, то они, по оценке В. И. Ленина,— представители «верхушечного слоя подкупленной капиталистами мещанской сволочи», «презренные сикофанты на службе у буржуазии»[3]. Они выросли на почве империализма и колониального угнетения других народов, на почве более привилегированного положения части рабочего класса, в том числе за счет бюрократического перерождения профсоюзов, благодаря «заботе» со стороны правительства и предпринимателей.

Не случайно поэтому все правооппортунистические силы единым фронтом выступили против Коминтерна. В начале 20-х годов коммунистическое движение насчитывало немногим более 2,2 млн человек (из них 722 тыс. членов приходилось на Российскую коммунистическую партию (большевиков))[4]. В рядах социал-демократических партий состояло в 4 раза больше — 8,5 млн членов[5]. Основная часть профсоюзной массы также оставалась под влиянием реформистов[6]. Таким образом, после победы Октября правые и центристские элементы сохраняли значительное влияние на трудящихся, препятствуя

их высвобождению из плена реформистской идеологии и политики.

«Если первой исторической задачи (привлечь сознательный авангард пролетариата на сторону Советской власти и диктатуры рабочего класса) нельзя было решить без полной, идейной и политической победы над оппортунизмом и социал-шовинизмом,— писал В. И. Ленин в апреле 1920 г.,— то второй задачи, которая ныне становится очередной и которая состоит в уменье подвести *массы* на новую позицию, способную обеспечить победу авангарда в революции, этой очередной задачи нельзя выполнить без ликвидации левого доктринерства, без полного преодоления его ошибок, без избавления от них»[7].

Мощная волна «левизны» 20-х годов явилась своего рода побочным продуктом революционного пробуждения политически неопытных слоев пролетариата, революционной интеллигенции и студенчества, вызванного к жизни победой Великого Октября. В движение пришли все группы и слои общества. Всякого рода анархистские, анархо-синдикалистские и левокоммунистические настроения в известной мере были порождены также длительным господством правого оппортунизма II Интернационала. И наконец, «левый», «ребяческий» коммунизм во многом объяснялся незрелостью самих коммунистических партий, их искренним желанием раз и навсегда отбросить все «нереволюционные» методы борьбы (парламентаризм, реформы, компромиссы, работу в реакционных профсоюзах и т. д.), путем смелых открытых действий авангарда ускорить «приход революции».

Ступени «левой» тенденции в какой-то удивительной последовательности следуют одна за другой в хронологическом и смысловом порядке: анархизм М. Бакунина (60—70-е годы XIX в.), «безвластный коммунизм» П. Кропоткина (90-е годы XIX в.— начало XX в.), анархо-синдикализм (первые два десятилетия XX в.) и, наконец, «левый» коммунизм (20—30-е годы).

«Левый» коммунизм возник на почве весьма сильных анархистских и анархо-синдикалистских традиций, которые в дооктябрьский период пользовались немалой популярностью в капиталистическом мире, особенно в романских странах (Италия, Испания, Франция) и Латинской Америке.

В обыденном понимании под анархией обычно имеют в виду хаос, беспорядок, насилие, хулиганство. Такую интерпретацию особенно активно утверждали самые доб-

ропорядочные лидеры II Интернационала, более всего боящиеся «разгула черни», бунта «низов». Следует, однако, помнить, что в той или иной степени зарождение пролетариата и первый этап его борьбы повсюду сопровождались именно ростом стихийной непокорности, бунтарства, протеста. Рано или поздно это не могло не вылиться в явно очерченную тенденцию анархизма, т. е. в стремление к радикальному уничтожению всех существующих порядков.

И сегодня не очень знакомые с историей люди иногда наивно упрекают анархистов в эгоизме, видят в них только каких-то разбойников-одиночек и хулиганов. Конечно, такой тип анархиста существовал во всех странах, и в дни революций эти «герои», будучи натурами яркими, привлекали всеобщее внимание.

Но здесь идет речь о другом типе анархиста — о так называемых идейных, сознательных анархистах из среды интеллигенции и образованных рабочих. К этому типу относились, например, последователи «коммунистического анархизма» П. Кропоткина. Они выступали за уничтожение собственности, государства, всяческой власти, брака и т. д. исходя из задачи достижения полной свободы личности.

Такого рода утопические прожекты немедленного осуществления коммунистических принципов и введения полной свободы и счастья находили моральную поддержку в рабочей массе, которая также искренне стремилась к тому, чтобы «рай земной» наступил как можно скорее. Анархический утопизм выражал интересы масс, которые не знали, как достичь заветной цели, и мечтали «одним прыжком» сразу очутиться в коммунизме. Иными словами, имелся некий «стихийный анархизм»[8] масс, к которому подстраивался анархизм интеллигентский, верхушечный.

Глубокую мысль в этой связи высказал Жак Дюкло в книге «Бакунин и Маркс. Тень и свет». Жак Дюкло указывал, что во Франции, Италии и ряде других стран «существовал рабочий анархизм, который, базируясь на профсоюзном движении и примазываясь к его действиям, *освобождался* (подчеркнуто нами.— *Б. К.*) от определенных индивидуалистических пороков, свойственных интеллигентскому анархизму (т. е. анархизму Бакунина и Кропоткина.— *Б. К.*): ведь борьба, проводимая профсоюзами, могла носить только коллективный характер»[9].

И действительно, индивидуальный анархизм после

синдикалистской прививки и благодаря коллективным действиям наполнялся боевым, рабочим содержанием. Но с другой стороны, он же сдерживал духовное возвышение рабочего класса, затруднял распространение марксизма и политизацию пролетарского движения.

В тех же странах, где коммунистическое движение отсутствовало, анархо-синдикализм в целом играл прогрессивную роль, пробуждая и организуя массы на борьбу в защиту своих экономических интересов. С учетом этого его следовало бы именовать «революционным синдикализмом». Таким определением не раз пользовались В. И. Ленин и Коминтерн. Лучшие представители революционных синдикалистов под влиянием победы Октября сумели преодолеть многие старые анархистские догмы и перейти на позиции Коминтерна.

Сам же этот переход, как и отпочкование левых элементов от социал-реформизма, сопровождался привнесением в зарождающееся коммунистическое движение настроений и взглядов мелкобуржуазного революционаризма. В результате весьма значительные слои молодых коммунистических партий во многих странах оказались подвержены некоей инфекции, которую В. И. Ленин образно назвал «детской болезнью «левизны» в коммунизме».

Хрестоматийными истинами стали ленинские оценки наиболее типичных просчетов «левых» коммунистов: отрицание всяких форм парламентской деятельности и каких-либо политических компромиссов, нежелание работать в реакционных профсоюзах и кооперативах, непонимание общих (объективных) закономерностей социалистической революции и ребяческая переоценка роли субъективного фактора «мировой революции», установка на «экспорт революции» и т. д. Все это хорошо известно и многократно освещалось в литературе.

Известны и типичные ошибки «левых» коммунистов в политике — в отношении Брест-Литовского договора, авантюристический расчет на бесконечное «наступление» в Европе в любых условиях, отказ от борьбы за единый рабочий фронт и т. д.

Казалось бы, ошибки «левых» коммунистов давно и основательно разобраны и оценены. Однако, работая над материалами к данной книге, автор обнаружил один любопытный и неизвестный документ, в котором как в капле воды отразилась вся нелепость, вся несостоятельность и вред левокоммунистическои доктрины мировой революции. Речь идет о воззвании Исполкома Комин-

терна «К рабочему классу Северной и Южной Америки» (сентябрь – октябрь 1920 г.), составленном и опубликованном группой Г. Зиновьева вскоре после II конгресса Коминтерна (июль – август) и полностью в противовес его стратегическим установкам.

Еще накануне II конгресса был опубликован ленинский «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам», в котором перед Коминтерном ставилась задача при разработке стратегии в зоне антиимпериалистической борьбы «во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных...» [10].

Все эти указания были авторами упомянутого воззвания грубо нарушены. Призыв же В. И. Ленина о необходимости соединения революционного натиска рабочего класса империалистических держав «с революционным натиском сотен миллионов человечества» [11] был понят буквально и упрощенно.

Не имея возможности прямо выступить против тезисов В. И. Ленина, одобренных II конгрессом Коминтерна, и воспользовавшись тем, что в ходе прений на конгрессе речь шла в основном о революции на Востоке, авторы воззвания сделали обходный маневр и попытались протащить свои взгляды «со стороны Америки».

Воззвание к трудящимся западного полушария исходило из ошибочного тезиса о возможности и необходимости выработки «всеобщей тактики революции», как для США, так и для Латинской Америки, причем борьба против империализма рассматривалась как «гражданская война, которая, по необходимости, переходит в открытую, вооруженную борьбу за власть... Мы обращаемся прямо к вам, рабочие обеих Америк, потому что ваша задача является наиболее важной задачей для мировой революции. Только *ваша* победа может обеспечить окончательную победу *мировой* революции... будет решающим фазисом мировой революции» [12].

По мнению авторов воззвания, капитализм в США и Латинской Америке находился в периоде развития и «еще не достиг стадии насыщения» [13]. Тем самым игно-

рировался сделанный В. И. Лениным вывод об империализме как последней и высшей стадии развития капитализма. Главная же ошибка заключалась в смешении средней и высшей стадий развития капитализма в некое единое целое. Такая позиция вносила огромную путаницу. Отсюда авторы воззвания делали еще один ошибочный вывод о том, что «основа американского империализма покоится на эксплуатации Латинской Америки и господстве над ней»[14]. Это был, конечно, явно зауженный взгляд на причины могущества американского империализма, причем сама Латинская Америка под влиянием популярных в те годы взглядов К. Каутского рассматривалась как «колониальная основа американского империализма».

Развивая идеи «империалистических экономистов», авторы воззвания уверяли, что «в эпоху империализма для малых наций не существует независимости, а есть лишь рабская зависимость от великих держав... Фактически Латинская Америка является колониальным владением Соед. Штатов... Необходимость приспособиться к последствиям мировой войны окончательно превратила Латинскую Америку в колонию Соед. Штатов...»[15]. В дальнейшем эта идея приобрела доминирующее влияние в коминтерновских документах, относящихся к характеристике положения в Латинской Америке.

Авторы воззвания ИККИ ошибочно оценивали взаимосвязь США и Латинской Америки как единую систему «метрополия — колонии», которая-де естественно заставляет глядеть и на революционный процесс как на единую американскую революцию. Это повшество в своеобразной форме отражало влияние популярных в те годы мелкобуржуазных идей панамериканского антиимпериалистического утопизма.

Воззвание ИККИ на первый план выдвигало «сознание повелительной необходимости рассматривать революционное движение в обеих Америках, как одно целостное движение, объединенное фактом господства американского империализма, требующего общих целей и общей борьбы»[16]. Здесь справедливая идея о необходимости единства революционных сил, солидарных действиях пролетариата приобретала ошибочное толкование, причем напрочь отрицался национальный момент борьбы народов Латинской Америки, все и вся рассматривалось через призму «революционной классовой борьбы рабочих обеих Америк».

Поскольку империализм США все более становится

«сердцем международной реакции», полагали авторы воззвания, постольку «американская революция будет играть решающую роль в судьбе мировой революции. Вот та задача, которую история возлагает на вас, рабочие обеих Америк! Именно к исполнению этой задачи призывает вас Коммунистический Интернационал, а на задаче этой покоится не только ваше собственное освобождение, но и полное освобождение рабочих всего мира»[17].

Как же мыслился ход «американской революции»? Да очень просто. Ввиду слабости рабочего класса США и того обстоятельства, что «условия пока еще не благоприятствуют непосредственной борьбе для завоевания власти»[18], надо начать эту борьбу на колониальной почве, т. е. в Латинской Америке. «Революция пролетариата и обедневшего крестьянства в какой-либо латиноамериканской стране немедленно вызовет вооруженное вмешательство Соед. Штатов, что, в свою очередь, сделает необходимым революционное вмешательство пролетариата Соед. Штатов; это распространится на другие латиноамериканские нации, а это уже явится этапом по пути к *американской* революции»[19].

Такова была типично левацкая спираль развития так называемой «американской революции». Авантюризм соседствовал с иллюзиями, путчизм — с лозунгами мировой революции. Надуманность, теоретическая беспомощность, игнорирование объективных и субъективных факторов, левацко-сектантские установки, неверная оценка подлинного положения вещей — вот что характеризовало линию «левых» коммунистов.

Оценивая левокоммунистическую установку на «единую американскую революцию», нельзя не вспомнить саркастическую и очень точную реплику В. И. Ленина: «Милые «левые коммунисты», как много у них решительности... и как мало размышления!»[20]

Действительно, вместо трезвого анализа ситуации, реальной оценки фактов, учета всех возможных вариантов борьбы коммунисты «ребяческого возраста» и «ребяческого понимания»[21] вначале по неопытности, а затем из-за упрямства и нежелания признать ошибку заменяли реальное революционное дело, не обязательно броское и выигрышное, усиленным маханием картонными мечами и красными флажками. Их беда была в том, что они не схватили переходного момента от революционного штурма к осаде, не поняли, что предстоит длительная борьба, замедление темпов мирового революционного

процесса, выжидание новых взрывов революции, мучительно долго зреющих на Западе.

В борьбе с правым и «левым» оппортунизмом шло формирование теоретической позиции Коминтерна по проблемам антиимпериалистической революции и ее места в мировом революционном процессе.

Выдающийся вклад в изучение национально-колониального вопроса в эпоху империализма внес В. И. Ленин. Империализм будет повержен только тогда, писал он, когда революционный натиск международного рабочего класса «соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее объект»[22].

В докладе на II конгрессе Коминтерна В. И. Ленин признал «самой важной, основной идеей» общей стратегии Коминтерна проведение «различия между угнетенными и угнетающими нациями. Мы подчеркиваем это различие – в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии»[23].

Обычно эта идея и берется за основу для характеристики всей проблематики антиимпериалистической борьбы в послеоктябрьский период, причем чаще всего колонии, полуколонии (преимущественно Азия и Африка) объединяются с зависимыми государствами (преимущественно Латинская Америка). Но ошибка такого метода в том, что большинство латиноамериканских государств никогда не входило в колониальную систему империализма, ибо завоевало свою политическую самостоятельность еще в Войне за независимость 1810–1825 гг. И хотя эти страны находились в экономической и дипломатической зависимости от Англии и США, она не носила колониального характера. Государственный суверенитет латиноамериканских республик формально сохранялся. Это отличие от колоний имело существенное значение. Борьба против империализма в Латинской Америке уже по одной этой причине не могла быть идентична антиколониальной революции в Азии или Африке, хотя многие моменты, особенно в смысле антиимпериалистических задач, совпадали.

Но дело не только в этом. Латинская Америка в отличие от Азии и тем более Африки еще в начале XIX в. гораздо дальше продвинулась по пути капиталистического развития. Наиболее крупные государства – Мексика, Аргентина, Чили, Бразилия – к 20-м годам XX в. почти достигли среднего уровня развития капитализма. Здесь уже сформировались два основных класса – буржуазия

и пролетариат, развивалось рабочее движение. Вся расстановка классовых сил в антиимпериалистическом лагере была иной по сравнению с подавляющим большинством афро-азиатских колоний, где превалировали докапиталистические порядки[24].

На II конгрессе Коминтерна В. И. Ленин не случайно подчеркнул, что колониальная зависимость не тождественна зависимости финансовой и экономической[25]. Экономическое неравноправие и зависимость не были равнозначны колониальному статусу, как полагали «империалистические экономисты» (К. Б. Радек, Л. Б. Пятаков и др.). Примерно так же, как и они, рассуждали многие «левые» коммунисты.

Особую дискуссию на II конгрессе Коминтерна вызвали так называемые «Дополнительные тезисы по национальному и колониальному вопросам», которые представил индийский коммунист Манабендра Нат Рой (1892—1948). В своих тезисах он говорил о «политически угнетенных странах с господствующим капиталистическим строем, как то в Китае и Индии»[26], но исходил при этом не из реальной оценки экономического и политического положения этих государств Азии, которого он просто не знал, поскольку многие годы своей жизни провел в Мексике, откуда и приехал в Москву на конгресс Коминтерна.

Не имея никакой теоретической подготовки и эклектически смешивая различные идеи и принципы, Рой сформировал в своей голове некое полумарксистское-полуанархистское представление о возможности, так сказать, быстрого «превращения» антиимпериалистической революции в революцию социалистическую. Вслед за анархо-синдикалистами он рассчитывал на силу «общего штурма капитализма». Некоторые предложения тезисов Роя были вполне разумными и после редакционной правки В. И. Ленина даже одобрены II конгрессом Коминтерна. Однако многие его псевдотеоретические размышления подверглись суровой и обоснованной критике со стороны В. И. Ленина.

Особенно острые дискуссии в комиссии по национальному и колониальному вопросам на II конгрессе Коминтерна вызвала оценка роли национальной буржуазии. В докладе 26 июля 1920 г. В. И. Ленин отметил, что ее роль противоречива: «...в большинстве случаев — буржуазия угнетенных стран... поддерживает национальные движения» и в то же самое время «в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется про-

тив всех революционных движений и революционных классов»[27].

Имея в виду это обстоятельство, Коминтерн, по предложению В. И. Ленина, принял решение заменить выражение «буржуазно-демократическое» движение выражением «национально-революционное» движение. «Смысл этой замены тот,— подчеркивал В. И. Ленин,— что мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых»[28].

Эту стратегическую установку и проводил Коминтерн в своей повседневной работе. При этом характерно, что все большее внимание после II конгресса стало уделяться анализу развития «туземного» капитализма и социальной структуры колониального общества. III конгресс Коминтерна в 1921 г. констатировал «энергичное развитие капитализма на Востоке, особенно в Индии и Китае...»[29].

IV конгресс Коминтерна, отстаивая идею единого антиимпериалистического фронта, вновь отверг тезис Роя об абсолютной контрреволюционности национальной буржуазии, но «упорный индус» продолжал настаивать на том, что буржуазно-националистическое движение практически во всех важных колониальных и полуколониальных странах (Египет, Индия, Турция, Персия, Голландская Индия, Китай, Филиппины) не может быть активной силой в борьбе против империализма. Это была попытка механического повторения российского опыта, а на деле замаскированная атака на ленинскую стратегию единого антиимпериалистического фронта.

V конгресс Коминтерна в третий раз отклонил предложения Роя, хотя некоторые деятели коммунистического движения полагали, что к этому времени уже «пришла пора поставить вопрос о гегемонии пролетариата в освободительной борьбе таких колоний, как Индия, буржуазия которой является соглашательской (с империализмом Англии) и победа над которой (то есть над соглашательской буржуазией) является основным условием освобождения от империализма»[30].

К VI конгрессу Коминтерна дискуссии по общим проблемам антиимпериалистической революции достигли наивысшей остроты. Особый интерес вызывала социально-экономическая проблематика национально-колониаль-

ного вопроса. Важное место в дискуссиях на VI конгрессе поэтому заняла проблема типологической группировки зависимых и колониальных стран по признаку зрелости объективных условий для того или иного типа развития революционного освободительного движения. Выяснение этой сложной проблемы было особенно важно в связи с работой над программой Коминтерна.

В докладе О. В. Куусинена на VI конгрессе подчеркивалась мысль о том, что проведение научной типологии — «это сложная задача, которую мы впервые пытаемся разрешить... Разумеется, могут быть различные критерии, на основании которых можно подразделять страны на различные группы»[31]. При этом О. В. Куусинен призывал отказаться от абстрактного схематизирования, исходить «всегда из конкретной ситуации».

В дискуссии проявился большой разнобой в оценке движущих сил и перспектив революционных процессов в Азии, Латинской Америке и Африке. Отчасти это объяснялось не только разницей в уровне теоретической подготовки кадров компартий, но и гигантским многообразием конкретных ситуаций в разных странах, неодинаковой расстановкой классовых сил в революции, различиями в уровне организации трудящихся, политической зрелости рабочего класса и т. д. Иными словами, неравномерность и многообразие путей и форм развития антиимпериалистической борьбы, различия в объективных ситуациях в известной мере неизбежно порождали расхождения во взглядах.

Особенно отчетливо многообразие национальных ситуаций и конкретных путей борьбы проявилось в 20-х и 30-х годах в развитии революционных антиимпериалистических движений в странах Азии и Латинской Америки.

Если говорить об азиатском опыте, то прежде всего следует выделить совершенно различный и в чем-то даже прямо противоположный опыт Китая и Индии.

ДВА ПУТИ БОРЬБЫ С ИМПЕРИАЛИЗМОМ И ОТСТАЛОСТЬЮ: ОПЫТ КИТАЯ И ИНДИИ

В 20—30-х годах два крупнейших государства Азии — английская колония Индия (ее население в 1921 г. составляло 320 млн человек) и полуколониальный Китай (его население составляло около 500 млн человек) — показали миру два совершенно различных метода борьбы с империализмом.

В Индии в течение почти трех десятилетий (1919—1942 гг.) развивалось активное народное антиимпериалистическое движение ненасильственного сопротивления. В нем участвовали десятки миллионов индийцев, представителей разных классов, религий и каст. В результате относительно «мирного» процесса антиколониальной борьбы в обстановке общего демократического подъема в связи с разгромом фашизма и японского милитаризма 15 августа 1947 г. Индия обрела независимость.

В Китае примерно в эти же годы (с 1925 по 1949 г.) развертывалась революционная вооруженная борьба против империализма и милитаризма. В ней также участвовали миллионы людей. Первым этапом явилась революция 1925—1927 гг., а венцом — победа народной революции в октябре 1949 г. и провозглашение КНР. В Китае революция в основном развертывалась как чисто военная и — шире — насильственная (включая действия регулярных частей Народно-освободительной армии, вооруженные восстания, партизанские формы борьбы), в Индии — в основном как невоенная, относительно мирная, ненасильственная борьба, отрицающая в принципе необходимость вооруженного насилия.

Эта разница была закономерной, ибо отражала соответствующую расстановку социальных и политических сил, различие между политикой Британской империи в своей колонии и политикой межимпериалистического соперничества за сферы влияния в полуколониальном Китае. Главное состояло в том, что формы и методы борьбы против империализма соответствовали традициям каждого народа, его склонности к своим, национальным, а не чужим средствам, к своей манере.

Опыт этой сложной и длительной борьбы двух великих народов приобрел поистине международное значение. Он ярко подтвердил правоту ленинской стратегии антиимпериалистического единства на всю перспективу перехода от капитализма к социализму. Этот опыт продемонстрировал и другое: мощь союза международного рабочего класса с силами национального освобождения.

Китайский и индийский народы, постепенно накапливая собственный опыт и учась на опыте других, сумели отыскать, угадать, выработать национально-специфические, конкретные подходы к борьбе с империализмом и его внутренней агентурой. В послеоктябрьский период речь уже шла не о первоначальном «пробуждении» народов Азии к политической жизни, а об их самом активном

участии в революционной антиимпериалистической борьбе. Важной особенностью антиимпериалистической борьбы на громадных просторах Индии и Китая ввиду чрезвычайно пестрой картины в расстановке сил являлась неравномерность развития массовых действий. Неравномерность эта ослабляла силу общего натиска, открывала колонизаторам двери для ловкого маневрирования.

Развитие капитализма в Индии и Китае, начавшееся с большим запозданием, внесло существенные перемены в их жизнь, но за короткое время еще не смогло полностью переделать общество на буржуазный лад. Феодальные и полуфеодальные порядки преобладали. Основную массу трудового народа составляло крестьянство. Рабочий класс в обеих странах был немногочисленным.

Рой и другие «левые» коммунисты вопреки фактам доказывали идею о завершении «капиталистической трансформации Востока». С другой стороны, они выдвинули тезис о перемещении центра мировой революции в Азию. Для такого утверждения не было никаких оснований.

В Индии за период с конца XIX в. по 1919 г. численность пролетарских и полупролетарских слоев достигла огромной цифры: в промышленности, на транспорте и горнодобывающих предприятиях работало примерно 18 млн человек, в сельском хозяйстве по найму трудилось около 30 млн человек. Если взять все самодеятельное население страны (146,4 млн, по данным официальной переписи 1921 г.), то окажется, что доля лиц наемного труда составляла в те годы около 30%[32].

Однако рабочий класс оставался распыленным по множеству мелких мастерских, лишь 10% всех промышленных рабочих были заняты на фабриках и заводах. Индийский пролетариат не был организован, не имел опыта самостоятельной классовой борьбы и в основном шел за лидерами местной буржуазии и ее партией Индийский национальный конгресс (создана в 1885 г.), проводившей курс на сотрудничество с британской колониальной администрацией.

В Китае рабочий класс перед революцией 1925—1927 гг. представлял небольшую часть трудового населения: в городах насчитывалось от 8 до 10 млн кустарей, около 2 млн мануфактурных рабочих, на фабриках и заводах было занято не более 600 тыс. человек, причем преобладали не кадровые, а сезонные и временно законтрактованные работники, дети и подростки.

Огромные массы людей относились к люмпен-пролетариату и полупролетарским группам (рикши, слуги, поденщики), являлись безработными и полубезработными. Эта масса достигала 30 млн человек. Сельскохозяйственный пролетариат в Китае практически отсутствовал, а удельный вес всех категорий рабочих в общем населении страны не превышал и 2,5%[33]. Такое положение создавало огромные трудности для формирования собственно рабочего течения в общей структуре общедемократического антиколониального движения.

Его отличительными чертами являлись в основном крестьянская и мелкобуржуазная социальная база, стихийность и неравномерность развития. Это было многоклассовое общедемократическое движение, в котором участвовала также национальная буржуазия, еще «способная представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию... Главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии – крестьянин. Рядом с ним есть уже либеральная буржуазия, деятели которой, подобно Юань Ши-каю, более всего способны к измене...»[34]. Так определял В. И. Ленин расстановку сил в антиимпериалистическом движении на Востоке.

Под влиянием Октябрьской революции наметились определенные сдвиги в расстановке классовых сил, а главное, борьба рабочего класса Китая и Индии оживилась, приобрела более наступательный характер. В городах участились забастовки, стали проводиться митинги солидарности с Советской Россией, начали действовать первые коммунистические группы.

В Индии на I съезде Коммунистической партии (1925 г.) было представлено около 1000 членов. В Китае перед национальной революцией 1925–1927 гг. партия насчитывала также около 1000 членов, но к 1927 г. ее ряды выросли до 58 тыс. человек[35]. Рост громадный, но в масштабах страны и по сравнению с массовой базой Гоминьдана это была еще весьма малочисленная величина.

В таких условиях индийские и китайские коммунисты сразу же столкнулись с весьма щекотливой проблемой: с одной стороны, они должны были, особенно поначалу, обособиться от других антиимпериалистических сил, заявить о своей собственной политической позиции, собственном лице как представителей интересов в первую очередь пролетарских и полупролетарских масс. С другой стороны, надо было защищать и общенациональные

задачи, стремиться к союзу с другими патриотическими и националистическими организациями, в том числе буржуазными и мелкобуржуазными. Но стоило только пойти у последних на поводу, поддержать без каких-либо оговорок платформу национальной буржуазии, как сразу же возникала реальная опасность раствориться, потерять свое лицо, оказаться в подчиненном положении.

«Левые» коммунисты сделали из этого факта ошибочный вывод о нежелательности какого-либо союза с национальной буржуазией. Принципиально иное решение предлагал В. И. Ленин, прекрасно понимавший опасность «растворения», но видевший главную задачу коммунистов в их сближении с массами, необходимость во что бы то ни стало «работать в массах». Сотрудничество с буржуазно-демократическими национальными движениями, указывал В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна, обязательно и необходимо, но «лишь на том условии, чтобы элементы будущих пролетарских партий, коммунистических не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическими движениями внутри их нации; Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме...» [36].

IV конгресс Коминтерна, в работе которого участвовал В. И. Ленин, в резолюции по восточному вопросу конкретизировал эти идеи и пришел к выводу, что «на колониальном Востоке в настоящее время необходимо выставить лозунг единого антиимпериалистского фронта. Целесообразность этого обусловлена перспективой длительной и затяжной борьбы с мировым империализмом, требующей мобилизации всех революционных элементов» [37].

Сотрудничество коммунистов с Гоминьданом и Индийским национальным конгрессом означало союз не только и не столько с национальной буржуазией (хотя и с нею тоже), сколько с широкими крестьянскими массами. Иного пути к их сердцам просто не было.

Вот почему V расширенный пленум ИККИ (март — апрель 1925 г.) рекомендовал индийским коммунистам, которые в индивидуальном порядке уже входили в Индийский национальный конгресс, продолжать эту работу в Конгрессе с целью «создания массовой национально-

революционной партии и Всеиндийского антиимпериалистического блока»[38]. Такую же линию Коминтерн рекомендовал проводить и в отношении Гоминьдана. Таким образом, Коминтерн благодаря В. И. Ленину и вопреки сопротивлению «левых» коммунистов выработал общие принципы революционной стратегии борьбы против империализма. Что касается вопросов тактики, выбора путей и форм массового движения, конкретных политических шагов по единению демократических сил, то в каждом случае это зависело от реальной ситуации и реальных возможностей.

НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1925–1927 гг. В КИТАЕ

Развитие освободительной борьбы китайского народа проходило после синьхайской революции 1911–1913 гг. в своеобразных условиях раскола страны на отдельные и враждующие между собой милитаристские режимы, за спиной которых стояли различные империалистические силы[39]. Лишь на юге страны в сентябре 1917 г. правительство вновь возглавил Сунь Ятсен. Его правление продолжалось до 1919 г., затем реакционные силы оттеснили демократов от власти. В феврале 1923 г. Сунь Ятсен вновь пришел к руководству в провинции Гуандун, которая стала быстро превращаться в основную революционную базу. На севере Китая после смерти Юань Шикая власть осталась в руках контрреволюционной клики во главе с Дуань Цижуем.

Возглавляемая Сунь Ятсеном партия Гоминьдан, имевшая наибольшее влияние в южных районах, проводила в целом антиимпериалистическую политику. Между правительством Сунь Ятсена и Советским Союзом сложились деловые отношения сотрудничества, состоялся обмен военными делегациями. Левое крыло Гоминьдана в тот период всячески подчеркивало свою заинтересованность в «теснейшем контакте» с Коминтерном и выдвигало даже предложение о вступлении в его ряды. Коминтерн, естественно, уклонился от приема Гоминьдана в свой состав, рассматривая его как весьма далекую от коммунизма организацию и лишь в тактических целях перекрашивающуюся «в цвет коммунизма». Вместе с тем он настоятельно рекомендовал китайским коммунистам работать внутри Гоминьдана, идти с ним на союз. В инструкции своему представителю в Китае голландскому коммунисту Г. Маринту (август 1922 г.) ИККИ подчер-

кивал, что следует рассматривать Гоминьдан «как революционную партию, которая хранит заветы революции 1911 г. и стремится создать независимую китайскую республику»[40].

Вопреки этим рекомендациям китайские коммунисты на первых порах отказывались сотрудничать с Гоминьданом, не учитывая, что за Сунь Ятсеном и Гоминьданом идут широкие массы, что южнокитайское правительство объективно является базой национальной демократической революции.

На II съезде КПК (1922 г.) была принята резолюция о возможности такого сотрудничества, с тем чтобы «общими силами свергнуть партию милитаристов, империалистов и положить начало настоящей демократической и независимой нации»[41]. III съезд КПК (1923 г.) одобрил наконец идею о вступлении коммунистов на правах индивидуальных членов в Гоминьдан. Так шаг за шагом преодолевалось неумение вести реалистическую, а не словесную политическую борьбу. Решения III съезда КПК впервые ориентировали коммунистов на сотрудничество с другими антиимпериалистическими силами. Это было тем более важно, что сам Гоминьдан, проводя свою реорганизацию, объективно уже становился — по структуре, принципам работы, программным установкам — неким военно-политическим блоком (или фронтом) общенационального масштаба.

На I съезде нового Гоминьдана (январь 1924 г.) из 160 делегатов 20 представляли Коммунистическую партию. Это был чрезвычайно важный факт. Сунь Ятсен представил доклад, в котором выдвинул три политические установки: союз с Советской Россией, сотрудничество с коммунистами, поддержка рабочих и крестьян[42].

Реорганизованный Гоминьдан представлял собой блок национальной буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства, рабочего класса, интеллигенции, средних слоев, т. е. всех сил, выступающих против империализма. Компартия сохраняла в этом блоке свою полную политическую самостоятельность, имела представителей в Исполкоме. Коммунисты основное внимание уделяли военному делу — формированию Народно-революционной армии и подготовке к войне с реакционными северными властями, могли более или менее свободно вести политическую работу в массах. Благодаря этому число членов партии выросло в 10 раз (с 400 до 4 тыс. человек).

Однако почти сразу группа членов ЦК КПК во главе

с Чэнь Дусю и Мао Цзэдуном стала ориентироваться на выход из Гоминьдана ввиду нападок на коммунистов со стороны правого крыла его руководства. После смерти великого революционера-демократа Сунь Ятсена (23 марта 1925 г.) позиции правого крыла особенно усилились, а это в свою очередь привело к «левому» уклону в руководстве КПК, которое на IV съезде (1925 г.) одобрило резолюцию о реакционной роли национальной буржуазии и необходимости в связи с этим любыми путями добиваться гегемонии пролетариата. Такова была линия ЦК КПК накануне движения 30 мая 1925 г., положившего начало национальной революции 1925—1927 гг. в Китае[43].

За неделю до начала революции И. В. Сталин, оценивая сдвиг Гоминьдана вправо, также сделал вывод о том, что все явственнее становится деление на «революционную (мелкая буржуазия) и соглашательскую (крупная буржуазия), из коих первая продолжает революционную борьбу, а вторая вступает в блок с империализмом»[44]. Отсюда делалось заключение, что «от политики единого национального фронта коммунисты должны перейти в таких странах (как Китай, Египет, Индия.— *Б. К.*) к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии»[45].

Возможно, выход КПК из Гоминьдана был не за горами, но ситуация сразу резко изменилась в связи с неожиданным началом национальной революции. Ее нарастание произошло так быстро, что КПК и Коминтерн оказались буквально захваченными врасплох.

Революция началась с массовых выступлений рабочих, студентов, мелкой буржуазии против иностранных империалистов. В июне — сентябре рабочий класс Шанхая, Гонконга и других городов провел всеобщие антиимпериалистические забастовки. Поводом послужили репрессии со стороны милитаристских режимов. Забастовщики выражали свою солидарность с южным революционным правительством и Гоминьданом.

Южное революционное правительство, видя нарастающую поддержку со стороны масс, в июле 1926 г. объявило войну пекинскому режиму. Начался знаменитый Северный поход. К марту 1927 г. благодаря героическим действиям солдат и активной народной поддержке власть Гоминьдана распространилась почти на половину страны, включая Ухань и Шанхай. Сам Шанхай был 22 марта 1927 г. освобожден благодаря организации вооруженного восстания рабочих.

Особенность революции 1925—1927 гг. состояла в том, что ее буржуазно-демократическое (антифеодальное) и антиимпериалистическое, антимилитаристское содержание как революции социальной и национальной соединялось с вооруженной борьбой войск революционного правительства, с борьбой рабочего класса и коммунистов за объединение страны под единой народно-революционной властью, переходной к некапиталистическому, точнее, к социалистическому развитию Китая. В конечном счете эта тенденция вылилась в длительное революционное движение под лозунгом Советов (1927—1937 гг.)[46].

Империалистические державы, опасаясь развития революции, предъявили ультиматум, потребовав повсеместного прекращения массовых акций и сурового наказания «виновных». Не желая терять поддержку иностранного капитала и стремясь не допустить углубления революции, главнокомандующий вооруженными силами революции Чан Кайши в апреле 1927 г. совершил контрреволюционный переворот в Шанхае. Его примеру последовали другие военачальники, уже давно противопоставлявшие армию народу. Революция потерпела поражение.

Казалось, что единому фронту Гоминьдана и коммунистов пришел конец, что отныне пути народа и национальной буржуазии навсегда разошлись. Так и полагали все «левые». Однако сложившаяся ситуация порождала массу вопросов: закончился ли буржуазно-демократический, антиимпериалистический этап революции? Есть ли у пролетариата силы взять на себя роль гегемона? Вся ли национальная буржуазия перешла на контрреволюционные позиции? Ведь революция ни одной задачи не решила: империализм по-прежнему угнетал Китай, крестьянство страдало от эксплуатации помещиков, «народное благосостояние» не было достигнуто. Предательство Чан Кайши и даже террор против рабочего класса и коммунистов вовсе не были равнозначны изменению всего характера освободительной революции, всей структуры ее движущих сил, потере ею своего общенационального освободительного, антиимпериалистического, антимилитаристского характера.

Если с политической точки зрения еще можно было по-новому ставить вопрос о блокировании с Гоминьданом, то в социальном плане нельзя было перечеркивать всякую возможность и целесообразность блокирования с национальной буржуазией, т. е. с тем же Гоминьданом,

а через него и с городской мелкой буржуазией и с крестьянством. Но тогдашнее руководство КПК, следуя советам троцкистско-зиновьевской группы в ИККИ, напрочь отказывалось от дальнейшего сотрудничества с Гоминьданом, даже с его здоровым крылом, противостоящим контрреволюционному курсу Чан Кайши.

Троцкистская оппозиция рассматривала китайскую революцию под углом зрения кажущегося подобия с революцией 1905—1907 гг. в России. Антиимпериалистический, антифеодальный и специфически военный характер китайской революции в расчет не принимался. Ссылаясь на опыт 1905 г., троцкисты призывали не бояться «отпугнуть буржуазию», забывая, что в России она была контрреволюционной, а в Китае участвовала в борьбе против империализма и феодального милитаризма. Суньятсенизм оценивался Троцким не как шаг вперед, а как «народничество плюс национализм плюс кадетизм», т. е. как шаг назад по сравнению с 1911 г.[47] Гоминьдан характеризовался как обычная буржуазная и реакционная партия.

Непосредственная задача выглядела как немедленное установление власти Советов, прежде всего рабочих, т. е. диктатуры пролетариата. По Троцкому, получалось, что революцию антиимпериалистическую следовало как можно быстрее превратить в революцию социалистическую, так сказать, «без империализма, а правительство рабочее».

Коминтерн отверг этот авантюристический курс как явно ошибочный и ведущий прямо «к ликвидации революционного движения в Китае»[48]. VII пленум ИККИ (ноябрь — декабрь 1926 г.) подтвердил стратегию единого антиимпериалистического фронта и сурово осудил левацкие тенденции. Зиновьев, продолжавший настаивать на выходе коммунистов из Гоминьдана, был освобожден от обязанностей председателя Исполкома Коминтерна. Вслед за этим в сентябре 1927 г. из ИККИ был выведен Троцкий.

IX пленум ИККИ (февраль 1928 г.) в своей резолюции записал: «Текущий период китайской революции есть период буржуазно-демократической революции, которая не завершена ни с точки зрения экономической (аграрный переворот и уничтожение феодальных отношений), ни с точки зрения национальной борьбы против империализма (объединение Китая и национальная независимость), ни с точки зрения классовой природы власти (диктатура пролетариата и крестьянства)»[49]. Это означа-

ло, что впереди предстояло продолжение борьбы за достижение главных целей революции.

Опыт национальной революции 1925–1927 гг. в Китае имел исключительно важное значение для всего мирового революционного процесса, дал возможность Коминтерну поставить и разработать ряд важных теоретических проблем. Вся последующая работа ИККИ и коммунистических партий в зоне национально-освободительного движения в течение многих лет опиралась главным образом именно на китайский опыт. Это дало как плюсы, так и минусы, поскольку механически переносить опыт одной страны, как бы богат и полезен он ни был, в другие условия было никак нельзя.

НАРОДНОЕ НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В ИНДИИ

Оригинальным путем развивалась антиимпериалистическая борьба в Индии[50]. Своей главной целью индийские патриоты ставили достижение «свараджа» – самоуправления в рамках Британской империи. Этот курс выдвигался единственной крупной буржуазной партией – Индийским национальным конгрессом (ИНК). Конгрессисты не выходили за рамки лояльной оппозиции британскому владычеству, хотя в самой партии имелись различные течения – от коллаборационистов до решительных сторонников полной независимости. Устав ИНК, принятый в 1920 г., провозгласил своей целью «достижение свараджа мирными и законными средствами». Лишь в 1927 г. под влиянием левого крыла и благодаря настойчивости Джавахарлала Неру и Ч. Босома была одобрена программа борьбы за полную независимость.

Сложнейшим вопросом являлось не формулирование цели борьбы (в этом отношении Индия ничем не отличалась от других колоний и желала лишь независимости), а выработка стратегии и тактики антиколониального сопротивления, которое, как того хотели конгрессисты, должно было быть мощным и массовым, но не переходящим в насильственную революцию «низов».

Национальная буржуазия вместе со всем народом страдала от чужеземного колониального ига, стремилась освободиться от него и встать на собственные ноги, но без опоры на народ, путем чисто верхушечных методов повлиять на метрополию было невозможно. Лондон был глух к робкому прошению вассала.

Однако идти на полный союз с «низами» индийская буржуазия также не хотела, ибо она сама вместе с помещиками эксплуатировала народ. Социальное освобождение масс в расчеты буржуазии не входило. Она стремилась втянуть народ в антиколониальную борьбу под своим руководством, но не дать трудящимся подняться на самостоятельные социальные выступления против эксплуатации вообще.

Эти планы осуществились лишь частично, ибо антиколониальное движение вышло далеко за уготованные ему ограниченные рамки и приобрело характер подлинно народного антиколониального движения. Во главе этого движения встал выдающийся патриот и демократ Мохандас Карамчанд Ганди (1869—1948). Именно этот человек сумел воплотить в политику одновременно идеалы бедного индийского крестьянина о всеобщем благоденствии и интересы национальной буржуазии о независимости, причем сделал это талантливо и искренне, опираясь на все традиционные религиозно-этические установки народа, в том числе на древние традиции ненасилия, принимая во внимание все слабые и сильные стороны, все внутренние противоречия сложного индийского общества.

Используя уже опробованные его предшественниками методы противоборства с колониальными властями, Ганди сформулировал стройную религиозно-политическую доктрину и стратегию массовых антиимпериалистических действий — так называемую сатьяграху, или ненасильственное активное сопротивление. Именно эта форма борьбы, причем борьбы подлинно массовой и активной, придала уникальное своеобразие опыту освободительного движения в Индии. Позже, уже в 50—60-х годах XX в., к такой форме борьбы прибегли патриоты Ганы, ЮАР, Кении, Гаити и других стран.

Разумеется, антиимпериалистическое движение в Индии 20—30-х годов не сводилось к какой-то одной форме. В общем потоке антиимпериалистической борьбы сплетались выступления рабочего класса, боевые действия студенчества, крестьянские бунты. Осью же движения была именно сатьяграха.

Доктрина сатьяграхи, равно как и сама практика ненасильственного сопротивления, многократно и резко критиковалась в Коминтерне и в марксистской литературе за то, что основывалась на пропаганде классового сотрудничества буржуазии и пролетариата, буржуазии и народа под эгидой буржуазии. По мнению некоторых

авторов, «ненасильственное сопротивление явилось своего рода компромиссом индийской и английской буржуазии», поскольку-де и та, и другая видели в сатьяграхе «наиболее приемлемую форму освободительной борьбы» [51], своеобразный «заменитель классовой борьбы» [52]. Проповедь классового сотрудничества казалась многим критикам гандизма самым главным его пороком, признаком его буржуазной реакционности и даже контрреволюционности. Конечно, призывы к классовому миру в чем-то сдерживали процесс политического развития пролетариата. Было бы, однако, неверно видеть только эту негативную сторону дела.

В конкретных условиях колониальной Индии в отличие от Европы задача состояла именно в обеспечении сотрудничества всех классов в борьбе против империализма. Такой курс был выдвинут В. И. Лениным на II конгрессе Коминтерна. Правда, разница, и разница существенная, была в том, что Коминтерн стремился к созданию единого антиимпериалистического фронта под руководством рабочего класса, выставлял условием сотрудничества политическую самостоятельность рабочего класса, резко критиковал буржуазно-националистическое соглашательство и т. д. Об этом мы уже говорили. Ганди же довольствовался единством при гегемонии национальной буржуазии. Однако гандистский вариант отвечал конкретной исторической ситуации в Индии 20—30-х годов. О гегемонии пролетариата можно было говорить лишь как о далеком будущем. Малочисленная компартия не могла соперничать с Индийским национальным конгрессом, который вел за собой массы. Ждать, пока пролетариат завоюет гегемонию, и лишь после этого бороться за антиимпериалистическое единство было равнозначно пассивности и нежеланию участвовать в борьбе с колониализмом.

К сожалению, именно такую политику проводили «левые» коммунисты, отказываясь от сотрудничества с Ганди и Индийским национальным конгрессом, громко выкрикивая обвинения по поводу сатьяграхи. Их призывы о превращении борьбы антиимпериалистической в гражданскую войну были несвоевременны. Стремление Ганди избежать гражданской войны и пробудить весь народ к антиимпериалистическому сопротивлению имело по сути дела революционный характер. Слабость позиции Ганди состояла лишь в том, что он абсолютизировал ненасилие и допускал союз классов и в дальнейшем, не будучи убежден в необходимости перехода на некапи-

талистический путь развития и не веря в революционность рабочего класса. Такой вариант, по его мнению, годился для Европы, но не для крестьянской Индии.

Ганди, как патриот и демократ-революционер, считал возможным достичь сотрудничества буржуазии, крестьянства и пролетариата на пути прогресса и видел непосредственную задачу не в борьбе против капитализма (точнее, против европейской цивилизации), а в борьбе против колониализма и империализма. «Я должен сказать,— обращался он к рабочим,— что я не подготовлен к тому, чтобы звать вас сегодня на борьбу с индийским капиталом. Сегодня я хочу изгнать иностранных капиталистов, которые высасывают кровь из народа. Когда придет время, я не остановлюсь перед борьбой с индийскими капиталистами, если они не прекратят эксплуатировать рабочих. Сегодня мы не можем бороться с двумя врагами. Давайте поборем одного, а тогда будет легко, если нужно, побороть другого врага, взращенного в нашей собственной стране» [53].

Постулат очередности решения национальных и социальных задач выглядел несколько прямолинейным, но в принципе он верно схватывал динамику развития освободительного движения. История показала, сколь опасны и вредны для дела революции перепрыгивания через демократический этап, левацкие упражнения по превращению антиимпериалистической войны в войну гражданскую с целью ускоренного введения социализма. Достаточно вспомнить опыт «больших скачков» в Китае, трагедию Кампучии во времена Пол Пота.

Таким образом, при всех мелкобуржуазных и народнических слабостях гандизма его установка на объединение антиимпериалистических сил, первостепенное обеспечение независимости, даже принимая во внимание последующее развитие по капиталистическому пути (а именно по нему и пошла Индия после 1947 г.), была исторически оправданна и соответствовала реальной обстановке.

Общенародное движение гражданского неповиновения не переросло в революцию. Сатьяграха по самой своей сути не могла превратиться в революцию, если понимать под последней только насильственную (вооруженную) форму свержения старой власти.

«...Индия,— говорил Ганди,— не похожа на Турцию, Ирландию или Россию... революционная деятельность (в данном случае имелась в виду вооруженная борьба.— *Б. К.*) — это самоубийство для страны, по крайней мере

на данном этапе ее развития, – для страны столь огромной, столь безнадежно разъединенной, для страны с таким нищим и забитым народом»[54]. Призыв Ганди к осуществлению сатьяграхи был услышан всем народом, и в течение почти четырех десятилетий ненасильственное сопротивление оставалось главной формой антиимпериалистического движения.

Идеалом Ганди и всех его многочисленных сторонников являлось «общество социальной справедливости», царство божие на земле – сарводайя, которое можно завоевать в борьбе со злом, используя только ненасильственные методы. Стремление во что бы то ни стало избежать какого-либо насильственного действия объяснялось абсолютизацией древнего и святого для каждого индуса принципа «ахимсы». «Ахимса» (т. е. отрицание химсы, насилия) – ненасилие, непричинение зла, воздержание от причинения страданий кому бы то ни было – насекомому, животному, человеку, даже врагу. Такое отношение к жизни давало сатьяграхам огромную моральную силу убежденности в правоте своего дела и вызывало всеобщее восхищение.

Первые опыты ненасильственного сопротивления молодой Ганди испытал, еще будучи в Южной Африке. Затем в Индии он постарался побудить рабочих одной фабрики в Ахмарабаде (Юго-Западная Индия) в ходе забастовки в защиту своих прав не прибегать к насилию и разрушениям, не «задевать штрейкбрехеров» и «оставаться стойкими, сколько бы ни продолжалась забастовка». Чтобы поддержать боевой дух стачечников, Ганди объявил индивидуальную забастовку, поклявшись, что не притронется к пище, пока рабочие не одержат победы. Его решительному поступку последовали некоторые друзья. «В результате всего этого, – вспоминал позднее Ганди, – возникла атмосфера доброжелательства. Сердца фабрикантов оттаяли, и они стали изыскивать возможности для соглашения»[55].

Первый успех окрылил Ганди, и он всю жизнь оставался стойким сатьяграхом – борцом против несправедливости, не применявшим физического, морального или другого насилия.

Под руководством Ганди и Индийского национального конгресса были проведены четыре общеиндийские кампании сатьяграхи – в 1919–1922, 1930, 1932–1934 и 1942 гг., причем в кампании 1930 г. массы кое-где применяли насильственные действия. В двух первых кампаниях гражданского сопротивления участвовала почти вся на-

ция. Индийцы во всех городах и поселках, везде и всюду, каждый день и каждый час, действуя по призыву вождя, бойкотировали английские товары, не посещали английские банки, рестораны, библиотеки, кинотеатры, не поддерживали с англичанами деловые отношения, не выполняли предписания колониальных властей и судов, проводили огромные многомиллионные марши и манифестации, индивидуальные и коллективные забастовки и т. д. Это были грандиозные и активные действия народа против колониализма. Сатьяграха противопоставила грубой материальной силе силу духа и самопожертвования. Можно по-разному оценивать смысл и эффективность такого метода борьбы, но отрицать его огромную морально-психологическую силу нельзя.

В политической литературе прочно утвердилось мнение о том, что революционному массовому действию неизбежно присущ элемент насилия, прежде всего вооруженного насилия. В самом деле, историю классовой борьбы и социальных революций трудно представить без насилия. Но отсюда вовсе не следует, что прямое военное насилие есть неизбежный метод революционного индивидуального или массового действия. Ненасильственная классовая и революционная борьба почти всегда развивалась параллельно и одновременно с насильственными формами. Более того, на определенных этапах применение насилия не только ограничено, но нередко просто нецелесообразно или выгодно лишь власть имущим.

Вспомним, что ненасильственные формы имела мирная демонстрация рабочих Петербурга 9 января 1905 г., насилие над которыми лишь укрепило «силу духа» пролетариата и ослабило царизм. В апреле и июле 1917 г. большевики, активно поддерживая массовые мирные демонстрации, выступали против каких-либо насильственных действий со стороны масс, считая их несвоевременными. В Венгрии в 1919 г. революция победила без прямого вооруженного насилия.

Число примеров, подтверждающих целесообразность, а иногда и неизбежность отказа от применения военного насилия, можно умножить. Все они говорят об одном: насилие и ненасилие в политике занимают свое место, не исключая друг друга. Абсолютизировать тот или иной метод ошибочно: все зависит от конкретных условий, от характера участников борьбы, от их силы духа, от поведения врага и т. д. Иными словами, приклеивать гандизму ярлык идеалистического, чисто религиозного и сугубо

индийского «исключения» было бы неверно. Насилие вовсе не обязательно революционно, точно так же как ненасилие не обязательно реакционно.

Насилие есть насилие. Само по себе оно не носит заранее определенного социального – прогрессивного или реакционного – смысла. В. И. Ленин отмечал, что говорить о насилии вообще, абстрактно, «без разбора условий, отличающих реакционное от революционного насилия, значит быть мещанином, отрекающимся от революции, или это значит просто обманывать себя и других софистикой»[56]. Известно, что насильственное введение рабства, указывал Ф. Энгельс, было историческим прогрессом. Говоря об Индии, К. Маркс в статье «Британское владычество в Индии» подчеркивал, что даже колониальное завоевание Индостана при всей своей низости и жестокости означало тем не менее определенную «*социальную* революцию», которая покончила с презренно застойной, растительной жизнью, пассивной формой существования. Как ни прискорбно было зрелище такого разрушения древнего мира, с точки зрения исторической перспективы это был прогресс, а не регресс, хотя он и достался самым грубым насилием[57].

Насилие – не абсолютное зло, а ненасилие – не абсолютное добро. Насилие нередко пролагает дорогу новому и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы. Но иногда этой цели можно достичь и ненасильственными методами, хотя такой вариант более редок. Ганди пытался добиться освобождения без применения насилия и во многом преуспел в этом, хотя, разумеется, полностью избежать насилия не удалось.

К сожалению, долгое время (иногда и сейчас) в марксистской литературе такой искренний поиск именовался «предательством», пассивностью, капитулянтством перед империализмом и т. п. Лишь в последние годы сатьяграха стала рассматриваться как специфическая форма народной антиимпериалистической борьбы. Ошибка Ганди была не в том, что он разработал стратегию сатьяграхи, а в том, что он абсолютизировал ее, отрицал все иные формы и пути антиимпериалистического движения, хотя (и это симптоматично) никогда не критиковал тех, кто в других странах вел вооруженную борьбу с империализмом. Это была ошибка великана, а не убогая правота политического карлика, который не может ошибиться только потому, что все свои силы употребляет не на действие, а на пассивное приспособление. Но «левые» карлики, критикуя Ганди, сами впадали в еще большую ошиб-

ку, абсолютизируя насилие как метод революции и отрицая все другие методы.

Ненасильственные общенародные действия, по Ганди, могли и должны были заменить собой насильственную революцию. Индия завоевала свою независимость, идя именно по такому «мирному» пути, хотя, конечно, в развитии антиимпериалистической борьбы нередко использовались и насильственные методы.

В известном смысле сама сатьяграха несла в себе определенную дозу насилия, заставляя колониальную администрацию идти на уступки, лавировать, приспосабливаться к общенародному неповиновению — по форме мирному, спокойному, но твердому и непреклонному. Сатьяграха выражала нежелание трудящихся жить «по-старому». Массы — крестьяне, рабочие, служащие, мелкая буржуазия и даже сама национальная буржуазия — благодаря гандизму проявили в 20-х и 30-х годах необычайную политическую активность. Они уже заняли позицию прямого отрицания колониализма, уже пришли в активное движение, уже готовы были идти на смерть ради свободы, уже обессиливали империю, все острее ощущавшую неэффективность управления Индией «по-старому» (по-колониальному). Такого размаха не имела и не могла иметь никакая иная форма протеста индийского народа.

Удивление вызывает не общий взгляд философа Ганди на проблему насилия, а его призыв как политического деятеля к отказу даже от ответных насильственных действий на насилие врага. В этом он приближается к Л. Н. Толстому с его теорией «непротивления злу насилием». Вот здесь, в этом конкретном пункте (как отвечать на насилие врага?), и скрыта основная проблема. Ганди дает однозначный ответ: никогда и ни при каких условиях не применять насилия, даже если это необходимо для самообороны и спасения жизни от насилия врага. Критикуя индийских анархистов, Ганди упрекал их за «безрассудное пренебрежение к жизням своих противников»[58]. Развивая принцип «ахимсы» и применяя его к политике, Ганди образно писал: «Вооруженные заговоры против чего-либо сатанинского похожи на борьбу сатаны против сатаны. Но так как для меня более чем достаточно одного сатаны, то я не стал бы умножать их число»[59].

Действительно, насилие порождает насилие. Разорвать этот круг почти невозможно, хотя Ганди вновь и вновь выдвигал лозунг ненасильственного сопротивле-

ния. Нельзя забывать, что главным и наиболее опасным «сатаной» Ганди считал империализм, борьбе против которого он посвятил всю свою жизнь. Именно антиимпериализм и массовый размах сатьяграхи придали движению гражданского сопротивления (не взглядам Ганди, а движению масс) определенное революционное содержание, боевитость, напористость и эффективность. Сатьяграха была формой всеиндийского и всенародного отрицания колониализма не меньшей, если не большей, силы, чем вооруженные выступления.

Для борьбы с «империалистическим злом» Ганди стремился объединить всех индийцев независимо от их социального статуса или кастовой принадлежности, и именно в этих целях он взял на себя руководство Индийским национальным конгрессом. В итоге тесно переплелись воедино все три ипостаси великого Ганди – его личная жизнь, его религиозная миссия пастыря народа и его политическая деятельность как лидера буржуазной партии Индийский национальный конгресс.

Сатьяграхе как политической тактике и доктрине были присущи величайшее терпение и мужественный протест, патриотизм и самопожертвование, религиозная форма и глубокое антиимпериалистическое содержание. В известной степени это была вершина стихийного крестьянского революционаризма в специфических условиях Индии, – революционаризма, пытавшегося традиционным методом решить современные общественные противоречия.

Ганди и его последователи сделали в 20-х годах для дела индийской антиколониальной революции больше, чем все «левые» коммунисты типа Роя с их грозными, но непродуманными выкриками о необходимости насильственной революции, борьбы за гегемонию пролетариата и «оттеснение» национальной буржуазии в сторону, об отказе от блокирования с «соглашателями» и «оппортунистами» типа Ганди. Как считал Рой, Ганди проповедует «реакционную и политически обанкротившуюся» мелкобуржуазную идеологию, и только[60].

Рой и другие «левые» коммунисты полагали, что в Индии и на Востоке вообще крестьянство и мелкая буржуазия являются реакционным фактором (типично троцкистский взгляд), который мешает «прогрессивной буржуазии и воинствующему пролетариату» вести борьбу с империализмом. А поскольку, по мнению Роя, движение неповиновения в основном крестьянско-буржуазное, постольку гандизм есть не что иное, как «наиболее

проницательное и отъявленное выражение сил реакции»[61].

Что же касается партии Индийский национальный конгресс, то Рой относил ее, как ни странно, именно к лагерю «прогрессивной буржуазии». Получалось, что одна сторона гандизма являлась «отъявленно» реакционной, т. е. его лучшая, народная, крестьянская сторона, а другая – «прогрессивно буржуазной», т. е. именно его худшая, слабая, буржуазно-политическая сторона. Так, перепутав, где правая, а где левая сторона гандизма, Рой окончательно показал свою неспособность правильно разобраться в индийской ситуации, на что он постоянно претендовал в Коминтерне.

Свой главный тезис Рой сформулировал в 1923 г., заявив: «Культ ненасилия неотделим от духа контрреволюции. Те, кто не хочет революции в Индии, могут возлагать надежды на ненасильственные методы. Строго ненасильственные методы едва ли отличны от конституционной агитации, а ни один народ на земле никогда не совершил революцию конституционными методами»[62].

Удивительно, но Рой проглядел опыт Венгрии, где в марте 1919 г. произошла именно мирная, и в этом смысле ненасильственная, социалистическая революция. Ничего не понял Рой и в опыте большевизма в период двоевластия, когда перерастание демократической революции в социалистическую также развивалось по мирному пути. Для Роя и «левых» коммунистов любая революция – это сугубо и исключительно насильственный процесс, вооруженная борьба классов, гражданская война и т. п. Все остальное к революции отношения не имеет, а раз так, то важно заклеймить сатьяграху и взять курс на насильственную революцию, причем совершить ее чем скорее, тем лучше.

Поступить так, как хотели «левые» коммунисты, т. е. отказаться от сотрудничества с Индийским национальным конгрессом и Гоминьданом, означало чрезвычайно затруднить дело антиимпериалистической борьбы, попытаться сделать «свою революцию» без масс, без перемены в их настроениях по отношению к национальной буржуазии, что было нереально и невозможно. Искусственно ускорить этот сдвиг было никак нельзя; только собственный опыт масс мог убедить их в ограниченности буржуазно-националистического руководства.

Пытаться игнорировать объективную ситуацию, подчинив ее собственной схеме, отрицать позитивную роль народного ненасильственного сопротивления означало

оказаться в стороне от главного потока антиимпериалистической борьбы, в положении никому не нужной и забытой секты. «Большего неразумия, большего вреда для революции, приносимого «левыми» революционерами, нельзя себе и представить!» — писал В. И. Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»[63] буквально за несколько дней до столкновения с Роем на II конгрессе Коминтерна. В. И. Ленин сказал эти слова по адресу европейских «левых» коммунистов, но такую оценку по праву можно отнести и к «левым» в Индии, в Китае и во всех других странах Азии.

Сатьяграха укрепляла «силу духа» индийского народа, сплачивала его воедино и противопоставляла британскому империализму. Это была не трусливая, а смелая позиция. По своему смыслу и значению это был процесс революционной борьбы с империализмом, но борьбы в основном ненасильственной. Перед нами своего рода уникальный и довольно редко встречающийся мирный путь антиколониальной революции. Впервые именно такую единственно верную оценку индийскому опыту дали В. И. Ленин и Коминтерн.

В Сочинениях В. И. Ленина нет прямых оценок Ганди и движения ненасильственного сопротивления. Лишь из мемуаров Роя известно, что оценка роли Ганди была «основным пунктом разногласий» между ним и В. И. Лениным: «Ленин считал, что как вдохновитель и вождь массового движения он (Ганди.— *Б. К.*) был революционером. Я же утверждал, что как религиозный и культурнический возрожденец Ганди неизбежно должен быть реакционером в социальном отношении, как бы революционно он ни выглядел политически»[64].

В. И. Ленин не мог дать окончательной оценки гандизма, поскольку сатьяграха только начинала набирать силу, и задача Коминтерна состояла в том, чтобы определить специфику «восточного вопроса» в целом, применить марксистскую теорию к особым, неевропейским условиям, не к рабочему, а к общенародному антиимпериалистическому движению, основной движущей силой которого являлось крестьянство. «В этом суть. Об этом надо подумать и *поискать* **конкретных** ответов»[65],— говорил В. И. Ленин на II конгрессе Коминтерна.

В первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам и в выступлении 26 июля 1920 г. в комиссии по подготовке соответствующей резолюции В. И. Ленин, не имея достоверной информации, избегает давать прямую оценку гандизма, но в общей

форме признает более точным использовать впредь вместо термина «буржуазно-демократическое» движение термин «национально-революционное» движение для оценки народных, нереформистских антиимпериалистических выступлений, чтобы не утерять «всякое различие между реформистским и революционным движением»[66].

Однако остается не ясным, к какому же типу движения следует отнести сатьяграху — реформистскому или революционному? Частичный ответ, как нам представляется, дал сам В. И. Ленин в ответной телеграмме на приветствие индийских революционных эмигрантов из Кабула, переданной по радио 10 мая 1920 г. В этом документе, который был составлен примерно через год после начала первой кампании сатьяграхи, В. И. Ленин говорил: «Русские трудящиеся массы с неослабным вниманием следят за пробуждением индийского рабочего и крестьянина. Залогом окончательного успеха являются организованность и дисциплина трудящихся, их выдержка и солидарность с трудящимися всего мира. Приветствуем тесный союз мусульманских и немусульманских элементов. Искренне желаем распространения этого союза на всех трудящихся Востока. Только тогда, когда индийский, китайский, корейский, японский, персидский, турецкий рабочий и крестьянин протянут друг другу руки и пойдут вместе на общее дело освобождения, только тогда обеспечена решительная победа над эксплуататорами. Да здравствует свободная Азия!»[67]

В этой телеграмме, адресованной всем «сознательным индийцам, героически борющимся за свободу», а не только формальному адресату — Индийской революционной ассоциации г. Кабула, обращает на себя внимание несколько аспектов. В. И. Ленин подчеркивает мысль о новом «пробуждении» индийских рабочих и крестьян, о «героической борьбе» сознательных индийцев за свободу; говорит, что «залог окончательного успеха» кроется в организованности, дисциплине, выдержке и солидарности мусульманских и немусульманских элементов. Все эти требования выдвигал и Ганди, объявляя в марте 1919 г. первую национальную сатьяграху.

Все это, вместе взятое,— свидетельство Роя, позиция В. И. Ленина в дискуссиях на II конгрессе Коминтерна, его радиотелеграмма от 10 мая 1920 г.— позволяет сделать вывод о позитивной оценке движения ненасильственного сопротивления в Индии как одной из революционных форм борьбы трудящихся за свою свободу.

Именно такую оценку, как представляется, дал спустя

год в своей резолюции III конгресс Коминтерна: «Революционное народное движение в Индии и других колониях стало в настоящее время такой же существенной частью мировой революции, как и восстание пролетариата в капиталистических странах Старого и Нового света»[68]. Сатьяграху можно было по праву отнести к категории «революционного народного движения».

Однако в Коминтерне, а затем и вообще в марксистской литературе возобладала иная оценка сатьяграхи, базирующаяся на признании буржуазно-соглашательской позиции Индийского национального конгресса. В итоге было утеряно главное — народный характер сатьяграхи (а не ИНК), боевой характер сопротивления народа (а не его вождей), сама возможность «мирного» пути антиимпериалистической революции на Востоке, и не только на Востоке.

Особенно большой «вклад» в негативную трактовку сатьяграхи внесли Рой и другие «левые» коммунисты, которые на V конгрессе Коминтерна в 1924 г. вновь рьяно отстаивали свою точку зрения. Конгресс отклонил проект тезисов Роя. Было решено их доработать и вновь представить VI конгрессу.

К этому времени ситуация изменилась: во-первых, сатьяграха 1919—1922 гг. осталась позади и в Индии наблюдалось временное затишье; во-вторых, против коммунистов в ряде городов начались судебные гонения (в Пешаваре и Кампуре в 1923—1924 гг.), по поводу которых руководители ИНК хранили молчание. Все это давало основание для негативных оценок политики ИНК. Видимо, исходя из таких соображений, И. В. Сталин в записке Д. З. Мануильскому писал о том, что «пришла пора поставить вопрос о гегемонии пролетариата в освободительной борьбе таких колоний, как Индия, буржуазия которой является соглашательской...»[69].

Разумеется, установка на желательность гегемонии пролетариата имела определенный смысл, если исходить из ориентации на будущее, но делать вывод о том, что в Индии уже практически «пришла пора» для этого, было преждевременно[70] (относительно Китая аналогичный вывод был сформулирован спустя год, в мае 1925 г.).

Эта установка привела в дальнейшем к отрицанию всякой прогрессивной роли национальной буржуазии, всякой ее антиимпериалистической устремленности и, как следствие, к отказу от блокирования с ней. Правда, V расширенный пленум ИККИ (март — апрель 1925 г.) призвал индийских коммунистов продолжать работу вну-

три Индийского национального конгресса с целью подталкивания буржуазии «в спину» на основе единого антиимпериалистического фронта[71], но на IX пленуме ИККИ в феврале 1928 г. и наиболее отчетливо на VI конгрессе Коминтерна отрицательная оценка роли национальной буржуазии утвердилась окончательно.

Таким образом, опыт китайской национальной революции 1925–1927 гг. и народного ненасильственного сопротивления в Индии породил ряд важных теоретических и политических проблем.

Революционная война китайского народа показала высокую эффективность создания Народно-революционной армии как главной «материальной» силы революции. Весьма типической являлась и эволюция Гоминьдана. Возможность контрреволюционного перерождения как бы изначально была заложена в поведении определенных групп буржуазной демократии, а именно самых правых, самых коллаборационистских ее элементов. С другой стороны, обнаружилась вся сложность сотрудничества коммунистов с гоминьдановцами и им подобными союзниками по борьбе с империализмом.

С особой ясностью проявилась оппортунистическая сущность «левого» коммунизма – грозного на словах и пустого на деле. Проявить свою «революционность» одной только бранью по адресу буржуазии и мелкой буржуазии, одним только отрицанием всякого с ними сотрудничества ради иллюзорной «чистенькой» и «быстренькой» революции было очень просто и легко, но именно потому, что слишком легко, никакими фразами нельзя было решить труднейшую задачу. Надо было еще научиться так работать в массах, чтобы шаг за шагом, не спеша, постепенно «*подвести* широкие (теперь еще в большинстве случаев спящие, апатичные, рутинные, косные, не пробужденные) массы... на новую позицию, способную обеспечить победу...»[72].

Эти же уроки можно извлечь и из опыта индийской сатьяграхи. Но тут надо сделать оговорку. «История вообще, история революций в частности, – писал В. И. Ленин, – всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов»[73]. Это и понятно, ибо никакая теория, никакая партия не могут заранее предвидеть все возможные достижения и «выдумки» революционного творчества миллионов пробудившихся к самостоятельной борьбе. Так было в России в 1905 г., когда сами рабочие

выдвинули и реализовали идею Совстов. Так случилось с зарождением партизанского движения антиколониального сопротивления в Ирландии в 1919 г.

Своим неожиданным путем пошел и индийский народ, взяв на вооружение сатьяграху. Ганди, по-видимому, никогда не ожидал, что идея ненасильственного сопротивления приобретет такой гигантский размах, явится наиболее адекватным воплощением революционного духа всего индийского народа.

Если отбросить религиозную оболочку сатьяграхи, соглашательскую тенденцию Индийского национального конгресса, реформистские наслоения мелкобуржуазных и буржуазно-националистических политиканов и взять саму форму ненасильственного сопротивления народа «в чистом виде», т. е. народный характер сатьяграхи, во-первых, и ее антиколониальную направленность, во-вторых, то можно прийти к однозначному выводу: это была вполне закономерная и эффективная форма борьбы миллионных масс трудящихся, являвшаяся такой же существенной частью мирового революционного процесса, как и рабочие революции в Европе, как китайская национальная революция 1925—1927 гг., осуществленная преимущественно насильственными (вооруженными) методами, или как мирная социалистическая революция в марте 1919 г. в Венгрии.

Естественно, освободительное движение того или иного народа имеет свою специфику, но все они дополняют друг друга, придавая мировому революционному процессу неисчерпаемое богатство форм и приемов борьбы, ставя каждый раз империализм в трудное и непривычное положение, путая его карты и добиваясь победы революционного духа над грубой материальной силой врага.

Опыт Индии, казалось бы, такой исключительный, такой «личный» и неприменимый в других ситуациях, представляется в высшей степени интересным и полезным для современного этапа мирового революционного процесса.

МНОГООБРАЗИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (1924–1933 гг.)

КОМИНТЕРН О ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В отличие от Индии и Китая, ярко показавших два лица национально-буржуазного Януса в антиколониальной борьбе, Латинская Америка более выпукло отразила не-

устойчивый характер мелкобуржуазного революционаризма. Это не значит, конечно, что роль национальной буржуазии здесь была принципиально иной, чем в Азии. Нет, и там, и тут развивались аналогичные тенденции, хотя в Латинской Америке они были окрашены в еще более сочные тона беспринципного соглашательства с империализмом. Но именно проблема взаимоотношений коммунистических партий с мелкобуржуазной демократией выдвинулась в 20—30-х годах на центральное место[74].

Классовые бои и освободительные войны в Латинской Америке как бы дополнили азиатский опыт, подтвердив действие общих закономерностей антиимпериалистической революции в новейшее время, с одной стороны, и показав специфику ее развития в каждом регионе и отдельно взятой стране — с другой. В основе главного различия лежал, во-первых, более высокий по сравнению с Азией уровень развития латиноамериканского капитализма в целом и, во-вторых, менее грубая форма империалистической зависимости.

Политическая независимость латиноамериканских республик не позволяла иностранным государствам, прежде всего Англии и США, пользоваться открыто колониальными средствами. Империализм действовал, так сказать, «обходным маневром», поддерживая в качестве своего политического союзника аграрную олигархию и компрадорские слои местной буржуазии, насаждая тиранические режимы и их руками подавляя всякое стремление народов к свободе и подлинной государственной самостоятельности.

Вот почему во многих случаях антиимпериалистическая революция выливалась в форму антиолигархических и антитиранических народных выступлений. В обстановке отсутствия какой-либо демократии, слабости партийной структуры, традиционного «увлечения» переворотами и приоритета сабли над политическим расчетом мирные пути общественных перемен здесь почти полностью исключались. Они были еще возможны в таких странах, как Уругвай и Аргентина, где имелись сильные буржуазно-реформистские партии, в других же регионах все решала «грубая материальная сила».

Прямое насилие над народом со стороны правящих тиранических режимов и империализма вызывало реакцию в виде ответного народного насилия, которому уже ничего не оставалось делать, как только «браться за оружие».

В определенной мере ввиду относительно высокого уровня развития местного капитализма и противоречий между буржуазией и пролетариатом сама возможность их сотрудничества в борьбе с империализмом была весьма ограниченной. В итоге рабочий класс солидаризировался в большей степени с мелкой буржуазией, особенно городской. В отличие от крестьянской подосновы революционного буржуазного демократизма в Азии в условиях Латинской Америки такой подосновой выступал мелкобуржуазный революционаризм, выражающий интересы городской мелкой буржуазии и средних слоев. Крестьянство, разумеется, также выступало одной из движущих сил революции, но после поражения мексиканской революции в течение ряда лет вело себя относительно пассивно, следуя в фарватере националистической буржуазии и ее лидеров.

Гигантское многообразие конкретных ситуаций в разных странах, неодинаковая расстановка классовых сил, различия в уровне организации трудящихся, политической зрелости рабочего класса, активности местной буржуазии и т. д., одним словом, неравномерность и многообразие путей и форм развития антиимпериалистической борьбы — вот что характеризовало положение на Латиноамериканском континенте в 20-х годах. Не случайно поэтому в Коминтерне велись горячие споры по вопросу о типологии освободительных процессов в Латинской Америке и их месте в мировом революционном процессе.

На VI конгрессе Коминтерна делегат от ВКП(б) Травин предлагал выделять следующие группы стран Латинской Америки: «Страны с туземной буржуазией и туземным пролетариатом; страны без туземной буржуазии, но с туземным пролетариатом; и крестьянские страны без туземной буржуазии и без туземного пролетариата,— вот три основные группы...»[75]

Ничего нового в таком подходе не было. Еще на IV конгрессе Коминтерна Рой в своих тезисах также предлагал выделять три группы: 1) с сильным развитием капитализма и классовой дифференциацией; 2) с низким уровнем развития капитализма и преобладанием феодальных отношений и 3) с господством примитивных или феодально-патриархальных отношений[76].

Но и эта точка зрения не была оригинальной. Основы научной типологии стран, входящих в зону антиимпериалистической революции, заложил В. И. Ленин. В «Первоначальном наброске тезисов по национальному и коло-

ниальному вопросам» он указал на необходимость «во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы», а 1) структуру экономических отношений; 2) степень «выделения интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплуатируемых, из общего понятия народных интересов вообще»; 3) степень и форму зависимости от империализма («колониальное и финансовое порабощение»)[77].

Если внимательно присмотреться к «Первоначальному наброску тезисов» В. И. Ленина, то можно обнаружить двойную классификацию всех «угнетенных и эксплуатируемых» империализмом стран:

1) по форме и уровню зависимости: а) колонии и полуколонии или «колонии и отсталые страны», б) экономически зависимые, но «политически независимые» государства («зависимые в экономическом, финансовом, военном отношении»);

2) по степени развития капитализма: а) государства «уже вполне капиталистические», б) «отсталые» страны с недостаточным уровнем капиталистического развития и преобладанием докапиталистических и полуфеодальных отношений и, наконец, в) еще «более отсталые» страны с полным господством дофеодально-патриархальных отношений[78].

Именно к последней группе относился вывод В. И. Ленина о том, что с помощью пролетариата передовых стран наиболее отсталые страны «могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[79].

Таким образом, уже в 20-х годах имелась солидная платформа для проведения типологической группировки, но все упиралось в трудность «распределения» конкретных стран по различным группам. Здесь мнения значительно расходились. Споры идут до сих пор. Латинскую Америку вообще никак не удавалось «втиснуть» в прокрустово ложе общей схемы, поскольку она по признаку развития капитализма и по форме зависимости стояла особняком от Азии и Африки.

Однако стремление рассматривать латиноамериканский регион как колониальную периферию наравне с Азией и Африкой в 20-х годах казалось многим вполне обоснованным и само собой разумеющимся. Так, руководитель латинской секции ИККИ швейцарский коммунист Эмбер-Дро на VI конгрессе Коминтерна, говоря о революционном движении в Латинской Америке, за-

явил, что, по его мнению, «оно является движением революционным, буржуазно-демократического типа, и происходящим в полуколониальных странах, где борьба против империализма занимает важное место и где преобладает не борьба национальной буржуазии за автономное развитие на почве капитализма, а борьба крестьян за аграрную революцию и против режима крупных земельных собственников»[80].

Такая схема, навеянная опытом мексиканской революции, давала явно искаженную картину реальной ситуации.

Во-первых, игнорировались место и роль рабочего класса в производстве и политической жизни.

Во-вторых, недооценивалась роль национальной буржуазии, которая имела с империализмом немалые противоречия.

В-третьих, явно переоценивалась роль крестьянства и ничего не говорилось о средних слоях и мелкой буржуазии.

В-четвертых, неверно оценивалась степень зависимости (как полуколониальная).

В итоге подобной путаницы Эмбер-Дро договорился до того, что-де «движение в Латинской Америке станет составной частью мировой революции только тогда, когда оно тоже примет характер социалистической революции»[81]. Подобная схема лишь запутывала и без того сложный вопрос. Это «теоретическое» открытие Эмбер-Дро на практике выглядело как призыв к осуществлению немедленной гегемонии рабочего класса в революционном антиимпериалистическом движении, которое идет еще «под руководством мелкой буржуазии»[82].

Итак, пролетариат призывался к гегемонии в «буржуазной революции», которой руководит мелкая буржуазия, а главной силой выступает полуфеодальное крестьянство. Получалась некая усеченная «модель» 1905 г., с той лишь разницей, что гегемония принадлежала мелкой буржуазии, а рабочий класс должен был еще оттеснить ее с этого почетного места.

В целях мобилизации масс Эмбер-Дро изобрел лозунг «антиимпериалистического латиноамериканизма» в противовес идее буржуазного панамериканизма, требуя всю работу компартий подчинить борьбе за создание «Федеративного союза рабочих и крестьянских республик Латинской Америки...»[83].

Это была типично левацкая позиция, против которой выступили латиноамериканские марксисты-ленинцы.

Руководитель Аргентинской коммунистической партии В. Кодовилья в статье 1926 г. впервые конкретизировал группировку латиноамериканских стран по уровню капиталистического развития и степени зависимости, выделив ведущую роль буржуазного способа производства в экономических центрах (города, промышленность, банки, транспорт). Это была верная и перспективная позиция, стимулирующая теоретическую работу коммунистических партий[84].

К сожалению, более популярной оставалась точка зрения Эмбер-Дро и его сторонников. В резолюции VI конгресса Коминтерна по их предложению была включена неточная формулировка о том, что «растущая экономическая и военная экспансия североамериканского империализма в странах Латинской Америки делает этот материк одним из важнейших узлов противоречий всей империалистически-колониальной системы»[85]. Здесь верные оценки (обострение межимпериалистического соперничества за гегемонию в Латинской Америке) сочетались с ошибочным положением о колониальной зависимости латиноамериканских стран.

Это было типичное проявление так называемого империалистического экономизма, сторонники которого утверждали, что при империализме самоопределение якобы экономически вообще неосуществимо. Все формы зависимости они отождествляли с колониализмом, а борьбу в союзе с непролетарскими слоями за независимость — с *«отрицанием первоначальных основ социализма»*[86].

В Программе Коминтерна, принятой VI конгрессом, латиноамериканские страны были справедливо выделены из группы колоний и полуколоний как страны зависимые, имеющие известные зачатки, а иногда и значительное развитие индустрии, но с недостаточными условиями «для самостоятельного социалистического строительства». При этом предусматривалась неизбежность «целого периода перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую»[87].

Наличие в документах VI конгресса противоположных установок свидетельствовало о различных взглядах в руководстве Коминтерна и о борьбе мнений. При общей оценке роли национальной буржуазии в антиимпериалистическом движении без достаточных оснований утверждалось, что она «находится в лагере контррево-

люции»[88]. Теоретические дискуссии в Коминтерне по проблемам антиимпериалистической борьбы отражали реальное положение в международном коммунистическом движении. Их плюс был не только в столкновении мнений, но и в попытке коллективными усилиями дать новую интерпретацию текущему опыту борьбы, углубить анализ объективных и субъективных сторон революционно-освободительного движения.

С этой точки зрения важно хотя бы кратко ознакомиться с реальным революционным опытом, накопленным в 20—30-х годах в Латинской Америке.

МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНАРИЗМ В БРАЗИЛИИ (1924—1930 гг.)

Крупнейшее государство Латинской Америки — Бразилия после первой мировой войны являла собой отсталую и зависимую страну. После отмены рабства (1888 г.) и установления республики (1889 г.) в стране стали быстро развиваться капиталистические отношения, и к 20-м годам XX в. они уже полностью преобладали, хотя в земледелии сохранялось много феодальных пережитков. Главным внутренним препятствием на пути свободного развития производительных сил являлся латифундизм. В руках крупных плантаторов — фазендейро сосредоточивалось более 90% всей обрабатываемой земли. Крестьянство задыхалось от безземелья. Сложилась весьма сильная диспропорция между сравнительно высоким (средним) уровнем развития капитализма в городе и отсталым сельским хозяйством, особенно на северо-востоке страны. Эта черта напоминала положение в России накануне 1905 г. Но Бразилия не была Россией, и революционная борьба в ней развивалась по своей, бразильской колее. Главным отличием было то, что рабочий класс Бразилии еще не мог сыграть роль гегемона: политически он был развит слабо. В промышленности было занято 300 тыс. человек. Доля пролетариата в самодеятельном населении составляла примерно 10%. Большинство населения проживало в сельской местности, батрачило на крупных латифундистов, представляло собой абсолютно неграмотную, нищенскую массу, которая если и выступала против своих угнетателей, то чаще всего в примитивной форме разбойной вольницы, нередко под религиозными лозунгами (так называемое движение кангасейрос)[89].

Бразильский пролетариат вел активную забастовоч-

ную борьбу в защиту своих интересов, действовал стихийно. После неудачи с вооруженным восстанием в ноябре 1918 г. начались поиски новых путей, в результате чего лучшие элементы революционеров-синдикалистов в марте 1922 г. образовали Бразильскую коммунистическую партию. К этому времени коммунистические партии уже действовали в Аргентине (с 1918 г.), в Мексике (с 1919 г.), в Уругвае (с 1920 г.) и в Чили (с 1922 г.). Коммунистические группы возникли также на Кубе (партия была основана в 1925 г.) и в странах Центральной Америки. Коммунистическое движение в те годы находилось в стадии своего зарождения и не могло, конечно, претендовать на сколько-нибудь значительную политическую роль, занимаясь в основном революционной агитацией и пропагандой.

Положение в Бразилии к середине 20-х годов характеризовалось полным господством кофейной олигархии Юга (штаты Сан-Паулу и Минас-Жераис), за спиной которой стоял английский империализм. Все классы и слои — от бедного крестьянина до крупного плантатора и буржуа, не принадлежащих к кофейной олигархии, — противостояли центральному правительству президента А. Бернардеса и требовали демократизации общественного строя.

В этих условиях в июле 1924 г. началось вооруженное восстание в армии, во главе которого встали мелкобуржуазные офицеры-патриоты. Движение тенентистов (tenente — лейтенант) вылилось в продолжительный военный поход Непобедимой колонны под командованием капитана Луиса Карлоса Престеса. Три года (1924—1927 гг.) патриоты вели неравную войну против правительственной армии и полиции, пройдя с боями всю страну с юга на север, проделав путь длиной более 25 тыс. (!) километров.

Плохо обмундированное войско Л. К. Престеса и его соратников насчитывало не более 1000 бойцов. С этими силами вести позиционную войну было равносильно заранее запланированному поражению. Поэтому тенентисты избрали стратегию мобильной революционной войны. Цель состояла в свержении диктатуры Бернардеса и избрании нового президента. Каких-либо серьезных социально-экономических преобразований военные революционеры проводить не намеревались.

Движение тенентистов не вылилось в народную революцию: рабочий класс действовал сам по себе, ведя экономическую стачечную борьбу; коммунисты отрицатель-

но отнеслись к тенентизму, видя в нем политического соперника; крестьянство оставалось пассивным. Непобедимая колонна оказалась в изоляции.

В 1927 г. тенентисты, потеряв всякую надежду на пробуждение народа, прекратили военные действия и укрылись на территории соседних Аргентины и Боливии. Они не потерпели военного поражения, но и не добились политической победы. В результате произошло радикальное размежевание сил: Л. К. Престес и еще несколько человек пошли влево и в конце концов сблизились с коммунистами. Большинство сдвинулось вправо и в 1929 г. вступило в союз с буржуазно-националистической группировкой Ж. Варгаса, выражавшей интересы помещиков и предпринимателей, не связанных с производством кофе. Они имели поддержку США, стремившихся оттеснить английский капитал.

В результате союза тенентистов и части буржуазно-помещичьих кругов в 1930 г. началась новая война против кофейной олигархии. На этот раз в ней под руководством буржуазии и правого тенентизма приняли участие широкие слои народа — рабочие, крестьяне, средние городские слои, интеллигенция, служащие, офицеры и солдаты. Благодаря народному фактору «либеральной революции» власть кофейных магнатов в октябре 1930 г. была свергнута.

Придя к власти, бразильские либералы, не желая продолжения революции, последовали примеру своих предшественников — Керенского, Юань Шикая, К. Реннера и им подобных, а именно обрушились с репрессиями на народ. Был установлен режим личной диктатуры Ж. Варгаса.

Все, что мы до сих пор говорили, — это историческая канва событий. Теперь же следует оценить сам феномен тенентизма как бразильской разновидности мелкобуржуазного антиимпериалистического и антиолигархического революционаризма [90]. Определение политической роли тенентизма вызвало бурные споры в рядах Коминтерна и Бразильской коммунистической партии. О чем же шли эти споры? Прежде всего о роли тенентизма в политической жизни и о возможности сотрудничества коммунистов с силами мелкобуржуазной демократии.

«Исторические заслуги, — писал В. И. Ленин, — судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками» [91]. А тенентизм дал много нового. Гибель многих его героев

не была напрасной. Их благородная кровь окропила зерна будущей революции, вселила в сердца людей надежду на освобождение.

Субъективно тенентисты стремились отстранить от власти правительство кофейной олигархии и либерализовать режим. Им поначалу казалось, что это можно сделать без активного участия народа, но постепенно они поняли необходимость пробуждения масс к политике. Вот почему с сентября 1925 г. тенентисты стали активно искать поддержку масс, проводить митинги, собрания, стремясь популяризировать и объяснять цели своей борьбы.

Однако, будучи мелкобуржуазными демократами, они не пытались развязать аграрную революцию, не выдвинули ни одного последовательного антиимпериалистического требования. Отсутствие у них ясной политической программы определило их своеобразную военную тактику. Непобедимая колонна, подобно урагану, непрерывно и стремительно двигалась по стране, не делая ни малейших попыток закрепиться на какой-либо определенной территории. Мелкобуржуазная революция, справедливо писал В. М. Мирошевский, «осталась только «летучей революцией», или... «революцией на походном марше»...» [92].

Во многом В. М. Мирошевский был прав, но его критика несла на себе печать воздействия китайского примера, хотя ситуация в Бразилии была совершенно иной. Создать опорный повстанческий пункт, даже если бы тенентисты этого и захотели, было невозможно, ибо для этого надо было предварительно «раскачать» крестьянство. Без этого условия говорить об опорном районе было вообще бессмысленно.

Как вспоминал Престес в 1934 г., в 1926 г. на северо-востоке имелись известные предпосылки для создания опорного района: «Если бы Колонна имела в это время определенную, действительно революционную политическую линию, если бы ее руководство действительно стремилось привлечь на свою сторону трудовые массы населения, она могла бы создать в штате Гойас свое правительство и, присоединив другие штаты, как, например, Мараньяо, создать революционное государство, примерно с 7 млн населения... Условия для упрочения социальной базы такого государства были налицо... С чисто военной точки зрения создание и защита такого государства были вполне осуществимы...» [93]

Возникает, однако, самое серьезное сомнение в воз-

можности создания опорного района, хотя определенные условия для углубления социального содержания «тенентистской революции» на северо-востоке действительно имелись. Маневренная война по сравнению с позиционной имела в условиях огромной территории Бразилии и ограниченных сил Непобедимой колонны явное преимущество и, более того, была прямо предопределена всей ситуацией. Кавалерийские отряды революционеров неожиданно появлялись то в одном, то в другом районе, нанося удары по полицейским заставам, разоряя имения богатых помещиков, нередко распределяя захваченное имущество среди бедняков, родственников и т. д.

Своим появлением Революционная дивизия вселяла надежду, но с уходом повстанческих частей вновь возвращалось чувство страха, неуверенности и обреченности. Даже если признать огромное психологическое воздействие, которое оказывали повстанцы на сельское население, нельзя не отметить, что сама надежда крестьян на избавление от гнета помещиков носила в чем-то ущербный характер, так как означала ожидание внешней спасительной силы, появление освободителей со стороны. Вера в собственные силы, необходимость самостоятельной борьбы отнюдь не возрастали. Не случайно не было ни одного факта, когда бы сами крестьяне выступили в поддержку тенентистов. В лучшем случае они им пассивно симпатизировали, сочувствовали, иногда помогали, предоставляя пищу, лошадей, ночлег, но чаще всего делали это из-за страха.

Спустя полвека подобная ситуация сложилась в Боливии, где повстанческое движение возглавил Эрнесто Че Гевара. В своем «Боливийском дневнике» он с огромной силой обнажил психологию забитого и запуганного крестьянства. Во многом схожие трагические факты абсолютного непонимания и даже враждебности со стороны крестьян чуть ли не ежедневно сопровождали поход Колонны Престеса. Пробудить крестьян к борьбе за свои интересы, вырвать их из сетей страха и апатии тенентистам оказалось не под силу. Столкнувшись с непреодолимой пассивностью крестьянства, повстанцы фактически отказались от каких-либо попыток изменить положение. Более того, тенентистское руководство вообще не видело революционных потенций бразильского крестьянина, относилось к нему пренебрежительно. Все надежды тенентисты возлагали лишь на армию, ожидая восстания воинских гарнизонов. Но и эти расчеты не оправдались. Такое стечение обстоятельств явилось

одной из главных причин неизбежного затухания повстанческого движения.

Можно всячески упрекать тенентистов за то, что они пренебрегали социальными проблемами, а если и стремились решать эти проблемы, то только военными методами. В этом и заключалась сущность тенентизма как особой формы мелкобуржуазного революционно-демократического движения. Если бы они занимали иную позицию, они просто не были бы сами собой. Значит, дело не в упреках, не в поучениях, а в том, чтобы понять движущие пружины и смысл тенентизма, не придавая искусственно этому движению таких черт, которые бы облагородили, углубили движение, но тем самым изменили его собственную первоначальную сущность именно как военного антиолигархического революционного движения мелкобуржуазного офицерства.

Вначале коммунисты отнеслись к тенентистам весьма настороженно и даже отрицательно, видя в них своих политических конкурентов. Когда же движение пошло на убыль, по предложению Астрожилдо Перейры партия заявила, что «выступает в поддержку Луиса Карлоса Престеса и героев его Колонны»[94]. В Манифесте ЦК БКП 1929 г. подчеркивалась необходимость «революционного союза пролетариата и угнетаемой мелкой буржуазии, которая быстро радикализируется и пролетаризируется»[95].

III съезд БКП, состоявшийся в декабре 1928 — январе 1929 г., совершенно верно определял тенентизм как «мелкобуржуазное движение революционного характера, имеющее тенденцию к союзу с революционными силами пролетариата». Общий характер революции съезд оценивал как «буржуазно-демократический». В то же время, следуя оценкам VI конгресса Коминтерна, съезд ошибочно отметил, что после 1924 г. «национальная буржуазия полностью капитулировала перед империализмом, потеряла революционные потенции, вступила в союз с помещиками, которые стоят у власти». Что же касается роли мелкой буржуазии, то указывалось, что она «не способна довести революцию до полной победы даже в рамках буржуазно-демократического содержания». Этот вывод оказался преждевременным.

«Либеральная революция» 1930 г. воочию показала, что антиолигархическая борьба вполне успешно может окончиться полным политическим успехом при совместном руководстве ею со стороны национальной буржуазии и правого крыла тенентистов.

События в Бразилии, особенно вооруженное движение тенентистов, выглядели бы изолированным и случайным эпизодом, если бы точно такая же форма борьбы не повторилась в 1927—1934 гг. в Никарагуа. Опыт Бразилии и Никарагуа показал, что боевые антиолигархические и антиимпериалистические выступления мелкобуржуазной демократии, особенно патриотически настроенного крыла офицерства,— это весьма типичная форма революционных действий в Латинской Америке.

Особенно ясно это стало спустя 40 лет, когда в 1968—1970 гг. против империализма восстали военные революционеры в Перу, Панаме, Боливии, Эквадоре. В 20—30-х годах этот путь проложили первыми Луис Карлос Престес в Бразилии и Аугусто Сесар Сандино в Никарагуа.

РЕВОЛЮЦИОННО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1927—1934 гг. В НИКАРАГУА

В отличие от гигантской Бразилии маленькая Республика Никарагуа находилась почти в прямой колониальной зависимости от США. Это была крайне бедная и экономически отсталая страна. Монополии США безраздельно господствовали в ее экономике.

Стремясь обеспечить важные стратегические позиции, президент США В. Тафт в 1920 г. приказал ввести американские войска на территорию Никарагуа. Воспользовавшись внутренней борьбой различных политических кланов, США на долгие годы установили режим открытого военно-колониального диктата. Естественно, что народ не мог смириться с таким унижением.

Патриоты развернули борьбу с империализмом, но их усилия, будучи разрозненными и стихийными, не могли привести к желанной победе. Буржуазные партии — консерваторы и либералы — оказались не способны возглавить подлинно народное движение, готовы были ради места в парламенте пойти на любой компромисс с монополиями США и местной аграрной олигархией. Рабочий класс был малочисленным, не имел своей революционной партии, многие профсоюзы находились под руководством либеральной буржуазии. В этих условиях освободительное движение возглавили мелкобуржуазные демократы-патриоты. Их признанным вождем стал в конце 20-х годов генерал Аугусто Сесар Сандино.

Сандино отказался следовать приказам либеральных

вождей и решил развернуть самостоятельную партизанскую войну против оккупантов. В июле 1927 г. повстанческая армия Сандино начала боевые действия против американских войск. Плечом к плечу с легендарным генералом сражался его боевой соратник и друг сальвадорский коммунист Аугустино Фарабундо Марти. Они вместе принимали самые ответственные решения, составляли политическую платформу движения, разрабатывали стратегию партизанской войны в условиях Никарагуа. Благодаря их усилиям революционная армия выросла до 800—1000 человек. Официально повстанцы стали именовать себя Армией защиты национального суверенитета Никарагуа. Лозунг Сандино «Лучше умереть патриотом, чем жить рабом. Свобода или смерть!» снискал ему всеобщую любовь и признание в глазах простого народа.

Буржуазно-помещичьи круги, всякого рода предатели и агенты США — а таких было немало — не без оснований считали Сандино наиболее опасным политическим врагом. В движении сандинистов они видели реальную угрозу своему господству. И для этого были причины. «Наша Армия защиты национального суверенитета Никарагуа,— неоднократно заявлял Сандино,— сражается за политическую власть с тем, чтобы мы могли приступить к организации крупных кооперативов рабочих и крестьян, которые смогут использовать наши национальные богатства на благо всего народа»[96].

Антиимпериалистическая революционная деятельность повстанческой армии во главе с Сандино пробудила весь никарагуанский народ. В условиях когда трудящиеся не имели своей партии, движение сандинистов фактически играло роль военно-политического блока всех левых сил. Вот почему фигура самого Сандино вызвала бешеную ярость реакции. Как свидетельствует мексиканский посол в Вашингтоне, президент США Г. Гувер и государственный секретарь Стимсон пришли к циничному выводу о том, что «Аугусто Сандино является обычным бандитом, без принципов, без патриотизма(??) и без других целей, кроме как убивать и грабить. *Поэтому они решили передать вопрос об уничтожении Сандино правительству Никарагуа, которое, как считают эти политические деятели, сможет осуществить это в короткое время...*»[97].

Черная миссия была поручена беспринципному политикану Сомосе. Прожженный реакционер армейский офицер Анастасио Сомоса Гарсиа был назначен за свои «за-

слуги» перед оккупантами командующим национальной гвардией. Сочетая функции армии и полиции, 7,5-тысячная сомосовская гвардия на долгие десятилетия превратилась в главную опору реакции.

Сандинисты, преследуя цели скорейшего освобождения родины от оккупации, добившись изгнания американских солдат из Никарагуа, доверчиво пошли на компромисс с внутренней реакцией, что предопределило поражение движения и стоило жизни самому Сандино. В феврале 1934 г. командующий гвардией генерал Анастасио Сомоса, обманным путем захватив Сандино, приказал своим головорезам расстрелять его. В стране была установлена военно-полицейская диктатура.

Первое поколение сандинистов вело героическую борьбу против империализма и даже добилось эвакуации войск оккупантов, но не смогло освободить родину от американской зависимости.

В течение последующих трех с половиной десятилетий патриоты продолжали борьбу против тиранического сомосовского режима, но сумели добиться полной победы лишь в 1979 г.

Опыт вооруженной борьбы в Бразилии и Никарагуа явился боевой школой революционного воспитания новых поколений патриотов. Приемы маневренной войны тенентистов и подлинно повстанческого движения сандинистов и сегодня используются в Латинской Америке, например в Сальвадоре и Гватемале. Во многих странах — Бразилии, Уругвае, Аргентине, Мексике, Венесуэле, Колумбии — мелкобуржуазная демократия продолжает свое активное участие в антиимпериалистических движениях, выступая важным союзником рабочего класса.

По инициативе Коминтерна в мире развернулось массовое движение солидарности с никарагуанскими патриотами под лозунгом «Руки прочь от Никарагуа!». В значительной мере именно под давлением общественного мнения президент Ф. Д. Рузвельт отдал приказ о выводе американских войск с территории Никарагуа.

Смысл и цели освободительной войны были ясны для всех, но оставались во многом не ясными общие теоретические проблемы мелкобуржуазного революционаризма, политическая оценка его роли в антиимпериалистическом процессе в целом. В итоге в Коминтерне развернулась широкая дискуссия по наиболее сложным и спорным теоретическим проблемам революционной борьбы в Латинской Америке.

ДИСКУССИИ В КОМИНТЕРНЕ ПО ПРОБЛЕМАМ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В середине 30-х годов, видимо, под влиянием «китайского примера» у некоторых членов Коминтерна возникла некая странная надежда на то, что удастся искусственно повторить опыт китайской революции в Бразилии. Особенно решительно эту идею проводили Эмбер-Дро, руководитель латиноамериканского сектора ИККИ, а затем специального лендер-секретариата Г. Б. Скалов и представитель ИККИ в Южноамериканском бюро Коминтерна А. Я. Гуральский (его бюро располагалось в Буэнос-Айресе). Эти лица в своеобразной форме отразили ту новую волну левокоммунистической тенденции, которая вновь временно оживилась в ИККИ после VI конгресса Коминтерна. Получив удар на «восточном фронте», эта тенденция как бы перекочевала в сферу Латинской Америки.

Здесь были и прежде сильны «свои» левацкие тенденции, питавшиеся соками анархизма и анархо-синдикализма. Молодые коммунистические партии, испытывая на себе сильное давление мелкобуржуазного окружения, оказались весьма предрасположены к восприятию ультралевых установок. В этом же направлении действовали некоторые объективные факторы, возникшие в связи с начавшимся в 1929 г. мировым экономическим кризисом.

В период кризиса обнаружились новые факторы общеконтинентальной значимости. К ним следует отнести резкое ухудшение материального положения трудящихся, огромный рост безработицы, усиление межимпериалистического соперничества, кризис традиционных военно-тиранических олигархических режимов и обострение грызни за власть в стане эксплуататорских классов, выдвижение на сцену политической борьбы националистических слоев местной буржуазии. Все это свидетельствовало о серьезных изменениях в расстановке классовых и политических сил в Латинской Америке.

В годы кризиса произошли военные конфликты между Боливией и Парагваем, Перу и Колумбией. Реакционные силы осуществили государственные перевороты в Аргентине, Уругвае, Гватемале, на Кубе, в Чили. Повсюду наблюдалось оживление фашистских тенденций, усиление белого террора.

В ответ на это по всему континенту прокатилась

мощная волна антиимпериалистического сопротивления. В некоторых странах началась партизанская борьба, произошли крупные крестьянские и студенческие выступления (Бразилия, Чили, Куба, Парагвай, Эквадор, Перу, Сальвадор). Быстро росло влияние коммунистических партий, причем некоторые из них стали достаточно крупными (Чили — 4 тыс. членов, Аргентина — 5 тыс., Бразилия — свыше 5 тыс., Куба — 5 тыс., Колумбия — 2 тыс. членов и т. д.)[98]. В целом по континенту коммунистическое движение к середине 30-х годов объединило 27—30 тыс. человек. Однако коммунисты были еще слабо связаны с широкими массами. Во многом это объяснялось их нелегальным положением, но не только этим. Молодые коммунистические партии еще не накопили большого опыта и были заражены левацкими настроениями, что мешало преодолению сектантства.

К сожалению, левокоммунистическая тенденция не только шла «снизу», но и насаждалась «сверху» — со стороны латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ (создан в 1930 г.) и особенно его руководителя Г. Б. Скалова (псевдоним — Синани: от Сина — Китай). Проведя несколько лет в Китае в составе военных советников при Гоминьдане в 1925—1927 гг., Синани на всю жизнь уверовал в то, что именно китайский маршрут революции «из деревни в город» и только вооруженные методы борьбы приемлемы для всех колониальных и зависимых стран, в том числе и для Латинской Америки. Особые надежды Скалов-Синани возлагал на «латиноамериканский Китай» — Бразилию.

Синани и некоторые другие деятели в Коминтерне крайне отрицательно изображали роль мелкобуржуазной (в том числе крестьянской) революционной демократии. Даже ее самое левое крыло — тенентистов и сандинистов они оценивали как мелкобуржуазную контрреволюцию[99]. Установление Советской власти объявлялось «основным лозунгом сегодняшней борьбы, лозунгом массового *действия*»[100].

Цели борьбы в Латинской Америке определялись так: «Против феодализма, против империализма, за последовательную плебейскую аграрную революцию, за право на самоопределение угнетенных народов (индейцев, негров.— *Б. К.*) вплоть до государственного отделения, за решительную ликвидацию всех форм проявлений национального неравенства (политического, экономического, культурного, бытового), за действительное освобождение от колониальной эксплуатации, за улучшение положения

пролетариата, за революционную диктатуру пролетариата и крестьянства, за *рабоче-крестьянские советы*, т. е. за решительную народную буржуазно-демократическую революцию под гегемонией пролетариата,— таковы очередные задачи революции, за которую борются и которую подготовляют компартии ЮКА (Южной и Карибской Америки.— *Б. К.*)»[101]. Такую установку латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ можно оценить только как левосектантскую, путаную и явно преждевременную.

Нелепость подобной рекомендации теперь совершенно очевидна, но в те годы ряд латиноамериканских секций Коминтерна всерьез ставили в своих документах вопрос о создании советских республик. В обращении ЦК Бразильской коммунистической партии (декабрь 1933 г.), например, выдвигался лозунг: «За разрушение феодально-буржуазного государства! За создание Советов рабочих, крестьян, солдат и матросов! За вооружение пролетариата и разоружение феодально-буржуазных сил! За создание независимых штатов с правом на образование самостоятельных государств и выход из Союза для негров, индейцев и других угнетаемых национальностей! За установление Союза советских республик в Бразилии, основанных на власти Советов рабочих, крестьян, солдат и матросов!»

Левосектантские установки вели к полному отрицанию какой-либо позитивной роли не только национальной буржуазии, но даже мелкобуржуазной революционной демократии. Поскольку просто отбросить ее огромный вклад в борьбу против империализма в Бразилии, Никарагуа и других странах было нельзя, пришлось изобрести «обходный маневр». Первым это сделал Синани, который сформулировал такой странный тезис: «...как бы мы ни оценивали престизм с точки зрения его классового содержания, на определенном этапе борьбы именно престизм выступал в качестве одного из серьезных конкурентов нашей партии как представительницы пролетариата в борьбе за гегемонию, в борьбе за широкие трудящиеся массы... Основной контрреволюционной чертой престизма было то, что он выступал на определенных этапах конкурентом компартии, т. е. пролетариата, в борьбе за гегемонию в революции. Это как раз и составляет его основную опасность в прошлом и основную опасность остатков престизма в настоящее время (1934 г.— *Б. К.*)»[102].

Судя по этим словам, тенентистам приписывалась

зловещая роль конкурента компартии, на основании чего вся сущность движения оценивалась как контрреволюционная. Такая линия была характерна для многих левокоммунистических групп не только в Латинской Америке, но и в Азии и Европе. Получался некий странный гибрид революционно-контрреволюционного типа, что вносило огромную путаницу.

Главной причиной подобной позиции являлся удивительно устойчивый негативизм в отношении мелкобуржуазной демократии, которая могла стать прочным союзником рабочего класса. Опасным конкурентом коммунистов были не левые, а правые элементы мелкой буржуазии и национальной средней буржуазии. В Бразилии это проявилось в реальной гегемонии правого тенентизма в союзе с национальной буржуазией в «либеральной революции» 1930 г. В Никарагуа диктатура Сомосы на долгие годы вообще «сняла» этот вопрос, в крови подавив всякое народное сопротивление.

В итоге дискуссии не привели к выработке правильной линии. Исключение составляла, пожалуй, лишь оценка мелкобуржуазного антиимпериализма, которую олицетворял перуанский апризм — идеология и политическая практика мелкобуржуазной партии АПРА (Латиноамериканский народный революционный альянс) во главе с видным теоретиком и политическим деятелем Перу Виктором Айя де ла Торре. Апризм развился в то же самое время, что тенентизм и сандинизм, но представлял собой иной тип движения националистического и антиолигархического толка. Апризм претендовал на роль политического гегемона во всей Латинской Америке и прямо противостоял марксизму и коммунизму.

Айя де ла Торре считал, что марксизм, рожденный в Европе, абсолютно не пригоден для Латинской Америки, где якобы нет и быть не может революционного процесса, ибо он разорван «в пространстве и во времени» [103]. При этом имелось в виду, что, скажем, в городах господствует капитализм, в деревне — феодализм, а в горных районах Перу — первобытнообщинные отношения. Отсюда, по мнению Айя де ла Торре, вытекала абсолютная невозможность какого-либо объединения революционных сил нации.

Айя де ла Торре по-своему интерпретировал и проблему антиимпериалистической борьбы, на деле уводя массы далеко в сторону от нее. Так, он выдвинул концепцию о том, что «если в промышленных странах империализм является последней стадией в развитии капитализ-

ма, то в латиноамериканских странах — это первая стадия капитализма. Наши капиталисты родились с приходом империализма, они уже родились зависимыми, поскольку были результатом высшего развития империализма»[104]. Отсюда следовало заключение о нецелесообразности революционных действий против империализма и необходимости «мирно» договориться с ним, занимая позицию «конструктивного», т. е. соглашательского, антиимпериализма.

Молодая Перуанская компартия должна была в борьбе за единство демократических сил и укрепление позиций научного социализма постоянно преодолевать влияние апризма как специфической формы мелкобуржуазного оппортунизма в антиимпериалистическом и антиолигархическом движении. Выдающийся вклад в идейную борьбу с апризмом внес основатель Коммунистической партии Перу Хосе Карлос Мариатеги, показавший в своих трудах универсальность марксизма-ленинизма как научной теории, в том числе для истолкования и революционной перестройки латиноамериканской действительности. Особенно глубоко Х. К. Мариатеги обосновал несостоятельность апристского подхода к анализу реальной жизни страны, характера перуанской революции, ее движущих сил и роли рабочего класса.

В Коминтерне идеология апризма в целом рассматривалась не как ответвление мелкобуржуазного антиимпериализма, а как идеология «национал-реформистской буржуазии», которая-де выступала с антиамериканской программой только потому, что «считает английский империализм более прогрессивным»[105].

Примитивизированные объяснения различных форм мелкобуржуазного революционаризма в условиях антиимпериалистической борьбы в странах Латинской Америки довольно четко проявились в ходе демократической революции 1933 г. на Кубе.

РЕВОЛЮЦИЯ 1933 ГОДА НА КУБЕ

Подъем рабочего и демократического движения на Кубе в годы кризиса подорвал власть реакционной диктатуры Мачадо, установленной в 1925 г. Первым выступило студенчество в 1930 г. В конце 1932 — начале 1933 г. по инициативе коммунистов и левого крыла студенчества в ряде районов страны стало развиваться партизанское движение. В городах ширилась забастовочная борьба пролетариата, проходили массовые антиправительст-

венные манифестации, причем нередко дело доходило до вооруженных стычек с полицией. Лозунг «Долой Мачадо!» объединил все патриотические силы. В августе 1933 г. обстановка накалилась до предела. 12 августа диктатор был вынужден бежать из Гаваны. Но борьба на этом не закончилась. Рабочие устанавливали свой контроль над фабриками и плантациями. Кое-где были образованы «рабочие Советы», росло недовольство солдат и сержантов в армии.

В ночь с 4-го на 5 сентября 1933 г. тайная группировка сержантов организовала государственный переворот и свергла власть временного президента де Сеспедеса. Было создано революционное правительство во главе с мелкобуржуазным демократом Грау Сан-Мартином. Выдающуюся роль в достижении победы сыграла руководимая коммунистами Национальная рабочая конфедерация Кубы, объединившая около 300 тыс. человек. Организованная коммунистами всеобщая августовская стачка, грозившая перерасти в вооруженное восстание, нанесла сильнейший удар по диктатуре «кубинского Муссолини».

Буржуазные и мелкобуржуазные элементы, пришедшие к власти, опасались усиления массового движения, всячески пытались тормозить продвижение демократических сил. Тем не менее созданное в сентябре 1933 г. и просуществовавшее 100 дней временное революционное правительство под руководством Грау Сан-Мартина, в котором сильным влиянием пользовались патриотические элементы во главе с Антонио Гитерасом, осуществило ряд прогрессивных мероприятий: ввело 8-часовой рабочий день, установило минимум зарплаты, объявило право на создание профсоюзов, частично осуществило раздел земель ряда латифундий, провозгласило право народов Латинской Америки на самоопределение и др.

Правительство Грау Сан-Мартина опиралось на поддержку народных масс, что открывало определенные возможности для объединения антиимпериалистических сил страны. Однако коммунистическая партия расценила колебания и мелкобуржуазный характер новой власти как предательство и заняла сектантскую позицию, по инерции призывая трудящихся к борьбе за немедленное установление «власти Советов».

Такая линия не соответствовала реальному положению вещей и фактически была направлена против правительства Грау Сан-Мартина, которое ошибочно квалифицировалось как «буржуазно-помещичья кровавая дикта-

тура». 1 октября 1933 г. компартия выдвинула лозунг: «Долой буржуазно-помещичье правительство... Вся власть комитетам рабочих, крестьян, солдат и матросов!»[106]. Следуя призыву коммунистов, трудящиеся попытались кое-где провозгласить Советы (Мабей, Харону, Сенадо и др.).

Бойкот временного революционного правительства способствовал ослаблению позиций Грау Сан-Мартина. Этим воспользовались правые силы, поднявшие широкую кампанию под лозунгом спасения Кубы от «угрозы коммунизма» с помощью режима твердой руки.

Угрожая интервенцией, империализм США в январе 1934 г. организовал переворот и поставил у власти своего ставленника – полковника Мендиетту, который повел открытую борьбу против пролетарского и крестьянского движения. Фактически все бразды правления взял в свои руки новый начальник штаба кубинской армии Фульхенсио Батиста.

Если победа демократической революции 1933 г. на Кубе явилась результатом совместных действий рабочего класса и мелкобуржуазной демократии, то ее поражение явилось плодом разложения этого союза. Внутренние противоречия в демократическом лагере, левосектантские установки, колебания руководителей временного революционного правительства, соглашательский курс национальной буржуазии – все это ослабляло натиск антиимпериалистических сил. Правда, стихийная борьба масс частично компенсировала эту слабость, но под ударами сил внутренней и внешней реакции революция была задушена. Батиста просто повторил опыт Чан Кайши, совершив контрреволюционный переворот. За его спиной стоял американский посол Джефферсон, фактически направлявший весь ход контрреволюции.

Кубинская революция 1933 г., как до нее бразильский тенентизм, никарагуанский сандинизм и перуанский апризм, наглядно показала, что́ такое мелкобуржуазная демократия в условиях Латинской Америки. После бурных дискуссий и обсуждений по проблемам мелкобуржуазного революционаризма в целом, сопоставления опыта Востока и Латинской Америки, после испытания на практике различных методов и приемов подхода к блокированию с мелкобуржуазной демократией, выявлению ее сильных и слабых сторон, ее неустойчивости и т. д., – только после всего этого к середине 30-х годов, а точнее говоря, к VII конгрессу Коминтерна стал наконец выкристаллизовываться взвешенный подход к оценке

всех объективных и субъективных факторов революции в Латинской Америке.

Опыт Индии и Китая, Бразилии, Никарагуа и Кубы позволил Коминтерну дать обобщенный анализ диалектики революционно-освободительной борьбы в новых исторических условиях, нащупать пути к достижению единства антиимпериалистических и демократических сил, укреплению уз пролетарского интернационализма и международной антиимпериалистической солидарности. Все эти достижения позволили на VII конгрессе Коминтерна окончательно отбросить в сторону левокоммунистические и правооппортунистические тенденции, трезво оценить новую ситуацию и взять курс на единство всех сил в борьбе против империализма и фашизма.

Глава четвертая

СТРАТЕГИЯ ЕДИНОГО НАРОДНОГО ФРОНТА: ОПЫТ 30-х ГОДОВ

> ...Не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию.
>
> *В. И. Ленин*

ПРОБЛЕМА ЕДИНОГО РАБОЧЕГО ФРОНТА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Особое место в истории революционного движения XX в. занимают 30-е годы. Именно в это десятилетие были заложены основы стратегических установок, которыми руководствовались и руководствуются до наших дней коммунистические партии.

Первое десятилетие после победы Октября показало, что надежды на скорое начало социалистической революции в Европе не оправдались. Незадолго до Ноябрьской революции 1918 г. в Германии В. И. Ленин писал: «Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий *всякого*... цыпленка)...»[1]

Спустя ряд лет «стальная скорлупа» европейского империализма стала еще прочнее. Пробить ее могла лишь объединенная и политически организованная мощь рабочего класса, действующего в союзе со всеми демократическими силами.

Для марксистов всегда было абсолютно ясно значение единства пролетариата в национальном и международном масштабах. Со времен Союза коммунистов оно рассматривалось как главное условие успешной классовой борьбы. Большие усилия к достижению этой цели приложили I Интернационал, а затем левое крыло II Интернационала. Создание Коминтерна в 1919 г. открыло новый этап борьбы за боевое объединение международного рабочего класса.

Идейно-политическое и организационное выделение

коммунистического движения не вело автоматически ни к расколу рабочего класса (он уже был), ни к его единству (его еще не было). В начале 20-х годов общее число организованных рабочих в капиталистических странах составляло 43,8 млн человек, из них в рядах Коминтерна и Профинтерна состояло 1,3 млн человек. Влияние революционных организаций распространялось примерно еще на 6 млн трудящихся. Таким образом, революционное меньшинство составляло примерно $^1/_5$ международного рабочего класса[2]. Даже спустя 10 лет перевес сил по-прежнему сохранялся не в пользу коммунистов (в Германии — почти в 5 раз, во Франции — в 4 раза, в Италии — в 3—4 раза, в других странах — в десятки раз).

Вплоть до 30-х годов речь шла, следовательно, еще в основном о выделении революционного авангарда и обеспечении его собственного единства, которое складывалось в острой борьбе с «лево» и правооппортунистическими тенденциями. Организационно этот курс был закреплен в разработанных В. И. Лениным условиях приема в Коминтерн, одобренных II конгрессом в 1920 г. В последующие годы удалось достичь более или менее устойчивого единства Коминтерна, хотя внутри отдельных партий и даже в рамках самого Исполкома шла то скрытая, то открытая фракционная борьба.

Еще более сложным путем формировалось единство рабочего класса в целом, ведь, отмежевавшись от оппортунизма и реформизма, революционное рабочее движение, его коммунистический авангард не могли, конечно, замыкаться в собственном кругу. За пределами этого круга жили и боролись $^4/_5$ международного рабочего класса со всеми присущими им слабостями, недостатками, политической незрелостью, мелкобуржуазными привычками и т. п. Не видеть этого большинства, вычеркивать его из революционного движения означало бы закрыть глаза на главное, остаться узкой сектой «чистых», но никому не нужных «героев». Задача же состояла в ином: научиться руководить не только пролетарской, но и непролетарской массой трудящихся[3].

Эту задачу Коминтерн начал успешно решать благодаря указаниям В. И. Ленина, но после его смерти дело серьезно осложнилось. Под влиянием левокоммунистических настроений и вполне законного недовольства масс оппортунистической тактикой правой социал-демократии некоторые руководители ряда молодых коммунистических партий постепенно стали отрицать вообще какую-либо возможность политического сотрудничества с со-

циал-демократическими партиями, скопом обвиняя всех их в прислужничестве перед буржуазией. Эти деятели прямо игнорировали указание В. И. Ленина о том, что без определенного компромисса с социал-демократией коммунистам будет очень трудно приблизиться к массам. «...Лучше заплатить дорого... — считал В. И. Ленин, — чем отказаться от возможности выступить со своим словом перед рабочими, которые до сих пор были в исключительном, так сказать, «обладании» реформистов, т. е. вернейших друзей буржуазии»[4]. Для подлинного укрепления коммунистического движения необходимо было создать массовую поддержку, идти к трудящимся, добиваться сотрудничества авангарда рабочего класса с широкими массами.

Исходя из этих установок, III конгресс Коминтерна взял курс на организацию единого рабочего фронта, на «завоевание сочувствия большинства рабочего класса». Лозунг «К массам!» стал главным в борьбе за достижение двух основных целей: 1) возможного практического сотрудничества с социал-демократами и профсоюзами в организации непосредственных действий масс и 2) разоблачения политического вреда правого оппортунизма.

Некоторые коммунисты полагали, однако, что можно ограничиться лишь заботой о второй задаче, т. е. разоблачением вождей оппортунизма. Так, Н. Бухарин, выступая на III конгрессе Коминтерна, говорил: «...направляющая линия нашей тактики — это клеймение и нападение на партии, которые держат себя предательски в важнейших вопросах рабочей жизни»[5]. Именно такая односторонняя ориентация после смерти В. И. Ленина временно возобладала в Коминтерне.

На IX пленуме ИККИ (февраль 1928 г.) была окончательно одобрена тактика «класс против класса», главной задачей которой объявлялась критика социал-демократии как «агента империализма и опоры реакции»[6]. В те годы был распространен взгляд, будто свой главный удар компартии должны на всех этапах и при всех ситуациях нацеливать против промежуточных и соглашательских сил, т. е. против реформистов.

Во всех этих рассуждениях явно сквозила недооценка общедемократических задач борьбы, неумение связать движение за демократию с борьбой за социализм. Были даже такие люди, которые искренне полагали, что для передовой Европы вопросы демократии имели второстепенное значение по сравнению с задачей непосредственной социалистической революции.

Такая точка зрения, весьма часто встречающаяся и поныне, смешивала разные вещи: объективная развитость европейского капитализма, его материальная «готовность» к социализму (высокий уровень обобществления производства, большая численность рабочего класса) ошибочно отождествлялись с наличием революционной ситуации.

Таким образом, высшие классовые интересы пролетариата (революция, социализм) путались с конкретными задачами борьбы (демократия, мир, повышение благосостояния народа, меры против фашизации общественного строя). Теоретическая нечеткость вела к серьезным политическим издержкам и затрудняла борьбу за единый пролетарский фронт. Главная трудность в достижении единого фронта объяснялась саботажем со стороны самих социал-демократов, которые упорно отказывались от сотрудничества с коммунистами. Так или иначе, но вплоть до XII пленума ИККИ (август – сентябрь 1932 г.) нащупать правильный подход к проблемам сотрудничества не удавалось: верх брали либо догматические, либо левосектантские установки.

А между тем ситуация быстро ухудшалась. В ряде стран Европы первостепенной задачей стала борьба за сохранение буржуазно-демократических порядков и предотвращение фашизации. Фашизм стал главным врагом всех демократических и революционных сил. Фашистские или полуфашистские режимы и диктатуры шаг за шагом захватывали власть в одной стране за другой: Венгрия (1920 г.), Италия (1922 г.), Болгария (1923 г.), Греция (1925 г.), Польша (1926 г.), Португалия (1926 г.), Германия (1933 г.), Австрия (1934 г.). Повсюду действовали фашистские партии и военизированные группировки, с оружием в руках выступавшие против всех демократических сил. Фашизм и политика фашизации общественной жизни в целях установления «нового порядка» стали международной модой в кругах самой милитаристской и реакционной верхушки финансового капитала, с одной стороны, и в среде городской мелкой буржуазии, деклассированных люмпен-пролетарских элементов, надеявшихся с помощью участия в фашистском движении выбиться из болота бедности и отчаяния, – с другой.

Традиционно предрасположенными к власти «сильной руки» и политическому насилию были также наиболее черносотенные слои высшего офицерства, зажиточная буржуазная интеллигенция и часть высшего клира. Таким образом, определенная социальная база у фашиз-

ма имелась и, хотя она не была столь широкой, легко могла быть увеличена за счет подкупа или обмана неустойчивых слоев населения. Главной массовой социальной базой фашизма везде являлись мелкобуржуазные слои и группы, причем не только мелкие предприниматели и лавочники, но и все те группы городских «низов», которые вели мелкобуржуазный образ жизни, имели индивидуалистические, мещанские, антикоммунистические, приспособленческие установки и привычки. Именно из них, особенно за счет молодежи, рекрутировались военизированные фашистские банды хулиганов и террористов, наводящих на всех страх и желание «спрятаться от политики».

В докладе М. Кашена на XI пленуме ИККИ (март – апрель 1931 г.) указывалось, что в рядах военизированных фашистских и полуфашистских отрядов в странах Западной Европы в то время насчитывалось более 4 млн человек[7]. В Польше фашистские военизированные группы «Стрелец» насчитывали 600 тыс. боевиков, банды румынских «войничей» имели свыше 200 тыс. человек, в Германии ряды «Стального шлема» превышали 500 тыс. человек, в Италии против коммунистов воевало 1,1 млн фашистских «сквадристов»[8].

Фашизм еще больше упрочил «скорлупу» государственно-монополистического капитализма, разбить которую теперь стало еще сложнее, чем до прихода фашизма к власти.

В связи с курсом Германии и Японии на новый передел мира в свою пользу и ростом агрессивности всего мирового капитализма чрезвычайно возросла угроза войны, усилились позиции самых милитаристских группировок финансового капитала.

В этой обстановке важно было объединить все антифашистские и антивоенные силы, преодолеть все прежние разногласия внутри демократического лагеря, добиться единства действий трудящихся независимо от идеологических расхождений, и прежде всего единства рабочего класса, его партийных и профсоюзных организаций. В политическом плане это означало сотрудничество коммунистических и социал-демократических партий.

Дело, однако, осложнялось тем, что в самом коммунистическом движении накануне VII конгресса Коминтерна обстановка была весьма сложной. Многие партии только в конце 20-х и начале 30-х годов очистились от оппортунистических фракций (Серра – в Италии, Ловстон – в США, Илек – в Чехословакии, Эмбер-Дро – в

Швейцарии, Брандлер и Тальгеймер – в Германии, Чильбум – в Швеции, Бухарин – в СССР). Одновременно был нанесен удар по левацким тенденциям (Троцкий, Зиновьев, Рой, Ли Лисань). В 1929–1932 гг. повсюду проводилась работа по большевизации партий.

Трудности рабочего и коммунистического движения усугублялись тем, что в Западной Европе в годы экономического кризиса не сложились объективные и субъективные предпосылки для быстрого созревания революционного подъема. В стратегическом плане это было время оборонительных, а не наступательных боев. Главная задача состояла в борьбе против фашизма.

БОРЬБА ПРОТИВ ФАШИЗМА В 20-х И НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ

Фашизм, вышедший на политическую арену как антипод всякой демократии и революции, с самого начала видел своего главного врага в Советском Союзе и международном коммунистическом движении. Одновременно фашистские молодчики стремились все и вся переделать на фашистский лад: парламент распустить, оппозиционные партии запретить, рабочее и коммунистическое движение подавить силой, профсоюзы превратить в фашистские корпорации, все подчинить жесткой правительственной регламентации, а сопротивляющихся физически уничтожить.

Аморализм, циничная ложь, бессовестная демагогия, показные нападки на «либеральный капитализм», идеологическое оболванивание трудящихся, оскорбление других наций и народов, колониальный разбой и самая реакционная внутренняя политика – таким предстало перед всем миром омерзительное лицо фашизма к 30-м годам.

Поначалу казалось, что столь страшное, примитивное и антигуманное движение не может принять всемирный размах, что дело сведется к отдельным хулиганским выходкам фашиствующей молодежи и студентов. Но империализм не случайно породил фашизм, видя в нем ударную силу контрреволюции, свой послушный «железный кулак».

Первым, кто увидел потенциальную опасность фашизма, был В. И. Ленин. Еще в 1916 г., характеризуя главную политическую сущность финансового капитала, В. И. Ленин писал: «...политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета...»[9] Именно эту глубинную тенден-

цию империализма и выразил в наиболее полной форме фашизм, вылившись в кровавые черносотенные погромы, оголтелый шовинизм и антикоммунизм, поджоги и разгромы, убийства прогрессивных деятелей, безудержную политическую демагогию и т. д.

Особенно широко фашистские бесчинства разлились после первой мировой войны в Италии, где всегда были сильны мелкобуржуазное бунтарство и терроризм. Кровавые стычки между фашистами и рабочими стали обыденным делом. Коммунисты с самого начала вступили в открытую борьбу с фашистами. Выдающийся вклад в организацию этой борьбы внесли А. Грамши и П. Тольятти, выработавшие в 1923 г. идею антифашистского блока пролетарского единства.

Линия коммунистов на развитие массовых действий была абсолютно верной, но ее реализация затруднялась левосектантскими тенденциями и отсутствием поддержки со стороны социалистов. Путь Муссолини к власти был открыт 3 августа 1921 г., когда фашисты подписали с социалистами «пакт» об отказе от политической борьбы друг с другом. Этот документ освятил своей подписью и председатель палаты депутатов.

В октябре 1922 г. фашисты организовали настоящий поход на Рим, захватив в городе стратегические позиции и проведя грандиозный парад. Король Виктор Эммануил побоялся даже объявить осадное положение и обещал назначить Муссолини главой правительства. Сразу же фашисты разгромили редакции коммунистических газет, стали убивать активистов, совершать поджоги и другие акты насилия.

3 января 1925 г. Муссолини, выступая в палате депутатов по поводу обвинений в насилиях и убийствах, нагло заявил: «...я, я один, беру на себя всю политическую и историческую ответственность за все, что произошло... Если фашизм был сообществом преступников, то главой этого сообщества являюсь я!»[10] Так в парламенте мог говорить лишь распоясавшийся диктатор и циник, уверенный в своей полной безнаказанности.

В Италии поначалу многим казалось, что устои буржуазной демократии прочны и что фашистская тенденция никаких перспектив не имеет. Но случилось иначе. Движение чернорубашечников приобрело массовый характер.

Примерно аналогичным образом развивались события в Германии. В начале 20-х годов немецкие социал-демократы, да и некоторые коммунисты считали, что «де-

мократическая зона» Веймарской республики обладает стойким иммунитетом против фашистской заразы.

В итоге СДПГ фактически отступала без боя перед фашизмом, а в ответ на призывы КПГ к совместным действиям не шла на сотрудничество, призывая массы строго придерживаться парламентских форм борьбы[11]. После того как в 1929 г. полицай-президент Берлина К. Цергибель отдал приказ о расстреле первомайской демонстрации, вопрос о едином фронте фактически отошел на второй план. Тем временем шовинистические лозунги гитлеровцев, их демагогические нападки на монополии и крупный капитал, их призывы к «революционной» перестройке прогнившей буржуазно-либеральной системы встретили сочувствие средних городских слоев и части рабочих.

Несмотря на крайне враждебные отношения между коммунистами и социал-демократами, постепенно накапливался не только отрицательный, но и положительный опыт проведения единого рабочего фронта и более широкого антифашистского блока.

Первые шаги реального сотрудничества были сделаны в 1924 г. во Франции на муниципальных выборах и в Италии, когда на парламентских выборах был создан «блок пролетарского единства». Затем аналогичные шаги были предприняты в Германии в 1925 г. В Болгарии в 1927—1928 гг. также удалось сформировать Блок труда на муниципальных и парламентских выборах[12].

Все это были, конечно, еще весьма робкие и изолированные попытки. Более систематически практика союзных отношений между коммунистическими и социал-демократическими организациями стала осуществляться лишь в начале 30-х годов. Выдающаяся роль в проведении новой стратегии единого рабочего и широкого антифашистского фронта принадлежала А. Грамши, П. Тольятти, Э. Тельману, М. Торезу, Г. Димитрову, Д. З. Мануильскому, К. Цеткин и другим деятелям мирового коммунистического движения. Именно они первыми и наиболее глубоко обобщили накопленный опыт, наиболее оперативно разрабатывали и проверяли на практике эффективность нового метода работы в массах.

В Германии КПГ по инициативе Э. Тельмана в августе 1930 г., преодолев сопротивление левосектантской группы Г. Неймана, стала решительно действовать по объединению всех антифашистских сил в «широкое массовое движение»[13]. Осенью 1930 г. был создан Союз борьбы против фашизма, объединивший более 100 тыс.

человек. Несмотря на запрет руководства СДПГ, в отряды антифашистской самообороны записались и рабочие социал-демократы [14].

В мае 1932 г. ЦК КПГ опубликовал воззвание об «Антифашистской акции», призвав всех демократов преградить Гитлеру путь к власти. Однако социал-демократы не пошли на сотрудничество, что облегчило победу нацистов на выборах в рейхстаг 31 июля 1932 г. 30 января 1933 г. президент Гинденбург вручил Гитлеру пост рейхсканцлера и поручил ему формирование нового правительства. Спустя месяц фашисты инсценировали поджог рейхстага и, обвинив во всем коммунистов, развернули в стране белый террор. 22 июня 1933 г. все политические партии, за исключением нацистской, были запрещены.

Опыт антифашистской борьбы в Германии до и сразу после прихода Гитлера к власти показал всю пагубность раскола рабочего класса, всю необходимость единения демократических сил независимо от идеологии и партийной принадлежности.

Об этом же свидетельствовал и опыт борьбы во Франции. В феврале 1934 г. коммунистам после неоднократных попыток удалось договориться с социалистами о проведении совместной забастовки против фашистских путчистов. Состоявшаяся 9 февраля 60-тысячная демонстрация и последовавшая за ней всеобщая забастовка 4,5 млн рабочих преградили путь дальнейшему росту фашизма во Франции [15]. В июле 1934 г. коммунисты и социалисты подписали Пакт о единстве действий. Вскоре состоялся объединительный съезд профсоюзов. Раскол французского пролетариата удалось преодолеть, что сразу же поставило фашистские силы в невыгодное положение. В октябре 1934 г. началась работа по созданию Народного фронта.

Иначе, чем в Германии и Франции, развертывалось антифашистское сопротивление в Австрии, где существовала влиятельная социалистическая партия (СПА) со своими вооруженными дружинами — шуцбундом. Когда правительство Дольфуса в марте 1933 г., вдохновленное победой нацистов в Германии, стало особенно нагло покровительствовать фашистским военизированным отрядам и обрушилось с репрессиями на левые силы, во многих городах Австрии стихийно развернулись массовые антифашистские выступления. 12 февраля 1934 г. отряды шуцбунда г. Линца, не дожидаясь директив СПА, с оружием в руках выступили против полиции и фашистских

банд. Одновременно вспыхнула забастовка на промышленных предприятиях. К вечеру боевые действия начались и в Вене. Социалисты и коммунисты сражались вместе плечом к плечу на баррикадах Вены, Линца и ряда других городов. В ходе сражений погибло 1200 человек, около 5 тыс. были ранены. Но перевес сил оставался на стороне реакции[16].

Второе вооруженное антифашистское выступление европейского пролетариата было потоплено в крови. Стало ясно, что оборонительная тактика не способна привести к успеху. Для борьбы с фашизмом требовались мощные и длительные усилия не только на военном, но и на идеологическом и политическом фронтах, с тем чтобы подорвать его массовую базу и усилить натиск демократических сил.

Незадолго до VII конгресса Коминтерна большой международный резонанс получила антифашистская стачка горняков Астурии в Испании. После буржуазно-демократической революции 1930—1931 гг., в результате которой была свергнута диктатура Примо де Риверы и монархия Бурбонов, в стране установился республиканский строй. Рабочий класс не играл ведущей роли в этих событиях, хотя активно выступал и против монархии, и против диктатуры. Республиканская буржуазия легко и просто взяла власть в свои руки и конечно же ничего не сделала ни для решения крестьянского вопроса, ни для улучшения жизни пролетариата. Государственный аппарат и армия остались в полной неприкосновенности. Правые буржуазные и католические силы мало-помалу стали восстанавливать прежние порядки, жестоко подавляя выступления рабочих и крестьян.

В октябре 1933 г. была создана фашистская партия «испанская фаланга», а затем в ноябре на выборах в кортесы победили реакционные партии. Перед рабочим классом и всеми демократическими силами во весь рост встала задача борьбы против фашизации политической жизни.

В октябре 1934 г. произошло первое открытое столкновение. В Астурии стихийно восстали рабочие-горняки. Они создали свою Красную гвардию и установили рабоче-крестьянское правительство, которое продержалось у власти 14 дней. Из-за того, что это выступление было плохо подготовлено, а также ввиду пассивности крестьянства, Астурийское восстание было подавлено.

Тем не менее оно, как и восстание в феврале 1934 г. в Австрии, показало, что трудящиеся в случае необходи-

мости могут выступить против фашизма единым фронтом [17].

После героического выступления горняков Астурии и уступая давлению партийных низов, выражавших солидарность с антифашистами Испании, Исполком Социалистического Рабочего Интернационала в ноябре 1934 г. снял наконец запрет для своих секций вступать в соглашение о едином фронте с коммунистами. Еще до этого во Франции, Испании, Австрии и Саарской области Германии такие соглашения практически уже были заключены. Это явилось важным шагом вперед, но время было потеряно: фашизм прочно стоял у власти в целой группе стран Западной Европы.

Условия экономического кризиса и вызванный им психологический шок, несостоятельность «нормальной» системы буржуазного управления, с одной стороны, раскол рабочего класса, быстрый рост безработицы, метания мелкобуржуазной массы то влево, то вправо — с другой, и, наконец, стремление монополистического капитала укрепить свои позиции при помощи режима «сильной руки», способного решительно подавить классовую борьбу и стабилизировать внутренний фронт, способствовали укреплению фашистской тенденции, расширению ее массовой базы.

Ситуация осложнилась тем, что известную популярность в левых кругах приобрела идея о том, что приход фашизма к власти якобы явится революционизирующим фактором и не затормозит, а ускорит «созревание пролетарской революции» [18]. Установка «чем хуже, тем лучше» дезориентировала рабочий класс и его партии, тормозила дело антифашистской солидарности.

IV конгресс Коминтерна отверг такую точку зрения, подчеркнув, что фашистская атака ни в коем случае не ускорит приход революции, поскольку «специально направлена против всех революционных стремлений пролетариата и все более и более служит для насильственного подавления всякой попытки рабочего класса улучшить свое положение». Конгресс констатировал, что фашизм выступает одновременно против основ буржуазной демократии вообще, а потому борьба с ним скорее всего будет длительной и тяжелой, она может быть эффективной лишь на базе тактики единого фронта [19].

Так закладывались основы стратегии антифашистского Сопротивления. Теоретические разработки и призывы, к сожалению, не использовались в полной мере на практике, поскольку дело единства рабочего класса и — ши-

ре — всех антифашистских сил наталкивалось на острые разногласия между коммунистами и социал-демократами по проблемам революции. В результате до середины 30-х годов антифашистский фронт ни в одной стране не был политически и организационно оформлен. Тем не менее за несколько лет антифашистской борьбы в Италии, Германии, Франции, Австрии, Испании, Болгарии, Венгрии, Греции левые силы приобрели большой и ценный опыт. Именно он послужил тем фундаментом, на который опирался в своей работе VII конгресс Коминтерна.

Глубокий и всесторонний анализ основных проблем антифашистской борьбы, сделанный Г. Димитровым на конгрессе, позволил выработать стратегию антифашистского народного фронта как наиболее эффективного средства борьбы против фашизма, как политической силы, способной не только защитить буржуазную демократию, но и привести к установлению власти народной демократии. Для нас интересна именно эта сторона дела, поскольку только в ней и заключается, строго говоря, революционный смысл всего опыта антифашистской борьбы. Все остальные аспекты имели очень важное, но все же не революционное значение. В конечном счете свержение фашизма в Италии или Германии и даже простое восстановление прежней буржуазной демократии имело бы, конечно, определенное революционное значение, но только в том случае, если бы оно было осуществлено не «сверху», скажем в результате путча генералов или саморазложения режима, как это случилось спустя 40 лет в Испании в годы кризиса франкизма. Лишь в случае совершения народного антифашистского переворота независимо от его формы — восстание, всеобщая политическая забастовка, партизанская борьба или более менее мирное, не вооруженное свержение фашизма (тут главное значение имело активное действие низов) — можно было говорить о революционном характере борьбы.

Но в данном случае речь идет о другом: о том революционном содержании, которое приобрела высшая цель антифашистской революции — прорыв за рамки капитализма и создание переходной революционной власти, опирающейся на единство всех (в том числе непролетарских и даже буржуазных) антифашистских сил.

Формой такой власти могло стать правительство Народного фронта или подобное ему демократическое правительство. Эта промежуточная революционная цель сформировалась не сразу. Первоначально расчет делался на то, что свержение фашизма должно одним скачком

привести к социалистической революции. Борьба против фашизма долгое время мыслилась по этой схеме как тактический маневр, как короткий этап, своего рода вынужденное ответвление от общей стратегии непосредственной социалистической революции.

Весной 1922 г. ИККИ в открытом письме руководству Итальянской компартии специально зафиксировал наличие «левого» инфантилизма в ее деятельности, который проявляется в «сектантском страхе перед соприкосновением с реальной жизнью, в неуверенности в своих собственных силах и в революционных тенденциях рабочего класса, вступающего в борьбу хотя бы за цели переходного характера»[20].

Эта правильная идея, видимо, из-за того, что промежуточные цели трактовались по ошибке как не революционные, реформистские, каким-то образом потерялась, и вплоть до 30-х годов превалировала другая точка зрения — о возможности прямого перехода от фашизма к диктатуре пролетариата. Социал-демократы защищали тезис о том, что главной задачей борьбы с фашизмом является восстановление буржуазной демократии. Такой чисто оборонительный смысл антифашистской стратегии зауживал цели борьбы рабочего класса.

Коминтерн поставил задачу борьбы за создание революционно-демократической власти Народного фронта, связав тем самым промежуточную цель с конечной целью рабочего движения. При выработке этой стратегии коммунисты опирались на ленинское учение о революционно-демократической диктатуре рабочего класса и крестьянства, на опыт революции 1905—1907 гг. в России и последовавших за ней демократических революций. В новых условиях, по мнению Г. Димитрова, правительство Народного фронта могло сыграть роль своеобразного механизма, облегчающего непрерывность демократической революции и ее перерастание в социалистическую революцию.

«Ленин,— говорил Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна,— призывал нас 15 лет назад сосредоточить все внимание на «отыскании формы *перехода* или *подхода* к пролетарской революции». Быть может, *правительство единого фронта* в ряде стран окажется *одной* из важнейших переходных форм»[21]. Так оно и произошло спустя 10 лет в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Во Вьетнаме, Корее и Китае этот переход осуществлялся на базе единого антиимпериалистического фронта.

М. Торез в речи на VII конгрессе Коминтерна также развивал мысль о том, что «власть советов не может быть непосредственной целью нашей настоящей борьбы», но в перспективе антифашистский фронт открывает путь «через победу над фашизмом – к пролетарской революции»[22].

Выдвижение стратегии промежуточных целей в качестве главной задачи дня вовсе не означало «поворота вправо» в политике Коминтерна, как думали некоторые. Напротив, это была дальновидная, реалистическая оценка назревших проблем.

«Жизнь сложнее всяких схем, – говорил Г. Димитров на VII конгрессе. – Неверно, например, изображать дело так, что правительство единого фронта является *обязательным этапом* на пути к установлению пролетарской диктатуры. Это так же неверно, как неверно было раньше представлять дело так, что в фашистских странах не будет *никаких промежуточных этапов* и фашистская диктатура будет *обязательно и непосредственно сменена* пролетарской диктатурой»[23].

Новая ориентация Коминтерна явилась тем стимулом, который придал всей антифашистской деятельности компартий политически завершенный вид и подлинно революционное содержание. Конечно, это не означало, что после VII конгресса Коминтерна вся антифашистская борьба сразу пошла по новому руслу, но сдвиг был налицо, и сдвиг существенный. Об этом ярко свидетельствовала вся европейская практика, особенно опыт Франции и Испании.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ ВО ФРАНЦИИ

Предыстория Народного фронта во Франции берет свое начало с борьбы за единство пролетариата. После раскола социалистической партии на Турском съезде в декабре 1920 г. и образования компартии в рабочем движении продолжалась острейшая борьба различных течений. Не было единства и в рядах самой Французской коммунистической партии. Ее «левое» крыло во главе с Суварином и Треном стояло на сектантских позициях, а руководящее ядро во главе с Фроссаром придерживалось центристской ориентации. И те и другие, хотя по разным причинам, выступали против единого рабочего фронта. Что касается социалистов, то они, стремясь «поглотить» коммунистическое движение, поддерживали лозунг единства. Руководители СФИО Л. Блюм и Э. Фор рассчиты-

вали таким путем восстановить однопартийную систему и гегемонию социал-демократии[24].

Эта запутанная ситуация стала проясняться в конце 1922 г. Огромную пользу принесла статья «К единому фронту», написанная талантливым писателем-коммунистом П. Вайяном-Кутюрье. Если коммунистическая партия претендует на роль авангарда, она не должна, как Робинзон на необитаемом острове, «жить созерцанием, пусть занимательным, своего пупа», а «должна уметь видеть вне себя, вокруг себя, за собой... Она должна участвовать в тех глубоких движениях, которые охватывают рабочий класс. Другого смысла,— писал П. Вайян-Кутюрье,— лозунг «Идти в массы» не имеет»[25].

В борьбе с «левым» сектантством и соглашательскими тенденциями постепенно формировались теоретические и политические предпосылки единства рабочего класса. Во второй половине 20-х и начале 30-х годов низовые ячейки коммунистической и социалистической партий, профсоюзы разной ориентации неоднократно проводили совместные забастовки и демонстрации, выступали единым фронтом на муниципальных выборах. Тактика союза левых партий в дальнейшем позволила рабочему классу единым фронтом выступить против фашизма.

Первым действительно крупным шагом вперед явились выступления рабочего класса в феврале 1934 г., в которых участвовало более 4,5 млн трудящихся[26]. Сближение наметилось также в солидарных выступлениях за подписание пакта о взаимной помощи между Францией и СССР, в поддержке требований солдат и рекрутов («кассы солдатского су»), в солидарности с борьбой народов колоний. К началу 1935 г. во Франции действовало до 1500 комитетов антифашистского фронта и более 500 единых профсоюзных организаций[27]. В массовых манифестациях в защиту республики 14 июля 1935 г. только в Париже участвовало более 500 тыс. человек. Колонны демонстрантов возглавляли М. Торез, Л. Блюм, Э. Даладье. Объединение сил коммунистов, социалистов, радикалов, беспартийной прогрессивной интеллигенции, профсоюзов на парламентских выборах в мае 1936 г. позволило нанести поражение реакционным силам. Впервые антифашистская коалиция получила право на формирование правительства.

Некоторые полагали, что теперь наступило время для непосредственной социалистической революции. Отвергая этот авантюристический план, М. Торез подчеркивал: «Народный фронт — это не революция»[28]. Это

в лучшем случае могло быть вполне конституционное установление переходной власти революционно-демократического, а не социалистического типа. Вполне допустимым являлось участие в таком правительстве представителей патриотических слоев буржуазии, которые с тревогой следили за реваншистскими устремлениями Германии — традиционного врага Франции.

В этих условиях попытки ускорить установление власти Советов могли бы стать роковой ошибкой. Путь вперед — к новой демократии — лежал только через укрепление правительства Народного фронта. Это была стратегическая установка на относительно длительный период развития демократической революции антифашистского и антимонополистического характера с участием подлинно патриотической части буржуазии, мелкобуржуазных слоев города и деревни, всего крестьянства, всех групп рабочего движения, всех демократических партий и организаций[29].

Левобуржуазное правительство, опирающееся на Народный фронт, возглавил социалист Леон Блюм, который не стремился к каким-либо радикальным преобразованиям. Полностью разошлись взгляды и по вопросу испанской ситуации. Л. Блюм занял позицию «невмешательства», что сразу же привело к моральному расколу Народного фронта. Более того, мало-помалу социалисты свели дело к классовому сотрудничеству с буржуазией, хотя продолжали стоять на антифашистских позициях. Представители ФКП не входили в правительство, но оказывали ему активную поддержку.

Слабость состояла в том, что соглашение о сотрудничестве с социалистами носило в основном верхушечный характер, на местах комитеты Народного фронта не имели достаточного авторитета, чтобы стать органами новой, подлинно народной власти. В конце 1936 г. в политике правительства наметился сдвиг вправо. Осенью 1938 г. лидер радикалов Даладье, возглавивший правительство, пошел в Мюнхене на позорную сделку с Гитлером. Народный фронт окончательно распался.

Опыт борьбы за Народный фронт во Франции явился большой политической школой для всего европейского пролетариата. Впервые на практике была подтверждена правильность курса на единство демократических сил, возможность парламентского пути борьбы с реакцией. Главной силой Народного фронта были рабочий класс, единство его партий и профсоюзов. Благодаря Народному фронту трудящимся Франции удалось добиться повы-

шения зарплаты, введения коллективных договоров и оплачиваемых отпусков, общей демократизации политической жизни. Великой заслугой Народного фронта было то, что он предотвратил приход фашизма к власти во Франции. Благодаря политике Народного фронта рабочий класс Франции утвердил себя как ведущая сила общедемократической борьбы.

НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ АНТИФАШИСТСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Более глубокое социальное и политическое содержание приобрела в эти же годы антифашистская борьба испанского народа [30].

В начале 30-х годов Испания пережила крайне сильные потрясения. В 1930 г. под напором масс пала военно-полицейская диктатура Примо де Риверы, а вскоре, в апреле 1931 г., в результате мирной демократической революции пришел конец монархии. Была установлена долгожданная республика. Так начался длительный подъем революционного процесса в Испании.

Вначале инициатива принадлежала силам республиканской буржуазии, которая использовала поддержку народа для совершения мирной демократизации общественного строя. Ослабленный расколом пролетариат не сумел стать гегемоном в демократической революции 1930—1931 гг., в результате чего она осталась незавершенной. Антифашистское восстание рабочих Астурии в октябре 1934 г. не привело в движение весь пролетариат. Установка коммунистов на провозглашение власти Советов не встретила поддержки масс. Точно так же был допущен просчет в оценке организованного совместно с социалистами «рабочего альянса», который компартия интерпретировала лишь в плане его использования для создания массовых органов наподобие Советов [31].

Испанская социалистическая партия в свою очередь вообще отрицала самостоятельную роль пролетариата в демократической революции, рассматривая его как вспомогательную силу и помощника антимонархической буржуазии. Находящийся под влиянием социалистов профцентр — Всеобщий союз трудящихся — вел за собой до 1 млн рабочих. Значительная часть рабочих и средних городских слоев шла за федерацией анархистов Иберии (10 тыс. членов), проповедовавшей так называемый «либертарный коммунизм», или «безвластный коммунизм» кропоткинского типа, в котором место государства дол-

жны были занять самоуправляющиеся «ассоциации свободных производителей». Анархо-синдикалистский профцентр (Национальная конфедерация труда) объединял свыше 1 млн человек и стоял на позициях «прямого действия». Анархисты и анархо-синдикалисты полагали, что после свержения монархии настало время для «социальной революции» и полного разрушения всякой государственности. Их не устраивали ни монархия, ни республика.

Астурийское восстание в октябре 1934 г. показало огромную силу объединенного пролетариата и слабость пролетариата, разобщенного на враждующие фракции. Перед лицом грозного фашистского врага всякое разъединение трудящихся было лишь на руку реакции. В декабре 1935 г. удалось создать Комитет по связи между Коммунистической партией и Испанской социалистической рабочей партией. Развернулась практическая работа по организации ячеек Народного фронта, началась совместная борьба за политическую амнистию.

«В 1935 г., – пишет Долорес Ибаррури, – в Испании сложилась исключительно напряженная революционная ситуация. Ни 2000 убитых в Астурии в результате жестоких репрессий при подавлении восстания, ни 30 000 заключенных не могли сломить боевую волю трудящихся масс...» [32] В январе 1936 г. был подписан пакт Народного фронта, в который вошли коммунисты, социалисты, левые республиканцы, ряд профсоюзов, студенческих и крестьянских организаций. Это был решающий поворот в развитии всего революционного процесса. На пути наступления фашизма и реакции вставала объединенная сила Народного фронта, добившегося на выборах в кортесы в феврале 1936 г. уверенной победы. Коммунисты получили 18 депутатских мест. Ряды партии быстро росли и к июлю 1936 г. достигли почти 100 тыс. членов [33].

Быстро росла и численность Испанской социалистической рабочей партии, причем особенно усилилось ее левое крыло. Произошло слияние молодежных социалистических и коммунистических организаций, в Каталонии четыре рабочие партии объединились в одну. Это позволило упрочить единство рабочего класса, хотя раскол в его рядах был преодолен далеко не полностью.

Задача состояла в том, чтобы любой ценой не допустить правого переворота и продолжить борьбу за завершение демократической революции. В мае 1936 г. Президиум и Секретариат ИККИ, рассмотрев испанский вопрос, осудили призывы некоторых «левых» деятелей

к немедленной социалистической революции, призвав всемерно укреплять позиции Народного фронта. Г. Димитров, выступая на сентябрьском заседании ИККИ, указывал, что в Испании идет борьба не за социализм, а за создание государства «подлинной народной демократии» при участии всех антифашистских сил, а не только рабочих и крестьян [34].

Фашизм в Испании развивался на особенно питательной почве, впитывая соки традиционного аристократического монархизма, буржуазного шовинизма и колониализма, правого католицизма и исторической приверженности черносотенной военщины и крупных землевладельцев к насилию. Но именно потому, что в стране действовало множество правых партий и организаций, собственно фашистское движение, оформившееся в октябре 1933 г. в легальную партию «испанская фаланга», поначалу не имело значительной силы. Ее официальной целью провозглашалось осуществление «национальной революции» для достижения «единства отечества», подавления сепаратистских движений и классовой борьбы, создания «нового государства» на основах авторитаризма, дисциплины и единства [35].

Молодой фашистский лидер, сын бывшего диктатора Хосе Антонио Примо де Ривера, умело играя на традициях и чувстве тоски по «сильной Испании», составил программу фаланги из 26 пунктов, в которой заявлялось: «Мы верим в высшую реальность Испании... Всякое покушение на ее единство преступно... Мы утверждаем, что полнота исторической миссии Испании должна проявиться в империи. Мы требуем для Испании выдающегося положения в Европе... Мы вернем нашим вооруженным силам на земле, море и в воздухе то общественное достоинство, которого они заслуживают... Испания вновь будет искать свою славу и свои богатства на морских путях... Мы отвергаем капиталистическую систему... Наше духовное и национальное сознание противостоит и марксизму... Наш режим радикально ликвидирует возможность возникновения классовой борьбы...» [36]

Такая эклектическая платформа устраивала все правые группировки, которые увидели в «испанской фаланге» ту политическую силу, которая могла бы объединить вокруг себя значительные слои. Однако в самóм правом лагере не было единства, что давало возможность Республике постепенно продвигаться вперед.

Трудно сказать, как бы развивались дальше события, если бы 18 июля 1936 г. Франко при прямой поддержке

германского и итальянского фашизма не развернул кровопролитную войну против Республики.

Еще задолго до мятежа, в ночь с 31 мая на 1 июня 1936 г., немецкая эскадра без каких-либо причин обрушила мощный орудийный удар по г. Альмерии. Гитлер и Муссолини предоставили в распоряжение мятежников оружие, авиацию и свои регулярные войска. Численность итальянских войск в Испании достигала 300 тыс. человек, немецких — 100 тыс. солдат и офицеров[37].

В ответ весь народ в едином патриотическом порыве поднялся на национально-революционную войну за свободу и независимость Испании. В крупнейших городах рабочие создавали отряды народной милиции, в ряды республиканской армии вливались десятки и сотни тысяч добровольцев. С оружием в руках против фашистов к августу 1936 г. выступило около 300 тыс. человек[38]. Осенью 1936 г. мятежники были разбиты на большей части территории, и снова им на помощь пришли фашистские державы. Развернулась длительная национально-революционная война испанского народа. Ее ведущей силой являлся пролетариат, а подлинным авангардом — Коммунистическая партия, ряды которой к марту 1937 г. превысили 400 тыс. человек (в 1932 г. — 12 тыс. членов)[39].

В начале сентября 1936 г. было сформировано правительство во главе с лидером левого крыла ИСРП Ф. Ларго Кабальеро, в состав которого вошли и представители КПИ. Сама обстановка требовала полного единства сил. Все классы и социальные слои — рабочие, крестьяне, часть буржуазии, мелкая буржуазия города, крестьянство, студенчество, интеллигенция — оказались перед лицом общего врага, для разгрома которого надо было преодолеть внутренние разногласия, недоверие и вражду, все взаимные претензии.

Конечно, совпадение интересов не могло быть вечным, но, пока шла борьба с фашизмом и германо-итальянской агрессией, могло и должно было сохраняться такое всеобщее единение. В политическом плане это означало развитие стратегии Народного фронта.

Однако достичь этой цели оказалось крайне трудно: часть буржуазии склонялась к капитуляции перед фашизмом, анархо-синдикалисты и некоторые левые социалисты продолжали требовать немедленной социалистической революции, левокоммунистические элементы настаивали на гегемонии КПИ в республиканском правительстве. Не просто было понять и то, что защита Республики по сути дела в условиях войны с фашизмом

и раскола нации на два лагеря была равнозначна осуществлению (продолжению) демократической революции.

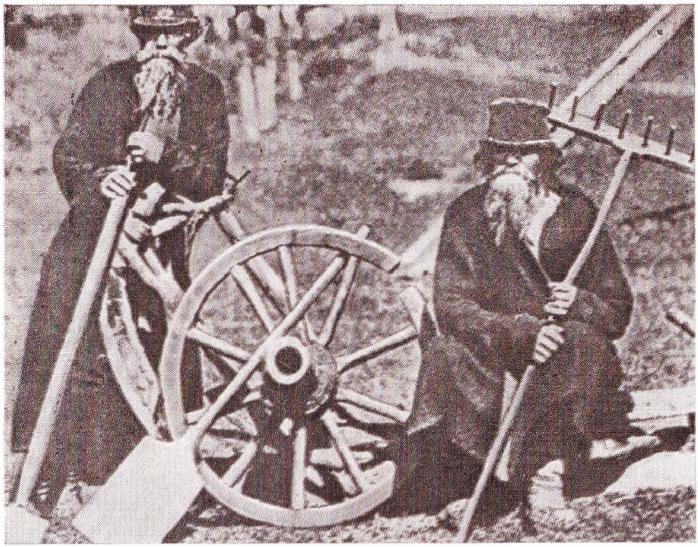
Тем не менее в тяжелейших условиях двух параллельных войн – гражданской и национально-революционной – Испанская республика добилась многого: были существенно демократизированы общественные отношения, заменена старая армия республиканской гвардией, обновлена вся система органов власти, суда, серьезно ущемлены права и возможности реакционных групп. В экономической сфере были намечены меры по национализации ряда крупных промышленных предприятий и банков, принадлежавших предателям, по конфискации земель богатых помещиков, по установлению контроля над производством и т. д. Генеральный секретарь Коммунистической партии Испании Хосе Диас, учитывая все эти стороны испанской революции, отмечал, что борьба идет «за *демократическую республику нового типа*»[40], которая сможет вывести общество за рамки капитализма и открыть в дальнейшем путь к социализму.

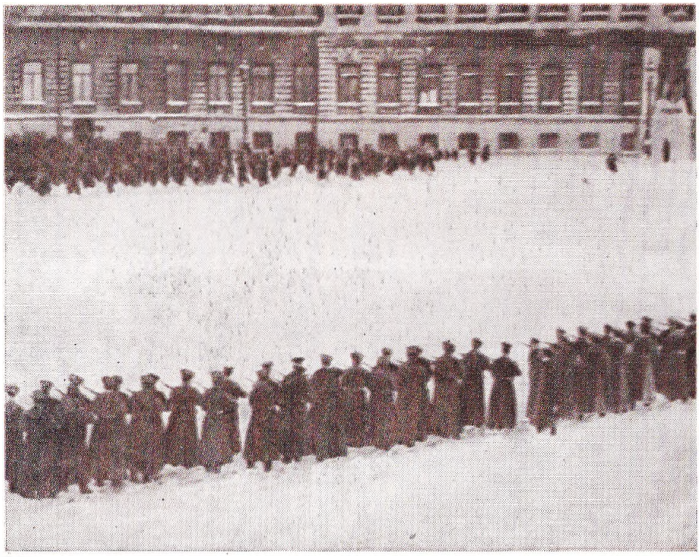
Второе правительство Народного фронта, которое в мае 1937 г. возглавил стойкий антифашист социалист Хуан Негрин вместо ушедшего в отставку нерешительного Ф. Ларго Кабальеро, провело ряд важных социально-экономических преобразований: было уничтожено господство финансово-помещичьей олигархии, создана дисциплинированная армия, проведена аграрная реформа, национализирована часть фабрик и банков. Иными словами, началась реальная работа по созданию нового революционного государства.

Однако этот процесс был прерван. Несмотря на героические усилия испанских патриотов, движение международной солидарности, после трех лет кровопролитной войны Республика в марте 1939 г. под ударами германо-итало-испанского фашизма и при позорном «невмешательстве» со стороны так называемых демократических держав Европы (Англии, Франции) и США потерпела поражение.

Национально-революционная война в Испании явилась важнейшим фактором в развитии классовой борьбы в Европе накануне второй мировой войны. Ее опыт приобрел огромное международное значение. Республиканская Испания стала подлинным символом самоотверженного антифашистского сопротивления. Испания первой в истории открыла путь к народной демократии.

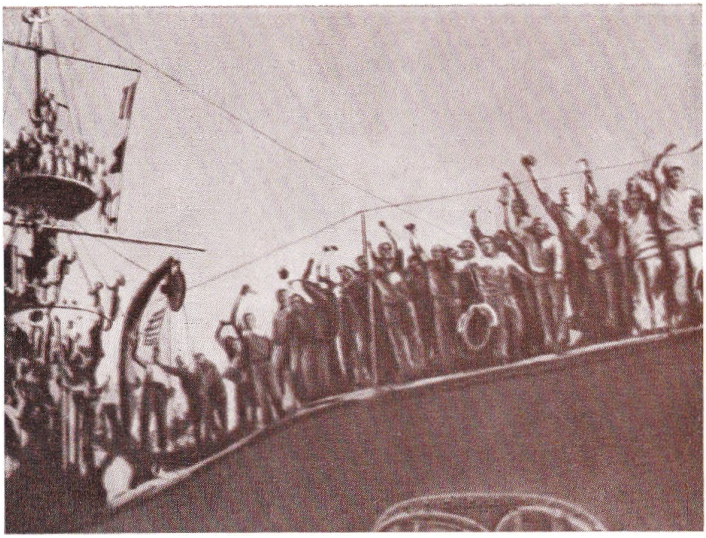
В. И. Ленин. 1918 г.





Русские крестьяне. Начало XX века

Расстрел демонстрантов на Дворцовой площади Петербурга 9 января 1905 г.



Митинг на броненосце «Князь Потемкин Таврический». Июнь 1905 г.

Манифест Николая II. Листовка. 1905 г.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

ВОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

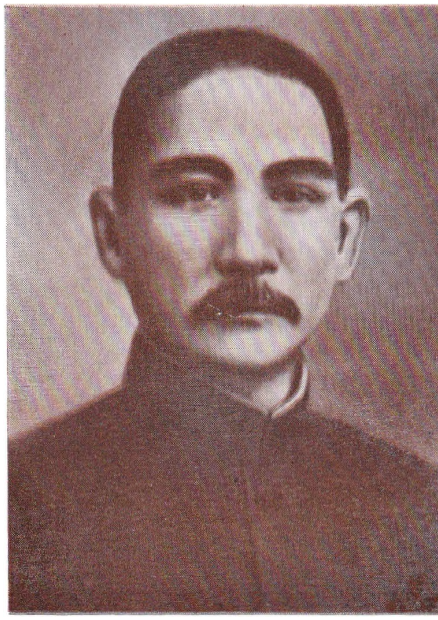
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

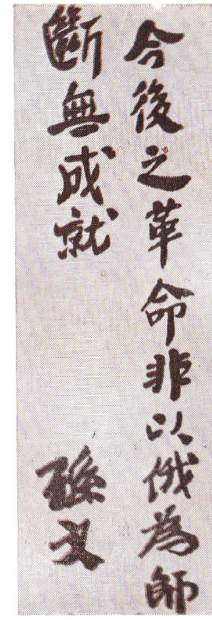
„НИКОЛАЙ"

аррикады в Кронштадте. 1905 г.

Саттар-хан (1867/68—1914) — руководитель революционного движения в Персии (Иране) с группой повстанцев. 1907 г.

Бест в английской миссии в Тегеране. 1906 г.

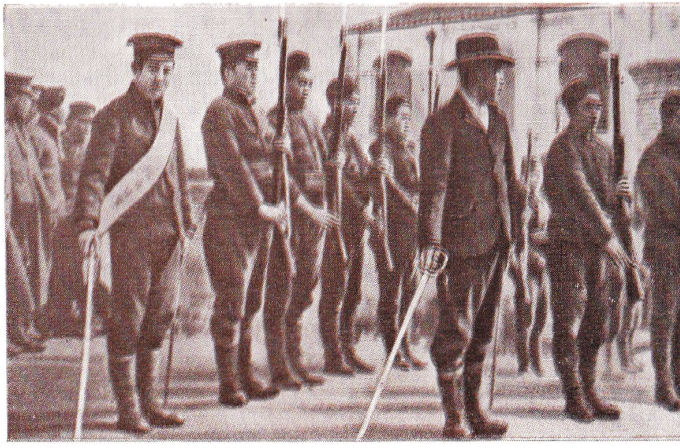




Сунь Ятсен (1866—1925) — китайский революционер-демократ

Автограф Сунь Ятсена: «Если в дальнейшей революционной борьбе не учиться у русских, нельзя добиться победы»

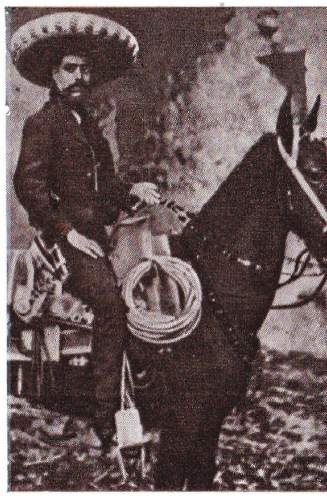
Солдаты и офицеры революционной армии Китая. 1911 г.

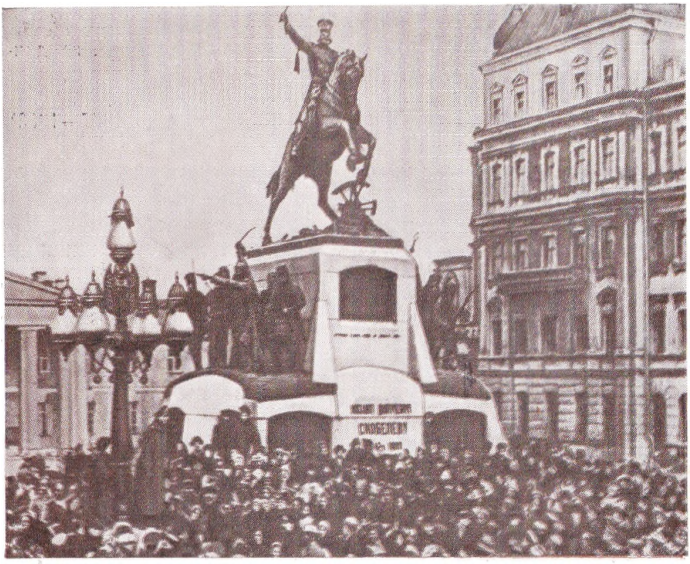


Группа мексиканских крестьян-революционеров. 1913 г.

Эмилиано Сапата (1879—1919) — руководитель крестьянского движения в мексиканской революции 1910—1917 гг.

Командир крестьянской армии Мексики Панчо Вилья (1877—1923) в тюремном вагоне



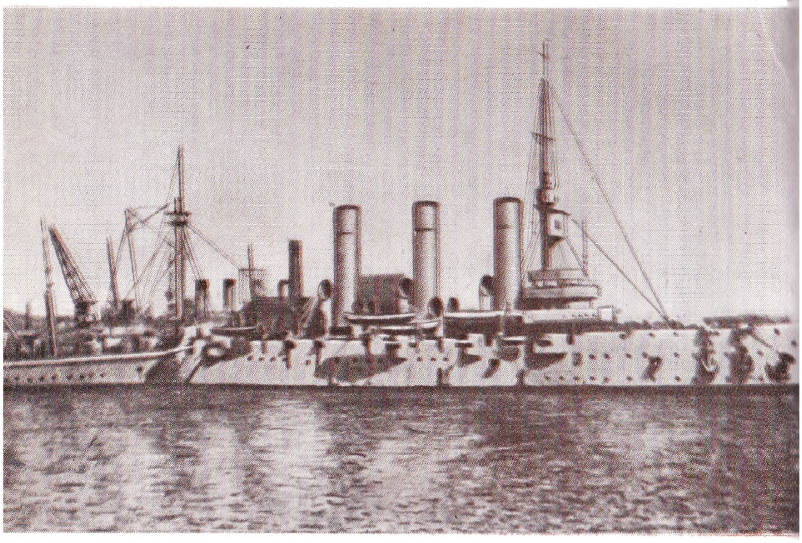


Февральская революция 1917 г. в России. Баррикады в Петрограде

Митинг на Скобелевской площади (ныне Советская) в дни февральской революции. Москва, 1917 г.

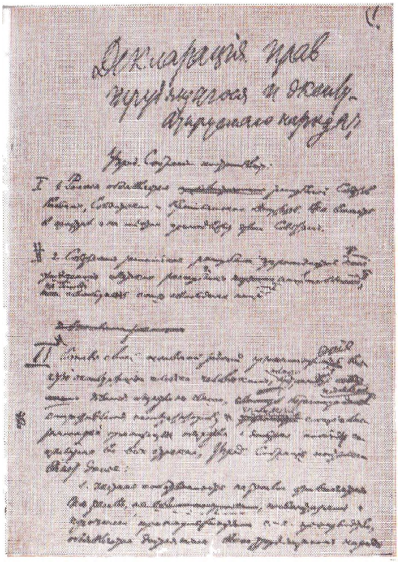
Демонстрация рабочих и солдат. Петроград, июнь 1917 г.

Первомай 1917 г. в Москве



Крейсер «Аврора» у Франко-русского завода. Петроград, 1917 г.

Красногвардейский патруль на улицах Петрограда (Октябрь 1917 г.)



Первая страница рукописи В. И. Ленина «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Начало января 1918 г.

Демонстрация солдат и рабочих Петрограда в первые дни Советской власти

Демонстрация в Хельсинки (Гельсингфорс). Октябрь 1917 г.

Митинг в Вене 12 ноября 1918 г. в честь провозглашения республики

Ноябрьская революция в Германии. Митинг в Берлине 9 ноября 1918 г.

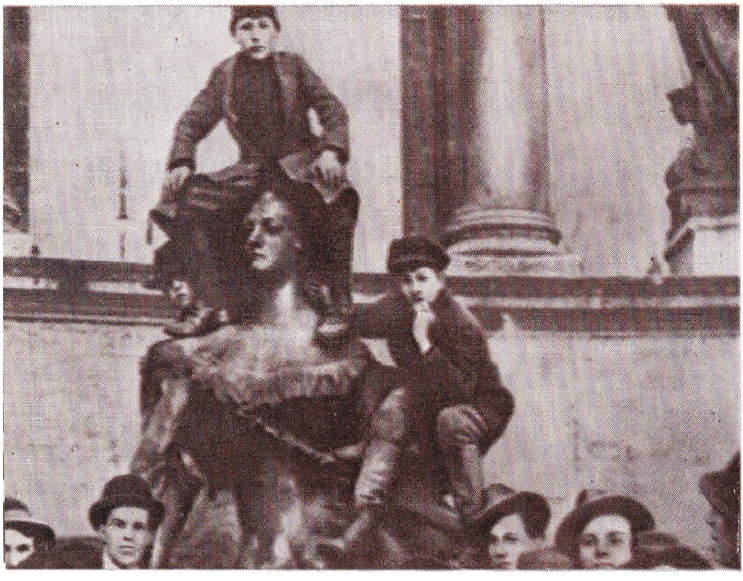
Рабочая демонстрация в Берлине у Бранденбургских ворот. Ноябрь 1918 г.

Карл Либкнехт (1871—1919) — деятель германского и международного коммунистического движения, один из основателей Коммунистической партии Германии

Роза Люксембург (1871—1919) — деятель германского, польского и международного рабочего движения. Одна из организаторов «Союза Спартака» и Коммунистической партии Германии

Красногвардейский отряд защитников Баварской Советской Республики. 1919 г.

Поверженная монархия. Будапешт. 1918 г.



Республику! Плакат времен венгерской революции 1918 г. Автор М. Биро

Ирландия. Разгон демонстрации в Дублине. 1919 г.

В. И. Ленин среди представителей народов Востока на II конгрессе Коминтерна

В отличие от Франции в Испании правительство Народного фронта действовало более решительно, причем особенно крупные меры оно провело именно в социально-экономической сфере, что придало антифашистскому сопротивлению черты глубоко народной демократической революции. Таким образом, в Испании сплелись воедино Народный фронт, антифашистское сопротивление, гражданская война и социальная революция. Спустя 10 лет такое же сложное сочетание различных процессов создалось в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Испанский опыт приобрел в этой связи особое значение.

Европейская практика первого этапа антифашистского сопротивления отличалась тем, что впервые удалось обеспечить союз рабочего класса и городских средних слоев, что в политическом плане было равнозначно союзу коммунистов и социал-демократов. В этом состояло своеобразие европейской ситуации. Как известно, на этапе демократической революции главным фактором успеха в России был союз рабочего класса со всем крестьянством. Эта проблема имела огромное значение и для стран Европы, но реальный политический опыт здесь был другим.

Во Франции, Германии, Италии, Испании традиционно более активно вели себя городские средние слои — мелкая буржуазия, ремесленники, служащие, интеллигенция, студенчество, лица свободных профессий. Именно среди этих слоев особенно сильны были позиции социал-демократических партий. Немалым весом последние пользовались и в рабочем движении. Что касается крестьян-собственников, то они политически вели себя пассивно. В итоге социальной основой антифашистского сопротивления и движения Народного фронта стал союз рабочего класса с демократически настроенной частью городских средних слоев.

В документах Коминтерна тех лет много говорилось о союзе рабочих и крестьян, но ни во Франции, ни в Испании, ни в какой другой стране крестьянство в 30-х годах не только не играло активной роли в антифашистской борьбе, но и зачастую поддерживало самые реакционные силы.

В Испании крестьянство вело активную борьбу за землю, но действовало стихийно, не имея прочных контактов с рабочим движением. Крайне отрицательную роль здесь сыграли и национальные противоречия. Многие провинции (Каталония, Баскония, Галисия и др.) тради-

ционно выступали против диктата Мадрида и Кастилии, а потому определенные слои населения этих районов поддерживали мятежников. Вопросы автономии национальных регионов при сохранении единства всей Испании не нашли четкого отражения в политических платформах ни у социалистов, ни у коммунистов, чем воспользовались франкисты и правые круги католического клира, выдвинув реакционную идеологию «национал-католицизма», которая своей демагогией о «духе Испании», о «единстве Родины», о «божественном предначертании судьбы» и т. п. привлекла симпатии довольно широких слоев.

Реакционно-монархические, правокатолические, антикоммунистические настроения особенно сильны были среди крестьян и фашиствующей молодежи. Эти тенденции объективно подогревались «социалистическими» лозунгами анархо-синдикалистов. Все эти уязвимые точки в развитии революционного процесса умело использовали франкисты, стремившиеся во что бы то ни стало присоединить Испанию к фашистской оси Берлин — Рим. И в конце концов им удалось втянуть Испанию в свои авантюристические планы, подавив в крови национально-революционную войну испанского народа. Франкизм превратился в особую разновидность европейского фашизма, поставившего своей целью борьбу против «угрозы коммунизма».

Несмотря на постепенное разложение Народного фронта во Франции и поражение революции в Испании, опыт, приобретенный народами этих стран, оказался ценным и поучительным. Он показал огромную политическую силу стратегии Народного фронта не только в смысле обороны буржуазной демократии от ударов справа, но и в подводе масс к борьбе за народную демократию.

В ходе антифашистских действий был достигнут союз демократических сил разной идеологической ориентации, союз различных классов и групп, способных совместно защищать демократию. Важным завоеванием явился невиданный размах международной антифашистской солидарности, которая в годы второй мировой войны стала одним из мощных факторов разгрома германского фашизма и японского милитаризма. И наконец, благодаря стратегии Народного фронта еще более окрепшим и политически возмужавшим стало мировое коммунистическое движение, по праву занявшее место боевого антифашистского авангарда.

ЕДИНЫЙ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ФРОНТ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В 30-х годах в Латинской Америке в условиях экономического кризиса и наступления реакции важнейшее значение также приобрела задача предотвращения фашизации и втягивания континента в подготовку империалистической войны. После прихода нацистов к власти в Германии и в этом районе мира чрезвычайно оживились профашистские группировки. Они направили главный удар против рабочего класса, стремясь подавить массовое движение. Наиболее реакционные группы местного и иностранного капитала вынашивали планы установления террористических военно-полицейских режимов, не ограниченных ни конституцией, ни парламентом, ни моралью, ни законом.

Фашистская контрреволюция, говорил Г. Димитров в докладе на VII конгрессе Коминтерна, «атакует буржуазную демократию, стремясь установить над трудящимися режим самой варварской эксплуатации и подавления их. Сейчас трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать *конкретно* на сегодняшний день не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом»[41]. Такая ситуация была характерна не только для Европы, но и для группы латиноамериканских государств — Чили, Аргентины, Бразилии, Уругвая, Кубы, стран Центральной Америки.

Для того чтобы предотвратить распространение фашизма, существовал единственный путь — объединение всех демократических сил. Чтобы встать на такой путь, надо было решительно отбросить в сторону сектантские привычки, совершить решительный поворот к новой реалистической и смелой политике, которая позволила бы объединить массы. Переплетение антидиктаторских (антифашистских, демократических) и антиимпериалистических (национально-освободительных) целей борьбы стало, таким образом, важным своеобразием ситуации в Латинской Америке.

Первые попытки создать единый блок демократических сил имели место еще в конце 20-х и начале 30-х годов в Аргентине, Уругвае, Бразилии, на Кубе. Ввиду сложных обстоятельств дело тогда ограничилось лишь достижением единства действий профсоюзов и заключением эпизодических соглашений о совместных выступлениях по конкретным вопросам. Третья конференция ком-

мунистов Латинской Америки (1932 г.) поставила задачу создать «широчайший народный антиимпериалистический фронт»[42]. При этом впервые была высказана мысль о возможности сотрудничества с национальной буржуазией и мелкобуржуазными слоями.

Главной особенностью нового этапа явилось то, что после периода организационного и идейного формирования коммунистическое движение выступало уже в роли самостоятельной политической силы. Коммунисты исходили из того, что на пути прогресса и независимости стоят не разные враги, а по сути дела единый и сильный враг — альянс внутренней и внешней реакции, частью которого, причем наиболее агрессивной и опасной, являлась фашистская тенденция.

Однако важно было не впасть в ошибку и не отождествить фашизм в Латинской Америке с его западноевропейскими прототипами, не смешивать все диктаторские замашки местных правящих группировок с фашизмом. Латиноамериканские коммунисты стремились проводить тактическое различие между собственно фашистскими силами, между тенденцией к фашизации существующих режимов и антидемократическими действиями буржуазных правительств и групп национальной буржуазии, которые при известных условиях могли оказать ту или иную поддержку в борьбе с наиболее агрессивными действиями фашистских банд и стоящих за их спиной германских и итальянских монополий. Кроме того, приходилось максимально учитывать состояние межимпериалистических противоречий. Основная часть латиноамериканской буржуазии после первой мировой войны взяла курс на союз с империализмом США и не была заинтересована в усилении позиций итало-германского капитала. Сами монополии США занимали двойственную позицию: с одной стороны, они опасались экспансии фашизма и итало-германских капиталов в Латинскую Америку, а с другой — не выступали прямо против фашистских тенденций, рассчитывая использовать их в борьбе против революционно-освободительного, и особенно рабочего, движения. Аналогичным образом вели себя и английские компании.

Все эти факторы порождали много трудностей и разногласий в лагере демократических сил. Одни полагали, что следует поддерживать США против Англии и Германии, другие рассчитывали на союз с английским и североамериканским капиталом против немецких монополий, третьи считали, что ни с каким империализмом блокиро-

ваться ни в коем случае нельзя. Коммунистические партии должны были дать четкий ответ на многие конкретные и даже специфические вопросы, выработать гибкие тактические установки. В целом с этой задачей коммунисты Латинской Америки справились, хотя не смогли избежать ошибок и неудач.

Опыт латиноамериканских коммунистов интересен тем, что ввиду чрезвычайного многообразия национальных ситуаций им пришлось пережить все или почти все этапы и формы осуществления политики антиимпериалистического и антидиктаторского (антифашистского) фронта. В ряде стран (Аргентина, Уругвай, Куба) начальная работа по созданию единого фронта была пресечена реакцией. В Мексике зародыш Народного фронта стал складываться в рамках самой правящей буржуазно-националистической партии и в союзе с ней при президенте Л. Карденасе. В Бразилии ячейки единого фронта в армии подняли вооруженное восстание с целью установления народно-революционной власти, но потерпели поражение. И наконец, в Чили Народный фронт вслед за Францией и Испанией сумел победить на выборах и сформировать конституционное правительство.

Таким образом, в Латинской Америке были испытаны на практике все возможные варианты, что значительно дополнило и обогатило опыт борьбы с фашизмом и империализмом.

ОПЫТ АРГЕНТИНСКИХ КОММУНИСТОВ

Борьба за создание Народного фронта в Аргентине происходила в крайне тяжелых условиях и, несмотря на героические усилия компартии, так и не увенчалась созданием общенациональной демократической коалиции. Это объяснялось тем, что после государственного переворота в сентябре 1930 г. власть перешла в руки антинародной диктатуры Урибуру. Компартия была загнана в подполье, в стране установлен режим военно-полицейского террора. Тысячи демократов были брошены в тюрьмы. При поддержке диктатуры стали создаваться военизированные фашистские банды Гражданского легиона. В августе 1933 г. новый президент генерал Хусто провел через парламент закон о смертной казни за участие в «подрывной деятельности». На основе этого закона были арестованы сотни коммунистов и демократов.

В этой чреватой тяжелыми последствиями обстановке по инициативе коммунистов на местах начали создавать-

ся комитеты единства. Особенно активно солидарные действия применялись в ходе забастовок и вооруженных столкновений с фашистскими бандами. Социалистическая партия, правое руководство которой отказалось войти в единый фронт, раскололась, что привело к созданию левой Рабочей социалистической партии, многие члены которой впоследствии стали коммунистами. Под лозунгами «Долой реакцию и фашизм!», «Да здравствуют независимые действия пролетариата!» проходили митинги, забастовки, манифестации[43]. В Буэнос-Айресе, Росарио и других городах стало зарождаться движение единого рабочего и антидиктаторского фронта с участием социалистов, левых радикалов, коммунистов.

Решения VII конгресса Коминтерна помогли аргентинским коммунистам сделать новый шаг вперед. В октябре 1935 г. на III конференции Коммунистической партии Аргентины была выработана программа конкретных действий. Конференция обратилась с официальным предложением к социалистам, радикалам, прогрессистам-демократам, к Всеобщей конфедерации трудящихся и другим организациям с предложением создать демократический альянс для совместной борьбы против империализма и фашизма. В мае 1936 г. в Буэнос-Айресе прошла 100-тысячная антифашистская демонстрация, стали возникать народные комитеты солидарности с Испанской республикой. Многие коммунисты вступали в интернациональные бригады добровольцев. Однако объединительная тенденция развивалась медленно, поскольку социалисты и коммунисты относились друг к другу с недоверием. Радикалы продолжали колебаться.

По предложению Коммунистической партии Аргентины проблемы антиимпериалистической и антифашистской борьбы специально обсуждались на Секретариате ИККИ в июне — июле 1937 г. Выступая на заседании, Г. Димитров подчеркнул взаимосвязь борьбы против фашизма и империализма. «...Политически целесообразно,— говорил Г. Димитров,— в платформе Демократического альянса особенно заострить вопрос против иностранных захватчиков богатств страны, плодов труда аргентинских крестьян, аргентинских рабочих... Это легче мобилизует широкие массы аргентинского народа и лучше обеспечит победоносную борьбу против реакции и фашизма внутри страны»[44].

Платформа антиимпериалистического фронта, отмечал Г. Димитров, должна строиться на основе приемлемых для всех участников коалиции общедемократи-

ческих целей. Главной задачей на данном этапе, как указывал в своих документах Коминтерн, должны были стать освобождение от империалистической зависимости, «ликвидация остатков феодализма и установление в Аргентине демократического режима, который позволит рабочему классу, всем трудящимся, всему народу защищать свои права и интересы и улучшить условия жизни»[45].

Процесс реального оформления единого фронта, казалось бы, сдвинулся с мертвой точки, однако реакция сумела нанести удар по прогрессивным силам и не допустить возникновения демократической коалиции. Неустойчивые элементы отошли от борьбы, опасаясь арестов, другие (радикалы и социалисты) решили воспользоваться ослаблением компартии для укрепления собственных позиций. В конце 1942 г. КПА вновь выдвинула задачу политического оформления Демократического альянса, однако социалисты и радикалы опять свели все дело к временной предвыборной коалиции и тем самым вторично сорвали достижение единства антиимпериалистических и антифашистских сил.

БОРЬБА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ УРУГВАЯ

Как и в большинстве других стран Латинской Америки, становление Народного фронта в Уругвае происходило в крайне неблагоприятных условиях. В марте 1933 г. в результате верхушечного переворота в стране установилась диктатура президента Габриэля Терры. Этот фашиствующий политикан отбросил в сторону конституционные традиции и всей силой обрушился на демократический лагерь, прежде всего на коммунистическую партию и левые профсоюзы. При поощрении правительства активизировалось профашистское течение, которое с 1930 г. с помощью реакционного офицерства создало вооруженные банды так называемого «авангарда родины». Буржуазно-либеральные группировки в страхе отступили, а их руководитель Бальтасар Брум даже покончил жизнь самоубийством, не видя никаких перспектив борьбы против диктатуры и фашизма.

В итоге в защиту демократии выступил лишь передовой авангард рабочего класса во главе с коммунистами[46]. В ноябре 1933 г. компартия и левые профсоюзы выдвинули предложение создать единый рабочий фронт для совместных выступлений в защиту жизненных инте-

ресов трудящихся. Однако эта инициатива не была поддержана. Лишь левое студенческое движение откликнулось на призыв и совместно с коммунистами в марте 1934 г. провело всеобщую антидиктаторскую забастовку.

Во второй половине 1934 г. наметился определенный сдвиг в сторону консолидации оппозиционных сил. По согласованию между антидиктаторскими партиями и группами в августе 1934 г. удалось провести массовую демонстрацию. Буржуазно-либеральные оппозиционеры в последний момент пошли на позорный сговор с реакцией. В ответ на это предательство рабочие организовали всеобщую забастовку. Правительство бросило против трудящихся полицию. Однако ни террор, ни запугивания не сломили волю рабочего класса. 16 октября 1934 г. началась всеобщая забастовка, в которой приняло участие 30 тыс. рабочих столицы и несколько тысяч студентов. Но силы оказались неравными. С помощью оружия диктатура сумела подавить это выступление[47].

Рост антидиктаторских и антиимпериалистических настроений захватил и часть уругвайского мелкобуржуазного офицерства. В январе 1935 г. прогрессивные элементы попытались начать восстание с целью свержения диктатуры Терры, но, не будучи связаны с рабочим классом и крестьянством, потерпели поражение. Коммунистическая партия продолжала курс на объединение всех демократических сил. Однако все ее инициативы игнорировались социалистической партией и «желтыми» профсоюзами. Единый фронт в Уругвае так и не был создан.

КОМПАРТИЯ КУБЫ ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА И РЕАКЦИИ

Несколько дальше продвинулись коммунисты Кубы, но и им в условиях существования диктаторского режима Батисты не удалось добиться большого успеха. После своей победы в 1933 г. реакционные силы стали спешно создавать военизированные отряды боевиков «порра» и мелкобуржуазной фашистской партии АБЦ, стоящей на антикоммунистических позициях. В марте 1934 г. было введено военное положение, распущены все профсоюзы и демократические организации. Жесточайшие репрессии обрушились на компартию. Правительство дало оружие «зеленорубашечникам» из отрядов АБЦ.

Главная цель внутренней и внешней контрреволюции, как указал II съезд Коммунистической партии Кубы, проходивший в апреле 1934 г., состояла в том, чтобы «раз-

громить революционное движение трудящихся путем самых насильственных и террористических методов»[48]. Фашистские планы диктатуры вызвали взрыв всеобщего негодования. В июне 1934 г. восстал экипаж канонерской лодки «Куба», было произведено покушение на президента Мендиетту, парад «зеленорубашечников» был дважды обстрелян из пулеметов, по всей стране ширились забастовки, в провинциях активизировалось крестьянское движение. В провинции Ориенте батраки района Реаленго-18 подняли вооруженное восстание, в котором участвовало около 30 тыс. семей. Восставшие создали местное народное правительство и под лозунгом «Земля или кровь!» с оружием в руках защищали свои интересы. Вслед за крестьянами выступили студенты, учителя и школьники, организовав в феврале 1935 г. 350-тысячную забастовку.

Подъем демократического движения среди интеллигенции и студенчества привел к созданию еще в начале 1934 г. революционной политической организации «Молодая Куба», во главе которой встал смелый патриот Антонио Гитерас. «Молодая Куба», однако, проводила путчистскую тактику и переоценивала роль индивидуального террора, хотя ее стратегические установки носили ярко выраженный антиимпериалистический характер[49]. Это была политическая и в то же время военная организация патриотов и революционеров-демократов, которая начала тайную подготовку к повстанческому движению. В первые месяцы 1935 г. в рядах «Молодой Кубы», по свидетельству одного из ее руководителей, насчитывалось около 15 тыс. членов[50].

В конце 1934 и в феврале 1935 г. КП Кубы дважды обращалась к «гитеристам» и левой группировке «АБЦ-радикаль», порвавшей связи с фашистскими силами, с предложением объединить действия против диктатуры. В ходе подготовки и проведения 700-тысячной всеобщей забастовки в марте 1935 г. такое единство было достигнуто, однако оно оказалось непрочным. Мелкобуржуазные революционеры-демократы вели себя непоследовательно и расходились с коммунистами по вопросам тактики. В результате единый фронт так и не сложился.

В значительной степени это объяснялось тем, что сама компартия, призывая к единству, продолжала отстаивать прежние сектантские взгляды. Второй съезд Коммунистической партии Кубы одобрил курс на непосредственное учреждение «Советов на местах». Партия призывала рабочих вводить свой контроль на предприя-

тиях, крестьян — захватывать силой землю, безработных — забирать в крупных магазинах все необходимое, занимать пустующие дома, угнетенных негров — бороться за «право на самоопределение на негритянской территории Ориенте», всех трудящихся — создать «группы самозащиты... в целях зарождения основ рабочей и крестьянской милиции», солдат и матросов — создавать комитеты в казармах, на кораблях и военных базах, всех эксплуатируемых и угнетенных — к борьбе «вплоть до образования местных Советов рабочих, крестьян и матросов!» [51].

Из документов II съезда отчетливо видно, что коммунистическая партия в общем взяла курс на вооруженную борьбу, создав даже нелегальную освободительную армию, но в отличие от «Молодой Кубы» ставила своей непосредственной задачей скорейшее установление Советской власти. Этот лозунг не соответствовал реальным возможностям и лишь оттолкнул вправо многих демократов, а тем более либерально-буржуазные круги. Попытки образовать прочный демократический фронт оказались тщетными.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЙ АЛЬЯНС И ВООРУЖЕННЫЕ ВОССТАНИЯ В БРАЗИЛИИ

В отличие от Кубы в Бразилии движение за создание Народного фронта с самого начала приобрело четкие организационные формы, когда же его деятельность была запрещена, демократические силы поднялись на вооруженное восстание, продолжая боевые традиции революционно-демократического движения тенентистов 20-х годов.

После «либеральной революции» 1930 г., в результате которой к власти пришло буржуазно-националистическое правительство Варгаса, вопрос о единстве всех трудящихся в связи с ростом фашистской тенденции приобрел первостепенное значение. При попустительстве правительства в 1932 г. путем слияния мелких групп была основана фашистско-националистическая партия — «бразильское интегралистское действие», — численность которой к 1933 г. выросла до 186 тыс. человек [52]. Разоренные в годы кризиса массы мелкой городской буржуазии — торговцы, ремесленники, люмпен-пролетарские слои — верили демагогическим выкрикам интегралистов, надеясь с их помощью улучшить свое материальное положение.

На Юге Бразилии (штаты Сан-Паулу, Санта-Катарина, Парана, Риу-Гранди-ду-Сул и др.) большую силу набрали фашистские отряды немецких и итальянских иммигрантов, регулярно получавших деньги из Европы. Многие из них имели оружие, в том числе пулеметы и гранаты.

Работа по мобилизации масс против фашистско-националистического движения была не из легких. Но в конце концов все же удалось объединить довольно широкие слои трудящихся. В 1933—1934 гг. благодаря активным действиям коммунистов в ряде городов страны прошли крупные антифашистские выступления. В 1934 г. в Сан-Паулу был создан единый блок 87 профсоюзов, по инициативе молодежных организаций проведена национальная конференция студентов-антифашистов. 23 августа 1934 г. в Рио-де-Жанейро открылся национальный антивоенный конгресс. Опасаясь, что антифашистское движение может привести к созданию единого демократического фронта, Ж. Варгас отдал приказ полиции разогнать конгресс.

Нараставшая угроза фашизации Бразилии вынудила прогрессивные силы принять ответные меры. Первым шагом послужило образование в сентябре 1934 г. народного комитета по расследованию, который объединил более 100 тыс. антифашистов. Постепенно складывались условия для образования Народного фронта. В январе 1935 г. возникли его первые ячейки, а 30 марта 1935 г. в Рио-де-Жанейро состоялось торжественное собрание 3 тыс. антифашистов, на котором был учрежден Национально-освободительный альянс. Он представлял собой коалицию ряда демократических партий и прогрессивных общественных организаций, выступавших за развитие антифашистского движения. Альянс получил поддержку патриотически настроенных офицеров и солдат бразильской армии. Руководящие позиции в Альянсе по праву занимали коммунисты и левые тенентисты. Почетным председателем был заочно избран ставший к этому времени коммунистом Луис Карлос Престес, который нелегально возвратился на родину после долгих лет изгнания.

В манифесте Национально-освободительного альянса, опубликованном 5 июля 1935 г., формулировались три основные задачи движения: 1) освобождение от диктата иностранного империализма, 2) уничтожение докапиталистических пережитков в аграрном секторе и расчищение пути для свободного и гармонического развития на-

циональной экономики, 3) завоевание подлинной демократии для народа. «Два лагеря вырисовываются все яснее и яснее,— говорилось в манифесте.— С одной стороны те, кто стремится насадить в Бразилии самую жестокую фашистскую диктатуру, уничтожить последние демократические права народа и завершить порабощение родины иностранным капиталом. Ударная террористическая бригада лагеря реакции — интегрализм. С другой стороны все те, кто в рядах Национально-освободительного альянса хочет всеми силами защищать национальное освобождение Бразилии, бороться за хлеб, землю и свободу для своего народа... Настоящее положение требует от каждого честного бразильца ясной и определенной позиции — за фашизм или против него, за империализм или против империализма. Середины нет и не может быть, ее нельзя оправдать»[53].

Важной вехой на пути укрепления революционного движения явился подготовленный и организованный коммунистами объединительный съезд профсоюзов (май 1935 г.), принявший решение о полной поддержке Национально-освободительного альянса и его платформы действий. За короткий срок, с марта по июль 1935 г., Альянс вырос в значительную политическую силу: в стране было создано свыше 1500 ячеек Народного фронта, которые действовали в 17 штатах, 300 городах и населенных пунктах. В их рядах объединялось более 1,5 млн активистов[54].

Успехи в деятельности Альянса посеяли среди многих его членов, особенно среди тенентистов, иллюзии относительно сравнительной легкости предстоящих боев. Среди левых тенентистов и многих коммунистов стала укрепляться идея о возможности немедленного вооруженного восстания. Это нашло свое отражение и в документах Бразильской коммунистической партии. В мае 1935 г. на пленуме ЦК БКП был официально одобрен лозунг «Вся власть Национально-освободительному альянсу!» и принято решение о «подготовке к вооруженной борьбе за власть с целью установления народного национально-революционного правительства».

Опасаясь быстрого роста левых сил, 12 июля 1935 г. президент Варгас подписал декрет о запрещении Альянса. По всей стране развернулась массовая кампания арестов и преследований демократических элементов. В этой обстановке руководители Альянса и БКП полагали, что произошел лишь «небольшой отход назад и приблизился час наступления». В докладе на VII конгрессе Коминтер-

на Г. Димитров, указав на то, что было положено правильное начало развитию единого антиимпериалистического фронта, настойчиво призывал «приложить все усилия к дальнейшему расширению этого фронта путем вовлечения в первую очередь многомиллионных масс крестьянства, ведя дело к созданию частей народно-революционной армии, до конца преданных революции, и к осуществлению власти национально-освободительного альянса»[55]. Вторая часть этой фразы, однако, была интерпретирована руководителями Альянса как одобрение курса на вооруженное восстание.

Несмотря на предупреждения Л. К. Престеса о том, что начинать восстание преждевременно, поскольку народ к вооруженной борьбе не готов, левые тенентисты и большинство ЦК БКП подталкивали патриотов к вооруженному выступлению. Путчистская линия встретила сочувственный отклик у патриотических элементов бразильской армии, искренне стремившихся по примеру 20-х годов развернуть военные действия против диктатуры.

Первыми выступили рабочие и революционные солдаты северо-восточных областей, где положение народа было особенно тяжелым. В конце ноября 1935 г. на крупнейшей железнодорожной магистрали северо-востока страны вспыхнула всеобщая забастовка. Войска, вызванные для усмирения бастовавших, отказались стрелять в рабочих и стали брататься с ними. В столице штата Риу-Гранди-ду-Норти (г. Натал) в ночь с 23-го на 24 ноября 1935 г. восстал 21-й пехотный батальон. Восставшие быстро овладели казармами, арестовали реакционных офицеров, овладели портом, телеграфом и вошли в город, где к ним присоединились рабочие, кустари, подмастерья и др.

Революционный комитет восставших организовал Народно-революционное правительство, взявшее власть в городе в свои руки и возглавившее вооруженную борьбу масс. Революционное правительство издало ряд важных декретов: о суровом наказании паникеров, о защите собственников продовольственных магазинов и запрещении под угрозой конфискации товаров прекращать торговлю продуктами, о национализации почты и банка, об охране революционного порядка и формировании рабочих дружин, об освобождении политических заключенных и т. д.

Деятельность Народно-революционного правительства г. Натала развертывалась в условиях постоянных сражений с правительственными войсками. Несмотря на

героическое сопротивление, 27 ноября революционное правительство пало, в город вошли контрреволюционные войска. Когда еще шли бои в Натале, в Ресифи, столице соседнего штата Пернамбуку, также вспыхнуло вооруженное восстание. 25 ноября против диктатуры выступили солдаты 29-го стрелкового батальона, к которым примкнули отряды рабочих и студентов. После кровопролитных боев, продолжавшихся почти сутки, правительственные войска сумели подавить восстание в Ресифи. Уже после поражения революции в Натале и Ресифи, с явным запозданием, 27 ноября 1935 г., в Рио-де-Жанейро также началось вооруженное восстание, но оно ограничилось лишь героическими действиями курсантов авиационной школы, артиллерийского училища и солдат 3-го пехотного полка. После кровопролитного боя восстание и здесь было подавлено.

Несмотря на разгром Национально-освободительного альянса и поражение ноябрьских восстаний, революционные бои 1935 г. явились крупной вехой в истории освободительного и рабочего движения в Бразилии и Латинской Америке в целом. Жертвы не были бесполезны. Революционные выступления в значительной мере содействовали разоблачению реакционной сущности интегрализма. Правительство Варгаса вынуждено было отказаться от планов фашизации Бразилии.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА В МЕКСИКЕ

Ситуация в Мексике существенно отличалась от положения в других странах Латинской Америки. Здесь в годы мирового экономического кризиса правительство Кальеса, стоявшее у власти с 1924 г. и первоначально проводившее буржуазно-националистическую и антилатифундистскую политику, перешло затем к открытому сотрудничеству с североамериканским империализмом, развернуло наступление на демократические силы. При этом диктаторский режим пытался опереться на правую профсоюзную бюрократию. Под ее контролем находилось подавляющее большинство профсоюзов.

Кальес одним из первых понял, что рассчитывать только на помощь правой профбюрократии недостаточно. Нужно во что бы то ни стало обеспечить политическое руководство массовым движением. С этой целью в начале 1929 г. правительство, ссылаясь на интересы

«мексиканской революции», создало национально-революционную партию (НРП). Это была политическая организация, в которую входили разные социальные силы: буржуазно-помещичьи группировки, представители мелкой городской буржуазии, интеллигенции, крестьянства, а также часть рабочего класса.

В июне 1929 г. была запрещена Мексиканская коммунистическая партия. В стране царил белый террор. Строгий правительственный контроль над профсоюзами, поощрение корпоративистских тенденций и активизация деятельности «рабочего отдела» НРП, с одной стороны, широкая социальная демагогия на тему о «перманентной мексиканской революции» и подготовке условий для «социализации средств производства и распределения» – с другой, дали националистическим группам буржуазии возможность увлечь за собой значительную часть рабочего класса. В этих условиях коммунистическая партия, оставаясь весьма малочисленной и действуя в подполье, встретила огромные трудности в борьбе за единство рабочего класса и создание антиимпериалистического фронта.

Положение изменилось лишь с избранием на пост президента в июле 1934 г. лидера прогрессивного крыла национально-революционной партии генерала Ласаро Карденаса. Политика нового правительства получила поддержку широких слоев населения благодаря своей антиимпериалистической и антиолигархической направленности. Коммунистическая партия с середины 1935 г. также стала оказывать поддержку прогрессивным реформам. При помощи президента в феврале 1936 г. была создана Конфедерация трудящихся Мексики (КТМ).

Сам Карденас неоднократно высказывался в пользу «социалистического будущего» Мексики, необходимости введения «рабочего самоуправления», выступал против эксплуатации и т. д. Его заявления отражали искреннее стремление мелкобуржуазного демократа-патриота к социально-экономическим и политическим преобразованиям. Реформаторская политика Карденаса не носила, конечно, социалистического характера, она ограничивалась сугубо антиимпериалистическими и антиолигархическими рамками, но это была прогрессивная и смелая политика, соответствовавшая коренным национальным интересам Мексики.

Особенно ярко прогрессивные черты в политике Карденаса проявились в том, что в начале 1936 г. правительство официально запретило деятельность фашистских

групп «золоторубашечников»; в мае 1938 г. национализировало железные дороги и передало их в ведение профсоюзов; развернуло кампанию по созданию рабочих и крестьянских кооперативов; начало активно проводить аграрную реформу, наделив землей почти миллион крестьянских семей; национализировало нефтяную промышленность; провело глубокое преобразование в системе школьного образования и воспитания; приняло меры по ограничению власти реакционных церковников; активно выступило в поддержку республиканской Испании и т. д.[56]

Все эти действия Карденаса открывали уникальную возможность объединения демократических сил страны не против, а в союзе с самим правительством. В 1935 г. коммунисты и прогрессивные профсоюзы начали кампанию по созданию такой демократической коалиции. Несмотря на то что условия для образования Народного фронта складывались благоприятно, добиться его создания так и не удалось. В сентябре 1936 г. буржуазно-националистическое руководство НРП, стремясь укрепить свои позиции, высказалось за единство действий, но только в рамках самой правящей партии, которая с этой целью провозгласила политику «открытых дверей» для рабочих и крестьян. Проводя эту линию, в марте 1938 г. НРП была преобразована в Партию мексиканской революции (ПМР), которая провозгласила своей целью борьбу за демократию и освобождение от империалистического господства.

Такая позиция правительства и Партии мексиканской революции позволила им захватить инициативу в свои руки. По существу ПМР ориентировалась на то, чтобы взять на себя роль руководителя мексиканского народного фронта. Все его участники сохраняли свою политическую и организационную самостоятельность, но в то же время должны были действовать в рамках коллективного членства в ПМР.

В этих условиях перед коммунистами встал вопрос: вступать или не вступать в ряды такого своеобразного фронта? Генеральный секретарь Мексиканской коммунистической партии Эрнан Лаборде и большинство членов ЦК, следуя решениям VII конгресса Коминтерна и преодолев сопротивление сектантов, настояли на том, чтобы войти в состав ПМР. «Положение в Мексике, — говорил Лаборде, — отлично от положения в Испании и Франции. В этих странах распыленные в многочисленных политических партиях демократические силы стоят перед лицом

объединенной реакции, угрожающей захватом власти. В Мексике национально-революционная партия находится у власти и пользуется поддержкой всех народных организаций... При таких условиях народный фронт возможен лишь внутри национально-революционной партии, т. е. путем вхождения в НРП МКТ (Конфедерации мексиканских трудящихся. — *Б. К.*), крестьянской федерации, коммунистической партии и всех организаций, согласных принять общую программу»[57].

Особенность ситуации в Мексике состояла в том, что здесь не Народный фронт послужил базой для создания прогрессивного правительства, а демократическая и антиимпериалистическая политика правительства Кардenaса способствовала возникновению специфической формы Народного фронта. Этот фронт не был организационно оформлен, скорее он означал лишь совпадение позиций ряда политических организаций, профсоюзов, демократических ассоциаций, основной части офицерского корпуса. В этих условиях отказаться от вхождения в правящую партию на правах коллективного члена означало бы остаться в стороне от всего демократического движения.

Президиум ИККИ одобрил решение компартии поддержать политику Кардenaса и войти в состав ПМР. Партия мексиканской революции, подчеркивал Г. Димитров в выступлении 9 августа 1938 г. на комиссии Президиума ИККИ, может явиться новой формой Народного фронта, если она «станет действительным блоком всех партий и организаций мексиканского народа, стоящих на базе национально-революционного режима»[58]. Одновременно он подчеркнул необходимость полного сохранения компартией своей самостоятельности в идеологической и организационной областях, недопущения хвостизма и пассивности, предостерег от опасности смешаться с мелкобуржуазной демократией и политической линией Кардenaса.

Ситуацию в Мексике в известной мере можно сравнить с положением в Англии, где в 1936—1937 гг. перед коммунистами также встал вопрос о вступлении в качестве коллективного члена в лейбористскую партию. Коминтерн, развивая ленинскую тактику, высказался именно за такое решение вопроса, рассчитывая, как говорил Г. Димитров, что «в перспективе это будет народный фронт...»[59].

Подобная ситуация реально сложилась в Мексике. Однако в отличие от лейбористов Кардenас проводил более прогрессивную политику. Правда, поскольку в ан-

тиимпериалистическом движении в Мексике участвовала также и национальная буржуазия, постольку в политике ПМР присутствовал и элемент буржуазно-националистического гегемонизма, выразившийся в стремлении полностью контролировать «сверху» все формы массового движения. Подобная проблема существовала во всех странах, где развивалось антиимпериалистическое народное движение.

Партия мексиканской революции в 1940 г. объединила в своих рядах около 4 млн человек, в том числе 1,2 млн членов различных профсоюзов, т. е. рабочих и служащих, 2,5 млн крестьян, 55 тыс. солдат и офицеров и 500 тыс. членов молодежных, женских и кооперативных организаций[60]. Таким образом, это была подлинно массовая организация. Компартия формально не вошла в состав ПМР, но фактически сотрудничала с нею.

После ухода Карденаса с поста президента в 1940 г. интересный и поучительный опыт развития движения Народного фронта в Мексике оказался прерван. Но все эти усилия не пропали даром: они вошли в общую сокровищницу опыта международного революционного движения, способствовали проведению в Мексике ряда необратимых социально-экономических преобразований демократического и антиимпериалистического содержания, спасли страну от закабаления империализмом, обеспечили дальнейший прогресс мексиканского общества.

ПОБЕДА НАРОДНОГО ФРОНТА В ЧИЛИ

Опыт борьбы за Народный фронт в Чили в 30-х годах, где благодаря многолетней борьбе коммунистической партии и других демократических организаций в 1938 г. впервые в истории Латинской Америки удалось создать подлинно прогрессивное правительство, имеет особое значение.

Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в годы борьбы против реакционной диктатуры К. Ибаньеса (1927—1931), а затем в период 12-дневного существования так называемой Социалистической республики (июнь 1932 г.), когда власть в результате переворота взяла в свои руки мелкобуржуазная военно-гражданская хунта, провозгласившая своей целью создание «государственного социализма».

Компартия скептически отнеслась к режиму «Социалистической республики», но, справедливо критикуя его мелкобуржуазную сущность, к определению собственной

программы подходила сектантски. Она не учитывала реальную расстановку классовых сил в стране и считала своей главной задачей немедленное установление социализма и рабоче-крестьянской диктатуры в форме Советов.

В результате такой политики параллельно с провозглашением «Социалистической республики» в Сантьяго был сформирован Революционный совет рабочих, солдат и крестьян во главе с Председателем Коммунистической партии Чили Элиасом Лаферте. Аналогичные советы были созданы и в других городах. Демократические силы оказались раздробленными. А поскольку Революционный совет потребовал от хунты немедленно вооружить рабочих, отношения между этими двумя органами сразу же и существенно обострились.

Запугивая массы ростом «коммунистической угрозы», местная реакция в союзе с иностранным империализмом свергла «Социалистическую республику» и обрушила свой главный удар на коммунистов. В стране был установлен диктаторский режим, который возглавил бывший член хунты К. Давила, который взял на себя роль чилийского Кавеньяка. В течение 100 дней в стране свирепствовал кровавый террор. Многие коммунисты и демократы были брошены в тюрьмы, забастовки жестоко подавлялись, демократически настроенные офицеры изгонялись из армии, митинги и собрания были запрещены, многие профсоюзы разогнаны. При поддержке правительства пышным цветом расцвели военизированные антикоммунистические банды. Наряду с ними в стране стали быстро набирать силу группировки прогерманской ориентации, которые создали свои штурмовые отряды.

В этой обстановке в 1934—1935 гг. по инициативе самих трудящихся стали создаваться местные комитеты антифашистского Сопротивления, в конгрессе сложился левый блок в составе группы депутатов социалистов, демократов и радикал-социалистов. В апреле 1935 г. левый блок в знак протеста против реакционной политики правительства вышел из конгресса.

Движение Народного фронта, к которому присоединились профсоюзы, крестьянские, молодежные организации, приобрело еще больший размах. Начали складываться и его организационные формы. ЦК КПЧ в августе 1935 г. обратился с манифестом о создании единого фронта для защиты мира, демократии и независимости.

В феврале 1936 г. компартия совместно с левыми ра-

дикалами согласовала общую программу борьбы. Решение присоединиться к платформе единого фронта приняли также социалистическая, радикально-социалистическая и демократическая партии, Конфедерация трудящихся Чили, многие региональные и местные антифашистские организации.

Социальный состав единого фронта был самым широким. В него входили рабочие, крестьяне, мелкая городская буржуазия, служащие, интеллигенция, студенчество, либеральные слои национальной буржуазии, демократически настроенное офицерство — одним словом, все слои и группы общества, выступавшие в защиту демократии, прогресса и независимости страны.

В итоге расстановка классовых и политических сил четко определилась: по одну сторону — антиимпериалистическая, антифашистская коалиция, по другую — блок реакции и империализма. От исхода борьбы зависело решение вопроса, пойдет ли страна по пути фашизации или же народ сумеет отстоять и расширить демократию.

Первая открытая схватка произошла в ходе парламентских выборов в марте 1937 г., в результате которой Народный фронт получил 65 мест в палате депутатов и 18 мест в сенате. Хотя правые партии завоевали большее число мест (соответственно 82 и 27), налицо был крупный успех левых сил.

Второй бой состоялся на муниципальных выборах в апреле 1938 г. Народный фронт сумел добиться нового успеха, получив большинство почти во всех провинциях, за исключением нескольких наиболее отсталых в политическом отношении районов, где помещики сохраняли свое господство. Около 500 представителей Народного фронта стали депутатами муниципальных органов власти, в том числе 60 мест советников получили коммунисты.

Основной задачей КПЧ на этом этапе стало укрепление единства с социалистами, которые пользовались большим авторитетом в народе. Пленум ЦК КПЧ (январь 1938 г.) подчеркнул, что в прочном единстве «заинтересованы не только эти партии, но и весь рабочий класс, весь Народный фронт. Расширение Народного фронта — это вопрос жизни или смерти, и ответственность за это ложится главным образом на коммунистов и социалистов... так как угроза фашизма становится все более очевидной»[61].

Третья и решающая схватка произошла в связи с выборами президента в октябре 1938 г., на которых канди-

дат партий Народного фронта, левый радикал Агирре Серда, собрал большинство голосов.

Путь к этой победе был нелегок. Пришлось преодолеть немало трудностей, научиться идти на компромиссы, налаживать политическое сотрудничество с теми, кто стоял на иных или даже противоположных позициях, находить приемлемые формулы и решения ради главной цели — достижения единства демократических сил. Единство, конечно, носило не абсолютный, а относительный характер. Народный фронт не был застрахован от противоречий и кризисов, которые могли возникнуть в зависимости от изменений экономической и политической ситуации в стране.

Многое определялось, конечно, политикой правительства, но оно находилось в крайне сложном положении, поскольку было вынуждено учитывать пожелания и требования всех партий и группировок, входивших в Народный фронт. Коммунистическая партия решила воздержаться от своего участия в правительстве, но постоянно оказывала ему максимальную поддержку.

Создание правительства Народного фронта явилось крупным политическим успехом прогрессивных сил Чили. Был нанесен серьезный удар по позициям чилийской реакции и иностранного империализма. Расчеты реакции на установление военно-фашистской диктатуры провалились. Однако рабочий класс Чили не играл еще руководящей роли в революции, ибо ведущие позиции принадлежали мелкобуржуазным и буржуазно-либеральным антиимпериалистическим течениям. В этом заключалась слабость фронта.

За короткий срок своего существования (1938 — 1941 гг.) правительству Народного фронта удалось улучшить материальное положение трудящихся, разгромить фашистское движение и предотвратить развязывание гражданской войны, провести ряд антиимпериалистических мероприятий. Если бы не сопротивление со стороны буржуазной реакции, то можно было бы сделать гораздо больше.

В январе 1941 г. правое крыло социалистической партии во главе с О. Шнаке настояло на выходе социалистов из Народного фронта, а затем и из правительства. Вслед за ними также поступила и радикальная партия, которая отказалась сотрудничать с коммунистами. Однако левые силы и широкие слои трудящихся не отказались от идеи Народного фронта. Поэтому спустя год коммунисты договорились с радикалами, социалистами и другими груп-

пировками о воссоздании единства на более широкой основе – в форме Демократического альянса.

На выборах в феврале 1942 г. Демократический альянс получил большинство голосов, но вскоре радикалы вновь нарушили соглашение. Разногласия между участниками Демократического альянса опять обострились, и в конечном счете, несмотря на совместные выступления в годы войны против фашизма, подлинное единство и доверие были утрачены.

На X съезде КПЧ в связи с этим отмечалось, что в период существования единого фронта «плохо было не то, что рабочий класс выступал в союзе с буржуазией, а то, что мы, социалисты и коммунисты, выступали разрозненно, а иногда между нами возникала настоящая братоубийственная война. Плохое было в том, что мы совершали ошибку, впадая в иллюзии насчет буржуазии... в том, что, руководя рабочим классом, мы не сумели превратить его в гегемона народного движения; в том, что мы не добились союза рабочего класса и крестьянства с тем, чтобы заставить буржуазию последовательно выполнять программу Народного фронта»[62].

Лишь в годы нового подъема демократического движения после разгрома фашизма сложились необходимые условия для возобновления политического сотрудничества левых сил. Благодаря возросшему влиянию компартии в массах в 1946–1947 гг. коммунисты получили ряд министерских постов в составе правительства Гонсалеса Виделы. Однако наступление реакции и начало «холодной войны» привели к изгнанию коммунистов из правительства и конгресса, а затем и к запрещению деятельности компартии вообще. Опыт 30-х годов тем не менее не прошел даром. Идея единства демократических сил пустила глубокие корни и на новом этапе истории привела к победе блока Народного единства в 1970 г.

* * *

Если сопоставить опыт европейских и латиноамериканских стран, то можно выделить следующие моменты.

Налицо определенная типологическая разница в проведении стратегии Народного фронта – антифашистская коалиция левых сил (Германия, Франция, Австрия, Испания, Бразилия), антиимпериалистическая коалиция демократических сил (все страны Латинской Америки), антидиктаторская коалиция всех прогрессивных и либеральных сил (Уругвай, Куба).

В большинстве случаев дело не дошло до гражданской войны, хотя во всех странах с обеих сторон широко применялись насильственные методы борьбы. Реакция постоянно прибегала к самому грубому насилию, порождая аналогичный ответ (Италия, Германия, Австрия, Аргентина, Уругвай, Куба, Бразилия).

В Европе в авангарде антифашистского Сопротивления выступали рабочий класс и коммунистические партии. Это открывало определенные возможности (они реализовались в будущем) для перерастания антифашистской борьбы в социально-демократическую революцию.

В отдельных случаях (Мексика, Испания) антиимпериалистическое движение развивалось в союзе с демократическим правительством, в большинстве стран массы прямо противостояли правительствам, которые действовали заодно с фашистскими силами или прямо выражали их интересы.

Во всех странах обнаружилось крайне непоследовательное, а подчас и просто трусливое поведение буржуазно-либеральных и мелкобуржуазных участников антифашистской борьбы, лишь в отдельных случаях мелкобуржуазная демократия вела себя действительно героически и по-революционному (Бразилия, Куба).

Повсюду самым слабым звеном являлась пассивность крестьянских масс, задавленных кризисом и запуганных реакцией.

В каждом регионе и стране действовала своя особая взаимосвязь между освободительно-национальными (антиимпериалистическими) и социально-демократическими (антифашистскими и антидиктаторскими) целями борьбы. Народный фронт был призван учитывать оба обстоятельства, с тем чтобы получить активную поддержку самых широких масс. Сделать это оказалось крайне не просто. Многие коммунистические партии не смогли вовремя выдвинуть промежуточные цели, что мешало мобилизации трудящихся. Лозунги немедленного установления Советской власти вели к принижению значения антиимпериалистических и антифашистских задач борьбы. Такая линия нанесла немалый ущерб. И напротив, там, где промежуточные цели были оценены правильно, там левые силы добились успехов (Франция, Мексика, Чили).

Все эти исторические уроки не утратили своей ценности, поскольку в настоящее время снова приобретает актуальность борьба против правой неоконсервативной опасности, против фашистских и неофашистских тенден-

ций. И снова, как и прежде, главным рычагом в успешном противодействии наступлению реакции становится единство демократических сил.

ЗА ЕДИНЫЙ МИРОВОЙ АНТИВОЕННЫЙ ФРОНТ

Особое, можно сказать, бесценное значение приобретает в современных условиях опыт антивоенных действий Коминтерна. Опираясь на глубокие традиции пролетарского антимилитаризма и особенно на опыт большевиков, коммунисты в 30-х годах предприняли беспрецедентные усилия по созданию всемирного антивоенного фронта.

Основы пролетарского антимилитаризма были заложены еще в документах чартистского движения. Чартисты выступали против войн, которые несут трудящимся лишь огромные бедствия, смерть и страдание.

С особой четкостью антивоенные интересы пролетариата сформулировал К. Маркс в Учредительном манифесте I Интернационала в сентябре 1864 г. Чтобы перестроить международную жизнь, рабочему классу, писал К. Маркс, необходимо «самому овладеть тайнами международной политики... добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости... стали высшими законами и в отношениях между народами. Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса»[63].

Двуединая задача исторической миссии пролетариата явилась для коммунистов само собой разумеющимся категорическим императивом. И хотя в борьбе против войны всегда участвовали самые различные силы, именно рабочий класс впервые связал борьбу за мир с задачей революционного преобразования общества. Не случайно эти цели ставили парижские коммунары, большевики в годы русско-японской войны и революции 1905—1907 гг., все рабочие-интернационалисты в период первой мировой войны, а затем в годы борьбы против фашизма.

В августе 1914 г. В. И. Ленин отмечал: «Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны»[64].

В этой оценке особое значение имел тот акцент, который В. И. Ленин делал на целях военной империалистической политики в отношении рабочего движения: «одурачить» массы, «разъединить и перебить пролетариев всех стран» и в конечном счете раз и навсегда «пресечь» революционное движение. Эту цель преследовал и фашизм, стремясь с помощью войны уничтожить социализм и установить свой «новый порядок» во всем мире.

Уже в решениях I пленума Исполкома Коминтерна поэтому была поставлена четкая цель – «идеологически и организационно подготовлять самую решительную революционную классовую борьбу для предупреждения войн»[65]. К сожалению, из-за позиций, занятых правыми социал-демократами, и сектантских ошибок самих коммунистов наладить сотрудничество разных отрядов рабочего класса по вопросам войны и мира в ту пору не удалось.

Одним из главных препятствий на пути к единому антивоенному фронту в мировом масштабе являлись разногласия между двумя ведущими политическими течениями антивоенного характера – коммунистическим и пацифистским. В самом главном и основном позиции коммунистов и пацифистов не расходились: и те, и другие, хотя и по разным причинам, на первое место в иерархии ценностей ставили жизнь человека, его счастье, его мирный труд.

Но между ними всегда было и есть немалое различие. Коммунисты в отличие от пацифистов признают допустимость и прогрессивность справедливых, освободительных войн, но в конечном счете их идеалом является мир, и только мир. «Разоружение есть идеал социализма»[66], – писал В. И. Ленин еще в 1916 г.

В. И. Ленин и большевики, ведя идеологическую борьбу с пацифизмом, всегда признавали его важную функцию, особенно массовых форм пацифизма, активно выступали за деловое сотрудничество с пацифистами на пользу мира.

Если оценить основные этапы развития отношений между коммунистами и пацифистами, то, по-видимому, можно выделить два крупных этапа.

Первый – годы первой мировой войны, когда по сути дела и возникла сама проблема взаимоотношений коммунистов (тогда это были большевики и революционно-интернационалистские элементы II Интернационала) и пацифистов, которые действовали как в рядах рабочего

движения, в том числе в партиях II Интернационала, так и особенно среди всякого рода мелкобуржуазных и либерально-буржуазных партий, в демократических массовых организациях, в профсоюзах и т. д. Это был период острой идейно-политической борьбы коммунистов против социал-шовинистических и социал-пацифистских тенденций в рабочем движении, период политического самоопределения международного коммунистического движения.

На втором этапе, который начался после победы Великой Октябрьской социалистической революции и продолжался до VII конгресса Коминтерна, сотрудничество пацифистов и коммунистов также не достигло нужного масштаба. Пацифистские течения и организации не поддерживали деловых контактов с коммунистами, а в ряде случаев даже занимали антикоммунистические позиции. Идейные различия представлялись неким абсолютным барьером на пути сотрудничества. Эта слабость обнаружилась особенно отчетливо накануне второй мировой войны. VII конгресс Коминтерна восстановил ленинские принципы отношения к пацифизму: сохранил принципиальный подход к его оценке и вместе с тем дал четкие ориентиры, призвав к боевому сотрудничеству со всеми пацифистскими течениями в борьбе против угрозы войны.

В. И. Ленин, критикуя пацифистов, неоднократно подчеркивал, что реальная борьба за мир состоит не в повторении пустых и сладеньких фраз об аморальности насилия, «на деле только прикрашивающих империалистскую скверну»[67], а в раскрытии правды о капитализме, чтобы в пропаганде и агитации «разъяснять массам непримиримое различие между социализмом и капитализмом (империализмом), а не для того, чтобы *примирять* два враждебных класса и две враждебные политики...»[68].

Эти слова были сказаны задолго до победы Октябрьской революции, поэтому под социализмом здесь подразумевается революционное рабочее движение. Большевики и все марксисты с самых первых дней войны 1914—1918 гг. ясно и открыто отмежевались от всех немарксистских, непролетарских, нереволюционных течений в международном рабочем движении. Такова была, говоря кратко, критическая сторона ленинской позиции в отношении к тогдашним пацифистам. Однако была и другая — позитивная сторона ленинской оценки пацифизма, особенно пацифизма массового, стихийного, на-

родного. Критикуя пацифистов с точки зрения идейно-теоретической и политической, большевики всегда признавали их полезную работу по разоблачению империалистической войны, ее ужасов и разрушений, ее аморальности, антигуманности и т. п.

В. И. Ленин подчеркивал, что пацифисты, несмотря на все свои слабости, тем не менее заслуживают «признательности за искреннее сочувствие демократизму», за отказ от шовинизма и т. д.[69] Этот аспект имеет, конечно, важное политическое значение. «Когда левые начинали объединяться под лозунгом мир,— писал В. И. Ленин в 1915 г.,— это можно было поощрять, *если* в этом выражался *первый шаг* протеста против шовинистов,— как темный русский рабочий в гапонаде выражал робкий протест против царя»[70].

Именно этот первый шаг протеста и ценили большевики в массовом пацифистском движении, не уставая, однако, напоминать, что это лишь первый шаг и сознательный пролетариат не может им ограничиться, а обязан смело и сознательно идти вперед, на революционную борьбу против капитализма.

Значит ли конечное требование революционного низвержения капитализма, что «социалисты могут равнодушно относиться к требованию мира все более и более широкими массами? Отнюдь нет. Одно дело — лозунги социального авангарда рабочих, другое дело — стихийные требования масс. Стремление к миру,— подчеркивал В. И. Ленин,— есть один из важнейших *симптомов* начинающегося *разочарования* в буржуазной лжи насчет «освободительных» целей войны, насчет «защиты отечества» и прочих обманов черни классом капиталистов. К этому симптому социалисты должны относиться с величайшим вниманием. Все усилия надо направить на то, чтобы *использовать* настроение масс в пользу мира»[71].

Здесь особое внимание привлекает мысль В. И. Ленина о роли массового стихийного стремления к миру. Эта идея была в общей форме высказана В. И. Лениным в 1915 г., но спустя два года в России после февральской революции 1917 г. сложилась именно такая ситуация, когда стихийный народный пацифизм завоевал доминирующие позиции. Добросовестное, или революционное, оборончество стало самым массовым и непреодолимым явлением.

В этих условиях В. И. Ленин и большевики пошли на смелый пересмотр политических лозунгов с целью максимального использования колоссальной

энергии массового пацифизма в интересах углубления революции.

Уже после победы Октябрьской революции В. И. Ленин в беседе с группой делегатов III конгресса Коминтерна так объяснял смысл большевистской политики в отношении пацифизма низов: «В начале войны мы, большевики, придерживались только одного лозунга — гражданская война и притом беспощадная. Мы клеймили как предателя каждого, кто не выступал за гражданскую войну. Но когда мы в марте 1917 г. вернулись в Россию, мы совершенно изменили свою позицию. Когда мы вернулись в Россию... мы не могли этих простых рабочих и крестьян называть негодяями и предателями. Мы охарактеризовали это как «добросовестное оборончество»... Наша первоначальная позиция в начале войны была правильной, тогда важно было создать определенное, решительное ядро. Наша последующая позиция была также правильной. Она исходила из того, что нужно было завоевать массы» [72].

Таким образом, линия В. И. Ленина и большевиков в отношении к пацифизму всегда учитывала две — и отрицательную, и положительную — его стороны. Кроме того, постоянно проводилось принципиальное различие между социал-пацифизмом оппортунистических вождей европейского рабочего движения и стихийным пацифизмом самих масс, в том числе значительной части пролетариата.

Общий смысл взаимоотношений коммунистов и пацифистов был выражен В. И. Лениным в его краткой записке Г. В. Чичерину от 16 февраля 1922 г.: «С пацифизмом и Вы и я,— пишет В. И. Ленин,— боролись как с программой революционной пролетарской партии. Это ясно. Но где, кто, когда отрицал использование пацифистов этой партией для разложения врага, буржуазии?» [73] Иными словами, В. И. Ленин стремился оградить революционную партию и сознательный пролетариат от мелкобуржуазной идеологии. С другой стороны, В. И. Ленин видел в пацифистах союзников в борьбе против империализма и колониализма.

Для молодой Советской республики мир был жизненно необходим, а это значило, что все формы пацифизма объективно способствовали этой цели. Такие контакты были особенно нужны в 30-х годах в условиях быстрого нарастания военной опасности. Без взаимопонимания с пацифистами коммунистам было просто невозможно укрепить связи с массами.

К сожалению, диалектическая линия В. И. Ленина по проблемам пацифизма в XX в. долгие годы упрощалась в Коминтерне в левокоммунистическом духе. Бралась за основу лишь одна критическая сторона, и отбрасывалась всякая возможность компромисса с пацифистскими движениями, причем часто из-за самых искренних, самых честных побуждений не дать «одурачить» массы всякого рода миролюбивыми словесами, порождающими пассивность, надежду на моральное перевоспитание буржуазии и т. п.

Так или иначе во всех более или менее важных документах Коминтерна и ИККИ повторялась крайне негативная интерпретация пацифизма. Тезисы I расширенного пленума ИККИ (февраль—март 1922 г.) указывали: «Буржуазный пацифизм и антимилитаризм... может приобрести практическое значение. Торжество его было бы последней попыткой спасения капитализма...» [74]

В манифесте «К мировому пролетариату», принятом V конгрессом Коминтерна (июнь—июль 1924 г.), подтверждалось: «Главным полем действия пацифистов является ныне борьба против революции и, в частности, против Красной армии» [75].

В тезисах VIII пленума ИККИ (май 1927 г.) впервые наметился определенный сдвиг и давалась дифференцированная оценка пацифизма, но общий смысл оставался тот же: «В обстановке усиленных подготовлений к империалистическим войнам разговоры буржуазных правительств и мелкобуржуазных пацифистов о разоружении являются величайшим лицемерием и издевательством... рабочие готовы искренно бороться против войны, но они, обманываемые социал-демократией, не видят еще ясных путей, не чувствуют еще твердой революционной почвы под ногами. В этом лежит источник туманного «пацифизма», пацифизма чувства, которым болеет еще рабочий класс. Этот пацифизм не имеет ничего общего с сознательным обманом буржуазных пацифистов, попов и других шарлатанов, задача которых заключается в приглаживании и скрашивании острых углов капиталистического общества. Между этими двумя видами пацифизма нужно делать различие» [76].

В этом документе уже более реалистично оценивались пацифистские тенденции и, главное, правильно выделялась роль стихийной тяги масс к миру и разоружению, хотя эта здоровая тенденция рассматривалась по-прежнему как «болезнь», как свидетельство политической незрелости рабочего класса.

В тезисах VI конгресса Коминтерна (июль—сентябрь 1928 г.) был сделан дальнейший шаг вперед в правильном направлении: «Борьба коммунистов против империалистической войны коренным образом отличается от «борьбы против войны» пацифистов всех оттенков. Коммунисты не отделяют борьбы против войны от классовой борьбы, рассматривая ее как часть общеклассовой борьбы пролетариата, направленной к свержению буржуазии»[77]. Тут же указывалось на необходимость проводить разницу в оценке различных течений пацифизма и выделялись такие его виды: 1) «официальный пацифизм» буржуазных правительств, 2) «пацифизм II Интернационала... являющийся лишь ответвлением официального правительственного пацифизма», 3) «радикальный» или «революционный» пацифизм отдельных лидеров «левого» социализма и тред-юнионизма, 4) «полурелигиозный пацифизм», 5) «кооперативный пацифизм».

Эта классификация имела определенный смысл, хотя оценка отдельных видов пацифизма была односторонней. Таким образом, в документах VI конгресса Коминтерна содержатся разные оценки пацифизма, что отражало острую борьбу мнений по проблемам войны и мира в международном коммунистическом движении. В целом все же доминировала негативная характеристика пацифизма. Это находилось в полном соответствии с отрицательным отношением к социал-демократии. И пацифизм, и социал-демократия рассматривались не как возможные союзники, а как идеологические и политические противники в борьбе за массы.

Такая линия доминировала вплоть до VII конгресса, когда наконец была исправлена односторонняя оценка пацифизма и было четко указано на необходимость создания широчайшего антивоенного фронта. «В ряды этого единого фронта должны быть вовлечены все те, кто заинтересован в сохранении мира... Вовлечение пацифистских организаций и их сторонников в ряды единого фронта борьбы за мир приобретает большое значение в деле мобилизации против войны мелкобуржуазных масс, прогрессивной интеллигенции, женщин и молодежи. Постоянно подвергая разъяснительной критике ошибочные взгляды добросовестных пацифистов, энергично борясь против тех пацифистов, которые своей политикой маскируют подготовку империалистической войны германскими фашистами... коммунисты должны привлекать к сотрудничеству все пацифистские организации, готовые

пройти с ними хоть часть пути подлинной борьбы против империалистических войн»[78].

В докладе П. Тольятти (Эрколи) на VII конгрессе Коминтерна «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны» был дан реалистический анализ допущенных ошибок в отношении некоммунистических миролюбивых течений и подчеркнута мысль о самой острой необходимости союза со всеми пацифистскими элементами, как бы они ни относились к Коминтерну, СССР и делу революции, и выдвинут тезис о необходимости отказа от всяких попыток «коммунизировать» пацифистские организации, вести терпеливую разъяснительную работу среди «добросовестных пацифистов», пропагандировать «наши правильные, ленинские позиции в вопросе антивоенной борьбы»[79].

В соответствии с курсом VII конгресса Исполком Коминтерна 25 сентября 1935 г. обратился к Социалистическому рабочему интернационалу с предложением объединить усилия в борьбе против военной опасности. Ряд социалистических партий откликнулись положительно на этот призыв, но Исполком Социнтерна 12 октября отклонил предложение Коминтерна, видя в нем лишь маневр в борьбе за массы. Но и после этого Коминтерн неоднократно обращался с аналогичными предложениями. К сожалению, все они отклонялись. Антикоммунистические предубеждения и согласие с буржуазной политикой «умиротворения» фашистских агрессоров оказались непреодолимым препятствием к сотрудничеству с коммунистами. Противоречия в лагере антифашистских сил, особенно в европейском рабочем движении, играли на руку Гитлеру.

Хотя прогрессивным и миролюбивым силам не удалось предотвратить вторую мировую войну, опыт антивоенной борьбы в 30-х годах оказался очень полезным, особенно для развития движения Сопротивления. В тех странах, где еще до войны было установлено сотрудничество коммунистов, пацифистов и антифашистов, движение Сопротивления приняло подлинно народный характер. Оно воплотило в себе как освободительно-патриотические, так и социально-демократические устремления масс. Вначале решающую роль играл первый фактор. К концу войны первостепенное значение приобрели социальные моменты, в результате чего антифашистская освободительная борьба переросла в целой группе стран в народно-демократические революции.

Глава пятая

АНТИФАШИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ 40-х ГОДОВ

Всемирно-исторический процесс социального освобождения, начатый Великим Октябрем, ознаменовался после разгрома германского фашизма и японского милитаризма свержением власти эксплуататоров в ряде стран – в Европе, Азии, а затем и в Америке. Социализм, первоначально ставший действительностью в нашей стране, превратился в мировую систему.

Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция

Вторая мировая война, развязанная гитлеровской Германией при попустительстве так называемых демократических держав (США, Англии, Франции), закончилась совсем не так, как хотели ее инициаторы. Вместо «нового порядка», которым фашизм намеревался подчинить себе весь мир, агрессор в ходе мощных боевых действий антигитлеровской коалиции, и прежде всего Советского Союза, потерпел поражение. Большой вклад в спасение мировой цивилизации, в победу внесли народы многих стран мира. Освободительная война народов переплелась и даже слилась с борьбой самых передовых сил, в первую очередь рабочего класса, за подлинное народовластие, за демократию и социализм.

Сейчас, полвека спустя, не просто представить себе ту сложность, запутанность и трагизм ситуации, в которой прогрессивные силы боролись против фашизма и войны. В конце 30-х годов политическая обстановка в Европе была крайне напряженной и противоречивой. Одновременно развивалось несколько процессов: 1) быстро углублялись межимпериалистические противоречия и нарастала угроза войны и фашистской агрессии, что стимулировало процесс сплочения всех классов и слоев, стоявших на позициях защиты национальной независимости; 2) усиливалась тенденция к фашизации существовавших буржуазных режимов, а это приводило к поляризации политических сил; 3) нарастал классовый антагонизм ме-

жду трудом и капиталом, что толкало буржуазию к отказу от патриотического сотрудничества; 4) укреплялись позиции коммунистов, с одной стороны, вселяя тревогу в ряды правой социал-демократии, а с другой — открывая новые возможности для сотрудничества с коммунистами; 5) шла напряженная идейно-политическая перестройка самого коммунистического движения в духе решений VII конгресса Коминтерна.

КОММУНИСТЫ И АНТИФАШИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Коммунистические партии ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы накануне войны оказались в тяжелом положении. Почти повсюду (кроме Чехословакии до ее оккупации в марте 1939 г.) коммунисты работали в подполье.

Немалые трудности переживали коммунистические партии и потому, что они должны были решительно перестраивать свою работу в соответствии с новыми международными условиями. Коммунисты всюду пытались добиться единства действий с антифашистскими и антивоенными силами, но действовали не всегда последовательно. По-прежнему неохотно на сотрудничество шли социал-демократические организации и профсоюзы.

В Югославии, например, компартия еще в 1935 г. выдвинула идею создания Фронта народной свободы для борьбы с диктатурой. В марте 1938 г. коммунисты еще раз обратились ко всем патриотам с призывом организовать союз «За мир, независимость и свободу». Речь шла уже о борьбе за создание правительства Народного единения и обороны. Одновременно по инициативе коммунистов, действующих в подполье, стали создаваться ячейки легальной Партии трудового народа.

Одной из первых лозунг национального фронта провозгласила также Компартия Чехословакии. Еще в апреле 1936 г. на VII съезде КПЧ К. Готвальд подчеркнул, что позиция коммунистов является «позицией защиты Чехословакии против Гитлера, защиты Чехословакии против фашизма» [1]. Патриотическая линия КПЧ встретила горячую поддержку демократических сил.

Коммунисты Югославии, Чехословакии, Румынии, Польши, Болгарии, Греции, Венгрии предпринимали в эти годы активные действия с целью объединения рабочих профсоюзов. И это было правильно, ибо без под-

держки профсоюзной массы нельзя думать о едином рабочем и антифашистском фронте.

Наибольшие успехи в этом отношении были достигнуты в Болгарии. В июле 1936 г. коммунисты подписали соглашение о сотрудничестве с социал-демократической партией в борьбе против монархо-фашистской диктатуры. Все профсоюзы вошли в объединенный центр — Болгарский рабочий союз[2]. Некоторых успехов удалось достигнуть и в Румынии, особенно на уровне низов. Но все это были успехи относительные. В Польше и Венгрии усилия коммунистов по формированию рабочего фронта не дали результата, ибо наталкивались на враждебность социал-демократических лидеров, которые чуть ли не открыто сотрудничали с реакционными режимами.

За короткий период — от VII конгресса Коминтерна до начала второй мировой войны — в странах Центральной и Юго-Восточной Европы был накоплен поучительный политический опыт, в том числе и опыт единого рабочего и широкого антифашистского фронта. Стало окончательно ясно, что правая социал-демократия выше всего ставит антикоммунизм. С другой стороны, обнаружилась возможность плодотворного сотрудничества с левыми и центристскими группами, а также с некоторыми либеральными кругами.

В большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы (Албания, Венгрия, Румыния, Греция, Югославия, Польша) борьба за антифашистский фронт развертывалась в условиях фашистских или полуфашистских режимов, т. е. при запрещении всякой левой оппозиции, и прежде всего легальной деятельности компартий. Это крайне затрудняло всю работу. Руководство ряда партий находилось вне пределов страны.

Тем временем международная обстановка с каждым днем ухудшалась. Фашизм, придя в 1933 г. к власти в Германии, во второй половине 30-х годов стал быстро двигаться на Восток. Мюнхенское соглашение (сентябрь—октябрь 1938 г.) официально санкционировало гитлеровский «дранг нах остен».

Крайне опасная международная обстановка требовала от коммунистов оригинальных и смелых решений. VII конгресс Коминтерна наметил контуры новой стратегии, выдвинув на первый план задачу предотвращения войны и концентрации сил на борьбу с фашизмом. При этом указывалось, что в случае фашистского нападения на какое-либо государство с целью его уничтожения «вой-

на национальной буржуазии такой страны для отпора этому нападению может принять характер освободительной войны...»[3].

Это был первый шаг по пути пересмотра традиционного взгляда об отказе от какого-либо участия в обороне буржуазного государства. В том же документе указывалось, что в случае начала новой мировой империалистической войны рабочему классу надо «стремиться повести противников войны, организованных в борьбе за мир, на борьбу за превращение империалистической войны в войну гражданскую против фашистских поджигателей войны, против буржуазии, за свержение капитализма»[4].

Этот призыв, если иметь в виду историческую перспективу, был верен, за исключением определения всей мировой войны как «империалистической». В такой формулировке не оставалось места для «освободительных войн» со стороны жертв фашистской агрессии, о чем шла речь вначале.

Нечеткие установки отражали, по-видимому, борьбу мнений в Коминтерне и свидетельствовали о незавершенности перехода к новой стратегии. Эту задачу удалось выполнить лишь после VII конгресса весной 1936 г. на расширенном заседании Президиума Исполкома Коминтерна.

Угроза фашистской агрессии настоятельно требовала достижения общенационального патриотического единства в борьбе с внешним врагом. Именно имея в виду эту перспективу, Французская компартия по инициативе М. Тореза выдвинула лозунг защиты национальных интересов всего французского народа. Эту же линию активно защищали Компартия Чехословакии и ее руководитель К. Готвальд. С аналогичными призывами выступили компартии ряда других стран.

В постановлении ИККИ от 1 апреля 1936 г. с учетом этого опыта было четко указано, что в группе стран — потенциальных жертв агрессии — центральной стратегической задачей становится борьба за национальный антигитлеровский фронт всех патриотических сил вне зависимости от их классового характера и идеологической ориентации. Это был смелый шаг вперед. Благодаря своей патриотической позиции коммунисты открыли доступ к сердцам и умам самых широких масс, способствуя укреплению антинацистского лагеря. Этот сдвиг в дальнейшем сыграл главную роль в организации антифашистского движения Сопротивления при руководящей роли рабочего класса, а затем и в осуществлении победо-

носных народно-демократических революций при гегемонии пролетариата и компартий.

Переход к стратегии национального фронта в странах, оказавшихся перед угрозой фашистского нашествия, проходил с большим трудом. И это было понятно. В течение двух десятилетий коммунисты основывались на опыте первой мировой войны. Памятуя уроки оборонческого разложения II Интернационала, они исходили из ленинского тезиса о превращении войны империалистической в войну гражданскую, а следовательно, желали поражения своей буржуазии. Справедливыми признавались лишь освободительные войны колониальных и порабощенных народов. Война Советского Союза против империалистов также всегда признавалась справедливой. Но как быть с оценкой войны между империалистическими странами, если одна из них является фашистской (например, между Францией и гитлеровской Германией)? Этот вопрос оставался не ясным. Одни считали, что такая война несправедлива с обеих сторон, а посему надо занять позицию поражения своей буржуазии, своего империализма и вести дело к превращению несправедливой войны в социалистическую революцию. Всякая иная политика приравнивалась к социал-шовинизму и оппортунизму. Другие полагали, что необходимо встать на защиту национального суверенитета и демократии от посягательств фашистского агрессора. В среде коммунистов шли горячие и острые дискуссии.

В оценке создавшейся ситуации Коммунистический Интернационал исходил из признания следующих основных обстоятельств.

1. После 1917 г. мир раскололся на две социальные системы, причем для СССР было крайне важно предотвратить военное столкновение с империализмом и не дать усилиться фашизму.

2. После прихода нацистов к власти Германия превратилась в главный очаг опасной военной напряженности. Фашистская клика стремилась к покорению всех стран Европы, к ликвидации всех форм буржуазной демократии, к уничтожению Советского Союза и установлению своего мирового господства. С ее стороны война могла иметь лишь реакционный, несправедливый характер.

3. Ряд буржуазных государств (Австрия, Чехословакия, Польша, Бельгия, Франция, Греция) оказались перед лицом непосредственной угрозы военного нападения со стороны фашистских агрессоров и гибели нации. В слу-

чае агрессии народы этих стран, защищая свой суверенитет, вели бы справедливую войну.

4. Ряд государств Европы (Венгрия, Румыния, Болгария) в результате предательства местной буржуазно-помещичьей верхушки стали сателлитами Германии, но и им грозила прямая оккупация. Здесь были возможны оба варианта в оценке войны. Все зависело от реальной ситуации. Во всяком случае антифашистское сотрудничество «верхов» и «низов» было под большим вопросом.

5. Несколько империалистических государств (Англия, Франция, США) стояли на позициях нейтралитета и «умиротворения» агрессора. Они стремились отвести от себя фашистскую угрозу и натравить Германию на Советский Союз. Однако и они все острее ощущали нарастающую опасность фашистской агрессии. В случае их войны с Германией или Японией речь шла бы о типично империалистической войне, но, учитывая повышенную агрессивность фашизма, всякое сопротивление его гегемонистским устремлениям несло в себе определенное позитивное содержание.

Такой ход рассуждений носил весьма общий характер. Каких-либо окончательных оценок по этим позициям Коминтерн дать не мог, ибо все находилось в движении. В условиях когда угроза войны стремительно нарастала, ситуация менялась с каждым днем.

Стратегия национального фронта все явственнее приобретала поистине жизненное значение. Национальный фронт в принципе мог и должен был включать не только антифашистские силы, но и — шире — все нефашистские силы, например даже сторонников монархии в Болгарии и Румынии. Иными словами, речь шла о самой широкой и плюралистической коалиции.

Стратегия национального фронта в разных странах строилась в соответствии с местными условиями: так, в Чехословакии весной 1938 г. КПЧ выдвинула лозунг создания Фронта защиты независимости республики, коммунисты Болгарии выступали за Национальный фронт защиты родины; в Югославии велась пропаганда в пользу Фронта народной свободы и т. д. И сколь бы различными ни были их названия, суть оставалась одной и той же.

До начала второй мировой войны ни в одной из стран Европы не удалось создать прочный национальный фронт антифашистского сопротивления. Лишь в годы войны возникли его реальные формы.

Сложность состояла в том, что пролетариат повсюду

находился в состоянии внутреннего раскола. В ряде стран (Чехословакия, Польша, Венгрия) среди рабочих существовали сильные национальные противоречия. Союз пролетариата и крестьянства еще не сложился. Компартии являлись относительно малочисленными, а их влияние на массы – ограниченным. Что касается социал-демократов – участников антифашистского Сопротивления, то для них была характерна постоянная тревога за будущее, которое рисовалось в их воображении в ужасных «пролетарско-диктаторских» тонах. Отсюда рождалась сдержанность, а нередко и открытая враждебность в отношениях с коммунистами, что крайне затрудняло формирование антифашистского единства.

Далеко не всегда охотно и смело шли на сотрудничество и сами коммунисты, по старинке продолжая «клеймить» соглашателей. С большим трудом патриотические (т. е. антифашистские) настроения брали верх над узко понятыми «классовыми интересами» пролетариата, над укоренившимся среди части коммунистов искренним желанием заботиться только об интересах «мировой революции».

Для реального поворота к новой политике было недостаточно резолюций VII конгресса Коминтерна, для этого нужен был собственный опыт масс. Лишь практика должна была доказать необходимость и возможность сотрудничества революционного рабочего класса с нереволюционной, но патриотической буржуазией, мелкобуржуазными средними слоями, либеральной интеллигенцией в борьбе как против фашистской Германии, так и против режима «санации» в Польше, военно-фашистской диктатуры Хорти в Венгрии, национал-царанистского режима в Румынии, монархо-фашистской власти в Болгарии и диктатуры генерала И. Метаксаса в Греции.

Однако время торопило, события обгоняли мышление. Война уже стучалась в дверь. Буржуазия как класс стояла на консервативных позициях, прямо выступала против коммунистов и каких-либо радикальных перемен. Но в 1939 г. речь шла не о революции, а о спасении цивилизации от фашизма. В осуществление этой демократической задачи патриотические слои буржуазии и все другие непролетарские классы и группы, стоявшие в оппозиции к военно-полицейским режимам, могли внести свой посильный вклад. Задача состояла в том, чтобы максимально использовать все эти резервы в антифашистской борьбе. Таким образом, накануне второй ми-

ровой войны Коминтерну в общем удалось нащупать правильные стратегические решения.

1 сентября 1939 г. фашистская Германия, напав на Польшу, развязала вторую мировую войну. Правившая в Польше профашистская клика не способна была организовать Сопротивление; что же касается западных союзников, объявивших 3 сентября войну Германии, то они фактически так и не вышли за рамки пассивных и ограниченных военных действий, получивших название «странной войны».

Заветной целью капиталистического Запада оставалось, однако, натравливание фашистского агрессора на Советский Союз. Исходя из признания этого факта, Коминтерн объявил, что деление капиталистических государств на фашистские и демократические с началом войны якобы потеряло всякий смысл [5]. Это была серьезная ошибка. К счастью, ее удалось быстро исправить. Империалистические и реакционные цели буржуазной верхушки Англии и Франции не могли, конечно, всецело определять характер войны. Объективно, независимо от воли буржуазных политиков или тайных расчетов монополистического капитала, любые антифашистские акции являлись прогрессивными и справедливыми. «Движение Сопротивления, — справедливо пишут авторы труда «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», — было отражением и проявлением объективно справедливого характера войны против фашистских захватчиков» [6].

В каждой стране опыт, накопленный на первом этапе мировой войны (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.), имел своеобразие. В Югославии, Греции, Албании сразу же развернулась народно-освободительная война. В Чехословакии, Польше и Венгрии этот процесс стал приобретать общенациональные масштабы лишь спустя два-три года, когда под влиянием разгрома немецких войск в Сталинградской битве наступил коренной перелом в ходе войны.

Неравномерность развития Сопротивления отражала пульсирующий характер освобождения масс не только от чувства страха и апатии, но и от воздействия фашистской пропаганды. Не секрет, что после прихода Гитлера к власти довольно широкие слои в самой Германии и во многих странах-сателлитах «увлеклись» фашистскими лозунгами.

Отбросить фашистские установки было не просто, тем более что за любое оппозиционное настроение гро-

зили тюрьма или смертный приговор. Лишь наиболее смелым людям удавалось преодолеть барьер покорности и страха и смело включиться в борьбу. Постепенно этот сдвиг принял массовые масштабы, и в структуре патриотических антифашистских ориентаций и действий прибавились определенные социальные, классовые, политические мотивы и ожидания, связанные с идеями послевоенного переустройства жизни. Буржуазные и правые социал-демократические круги ориентировались на восстановление буржуазно-демократических порядков, трудящиеся массы, рабочий класс, особенно его передовая часть,— на выход за пределы буржуазного строя, за движение в направлении к социализму.

В конечном счете в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы верх взяла вторая тенденция. В результате антифашистское Сопротивление в этом регионе переросло в народно-демократические революции.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1940 г. В ЛИТВЕ, ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

Первым крупным успехом народов Европы явились свержение реакционных пронацистских диктатур в странах Восточной Прибалтики и победа социалистических революций в Литве, Латвии и Эстонии. К 1940 г. в этих странах сложилась региональная революционная ситуация. Кризис «верхов» и кризис «низов» охватил одновременно три государства. По-видимому, такое совпадение объяснялось тем, что они находились под властью военно-фашистских антинародных диктатур, образовавших некую общую систему. Сначала реакционный режим был установлен в Литве (1926 г.), а в 1934 г.— в Эстонии и Латвии. Во внешней политике все три правительства ориентировались на Германию. Единым являлся и их классовый характер, поскольку диктатуры опирались на верхушку городской и сельской буржуазии. Везде проводился крайне реакционный курс во внутренней политике, поскольку «верхи» не без оснований опасались, что трудящиеся массы последуют примеру СССР.

Пролетариат Прибалтики совместно с рабочими России прошел в 1905—1919 гг. большой и славный путь революционной борьбы, а в 1917 г. стал у власти. В 1919 г. с помощью иностранных интервентов Советская власть в Литве, Латвии и Эстонии была ликвидирована. Победа контрреволюции обрекла Прибалтику на долгое прозябание на задворках Европы. Однако вера рабочего класса

в революцию не была убита. В течение двух десятилетий существования буржуазного строя трудящиеся во главе с коммунистами продолжали борьбу против капитала и реакции.

Особенно широкий размах рабочее движение получило в годы мирового экономического кризиса: октябрьская забастовка 1929 г. в Латвии, движение безработных, борьба за единство профсоюзов в Литве, всеобщие стачки 1931—1932 гг. в Эстонии и т. д.[7] Во главе массовой борьбы шли коммунистические партии. Это были сравнительно небольшие организации, но они пользовались немалым авторитетом.

В соответствии с решением VII конгресса Коминтерна компартии развернули активную борьбу за создание единого демократического фронта. В Латвии и Литве действовали комитеты единства, в Эстонии также стали укрепляться контакты между коммунистами и социал-демократами. Классовая борьба пролетариата все теснее переплеталась с протестом против фашистских диктатур. Правительства Ульманиса в Латвии, Пятса — Лайдонера в Эстонии и Сметоны в Литве прилагали немалые усилия к подавлению массовых выступлений, однако повсюду нарастало стремление к сближению с Советским Союзом.

В условиях военного продвижения Германии на Восток перед Прибалтийскими государствами возникла реальная угроза оккупации. В сложившейся обстановке даже реакционные правительства Прибалтийских государств, дабы избежать участи Польши, пошли на заключение с СССР пактов о взаимопомощи. В соответствии с ними Советский Союз получил право разместить на их территории определенные контингенты войск, создать несколько военно-морских баз и аэродромов.

Подписание пактов придало новые силы общенародной борьбе против внутренней реакции. Буржуазные деятели были вынуждены признать, что нарастает «скрытая враждебность ко всему, что связано с государственной властью и управлением»[8]. К лету 1940 г. во всех трех государствах Восточной Прибалтики сложилась крайне напряженная обстановка. В правительственных кругах шла борьба различных фракций по проблемам внешней политики (некоторые слои буржуазии ориентировались на Англию, другие — на Германию). Что касается низов, то они выступали за скорейшее сближение с СССР. Рабочий класс и демократические группы желали не просто ликвидации реакционных режимов, но и восстановления Со-

ветской власти. Именно такую линию проводили коммунистические партии.

Летом 1940 г. массовое демократическое движение приобрело огромный размах, причем присутствие советских частей сковало инициативу реакционных сил. В этой ситуации из правительств Литвы, Латвии и Эстонии в июне 1940 г. были выведены некоторые профашистски настроенные элементы. Численность советских гарнизонов по договоренности с местными властями несколько увеличилась.

Трудящиеся приветствовали эти меры. Повсюду проходили стихийные митинги и демонстрации. В Паневежисе (Литва) народ штурмом занял тюрьму и освободил политзаключенных. Диктатор Сметона в страхе бежал. Армия переходила на сторону народа. При участии коммунистов было сформировано Народное правительство[9]. В Латвии также начался революционный подъем. Правительство К. Ульманиса попыталось при помощи репрессий «навести порядок», но было поздно: на местах народ брал власть в свои руки. Было создано новое центральное правительство. Под давлением масс пала буржуазная власть и в Эстонии.

Создание народных правительств открыло путь к постепенной ликвидации диктатуры буржуазии и революционным преобразованиям. Руководящую роль в этих процессах играли коммунистические партии и созданные по их инициативе рабочие комитеты[10].

Благодаря тому что роль гегемона принадлежала с самого начала рабочему классу, революции быстро приняли социалистический характер. Всего за несколько дней, причем почти без вооруженного насилия, в Литве, Латвии и Эстонии была установлена новая власть. На выборах в народные сеймы полную победу (свыше 90% голосов) получили левые, прежде всего коммунистические, силы. Это позволило провозгласить установление Советской власти. В начале августа 1940 г. все три Прибалтийские республики изъявили желание войти в состав СССР. Сессия Верховного Совета СССР удовлетворила эту просьбу.

Так мирным путем была достигнута победа социалистических революций в Прибалтике. Это был яркий и своеобразный опыт. В известной мере он явился прообразом тех процессов, которые спустя 4—5 лет развернулись в ряде других европейских государств.

Опыт революций в Прибалтике отчетливо показал роль боевого интернационалистского союза борющегося

рабочего класса с победившим социализмом. Без этого союза революции в Латвии, Литве и Эстонии, а спустя некоторое время в Польше, Болгарии и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы победить не могли.

Впервые произошло быстрое и естественное перерастание антифашистского Сопротивления в социалистическую революцию. Важным подспорьем в этом отношении было то, что уже в 1917—1919 гг. в Прибалтике существовал советский строй и речь шла фактически о его восстановлении. Тот факт, что все три республики сразу же вошли в состав СССР, чрезвычайно ускорил процесс социалистической перестройки жизни народов Латвии, Литвы и Эстонии.

НАРОДНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ 40-х ГОДОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В истории мирового революционного процесса XX в. особое место занимают социальные революции 40-х годов в Европе. Они произошли почти одновременно в 9 странах — Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Греции, Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии. Эти революции были неразрывно связаны с освободительной борьбой народов в годы второй мировой войны. Главной особенностью указанных революций являлось то, что они выросли на почве героического антифашистского Сопротивления.

В ходе этой борьбы был осуществлен глубокий переворот в общественных отношениях и в конечном счете обеспечен переход указанных стран (за исключением Греции) от капитализма к социализму. Данный процесс развивался по-разному и неодинаковыми темпами. По сути дела в 40-х годах протекал «единый, последовательный революционный процесс, проходящий различные фазы развития, в том числе антифашистский, антиимпериалистический, демократический этап подхода к социалистической революции и диктатуре пролетариата»[11]. К такому выводу пришли участники международной дискуссии, организованной в 1984 г. журналом «Проблемы мира и социализма».

Понимание революционно-освободительного процесса как единого целого не отрицает, конечно, выделения различных его фаз, но ломает традиционный взгляд о двух различных революциях, показывает их в динамике, в том числе в динамике их социалистической перспек-

тивы благодаря ведущей роли рабочего класса в антифашистском Сопротивлении.

Действительно, было бы неверно разделять единый и сложный процесс перехода стран Центральной и Юго-Восточной Европы к социализму на две совершенно отдельные революции — демократическую и социалистическую. Оба этапа сплелись в реальной жизни воедино, хотя классовый состав и формы борьбы на каждом из них во многом отличались. В некоторых странах революция образовала ряд последовательных фаз: партизанское антифашистское движение — вооруженное восстание — установление народно-демократической власти — проведение первых антикапиталистических преобразований — переход к социалистическим преобразованиям — установление диктатуры пролетариата. Так было, например, в Чехословакии, где социалистическая революция окончательно победила лишь в феврале 1948 г. В Югославии ситуация складывалась иначе: все фазы как бы спрессовались во времени: повстанческое народное движение, руководимое коммунистами, непосредственно подвело рабочий класс к установлению социалистической власти. Каких-либо промежуточных ступеней для перехода из одного качества в другое не понадобилось, поскольку с самого начала рабочий класс выступал в роли политического гегемона революции.

Всем революциям изначально был присущ освободительный, антифашистский характер, но конкретная расстановка классовых сил отличалась огромным разнообразием. По-разному в каждой стране вели себя и «верхи», и «низы», хотя общим знаменателем выступали пассивность и контрреволюционность первых, активность и революционность вторых.

Огромные масштабы войны, ее военные, экономические и политические последствия, невиданные по размаху и числу участников сражения, как бы заслонили собой социальную сторону дела, придали классовой борьбе сугубо «воинские признаки». Но на деле войну вели не только армии и государства, но и различные классы и политические партии. Одни из них представляли фашизм и контрреволюцию, другие — социализм и демократию.

В конечном счете благодаря активности самих трудящихся стал возможен выход движения Сопротивления за пределы национального освобождения, на подлинно революционные социальные рубежи. Освободительная народная война органично вылилась в народную социальную

революцию. В этом, собственно говоря, и состояла главная черта всех революций 40-х годов не только в Европе, но и в Азии (Вьетнам, Корея, Китай). Эти революции развивались в общем контексте второй мировой войны, в определенных международных условиях. Ситуация в Центральной и Юго-Восточной Европе в решающей степени зависела от хода противоборства СССР с фашистской Германией. Немалое влияние оказывала также политика Англии и США. В Греции, например, из-за прямой интервенции английского империализма революция не привела к установлению народной власти. По вине Англии серьезные затруднения встретили также революционные силы Польши, Югославии, Чехословакии.

Совершенно иную роль играла политика Советского Союза, который всегда и везде стремился поддержать антифашистские и демократические силы, прийти им на помощь. Именно советский народ вынес на своих плечах основную тяжесть войны против германского рейха и ценой жизни 20 млн своих сынов и дочерей принес освобождение народам Европы.

Как же развивались эти революционно-освободительные процессы в отдельных странах Европы? В чем состоит актуальность революционного опыта 40-х годов? Чтобы ответить на эти вопросы, следует кратко напомнить главные исторические события[12].

ЧЕХОСЛОВАКИЯ: ОТ ФАШИСТСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ К СОЦИАЛИЗМУ

Первой жертвой гитлеровского «дранг нах остен» стала Чехословакия. По Мюнхенскому соглашению 29 сентября 1938 г. и в связи с фашистской оккупацией она была фактически расчленена и прекратила свое независимое государственное существование: в Чехии и Моравии хозяйничали немцы, объявив эти районы «протекторатом» Германии; в «независимой» Словакии образовалось марионеточное клерикально-фашистское правительство И. Тисо, южные территории Словакии отошли к хортистской Венгрии. Президент Э. Бенеш вышел в отставку и уехал в Англию. За ним последовала часть буржуазии. Все политические партии, за исключением коммунистов, сочли за благо прекратить всякую деятельность. Страх и паника буквально сковали волю буржуазных и мелкобуржуазных кругов. Народ оказался брошенным на произвол судьбы.

В планы гитлеровцев входило уничтожение чешской

нации либо путем «германизации», либо путем высылки и физического истребления[13]. Против этого чудовищного плана за спасение нации первыми и наиболее решительно выступили коммунисты. Вступление СССР в войну вселило веру в возможность победы над фашизмом. После Мюнхена КПЧ выдвинула лозунг общенационального фронта в защиту республики, но эта идея не сразу получила поддержку. Сама партия вынуждена была перейти на нелегальное положение.

Летом и осенью 1941 г. на территории «протектората» и в Словакии стало набирать силу движение Сопротивления, были организованы первые забастовки и акты саботажа. В ответ на акции протеста немцы сразу же развернули жесточайший террор, но волю масс к свободе сломить не удалось. Постепенно сопротивление разрасталось. В авангарде борьбы шли коммунисты. Тысячи активистов партии отдали свою жизнь в борьбе за интересы народа и Родины. По инициативе КПЧ в ряде районов начали формироваться партизанские отряды, но фашистским карательным органам удалось их уничтожить.

Перелом наступил лишь в 1943 г., когда стало окончательно ясно, что Красная Армия способна разгромить фашистскую Германию. Руководство КПЧ в новых условиях пришло к выводу о необходимости перехода к массовой вооруженной борьбе и развертыванию партизанского движения. В Словакии коммунисты стали готовиться к восстанию.

Изменило свою тактику и чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне, которое формально имело соглашение с СССР о совместной борьбе с Германией. Президент Э. Бенеш в декабре 1943 г. совершил поездку в Москву, где 12 декабря подписал Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией.

Кульминационным моментом в борьбе с фашизмом и одновременно началом социальной революции явилось Словацкое национальное восстание 29 августа 1944 г., одним из руководителей которого был Густав Гусак. В ходе трехдневных боев марионеточный фашистский режим был сметен. 1 сентября власть взял в свои руки рабочий класс.

Благодаря военной и политической помощи со стороны СССР (снабжению оружием и боеприпасами) более двух месяцев 60 тыс. восставших солдат и офицеров словацкой армии и около 20 тыс. партизан героически противостояли натиску гитлеровских дивизий[14]. Повстанцы

были вынуждены все же отступить в горы и перейти к партизанской тактике. Они создали свободную территорию, на которой провозгласили народную власть. Это был великий патриотический и революционный подвиг. Он показал пример чешским патриотам. В начале мая 1945 г. они также подняли восстание в ряде городов Чехии. 5 мая центр восстания переместился в Прагу. В самый критический момент на помощь восставшему пролетариату столицы Чехословакии 9 мая пришла Красная Армия.

«В этот день 1945 года,— отмечал Клемент Готвальд,— навсегда окончилась жестокая гитлеровская оккупация, которая грозила самому существованию чешского и словацкого народов. Этот день является одновременно и историческим рубежом, когда чешский и словацкий народы начинают новую, самую светлую эру своей истории, эру действительно национальной свободы и независимости, эру власти народа и свободного труда народных масс, эру строительства социализма»[15].

Коммунисты не могли, конечно, сразу выдвинуть задачу непосредственного перехода к социализму. Эта задача была решена лишь спустя три года, в феврале 1948 г., когда произошла решающая битва за власть между рабочим классом и буржуазией. Политическое поражение буржуазии на выборах в парламент в феврале 1948 г. завершилось установлением диктатуры пролетариата[16]. Путь к социализму был открыт.

Таким образом, развитие революционного процесса в Чехословакии растянулось на несколько этапов: первым этапом явилось движение антифашистского Сопротивления, вторым — вооруженные восстания в Словакии и Чехии (август 1944 — май 1945 г.), на третьем этапе была проведена национализация ключевых отраслей промышленности и созданы новые органы народной власти (май 1945 — середина 1947 г.) и, наконец, на четвертом этапе (середина 1947 — февраль 1948 г.) в ходе острой классовой борьбы установилась диктатура пролетариата. Темпы, этапы и формы революции были предопределены объективными факторами и курсом КПЧ на мирный переход к социализму. Этот опыт и сегодня интересен тем, что показывает силу объективного фактора революции, а также огромную роль внешних условий ее развития, в частности помощи со стороны Советского Союза. Революционный процесс в Чехословакии являет собой пример довольно ясного размежевания демократического и социалистического этапов классовой борьбы[17].

Антифашистская борьба в этой стране, на территорию которой 1 сентября 1939 г. вторглись гитлеровские войска, также началась с самых первых дней оккупации. В течение некоторого времени проводились разрозненные акции Сопротивления. В стране не существовало коммунистической партии (она была распущена летом 1938 г. по решению ИККИ), и фактически некому было возглавить борьбу масс. Лишь в январе 1942 г. удалось воссоздать марксистско-ленинскую организацию в лице Польской рабочей партии (ППР). По ее инициативе были образованы первые военные отряды Гвардии людовой. Вместе с ними в боевых акциях стали участвовать крестьянские группы самообороны (Батальоны хлопские), созданные ушедшей в подполье партией Стронництво людове.

Эмигрантские буржуазные круги имели свои боевые отряды — Армию Крайову, но последние не вели активных действий против оккупантов, накапливая силы для захвата власти в свои руки. Эмигрантское правительство, несмотря на соглашение с СССР о совместной войне против Германии (подписано 14 августа 1941 г.), на деле проводило коллаборационистскую политику, что вынудило Советское правительство в апреле 1943 г. разорвать с ним дипломатические отношения. Такое решение было вполне обоснованным.

На территории самого «генерал-губернаторства» в 1943 г. развернулось Сопротивление, несмотря на то что в стране было введено военное положение и свирепствовал кровавый террор[18]. Репрессии не испугали свободолюбивый польский народ. Вооруженное Сопротивление благодаря деятельности ППР к середине 1943 г. приобрело массовый характер. Ежедневно совершалось более 200 военных акций. В ходе борьбы укреплялся союз рабочего класса и крестьянства, рос авторитет ППР как авангардной силы антифашистского Сопротивления. Ряды Гвардии людовой превысили к 1943 г. 10 тыс. человек[19].

Эмигрантское правительство в Лондоне, которое с июня 1943 г. возглавил правый людовец Ст. Миколайчик, плело свои интриги с целью ослабления позиций ППР и проведения антисоветской пропаганды. Это была типично буржуазная линия, рассчитанная на восстановление старых порядков и «привязку» Польши к английскому империализму. Борьба революционной и буржуазно-

националистической тенденций в связи с этим приняла в Польше чрезвычайно острый характер.

Это обстоятельство побудило ППР осенью 1943 г. отказаться от старого курса на союз со всем «лондонским лагерем» и выдвинуть стратегию Национального демократического фронта, которая исходила из объединения только подлинно патриотических и революционно-демократических сил народа с целью изгнания оккупантов и установления новой, народной власти. В обстановке успешного наступления Красной Армии в октябре 1943 г. по инициативе ППР была создана Крайова Рада Народова — верховный орган Национального демократического фронта, в котором приняли участие 14 организаций. Председателем Президиума КРН был избран член ЦК ППР Болеслав Берут.

Так было положено начало новой народной власти. В феврале 1944 г. стала действовать Люблинская Воеводская Рада Народова, а затем Лодзинская, Краковская и др. Происходил процесс четкого размежевания сил, причем главной тенденцией явилось нарастание революционных потенций трудящихся, и прежде всего рабочего класса, углубление социального содержания освободительной борьбы [20].

Лондонская эмиграция пыталась перехватить инициативу и установить свою буржуазную власть. С этой целью 1 августа 1944 г. она спровоцировала восстание в Варшаве. Оно не было согласовано ни с действиями Советской Армии, ни с Польским комитетом национального освобождения, который был создан 20 июля в Люблине как некое временное правительство. Население Варшавы, поднявшись на антифашистское восстание, не догадывалось, конечно, о замыслах реакционных буржуазных кругов. Советское правительство разгадало план лондонской группировки, но сочло необходимым поддержать патриотов. С самолетов в Варшаву было сброшено вооружение и продовольствие. Всего было сделано более 2,5 тыс. самолето-вылетов такого рода [21]. «Не может быть сомнения, — сообщал И. В. Сталин президенту Ф. Рузвельту, — что Красная Армия не пожалеет усилий, чтобы разбить немцев под Варшавой и освободить Варшаву для поляков. Это будет лучшая действительная помощь полякам-антинацистам» [22].

Советское руководство, исходя из признания права каждого народа на самостоятельный и свободный выбор пути развития, выступало против какого-либо вмешательства во внутренние дела Польши. В послании Пред-

седателя СНК СССР И. В. Сталина премьер-министру Великобритании У. Черчиллю от 8 августа 1944 г. подчеркивалось, что СССР не считает возможным навязывать полякам какое-либо решение по организации своей внутренней жизни, но заинтересован, исходя из договоренностей трех великих держав, в «скорейшем объединении всех демократических сил Польши на освобожденной польской территории»[23]. Речь шла о создании единого правительства из представителей эмигрантской группы Миколайчика в Лондоне и Польского комитета национального освобождения в Люблине. Информация о тайных связях Миколайчика с реакционными кругами и антисоветские террористические акции со стороны его агентуры в Польше заставили СССР пересмотреть свою позицию, и 8 декабря 1944 г. Советское правительство объявило, что не будет далее поддерживать «людей, оторвавшихся от национальной почвы» и ставших «союзниками нашего общего врага», а будет всемерно поддерживать Польский национальный комитет в Люблине[24].

Спустя некоторое время СССР по просьбе союзников согласился на создание коалиционного правительства, но выступил против намерения Великобритании обеспечить приоритет группе Миколайчика. Такая позиция означала не «экспорт революции», а защиту Польши от экспорта контрреволюции. Благодаря твердой линии СССР польская буржуазия и ее английские покровители не смогли реализовать свой план реставрации старых порядков в освобожденной Польше. Польская рабочая партия превратилась к этому времени в самую массовую партию (в апреле 1945 г. численность ППР достигла 300 тыс. человек, в конце 1944 г. в ее рядах состояло всего 32 тыс. человек)[25]. Коммунисты в огне антифашистской борьбы завоевали роль подлинно национального революционного авангарда и потому с полным правом взяли на себя ответственность за будущее страны. На освобожденных территориях устанавливалась народная власть, проводилась аграрная реформа, дефашизация госаппарата, осуществлялась национализация крупной и средней промышленности. Руководила всей этой работой Польская рабочая партия.

31 декабря Польский комитет национального освобождения был преобразован во Временное правительство, которое возглавил Э. Осубка-Моравский. Советский Союз сразу же признал новое правительство. Спустя три недели, 17 января 1945 г., в Варшаву вступили 1-я Польская армия и советские части. Война на этом не кончи-

лась, не закончилась и народная революция. Польский пролетариат продолжал борьбу. Лишь спустя два года, в январе 1947 г., выборы в Законодательный сейм окончательно утвердили переход Польши на новый, социалистический путь развития.

Таким образом, в Польше, как и в Чехословакии, революционный процесс, начавшийся в годы антифашистского Сопротивления, закончился установлением диктатуры пролетариата. В 1941—1945 гг. рабочий класс действовал в союзе со всеми другими патриотическими силами. Главная задача состояла тогда в защите общенациональных интересов. После того как эта цель была достигнута, революционный процесс вступил в новую фазу развития, завершившуюся победой социалистической революции.

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ВЕНГРИИ

Открытое присоединение к Антикоминтерновскому пакту явилось одной из самых позорных страниц в истории хортистской Венгрии. Широкие слои трудящихся еще до этого развернули выступления в защиту своих экономических интересов, но политические требования в 1939—1940 гг. выдвигались редко. Коммунисты стремились поднять массы на движение протеста против сближения с Германией. В результате террора властей достичь этой цели не удалось.

В течение всей войны венгерские коммунисты вели активную подпольную борьбу, действуя в союзе с левыми социал-демократами и другими патриотическими группами. Но силы оставались неравными. Лишь после коренного перелома в ходе войны, который ознаменовался блистательной победой Красной Армии под Сталинградом, венгерское население стало активно включаться в движение Сопротивления[26]. По мере приближения Красной Армии к границам Венгрии освободительная борьба трудящихся нарастала. Призывы коммунистов к борьбе за новую Венгрию находили все больше сторонников[27].

Гитлер стремился всеми силами привязать Венгрию к своей военной колеснице, но, увидев, что Хорти и его окружение ведут двойную игру и готовы переметнуться на сторону Англии и Франции, принял решение 12 марта 1944 г. оккупировать Венгрию. Хорти, полностью пренебрегая интересами нации и спасая собственную шкуру, дал согласие на оккупацию страны немецкими войсками.

19 марта 1944 г. солдаты вермахта заняли все города и села Венгрии. Регентская власть сохранялась за Хорти, но подлинным властителем стал гитлеровский посланник Везенмайер. Гестапо развернуло кампанию по физической ликвидации всех оппозиционных сил. Подавить сопротивление, однако, не удалось. В стране по инициативе коммунистов стало развертываться партизанское движение, проводились диверсии и саботаж.

Стремительное наступление Красной Армии, передовые части которой 23 сентября 1944 г. вступили на территорию Венгрии, открыло венгерскому народу путь к свободе. 15 октября Хорти был вынужден уйти в отставку, передав власть новому ставленнику Гитлера Ференцу Салаши. С целью продолжения войны на стороне Германии он объявил «тотальную мобилизацию». Неограниченные масштабы принял белый террор. Страна подверглась самому наглому и бесцеремонному разграблению. Массовые казни и пытки стали обычным делом. Все это привело к взрыву всеобщего негодования и глубочайшей поляризации политических сил. Даже многие бывшие сподвижники Хорти перед лицом неминуемого военного поражения стали отходить от фашиствующей верхушки.

Коммунисты выдвинули лозунг: «За демократическую Венгрию! За разгром венгерской реакции!» Было достигнуто соглашение о единстве действий коммунистов и загнанной в подполье еще в марте 1944 г. социал-демократической партии. На освобожденных советскими войсками территориях стали закладываться основы новой, демократической власти. Поскольку буржуазные и коллаборационистские элементы бежали с гитлеровскими войсками на Запад, местные органы власти формировались в основном из трудовых и антифашистских представителей. 12 декабря в Дебрецене, который еще не был освобожден Красной Армией, была создана подготовительная комиссия по созыву Учредительного собрания. 21—22 декабря было сформировано Временное национальное правительство.

О том, что формирование первого Временного национального правительства в Венгрии шло на основе консолидации внутренних демократических сил, а не «по указке» Москвы, свидетельствует тот факт, что его премьер-министром стал бывший командующий 1-й венгерской армией генерал Бела Миклош (беспартийный), военным министром — генерал Янош Вереш (бывший начальник венгерского генерального штаба), министром обеспе-

чения – генерал-полковник Габор Фараго, министром финансов – бургомистр Дебрецена Вашари Иштван и другие бывшие хортисты. Коммунисты получили всего три портфеля – министра торговли, министра земледелия и министра народного благосостояния. Это не были ключевые посты.

Первым актом нового правительства стало подписание 20 января 1945 г. перемирия. Однако нилашистская* клика, окопавшаяся в Будапеште, продолжала сопротивляться. Город обороняли также несколько немецких дивизий. 13 февраля 1945 г. Советская Армия после кровопролитных боев освободила Будапешт, а к 4 апреля 1945 г. завершила освобождение всей Венгрии. Народно-демократическая власть установилась на территории всей страны.

Рабочий класс Венгрии, все демократические силы, используя благоприятную обстановку, сложившуюся после краха фашизма, приступили к решительной перестройке общественных отношений. Предавшие национальные интересы монополистическая буржуазия и помещичья олигархия были разбиты и отстранены от власти, а их имущество национализировано. Правительство начало проводить аграрную реформу. Были восстановлены демократические права и свободы; созданы органы местного государственного управления. Велись работы по налаживанию промышленности, транспорта, образования.

Все эти важные демократические меры проводились в обстановке острой политической борьбы с остатками хортистских и нилашистских группировок. Не отличалось единством и само правительство. Буржуазная контрреволюция не собиралась без боя отдавать власть народу. На выборах в Национальное собрание (4 ноября 1945 г.) большинство голосов получили правые партии, прежде всего кулацкая партия мелких сельских хозяев. К весне 1946 г. противоборство сил революции и контрреволюции достигло кульминации. Вопрос стоял так: либо Венгрия пойдет дальше по пути революции, либо страна вернется к старым буржуазным порядкам.

Коммунистическая партия (в ее рядах насчитывалось уже 653 тыс. членов)[28] взяла курс на продолжение революции, призвав крестьян подняться на защиту аграрной реформы. В обстановке крепнущего союза рабочих и крестьян, политической активизации масс правые силы вынуждены были отступить. В сентябре – октябре 1947 г.

* Члены фашистской партии скрещенных стрел.

реакция была окончательно разгромлена. Летом 1948 г. в Венгрии полностью победила социалистическая революция. Она произошла мирным путем, без гражданской войны, в ходе постепенного перерастания народно-демократической революции в революцию социалистическую.

ОСВОБОЖДЕНИЕ РУМЫНИИ

Румынские коммунисты, как и их венгерские товарищи, вели активную антифашистскую борьбу, стремились объединить все патриотические силы в Национальный фронт, однако многие партии и организации долгое время занимали выжидательную позицию. Так называемые «исторические партии» (национал-либеральная и национал-царанистская) отказывались от сотрудничества под лживым предлогом угрозы «советского нашествия».

В итоге до лета 1943 г. антифашистские выступления не носили массового характера. Ситуация стала меняться лишь после разгрома немцев под Сталинградом и на Курской дуге. Приближение наступающих частей Советской Армии к границам Румынии вызвало прилив энергии патриотических сил. Режим И. Антонеску стал быстро терять свою социальную опору. В этих условиях КПР в июне 1943 г. сумела создать Комитет Патриотического антигитлеровского фронта, в который вошли представители ряда демократических организаций[29]. «Исторические партии» и на этот раз остались в стороне. Но теперь уже для всех было ясно, что фашизм быстро приближается к своему краху. Режим Антонеску утратил поддержку даже самой буржуазии.

В конце марта 1944 г. советские войска вступили на территорию Румынии. В заявлении Советского правительства от 2 апреля 1944 г. подчеркивалось, что наступление вовсе «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя...»[30].

Это обращение сыграло важную роль в разоблачении фашистской пропаганды и способствовало дальнейшей поляризации политических сил в Румынии. Антивоенные и антифашистские настроения захватывали все более широкие слои. Между коммунистами и социал-демократами было достигнуто соглашение о совместной борьбе против фашистской диктатуры, за выход Румынии из войны и за создание демократического правительства. В июне 1944 г. был наконец создан Национально-демократический блок с участием «исторических партий», который

поставил своей целью вывод Румынии из войны и свержение режима Антонеску. Каких-либо социальных требований выставлено не было.

Шаг за шагом КПР наращивала свой политический авторитет, укрепляла массовую базу. В августе 1944 г. КПР взяла курс на подготовку вооруженного восстания. Обстановка на фронте к этому времени стала для румынской армии поистине катастрофической в связи с разгромом фашистских армий в ходе Ясско-Кишиневской операции. Перед лицом неминуемого краха король Михай решил пожертвовать Антонеску и санкционировал его арест (23 августа 1944 г.). Дело могло бы ограничиться дворцовым переворотом, но здесь на сцену вышел народ.

23 августа 1944 г. в Бухаресте началось вооруженное восстание. Руководящая роль в нем принадлежала коммунистам. В течение недели в городе шли кровопролитные бои. 31 августа Советская Армия вступила в столицу Румынии, восторженно встреченная населением. Так была закреплена победа антифашистского восстания. Однако буржуазные круги сумели вовремя примазаться к антифашистским силам и, пожертвовав диктатором, удержаться у власти. КПР согласилась войти в новое правительство с условием, что оно проведет дефашизацию и демократизацию всей общественной жизни страны. Этот процесс оказался очень сложным и затяжным, по существу став формой перерастания антифашистского переворота сначала в демократическую, а затем и в социалистическую революцию.

Буржуазно-помещичьи слои хотели во что бы то ни стало сохранить капиталистические порядки, трудящиеся стремились продолжить революцию.

В ходе упорной борьбы рабочий класс Румынии и весь трудовой народ, действуя под руководством КПР, добились перегруппировки классовых сил в свою пользу. Присутствие Красной Армии не позволило контрреволюции нанести поражение народному движению. В марте 1945 г. было сформировано демократическое правительство с участием коммунистов под председательством Петру Грозы. Это означало политическую победу народно-демократических сил.

Первым крупным завоеванием явилась аграрная реформа, которая ликвидировала крупную помещичью собственность, а тем самым и класс помещиков. Были приняты меры по дефашизации госаппарата, созданию народной власти на местах, пресечению саботажа и спекуляции и т. д. В 1946—1947 гг. была проведена национа-

лизация банков и промышленности, что свидетельствовало о переходе к социалистическим преобразованиям. Старые буржуазные партии окончательно разложились и прекратили свое существование. Коммунистическая партия, напротив, обрела огромную силу. Ее ряды превысили 700 тыс. человек [31].

К концу 1947 г. рабочий класс и КПР окончательно превратились в главную общественную силу. В декабре 1947 г. король Михай отрекся от престола. Румыния стала республикой, а власть полностью перешла в руки пролетариата в союзе с трудящимся крестьянством. В истории страны начался новый этап — этап социалистического строительства.

Не будь братской помощи Советского Союза, румынская контрреволюция обязательно развязала бы вооруженную борьбу против рабочего класса и КПР. Только благодаря советскому щиту контрреволюция не посмела поднять голову. При этом важно подчеркнуть, что все действия СССР в отношении формирования новых политических структур власти в Венгрии, Румынии и всех других странах Центральной и Юго-Восточной Европы целиком и полностью соответствовали Декларации об освобожденной Европе, принятой на Ялтинской конференции 4—11 февраля 1945 г. В ней говорилось: «Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору... Для улучшения условий, при которых освобожденные народы могли бы осуществлять эти права, Три Правительства будут совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве или бывшем государстве — сателлите оси в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: а) создавать условия внутреннего мира... с) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения...» [32] Именно в соответствии с Ялтинским соглашением и действовало Советское государство, поддерживая законное стремление народов Европы к демократии и суверенитету.

Иной была политика западных держав, особенно Великобритании, правительство которой видело свою цель в помощи не народам, а эмигрантским буржуазным кругам, не в создании условий внутреннего мира и формирования демократических правительств, а в насаждении

прежних порядков. Но этим планам не суждено было сбыться.

Во многом иначе развивались события в другой группе государств – Югославии, Болгарии, Албании и Греции. Здесь уже непосредственно в ходе антифашистской борьбы рабочему классу удалось сыграть ведущую роль в движении как за национальное, так и за социальное освобождение.

РАБОЧИЙ КЛАСС ЮГОСЛАВИИ В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ И СОЦИАЛИЗМ

Довоенная Югославия относилась к числу типично отсталых аграрных стран: в сельском хозяйстве было занято до 75% самодеятельного населения, в промышленности – всего 5%. Более 1 млн крестьян не имели своей земли, около 0,5 млн хозяев владели крохотными наделами размером до 2 га. В промышленности работало примерно 300 тыс. рабочих, рассеянных по мелким мастерским[33]. Казалось, в этих условиях не имелось серьезных объективных и субъективных предпосылок для победы социалистической революции. Но история распорядилась иначе, и причиной тому стало народное освободительное движение.

Вторжение в Югославию фашистских войск 6 апреля 1941 г. не встретило никакого сопротивления со стороны властей: ни царя Петра, ни его министров нисколько не волновали судьбы народа. В критический момент они без зазрения совести покинули страну. Югославская армия, неотмобилизованная, плохо вооруженная и фактически лишенная какого бы то ни было командования, капитулировала. В фашистский плен попало 300 тыс. человек. Сама страна была расчленена на части: Сербию и часть Словении оккупировали немецкие войска, южная часть Словении и Черногория отошли к Италии, на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины хорватские фашисты – усташи с благословения Гитлера создали марионеточное «независимое хорватское государство». Расчленение Югославии по замыслу гитлеровских стратегов должно было завершиться установлением на всех Балканах «нового порядка» и созданием огромного плацдарма для дальнейшего продвижения на Восток.

Казалось, всякое сопротивление теперь бесполезно. Но нашлась сила, которая смогла повернуть ход событий в другую сторону. Такой силой явилась Коммунистическая партия Югославии (в конце 1940 г. ее числен-

ность составляла около 6,5 тыс. человек, в комсомоле к весне 1939 г. состояло 9 тыс. человек)[34].

Коммунисты верили в то, что рабочий класс Югославии (примерно 720 тыс. человек), крестьяне (3 млн человек), все патриотические силы ни за что не смирятся с фашистским рабством и сумеют подняться на вооруженное восстание против фашистских захватчиков. Все политические и идеологические разногласия, все национальные противоречия отходили на задний план перед лицом общего врага. Этим врагом для всех народов и социальных слоев был фашистский агрессор и продавшаяся ему местная буржуазно-коллаборационистская верхушка. Политике натравливания друг на друга разных национальностей и фашистскому террору коммунисты противопоставили силу патриотизма и классовых интернационалистских убеждений.

Уже 10 апреля 1941 г. стали создаваться первые военные комитеты КПЮ. 15 апреля ЦК КПЮ призвал трудящихся к открытой и всеобщей борьбе за независимость[35]. Спустя две недели коммунистам удалось достичь договоренности с рядом буржуазно-либеральных групп и партий о создании Освободительного фронта Словении. КПЮ выдвинула лозунг Единого народно-освободительного фронта всей Югославии.

Патриотическая позиция КПЮ встретила горячую поддержку масс. Ряды партии, несмотря на жестокий террор, стали быстро расти: в апреле – июне 1941 г. в партию вступило около 4 тыс. новых членов[36]. К июню 1941 г. в КПЮ состояло уже 12 тыс. коммунистов, Союз коммунистической молодежи объединил до 30 тыс. человек[37]. Это была большая политическая сила, способная возглавить народно-освободительную войну югославского народа.

Как только стало известно о нападении фашистской Германии на СССР, КПЮ обратилась с призывом к вооруженной борьбе. «Пробил решающий час, – говорилось в воззвании ЦК КПЮ от 22 июня 1941 г., – начался решающий бой против злейших врагов рабочего класса, бой, который фашистские преступники сами навязали вероломным нападением на Советский Союз – надежду трудящихся всего мира»[38].

27 июня был создан Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии под командованием Генерального секретаря ЦК КПЮ Иосипа Броз Тито. К осени 1941 г. на всей территории Югославии уже действовало 64 партизанских отряда, 9 от-

дельных батальонов и 12 отдельных рот. Общая численность достигала 60—70 тыс. бойцов[39].

Постепенно разрозненные вооруженные выступления превратились в организованную общенародную партизанскую войну. Уже в июле — августе 1941 г. партизанам удалось освободить ряд территорий в Черногории, Сербии, Хорватии, Словении. Осенью 1941 г. патриоты добились ряда побед в Боснии и Герцеговине, а также в Македонии.

В освобожденных районах создавались опорные пункты, вводились новые революционные порядки. Власть брали в свои руки комитеты народно-освободительного фронта. «Смерть фашизму — свобода народу!» — таков был главный девиз всех патриотов. Западная Сербия стала центром восстания. Так, уже в начале освободительной войны в Югославии стали переплетаться воедино антифашистские военные действия и меры по установлению народной власти. В этом отношении Югославия явилась пионером в создании революционной народной власти в Европе.

Партизанские отряды, выбив фашистские войска из той или иной деревни, шли дальше, а в их тылу трудящиеся избирали своих представителей в народные комитеты. Все старые законы и порядки ликвидировались. Устанавливались новая жизнь, новые отношения. К середине 1942 г. только в районе Боснии и Герцеговины действовали 17 районных, 166 общинных и несколько сот сельских народно-освободительных комитетов[40]. К концу 1942 г. патриоты освободили около $^1/_5$ всей территории страны, и везде власть держали в своих руках народные комитеты.

В освобожденных районах постепенно налаживалась мирная жизнь, причем особенно быстро изживались национальные предрассудки и предубеждения. А для Югославии национальный вопрос всегда был особенно болезненным. Именно на него делали ставку гитлеровские и итальянские оккупанты. Но они просчитались: все народы Югославии — сербы, хорваты, словенцы, черногорцы — плечом к плечу сражались против общего врага.

Своеобразие югославской ситуации состояло в том, что против немцев одновременно вели боевые действия и группы под командованием не сдавшихся в плен немцам монархических офицеров, так называемых четников, под общим руководством полковника Драже Михайловича. Они не хотели сотрудничать с коммунистами и находились под влиянием англичан, рекомендовавших Ми-

хайловичу не допустить, чтобы антифашистское движение привело к усилению коммунизма[41].

Выполняя это указание, четники в конечном счете выступили в ноябре 1941 г. против партизанских отрядов Тито, но были разбиты в бою и окружены. После переговоров удалось достичь соглашения о совместной борьбе с оккупантами, однако и после этого монархист Михайлович, пользуясь поддержкой Черчилля, ставил своей главной целью не войну с немцами, а борьбу, в том числе и вооруженную, против «коммунистического влияния».

Преодолевая все трудности и предательские удары со стороны неустойчивых попутчиков, партизанская война под руководством коммунистов разрасталась. Пролетарские бригады стали главной ударной силой антифашистского движения, которое постепенно приобретало все более глубокий социальный характер благодаря деятельности новой власти в освобожденных районах и прямой военной схватке с проимпериалистической армией четников, стремившихся к восстановлению монархии и ориентировавшихся на Англию. По существу сложилось две силы — революционно-освободительная армия под командованием маршала Тито и монархо-либеральная проанглийская и в какой-то мере антинемецкая армия четников под командованием генерала Михайловича, назначенного к тому же военным министром эмигрантского югославского правительства, пребывавшего в Лондоне. Обе эти силы исходя из разных побуждений выступали против фашистских оккупантов, с одной стороны, и соперничали между собой в борьбе за политическую гегемонию — с другой.

В течение пяти лет югославские партизаны под руководством КПЮ вели героическую борьбу против фашизма и потому вполне естественно и закономерно встали во главе новой демократической власти. В ноябре 1942 г., в разгар войны, было создано Антифашистское вече народного освобождения Югославии, провозгласившее себя высшим политическим органом (парламентом) народно-освободительного движения. Революционная власть распространилась на обширную территорию освобожденных районов. Осенью 1943 г. они охватили более половины всей территории страны.

29 ноября 1943 г. на второй сессии Антифашистского веча был избран Национальный комитет освобождения Югославии под председательством И. Броз Тито. В партизанской газете «Виесник» отмечалось: «Впервые в своей

истории народы Югославии имеют свое народное, демократическое правительство, к которому питают глубокое доверие, ибо оно родилось в священной борьбе за свободу и явилось плодом напряженных усилий и жертв наших лучших сынов»[42]. Война еще продолжалась, но в Югославии на освобожденных от фашизма территориях уже осуществлялась глубокая революция, открывающая путь к социализму.

Английское правительство попыталось приостановить развитие революции путем создания коалиционного правительства из представителей Национального комитета освобождения и эмигрантского правительства И. Шубашича. В сложных условиях военных действий коммунисты пошли на компромисс с этими силами с целью обеспечения совместной борьбы с гитлеровскими войсками и бандами предателя Михайловича. Эту линию поддержало и советское руководство. Формально было создано некое коалиционное правительство: одна его часть находилась в эмиграции и не имела никакой реальной силы, другая действовала в Югославии и пользовалась полной поддержкой народа. Коалиционное правительство Югославии получило международное признание, но Черчилль по-прежнему стремился навязать югославскому народу старый монархический строй и буржуазные порядки.

Мощное наступление Советской Армии помогло народам Югославии изгнать фашистского врага. Совместные боевые действия Народно-освободительной армии Югославии и советских частей под командованием маршала Ф. И. Толбухина окончательно сломили сопротивление врага. 20 октября 1944 г. после 6-дневных уличных боев был освобожден Белград. Исход дальнейшей битвы был предрешен окончательно.

Советская Армия получила строгий приказ ни под каким видом не вмешиваться во внутренние дела Югославии. Политическое управление 3-го Украинского фронта в специальной памятке указывало: «Товарищ боец, сержант и офицер! Ты вступил на территорию родной по духу и крови нам Югославии... Всегда и везде помни, что ты пришел в Югославию не для того, чтобы навязывать Югославии свои законы и порядки, а для того, чтобы настичь и уничтожить бегущих под твоими ударами гитлеровских разбойников»[43].

В письме заместителя наркома иностранных дел СССР послу СССР в Великобритании от 21 октября 1944 г. подчеркивалось, что У. Черчилль и Иден во вре-

мя визита в Москву в октябре 1944 г. выразили опасения «насчет усиливающегося советского влияния в Югославии. Мы стремились рассеять эти опасения, объясняя, что не считаем правильной политику советизации Югославии, но вместе с тем подчеркивали важность правильной оценки народно-освободительной борьбы югославских национальных сил во главе с маршалом Тито и важность объединения всех демократических национальных сил Югославии»[44].

Имея огромную военную мощь соединенных сил Народно-освободительной армии (около 300 тыс. бойцов), Национальный комитет освобождения Югославии приступил к перестройке всей общественной жизни. Коалиционное правительство и его премьер Шубашич, находившиеся в Каире, старались лишь помешать этому процессу и навязать буржуазные порядки. Местные комитеты Антифашистского веча народного освобождения вопреки маневрам Шубашича провели конфискацию собственности фашистов и их пособников, установили новую систему заработной платы, организовали работу школ, руководили восстановительными работами, обеспечивали налаживание производства и распределение продовольствия. Все это были важные государственные дела новой народной власти[45].

В соответствии с решением Ялтинской конференции 7 марта 1945 г. маршал Тито сформировал Временное народное правительство Демократической Федеративной Югославии. И. Шубашич получил пост министра иностранных дел. Этим актом формально завершилась борьба демократических сил за власть в стране.

Решающей силой в правительстве являлись коммунисты, завоевавшие это право в героической борьбе с фашизмом и реакцией. Они пользовались огромным авторитетом в народе и сумели привести его к победе. Перед Югославией открылся путь к социализму. «Для югославских народов, для нашего рабочего класса,— отмечал И. Броз Тито,— освободительная борьба одновременно была и победоносной революцией, которая, ликвидируя старый буржуазный строй, заложила фундамент послевоенного социалистического развития нашей страны»[46].

АНТИФАШИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ 9 СЕНТЯБРЯ 1944 г. В БОЛГАРИИ

Во многом похожими путями развивались события в соседней Болгарии, которая оказалась в колеснице гитлеровского блока. На ее территории с санкции царя Бориса

разместились значительные немецкие части. Вся экономика страны была подчинена Германии.

Болгарские коммунисты, все патриоты с самого начала войны взяли курс на развертывание вооруженного партизанского движения против монархо-фашистской диктатуры и немецкой оккупации[47]. При ЦК БКП была создана Центральная военная комиссия. Повсеместно создавались небольшие диверсионные группы. Пренебрегая смертельной опасностью, неся большие потери, коммунисты смело выполняли свой патриотический долг. По инициативе Г. Димитрова 17 июля 1942 г. БКП выдвинула лозунг создания широкого Отечественного фронта. Ближайшей задачей ставилось свержение фашистской власти и создание подлинно демократического правительства[48]. Идея Отечественного фронта продолжала и расширяла стратегию единого антифашистского фронта, выдвинутую VII конгрессом Коминтерна в новых исторических условиях.

Лидеры буржуазных и мелкобуржуазных партий, социал-демократы не пошли на патриотическое сотрудничество и выступили против вооруженных форм антифашистского Сопротивления. Эта предательская линия провела четкий водораздел между патриотами и коллаборационистами.

К концу 1942 г. по инициативе коммунистов было создано свыше 100 местных комитетов Отечественного фронта, которые развернули активную борьбу против террора и войны[49]. В феврале 1943 г. ЦК БКП издал директиву о подготовке вооруженного восстания. В марте—апреле 1943 г. стала создаваться единая Народно-освободительная повстанческая армия. Были организованы десятки новых партизанских отрядов. Выросло число боевых операций: апрель 1943 г. — 72, май — 123, июнь — 145, июль — 174, август — 187, сентябрь — 214, ноябрь — 280[50]. В городах на борьбу поднимался рабочий класс.

После выхода Италии из войны (сентябрь 1943 г.) для антифашистского движения на Балканах сложилась более благоприятная обстановка. Зимой 1943/44 г. монархо-фашисты бросили против партизан 100-тысячную армию и полицию, но успеха не добились. Антифашистское повстанческое движение продолжало нарастать. В стране назревал революционный кризис.

Ведущей антифашистской силой в Болгарии, как и в Югославии, были коммунисты. В августе 1944 г. ЦК БКП взял курс на проведение восстания с целью

свержения власти нацистов и их болгарских приспешников и передачи власти Отечественному фронту. В ночь с 8-го на 9 сентября 1944 г. в Софии началось народное вооруженное восстание, которое завершилось победой. В этот же день советские войска вступили на территорию Болгарии.

Установление власти Отечественного фронта означало успех народной революции. Спустя несколько дней, 16 сентября, к Софии подошли части Советской Армии. Болгарская революция получила необходимую поддержку и защиту от посягательств контрреволюции. «Решающую роль в победе восстания, – указывается в «Истории Болгарской коммунистической партии», – сыграла Советская Армия. Своим неудержимым наступлением на Балканском полуострове она прорвала и быстро сломила оборону немецко-фашистских войск, посеяла панику и растерянность среди темных сил реакции, предотвратила возможную англо-американскую военную оккупацию Болгарии, гарантировала ее независимость и развязала руки народа для решительных действий»[51].

Главным организатором и вдохновителем движения Сопротивления, гегемоном революции являлся рабочий класс Болгарии, руководимый Коммунистической партией. Это позволило соединить воедино демократические и социалистические задачи революции.

АЛБАНСКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Во многом по югославской и болгарской «схеме» развивалась народно-освободительная революция в маленькой горной Албании, оккупированной в апреле 1939 г. итальянскими войсками. Сопротивление началось почти сразу после появления оккупантов. Уже весной 1941 г. в горах недалеко от Тираны образовался небольшой освобожденный район, в котором контроль установили партизаны под командованием Мюслима Пезы. В основном в то время преобладали все же пассивные формы сопротивления. Силы патриотов были разобщены. Лишь в ноябре 1941 г. удалось основать коммунистическую партию. Она насчитывала всего 200 членов, но, несмотря на свою малочисленность, сумела развернуть активную антифашистскую пропаганду[52]. Это была единственная политическая организация в стране, других просто не существовало.

Марионеточное правительство Мустафы Круи

и итальянские оккупационные силы жестоко подавляли все акты неповиновения, но сдержать стремление народа к свободе было невозможно. Все более широкие слои населения переходили от пассивности и выжидания к активным действиям[53]. Шаг за шагом ширилось партизанское движение, рос авторитет подпольной компартии, по инициативе которой в сентябре 1942 г. оформился Национально-освободительный фронт сторонников борьбы за изгнание оккупантов. ЦК КПА в своих документах призывал создавать в освобожденных районах народные Советы из рабочих и крестьян, оказывать максимальную помощь партизанам, вести активную борьбу против фашистских оккупантов, за освобождение Албании и демократизацию всей ее жизни в интересах трудового народа.

Местные коллаборационистские круги, стремясь сбить нарастание антифашистского Сопротивления и рост популярности КПА, создали свою организацию — «Балли комбетар» (Национальный фронт), которая формально также выступала против итальянской оккупации, но на деле противопоставила себя Национально-освободительному фронту и КПА. Баллисты сумели привлечь на свою сторону значительные слои патриотов, которые думали, что «Балли комбетар» действительно заинтересована в освобождении Албании. Но это было не так. Баллисты ничем не отличались от четников Михайловича в Югославии и преследовали лишь свои эгоистические и во многом реакционные цели.

Главные силы Сопротивления действовали под руководством коммунистов. Они вели за собой большинство рабочих и крестьян (последние составляли около 80% всего населения)[54]. Благодаря коммунистам партизанское движение приобрело значительные масштабы, что позволило в июле 1943 г. создать Генеральный штаб Национально-освободительной армии, ряды которой достигли 2 тыс. регулярных бойцов, объединенных в 20 ударных батальонов и 30 отдельных отрядов. К осени 1943 г. ряды НОА превысили 20 тыс. человек, примерно столько же участвовало в группах Сопротивления[55].

К середине 1943 г. партизаны сумели освободить значительные районы и установить в них народно-революционную власть. Руководство «Балли комбетар» попыталось перехватить инициативу и оттеснить коммунистов, но сделать это не удалось. Так, еще в ходе войны был решен вопрос о новой расстановке классовых сил в пользу революционных групп трудящихся и КПА.

Крах итальянского фашизма не привел к полному ос-

вобождению Албании, ибо на смену итальянским частям пришли немецкие войска, взявшие под свой контроль порты и аэродромы. Формально была провозглашена независимость и создано новое марионеточное правительство, которое с восторгом приветствовали баллисты. Этим они окончательно поставили себя вне революционно-освободительного лагеря. Англо-американское средиземноморское командование активно поддерживало «Балли комбетар» и намеревалось таким путем приостановить революцию и навязать свой контроль, но, к счастью, это им не удалось. План организации английского десанта в Южной Албании был вовремя отклонен руководством Национально-освободительного фронта, который уже контролировал положение на большей части территории.

Вскоре, в мае 1944 г., был проведен I Антифашистский национально-освободительный конгресс в г. Пермет, который сформировал Временное народное правительство. Большинство мест в его составе получили коммунисты. Выход Советской Армии на Балканы вынудил гитлеровцев вывести свои войска из Албании, что сразу же лишило всякой опоры марионеточное правительство и позволило антифашистскому комитету быстро распространить свою власть на всю страну. Так была установлена революционно-демократическая диктатура рабочих и крестьян.

Развитие освободительной войны и революции в Югославии и Албании, как видим, шло во многом схожими путями, разница, пожалуй, состояла лишь в том, что в Албании рабочий класс был менее развит, а коммунистическая партия менее опытна. В результате в Югославии освободительная народная война слилась с социалистической революцией, а в Албании — с революцией народно-демократической. Главное же состоит в том, что в обеих странах произошли глубокие социальные революции, выведшие Албанию и Югославию за пределы капиталистической системы.

РЕВОЛЮЦИЯ В ГРЕЦИИ: ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ

Немало шансов на успех имели и демократические силы в Греции, где в 1940—1945 гг. развернулось всенародное вооруженное сопротивление. Однако здесь в отличие от других стран Юго-Восточной и Центральной Европы из-за прямого вмешательства английского империализма

события пошли по иному руслу. Разгром немецких войск не привел к изменению классового характера власти, не открыл перед Грецией новый путь. Опыт Греции в этом смысле не только трагичен, но и в высшей степени поучителен. В октябре 1940 г. в Грецию вторглись итальянские войска, но после 15 дней ожесточенных боев они были выбиты с территории страны. Спустя несколько месяцев, 6 апреля 1941 г., началась новая агрессия, на этот раз фашистских войск Германии, Италии и Болгарии. Но и они встретили героическое сопротивление.

Коммунистическая партия оказалась единственной политической силой, которая призвала народ к защите независимости древней Эллады. Все другие партии либо трусливо капитулировали, либо пассивно наблюдали за происходящим. Король Георг II и его правительство бежали в Египет, часть крупной буржуазии пошла на открытое предательство. Либеральные слои заняли выжидательную позицию. Коммунисты под лозунгом единого антифашистского фронта стали создавать партизанские отряды. В конце мая по инициативе КПГ была образована массовая организация — Национальная солидарность, а спустя некоторое время — Рабочий национально-освободительный фронт. В сентябре 1941 г. левые партии (коммунистическая, аграрная, социалистическая и союз народной демократии) согласились образовать Национально-освободительный фронт (ЭАМ) с целью совместной борьбы с оккупантами и защиты суверенитета Греции. Тысячи коммунистов составили костяк движения.

Вскоре, в октябре, был сформирован Военный центр сопротивления и началось создание Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС). В ее программу входили три задачи: изгнание оккупантов, защита свободы народа, обеспечение свободных демократических выборов в Законодательное собрание[56]. Эта программа получила горячее одобрение трудящихся.

Такой оборот дела не на шутку встревожил эмигрантские круги и Англию, которая издавна мечтала включить Грецию в сферу своего влияния. Вот почему в противовес ЭЛАС был создан Национально-демократический греческий союз (ЭДЕС). Это была марионеточная политическая группировка, ставящая своей целью подчинить антифашистское движение контролю английской военной миссии в Греции во главе с полковником Э. Майерсом, с тем чтобы не допустить усиления авторитета КПГ.

Но этот коварный план реакционных кругов был разгадан. Партизанское движение под руководством ЭЛАС

и КПГ продолжало уверенно набирать силу. В горах возникли освобожденные районы, где зарождались первые устои народной власти. В городах по инициативе КПГ проходили крупные забастовки (100 тыс. человек — Афины, февраль 1943 г., и 250 тыс. человек — Афины, март 1943 г.). В июле того же года в столице была проведена 400-тысячная демонстрация[57].

В ходе освободительной войны греческого народа росли общая мощь движения Сопротивления и политический вес КПГ. К марту 1944 г. было освобождено свыше половины территории страны. К маю 1944 г. Национально-освободительный фронт Греции объединил более 1,5 млн патриотов, ряды КПГ выросли до 412 тыс. человек, в комсомоле состояло еще около 400 тыс. человек, в боевых частях ЭЛАС насчитывалось 140 тыс. бойцов[58]. Это была огромная антифашистская сила, способная не только разгромить немецких оккупантов, но и совершить глубокие революционные преобразования в интересах народа. Политический комитет Фронта фактически уже выполнял роль демократического правительства, действуя на обширной территории освобожденной Греции и имея огромную поддержку масс в еще оккупированных районах.

Казалось, все шло к тому, чтобы в Греции произошла победоносная народная революция по типу югославской социалистической революции. Но в дело вмешался Лондон, который добился в июне 1943 г. подчинения ЭЛАС ближневосточному командованию союзников якобы ради координации боевых действий, а на деле для лишения ЭЛАС всякой боевой политической самостоятельности. С этих пор в движении Сопротивления наметилась крайне опасная тенденция к полному подчинению военно-стратегическим расчетам английского командования[59]. Тогда еще не было известно, что втайне от патриотов английские агенты установили в октябре 1943 г. контакт с немецким командованием в целях выработки общей тактики действий против КПГ и ЭЛАС[60]. Это был предательский удар в спину.

Не менее опасные интриги плели англичане с целью реанимации почти умерших буржуазных партий, которые летом 1944 г. заявили о своей претензии на долю власти в освобожденной Греции. По Ливанскому соглашению от 20 мая 1944 г. делегация ЭАМ и КПГ пошла на гибельный шаг, признав контрольную власть английского командования и дав согласие на формирование правительства «национального единства» с получением для се-

бя всего 1/4 министерских постов. В сентябре 1944 г. по Казертскому соглашению вооруженные силы ЭЛАС были формально поставлены под прямое командование английского генерала Скоби. У. Черчилль мог торжествовать близкую победу, шаг за шагом буквально вгрызаясь в «подбрюшье Европы», как он называл Балканы. Так английскому империализму удалось осуществить свой коварный план, причем тогда, когда кровью греческих патриотов уже 90% территории Эллады было освобождено от немецких войск и находилось под контролем демократических сил[61].

Выход Советской Армии на Балканы вынудил гитлеровцев отвести свои войска из Греции. Это дало новый повод буржуазным кругам начать пропаганду о конце войны и о необходимости установления «нормальной жизни», т. е. о реставрации прежних порядков. Многим казалось, что в Греции надолго наступил период «национального примирения» и сотрудничества. Как показали дальнейшие события, это было роковое заблуждение.

1 декабря 1944 г. генерал Скоби, стремясь окончательно подорвать силы патриотов, отдал распоряжение о демобилизации частей ЭЛАС и о роспуске национальной милиции. 4 декабря он ввел военное положение, а 5 декабря санкционировал вооруженные действия против партизан. Началась открытая интервенция английского империализма, стремившегося перехватить плоды победы греческого народа над гитлеровской оккупационной армией.

12 февраля 1945 г. на переговорах в Варкизе руководство Национального фронта и ЭЛАС сделало еще один неверный шаг и согласилось разоружить свои боевые части и передать руководство вернувшемуся в Афины эмигрантскому правительству. После Варкизского соглашения реакция, поддержанная английским империализмом, развернула массовые репрессии против активистов КПГ и Национального фронта. Вскоре произошла реставрация монархии и старых буржуазных порядков. Так, буквально в последний момент было утрачено все, что удалось завоевать в ходе кровопролитной борьбы. Главной причиной такого исхода явился прямой экспорт контрреволюции, инспирированный английским империализмом.

Таким образом, четыре страны — Югославия, Болгария, Албания и Греция — прошли практически один и тот же путь антифашистской освободительной борьбы, но достигли неодинаковых результатов: в Греции демо-

кратические силы потерпели поражение, в Албании победила народно-демократическая революция, в Югославии и Болгарии — социалистические революции.

РОЖДЕНИЕ ГДР

Особым путем был достигнут переход к социализму в Германской Демократической Республике. На протяжении 12 лет фашистской диктатуры коммунисты и антифашисты Германии вели подпольную борьбу против гитлеровского режима, но сломить нацизм не смогли. Это сделали Красная Армия и силы антигитлеровской коалиции.

В западных зонах Германии после ее капитуляции контроль находился в руках английских и американских войск. Путь к социализму здесь был прочно перекрыт. Лишь в восточной части страны благодаря братской помощи со стороны СССР перед немецкими демократами открылись реальные возможности для построения первого на немецкой земле миролюбивого и демократического государства. В соответствии с решениями Потсдамской конференции Советский Союз стремился помочь немецкому народу «подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе»[62]. Прочный авторитет, завоеванный КПГ в борьбе с фашизмом, позволил мобилизовать все здоровые силы нации на строительство новой жизни.

В июне 1945 г. КПГ опубликовала программу мер по созданию в стране демократического режима. Она предусматривала искоренение фашизма и дефашизацию госаппарата, ликвидацию крупного землевладения, конфискацию имущества у военных преступников, проведение демократических реформ. С демократическими воззваниями выступили и вновь созданные христианско-демократическая и либерально-демократическая партии, а также социал-демократы и профсоюзы. В июне был оформлен Блок антифашистских партий, начали формироваться коалиционные комитеты на местах.

В это же время в западных зонах шел процесс укрепления позиций крупной буржуазии, в том числе и тех ее слоев, которые сотрудничали с нацистским режимом. Политические дороги Западной и Восточной Германии расходились все больше: первая укреплялась на позициях капитализма, вторая уверенно шла к социализму[63].

Важным шагом по пути установления подлинно демо-

кратических основ жизни явилось объединение КПГ и СДПГ и создание Социалистической единой партии Германии (апрель 1946 г.). Ее сопредседателями были избраны В. Пик и О. Гротеволь. СЕПГ ориентировала народ на мирное развитие революционных преобразований и создание единой демократической республики.

Советская военная администрация всячески поощряла инициативу антифашистов на местах, привлекая их к восстановлению нормальной жизни. Рабочие и крестьянские комиссии, органы городского самоуправления набирали силу: проводили земельную реформу, осуществляли восстановительные работы, издавали всякого рода постановления и указания, помогали в проведении конфискации имущества нацистских преступников, устанавливали свой контроль над производством и т. п. Постепенно в Восточной Германии возник крупный народный сектор; к концу 1947 г. он дал уже 58% валовой промышленной продукции[64].

Шаг за шагом укреплялись экономические и политические позиции рабочего класса. Осенью 1946 г. на выборах в общинные, уездные и земельные представительства в восточной части Германии СЕПГ получила большинство голосов, что свидетельствовало о важном сдвиге в настроении широких масс народа, их стремлении к новой, демократической жизни. Правые и реакционные деятели стали спешно уезжать на Запад, не желая расставаться со старыми порядками. Так произошли не только поляризация классовых сил, но и их географическое размежевание. В итоге социальная структура Восточной Германии во многом очистилась от антинародных элементов.

Это обстоятельство облегчило создание в октябре 1949 г. Германской Демократической Республики, ознаменовавшее завершение антифашистского и демократического этапа революции и начало перехода к социалистическому этапу.

* * *

Опыт революционной борьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 40-х годах показал тесную взаимосвязь классовых интересов пролетариата с интересами национального суверенитета и независимости. Стало окончательно ясно, что путь коммунистов к трудящимся лежит через защиту общедемократических и национально-освободительных интересов.

Исключительно важную роль в развитии борьбы с фашизмом играл личный пример коммунистов, которые активно сражались с врагом в составе партизанских отрядов, вели подпольную политическую работу, участвовали в диверсионных актах и демонстрациях, т. е. были вместе с народом. Только так они и могли завоевать авторитет революционной политической силы, авторитет авангарда антифашистского народного Сопротивления.

Уроки и опыт революций 40-х годов сохраняют и поныне свое значение. Задача состоит в том, чтобы сделать этот опыт достоянием новых поколений и тем самым предотвратить ошибки вроде тех, которые допустили в Варкизе греческие коммунисты. Нельзя доверять, как учит история, и коварным попутчикам из лагеря буржуазно-либеральных оппозиционеров. Особенно тяжелые последствия могут иметь маневры империализма. Опыт показывает, что даже в ходе войны империалистические группы, сражавшиеся друг с другом, шли на тайный союз в целях совместной борьбы против народной революции. Это — общее правило современной империалистической контрреволюции.

Уроки истории говорят и о том, что только сами трудящиеся массы способны отвоевать свою свободу и совершить революционные преобразования.

Опыт 40-х годов показал возросшее многообразие форм и путей перехода к социализму в новых исторических условиях. В отличие от России, где последовательно были осуществлены три революции, четко разделенные по времени и социальному содержанию, в Европе демократические и социалистические цели оказались более сближенными между собой. Этому способствовали два фактора. Историческое значение имела поддержка со стороны победившего пролетариата, т. е. Советского Союза. Она укрепляла гегемонию местного пролетариата в освободительной антифашистской войне, способствовала его борьбе за демократию и социализм, защищала страны Центральной и Юго-Восточной Европы от экспорта империалистической контрреволюции.

Вторым фактором, обеспечившим переход от демократического к социалистическому этапу революции, было то, что основная часть местной крупной буржуазии и помещиков во всех странах предала национальные интересы, стала прислужницей гитлеровского фашизма и тем связала свою судьбу с Германией. Военный разгром Германии фактически означал капитуляцию и этих

антинациональных элементов, которые зачастую просто спаслись бегством на Запад. Реакция не смогла развязать кровопролитную войну и вынуждена была отступить.

Революции 40-х годов не только открыли перед народами европейских стран (включая Латвию, Литву и Эстонию) путь к социализму, но и внесли важные качественные перемены в политическую карту Европы. Вместе с тремя революциями в Азии (Вьетнам, Корея и Китай) они изменили лицо мира. Благодаря их победе возникла мировая система социализма. Это было главное завоевание после 1917 г.

Особенность социальных революций 40-х годов состояла в том, что все они выросли из антифашистского Сопротивления. В Югославии, Албании, Греции и Болгарии национально-освободительная война слилась воедино с народной революцией. Иначе говоря, революция приняла форму антифашистской борьбы народов.

Везде гегемония принадлежала рабочему классу и его коммунистическим партиям, хотя на демократическом (антифашистском) этапе вместе с народными массами в ряде стран боролись и некоторые буржуазные патриотические круги. В стратегическом плане речь шла о национальных фронтах сопротивления поликлассового и многопартийного состава при руководящей роли рабочего класса, борющегося наиболее последовательно и самоотверженно.

Свой первый удар революции направляли против фашизма и тех социальных сил, которые сотрудничали с ним. Такое политическое деление на союзников и врагов в принципе совпадало с классовыми антагонизмами, но не полностью. Тем не менее именно крупная буржуазия и богатые помещики являлись главным союзником фашизма и главным врагом народных масс. Это разграничение позволило уже на первом, антифашистском, этапе нацелить удар революции против основного классового врага пролетариата — крупного капитала. В дальнейшем, на втором этапе, это облегчило проведение социалистического переворота.

Такое же положение наблюдалось и в проведении первых демократических мероприятий — аграрной реформы и конфискации собственности пособников фашизма, национализации банков, промышленности, иностранной собственности. Именно благодаря этим мерам революции стали объективно выходить за буржуазно-демократические рамки, хотя поначалу в большинстве стран они не были полностью социалистическими. Лишь посте-

пенно и в мирных формах этот процесс завершился установлением диктатуры пролетариата. В Албании, Болгарии, Польше этот сдвиг произошел в 1944—1945 гг., в Чехословакии, Венгрии, Польше, Румынии — в 1946—1948 гг., т. е. уже после войны, в ГДР — в 1948—1949 гг.

Опыт 40-х годов со всей очевидностью показал противоречивую роль так называемых «демократических держав», т. е. прежде всего Англии и США. С одной стороны, они принимали участие в войне на стороне антигитлеровской коалиции и внесли немалый вклад в достижение общей победы, с другой — проводили реакционную, а подчас и контрреволюционную политику по отношению к усилиям рабочего класса, коммунистов, всех демократических сил Сопротивления по сочетанию своих военных акций с глубокими социальными преобразованиями. Английский империализм поддерживал самые правые буржуазно-монархические правительства, антикоммунистические группы.

Можно сказать, что правительство У. Черчилля видело своего врага не только (а к концу войны не столько) в лице фашистской Германии, но и в лице подлинно революционных и прогрессивных сил в самих странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В Греции эта линия Великобритании стала главной причиной поражения революционных сил.

Революции 40-х годов показали всему миру героизм и силу коммунистических партий, которые из небольших организаций превратились в крупные массовые партии, взявшие на себя руководство обществом. Компартии понесли тяжелые потери: в Югославии погибло 50 тыс. коммунистов, в Чехословакии — 25 тыс., в Германии — почти 300 тыс. И тем не менее коммунистическое движение в Центральной и Юго-Восточной Европе вышло из огня войны и революций окрепшим и возмужавшим. Общая численность восьми коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы к 1947 г. превысила 4 млн человек[65]. Это была огромная сила, которая руководила государственной властью и социалистическим строительством, вела за собой 100-миллионную массу трудящихся.

Несмотря на то что в мае 1943 г. Президиум ИККИ объявил о роспуске Коминтерна, коммунистическое движение действовало и после этого как интернационально сплоченная политическая сила. Коммунисты имели ясную программу движения к социализму, огромный опыт политической борьбы, авторитет. Именно благодаря их

руководству социальные революции 40-х годов в Центральной и Юго-Восточной Европе стали важным историческим рубежом, обозначившим рождение мировой социалистической системы.

РЕВОЛЮЦИИ В АЗИИ: КОРЕЯ, ВЬЕТНАМ И КИТАЙ

НАРОДЫ АЗИИ ПРОТИВ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

Одновременно с развитием социальных революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы происходил мощный подъем антиимпериалистической борьбы народов Азии. Борьба трудящихся в азиатском регионе на этом этапе оказалась также неразрывно связана с общим ходом второй мировой войны [66]. Особенно глубокие революционные потрясения произошли в Корее, Вьетнаме и Китае. К 50-м годам эти три страны благодаря разгрому японского милитаризма и помощи Советского Союза вырвались из цепей капиталистической системы, пополнив собой семью социалистических государств. Наступил поворотный рубеж в многовековой истории всей Азии.

Особенность революционно-освободительной борьбы народов Кореи, Вьетнама, Китая, и не только их, состояла в том, что вначале они сражались против японского милитаризма, а вьетнамский народ еще и против французского колониализма. Когда же эта задача была решена, пришлось воевать против империализма США, организовавшего контрреволюционное вооруженное вторжение с целью установления своего диктата. Если бы не помощь со стороны СССР в установлении демократической власти и защите завоеваний революций от экспорта контрреволюции, вряд ли удалось бы обеспечить победу.

Роль Соединенных Штатов в годы войны была не однозначной: военные операции против Японии, несомненно, ослабляли силы последней в борьбе с освободительными движениями, но американская администрация не оказывала какой-либо реальной помощи антияпонскому сопротивлению и делала ставку на самые реакционные буржуазно-националистические эмигрантские группировки. Подлинная империалистическая сущность политики США со всей очевидностью проявилась после капитуляции Японии. Подобным образом вел себя и французский империализм, развязавший военную агрессию против революционных сил Вьетнама.

Иными словами, «демократические» державы, ведя войну с Японией, не проявляли ни малейшей заинтересованности в расширении антияпонского сопротивления в странах Азии. Более того, они проявляли крайнюю озабоченность в связи с нарастанием революционно-антиимпериалистических движений, стремясь полностью подчинить их контролю буржуазно-националистических кругов, состоявших на содержании у Вашингтона, Лондона или Парижа.

В таких условиях дело национального освобождения и революционной перестройки общественных отношений могло быть успешно решено лишь самими народами. Но для этого надо было сокрушить милитаристскую Японию – главного врага народов Азии на этом этапе истории.

Перед второй мировой войной Япония сумела создать в бассейне Тихого океана и материковой Азии огромный военно-стратегический плацдарм. По Тройственному договору с Германией и Италией (27 сентября 1940 г.) за Японией признавалась гегемония в «Великой Восточной Азии». Стремясь к установлению своего господства в бассейне Тихого океана, 7 декабря 1941 г. Япония начала войну против США и Англии. К маю 1942 г. она захватила огромную зону с населением свыше 150 млн человек[67], в том числе Корею, Французский Индокитай, часть Бирмы, Маньчжоу-го, Гонконг, Сингапур, Британскую Малайю, а также Филиппинские острова, Нидерландскую Индию (Индонезия), острова Гуам, Уэйк и др.

Сломить военное могущество Японии силам США и Англии оказалось крайне трудно. Лишь вступление СССР в войну (с 9 августа 1945 г.) привело к ее полному и окончательному разгрому. 2 сентября 1945 г. Япония капитулировала. Это означало конец второй мировой войны. Однако революционно-освободительная борьба народов на этом не закончилась. Более того, она вступила в новую, самую острую фазу своего развития.

В августе 1945 г. в обстановке подъема повстанческого движения и явной растерянности японского военного командования в связи с разгромом Квантунской армии и заявлением императора о капитуляции в столице Индонезии г. Джакарте произошел политический переворот. 15 августа на массовом митинге лидер буржуазных националистов Сукарно зачитал Декларацию независимости. Повсюду трудящиеся начали стихийно создавать вооруженные отряды, разоружать японцев, брать власть

в свои руки. В крупных городах рабочие устанавливали контроль на предприятиях. В то время в стране еще не было коммунистической партии (она была воссоздана лишь в октябре 1945 г.), поэтому патриотическое движение развивалось стихийно. Массы находились под влиянием буржуазно-националистических идей А. Сукарно, М. Хатты и других буржуазных лидеров. С конца 20-х годов в Индонезии особой популярностью пользовалась идеология «мархаэнизма» – своеобразная разновидность антиколониального популизма. Ее основатель Сукарно стремился в борьбе против голландской администрации создать некий индонезийский гандизм, чтобы совместить интересы «мархаэнов» (бедняков) с интересами мелкой и средней буржуазии на основе антиколониального протеста всех слоев общества и ориентации на некапиталистический путь развития[68]. А. Сукарно и его сторонники стремились максимально избегать насилия, отводя решающую роль морали и просвещению.

Идеология «мархаэнизма» безусловно сказалась на характере Августовской революции 1945 г. и форме ее осуществления: она развивалась как бы сверху вниз при отсутствии какой-либо партийной структуры и наличии гипертрофированной роли вождя и окружающей его кучки образованных интеллигентов-патриотов. В политическом плане Августовская революция 1945 г. являлась во многом верхушечной, но благодаря стихийной активности масс, особенно их действиям против японских гарнизонов, она приобрела черты национально-освободительной революции[69].

Победа открыла путь вперед, но Сукарно так и не смог вывести страну на некапиталистический путь развития, хотя в соответствии с доктриной «индонезийского социализма» провел ряд серьезных преобразований. Принцип «надклассовости», который проповедовал Сукарно, несколько высокомерное отношение к «простому народу», желание облагодетельствовать его, но держать под своим контролем постепенно привели к концентрации власти в руках самого президента. Не случайно поэтому в период военного переворота 1965 г. Сукарно так и не получил активной поддержки народа, от которого он заметно отдалился.

Индонезийский опыт Августовской революции, последующие реформы приобретают особый смысл, если вспомнить целый ряд аналогичных экспериментов по поискам «третьего пути» (Бирма, Перу, Боливия и др.). Августовская революция 1945 г., объединившая воедино

верхушечный переворот и массовое освободительное (антияпонское) движение, явилась важным событием в жизни всего южноазиатского региона.

Иной дорогой пришел к своей независимости народ Бирмы. Еще в ходе войны патриотические силы путем народного восстания и при поддержке английских и правительственных войск сумели освободить значительную часть территории от японских войск[70]. В 1944 г. левые силы создали объединенный фронт — Антифашистскую лигу народной свободы. Ее возглавил революционный демократ Аун Сан. В состав Лиги вошли коммунисты, социалисты, представители профсоюзов. Лига опиралась на национальную армию и органы местного самоуправления, действуя в роли фактического правительства. Британские власти после разгрома Японии пытались восстановить прежние колониальные порядки, но национально-патриотические силы сорвали этот план. Под давлением масс после тяжелой борьбы 4 января 1948 г. был наконец завоеван государственный суверенитет и провозглашено создание независимого Бирманского Союза. Однако руководящие позиции в правительстве захватили буржуазно-консервативные круги, вставшие на путь сотрудничества с иностранным капиталом.

Еще более драматично сложилась судьба освободительного движения в Малайе, тоже оккупированной японскими захватчиками. Здесь сопротивление возглавили коммунисты. По их инициативе была создана Антияпонская армия народов Малайи. Борьба развивалась во многом так же, как в Бирме: были созданы освобожденные районы, за короткий срок (август — сентябрь 1945 г.) разоружены японские воинские части, созданы революционные органы власти[71]. Однако далее события разыгрывались по «греческому сценарию». В середине сентября 1945 г. в Малайе высадились английские войска, всю полноту власти взяла в свои руки английская военная администрация. По ее приказу в декабре народная армия с согласия коммунистов демобилизовалась. В этом состояла трагическая ошибка. Повторилось, причем почти буквально, то же самое, что в Греции в 1945 г.: революции был нанесен смертельный удар. Британский империализм поставил преграду на пути к прогрессу и подлинной свободе.

Лишь после новых 12 лет вооруженной повстанческой борьбы против английских властей в августе 1957 г. удалось достигнуть независимости и создать Малайскую федерацию.

На Филиппинах антияпонское сопротивление с самого начала также возглавили коммунисты. Под их руководством с 1942 г. в разных местах действовали партизанские отряды, а в марте 1942 г. была сформирована Народная антияпонская армия. Постепенно некоторые районы освобождались от японских оккупантов, и там начали создаваться новые органы власти [72]. Вскоре части Народной армии вместе с американским десантом очистили весь архипелаг от японских солдат.

Перед страной открывался широкий путь прогресса, но США помешали движению вперед, обрушившись с репрессиями на патриотов, объединившихся в конце 1945 г. в рядах Демократического альянса. С целью приостановить подъем народного движения американцы поставили у власти в апреле 1946 г. марионеточное буржуазное правительство. В июле того же года Филиппины получили формальную независимость, но на деле так и не вырвались из-под военного диктата Вашингтона. Местные эксплуататорские классы просто-напросто предали национальные интересы, опасаясь, что без помощи американского империализма им не удастся сдержать революционный порыв масс. В результате Филиппины были превращены в постоянный военный плацдарм США в Азии. Это на долгие годы во многом предопределило судьбу филиппинского народа.

Обобщая опыт антияпонского сопротивления на Филиппинах, в Малайе, Индонезии и Бирме, можно сказать, что под влиянием военного разгрома Японии в этих странах сложилась революционная ситуация. Благодаря героической деятельности коммунистов и других левых сил, а в социальном плане — рабочего класса, городской бедноты, крестьянства, прогрессивной интеллигенции и части буржуазии война патриотов против Японии переросла в социально-революционное движение популистского (поликлассового) типа. Однако сил для перехода на некапиталистический путь развития в те годы не хватило. Крайне пагубную роль сыграла реакционная политика империалистических держав.

Лишь народы трех азиатских стран — Кореи, Вьетнама и Китая — сумели осуществить победоносные социальные революции и вырваться из рамок капитализма. Опыт трех революций в Азии, взятый во всей своей совокупности и взаимосвязи,— от первых антияпонских выступлений до установления народной власти и проведения социалистических преобразований — представляет большую международную ценность.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ И СОЗДАНИЕ КНДР

Революционный процесс в Корее, которая с 1910 г., в течение почти 40 лет, практически являлась японской колонией, отличался немалым своеобразием. Буржуазно-феодальные слои полностью продались японским властям и оказались на самых контрреволюционных позициях, а колеблющиеся элементы из их среды были просто подкуплены.

Трудящиеся массы (в основном это были крестьяне — $^3/_4$ населения) оказались в колониальном рабстве у японских монополий и военщины, а сама Корея превращена в военный плацдарм. Японские колониальные компании захватили все командные высоты в экономике, присвоили свыше 11 млн га лучшей земли, ввели кабальные формы эксплуатации и принудительного труда, жестокие полицейские порядки[73]. Японский колониальный гнет вызвал глубокий протест корейского народа, однако долгие годы борьба носила стихийный характер. Власти легко подавляли разрозненные акции протеста.

Самым крупным антияпонским выступлением явилось народное восстание 1919 г., вспыхнувшее под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции. Его массовую основу составили крестьяне. Активное участие приняли рабочие городов. Руководящая роль принадлежала, однако, буржуазно-националистическим элементам и религиозно-аристократическим кругам. Они стремились использовать энергию масс в качестве фактора «морального воздействия» на японские власти. Особенно отрицательно эти деятели относились к борьбе крестьян за землю. Вопреки такой трусливой линии антияпонские выступления трудящихся приняли общенациональный размах. В них участвовало более 2 млн человек[74].

Буржуазные националисты попытались приглушить гнев народа подачей петиции генерал-губернатору. Так появился некий корейский вариант гапоновского прошения о предоставлении независимости. В ответ японские войска применили оружие, а массы начали вооруженные действия. Однако движение не было организованным, и японские солдаты подавили его. В ходе жестокой расправы были казнены 7,6 тыс. патриотов, около 50 тыс. человек брошены в тюрьмы.

Тогда корейские патриоты стали уходить в погра-

ничные районы Маньчжурии, где формировались первые партизанские отряды. В Шанхае группа буржуазных националистов во главе с Ли Сын Маном в свою очередь создала «временное правительство», ставя своей целью «мирный путь освобождения», т. е. путь сотрудничества с Японией, и отказ от опоры на народное движение. В конечном счете эта группировка превратилась в американскую агентуру.

После подавления восстания 1919 г. антияпонская борьба развивалась в форме отдельных партизанских выступлений, деятельности рабочих политических союзов, молодежных организаций, забастовок, крестьянских бунтов и террористических акций. Но все это были локальные действия. Они не сливались в единый поток антиколониального сопротивления. Созданная в 1925 г. в глубоком подполье Корейская коммунистическая партия также не смогла возглавить борьбу народа. Беспринципная фракционная борьба серьезно ослабляла партию и мешала ее работе в массах.

Положение стало меняться лишь в середине 30-х годов, когда в Маньчжурии и пограничных районах Северной Кореи получило развитие устойчивое партизанское движение. Была создана корейская партизанская дивизия под командованием Ким Ир Сена, которая действовала в контакте с Народно-освободительной армией Китая в боях против японских войск. В 1936—1939 гг. корейские партизаны перенесли свои действия непосредственно на территорию Северной Кореи.

В годы второй мировой войны антияпонская партизанская война в северных районах Кореи приняла еще больший размах. В боевых операциях против японских оккупантов в 1942 г. участвовали уже крупные партизанские отряды. В Маньчжурии в составе партизанских групп состояло до 70 тыс. корейцев[75]. По некоторым сведениям, в движении Сопротивления в Корее в годы войны в целом приняло участие свыше полумиллиона патриотов из самых разных социальных групп и слоев населения.

«Корейское временное правительство» не вело никакой борьбы с японцами, дожидаясь своего часа и надеясь вместе со своим покровителем Чан Кайши на помощь со стороны США. Трусливое поведение буржуазных националистов вызвало осуждение со стороны народа. Ведущей силой антияпонского Сопротивления выступил с самого начала корейский пролетариат. К 40-м годам большой авторитет завоевали коммунисты. Однако даже

самые героические действия патриотов не могли сломить могущественную военную машину Японии.

Соединенные Штаты Америки, ведя боевые операции против японцев, не оказывали корейским патриотам какой-либо поддержки, рассчитывая на завершающем этапе оккупировать территорию Кореи и превратить ее в собственную колонию. Этот тайный расчет прикрывался так называемой Каирской декларацией, опубликованной за подписями Ф. Д. Рузвельта, У. Черчилля и Чан Кайши 1 декабря 1943 г., в которой указывалось, что «три великие державы, помня о порабощенном народе Кореи, решили, чтобы в должное время Корея стала свободной и независимой» [76].

Но это была фраза, причем сформулированная под давлением У. Черчилля, который начал выражать беспокойство по поводу явного усиления влияния США в Азии. На деле же, заявляя об отказе от каких-либо территориальных притязаний, и Англия, и США, и чанкайшистский Китай стремились урвать как можно больший кусок из гибнущего «японского колониального наследства».

Ситуация изменилась лишь со вступлением СССР в войну с Японией 9 августа 1945 г. Советские части, нанося неотразимые удары по Квантунской армии, быстро продвигались в глубь территории Маньчжурии и Кореи. Марионеточное государство Маньчжоу-го, созданное японцами в 1932 г., прекратило свое существование, а его «император» Пу И был пленен. К концу августа территория Кореи вплоть до 38-й параллели была освобождена. Южная часть полуострова после капитуляции Японии находилась под контролем американских войск.

В Северной Корее благодаря победе Советской Армии сложилась благоприятная обстановка для проведения социальных преобразований. Аппарат японского колониализма был полностью разгромлен. Местная буржуазия, скомпрометировавшая себя в глазах народа связями с японским командованием, ни в малейшей степени не могла претендовать на власть. Буржуазных партий в стране практически не имелось. Это облегчало строительство новой, народной власти. Вместе с тем прогрессивные силы также были развиты недостаточно, а главное, не имели какого-либо опыта легальной политической деятельности. Трудящиеся не были организованы, если не считать основанного еще в 1935 г. в Маньчжурии по инициативе Ким Ир Сена Общества возрождения отечества (примерно 200 тыс. членов), созданной на его ос-

нове Лиги независимости Кореи и ряда небольших патриотических обществ молодежи, женских организаций и профсоюзов.

В октябре 1945 г. состоялось организационное оформление Коммунистической партии Кореи. Партия насчитывала сначала 6 тыс. членов, а спустя год, к августу 1946 г., ее численность достигла 134 тыс. человек[77]. В августе 1946 г. путем объединения КПК и Новой народной партии возникла единая Трудовая партия Кореи, ставшая самой крупной и авторитетной политической силой в стране. Были образованы и другие партии, в том числе буржуазные и мелкобуржуазные, но они не имели массовой опоры. Одновременно на предприятиях создавались профсоюзы, в деревне — крестьянские организации. Все эти организации и группы вошли в Единый демократический национальный фронт, который объединил более 5 млн человек. Это означало глубокую перемену в расстановке классовых и политических сил.

Корейские реакционеры и американская военная администрация в Сеуле стремились сорвать мирное объединение Кореи на демократической основе и насаждали на Юге страны капиталистические порядки. США сразу же после войны предложили установить над Кореей длительную опеку четырех держав — США, Англии, СССР и Китая. Такой план противоречил смыслу Каирской декларации, но это мало беспокоило президента Г. Трумэна, рассчитывавшего на постепенное установление американского контроля. Предложенный проект не предусматривал создания национального корейского правительства.

Советский Союз в принципе считал возможным установить короткий (не свыше пяти лет) переходный период, но при обязательном и немедленном создании корейского демократического правительства. Московское совещание министров иностранных дел четырех держав (декабрь 1945 г.) одобрило советский план. В связи с блокированием работы совместной комиссии четырех держав СССР в сентябре 1947 г. предложил предоставить Корее самой сформировать единое правительство без помощи и участия со стороны США и СССР и при условии одновременного (в начале 1948 г.) вывода американских и советских войск из Кореи. Это предложение было отвергнуто США, которые вели дело к расколу Кореи и созданию на Юге страны сепаратного «правительства», полностью послушного воле Вашингтона.

В мае 1948 г. в Сеуле стало функционировать реак-

ционное правительство во главе с Ли Сын Маном. Американская военная оккупация продолжалась.

Тем временем в Северной Корее происходили поистине революционные преобразования. В марте 1946 г. началось проведение земельной реформы, по которой наделы получили более 725 тыс. крестьянских семей. Власть помещиков уничтожалась. Одновременно была конфискована и передана в собственность народных комитетов собственность японских предпринимателей и изменников родины. Основные средства производства — заводы, шахты, банки, учреждения связи и транспорта — объявлялись национализированными. В 1946—1947 гг. вышла серия законов о труде и заработной плате, о равноправии женщин. Началась реформа образования, проводились выборы в местные органы власти.

В феврале 1947 г. трудящиеся избрали высший орган законодательной власти Северной Кореи — Народный комитет, который стал действовать как демократическое правительство. В сентябре 1948 г. была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Перед корейским народом открылись широкие возможности успешного продолжения революции в северной части страны. Однако его ждали новые испытания. 25 июня 1950 г. южнокорейские власти в союзе с империализмом США развязали агрессивную войну против КНДР. Три года продолжалась кровопролитная война против интервентов. В ходе войны корейский народ одержал победу над внутренними и внешними врагами революции и приступил к мирному социалистическому строительству, опираясь на братскую помощь СССР и других социалистических стран.

АВГУСТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1945 г. ВО ВЬЕТНАМЕ

Накануне второй мировой войны Вьетнам входил в состав колониальной империи Франции как часть так называемого Индокитайского союза: северные (Тонкин) и центральные районы (Аннам) были протекторатами, а Южный Вьетнам (Кохинхина) являлся колонией. Все эти территории управлялись французским генерал-губернатором. В экономическом отношении они были крайне отсталыми и бедными. Трудящихся безжалостно эксплуатировали. Внутренняя политика французской администрации сводилась к полицейским репрессиям и охране колониального режима. Оппозиционные выступления же-

стоко подавлялись. В условиях колониальной зависимости и полуфеодального строя единая Коммунистическая партия Индокитая (создана в 1930 г.) действовала в подполье. С началом второй мировой войны в Европе генерал-губернатор Катру взял курс на физическое истребление коммунистов, видя в них основных зачинщиков антиколониального протеста масс. «Военная обстановка, — заявлял этот реакционер, — толкает нас на безжалостные действия»[78]. Однако репрессии лишь подлили масла в огонь. Все социальные слои и группы требовали независимости и демократизации жизни.

Ситуация стала особенно сложной в связи с вторжением на территорию Французского Индокитая японских войск. Это произошло 22 сентября 1940 г., т. е. уже после того, как гитлеровцы оккупировали Париж. Французская администрация в Индокитае по примеру центрального правительства Петена, сдавшегося в мае 1940 г. на милость фашистского агрессора, сочла за благо капитулировать перед японскими милитаристами. В итоге вьетнамский народ, как и народы других стран Индокитая (Лаос и Камбоджа), оказался под двойным гнетом — французских и 30 тыс. японских солдат[79]. Сложилась некая двуглавая японо-французская администрация. Индокитай был разделен на своеобразные зоны влияния.

Трудящиеся, прежде всего рабочий класс, под руководством коммунистической партии 27 сентября попытались организовать восстание — сначала в Бакшоне, а в ноябре 1940 г. — в Намбо, на юге страны. Но эти выступления, как и солдатские мятежи в январе 1941 г., были подавлены японскими и французскими властями, которые пошли на временный сговор против революции[80].

В обстановке полного превосходства колонизаторов коммунисты, признав преждевременность восстаний, взяли курс на развертывание партизанского движения. В мае 1941 г. удалось сформировать Фронт независимого Вьетнама (Вьетминь), который возглавил Сопротивление. В течение целого ряда лет патриоты вели партизанскую борьбу за освобождение родины, но не могли сломить превосходящие силы врага. Ситуация стала меняться лишь к концу 1944 г.

Победы антигитлеровской коалиции в войне на европейском театре придали французскому генерал-губернатору смелость, и он заявил об отказе от дальнейшего сотрудничества с японцами. В ответ 9 марта 1945 г. японское командование арестовало верхушку колониальной администрации и приступило к разоружению фран-

пузских частей. Эти акции выдавались за «освобождение» Индокитая от колониального рабства.

Воспользовавшись ослаблением Франции и временной неразберихой, патриоты начали спешно готовиться к вооруженному восстанию против японских оккупантов, которые, как указывалось в документах коммунистов Вьетнама, теперь являются единственным «главным — конкретным и непосредственным — врагом народов Индокитая»[81]. В ряде районов партизанам удалось создать освобожденные зоны, в которых по инициативе коммунистов начали проводиться революционные преобразования: конфискация имущества захватчиков, проведение демократических выборов, вооружение народа, передел общественных земель, отмена налогов и т. д.[82]

Вступление СССР в войну с Японией в корне изменило ситуацию. Создались благоприятные условия для подъема народной антияпонской борьбы. Видя мощное наступление Советской Армии, американское военное командование разработало тайный план захвата Индокитая после капитуляции Японии. Такие же планы вынашивали реакционные круги Франции и Англии, не желавшие утрачивать свои позиции в Азии.

В этой обстановке вьетнамские революционеры рассчитывали поднять восстание и взять власть в свои руки обязательно до прихода американских войск. В противном случае победа революции была бы проблематичной. Об этом свидетельствовал целый ряд официальных демаршей США и Франции. На Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) — Ф. Д. Рузвельт в беседе с И. В. Сталиным высказал идею о том, чтобы над Индокитаем установить коллективную опеку 3—4 держав «и через 30—40 лет подготовить народ Индокитая к самоуправлению»[83]. Такой вариант никоим образом не устраивал Францию, которая стремилась во что бы то ни стало вернуть себе Индокитай. Однако до поры до времени правительство де Голля не имело возможности предъявлять свои претензии. Когда же ситуация обострилась до предела и стало совершенно очевидным, что японцам придется покинуть Индокитай, посол Временного правительства Французской республики в Москве Катру 15 августа 1945 г. в своем письме в НКИД СССР выразил желание «заручиться согласием своих союзников» на то, чтобы капитуляция японских войск была принята французами и, главное, было осуществлено восстановление «суверенитета (колониальной

Франции.— *Б. К.*) в Индокитае в том виде, в каком он существовал в 1939 г....»[84].

Геополитические комбинации США и Франции ни в малейшей степени не учитывали интересы самих народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Все строилось на основе сугубо колониалистских и захватнических целей держав. Вот почему патриотические силы Вьетнама с полным основанием спешили с подготовкой восстания, стремясь во что бы то ни стало обогнать американцев. По решению II партийной конференции коммунистов 13 августа 1945 г. был сформирован Национальный комитет восстания, который отдал приказ о начале боевых действий: «Армия и народ всей страны! Пришел час восстания! Наступил час для завоевания армией и народом Вьетнама независимости Родины! Мы должны *действовать как можно быстрее*, с беспредельной смелостью и величайшей осторожностью! Родина требует от нас абсолютной самоотверженности! Победа будет за нами!»[85]

Программа Вьетминя состояла в том, чтобы при помощи восстания захватить власть и создать демократическое правительство, провозгласить независимость страны, предоставить народу все права, провести национализацию имущества японских и французских захватчиков, осуществить аграрную реформу. Съезд народных представителей, собравшийся в освобожденном Танчао, 17 августа избрал Вьетнамский комитет национального освобождения, т. е. фактически Временное правительство во главе с Хо Ши Мином.

В течение нескольких дней — с 14 по 19 августа — по разным городам и районам страны прокатилась мощная волна восстаний. Повсюду в ходе упорных боев с японскими гарнизонами народ брал власть в свои руки. Рано утром 19 августа красные флаги с золотыми звездами взвились над Ханоем. Японские войска в столице вынуждены были без боя сдаться. Успех восстания в Ханое означал полную победу освободительной революции, хотя бои продолжались в отдельных районах еще несколько дней. 30 августа император Бао Дай отрекся от престола. Феодальная монархия прекратила свое существование.

Уже после установления почти на всей территории Вьетнама революционной власти французы — сторонники де Голля — выбросили парашютный десант с целью восстановить свои колониальные порядки. Однако почти все десантники были пленены местным населением. Так победила Августовская революция. Исходя из сложив-

шихся в тот момент обстоятельств, революционеры сумели быстро добиться полного слома вражеского аппарата власти и установить новую власть. Это было сделано до вступления войск Англии, США, Чан Кайши и деголлевской Франции в Индокитай, что позволило предотвратить их вмешательство в ход революции и обеспечить ее победу. 2 сентября 1945 г. Хо Ши Мин провозгласил Декларацию независимости. Так родилась Демократическая Республика Вьетнам.

Победа национально-освободительной народной революции означала не только свержение столетнего колониального гнета Франции и изгнание японских захватчиков, но также ликвидацию монархии и феодального строя.

Демократическая Республика Вьетнам смогла, однако, недолго жить в мире. На юге страны французская армия стремилась создать свой плацдарм, на севере нарастала угроза со стороны сменивших японцев солдат 200-тысячной армии Чан Кайши. В Южный Вьетнам вступили и английские части под тем же предлогом разоружения японских войск. По сути дела и чанкайшисты, и французы, и англичане под предлогом помощи в освобождении Индокитая пытались закрепиться на территории Вьетнама и подорвать там народную власть. Все они мечтали вновь ввергнуть народы Индокитая в колониальную зависимость.

В декабре 1946 г. Франция, отбросив все условности, открыто развязала против ДРВ агрессивную войну, рассчитывая вернуть себе ценную колонию. Весь вьетнамский народ поднялся на защиту столь дорого доставшейся свободы. В течение 9 лет продолжалась героическая война Сопротивления, но в конце концов Франция вынуждена была отступить. В июле 1954 г. на Женевском совещании правительство Франции официально признало независимость Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

Казалось, демократическая революция получила реальную возможность быть продолженной в направлении к социализму. Власть в стране прочно держали рабочий класс и трудовое крестьянство, а политическое руководство по праву находилось в руках коммунистов. Но на пути революции встало новое, еще более тяжелое препятствие. В 1964 г. свой удар по революционному Вьетнаму нанесла полумиллионная армия главного империалистического хищника — США. Но и на этот раз вьетнамский народ не дрогнул и заставил отступить американского агрессора, потерявшего 58 тыс. солдат в джунглях

Индокитая. Американские летчики сбросили на вьетнамскую землю свыше 7 млн т бомб, выжгли напалмом огромные территории, распылили более 48 млн л ядовитого вещества «эйджент орандж», но все было напрасно: вьетнамская революция не отступила.

Справедливая война Вьетнама вызвала мощное движение солидарности, причем в самих США поднялась огромная волна протеста. Все это заставило агрессоров пойти на переговоры и в 1973 г. вывести свои войска из Вьетнама, хотя они продолжали оказывать помощь реакционному сайгонскому режиму на Юге страны. Лишь весной 1975 г. вьетнамский народ завершил борьбу за свободу и независимость: южная часть страны в результате народного восстания воссоединилась с Северным Вьетнамом. В истории многострадального героического народа начался новый этап.

ПОБЕДА НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ

Революционные процессы во Вьетнаме и Корее, как и во всех других странах Азии, проходили в 30—40-х годах под прямым воздействием общего хода антияпонского Сопротивления и особенно развития китайской революции[86]. Революция в Китае вовлекла в орбиту своего морально-политического влияния сотни миллионов людей. В течение ряда десятилетий положение революционных сил в Китае определяло основную динамику противоборства революции и контрреволюции в Азии в целом.

Развитие китайской революции проходило крайне неравномерно и противоречиво. Чанкайшистское крыло Гоминьдана, пришедшее к власти в апреле 1927 г. в результате контрреволюционного переворота, хотело добиться восстановления национального единства Китая на капиталистической основе. С этой целью предпринимались определенные антиимпериалистические меры, но главные усилия были сосредоточены на подавлении революционного движения и ликвидации «советских районов», власть в которых удерживали коммунисты.

Япония поспешила воспользоваться внутренним расколом Китая и в сентябре 1931 г. развернула агрессию в Маньчжурии. Чан Кайши в этой обстановке не нашел ничего лучшего, как призвать народ к несопротивлению и спокойствию. Армии был отдан приказ отступить на юг. За счет потери Маньчжурии предполагалось «удовлетворить» аппетиты Японии и приостановить ее дальней-

шую агрессию. Это было чистейшее предательство, которое позволило японским войскам легко захватить всю Маньчжурию и создать марионеточное государство Маньчжоу-го. Так на границе с СССР возник крупный японский военный плацдарм.

В обстановке японской агрессии с севера и острых междоусобных войн нанкинского правительства Чан Кайши с местными милитаристскими группировками (пекинским правительством Чжан Цзолиня, армией маршала Фэн Юйсяна на юге, армией Янь Сишаня в Шаньси и др.) в стране продолжало развиваться крестьянское движение под лозунгом Советов. Под руководством КПК в «советских районах» создавалась Красная армия. В городах продолжалось забастовочное движение рабочего класса.

В 1930 г. руководство КПК во главе с Ли Лисанем, переоценив силы революции, выдвинуло авантюристический курс на немедленное проведение в крупных городах вооруженных восстаний. Ли Лисань признавал даже возможность развязывания мировой войны с целью ее превращения в мировую революцию[87]. Исполком Коминтерна решительно осудил путчистские настроения. Однако тем не менее Красной армии был дан приказ атаковать и занять ряд городов. Одновременно начались рабочие забастовки. Все эти действия окончились поражением. Революция была резко ослаблена. В боях погибло несколько сот тысяч человек.

Против революционной базы на юге по приказу Чан Кайши выступила 100-тысячная армия. Центральный советский район (провинции Цзянси, Фуцзянь) оказался также блокирован. Страна вступила в период затяжной гражданской войны.

В 1930—1937 гг. гоминьдановские войска осуществили шесть карательных походов, но так и не смогли задушить революцию. В пятом походе (конец 1933 — начало 1934 г.) против 300 тыс. бойцов Красной армии в провинции Цзянси воевало 500 тыс. чанкайшистских солдат[88]. С целью сохранения боевых сил и выхода из окружения было решено перебазировать Красную армию из Центрального советского района на северо-запад, в глубь Китая. Еще до этого, в 1932 г., туда же передислоцировались революционные части из ряда других опорных баз. После изнурительных переходов, продолжавшихся 14 месяцев, Красная армия закрепилась в провинции Сычуань. Здесь в 1935 г. была создана Северо-Западная федерация автономных районов и сформировано советское правительство. Под контролем революционных

сил оставался также небольшой район в провинции Шэнси.

Вместо шести революционных баз к середине 1935 г. осталось две. Численность Красной армии сократилась примерно вдвое и не превышала 100 тыс. человек. Резко ослабло влияние КПК. В ее руководстве произошел раскол. Сформировались две автономные воинские группировки, которые действовали независимо друг от друга. Связь партии с массами была во многом утеряна. Все это свидетельствовало о серьезном кризисе советского движения.

В основе неудач лежала стратегическая ошибка, допущенная КПК в оценке непосредственных задач революционной борьбы. Вместо концентрации сил на борьбу с японским агрессором, на которую могли подняться самые широкие слои населения, КПК взяла курс на свержение пользовавшегося немалой популярностью буржуазно-националистического правительства Чан Кайши. Такая позиция КПК определялась во многом тем, что именно Чан Кайши обрушил на коммунистов жестокие репрессии и сыграл роковую роль в исходе национальной революции 1925—1927 гг. Тем не менее, несмотря на антикоммунистическую ориентацию нанкинского правительства, Гоминьдан отнюдь не потерял полностью позитивных возможностей.

Чан Кайши в брошюре, посвященной 25-летию синьхайской революции (1936 г.), так определил общий смысл политики Гоминьдана: «Китай способен свершить великие дела, способен уничтожить разрушительные силы милитаризма и коммунизма, способен провести конструктивные мероприятия, направленные на достижение благосостояния народа, короче говоря, способен навести порядок в своем собственном доме, если ему дадут шанс самому решать свою судьбу без помех. Этот шанс мы хотим и мы должны получить»[89]. Такая формула привлекла на его сторону буржуазию, часть крестьянства и мелких предпринимателей.

Стремясь укрепить свою социальную базу, чанкайшистский режим проводил политику ускоренного развития капитализма. В условиях военно-политической раздробленности страны и междоусобицы милитаристских группировок гоминьдановское государство приобретало все большую политическую автономию и объективно стремилось достичь социальной стабилизации с целью перевести Китай на путь самостоятельного капиталистического развития. В известной мере это соответствовало

установкам Сунь Ятсена, но с большим налетом буржуазно-националистической реакционности ввиду явного отказа от демократизма в пользу военно-диктаторских форм правления.

Крупномасштабное вторжение японских войск на территорию Китая в июле 1937 г. заметно упростило расстановку сил. КПК и Гоминьдан вынуждены были пересмотреть прежние взгляды и взять курс на сотрудничество в борьбе против японской агрессии. Еще в 1931—1932 гг. коммунисты формально выдвигали антияпонские лозунги, но не доводили их до идеи единого фронта с чанкайшистами. Руководство КПК долгое время полагало, что необходимым условием успешного антияпонского сопротивления является разгром чанкайшистского режима. «Лишь свергнув буржуазно-помещичье гоминьдановское правительство, можно вести истинную революционную национальную войну...»[90] — указывалось в одном из решений КПК в 1932 г. Такая установка была ошибочной, она отталкивала массы, которые видели непосредственного врага не в Гоминьдане, а в японских агрессорах.

VII конгресс Коминтерна поставил перед всеми партиями, в том числе и перед КПК, задачу начать работу по созданию единого антиимпериалистического (в данном случае — антияпонского) фронта, по преодолению всякого сектантства и пережитков «левизны». Без прекращения гражданской войны и сплочения нации нельзя было и думать об отпоре японским захватчикам. После их нападения на Китай в 1937 г. проблема единства патриотических сил приобрела поистине жизненное значение.

В сентябре 1937 г. сотрудничество Гоминьдана и КПК впервые стало приобретать конкретные формы. Было подписано совместное заявление о борьбе против японских агрессоров и проведении демократических преобразований в интересах народа на основе «трех принципов» Сунь Ятсена. «Сплотимся воедино и воздвигнем нерушимую Великую стену единого национального фронта для отпора агрессии японских бандитов. Пусть гоминьдан и коммунистическая партия в тесном сотрудничестве дадут отпор новому наступлению японских бандитов»[91] — таков был лозунг КПК на новом этапе.

В течение восьми лет — с 1937 по 1945 г. — китайский народ сражался против агрессора. Огромную помощь и поддержку он получил в этой борьбе со стороны Советского Союза и международного пролетариата. В годы антияпонского сопротивления обнаружились непоследо-

вательность и даже капитулянтские тенденции в политике буржуазии и Гоминьдана. Под предлогом необходимости «единого руководства» чанкайшисты продолжали действовать против КПК, но под напором обстоятельств и требований народа были вынуждены одновременно и сотрудничать с коммунистами, которые благодаря своей патриотической линии стали быстро укреплять связи с массами.

К концу 1938 г. патриотические силы создали на всей оккупированной территории освобожденные районы с общим населением около 50 млн человек. В Особом, или Пограничном, районе (провинции Шэнси, Ганьсу, Нинся), который находился на китайской стороне фронта, действовало демократическое правительство, проводились социально-экономические преобразования. Так закладывались основы новой, подлинно народной власти. Отношения между КПК и Гоминьданом оставались крайне напряженными, а в 1939—1940 гг. дело вновь дошло до прямых военных столкновений. Единый фронт переживал серьезный кризис. Возникла угроза второй гражданской войны, что было на руку только японским милитаристам. С большим трудом единый фронт удалось сохранить.

Тем временем война приобрела мировой характер. Япония вступила в противоборство с США и Англией за передел сфер влияния не только в Китае, но и в Азии в целом. В ходе японской агрессии огромная часть территории Китая перешла под контроль Японии. К 1944 г. в ее руках кроме Маньчжурии оказались все приморские провинции, многие центры, в частности Шанхай, Пекин, Кантон, Ухань и др. Но под властью Гоминьдана оставались еще обширные районы с населением свыше 200 млн человек. В «базовых районах» КПК проживало более 60 млн человек [92]. Гоминьдановская армия насчитывала к весне 1945 г. 4,6 млн солдат [93]. Это была мощная сила, которая могла обеспечить твердую власть Чан Кайши.

В этих условиях США сделали ставку на поддержку Чан Кайши, предполагая с его помощью установить после войны свой контроль над Китаем. Правда, эмиссары Ф. Рузвельта параллельно вели секретные переговоры с Мао Цзэдуном, намереваясь добиться его согласия на подчинение Гоминьдану. Стратегическая цель состояла в том, чтобы любой ценой удержать Китай в системе капитализма и предотвратить всякую возможность победы народной революции. Сложилась весьма оригинальная

ситуация: чанкайшистский Гоминьдан, США и другие «демократические» державы, ведя войну с Японией, вносили полезный и важный вклад в общий ход второй мировой войны как участники антигитлеровской коалиции. С другой стороны, они всячески мешали развитию демократической революции в Китае, вели открытую и тайную борьбу против коммунистов и Красной армии. Чанкайшистские войска многократно вступали с ней в вооруженные столкновения. Такое положение продолжалось вплоть до капитуляции Японии. После этого на первый план выдвинулись задачи демократической революции. Конец войны обозначил новый этап в развитии китайской революции.

В первое время после окончания второй мировой войны ни Гоминьдан, ни Компартия не имели сил для открытой борьбы за власть. В течение некоторого времени они придерживались политики сосуществования. Правда, было ясно, что перемирие носит временный характер, ибо каждая сторона имела прямо противоположные цели: чанкайшисты стремились повести послевоенный Китай по пути капитализма, коммунисты рассчитывали довести до конца дело народно-демократической революции и взять курс на социализм.

Правительство Г. Трумэна после капитуляции Японии поспешило направить в Китай крупные вооруженные силы (более 100 тыс. человек) якобы для помощи в разоружении японских войск, а на деле для поддержки правительства Чан Кайши. США фактически подталкивали Чан Кайши к развязыванию новой гражданской войны с целью полного разгрома КПК и советских районов.

В первой половине 1946 г., грубо нарушив все договоренности о сотрудничестве, 4-миллионная армия Чан Кайши начала массированные военные действия против народно-освободительной армии сразу по нескольким основным направлениям. В течение трех лет в Китае бушевала кровопролитная гражданская война, в ходе которой чанкайшистский режим, несмотря на всемерную поддержку США, потерпел сокрушительное поражение. Огромным стимулом в развитии всенародной борьбы с чанкайшистами явились прогрессивные реформы в освобожденных районах (особенно аграрная реформа). К сентябрю 1949 г. части Народно-освободительной армии Китая освободили почти всю территорию страны. 1 октября 1949 г. на массовом митинге в Пекине состоялось провозглашение Китайской Народной Республики.

Длительный и мучительный путь народной революю-

ции завершился ее полной и окончательной победой. Победа китайского народа в корне изменила обстановку во всем азиатском регионе. Китай, Вьетнам и Северная Корея образовали мощный революционный плацдарм, пополнив собой общую семью стран социализма.

* * *

Революции 40-х годов в азиатских странах выросли на почве общенародного освободительного (антиимпериалистического) движения, которое развивалось в течение многих десятилетий, но лишь после разгрома японского милитаризма получило тот импульс и те международные условия, которые были необходимы для полной победы. Все страны накануне победы народных революций относились к группе колониальных и полуколониальных стран с крайне отсталым полуфеодальным хозяйством, преобладанием деспотических форм правления, слабым развитием пролетариата. Основную массу трудового народа составляло крестьянство. Это наложило отпечаток на весь ход освободительной борьбы, в какой-то мере предопределив преобладание партизанско-повстанческих форм сопротивления, высокий удельный вес аграрно-крестьянского вопроса в социальном содержании революций.

Различия по странам скорее касались форм и динамики борьбы за власть, а не социально-экономического и политического содержания революций. Везде главная объективная цель состояла в достижении национальной независимости, в проведении антифеодальных аграрных преобразований и демократизации общественного строя (во Вьетнаме речь шла о ликвидации монархии и о провозглашении республики). Эти цели определили структуру движущих сил революции – рабочие, крестьяне, патриотические группы национальной буржуазии, городские средние слои, т. е. все антиимпериалистические и демократические группы общества.

В Китае в отличие от Вьетнама и Кореи в течение целого ряда лет в рамках единого антиимпериалистического фронта активно действовала буржуазно-националистическая группировка Чан Кайши. Гоминьдан соперничал с КПК в борьбе за политическую гегемонию внутри страны, но в определенной мере сотрудничал в обеспечении задач антияпонского сопротивления.

Во Вьетнаме и Корее местная буржуазия фактически полностью подчинилась японскому агрессору и не высту-

пала в защиту национальных интересов. Это обстоятельство привело к тому, что сразу же после разгрома Японии во Вьетнаме и Корее власть полностью перешла в руки народа. В Китае вспыхнула кровопролитная гражданская война, которая продолжалась целых четыре года и лишь в октябре 1949 г. закончилась победой революционных сил.

Во всех трех случаях ярко проявилась глубокая разница между политикой СССР и политикой империалистических держав. Советский Союз на всех этапах оказывал революционным силам максимальную помощь и поддержку. США, Англия и Франция всегда во главу угла ставили свои империалистические и колониальные интересы, осуществляя экспорт контрреволюции вплоть до военной интервенции и варварских бомбардировок.

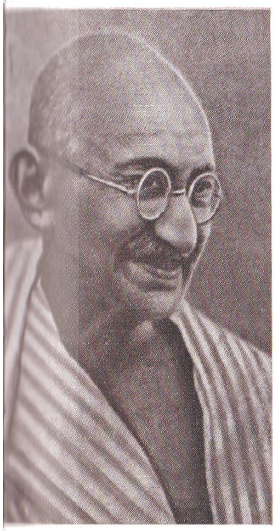
Основную роль в победоносном развитии революций в Китае, Корее, Вьетнаме сыграли рабочий класс и его коммунистические партии. Именно они шли во главе антияпонского сопротивления и потому на деле заслужили место политического авангарда революции. Их политика обеспечила последующее перерастание демократической освободительной революции в революцию социалистическую.

Главным завоеванием революционных сил явился выход социализма за рамки одной страны и создание мировой социалистической системы. Это в корне изменило расстановку классовых сил на международной арене и придало новый импульс развитию революционной борьбы трудящихся. Сфера господства капитализма резко сузилась, а его силы были подорваны. И напротив, главные силы мирового революционного процесса – социализм, международный рабочий класс и национально-освободительное движение – еще больше окрепли. Это обстоятельство прямо сказалось на развитии мирового революционного процесса в последующие годы. Мощные освободительные движения развернулись в Африке, Азии и Латинской Америке.

Монголия. 1922 г. Партизаны — участники боев против интервентов. Празднование годовщины Октября в Урге (Улан-Батор)

Бойцы китайских революционных войск. 1925—1927 гг.

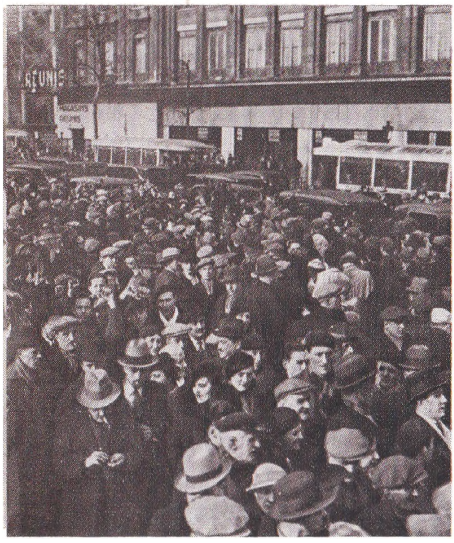
Плакаты, посвященные событиям 1925 г. в Шанхае



Мохандас Карамчанд Ганди (1869–1948) — один из лидеров индийского национально-освободительного движения, его идеолог

Индия. Сожжение одежды, изготовленной из английской материи, — одна из форм ненасильственной борьбы за независимость (сатьяграха)

Бюро Исполкома Коминтерна (слева направо — П. Тольятти, Д. Манульский, К. Готвальд, Г. Димитров, О. Куусинен, В. Пик)



Антифашистская демонстрация 12 февраля 1934 г. в Париже

Добровольцы республиканской народной милиции. Испания. 1936 г.

Долорес Ибаррури на собрании бойцов Республиканской армии. 1937 г.

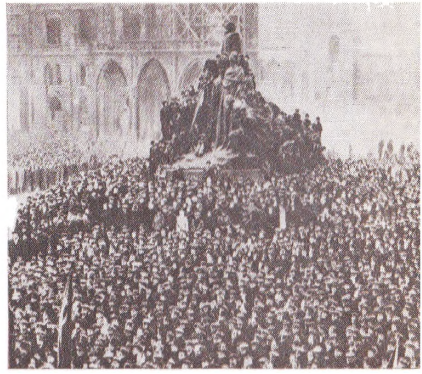
Иосип Броз Тито (сидит) и Председатель президиума Антифашистского вече народного освобождения Иван Рибор. Июнь 1943 г.

Партизаны Югославии. 1941 г.

Греческие партизаны. Годы второй мировой войны

Праздник Свободы в Катерини (Греция). 1944 г.

Жители Праги встречают советскне войска. 9 мая 1945 г.

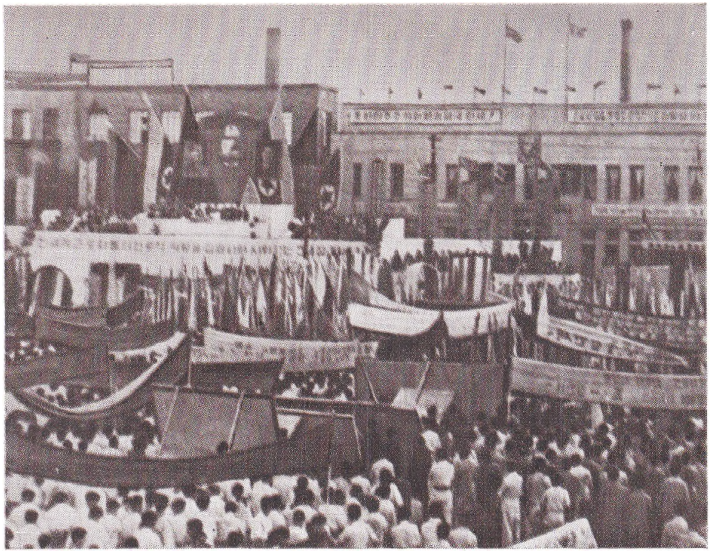


Митинг в Софии 15 сентября 1946 г. по случаю провозглашения Болгарии Народной Республикой

Митинг Свободы на Староместской площади в Праге. Февраль 1948 г.

Вооруженный пропагандистский отряд единого национального фронта Вьетнама (Вьетминь). Декабрь 1944 г.

Хо Ши Мин (1890—1969) — деятель вьетнамского и международного коммунистического движения



Ханой. 2 сентября 1945 г. Митинг в честь провозглашения независимости Вьетнама

Митинг в честь провозглашения Корейской Народно-Демократической Республики. Сентябрь 1948 г.

1 октября 1949 г. Провозглашение Китайской Народной Республики

Фидель Кастро в период штурма казармы Монкада. 1956 г.

Эрнесто Че Гевара (1928—1967) — латиноамериканский революционер, участник кубинской революции

Южновьетнамские партизаны перед боем. 70-е годы

Алжирский крестьянин-партизан с самодельной бомбой

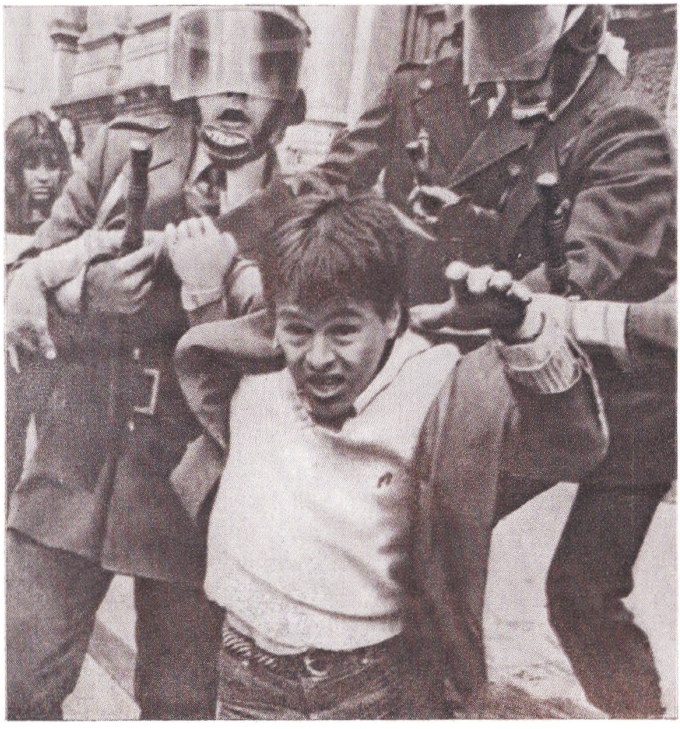
▷

Апрельская революция 1974 г. в Португалии

L
A

Сальвадор Альенде (1908—1973) президент Чили в 1970—1973 гг.

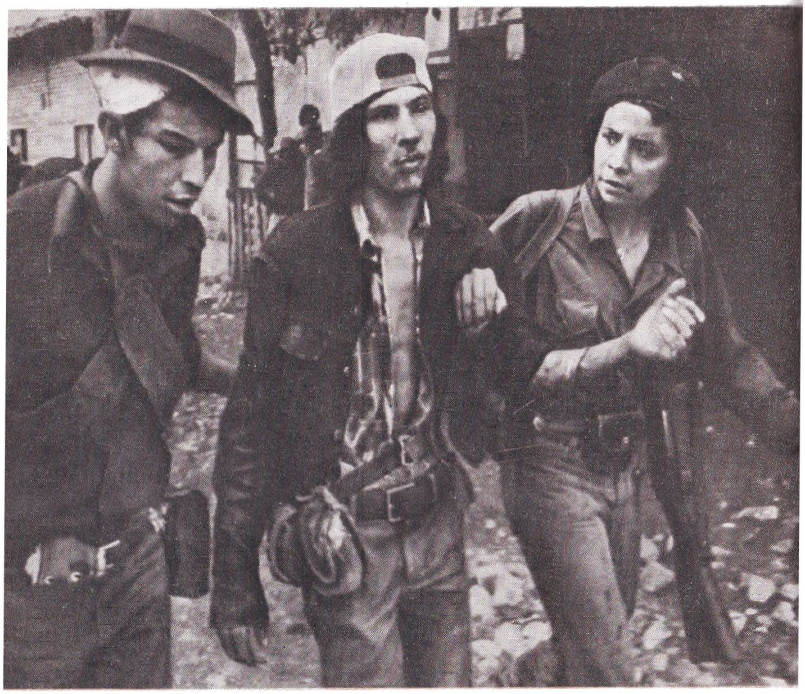
Народ Чили полон решимости покончить с ненавистной диктатурой Пиночета



Афганистан. Отряд защитников революции, созданный из рабочих Кабула

Женщины Анголы плечом к плечу с мужчинами сражались против колонизаторов, за свободу и независимость своей родины

Революция 1979 г. в Иране. У поверженной статуи шаха



Никарагуа. Раненый сандинист
Никарагуа. 1979 г. Передышка перед боями

Никарагуа. Юный защитник Республики

Гаити. Известие о свержении кровавого диктатора Дювалье встречено с ликованием жителями столицы

Англия. День активных действий в поддержку разоружения

Глава шестая

РЕВОЛЮЦИОННО-АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

> История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов.
>
> *В. И. Ленин*

ОСВОБОЖДЕНИЕ АФРИКИ (ЕГИПЕТ, АЛЖИР, КЕНИЯ И ДР.)

В течение четырех веков Африка, раскромсанная на кондоминиумы, протектораты и колонии, была прочно закована в цепи колониального рабства. Англия, Франция, Португалия, Германия, Бельгия, Испания имели под своей властью гигантские территории. Миллионы африканцев каторжным трудом создавали несметные богатства для чужеземных угнетателей, сами же влачили жалкое, нищенское существование. По расчетам американского ученого У. Дюбуа, в результате работорговли и колониального разбоя Африка потеряла более 100 млн человеческих жизней. Так возводился фундамент современного капитализма.

Вплоть до XX в. антиколониальное сопротивление африканских народов, иногда принимавшее широкие масштабы и героические формы, носило разрозненный и стихийный характер. Чаще всего это были бунты отчаяния и мести. Победа Великой Октябрьской социалистической революции оказала немалое воздействие на передовые силы Африки, стимулировав активизацию борьбы за независимость. Зарождающийся рабочий класс и прогрессивная интеллигенция в 20-х годах XX в. организовали ряд крупных антиимпериалистических выступлений. Восстания в Египте в 1919 и 1921 гг., война крестьянской армии Республики Риф под руководством Абд аль-Керима против 400-тысячной колониальной армии Испании и Франции в испанской зоне Марокко (1921—1926 гг.), забастовки рабочих Южно-Африканско-

го Союза, вооруженные выступления в Нигерии, Кении, Итальянском Сомали, Анголе и других колониях в 20-х и 30-х годах ознаменовали новый этап антиколониального сопротивления. Одной из важнейших вех освободительного движения в межвоенный период явилась героическая борьба эфиопского народа против агрессии фашистской Италии, начавшейся в 1936 г. Однако в целом вплоть до второй мировой войны революционные процессы в Африке не выходили за рамки стихийного протеста.

Разгром германского фашизма и японского милитаризма вызвал мощный подъем национально-патриотического движения во многих африканских странах. В 50—60-х годах волна революционно-освободительных движений прокатилась по всему континенту. Активное участие в них принял молодой африканский пролетариат, общая численность которого (включая полупролетарские слои) к середине 50-х годов превысила 10 млн человек [1]. Городские средние слои, крестьянство, интеллигенция также героически сражались против колониализма.

В новых исторических условиях под влиянием сил демократии и социализма, с одной стороны, и благодаря сопротивлению самого африканского населения — с другой, метрополии вынуждены были маневрировать и в конечном счете отказаться от открытого насилия.

Разными путями страны Африки одна за другой становились независимыми. В 1952 г. обрел свою государственность Египет, в 1956 г.— Судан, Марокко и Тунис, в 1957 г.— Гана и Того, в 1958 г.— Гвинея, в 1960 г.— сразу 17 стран, в том числе Мадагаскар, Конго, Камерун, Нигерия, Сомали, в последующие годы — Уганда, Алжир, Кения, Замбия и др. Всего за 10 лет — с 1955 по 1965 г.— число независимых государств выросло с 5 до 35. По существу основная часть континента, за исключением испанских, португальских и английских колоний в Южной Африке, сбросила оковы колониализма. К 70-м годам колониальный режим был сломлен. Это была победа огромной исторической значимости.

Антиимпериалистическая борьба в Африке протекала в условиях крайне отсталого, во многом феодального общества при слабом развитии местной буржуазии и пролетариата, наличии глубоких племенных противоречий, слабости национально-патриотического авангарда, состоявшего преимущественно из буржуазных и мелкобуржуазных политических деятелей. Патриотизм африканских низов нередко носил на себе печать мистицизма,

был тесно связан с религиозной идеологией. Крестьянские лидеры обычно уповали на помощь сверхъестественных сил.

Что же касается народных масс, то они не имели никакой политической культуры, прозябали в нищете и невежестве, легко попадали под влияние официальной пропаганды. Эти черты наложили свой отпечаток на весь ход антиколониального движения.

Среди наиболее грамотных и передовых слоев пользовались популярностью идеи панафриканизма и лозунг: «Африка для африканцев!» Идеология африканского единства имела антиимпериалистическую направленность и в немалой степени способствовала росту освободительной борьбы. Выдающийся вклад в пропаганду единства Африки внес лидер движения за независимость Золотого Берега (с 1957 г.— Гана) Кваме Нкрума. Его теория о «позитивных действиях» всех патриотических сил против «негативных действий» колониальных властей воодушевляла африканцев на борьбу за справедливость и независимость[2]. Однако воздействие его идей ограничивалось в основном интеллигенцией и студенчеством, широкие массы неграмотного народа с трудом освобождались от груза привычной пассивности и аполитичности. Реальные узы единства даже в пределах отдельных стран, а тем более в масштабах столь многоликого континента оставались слабыми. Значительно сильнее повсюду ощущались межплеменные противоречия.

В отличие от прогрессивной интеллигенции местные буржуазные деятели, как правило, стояли на позициях приспособленчества и компромисса, сдерживая энергию масс и уповая на благодеяние западных держав. Антиимпериалистические и антиколониальные лозунги в ряде случаев использовали в своих целях и реакционные силы, лавировавшие между различными империализмами и стремившиеся к возврату в средневековье. Ясно, что в таких условиях империализму удавалось сравнительно легко «наводить порядок» в своих колониях. Лишь после общего ослабления его позиций в связи с разгромом фашизма и победой социальных революций 40-х годов в Европе и Азии положение стало меняться в пользу демократических сил Африки.

Это затруднило маневры империализма, привело к распылению его внимания и сил. Чтобы сбить рост сопротивления, Англия и Франция вынуждены были пойти на предоставление формальной политической независимости ряду африканских государств. Одновременно им-

периалистические державы применяли против патриотов вооруженное насилие. Особенно ожесточенные бои развернулись в Алжире, Анголе, Мозамбике, Кении. В насильственном подавлении народа участвовали и местные буржуазно-помещичьи власти, пресмыкавшиеся перед своими европейскими хозяевами и предававшие национальные интересы.

В каждом районе Африки освободительные процессы принимали те формы, которые соответствовали ситуации, традициям и расстановке борющихся сил. На формы и масштабы антиколониального сопротивления, безусловно, оказывала немалое влияние и политика самих империалистических держав.

В Тропической Африке (Нигерия, Уганда, Гана, Танганьика, Замбия и др.), добившейся независимости в 1957—1965 гг., особенность ситуации состояла в том, что процесс классообразования еще не был завершен. Ни один социальный слой не сумел стать гегемоном освободительного движения, а само оно не достигло уровня народной революции. Тем не менее здесь развивалась антиколониальная борьба, идейно-политическое руководство которой осуществляли революционно-демократические элементы.

Провозглашая своей главной целью борьбу против империализма, эти силы стремились сохранить внутренний мир. В известной мере этот курс соответствовал задаче объединения антиколониальных сил. Чаще всего сама национальная демократия сплачивалась вокруг того или иного общепризнанного лидера, опиравшегося на свой клан или племя, иногда на группу офицеров и армейские подразделения, реже на политическую группировку.

Некоторые лидеры национальной демократии, испытавшие на себе влияние марксизма-ленинизма, проповедовали идею «африканского социализма», т. е. становились на революционно-демократические позиции. Они считали капитализм продуктом европейского экспорта и полагали, что африканцы имеют врожденную склонность к социализму общинного типа. Призывы к справедливости и свободе, сама практика антиколониального сопротивления стихийно порождали всякого рода популистские (народнические) тенденции. Их социальные корни глубоко уходили, с одной стороны, в крестьянско-племенные традиции, а с другой — в толщу общенародных антиколониальных устремлений. В итоге независимо от преобладания «мирных» или немирных форм борьбы во

многих африканских странах освободительное движение приобрело поистине народный характер.

Особенно отчетливо это проявилось в алжирской революции, которая в известной степени явилась наиболее ярким этапом антиимпериалистической борьбы в Африке в середине XX в.

К 50-м годам XX в. Алжир оставался одной из крупных и старейших французских колоний в Африке. В стране с 6-миллионным населением почти полностью отсутствовала промышленность, национальная буржуазия и рабочий класс (примерно 100—150 тыс. человек) были не развиты. Основные богатства — рудники, плодородные земли — принадлежали французским компаниям. В деревне преобладали феодальные, а на юге даже патриархальные отношения. Местное население не имело никаких политических прав, свыше 90% арабов и берберов не умели ни читать, ни писать.

Антиколониальные действия в этих условиях носили разрозненный характер, причем буржуазные круги, как правило, склонялись к компромиссу с французской администрацией. Лишь в 30-х годах XX в. борьба за независимость стала принимать организованные формы. В немалой степени этому способствовали успехи Народного фронта во Франции.

В годы второй мировой войны марионеточное правительство Петена жестоко подавляло освободительное движение, компартия и другие прогрессивные организации были запрещены. Высадка англо-американского десанта в Северной Африке в ноябре 1942 г. придала новые силы патриотическому движению. Требование независимости и демократических преобразований стало главным лозунгом борьбы. Но ни командование союзных войск, ни созданный в июне 1943 г. Французский комитет национального освобождения во главе с генералом де Голлем не помышляли об отмене колониального статуса Алжира. В коммюнике этого комитета от 16 апреля 1943 г. прямо заявлялось, что «единство империи в войне является настоятельной и неотложной общенациональной необходимостью...» [3].

Сложилась парадоксальная ситуация: 300 тыс. алжирцев сражались в рядах французской армии против фашизма, надеясь после войны получить свободу, а правительство де Голля, выражая долговременные интересы французской буржуазии, рассчитывало сохранить Алжир как свою колонию. Это вызвало сплочение националистических сил страны, которые создали свою массовую

ассоциацию, нечто вроде единого антиколониального фронта с числом активистов более 500 тыс. человек[4]. Освободительный процесс шаг за шагом набирал силу, порождая качественные сдвиги в психологии масс, укрепляя национальный дух и преодолевая неверие в собственные силы.

Новые свободолюбивые настроения выразил известный идеолог антиколониального сопротивления Ф. Фанон в своей книге «Проклятьем заклейменные»[5]. Концепция Ф. Фанона – это наиболее радикальная форма африканского популизма, или крестьянской демократии XX в. Опираясь на алжирский опыт, Ф. Фанон считал крестьян и люмпен-пролетариат «одной из наиболее спонтанных и наиболее революционных сил колонизованного народа»[6]. Соответственно и главным методом революционного действия против колониального насилия Ф. Фанон признавал только прямое вооруженное насилие народа. В этом он был антиподом Ганди.

Значительно дальше пошел Ф. Фанон в разработке социальных перспектив. Он не просто отрицал «западную цивилизацию» как тупиковую, но с позиций революционно-демократического гуманизма стремился к независимому развитию и социальной справедливости, т. е. вплотную подошел к идее социалистической ориентации.

Главная слабость его рассуждений касалась оценки роли рабочего класса в освободительном движении. Фанон относил городской пролетариат к привилегированным слоям и всю ставку делал на люмпен-пролетарские слои. По-видимому, такой взгляд был навеян практикой алжирского сопротивления. Так или иначе, но главное в алжирском опыте и, следовательно, в теоретическом наследии Фанона заключалось в применении вооруженного насилия как главного метода массового революционно-антиколониального действия. Эта тенденция особенно явно обнаружилась после окончания второй мировой войны в ходе антифранцузского сопротивления. Можно сказать, что алжирская революция пошла не по индийскому, а по китайскому пути, вылившись в семилетнюю народно-освободительную войну.

В мае – июне 1945 г., сразу же после капитуляции Германии, в различных районах Алжира начались волнения и вооруженные выступления с требованием немедленной независимости. Все они были жестоко подавлены, около 45 тыс. человек погибли[7]. Это, однако, не укрепило позиции Франции, а, напротив, отчетливо выявило всю глубину кризиса колониальной системы. В борьбу втягива-

лись рабочие (их численность достигла 400 тыс. человек), студенчество, интеллигенция, крестьяне, городские средние слои. Французские власти вынуждены были пойти на некоторые уступки (отмена военного положения на юге, уравнение в правах французского и арабского языков, политическая амнистия и т. д.), но суть дела от этого не изменилась: Алжир оставался колонией. Более того, французский диктат даже усилился.

В ответ на это в ноябре 1954 г. стихийно развернулась вооруженная борьба алжирцев за независимость, которая вылилась в антиколониальную народную революцию. Восстание возглавило левое крыло мелкобуржуазной националистической партии Движение за торжество демократических свобод, которая была образована в 1946 г. В созданный в марте 1954 г. Революционный комитет единства и действия вошли руководители городских боевых отрядов и левые националисты, в их числе Ахмед Бен Белла и другие признанные лидеры антиколониальной борьбы.

Армия национального освобождения (ее численность достигла в 1956 г. 50 тыс. человек), действовавшая как вооруженная сила созданного патриотами в октябре 1954 г. Фронта национального освобождения, и отдельные партизанские отряды на протяжении ряда лет вели героические бои против полумиллионной армии противника. В этой войне погибло более полутора миллионов патриотов. Против алжирской революции Франция сосредоточила в 1958 г. почти 800 тыс. солдат, $^2/_3$ боевой авиации и половину военно-морского флота[8]. Репрессии и террор приняли тотальный характер.

В мае 1958 г. командующий французскими частями генерал Салан установил в Алжире кровавую диктатуру. На действия неоколонизаторов патриоты ответили созданием независимой Алжирской республики и образованием Временного правительства в изгнании (сначала в Каире, затем в Тунисе). Советский Союз, исходя из принципов антиимпериалистической солидарности, оказал материальную помощь борющемуся Алжиру, в том числе оружием.

Сознавая невозможность удержать восставший народ в колониальном ярме, де Голль в сентябре 1959 г. объявил о признании права Алжира на самоопределение. Это была огромная победа патриотических сил, но ультраправые элементы в стане колонизаторов — сначала генерал Массю, а затем генерал Салан и их сторонники — выступили против реалистического курса де Голля,

создав в феврале 1961 г. тайную вооруженную организацию (ОАС). Путем насилия над патриотами и давления на правительство они рассчитывали во что бы то ни стало сохранить колониальный статус Алжира. Однако де Голль прекрасно понимал, что остановить ход истории невозможно. По Эвианским соглашениям 18 марта 1962 г. семилетняя война закончилась. Алжир после проведения референдума 1 июля 1962 г. получил статус суверенного государства. Все контрреволюционные вылазки оасовцев были подавлены. Революция торжествовала победу.

Характерной чертой алжирской революции явилась восходящая тенденция в ее развитии, т. е. поступательный рост активности народных масс, постепенное углубление социального содержания революции[9]. В начале вооруженной борьбы Фронт национального освобождения в своей программе (1956 г.) не выходил за рамки требований независимости и создания демократической республики. Радикальная буржуазия на этом этапе также принимала участие в освободительном движении. С 1960 г. наметилось размежевание политических сил, и на первый план вышли требования пролетарских и полупролетарских слоев города и деревни, в том числе по вопросам собственности, аграрной реформы, социального обеспечения и т. д.

После завоевания независимости инициатива народных масс стала приобретать определяющую силу. Трудящиеся самовольно занимали брошенные хозяевами предприятия, избирали комитеты самоуправления, захватывали землю. Однако восходящая линия революции постепенно заглохла. Такой «откат назад» объяснялся прежде всего непоследовательностью политического руководства, которое осуществляли мелкобуржуазные патриоты.

Вооруженная борьба алжирского народа стимулировала развитие освободительных процессов в других колониях в Северной Африке. Французский империализм все силы сконцентрировал против алжирской революции, но сломить ее так и не сумел. После некоторого отступления левые силы смогли вновь придать революционному процессу поступательное развитие. В принятой в апреле 1964 г. Алжирской хартии был взят курс на некапиталистический путь развития.

Алжирская революция — в своей основе крестьянская по характеру и антиколониальная по содержанию — явилась важным событием в жизни всей Африки. Она пока-

зала всему миру силу народной энергии и антиимпериалистического сопротивления.

Совершенно иным путем развивалась освободительная революция в соседнем Египте.

С 1882 г. Египет являлся фактической колонией Англии, хотя формально входил в Османскую империю. В 1914 г. Англия официально установила над Египтом свой протекторат. В отличие от Алжира Египет находился на более высоком уровне экономического развития. Производство хлопка повлекло за собой развитие промышленности и формирование пролетариата. Крупные текстильные фабрики и плантации принадлежали в основном англичанам, а не египтянам. Система землевладения, как и в Алжире, была типично феодальной, многие крестьяне трудились в качестве батраков-издольщиков. Колониальная зависимость сковывала развитие производительных сил, консервировала отсталость и нищету.

Под влиянием Великого Октября в крупных городах развернулось рабочее движение. В 1921 г. возникла Коммунистическая партия Египта. В эти же годы буржуазно-националистические элементы из партии Вафд (создана в 1918 г.) выдвинули требование о предоставлении независимости[10]. Вафдисты надеялись добиться этой цели путем переговоров, стремясь ввести антианглийские выступления трудящихся в русло сугубо легальной оппозиции. «Самый святой патриотический долг для вас,— убеждали они,— не нарушать законы»[11].

Но ненависть к колонизаторам воодушевляла народ на бой. В 1918—1919 гг. в знак протеста против запрещения партии Вафд и ареста ряда ее лидеров начались стихийные волнения. Во многих городах колониальная власть была свергнута, на местах стали создаваться советы. В ряде районов вспыхнули крестьянские бунты, многие поместья крупных землевладельцев подверглись разгрому.

Однако действия «низов» были стихийными, и проходили они под идейным влиянием умеренных буржуазно-националистических сил. В результате первая египетская революция заглохла, а боевые выступления народа были жестоко подавлены колониальными войсками. Тем не менее в 1922 г. Англия пошла на признание независимости Египта, сохранив за собой право на «оборону Египта» и «охрану имперских путей».

Перемена юридической этикетки не изменила ни колониальную сущность политики Лондона, ни фактиче-

ское положение Египта. Поэтому борьба за свободу продолжалась.

В годы второй мировой войны, когда на территорию Египта в сентябре 1940 г. вторглись итальянские войска, а затем весной 1941 г. немцы перебросили в Ливию танковый корпус Роммеля, Египет оказался волею судеб втянут в большую политику. Патриотические силы в этот момент в союзе с англичанами выступили против фашизации страны и наступления итало-немецких войск. Из двух зол египтяне выбрали меньшее, что в политическом плане имело прогрессивное значение, так как, во-первых, соответствовало общим задачам борьбы против фашизма и, во-вторых, развивало патриотические устремления масс, их национальное самосознание. Тем не менее союз угнетателя с угнетаемым мог носить лишь сугубо временный и относительный характер.

В октябре 1942 г., после изгнания фашистских захватчиков, вновь развернулось движение за полную национальную независимость и вывод английских войск из Египта и Судана. На этот раз наиболее активную роль стали играть трудящиеся массы — рабочий класс (примерно 1 млн человек) и крестьянство, хотя руководство по-прежнему осуществляли буржуазно-националистические круги. Коммунисты действовали в подполье и большим влиянием не пользовались. Антианглийские выступления — забастовки, демонстрации студентов, вооруженные стычки с полицией и воинскими частями, политическая пропаганда и саботаж, даже вооруженные восстания — происходили довольно часто, но они не были скоординированы и не достигали необходимого эффекта. Тем не менее массовый протест подточил монархию и привел к кризису всю систему английского владычества.

Ситуация особенно обострилась в июле — августе 1951 г. В Каире и Александрии состоялись массовые демонстрации с требованием вывода английских войск и провозглашения независимости. Бастовали рабочие-железнодорожники и портовики, активизировалась борьба крестьян, широкий размах приняло студенческое движение. В зоне Суэцкого канала началась партизанская война против английских оккупационных войск. Приближался момент решающей схватки. Король Фарук пытался лавировать, меняя одного министра за другим, но дни монархии были сочтены. К 1952 г. в стране сложилась революционная ситуация.

В условиях быстро развивающегося национального

кризиса тайная организация военных мелкобуржуазных революционеров «Свободные офицеры» 23 июля 1952 г. совершила бескровный переворот и вынудила монарха отречься от престола. Народные массы с энтузиазмом поддержали армию, придав всему процессу революционный характер. Своим смелым актом военные вызвали взрыв, который оказался в тысячу раз сильнее заговора и верхушечного путча. Падение деспотизма открыло шлюзы революционного потока «снизу», хотя в Египте он никогда не достигал таких масштабов, как в Алжире. До революции Насеру и его единомышленникам казалось, что «вся нация наготове» и лишь ждет сигнала, чтобы двинуться «сплоченными рядами в Священном Марше к Великой Цели». Но триумфального марша не последовало: процесс оказался более противоречивым и сложным. Народ, безусловно, двигал революцию вперед, но сам нуждался в том, чтобы его подталкивали «сверху». В годы правления Насера эту функцию осуществляла военная мелкобуржуазная демократия. Известный разрыв между авангардом и массами, известное отставание масс были главной слабостью египетской революции.

После переворота 1952 г. новое правительство – Совет руководства революцией – стало проводить буржуазно-демократические реформы и преобразования: королевские земли были конфискованы, размеры частного землевладения ограничены, а излишки земель переданы семьям бедняков. Египет был провозглашен республикой. В октябре 1954 г. удалось достичь соглашения о выводе английских войск с египетской территории. Все эти акции способствовали политическому пробуждению масс, но в то же самое время как бы сковывали их инициативу, направляли энергию «низов» в контролируемое русло.

В течение двух первых лет после свержения монархии у власти стояло умеренное буржуазное крыло, которое стремилось к укреплению независимости, но не собиралось идти на глубокую перестройку общества в интересах трудящихся. Более того, рабочее движение подавлялось, а демократические организации преследовались. Во внешнеполитической ориентации правительства проявилась тенденция к сотрудничеству с США и Англией.

Такая ситуация вызвала острые разногласия и недовольство действиями президента Мухаммеда Нагиба особенно со стороны «свободных офицеров». В ходе внутренней борьбы в марте 1954 г. главой правительства

стал Гамаль Абдель Насер. Это привело к существенному изменению политического курса Египта и усилению антиимпериалистической ориентации.

В июле 1956 г. правительство Насера провело национализацию компании Суэцкого канала. Это была крупнейшая победа. Египет на деле становился суверенным государством, а революция получила новый стимул для своего углубления. В 1957—1960 гг. были национализированы телеграф, телефон, радио, судоходные компании и банки, улучшены жизненные условия трудящихся, стал развиваться госсектор и т. д. В Национальной хартии, принятой конгрессом народных сил в июне 1962 г., был одобрен курс на развитие по пути социалистической ориентации.

Июльская революция 1952 г., мужественная антиимпериалистическая линия президента Насера навсегда вошли в летопись международного национально-освободительного движения. Однако относительная слабость народного фактора египетской революции 1952 г. и, как следствие, хрупкость национально-демократического режима Насера создали объективную и субъективную возможность Анвару Садату произвести «контрреволюцию сверху». Семена «садатовщины» были брошены в почву во времена Насера, хотя и не им самим. Вопреки курсу социалистической ориентации в стране стихийно происходило буржуазное перерождение новой египетской бюрократии, пышным цветом расцвели мелкособственническое предпринимательство и соответствующая ему идеология, укреплялись позиции иностранного капитала в условиях зависимости и отсталости, т. е. продолжалось развитие египетского капитализма. Это и породило Садата, предательство национальных интересов народа, интересов всех арабских народов[12].

Откат египетской революции назад, переход от ориентации на социализм к ориентации на капитализм, усиление правого контрреволюционного крыла, забвение антиимпериалистических принципов Насера — все это означало победу реакционных антинародных сил. Потребовался негативный опыт истории, чтобы в полной мере увидеть величие и роль революции 1952 г. в Египте.

Большим своеобразием отличалась освободительная борьба в странах Восточной Тропической Африки — в Кении, Уганде, Занзибаре, Танганьике. В этом районе особенно широкое развитие получило плантационное хозяйство, практиковался принудительный труд, целые племена были загнаны в специально отведенные районы —

резерваты. Крестьяне жили в бедности и отсталости. Они были способны лишь на стихийные бунты и сугубо эмоциональные формы протеста.

Наиболее впечатляющие масштабы этот протест получил в Кении. После второй мировой войны пролетариат Найроби, плантационные рабочие и батраки, часть крестьянства стали более решительно выступать в защиту своих интересов. Антиимпериалистические лозунги выдвинули и местные буржуазные круги. Однако соперничество племенных вождей мешало объединению патриотических сил.

В 1952 г. в Кении началось стихийное крестьянское восстание против английских помещиков-колонизаторов, которые под видом аренды (сроком на 999 лет!) захватили 4,5 млн га лучших земель, а крестьян согнали в резерваты [13]. Борьба крестьян вылилась в специфическое полурелигиозное партизанское движение, получившее название «Мау Мау». Официальная пропаганда изображала бойцов этого движения бандитами и насильниками, всячески замалчивая его патриотическую и социальную основу.

В движении «Мау Мау» участвовали десятки тысяч кенийцев, давших «клятву единства и братства в борьбе за землю и независимость» [14]. Опираясь на традиции предков, они нередко применяли террор против английских колонизаторов, действовали жестоко и дерзко. С целью устрашения народа колониальные власти зверски расправлялись с повстанцами, устраивая публичные казни. В октябре 1952 г. по всей Кении было введено чрезвычайное положение.

Почти четыре года в стране продолжалась настоящая крестьянская война, но силы были слишком неравны. В 1955 г. движение «Мау Мау» было в основном подавлено, более 11 тыс. партизан погибли, 800 участников движения были казнены [15].

Несмотря на поражение, движение «Мау Мау» потрясло основы британского господства и заставило Лондон прибегнуть к политическим маневрам с целью сохранить за собой Кению. Однако подавить пробудившийся к свободе народ колониальные войска не могли. И после разгрома движения «Мау Мау» в стране постоянно возникали тайные общества. Многие из них проповедовали идеологию неповиновения, отрицали насильственные формы сопротивления из-за опасения новых массовых репрессий.

Объективно эта линия выражала интересы беднейше-

го крестьянства, но, так сказать, в умеренной форме. Массовая кампания «позитивных действий», т. е. в основном конституционных и ненасильственных акций, которую начали кенийские лидеры Джомо Кениата, Том Мбоя и др., явилась в новых условиях весьма эффективной формой мобилизации масс. В 1960 г. был образован Национальный союз африканцев Кении (КАНУ), постепенно превратившийся в политический авангард всего антиколониального движения.

12 декабря 1963 г., после длительной и тяжелой борьбы, кенийский народ обрел независимость. В силу определенной расстановки социальных сил суверенная Кения в отличие от Алжира и Египта избрала капиталистический путь развития. Главной причиной такого хода событий служило то, что в Кении освободительное движение не вылилось в революцию, хотя и носило подлинно народный характер.

Такая же особенность была характерна в 50—60-х годах и для вооруженной борьбы за независимость в португальских колониях — Анголе и Мозамбике. Это были самые отсталые районы Африки, где господствующие позиции занимал английский капитал, поскольку сама Португалия была опутана сетями финансовой зависимости от лондонских банкиров. Фашистский режим Салазара установил в колониях систему принудительного труда. Всякие попытки неповиновения грубо подавлялись. Во всех населенных пунктах были размещены воинские подразделения, существовала система полицейской слежки и доносов. Африканское население было объявлено «нецивилизованным» и подлежало обязательной христианизации, насильственной ассимиляции и приобщению к «португальскому образу жизни».

В этих условиях естественной формой антиколониального протеста стало повстанческое движение религиозно-крестьянских сект. В Анголе наибольшим влиянием пользовалась секта «пророка» Симау Току, которая поставила целью изгнание европейцев из страны. Это была крайне примитивная форма сопротивления, но именно она положила начало партизанскому движению.

В 1956 г. группой патриотов-интеллигентов была создана Партия объединенной борьбы африканцев Анголы, а затем сформирован военно-политический фронт — Народное движение за освобождение Анголы. Авторитет фронта стал быстро расти, а ряды его сторонников достигли 50 тыс. членов[16]. Программа фронта требовала немедленного провозглашения независимости и устано-

вления республики. Возникли и некоторые племенные организации антиколониального характера, но связей между ними не было.

В начале 60-х годов патриоты взялись за оружие. В марте 1961 г. началось вооруженное восстание на севере Анголы: 200 из 500 кофейных плантаций, принадлежащих португальцам, были разгромлены, дороги перерезаны. Колониальные войска развернули массированное наступление. Было убито более 50 тыс. ангольцев, многие деревни сожжены напалмовыми бомбами. Но подавить народное движение не удалось. Повстанцы, отступив в глубь страны, удерживали контроль над большими районами. В те годы освободительное повстанческое движение в Анголе только зарождалось. Полный размах оно получило лишь в 70-х годах.

Такая же динамика постепенного нарастания антиимпериалистической борьбы была характерна и для Мозамбика.

В 1962 г. был создан Фронт освобождения Мозамбика, который спустя два года начал вооруженную борьбу за независимость. Однако свергнуть португальский колониализм оказалось непросто. Освободительная война продолжалась много лет. Лишь после длительной и тяжелой борьбы, уже после победы антифашистской «революции гвоздик» в самой Португалии, народы Анголы, Мозамбика и Португальской Гвинеи сумели завоевать независимость.

В большинстве английских и французских колоний Тропической Африки в отличие от Анголы и Мозамбика антиимпериалистическое движение развивалось в эти годы в основном не в вооруженных, а в мирных формах — стачки, демонстрации, петиции, бойкот и т. д.

Широкий размах получила антиколониальная борьба в английской колонии Золотой Берег (Гана), причем здесь особенно активно действовал рабочий класс. Во главе движения стояла созданная в 1949 г. Народная партия конвента во главе с Кваме Нкрумой. Она поставила своей целью не только достижение национальной независимости, но и ликвидацию в перспективе капиталистической эксплуатации. В 1951 г. на выборах в Законодательное собрание Народная партия победила, а ее лидер Кваме Нкрума занял пост премьер-министра. Реальная власть, однако, оставалась в руках английского губернатора. Лишь после упорной борьбы в марте 1957 г. было создано новое независимое государство Гана, хотя и на правах доминиона. Спустя три года, в 1960 г., Гана стала

республикой. Народная партия взяла курс на построение общества «африканского социализма». Однако режим Кваме Нкрумы не был достаточно прочным, а главное, он постепенно потерял поддержку народа. В 1966 г. в Гане произошел реакционный государственный переворот, который прервал путь вперед.

Расчеты Кваме Нкрумы на ведущую роль «сознательности» и морального фактора в построении «африканского социализма», его популистские приемы модернизации отсталого общества и антикапиталистические устремления были разбиты объективным ходом развития национального капитализма.

Неудаче ганского эксперимента активно способствовали империалистические державы, постоянно подрывавшие авторитет правительства Нкрумы. Оторванность самого лидера и его окружения от масс, культ личности, фаворитизм, подмена конкретного дела лозунгами – все это гасило общественную активность, ослабляло социальную базу режима, чем поспешили воспользоваться реакционные силы.

Опыт Ганы интересен прежде всего тем, что здесь в наибольшей степени проявились ненасильственные формы антиколониального сопротивления, подтвердившие свою эффективность и полезность в конкретных условиях. В определенной мере для Ганы это был императив, так же как для Алжира вооруженная борьба, и поменять их местами невозможно.

Освободительная борьба народов Африки вошла в общую сокровищницу международного революционного движения как его важная составная часть. Африканский опыт на многочисленных примерах показал как силу, так и слабость антиимпериалистических революций 50–60-х годов.

Франц Фанон, один из идеологов Фронта национального освобождения Алжира, безапелляционно утверждал, что «в колониях революционны только крестьяне, ибо им нечего терять – завоюют же они все. Голодающий крестьянин, стоящий вне классовой системы, первым из эксплуатируемых приходит к выводу, что только насилие приносит плоды»[17]. В этом тезисе содержится явная переоценка роли африканского крестьянства, для которого были характерны крайняя политическая отсталость и распыленность. Нередко оно почти бессознательно шло на поводу у мелкобуржуазных деятелей или представителей патриотической интеллигенции. Наиболее самостоятельно крестьяне действовали в движении «Мау

Мау» в Кении, но, будучи изолированными от города, не имели шансов на успех.

В ряде африканских стран крестьянство, находившееся во власти племенных вождей, вообще вело себя пассивно. Аннибал Кабрал, характеризуя роль крестьянства в борьбе за независимость Португальской Гвинеи, справедливо писал: «Крестьянство Гвинеи не является революционной силой. Это может показаться странным, особенно если учесть, что вся наша вооруженная борьба за освобождение опирается на крестьянство. Однако следует проводить различие между физической силой и революционной силой. В отношении первого момента крестьянство Гвинеи представляет собой огромную силу... *Но мы знаем по опыту, с какими трудностями мы столкнулись, убеждая крестьянство сражаться*»[18].

Аналогичная трудность встала перед революционным авангардом не в одной Португальской Гвинее.

Гораздо более активно и последовательно боролся против колониализма рабочий класс, по численности во много раз уступавший крестьянству[19]. Главным оружием пролетариата была стачка, но и в вооруженной борьбе рабочие принимали самое активное участие.

По-иному вела себя африканская национальная буржуазия. Она боролась против империализма, но действовала почти всегда крайне трусливо и непоследовательно. В этом отношении она нисколько не отличалась от буржуазии в странах Азии и Латинской Америки. Разница заключалась, пожалуй, лишь в том, что африканская национальная буржуазия была более отсталой и слабой. После завоевания независимости в тех странах, где развитие пошло по капиталистическому пути, правящая буржуазия принимала кое-какие антиимпериалистические меры, но в целом предпочитала сотрудничать с иностранным капиталом.

Опыт Африки полностью подтвердил мысль, высказанную В. И. Лениным еще в 1920 г., о том, что нередко «буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов»[20].

Африканский опыт ярко показал передовую роль национальной демократии, возглавившей в целом ряде стран освободительную революцию. Национальные демократы, выделившиеся из общего лагеря патриотических сил, выражали в первую очередь интересы мелко-

буржуазных и средних слоев, но не только их, а также крестьянства и пролетариата. Их авангардная роль вытекала из объективной невозможности как для формирующегося пролетариата, так и для неокрепшей буржуазии стать гегемоном антиимпериалистической революции. Постепенно лучшие представители национальной революционной демократии перешли на позиции научного социализма. Такая эволюция была вполне закономерной и даже неизбежной, но это произошло позже.

Африканский опыт антиимпериалистической борьбы проявил всю специфику массовых движений популистского типа и соответствующих им форм политического лидерства. Фактически эти движения в большинстве случаев развивались под влиянием узкой группы революционеров, сплотившихся вокруг общепризнанного лидера. Рабочие, крестьяне, мелкие собственники, капиталисты, а иногда и феодалы оказались на определенном этапе истории в одном лагере борцов против общего национального врага. Ни один социальный слой не имел монополии на руководство. Во многом массы действовали стихийно. Поскольку подлинно революционные антиимпериалистические силы нередко не имели крепкой политической организации (Египет, Мали, Судан и др.) и даже там, где такие фронты или партии существовали (Алжир, Кения, Гана, Ангола и др.), огромную власть и авторитет приобрели национальные вожди — Ахмед Бен Белла (Алжир), Гамаль Абдель Насер (Египет), Джомо Кениата (Кения), Джулио Ньерере (Танзания), Кваме Нкрума (Гана), Секу Туре (Гвинея) и др. Прочная система «вождь — массы» как бы компенсировала слабое развитие партийно-политической структуры, заменяла ее. Это было характерной чертой антиимпериалистических движений на этапе борьбы за национальную независимость и упрочение нового, демократического строя.

В Африке сплочение вокруг вождя нередко определялось племенными традициями и носило религиозную окраску. Такого рода во многом стихийные и плюралистические по составу движения обычно называют популистскими (народническими). При этом выделяются два главных признака: 1) массовость движения и 2) наличие так называемого «харизматического лидера» *.

* Термин «харизма» (charisma) был впервые введен родоначальником буржуазной социологии Максом Вебером, который заимствовал его из раннехристианских произведений для обозначения присущего отдельным личностям особого «божественного дара», таланта к руководству, способности вести многих людей за собой.

Антиимпериалистический (антиколониальный) популизм в самом широком толковании этого понятия может рассматриваться как специфическая и устойчивая форма группового настроения и поведения. Эта форма духовной и психологической общности прежде всего отличается своей массовидностью. Каждый слой и группа, конечно, по-разному понимали национальный и социальный интерес, различные племена по-разному участвовали в движении, но все они действовали в едином направлении. Признавая руководящую роль лидера в такого рода движениях, ни в коей мере нельзя умалять силу масс. Исторические события, как известно, развиваются не столько по воле тех, кто вмешивается в них «сверху», сколько и прежде всего по воле и под действием народных масс.

Буржуазные социологи утверждают, что массы обычно занимают подчиненное положение и выполняют пассивную роль инструмента, добровольно подчиняясь воле вождя. «Харизматические лидеры» якобы ведут их за собой, как пастыри, и те в свою очередь покорно следуют указаниям лидеров. Массам приписывается отсталость, пассивность, тупость, а все позитивные потенции — ум, воля, боевитость — узким элитам и отдельным выдающимся деятелям.

Было бы, конечно, неверно отрицать, что в отсталых обществах политически неграмотные слои бедного населения действительно находились и кое-где еще находятся (например, в Иране) под огромным духовным и психологическим влиянием вождей. Нередко большую силу приобретают некое массовое возбуждение, психология толпы, невесть как объединяющая людей и толкающая их на безрассудные действия. В такой момент роль лидера особенно велика. Но популистские освободительные движения обычно растягивались на целые десятилетия, создавая более устойчивые связи между лидером и массами. Роль масс в такого рода движениях являлась не подчиненной, а главной, хотя и выявлялась в специфической популистской форме. Вожди вынуждены были подстраиваться под настроения низов, учитывать их ожидания, дабы не потерять свою власть и авторитет.

Было бы, конечно, ошибкой игнорировать наличие особых способностей у выдающихся политических деятелей. В. И. Ленин, например, признавал за ними такие качества, как умение выражать настроения масс, «вызывать у масс (очень часто дремлющее, не осознанное, не пробужденное)» настроение протеста или действия[21]. Но это

вовсе не означает, что так называемые «харизматические лидеры» вообще способны по своей воле существенно вторгаться в историю, изменять общество, нарушать экономические законы.

В свое время блестящую отповедь подобному социологическому идеализму дал Г. В. Плеханов, с марксистских позиций объяснивший подлинную роль личности в истории: «Характер личности является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения»[22]. Новейшая история Африки, и не только Африки, доказала это неоднократно.

В условиях полного преобладания крестьянской психологии черты популизма в развитии африканской антиимпериалистической революции были особенно распространены. Этому способствовали и колониальный гнет, который смазывал социальные различия и группировал всех африканцев в бесправное «третье сословие», и слабая классовая дифференциация общества, и общая политическая отсталость, а нередко даже отсутствие какой-либо партийной структуры вообще. Так или иначе, но общий национальный интерес создавал определенные объективные и субъективные предпосылки для популистских движений — главной силы антиимпериалистической революции.

Важным «внешним» фактором, способствовавшим освобождению Африки, была позиция Советского Союза, других социалистических государств, которые своей политикой способствовали созданию совершенно новой международной обстановки и в немалой степени помогали отражать удары контрреволюции.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ОТ ВОССТАНИЯ 1944 г. В ГВАТЕМАЛЕ ДО КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Иначе, чем в колониальной Африке, развивались в первые послевоенные десятилетия революционные процессы в независимых капиталистических республиках Латинской Америки. Здесь более глубоко и органично переплелись воедино социальные и антиимпериалистические задачи революции.

Успехи борьбы с фашизмом вызвали мощный подъем рабочего и антиимпериалистического движения. Еще в октябре 1944 г. в Гватемале вспыхнуло народное антидиктаторское восстание, которое положило начало длительному революционному подъему на континенте. Спу-

стя 8 лет, в апреле 1952 г., завершилась победой буржуазно-демократическая революция в Боливии. И наконец, 1 января 1959 г. после длительной и кровопролитной борьбы кубинский народ сверг проимпериалистическую диктатуру Батисты.

Революции в Латинской Америке проходили вдали от СССР и других социалистических государств, почти рядом со своим главным врагом — империализмом США. Это обстоятельство создавало чрезвычайно много трудностей. Латиноамериканские революции имели немало отличий от революций в Европе, Азии и Африке, но общим было то, что все они развивались в русле единых закономерностей классовой борьбы XX в.

В нашумевшей книге «Революция в революции?» французский журналист-политолог Режис Дебре попытался противопоставить опыт Латинской Америки, и особенно Кубы, общим законам революционной борьбы, столкнуть превратно понятый им самим «кубинский опыт» с марксистско-ленинской теорией социалистической революции, с международным опытом классовой борьбы всех предшествующих десятилетий[23]. Это была попытка с негодными средствами. Кубинская революция не опрокинула, а подтвердила непреодолимость движения к социализму в нашу эпоху. В этом смысле она продолжила дело Великого Октября и последующих социалистических революций.

Кубинский опыт быстрого перехода от демократического к социалистическому этапу революции показал, что в странах среднего уровня развития капитализма к середине XX в. сложились довольно развитые материальные предпосылки для переплетения антиимпериалистических и антикапиталистических задач борьбы. Это не означало, конечно, что речь шла о непосредственной социалистической революции, но антикапиталистические устремления рабочего класса уже оказывали прямое воздействие на общий ход революции. В каждой стране это ощущалось с неодинаковой силой, но повсюду в авангарде народно-революционных (в основном антиимпериалистических и аграрно-демократических) движений шел пролетариат и его коммунистические партии. В этом состояло огромное преимущество Латинской Америки по сравнению с Африкой.

К 50-м годам отчетливо проявилась стратегическая линия всех главных участников политической жизни:

— крупная местная буржуазия, особенно ее монополистические слои, полностью объединилась с империа-

лизмом в борьбе против народов и сделала ставку на военно-фашистские методы правления;

— средняя либеральная буржуазия стремилась с помощью косметических реформ предотвратить революционный взрыв «снизу» и укрепить основы капитализма; в Боливии и Гватемале она постаралась «возглавить» революцию и тем погубила ее; на Кубе некоторые буржуазные слои выступали против диктатуры Батисты;

— мелкая буржуазия города и деревни, средние слои на деле показали не только свои большие революционные антиимпериалистические и антиолигархические потенции, но и ограниченность в борьбе против капиталистического строя, а также некоторые антикоммунистические предубеждения;

— крестьянство вело себя наиболее противоречиво: часть его обуржуазилась за счет реформ и переметнулась на сторону реакции; определенные слои заняли выжидательно-нейтральную позицию, и лишь полупролетарские группы вели активную борьбу за радикальные аграрные преобразования;

— рабочий класс и его марксистско-ленинские коммунистические партии действовали по-революционному, увлекая за собой широкие слои трудящихся на борьбу против империализма и реакции, в защиту демократии, национального суверенитета и социального прогресса.

Разгром германского фашизма и японского милитаризма во второй мировой войне вызвал во всем мире, в том числе и в Латинской Америке, мощный подъем рабочего и демократического движения. Под давлением масс правящие круги многих латиноамериканских государств вынуждены были пойти на либерализацию политических режимов. Это открыло новые возможности для деятельности коммунистических партий, многие из которых после долгих лет подполья завоевали право работать легально. В тех странах, где коммунистические силы не были объединены, возникли национальные марксистско-ленинские партии (Гваделупа, Доминиканская Республика, Гватемала, Боливия, Гайана, Гондурас, Гаити).

В масштабах всей Латинской Америки коммунистическое движение до войны объединяло около 90 тыс. членов, а в 1947 г.— 370 тыс. человек, т. е. в 4 раза больше[24]. Приток новых сил означал крупный шаг вперед. В ряде стран этот процесс шел во многом стихийно. Некоторые партии, стремясь расширить свое влияние в массах, широко открыли двери всем желающим. Определенную роль сыграли ликвидаторские настроения, согласно

которым в новых условиях вместо классовых пролетарских партий якобы целесообразно создать идеологически и организационно рыхлые, плюралистические демократические ассоциации. Особенно активно эти идеи проповедовал тогдашний Генеральный секретарь Коммунистической партии США Э. Браудер. Ликвидаторство не пустило глубоких корней в Латинской Америке, но тем не менее привело к временному снижению политического уровня коммунистического движения и нанесло немалый вред развитию рабочего движения.

К концу войны латиноамериканский пролетариат представлял собой огромную социальную силу. За годы военного бума его ряды значительно выросли, причем, как никогда прежде, окрепли отряды фабрично-заводского пролетариата. Численность промышленного пролетариата в целом на континенте к 1950 г. достигла 10 млн человек. Удельный вес фабрично-заводских рабочих (предприятия с числом занятых более 20 человек) к общему числу занятых в промышленности составил: в Бразилии – 72,8%, в Аргентине – 68,1, на Кубе – более 60%[25]. Это означало существенный сдвиг в развитии пролетариата, в повышении уровня его концентрации. Немалые изменения произошли и в социальной структуре сельского трудового населения: в 1950 г. по найму в деревне трудилось около 10 млн человек[26]. Столь значительные перемены в социальной структуре создали объективную предпосылку для обострения социальных противоречий между трудом и капиталом.

Подъем рабочего и антиимпериалистического движения и достигнутые в борьбе против реакции успехи (свержение диктатуры Мартинеса в апреле 1944 г. в Сальвадоре, победа Национального альянса в марте 1944 г. в Эквадоре, вооруженное народное восстание в октябре 1944 г. в Гватемале), рост политического авторитета компартий, укрепление прогрессивных профсоюзов, оживление крестьянского движения – все это серьезно встревожило международный империализм и внутреннюю реакцию.

Словно по приказу, латиноамериканская реакция перешла в наступление по всему фронту, направив главный удар против рабочего движения. В конце 1947 – начале 1948 г. в большинстве стран коммунистические партии были объявлены вне закона и загнаны в подполье. Многие правительства разорвали дипломатические отношения с СССР. Под флагом борьбы с «угрозой коммунизма» в сентябре 1947 г. вошел в силу

«Пакт обороны Западного полушария». Повсюду стали насаждаться военно-реакционные диктаторские режимы.

В результате белого террора, предпринятого в масштабах всего континента, реакции удалось надолго укрепиться у власти. Опасаясь преследований и репрессий, неустойчивые элементы, включившиеся в первые послевоенные годы в борьбу, теперь трусливо отказались от дальнейшего участия в рабочем и коммунистическом движении. В результате ряды компартий сократились примерно до 280 тыс. членов, но зато движение стало политически и организационно более сплоченным. Преодолевая тяжелые лишения, рабочий класс и его революционный авангард продолжали героическую борьбу.

В каждой стране эти процессы развивались по-разному, в зависимости от конкретной обстановки, но, взятые в совокупности, они создавали на континенте тот политический климат, в условиях которого зрели предпосылки крупных революционных взрывов.

Общей чертой ситуации, сложившейся в 50-х годах, являлось углубление противоречия между империализмом США и народами Латинской Америки. Это противоречие существовало и прежде, но до войны оно переплеталось с соперничеством в борьбе за власть между развивающейся местной буржуазией и консервативной феодально-помещичьей олигархией. Империализм, продолжая сохранять тесные отношения с аграрно-торговыми кругами, постепенно склонялся к ориентации на союз с местной буржуазией. Эта линия отчетливо проявилась еще в годы кризиса и антиолигархических революций начала 30-х годов. Тогда это имело относительно позитивное значение, но после укрепления буржуазии у власти диктат США стал вызывать все большее недовольство националистических групп латиноамериканской буржуазии.

Рабочий класс и его партии не могли игнорировать это важное обстоятельство. Они старались максимально использовать антиимпериалистические устремления националистических и реформистских кругов местной буржуазии, но делать это становилось с каждым годом все труднее ввиду обострения противоречий между трудом и капиталом, прежде всего между рабочим классом и буржуазией.

Вследствие сложного переплетения различных социальных и национальных противоречий революционные процессы в Латинской Америке развивались неравномерно, вызывая то усиление массовых националистических

движений под эгидой буржуазно-реформистских кругов и при самом активном участии широких слоев трудящихся, то крайнее обострение противоречия между трудом и капиталом вплоть до перехода правящей буржуазии к фашистским репрессиям и террору. В такой исторически противоречивой обстановке происходил процесс постепенного созревания объективных и субъективных предпосылок для мощных революционных взрывов. Первый из них произошел в 1952 г. в Боливии.

БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1952 г. В БОЛИВИИ

Апрельская революция 1952 г. в Боливии всколыхнула всю Латинскую Америку, обнаружив гнилость феодально-буржуазной олигархии, объединенной вокруг богатейших горнопромышленных семейных кланов, за спиной которых стояли английские и североамериканские монополии.

Резонанс, вызванный победой боливийского народа над олигархией, был тем более велик, что Боливия являлась одной из самых отсталых и бедных стран Южной Америки. Левые силы не имели крепких связей с массами, ограничивались пропагандой антиимпериалистических и антиолигархических идей. Конкретную работу в массах вели профсоюзы. Значительным влиянием пользовалась буржуазная партия «Националистическое революционное движение» (НРД) во главе с Виктором Пас Эстенсоро, которая проповедовала буржуазно-националистические лозунги о прогрессе, единстве нации, классовом мире и т. п. Это был курс на капиталистическую модернизацию, а не на революцию. Буржуазно-националистические вожди и идущая у них на поводу профсоюзная верхушка с помощью демагогии и уступок смогли добиться немалых успехов в борьбе за массы.

Передовая часть боливийского пролетариата и революционные элементы интеллигенции, в том числе марксистское крыло Левой революционной партии, стремились к тому, чтобы освободить трудящихся от преклонения перед буржуазным национализмом и его лидерами, поднять рабочий класс на сознательную борьбу и в перспективе возглавить антиимпериалистическое и антиолигархическое движение. С этой целью в январе 1950 г. они организовали Коммунистическую партию Боливии. В апреле того же года партия была загнана в подполье, что сразу же ограничило возможность ее работы.

В условиях наступления внутренней и внешней реакции антиолигархические силы страны, и прежде всего политические лидеры буржуазно-националистической оппозиции, взяли курс на вооруженное свержение диктатуры генерала Бальивиана.

9 апреля 1952 г. армейские части по приказу генералов, вступивших в соглашение с политическими лидерами НРД, начали вооруженные действия, но ввиду плохой подготовки и трусливого поведения ряда военачальников правительственные части к концу дня добились почти полного превосходства. В этих условиях левое крыло руководства НРД, стремясь спасти положение, решило пойти на вооружение рабочих, которые уже стали стихийно втягиваться в борьбу против диктатуры. Группа рабочих штурмом взяла арсенал. Другая группа захватила склад боеприпасов. На помощь восставшим в Ла-Пас прибыли горняки из других городов. Переворот быстро превращался в революцию. Благодаря героическим действиям пролетариата правительственные части были разбиты. Важнейшее значение имело вооруженное выступление рабочих Оруро и других городов.

Большой вклад в победу революции внесла коммунистическая партия, обратившаяся к народу с воззванием решительно участвовать в борьбе против диктатуры, за национализацию рудников, аграрную реформу и демократию.

В ходе кровопролитной схватки (только в Ла-Пасе число погибших превысило 400 человек) диктатура была свергнута и к власти пришла партия «Националистическое революционное движение», выражающая интересы либеральной буржуазии, средних слоев, мелкой городской буржуазии и учитывающая в своей политике антиимпериалистические и антиолигархические настроения трудящихся.

Правительство Пас Эстенсоро, возникшее в результате буржуазно-демократической революции, начало постепенно проводить в жизнь прогрессивные реформы и преобразования, главное место среди которых занимали аграрная реформа, национализация горнорудной промышленности, и прежде всего собственности «трех оловянных баронов», демократизация армии, ускоренное развитие государственного сектора в экономике, расширение политических свобод и т. д.

В силу сложившихся условий боливийская революция не получила дальнейшего развития, и постепенно завоевания народа были утеряны. Причинами «затухания» ре-

волюции и контрнаступления реакционных сил были три основных фактора:

1) постоянное прямое и косвенное вмешательство во внутренние дела Боливии североамериканского империализма;

2) непоследовательное поведение буржуазно-националистских кругов, их соглашательская политика и неспособность продолжать революционный процесс;

3) слабость боливийского пролетариата и его молодой коммунистической партии, оказавшихся не в состоянии возглавить революционную борьбу масс.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ГВАТЕМАЛЕ

В Гватемале – небольшой латиноамериканской республике, экономически еще более отсталой, чем Боливия, и почти полностью зависимой от США,– в течение долгих лет (с февраля 1931 г.) власть концентрировалась в руках проимпериалистической тирании генерала Хорхе Убико, жестоко подавлявшего любое оппозиционное выступление. Лишь в условиях общего подъема демократического и антиимпериалистического движения 40-х годов гватемальский народ смог подняться на решительную борьбу против диктатуры.

Начало революционным выступлениям положили студенты. Вслед за ними в борьбу включились рабочие и служащие. В середине октября 1944 г. началась всеобщая забастовка под лозунгом немедленного восстановления демократии, а 20 октября группа патриотического офицерства во главе с капитаном Хакобо Арбенсом, майором Франсиско Арана и мелкобуржуазным демократом Хорхе Ториэльо, готовившим к восстанию студенчество, захватила арсенал и стала раздавать оружие гражданскому населению. В ходе кровопролитного сражения (в боях погибло более 1000 человек), в котором активное участие приняли вооруженные отряды рабочих столицы, власть реакционной хунты была свергнута. Военно-гражданское временное правительство, опираясь на вооруженную силу народа и прогрессивное крыло армии, приняло меры по установлению демократического режима. Бывший диктатор Убико бежал из страны, группа реакционных генералов была арестована, старое правительство и парламент распущены.

В декабре 1944 г. впервые в истории Гватемалы произошли демократические выборы нового президента; им стал мелкобуржуазный либерал-патриот Хуан Хосе Аре-

вало. В течение ряда лет, преодолевая сопротивление империализма и внутренней реакции, его правительство проводило политику реформ: были приняты новая конституция, кодекс законов о труде, декрет об охране нефтяных ресурсов, проведена реорганизация госаппарата. Это были важные шаги, но они не означали коренного преобразования социально-экономической системы.

Более решительные антиимпериалистические и антиолигархические действия предпринял президент Хакобо Арбенс: ему удалось провести в жизнь радикальную аграрную реформу, национализировать феодальные латифундии, создать сектор кооперативных и государственных хозяйств, экспроприировать необрабатываемые угодья «Юнайтед фрут компани», развернуть городское строительство, построить новые дороги, порты. Правительство Арбенса стремилось проводить независимую внешнюю политику, расширять демократию внутри страны, ограничить действия реакционных сил и т. д. Эту демократическую и прогрессивную линию активно поддержали все трудящиеся. Процесс единения демократических сил вокруг правительства Арбенса быстро набирал силу, что не на шутку встревожило империализм США и местные контрреволюционные круги, в том числе часть высшего офицерства.

Реакционные силы развернули активные приготовления к государственному перевороту с целью свергнуть демократическое правительство Арбенса. Во главе заговорщиков стоял ярый антикоммунист, подполковник гватемальской армии Кастильо Армас. Под флагом борьбы против «коммунистического» правительства Арбенса в июне 1954 г. силы внутренней реакции и вооруженные отряды иностранных наемников при открытой военной, финансовой и политической поддержке США, санкционированной лично президентом Д. Эйзенхауэром, осуществили переворот.

Запоздалое решение Арбенса о формировании народной милиции фактически не удалось претворить в жизнь. Стремясь избежать кровопролития, Арбенс подал в отставку. Так потерпел поражение революционный процесс в Гватемале, начатый в октябре 1944 г. В стране был установлен режим проимпериалистической военной диктатуры Кастильо Армаса.

В 50-х годах диктаторские режимы при помощи империализма были установлены также в Перу, Венесуэле, Колумбии. В 1952 г. осуществил реакционный переворот Фульхенсио Батиста на Кубе.

В этих условиях борьба за восстановление демократии стала главным стержнем всего освободительного движения на континенте.

В течение ряда лет перевес сил оставался за реакцией. Лишь в конце 50-х годов обстановка начала меняться в пользу патриотов: в 1956 г. пала диктатура М. Одриа в Перу; в мае 1957 г. был свергнут режим Р. Пинильи в Колумбии; в январе 1958 г. в результате всеобщей забастовки в столице Венесуэлы г. Каракасе удалось свалить реакционное правительство П. Хименеса. Антидиктаторские движения 1956—1958 гг. в Перу, Колумбии, Венесуэле приобрели подлинно народный характер и вылились в вооруженные восстания, но до революции дело в этих странах не дошло. Лишь на Кубе в условиях общеконтинентального подъема антидиктаторских и антиимпериалистических движений возникла героическая эпопея революции, — революции, первой проложившей путь социализму в Латинской Америке.

ПОБЕДА КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кубинская революция является главной вехой в истории освободительной борьбы народов Латинской Америки. Длительная и мужественная борьба трудящихся Кубы, рабочего класса и коммунистов против реакционной диктатуры Батисты, самоотверженная вооруженная атака патриотов во главе с Фиделем Кастро на крепость Монкада в июле 1953 г., высадка в декабре 1956 г. на шхуне «Гранма» боевого ядра революционеров и последующая боевая история наступательных действий Повстанческой армии, подпольной борьбы коммунистов, всеобщее восстание пролетариата Гаваны, завершившееся 1 января 1959 г. свержением антинародной диктатуры, перерастание демократической и антиимпериалистической революции в революцию социалистическую — все это ярко и всесторонне освещено в опубликованных документах, в выступлениях и докладах Фиделя Кастро, в многочисленных исторических исследованиях советских и зарубежных ученых-марксистов [27].

Победа кубинской революции была предопределена двумя взаимосвязанными объективными факторами — внешним и внутренним, — которые отражали действие общих закономерностей в современную эпоху. Роль внешнего фактора четко охарактеризовал Ф. Кастро: «...кубинская революция стала возможной только потому, что гораздо раньше совершилась русская революция

1917 года... Без существования Советского Союза была бы невозможна социалистическая революция на Кубе»[28].

Братская помощь советского народа и народов других социалистических стран, смелая и последовательная солидарность родины Октября с революционной Кубой сыграли важнейшую роль в срыве замыслов внутренней и внешней контрреволюции. Благодаря этому первая социалистическая революция в западном полушарии смогла выстоять в смертельной схватке с империализмом.

Важность внешнего фактора не умаляет роли внутренних, главных факторов революционного процесса на Кубе. К ним прежде всего относится тот факт, что еще в 30-х годах рабочий класс, как подчеркнул I съезд Коммунистической партии Кубы (1976 г.), «стал самым революционным классом нашего общества и главной силой в борьбе за коренные преобразования, в которых нуждалась наша экономическая, социальная и политическая действительность»[29]. В течение многих десятилетий пролетариат под руководством коммунистов героически и самоотверженно выступал против империализма и реакции, стремясь к социализму и видя в его утверждении свою историческую миссию.

Особенно ярко сила рабочего класса проявилась в годы противоборства с реакционной диктатурой Батисты, хотя правая профбюрократия всячески стремилась обеспечить социальную поддержку диктатору. Но этой цели удалось добиться лишь частично. Проимпериалистический режим Батисты обрушил массовые репрессии на рабочее движение и народно-социалистическую партию. «В любой момент,— хвастал диктатор,— я раздавлю коммунизм... Куба никогда не будет служить базой для коммунизма»[30].

Однако вопреки всем стараниям империализма и реакции террор вызвал не страх, а рост оппозиционного движения. В лагере политических противников военно-фашистской диктатуры оказались самые различные слои общества — рабочие, крестьяне, интеллигенция, городские средние слои, часть национальной буржуазии. Пролетариат города и деревни выступал в роли главной революционной силы. Наиболее крупные выступления рабочих носили четко выраженный антидиктаторский характер. Народно-социалистическая партия сыграла выдающуюся роль в организации массового движения протеста и единства оппозиционных сил, но ее возможности возглавить массы были в те годы весьма ограниченными. Антикоммунистическая пропаганда, террор и запуги-

вания, остракизм со стороны буржуазных и мелкобуржуазных партий, выступавших против диктатуры, но не желавших сотрудничать с коммунистами,— все это ослабляло позиции последних в массах. Определенные тактические просчеты допустили и сами коммунисты.

В этих условиях историческая миссия возглавить революционный процесс выпала на долю Фиделя Кастро и его сподвижников, решивших создать свою собственную, но независимую от традиционных партий, революционную военно-политическую организацию, главной целью которой стали подготовка и осуществление вооруженной борьбы против диктатуры.

Первой боевой акцией молодых патриотов была атака на казарму Монкада 26 июля 1953 г. Это выступление потерпело поражение, но оно всколыхнуло всю Кубу, способствуя формированию революционной ситуации.

Коммунисты не сумели сразу дать правильную оценку вооруженному восстанию молодых патриотов. Партия, призывая к развертыванию массового движения, не увидела того, что настал час перехода от мирных к вооруженным формам борьбы. Основные рычаги идейно-политического руководства постепенно перешли к революционной группировке «Движение 26 июля» во главе с Ф. Кастро. Объясняя причины этого, Ф. Кастро спустя 20 лет после победы революции отмечал, что в годы диктатуры Батисты «в стране царил антикоммунизм, народ был сбит с толку, коммунистическая партия находилась в сильной изоляции. Другими словами, в то время коммунистическая партия не имела объективной возможности возглавить революцию на Кубе. Я считал, что если бы удалось повести за собой широкие массы, то, не говоря о коммунизме, можно было бы завоевать власть. Но считал, что революционная программа необходима. Конечной целью ее должен стать социализм»[31].

По сути своей программа, разработанная Ф. Кастро и изложенная им в речи на судебном процессе по делу участников нападения на казарму Монкада, основывалась на марксистско-ленинской теории и по многим позициям совпадала с программой народно-социалистической партии.

Коммунисты и сторонники Ф. Кастро выступали против диктатуры и империализма, за глубокие преобразования и в перспективе за построение социализма, но в то время по-разному оценивали пути и формы революционной борьбы.

Коммунисты в манифесте от 26 сентября 1956 г. при-

знавали, что ввиду реакционного насилия со стороны правительства «у народа не остается иного средства для выражения своей воли, кроме развития прямой борьбы объединенных масс с тем, чтобы превратить ее в неудержимый поток, ведущий ко всеобщей забастовке и всенародному восстанию... В таком случае вооруженная борьба не носила бы изолированного характера, а стала бы вспомогательным инструментом для обеспечения победоносного завершения мощного выступления масс против сопротивляющегося врага»[32].

Из сказанного следуют два вывода: во-первых, кубинские коммунисты не исключали, а признавали возможность и необходимость вооруженных методов борьбы против диктатуры и, во-вторых, полагали, что скорее всего речь пойдет о боливийском варианте восстания в столице. Несколько позже Р. Дебре назвал такой путь «классической большевистской формой»[33] революции, подразумевая, по-видимому, вооруженное восстание 25 октября 1917 г. в Петрограде. В последующие годы такой вариант, хотя и не обязательно пролетарского, восстания имел место неоднократно и потому представлялся наиболее вероятным.

Ф. Кастро и его сторонники из «Движения 26 июля» считали, что не восстание в столице, а длительное повстанческое движение может стать главной формой революционной борьбы за власть. При этом они решительно выступили против легкомысленных планов «повстанческой комедии».

В одном из своих писем из тюрьмы (19 июня 1954 г.) Ф. Кастро замечал: «И если сейчас в наших рядах есть люди, которые ничего не хотят, кроме стрельбы, и готовы пойти на сделку даже с дьяволом, лишь бы получить оружие, они должны быть безоговорочно исключены... Нам нужны не гангстеры, не авантюристы, а люди, осознающие свою историческую ответственность, умеющие ждать и терпеливо работать на благо будущего родины... Мы возлагаем надежды не на группки конспираторов-полуночников или запутавшихся студентов, а на народ... великое революционное движение, которое должно стать венцом идеалов тех, кто пал!»[34]

Несмотря на различия в тактических установках, между коммунистами и «Движением 26 июля» установились деловые контакты, которые окрепли в период вооруженной борьбы против диктатуры. Прямое участие коммунистов в повстанческом движении началось в первые месяцы 1958 г. Так, шаг за шагом шло объеди-

нение революционных сил, центром которых стала 3-тысячная Повстанческая армия.

Рабочий класс города и деревни, крестьянство, прогрессивная мелкая буржуазия — таковы были движущие силы революции. «Рабочему классу — носителю революционной идеологии, выступающему в тесном союзе с крестьянством и средними слоями нашего населения, — подчеркивал Ф. Кастро, — принадлежала ведущая роль в новой революции, и он определял ее характер»[35].

Благодаря этому фактору кубинская революция быстро прошла свою первую (антиимпериалистическую и демократическую) фазу и в конце 1960 г. вступила в социалистический этап, который в апреле 1961 г. завершился установлением диктатуры пролетариата. «Специфика перехода от этапа народно-демократического, аграрного и антиимпериалистического к этапу социалистическому на Кубе состоит в том, — подчеркивается в программной платформе Коммунистической партии Кубы, — что этот переход был осуществлен за короткое время при одном и том же революционном руководстве. Проблема политической власти на обоих этапах Революции в основном была решена с первых же дней.

На первом этапе этой властью была революционно-демократическая диктатура народных масс: рабочих, крестьян, мелкой городской буржуазии и других слоев населения, не заинтересованных в господстве империализма и буржуазно-латифундистской олигархии. В настоящее время, на втором этапе строительства социализма, эта власть представляет собой диктатуру пролетариата в союзе с трудовым крестьянством и другими слоями нашего общества, интересы которых противоположны интересам капиталистического общества»[36].

Кубинская революция, таким образом, как бы вместила в себя настоящее и будущее Латинской Америки в целом, поскольку во всех странах континента освободительное движение против империализма и олигархии все теснее переплетается с борьбой за социализм.

Благодаря этому обстоятельству кубинская революция оказала поистине гигантское воздействие на Латинскую Америку, открыла новый этап современного революционного процесса. «Если у нашей страны и была какая-либо привилегия, — писал Ф. Кастро, — то это данная ей историей привилегия стать первым в этой части света государством, разгромившим капитализм и империализм и приступившим к строительству социализма. Это результат не чуда, а непоколебимой силы марксист-

ско-ленинской идеологии, наших революционных традиций и массового героизма народа, которые вместе с замечательной интернациональной солидарностью и поддержкой привели к тому, что бессмертные знамена Великой Октябрьской социалистической революции победоносно развеваются над первой свободной территорией на американском континенте» [37].

Воздействие кубинского примера на освободительное движение латиноамериканских народов приняло самые различные формы, вызвав к жизни мощный подъем революционной активности трудящихся. Кубинская революция показала трудящимся всех стран реальную возможность завоевания независимости, уничтожения эксплуататорских отношений и построения социалистического общества.

Если проследить динамику революционных процессов от октябрьского восстания 1944 г. в Гватемале до свержения диктатуры Батисты и победы социалистической революции на Кубе, то можно обнаружить одну общую тенденцию: налицо нарастающее углубление и расширение социального содержания борьбы, рост антикапиталистических тенденций. Шаг за шагом и год за годом крепло стремление трудящихся масс, прежде всего рабочего класса, его коммунистических партий, а также передового авангарда революционной демократии вывести революцию за рамки антиимпериалистических, антиолигархических и антидиктаторских требований, придать ей социалистическую ориентацию. В ходе боливийской и гватемальской революций эта тенденция не получила своего воплощения в жизнь. Это объяснялось прежде всего политикой буржуазно-либеральных националистов, отрицавших социализм и стремившихся пойти своим, «третьим» путем, т. е. путем несколько демократизированного и латиноамериканизированного капитализма. Незавершенность обеих революций объяснялась также слабостью рабочего класса и недостаточным участием самих масс, которые доверили свою судьбу буржуазным лидерам. Этот негативный опыт послужил на пользу революционерам других стран.

За короткий период был пройден большой путь, завершившийся победой героической кубинской революции. Она как бы аккумулировала в себе весь накопленный за предыдущие годы опыт: вооруженные восстания и всеобщие пролетарские забастовки, приведшие к падению реакционных диктатур (Гватемала, Боливия, Перу, Колумбия, Венесуэла); партизанские формы по-

встанческого движения; преодоление контрреволюционного насилия насилием революционным (Боливия, Колумбия); первые радикальные аграрные реформы и демократическая национализация империалистической собственности (Гватемала, Боливия); боевое сотрудничество коммунистов с мелкобуржуазными революционно-демократическими силами (Гватемала); уроки удач и поражений; опыт разработки четкой повстанческой платформы революционной борьбы и руководства массами.

Все эти и многие другие завоевания прогрессивных сил ярко и своеобразно воплотились в кубинской революции, создав для нее ту живительную основу, на которой она только и могла завершиться блистательной победой. Можно с полным основанием сказать, что эта победа была бы невозможна без революционного опыта Гватемалы и Боливии, без уроков борьбы народов Перу, Колумбии, Венесуэлы и других стран против военно-террористических диктатур, без выявления на практике несостоятельности буржуазного националистического реформизма и популизма, без происшедшего в массовом сознании сдвига в отношении понимания агрессивной и контрреволюционной сущности империализма США. Именно эти факторы дают ключ к правильному пониманию международного значения и исторической неизбежности победы кубинской революции.

Эта победа определила начало совершенно нового этапа в истории всей Латинской Америки. Отныне все формы классовой борьбы и антиимпериалистического движения в Латинской Америке, вся политическая и идейно-теоретическая жизнь приобрели непосредственную связь и взаимодействие с социалистической Кубой, с реальным социализмом, с социалистической перспективой. Это было поистине историческое завоевание всех латиноамериканских народов.

До сих пор мы говорили о международном значении кубинской революции в широком смысле. Если же иметь в виду ее конкретный политический опыт, то здесь центральное место занимает вопрос о роли повстанческого движения и — шире — о роли вооруженного пути революции, его эффективности в условиях Латинской Америки. Сам по себе этот путь еще до кубинской революции был на практике неоднократно проверен во многих странах (Китай, Вьетнам, Алжир, Бразилия, Никарагуа и др.). Однако, пожалуй, именно Куба впервые продемонстрировала бесспорный успех повстанческого движения как основной формы народной революции демократического

и антиимпериалистического характера. Успех был столь грандиозен и важен, что породил своего рода эйфорию по поводу вооруженной борьбы. Особенно постарались Р. Дебре и другие леворадикальные пропагандисты кубинского опыта. По всей Латинской Америке сразу же возникли десятки и сотни повстанческих очагов, но большинство их было легко подавлено армией (Венесуэла, Боливия, Никарагуа, Сальвадор и др.). Не удался и эксперимент Че Гевары с организацией партизанского движения в 1966—1967 гг. в Боливии.

Но дело было не столько в явной переоценке, даже абсолютизации кубинского опыта, сколько в попытках Р. Дебре и других противопоставить его марксистско-ленинской теории, всему предшествующему международному революционному опыту. В этом Р. Дебре видел «революцию в революции», как он озаглавил свой известный труд. Суть его концепции, кратко говоря, сводилась к следующему:

— вооруженная борьба представляет собой высшую и единственно революционную форму борьбы;

— на повестке дня в Латинской Америке стоит социалистическая революция, но ее могут осуществить не «обуржуазившийся» пролетариат, а крестьянство и люмпен-пролетарские группы, руководимые революционным студенчеством и интеллигенцией;

— коммунистические партии погрязли в оппортунизме и не в состоянии возглавить революцию, организовать вооруженную борьбу;

— повстанческая армия, а не партия способна сама стать политическим авангардом революции, ядром подлинно революционной (новой) партии.

В этом, собственно говоря, и усматривал Р. Дебре то новшество, которое якобы дала Куба, совершившая тем самым «революцию в революции», в ее обычном и привычном до 1959 г. понимании.

Это была весьма упрощенная трактовка законов революции. Однако подобные взгляды получили достаточно широкое распространение. Они грубо искажали конкретный политический опыт кубинской революции, саму логику ее развития и победы.

История кубинской революции, взятая во всей ее исторической целостности, включая освободительную войну 1868—1878 гг., национально-освободительную войну 1895—1898 гг., буржуазно-демократическую революцию 1933 г., революционную борьбу против диктатуры Батисты в 1953—1958 гг., перерастание кубинской революо-

ции в социалистическую, свидетельствует о том, что она развивалась не каким-то особым путем, а в соответствии с общими закономерностями мирового революционного процесса. На ее столетнем пути, о котором неоднократно говорил Ф. Кастро, были использованы и мирные и вооруженные методы борьбы, и восстания в городах, и партизанские действия в сельской местности.

В течение трех с половиной десятилетий (с 1925 г.) огромную революционную работу в массах вели кубинские коммунисты, внесшие большой вклад в победу народа в 1959 г. Рабочий класс на всех этапах борьбы (после 1933 г.) выступал как передовая и ведущая сила революции. Сама же революция, ее объективные и субъективные факторы формировались не произвольно, а в соответствии с общими законами развития общества, углубления внутренних и внешних противоречий капитализма.

Кубинская революция, таким образом, не опрокинула, а подтвердила правоту марксистско-ленинской теории, а вместе с тем подарила миру бесценный новый опыт революционного творчества.

АРМИЯ: РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ? ОПЫТ 60-х И НАЧАЛА 70-х ГОДОВ

Важной, а часто и решающей силой в развитии революции и контрреволюции выступает армия. В отличие от классов и партий она обладает двумя преимуществами — военной дисциплиной и оружием. Ее вмешательство в политику в большинстве случаев определяет ход событий в ту или иную сторону.

Обычно проблему армии современные авторы рассматривают прежде всего применительно к странам Азии, Африки и Латинской Америки. И в таком подходе есть большой смысл, поскольку именно в этих районах из-за отсутствия стойких буржуазно-демократических традиций роль вооруженного насилия особенно велика. В условиях общей политической отсталости и слабости партийных структур офицерство зачастую по собственной воле берет на себя управление обществом, свергает неугодные правительства, проводит социальные преобразования, формирует идеологические установки.

Какую бы страну мы ни взяли, офицерство и солдатская масса никогда не стояли в стороне от крупных событий. Основная часть вооруженных сил чаще всего играла роль охранника существующей власти, роль жан-

дарма и душителя революций. Передовые представители офицерства и солдатской массы, напротив, становились на сторону народа, превращались в грозную революционную силу. Так было в революции 1905–1907 гг. в России (восстание на броненосце «Потемкин»), так было в дни Октября 1917 г. (выступления балтийских моряков и частей Петроградского гарнизона против Временного правительства). Многие офицеры принимали активное участие в младотурецкой революции, в движении генентистов в Бразилии, в национальной революции 1925–1927 гг. в Китае, в кубинской революции 1933 г. и т. д. Яркую веху вписали военные в историю последних десятилетий. Они начали «революцию гвоздик» в апреле 1974 г. в Португалии, обеспечили победу народных революций в Эфиопии, Южном Йемене и других странах.

История показала, что армия живет той же жизнью, что и общество в целом. Даже жесткая дисциплина не в состоянии удержать солдат и матросов в абсолютном повиновении и аполитичности, изолировать армию от своего народа. Подобно российским декабристам, передовое офицерство в самые кульминационные моменты смело выдвигалось на передовые позиции и играло роль революционного авангарда.

Иными словами, в одних случаях армия стояла на консервативных и контрреволюционных позициях, в других – на стороне революции и народа. Точнее говоря, она неизбежно раскалывается на противоборствующие части – революционную и контрреволюционную. Прежде всего это относится к офицерству, поскольку солдатская масса, рекрутируемая в большинстве случаев из среды неграмотного крестьянства, не способна самостоятельно разобраться в политике и чаще всего выступает в роли «послушной пехоты». Нередко офицеры даже не считают нужным объяснять своим подчиненным смысл тех или иных действий, требуя одного – веры и послушания.

В обстановке общего кризиса власти прогрессивное офицерство могло сравнительно легко увлечь за собой солдатские массы.

Первым выступлением военных в эти годы явилось восстание «Свободных офицеров» в Египте в 1952 г. Одним ударом им удалось свергнуть монархию. Насер вспоминал, что до революции он и его друзья полагали, что «вся нация была готова к действию, она лишь ждала выступления авангарда... Я думал, что мы – лишь пио-

неры, отряды командос, что мы будем находиться впереди лишь несколько часов и вскоре за нами последуют сплоченные массы. Авангард выполнил свою задачу; он взял штурмом оплот тирании, он заставил Фарука отречься от престола и остался стоять на страже, ожидая подхода массовых формирований для выполнения окончательной задачи. Он ждал и ждал. Показались бесконечные толпы, но как далека оказалась действительность от воображаемого! Среди толп были и разрозненные приверженцы, и остатки сил прошлого. Священный поход к великой цели был прерван... Миссия авангарда не закончилась. Фактически она именно тогда только и началась»[38].

Патриотическое офицерство оказалось вынужденным постоянно толкать революцию вперед, постепенно побуждая к активному участию массы. Без участия народа вся антиимпериалистическая энергия революции быстро бы иссякла. Так оно и случилось, когда само офицерство стало обуржуазиваться, отходить от идеалов романтического революционаризма. После смерти Насера негативные тенденции захватили армию и превратили ее в годы правления Садата не в силу революции, а в ее тормоз.

В Египте, как и в ряде других стран Азии, Африки и Латинской Америки, гипертрофированная роль армии объяснялась стечением обстоятельств, а проще говоря, кризисом существовавших реакционных режимов. «Кризис верхов» в Египте, Ираке, Сирии в 50-х годах, а во второй половине 60-х годов — в Перу, Панаме, Боливии, Эфиопии и других странах был очевиден. Очевиден был и «кризис низов», который проявлялся в росте антиправительственных настроений, в стихийных формах протеста, в развитии забастовочного и крестьянского движений. Однако силы народа были плохо организованы и всегда подвергались жестокому террору, в том числе и в первую очередь со стороны армии. Подобно российскому казачеству образца 1905 г., солдаты по приказу офицеров без колебаний открывали огонь по народу.

Ситуация лишь выглядела стабильной, но на самом деле все находилось в состоянии крайне неустойчивого равновесия. О такого рода ситуации писал Ф. Энгельс в письме к В. И. Засулич в апреле 1885 г. (речь шла о России): «...страна подобна заряженной мине, к которой остается только поднести фитиль... Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, другими словами, одним неболь-

шим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова), и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывные силы, которые затем уже невозможно будет укротить... народная энергия из потенциальной превратится в кинетическую (тоже излюбленный и очень удачный образ Плеханова), люди, которые подожгли фитиль, будут подхвачены взрывом, который окажется в тысячу раз сильнее их...»[39]

В России после убийства 13 марта 1881 г. Александра II такого первоначального толчка дано не было. В Бразилии в 1924—1927 гг. тенентисты также не смогли вызвать взрыв народной энергии, поскольку «верхи» стояли у власти прочно и «неустойчивого равновесия» не было. Иной являлась ситуация 1952 г. в Египте, где группа офицеров во главе с Насером путем переворота свалила монархию и привела в движение весь народ.

Нечто подобное произошло спустя ряд лет в Ираке, Сирии, Перу, Боливии, Панаме, Эфиопии и других странах. Везде революцию начинали «делать» военные демократы. Кое-где они не желали «пробуждать» народ и сдерживали его энергию, но вопреки своим расчетам высвободили из-под гнета такие огромные силы, которые продвинули революцию далеко вперед, придав ей в ряде случаев необратимое восходящее развитие.

ИРАК: ОТ ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА К РЕВОЛЮЦИИ

10 июля 1958 г., спустя шесть лет после победы сторонников Насера в Египте, их примеру последовали «Свободные офицеры» Ирака. Господство проимпериалистической феодально-монархической клики Нури Саида было свергнуто. Руководителями иракских «Свободных офицеров» являлись генерал Абдель Керим Касем и подполковник Абдель Салям Ареф. Всего в течение нескольких часов король Фейсал был низложен, Нури Саид позорно бежал, а через два дня был убит толпой.

По форме эта политическая акция выглядела обычным путчем, дворцовым переворотом группы заговорщиков, но сущность была иной. «О «путче» в научном смысле слова,— писал В. И. Ленин,— говорить можно только тогда, когда попытка восстания ничего кроме кружка заговорщиков или нелепых маньяков не обнаружила, никаких симпатий в массах не вызвала»[40].

Переворот 10 июля 1958 г. в Ираке вызвал горячую

поддержку у масс. Крестьяне громили усадьбы помещиков, молодежь проводила митинги и демонстрации, рабочие изгоняли старую администрацию. Военный переворот перерос в революцию буржуазно-демократического и антиимпериалистического характера. Она положила конец феодальной монархии и дала жизнь демократической республике. Важную роль в победе сыграла Иракская коммунистическая партия, по инициативе которой во многих местах стали действовать отряды народного сопротивления и комитеты защиты революции[41].

Однако революция не получила дальнейшего развития. Военные лидеры с самого начала стремились к утверждению режима личной власти, опасаясь неуправляемой энергии масс. Партия Арабского социалистического возрождения (Баас) вскоре была разгромлена, коммунисты загнаны в подполье, аграрная реформа приостановлена, многие социально-экономические реформы заторможены. Вместо опоры на народ новая власть стала действовать против его интересов. Крайне обострился национальный вопрос, а в 1960 г. началась война между арабами и курдами. Правительство обрушилось с репрессиями против курдов. Ситуация в стране стала взрывоопасной. Массы перестали поддерживать бонапартистскую диктатуру Касема. В недрах партии Баас постепенно созрела мысль об устранении диктатора.

На рассвете 8 февраля 1963 г. в Багдаде произошел второй военный переворот. Касем был убит. Президентом стал его заместитель Ареф. Фактически же власть перешла в руки правого крыла партии Баас. С течением времени Ареф сумел стать новым диктатором. Командные посты везде заняли реакционные военные. Однако положение оставалось нестабильным.

В ночь на 17 июля 1968 г. военные осуществили третий переворот. Партия Баас осталась у власти, но на этот раз ведущую роль сыграло ее левое крыло. Председателем Совета революционного командования и президентом республики стал Ахмед Хасан Бакр. Были приняты некоторые позитивные меры: объявлена политическая амнистия, прекратилась война с курдами (1970 г.), обнародована новая конституция, принят закон о пенсиях и т. д. Все эти шаги делались крайне непоследовательно, перемежаясь с репрессиями и реакционными политическими решениями. В целом тем не менее процесс преобразований получил новый толчок. Партия Баас и Иракская коммунистическая партия в июле 1973 г. в совместном заявлении о сотрудничестве в рамках Про-

грессивного национально-патриотического фронта подтвердили свою приверженность программе решительной борьбы против империализма, сионизма и реакции, за национальную солидарность, арабское единство, укрепление сотрудничества со странами социализма[42]. Дальнейшее развитие политической жизни Ирака определялось уже не армией, а партией Баас.

Таким образом, иракская армия не сумела сыграть роль последовательной революционно-демократической силы, хотя в течение 10 лет стояла в центре политики. Главной причиной этого служил антикоммунизм и негативизм в отношении народа. Военно-диктаторские методы, увлечение бонапартистским лавированием, непоследовательность по отношению к империализму, приверженность буржуазной модели развития помешали иракской армии, и прежде всего офицерству, вырасти в настоящую революционную силу. Кастовость, высокомерие и преклонение перед силой сабли как бы вытолкнули армию из большой политики. Она возвратилась в казарму.

СИРИЯ ИЗБИРАЕТ НОВЫЙ ПУТЬ

Примерно такой же путь проделала Сирия. Вооруженные силы этой страны после вывода в 1946 г. англо-французских войск с сирийской территории многократно совершали верхушечные перевороты, но так и не сумели добиться внутриполитической стабилизации. В феврале 1954 г. был осуществлен очередной переворот против реакционной диктатуры генерала Адиба Шишекли. Новое правительство заняло более патриотическую позицию. В этой ситуации империализм решил использовать Израиль, который в декабре 1955 г. развернул войну против Сирии. В октябре 1956 г. израильские войска захватили Синайский полуостров и приблизились к Суэцкому каналу. Англия и Франция начали бомбить Порт-Саид и высадили свой десант. Внешняя угроза привела к сближению Сирии и Египта, к образованию 1 февраля 1958 г. Объединенной Арабской Республики.

Достигнуть прочного арабского единства, однако, не удалось. Спустя ряд лет сирийско-египетская уния распалась. Более слабая сирийская буржуазия не хотела подчиняться воле и интересам своей египетской сестры. Не устраивали сирийцев и аграрная реформа Насера, засилье торговцев из Каира и многое другое. На определенном этапе создание ОАР было целесообразно, но ра-

но или поздно центробежные силы должны были взять верх.

В сентябре 1961 г. в Сирийском районе произошел военный переворот, было объявлено о выходе из ОАР и о создании Сирийской Арабской Республики. К власти пришла крупная буржуазия, которая потянула страну назад. Это вызвало контртенденцию. Она вылилась в марте 1963 г. в новый переворот, завершившийся, как и в Ираке, установлением баасистского правительства. Новая администрация взяла курс на «построение арабского социалистического общества»[43].

Колебания сирийской национальной буржуазии и мелкобуржуазного офицерского корпуса являлись весьма типичными и не случайными. Они отражали борьбу реакционной и революционной тенденций, левых и правых группировок в обществе и армии. Верх брали то антиимпериалистические, то более умеренные группы. При этом постоянно ощущался страх перед революционной энергией «низов».

Огромное число военных переворотов, захлестнувших Африку и Азию в 50—60-х годах, показало множество самых разнообразных политических оттенков, но с явным преобладанием на первой стадии революционных, а на второй — контрреволюционных тенденций. В октябре 1958 г. в результате военного переворота в Пакистане была установлена антинародная диктатура Айюб Хана. В сентябре 1965 г. армия свергла прогрессивное правительство Сукарно в Индонезии. В феврале 1966 г. военные ликвидировали революционный режим Кваме Нкрумы в Гане. Число таких примеров можно умножить.

Во многом аналогичные процессы протекали во второй половине 60-х годов в ряде стран Латинской Америки. Однако в отличие от Африки и Ближнего Востока здесь существовали довольно развитые формы буржуазного парламентаризма. Политические партии вели обычную игру на выборах, проповедуя конкурирующие варианты реформ, обещая прогресс и т. п., на деле же у власти прочно стояли проимпериалистические и часто откровенно диктаторские режимы. В таких условиях армия играла роль жандарма и исполнителя постоянных верхушечных переворотов — пронунсиаменто. Каждый амбициозный генерал считал чуть ли не своим служебным долгом стать президентом, а чтобы сделать это, требовалось применить солдатскую силу для изгнания предшественника. К этому все в Латинской Америке при-

выкли и считали само собой разумеющимся. Но были, конечно, и иные выступления армии, в том числе самые революционные и прогрессивные. Особенно крупные военно-революционные процессы произошли в конце 60-х и начале 70-х годов.

ВОЙНА КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ ДОМИНИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРОТИВ ИНТЕРВЕНЦИИ США

Первым патриотическим выступлением прогрессивного офицерства стало военное движение конституционалистов во главе с полковником Франсиско Кааманьо в Доминиканской Республике в апреле – сентябре 1965 г. Политическая ситуация в этой небольшой (население – 4,7 млн человек) республике, занимающей восточную половину острова Гаити, имела немалую специфику ввиду многолетнего господства реакционной диктатуры Р. Трухильо (1930–1961 гг.). США, долгие годы поддерживавшие этот полицейский режим, в конце концов решили убрать со сцены диктатора и заменить его более «респектабельным» правителем.

С целью «оздоровления» обстановки в оппозиционных Трухильо кругах возник заговор, который направляли агенты ЦРУ. 30 мая 1961 г. диктатор был убит, но никаких существенных перемен в структуре власти не произошло. Под давлением масс и международного общественного мнения верхушка была вынуждена, однако, допустить деятельность оппозиционных партий, в том числе созданной в эмиграции еще в 1939 г. буржуазно-реформистской Доминиканской революционной партии, возглавляемой известным писателем и политическим деятелем Хуаном Бошем. На выборах в декабре 1962 г. Х. Бош был избран президентом и приступил к проведению некоторых демократических реформ, прежде всего аграрной. Новый президент обещал совершить «мирную конституционную революцию» с целью улучшения жизни трудящихся и развития страны по некоему «третьему» пути, который, как говорил Х. Бош, «не будет социалистическим, но не будет также и ориентироваться на постоянную зависимость от иностранной помощи»[44].

Либерализм Х. Боша и его партии носил весьма ограниченный характер, тем не менее реакционные силы обвиняли Х. Боша в том, что он якобы слишком терпимо относится к нарастающей «коммунистической угрозе». Под флагом предотвращения «второй Кубы» в сентябре

1963 г. реакционная военщина свергла кабинет Х. Боша. С этого момента вся страна разделилась на два лагеря — конституционалистов, выступавших за восстановление власти свергнутого законного президента, с одной стороны, и сторонников реакционного триумвирата, узурпировавшего высшую государственную власть в результате военного переворота,— с другой.

В ряде районов начались партизанские действия, но они не получили развития ввиду пассивности крестьянства. Более успешно шло забастовочное движение рабочих, причем важное значение приобрели требования о восстановлении демократии.

Рабочий класс Доминиканской Республики был малочисленным (примерно 100 тыс. промышленных и 130 тыс. сельскохозяйственных рабочих), фабрично-заводское ядро практически отсутствовало, самостоятельного опыта организованной классовой борьбы большинство рабочих не имело.

Что касается компартии, то она в эти годы представляла собой малочисленную группу и вела в основном пропагандистскую работу. Созданная в подполье еще в 1944 г., партия долгое время стояла на сектантских позициях и не имела прочных связей с массами. В ее программных документах в те годы встречались грубые ошибки в определении характера революционного процесса. Так, утверждалось, что якобы «доминиканская революция по содержанию является социалистической», «новой пролетарской революцией, происходящей в зависимой стране и потому имеющей также антиимпериалистические и буржуазно-демократические задачи»[45]. Подобные левосектантские установки обрекали партию на политическое одиночество. В период президентства Х. Боша коммунисты сумели установить контакты с профсоюзами, начали вести пропаганду в армии, оказывали некоторое влияние на студенчество, но в целом продолжали оставаться в изоляции.

Реакционная политика правящего триумвирата и перестановки в высшем генералитете в пользу правого крыла армии вызывали всеобщее возмущение. Массовый размах в 1964 г. получило забастовочное движение. Рабочие, студенты, служащие выступали с требованием восстановления конституции 1963 г. и возвращения Х. Бошу его президентского мандата. Среди патриотических слоев офицерства велась тайная подготовка к вооруженному мятежу.

Восстание произошло ночью 24 апреля 1965 г. Тысячи

жителей столицы присоединились к взбунтовавшимся частям. К полудню стало ясно, что значительная часть армии осталась верна триумвирату. Реакционные офицеры во главе с командующим центральной авиационной базой генералом Вессином-и-Вессином сумели склонить на свою сторону офицеров ВВС и флота, внести раскол в ряды военнослужащих. В итоге многие подразделения, дислоцированные вне столицы, заняли выжидательную позицию. В конечном счете провинция осталась в стороне от развернувшейся в столице Санто-Доминго и ряде других городов гражданской войны. Крестьянство в целом вело себя пассивно, ожидая исхода схватки.

Вооруженная конфронтация между революционными и правительственными частями приняла острый и кровопролитный характер. В целях обороны столицы конституционалисты во главе с полковником Ф. Кааманьо организовали ряд опорных пунктов на территории города и приняли решение вооружить добровольческие отряды из гражданского населения. Были созданы группы народной самообороны численностью от 3,5 до 5 тыс. человек[46]. С помощью этих сил сопротивление ряда полицейских формирований было подавлено.

Активное участие трудящихся, прежде всего рабочих и служащих, а также студенчества в боях с контрреволюцией придало верхушечному конституционалистскому движению подлинно патриотический характер. Но изоляция столицы, перевес сил реакции, отсутствие последовательного политического руководства отрицательно сказались на развитии гражданской войны. Особенно пагубную роль сыграло военное вмешательство США во внутренние дела Доминиканской Республики. В конечном счете оно предопределило поражение конституционалистского восстания.

Военная интервенция США началась 29 апреля 1965 г. сразу же после мятежа правых сил. На территорию Доминиканской Республики под фальшивым предлогом «защиты американских граждан» высадился десант морской пехоты — 1,7 тыс. человек. Затем на самолетах были доставлены десантно-парашютные войска (2,5 тыс. человек). 6 мая в интервенции участвовало уже 22 тыс. американских солдат и, кроме того, 1250 бразильских, 250 гондурасских, 175 никарагуанских и 20 коста-риканских военнослужащих[47]. Участие в интервенции ряда других государств должно было придать вторжению видимость некоей «межамериканской» акции, что было выгодно США. С целью оправдания интервенции в глазах обыва-

тельской массы президент Л. Джонсон утверждал, что военная акция якобы понадобилась для того, чтобы предотвратить «установление еще одного коммунистического правительства в Западном полушарии»[48].

Это была явная ложь. Никакой «угрозы коммунизма» не существовало. В движении конституционалистов участвовало всего несколько десятков коммунистов. Как справедливо подчеркивает североамериканский историк К. Блэзер, «официальная версия США о коммунистическом контроле (над движением конституционалистов.— *Б. К.*) ошибочна и лжива»[49].

Американская оккупация, политическая ограниченность мелкобуржуазных военных конституционалистов, слабая организация масс, контрреволюционная позиция основной части армии — все это предопределило поражение восстания. Узость программы движения, ограниченной лишь требованием возвращения к власти Х. Боша, не позволила пробудить все революционные потенции трудящихся. Многие просто растерялись и не знали, на чью сторону встать.

Несмотря на поражение, восстание под руководством полковника Ф. Кааманьо и других революционно настроенных офицеров сыграло важную роль в развитии антиимпериалистического движения в Латинской Америке, в частности в радикализации прогрессивного офицерства других стран.

Глубокие перемены в поведении офицерства наиболее ярко проявились в развитии военно-националистических революционных режимов в Перу, Боливии и Панаме, а также, хотя и с меньшей силой, в Эквадоре и Гондурасе. Эти пять стран в конце 60-х и первой половине 70-х годов образовали некую цепь антиимпериалистических военно-революционных диктатур, каждая из которых стремилась найти свое решение коренных социально-экономических и политических задач. Общей задачей являлось преодоление отсталости и уменьшение зависимости, причем в Перу и Панаме обозначилась тенденция антикапиталистических требований.

РЕВОЛЮЦИОННО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ВОЕННЫХ В ПЕРУ, ПАНАМЕ, БОЛИВИИ И ЭКВАДОРЕ

Объективные задачи перуанской революции состояли в том, чтобы разрешить аграрно-крестьянский вопрос путем антифеодальных преобразований, добиться экономи-

ческой самостоятельности и дать импульс дальнейшему развитию национального производства. Прогрессивные силы, прежде всего рабочий класс, выступали с более радикальной программой, преследуя цель постепенного перевода страны на социалистический путь.

Перу относилась к числу наиболее бедных и отсталых государств Южной Америки. Буржуазное правительство Б. Терри в соответствии с программой «Союз ради прогресса» проводило курс постепенной капиталистической модернизации, который не соответствовал интересам народа и вызвал серьезные оппозиционные настроения. Возник политический кризис: «верхи» показали свою неспособность вывести страну на новые рубежи, а «низы» еще не были готовы к самостоятельному революционному выступлению.

В этой обстановке инициативу взяли на себя военные. В октябре 1968 г. армейские части под командованием генерала Веласко Альварадо путем бескровного военного переворота сместили правительство Б. Терри. Эта акция была поддержана народом. Прогрессивный курс нового правительства в сочетании с ростом социальной активности масс – рабочих, крестьян, студенчества, интеллигенции, городской мелкой буржуазии – придал перевороту революционные черты.

В течение 1968–1975 гг. военное правительство провело аграрную реформу, позиции местной олигархии и иностранных монополий были подорваны, создан государственный сектор, получили развитие различные отрасли национальной промышленности.

Еще до своего прихода к власти перуанские военные подготовили под руководством генерала Веласко Альварадо программный документ «План Инка», в котором предусматривалась серия глубоких преобразований. Сам В. Альварадо неоднократно высказывался в пользу «нового» пути развития. Он видел главный рычаг прогресса в общине и общинной собственности. «...Наша революция, – говорил он, – вписывается со всей ее бесспорной идеологической автономией в самые славные традиции освободительной, социалистической и гуманистической мысли» [50].

В Декларации Гаванского совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна 1975 г. подчеркивалось, что в Перу «революционное правительство вооруженных сил... с самого начала вступило в конфликт с империализмом и олигархией, поскольку встало на позиции последовательной

защиты национальных интересов, социального прогресса, независимой внешней политики и солидарности с народами, ведущими борьбу за национальную независимость»[51].

Военно-революционная власть в период президентства Веласко Альварадо искренне стремилась к тому, чтобы вырвать Перу из оков отсталости и зависимости. Наиболее важным революционным деянием военных явилась аграрная реформа. По существу эта акция отразила крестьянское начало всего революционного процесса. Согласно закону, значительный фонд земель был перераспределен в пользу безземельных и бедных крестьян, а также сельскохозяйственных рабочих. Ряд крупных латифундий были национализированы, вводились ограничения на владение землей, начали создаваться кооперативы и крестьянские ассоциации, возник сектор «общественной собственности», проведены некоторые антикапиталистические меры и т. д.

Своеобразие перуанской революции состояло в том, что политическое руководство ею находилось всецело в руках военной интеллигенции, которая, смело ударив по империализму и латифундизму, остановилась на полпути, не готовая идти дальше – к социализму. В итоге революция стала затухать. В обстановке нарастающего разочарования леворадикальное крыло офицерства склонялось к смещению В. Альварадо с поста президента с целью назначения на высший пост более решительного человека. Правое крыло армии в свою очередь стало готовиться к контрреволюционному перевороту.

В августе 1975 г. в условиях кризиса правые при поддержке империализма осуществили дворцовый переворот и установили в стране реакционную диктатуру. К власти вернулись представители крупного капитала, ориентирующиеся на США. Реставрация старых порядков отбросила Перу назад, но тем не менее ряд завоеваний революции, прежде всего в аграрном строе, развитии госсектора, уже нельзя было целиком уничтожить.

В Панаме революционный процесс развивался во многом так же, как и в Перу. Отличие заключалось в том, что здесь военно-патриотическая группировка во главе с генералом Омаром Торрихосом, пришедшая к власти в результате бескровного переворота в октябре 1968 г., не сумела осуществить столь глубоких социальных преобразований, хотя решительно выступала против диктата США и в конечном счете добилась пересмотра договора о Панамском канале.

Внутренняя и внешняя политика военно-националистического режима О. Торрихоса носила прогрессивный характер и пользовалась поддержкой масс. Но роль народных масс все же была выражена слабо. Вплоть до 1980 г. партия коммунистов – Народная партия Панамы – действовала нелегально.

Мелкобуржуазное патриотическое правительство военных как под влиянием демократических сил, так и по собственной инициативе стало проводить курс на защиту национальных интересов. Панамские коммунисты определили новое правительство «как мелкобуржуазное по своему составу и националистическое по своей сущности, ставшее на антиимпериалистические позиции под влиянием демократических сил...»[52].

Эту характеристику можно применить и в отношении ситуации в ряде других стран Латинской Америки, в частности в Боливии.

По примеру патриотического офицерства Перу и Панамы левое крыло боливийской армии в октябре 1969 г. при поддержке городских рабочих также отстранило от власти реакционную хунту и взяло руководство в свои руки. Правительство возглавил Овандо Кандиа, а затем генерал Хуан Хосе Торрес. Хотя смена политического режима и здесь произошла путем переворота, фактически это была радикальная политическая революция; власть проимпериалистических групп крупной буржуазии и реакционного чиновничества была заменена военно-националистической диктатурой мелкобуржуазного офицерства. Новое правительство выражало интересы прежде всего мелкой городской буржуазии, а также крестьянства и трудящихся города.

Новое правительство попыталось реализовать «национально-революционную модель развития». С этой целью был издан декрет о национализации американской нефтяной компании «Боливиан галф ойл», введена государственная монополия на вывоз и продажу минерального сырья, отменено военное положение на шахтах, установлены дипломатические отношения с СССР и рядом других социалистических государств, продолжена и углублена аграрная реформа, ограничены позиции частного крупного капитала и т. д. Все эти меры не выходили за рамки буржуазно-либерального реформаторства, но имели антиимпериалистическую и демократическую окраску.

Борьба течений в армии, давление империализма и критика «слева» по адресу непоследовательности политики правительства привели к ослаблению позиций пре-

зидента Торреса. В августе 1971 г. реакционеры подняли мятеж и свергли левонационалистический режим. К власти пришла правая военщина. Такой исход борьбы наглядно показал слабость субъективного фактора революционно-националистической «модели», неспособность мелкобуржуазных офицеров-патриотов организовать подлинно народное движение, которого они всячески старались избежать, заменив собственной «революцией сверху».

Военные ждали от народа поддержки своих действий, но не хотели, да и не могли развивать революционную энергию самого народа. В результате ограниченности военно-националистического режима боливийский вариант социального обновления был как бы полуреволюционным и полуреформистским процессом одновременно. Эта черта оказалась присуща не только Боливии.

По-видимому, такой феномен предопределен тем промежуточным положением, которое занимают в современном капиталистическом обществе средние городские слои вообще и мелкая буржуазия в частности. Это обстоятельство породило половинчатый характер политики мелкобуржуазной националистической демократии, а именно политики полуреволюционной и полуреформистской. Непоследовательность и ограниченность во всем явились характерным свойством деятельности большинства военно-националистических режимов, не сумевших добиться ощутимых сдвигов в развитии своих стран.

Военно-националистические эксперименты в первой половине 70-х годов имели место также в Эквадоре и Гондурасе, но здесь они были выражены значительно слабее. В Эквадоре демократическое правительство генерала Г. Р. Лары в 1972—1976 гг. пыталось провести «сверху» ряд прогрессивных буржуазных реформ. Этот курс, однако, осуществлялся крайне непоследовательно из-за серьезных разногласий в рядах самого офицерства и сильного противодействия со стороны местной буржуазно-помещичьей олигархии. Позиции империализма и местной олигархии не были сколько-нибудь существенно поколеблены. Дело ограничилось лишь частичными реформами в области образования, развития государственного сектора, прогрессивной внешней политики.

Государственный переворот 1972 г. привел к сдвигу в структуре власти в пользу средних слоев, но он оказался слишком поверхностным. Тем не менее было бы ошибкой принижать политическое значение военно-националистического эксперимента 1972—1976 гг., который

внес свой вклад в борьбу против империализма и олигархии, пробудил социальную активность эквадорского народа.

В Гондурасе в результате переворота в декабре 1972 г. пришел к власти прогрессивный военный режим генерала О. Лопеса Арельяно. Его правительство пыталось ограничить всесилие империализма и олигархии, но потерпело поражение. В апреле 1975 г. военно-националистический режим пал. Началась реставрация старых порядков.

Исторический опыт показал, что только в тех случаях, когда мелкобуржуазная демократия, в частности ее военно-националистическое крыло, преодолевает свою элитарную ограниченность, соединяется с народом, берет на вооружение подлинно революционные идеи, вступает в политический союз с реальным социализмом, — только в этих случаях военно-патриотический переворот способен перерасти в настоящую социальную революцию. В Сирии, Ираке и Боливии военные демократы не сумели слиться с народом; в Египте, Перу, Панаме они продвинулись в этом отношении значительно дальше, но, потеряв своих главных вождей, остановились на полпути, а затем даже стали пятиться назад. В ряде стран — в Ливии, Бенине, на Мадагаскаре, в Южном Йемене и Эфиопии — мелкобуржуазный революционаризм военной интеллигенции дал такой толчок событиям, что государственный переворот стал перерастать в глубокую социальную революцию. В движение пришла не только армия, но и весь народ.

Характерно, что в Африке армия сыграла в целом куда большую роль, чем в Латинской Америке. Это, по-видимому, объяснялось тем, что в Африке, кроме армии, не было никакой другой организованной силы: оппозиционных левых партий не существовало, трудящиеся не были организованы, каких-либо парламентских традиций также не имелось. Лишь армия и офицерство в такой ситуации могли действовать в качестве реальной и организованной силы.

ВОЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В ЛИВИИ, НА МАДАГАСКАРЕ И В БЕНИНЕ

Революция 1969 г. в Ливии началась выступлением патриотического офицерства под руководством полковника Каддафи. В экономике страны до революции преобладали феодальные отношения, промышленности почти не было, формирование современных классов шло медлен-

но. Массовое политическое движение отсутствовало. В такой обстановке только офицерский корпус располагал возможностью начать антимонархическое движение.

1 сентября 1969 г. группа наиболее отчаянных офицеров без единого выстрела свергла короля Идриса. Была установлена республика. Все рычаги власти сосредоточились в руках Совета революционного командования. Иностранные военные базы были закрыты, природные ресурсы национализированы, под контроль государства перешли иностранные нефтяные компании. Новое военное правительство взяло курс на развитие госсектора[53]. Стала проводиться аграрная реформа, начали создаваться сельские кооперативы.

Правительство М. Каддафи, выражая интересы народа, провозгласило курс социалистической ориентации, расширило контакты с социалистическими странами, решительно выступило против агрессивной политики США и предательства А. Садата. В марте 1977 г. возникла новая государственная форма – Социалистическая Ливийская Арабская Джамахирия (народовластие). Это означало, что в стране развернулись глубокие социальные и политические преобразования революционного значения.

Своими путями развивался революционный процесс на Мадагаскаре. Неоколониалистский режим во главе с лидером так называемой социал-демократической партии Ф. Цирананой (пришел к власти в 1958 г.) своей реакционной внутренней и внешней политикой вызвал протест практически всех слоев населения. Правительство поддерживала лишь верхушка местной буржуазии и помещиков, связанная с французским крупным капиталом, который и после провозглашения Мадагаскара самоуправляющейся (автономной) республикой в составе Французского сообщества (1958 г.) сохранил в своих руках все экономические рычаги. В результате длительного господства французских колонизаторов на острове крайне слабо была развита промышленность, основу экономики составляло сельское хозяйство.

В 1972 г. в результате массовых народных волнений Циранана был свергнут. Под нажимом оппозиционных демократических сил были пересмотрены неравноправные соглашения с Францией, упразднены французские военные базы, установлены дипломатические отношения с СССР и другими социалистическими странами.

Правые силы попытались в 1975 г. взять реванш за поражение, но демократически настроенные военные

объявили чрезвычайное положение и после непродолжительной борьбы захватили власть. В июне 1975 г. был образован Революционный совет во главе с Д. Рациракой. Новый военно-революционный режим при поддержке масс провел важные преобразования: национализацию банков и страховых компаний, создание госсектора; был взят курс на социалистическую ориентацию. В декабре 1975 г. путем референдума была одобрена Хартия малагасийской социалистической революции, принята новая конституция и провозглашено создание Демократической Республики Мадагаскар. Д. Рацирака избран президентом. В соответствии с Хартией и новой конституцией малагасийская революция характеризуется как национально-демократическая, антифеодальная и антиимпериалистическая.

Эти черты присущи и революции в Бенине. Народная Республика Бенин (бывшая французская колония Дагомея) возникла 26 октября 1972 г. в результате военно-революционного переворота под руководством полковника Матье Кереку. С 1960 г., с момента провозглашения независимости, Дагомея развивалась по капиталистическому пути, в результате чего оказалась в состоянии глубокого экономического и политического кризиса. Стремясь перевести страну на новый путь развития, патриотическое офицерство путем переворота взяло власть в свои руки. В ноябре 1975 г. была создана Партия народной революции Бенина, которая в своей программе исходит из идейно-теоретических основ марксизма-ленинизма и ставит задачу создания материально-технической базы социализма.

Как указывается в конституции Народной Республики Бенин, революционная власть опирается на широкий национальный союз всех патриотических и революционных классов и социальных слоев страны, основу которого составляет союз рабочих и крестьян. Председатель ЦК Партии народной революции, президент и глава правительства Народной Республики Бенин Матье Кереку в ходе официального визита в СССР в ноябре 1986 г. так определил цели и характер бенинской революции: «Народная Республика Бенин, свободно и с полной ответственностью избравшая 30 ноября 1974 года социалистический путь развития, основанный на марксизме-ленинизме, строит свои отношения с другими странами на принципах неприсоединения, равенства, взаимного уважения, суверенитета, взаимной выгоды и уважения национального достоинства.

Этот идеологический выбор имеет единственной целью построение в нашей стране нового общества, свободного от всех видов капиталистического угнетения, экономической эксплуатации и неравенства в социальной и культурной областях»[54].

Некогда «невольничий берег», как называли Бенин английские колонизаторы, стал берегом свободы трудового народа, устремленного в новое будущее.

Опыт Ливии, Мадагаскара и Бенина является достаточно ярким и своеобразным. В отличие от Перу и Панамы патриотические офицеры действовали на первых порах менее революционно. Однако постепенно, в ходе борьбы, они продвинулись далеко вперед, обеспечив победу курса социалистической ориентации.

ЭФИОПИЯ: АРМИЯ – НАРОД – РЕВОЛЮЦИЯ

До революции 1974 г. Эфиопия была одной из самых отсталых и бедных стран мира. Более 85% жителей страны составляли неимущие крестьяне-арендаторы, 90% народа оставалось неграмотным. Жестокая засуха, неурожай, голод 1972–1973 гг. поставили народ на грань физического уничтожения. Но кто мог выступить против феодальной империи Хайле Селассие I, если в стране не было ни партий, ни профсоюзов, никаких иных массовых организаций? Такой силой могла стать только армия.

В 1960 г. левое крыло офицерства попыталось осуществить переворот, но потерпело неудачу. Спустя 14 лет революционеры действовали иначе: они постепенно изолировали императорский двор, установили свой контроль на местах, заняли столичный аэродром, телефон, банки, почту, но не спешили свергать самого императора, предпочитая оказывать на него давление, дискредитировать его министров и т. д. Вооруженные силы не выступили против городских рабочих, ремесленников, студенчества, организовавших в марте 1974 г. первую в истории страны всеобщую забастовку. Шаг за шагом армия усиливала свою власть и подрывала основы монархии. Это была весьма эффективная тактика, позволившая укрепить позиции революционных сил.

К 1974 г. кризис императорской власти достиг особой остроты. В стране сложилась революционная ситуация. Более того, возникли элементы двоевластия, поскольку прогрессивное офицерство, образовав армейские комитеты, стало решительно противодействовать политике официальной власти, производить аресты реакционных

чиновников, выдвигать от имени народа демократические требования и т. д.

В конце июня 1974 г. был создан Координационный комитет вооруженных сил, полиции и территориальных войск, который провозгласил программу революционных преобразований. Император в этих условиях был вынужден пойти на компромисс, обещав разработать новую конституцию. Была объявлена политическая амнистия, сформировано новое правительство, причем Координационный комитет получил в нем право решающего голоса. Так, еще в ходе формирования революционной ситуации началось становление новой структуры власти.

Низложение императора 12 сентября 1974 г. и переход всей полноты власти к Временному военно-административному совету означал завершение политической революции.

Опыт Эфиопии, таким образом, свидетельствует о реальной возможности относительной синхронизации формирования элементов революционной ситуации и самой революции при ведущей роли левого офицерства, способного при опоре на требования и настроения народа заставить отступить старую власть. Иными словами, здесь налицо не военно-политический переворот (скажем, перуанского типа), когда армия одним ударом свергает старое правительство, а целый период (апрель – сентябрь 1974 г.) умирания старой и рождения новой власти, их временного сосуществования. Это был особый вариант противоборства различных социальных сил, соответствующий конкретным условиям Эфиопии.

Особенно важно было развенчать авторитет самого Хайле Селассие I, в котором неграмотные и религиозные массы видели наместника божьего на эфиопской земле. Только тогда, когда был достигнут необходимый сдвиг в народном сознании, революционные круги офицерства во главе с майором Менгисту Хайле Мариамом приняли решение о низвержении императора, уже не обладавшего реальной властью и не пользовавшегося уважением своих подданных. 28 июня 1974 г. они взяли власть в свои руки, а спустя два с половиной месяца, 12 сентября, феодально-монархический режим императора Хайле Селассие I был ликвидирован, император низложен. В декабре 1974 г. Временное военно-революционное правительство взяло курс на развитие Эфиопии по пути социалистической ориентации.

Социально-экономическая отсталость страны, неразвитость политических институтов, относительная мало-

численность рабочего класса, неграмотность масс порождают огромные трудности на новом пути. Фактически в стране продолжается ограниченная гражданская война между народно-революционными и феодально-проимпериалистическими силами. Большой ущерб наносят сепаратистское движение, попытки прямого экспорта контрреволюции извне. Сложным остается национальный вопрос.

Военно-революционное правительство в тяжелой обстановке тем не менее сумело провести глубокие революционные преобразования: были национализированы собственность императорского двора, иностранные банки и предприятия. В 1975 г. земля также была объявлена собственностью народа. Изъятые у крупных собственников владения распределялись среди безземельных и малоземельных крестьян. Были созданы кооперативные и государственные фермы. В городах и селах возникли органы местного самоуправления[55]. Стали функционировать профсоюзы, организована борьба с неграмотностью. В сентябре 1984 г. состоялся учредительный съезд Рабочей партии Эфиопии, руководствующейся принципами марксизма-ленинизма. Партия поставила своей целью обеспечение условий для перехода к построению социалистического общества.

По мере развития революции роль армии снижалась. На главную сцену выдвигался сам народ. Революционная армия и милиция становились в новых условиях тем рычагом, который был призван защищать революционные завоевания от ударов внутренней и внешней контрреволюции.

* * *

Мы рассмотрели наиболее яркие и значительные революционные процессы, в которых приняла активное участие армия.

В Латинской Америке военно-националистические режимы действовали в условиях среднего уровня развития капитализма и при наличии довольно устойчивой партийно-политической и классовой структуры, полностью заменить или обновить которую военные не могли. В итоге они весьма быстро сошли со сцены. Более того, обнаружилось, что в Латинской Америке армия способна исполнять, и весьма длительное время, не революционную, а контрреволюционную роль. Об этом свидетельствуют военно-фашистские перевороты в Бразилии,

Аргентине, Уругвае и Чили, которые произошли в 60—70-х годах.

Деятельность военно-националистических режимов на первом этапе можно определить как «политическую революцию сверху», причем «революцию» в мелкобуржуазном ее понимании, т. е. непоследовательную, ограниченную. Основы капиталистического строя подорваны не были, хотя в то же время военным патриотам удалось реализовать весьма важные мероприятия антиимпериалистического и антиолигархического содержания. И этот факт нельзя не учитывать.

Общей органической слабостью военных диктатур в Латинской Америке было то, что они не имели собственной политической структуры, оставались оторванными от народа, а если и опирались на его поддержку, то только при условии своего контроля, не допуская свободного проявления революционной энергии масс.

Весьма отрицательным явлением было и то, что фактически вся полнота власти сосредоточивалась в руках одного человека, от единоличного решения которого зависела та или иная политическая акция. В итоге чисто армейские методы управления вошли в противоречие с законами общественного развития.

Инициатива мелкобуржуазной военной демократии, несмотря на все свои минусы, должна быть оценена с исторической точки зрения как прогрессивная и по-своему революционная, ибо это была смелая попытка вывести общество на новые рубежи.

В ряде африканских стран военная демократия прошла весь путь от первого патриотического порыва до перехода на подлинно революционные, марксистско-ленинские позиции. В некоторых странах офицерство осталось в основном на националистических позициях. В Сирии и Ираке армия, начав революцию, затем уступила инициативу баасистам.

В условиях политического и морального разложения традиционных буржуазно-помещичьих слоев, с одной стороны, и относительной слабости рабочих и коммунистических организаций — с другой, левое офицерство, сцементированное кастовыми и патриотическими узами, в целой группе стран выступило в роли самостоятельной политической силы со своей собственной националистической платформой и идеологией, со своей четкой организационной структурой в центре и на местах.

Военно-революционные режимы в своеобразной фор-

ме выразили переход к новому соотношению классовых сил в обществе, к новой структуре отношений с империализмом в пользу национальных интересов и укрепления государственного суверенитета.

Достижение этих целей первоначально было осуществлено путем верхушечных военных переворотов. Однако эта традиционная для Азии и Африки форма захвата политической власти приобрела совершенно иное, новое содержание. Смелая реформаторская политика военно-революционных режимов и, главное, постепенное включение в процесс общественной перестройки широких слоев трудящихся, прежде всего рабочего класса, придали политическому курсу новой власти подлинно антиимпериалистический и антиолигархический характер.

В 50—60-х годах в целой группе стран вопрос стоял так: либо военно-националистическая революция, либо никакой революции. Критиковать, скажем, латиноамериканских военных за то, что они не обеспечили переход к социализму, по меньшей мере наивно, так как эта задача ни в Перу и Боливии, ни в Эквадоре и Гондурасе тогда (да и теперь) не стояла. Главное заключалось в непосредственной борьбе против зависимости и отсталости, в осуществлении демократической и освободительной революции. И эту задачу военные националисты выполняли.

Многообразные революционные процессы 50—60-х годов пробудили гигантскую энергию масс, но вместе с тем показали известную ограниченность народного фактора революции. По сути дела лишь в Боливии в 1952 г. и на Кубе в 1959 г. революции носили действительно народный характер не только по целям, но и по движущим силам. Во всех других случаях, за исключением движения «Мау Мау» в Кении, «низы» действовали не самостоятельно, идя на поводу у буржуазных и мелкобуржуазных революционеров. В итоге в ряде стран революции носили типично «верхушечный» характер. Это не служит основанием для принижения их исторического значения, но свидетельствует об определенной тенденции своего времени.

Говоря о военном перевороте как специфической форме начала социальных революционных процессов, следует отметить еще одно важное обстоятельство. Как правило, выступление армии против старой власти почти автоматически создавало возможность мирного пути революции. И это понятно, поскольку так называемая «гражданская» (не военная) контрреволюция не могла

противостоять армии. Другое дело, что нередко сами вооруженные силы были расколоты на враждующие группировки и развязывали гражданскую войну. Тем не менее в случае, когда армия была на стороне революции, последняя имела гораздо больше шансов обойтись без кровопролития. Видимо, такая тенденция сохранится и в будущем.

Опыт большинства революций XX в. показал, что военный фактор революции нередко играл определяющую роль в защите ее завоеваний от посягательств контрреволюционных сил.

Глава седьмая

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЦИКЛ 70–80-х ГОДОВ

> ...Революция не устроена так гладко, чтобы везде, во всех странах идти одним путем... Каждой стране нужно пройти определенные политические этапы.
>
> *В. И. Ленин*

Революционный цикл 70-х годов по своему размаху и результатам может быть сопоставим с послеоктябрьским подъемом 1917 – 1923 гг. или с периодом социальных революций 40-х годов. За короткий срок – с конца 60-х и до начала 80-х годов – по всем континентам прокатилась мощная революционная волна (Европа – Португалия; Африка – Ливия, Бенин, Ангола, Мозамбик, Мадагаскар, Гвинея-Бисау, Эфиопия, Зимбабве; Азия – Южный Йемен, Южный Вьетнам, Лаос, Кампучия, Афганистан, Иран; Латинская Америка – Чили, Гренада, Никарагуа, Сальвадор). В 14 из 19 упомянутых стран народ не только одержал победу над империализмом и тиранией, но и вышел на новые рубежи, ведущие к социализму.

Особенностью революционного цикла 70-х годов было то, что в этот период борьба развивалась в условиях разрядки международной напряженности, которая существенно ограничила возможности экспорта контрреволюции. Подавляющему большинству революций этого периода был присущ подлинно народный характер, что предопределило их глубокое социальное содержание.

70-е годы отчетливо продемонстрировали многообразие революционного творчества народов, мощь социальной энергии трудящихся, трусость буржуазно-либеральных слоев и неустойчивость мелкобуржуазного революционаризма.

Революционный цикл 70-х годов внес много нового в приемы и методы борьбы, обогатил международный революционный опыт, дал возможность самим массам испытать свою силу в борьбе за демократию, независимость и социальный прогресс. В каждом районе мира, в каждой отдельно взятой стране революционные процессы имели различные особенности, развивались своими

путями в зависимости от объективных условий и зрелости субъективного фактора. Весьма ярко региональная специфика проявилась, например, в Западной Европе.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА: НА ФРОНТАХ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

В послевоенной истории капиталистической Европы вплоть до середины 70-х годов не было социальных революций. Большинство рабочего класса по традиции шло за социал-демократическими партиями, проповедовавшими реформистские взгляды и призывавшими к поискам «социального мира». Значительным влиянием обладала буржуазная идеология. Сильны были и позиции «рабочей аристократии», а также правой профсоюзной бюрократии. И хотя классовая борьба пролетариата временами носила острый характер, капиталистический строй в целом чувствовал себя достаточно уверенно, путем определенных уступок и маневров обеспечивая социальную стабильность.

В 60—70-х годах стали все острее ощущаться последствия научно-технической революции: рост массовой безработицы, изменение структуры рабочего класса, пролетаризация служащих и т. д. В 70-х годах примерная численность рабочего класса достигала в Англии 20 млн человек, в ФРГ — 19 млн, во Франции — 15 млн, в Италии — 13 млн человек[1]. Это была огромная сила, но из-за раскола рабочего класса она проявляла себя в основном в оборонительных, а не в наступательных боях. Постепенно наметилось оживление забастовочного движения: в 50-х годах среднегодовое число забастовщиков в Западной Европе составляло 4—4,3 млн человек, в 60-х годах — 7—10 млн, в 1971—1975 гг.— 12,2 млн, в 1976 г.— 18 млн, в 1977 г.— 20,8 млн, в 1978 г.— 15,2 млн, в 1979 г.— 27,2 млн человек[2].

Антагонизм между трудом и капиталом нарастал с каждым днем. Наряду с противоречием «труд — капитал» особую остроту приобрело более широкое социальное противоречие «народ — монополии», выдвигавшее на первый план задачу единых антимонополистических действий всех слоев народа, включая рабочий класс, средние городские слои, мелкобуржуазные группы и даже часть немонополистической буржуазии, против всевластия монополий, милитаризма, за демократическую альтернативу. Для ряда наиболее отсталых европейских стран (Греция, Испания, Португалия) важное значение имели также

задачи антиимпериалистической и особенно антифашистской борьбы. Это открывало возможности для сотрудничества всех демократических сил. Именно такой курс проводили коммунистические партии.

В стратегическом плане они выдвигали главной целью борьбу за антимонополистическую демократию, рассматривая антимонополистический и социалистический этапы как взаимосвязанные стадии единого процесса. В принципе европейские коммунистические партии разделяли мнение о более или менее долговременном, многоступенчатом характере революционного процесса в своих странах.

Наиболее острая классовая конфронтация произошла в мае 1968 г. во Франции.

«ГОРЯЧИЙ МАЙ» 1968 г. ВО ФРАНЦИИ

Майские события 1968 г., в ходе которых французский пролетариат и студенчество выступили против режима личной диктатуры де Голля, в защиту демократии, свидетельствовали о том, что страна оказалась на пороге революции, хотя дело до нее и не дошло. Опыт политической борьбы во Франции во многом по-новому осветил те общие и специфические черты, которые отличают развитие революционных процессов в капиталистических странах Европы.

Характерной чертой социально-политического кризиса в мае 1968 г. было стихийное переплетение борьбы пролетариата и непролетарских групп (особенно студенчества) против системы государственно-монополистического капитализма[3]. События во Франции в определенном смысле способствовали политизации всего европейского пролетариата. Такое уже не раз случалось в истории.

Французский пролетариат неоднократно выступал в качестве авангардной силы Европы. В 1789—1794 гг., а затем в 1848 г. он действовал как самая передовая сила буржуазной революции. В 1871 г. во Франции поднялось знамя первой пролетарской революции и возникла Парижская коммуна. В годы первой мировой войны французские рабочие активно боролись против империализма и войны, а затем в поддержку Советской России. В феврале 1934 г. трудящиеся Парижа предотвратили победу фашистского мятежа «боевых крестов», а в последующие годы обеспечили успех Народного фронта. В период второй мировой войны рабочий класс был ведущей силой

антифашистского движения Сопротивления. Крупных успехов рабочее и коммунистическое движение достигло в 1945—1947 гг. ФКП выдвинула задачу коренного демократического обновления общества. К сожалению, в годы «холодной войны» многие завоевания были утеряны.

Во второй половине 60-х годов политическая обстановка во Франции обострилась. В 1966—1967 гг. из 15-миллионной армии наемного труда бастовало более 6 млн рабочих и служащих. Если в начале 60-х годов среднее число участников каждой забастовки в год не превышало 1300 человек, то в 1966—1967 гг. оно выросло почти до 2 тыс. человек[4]. Это был симптом серьезного подъема рабочего движения.

Столкновение студентов с полицией в ночь с 10-го на 11 мая в Латинском квартале Парижа вызвало невиданный взрыв массового социального протеста. Вначале страну потрясли студенческие волнения, а с 13 мая на авансцену выступил пролетариат. На всех крупных предприятиях начались забастовки: 18 мая бастовало 2 млн трудящихся, 20 мая — 6 млн, 24 мая — 10 млн[5]. Весь рабочий класс пришел в движение. Наряду с экономическими требованиями рабочие выдвинули лозунги гарантий прав профсоюзов, введения контроля за деятельностью администрации, расширения демократии и т. д.[6] В течение недели страна находилась в лихорадочном возбуждении. Повсюду шли митинги и демонстрации, то тут, то там начинались стычки с полицией. Казалось, события вот-вот выльются в революцию. Но этого не произошло.

Патронат и правительство пошли на уступки, согласившись поднять заработную плату, принять меры против безработицы, признать права профсоюзов и т. д. Пользуясь тем, что движение развивалось стихийно, а сам рабочий класс оставался расколотым, правящая элита смогла предотвратить революционный взрыв. К июню 1968 г. положение стабилизировалось. Майский кризис был преодолен.

И тем не менее его значение велико. В 1968 г., только за один год, общее число забастовщиков выросло в 3 раза и превысило 10 млн человек. В итоге было потеряно более 150 млн рабочих человеко-дней[7]. Впервые после войны пролетариат Франции показал свою силу и энергию, организовал натиск «не только на отдельные группы капиталистов, но и на всю систему государственно-монополистического господства»[8]. В ходе всеобщих забастовок выросла организованность самого рабочего

класса. Более 400 тыс. трудящихся вступили в ряды ВКТ. На 15 тыс. человек выросла численность компартии[9].

Уроки майского кризиса имели большое значение для всей Европы. События 1968 г. ясно показали, что при всем своем размахе стихийный социальный протест не в силах подорвать могущество государственно-монополистического капитализма, разбить его «скорлупу» и обеспечить победу демократической альтернативы. Весьма четко проявилась и непоследовательность студенческого движения, многие представители которого скептически относились к рабочему классу. В свою очередь и рабочие партии, в том числе коммунисты, не смогли сразу разобраться в ситуации и ввести массовый стихийный протест в организованное русло.

Спустя 18 лет студенчество вновь вышло на улицы. В конце ноября 1986 г. в знак протеста против намерения правительства Ж. Ширака принять антидемократический закон о реформе национального образования десятки тысяч студентов прекратили занятия и начали забастовку. В Париже, Лионе, Лилле, Бордо, Марселе, Гавре и других городах произошли столкновения с полицией. Десятки и сотни студентов получили ранения. 4 декабря по улицам столицы прошла манифестация, в которой участвовало более 1 млн студентов. И опять полиция разогнала демонстрантов, применяя гранаты со слезоточивыми газами и резиновые дубинки. Студент М. Уссекин после зверского избиения полицейскими скончался.

В знак солидарности со студентами 24-часовую забастовку объявила Всеобщая конфедерация труда. В похоронной процессии участвовало свыше полумиллиона человек. Даже президент Ф. Миттеран осудил полицейские расправы. Под давлением масс правительство отказалось от реформы образования. «Университетский бунт» 1986 г., как и «горячий май» 1968 г., удалось притушить, но сдвиг вправо тем не менее был заторможен.

«РЕВОЛЮЦИЯ ГВОЗДИК» В ПОРТУГАЛИИ

Португалия была единственной европейской страной, где в послевоенный период произошла революция. И такое исключение не случайно. В отличие от Франции и других цитаделей империализма, где монополии крепко держали власть в своих руках, Португалия относилась к группе среднеразвитых капиталистических государств и как бы находилась на стыке между «передовым» Западом и «отсталым» Востоком. Высокоразвитый город с элементами

государственно-монополистического капитализма соседствовал с полуфеодальной деревней. В какой-то мере это напоминало ситуацию в России накануне 1905 г. Фашистский режим в течение 48 лет (с 1926 г.) железным обручем сковывал свободное развитие португальской нации, ликвидировал всякую демократию и превратил 10-миллионное государство в самую бедную и зависимую страну Европы. И хотя Португалия владела огромными колониями в Африке (Ангола, Мозамбик, Португальская Гвинея) и Индии (Гоа), это не приносило ей желанного процветания, поскольку основная часть ее колониальных прибылей перекачивалась в сейфы иностранных банков.

Еще в 1808 г. Португальская империя попала в зависимость к английскому капиталу. После второй мировой войны его сменил североамериканский капитал. Сильные позиции в экономике Португалии имели такие крупные корпорации США, как «Джеперал моторс», «Форд моторс», а также английские «Шелл», «Бритиш петролеум», западногерманские компании «Сименс», «Филипс» и др.

Такая система вполне устраивала и империализм, и фашистский режим Салазара, на долю которого перепадали достаточные прибыли от эксплуатации гигантского «колониального пирога». Португальские коммунисты, оценивая сложившуюся ситуацию, отмечали, что «господство Португалии, бедной и отсталой страны, над народами португальских колоний оказалось возможным, как ни парадоксально, в силу ее собственной зависимости от иностранного империализма»[10].

Чтобы удержать за собой колонии, Португалии пришлось с 1961 г. вести кровавую грабительскую войну сразу на трех фронтах – в Анголе, Мозамбике и Гвинее. За 13 лет было убито более 60 тыс. португальских солдат[11]. Колониальная война в конечном счете превратилась в самое слабое звено фашистской политики Салазара, настроив против режима все общество.

Вторым уязвимым звеном режима был аграрно-крестьянский вопрос. На долю 0,1% помещиков приходилась $^1/_3$ всей обрабатываемой земли. Крестьянство, особенно на Юге, страдало от безземелья и нищеты. Почти 60% активного сельского населения вообще не имели земли и существовали благодаря сезонному батрачеству[12].

Третий порок салазаризма состоял в его сугубо антидемократическом, антинародном политическом и идеологическом содержании. В течение полувека он держался

у власти благодаря насилию и демагогии. Но вечно опираться на эти два рычага было невозможно. Рано или поздно должен был наступить кризис.

В начале 70-х годов в Португалии, Испании и Греции – трех странах Европы, где у власти стояли военно-фашистские диктатуры, – стало быстро развиваться противоречие между правящими элитами и гражданским обществом. Возникли определенные объективные и субъективные предпосылки для подъема антифашистского сопротивления и его перерастания в демократическую и национальную революцию.

Главными общенациональными задачами в Португалии были восстановление демократического строя, национализация монополистических корпораций, проведение аграрной реформы, освобождение от империалистической зависимости, предоставление независимости колониям, улучшение жизни народа, проведение политики мира и сотрудничества. Эти требования первого – антифашистского – этапа революции были зафиксированы в Программе Португальской компартии, принятой VI съездом ПКП в 1965 г.[13]

Борьба с фашизмом требовала участия всех классов и социальных слоев, всех демократических организаций. Обстоятельства, однако, сложились так, что вооруженное выступление против фашизма первым начало прогрессивное офицерство. Бессмысленная и кровавая колониальная война подтолкнула молодых офицеров к действию. В 1973 г. они создали тайную организацию «Движение капитанов» (позднее была преобразована в «Движение вооруженных сил»), которая стала готовиться к перевороту. Весной 1974 г. стало ясно, что диктатура уже не в состоянии управлять обществом и держится у власти лишь силой инерции. Трудовые слои все активнее требовали ликвидации фашизма. Некоторые уступки и реформы, которые пытался провести премьер-министр Марселу Каэтану (возглавил правительство после смерти Салазара в 1968 г.), эффекта не давали.

В стране сложилась революционная ситуация. Активизировалось массовое движение: с октября 1973 по март 1974 г. в различных выступлениях участвовало свыше 100 тыс. человек, в том числе в забастовках политического характера – 60 тыс. человек[14]. Оживилась крестьянская борьба на Юге, ширилось движение демократического студенчества. Все больший авторитет завоевывала героически действовавшая в подполье Португальская коммунистическая партия.

Подъем антифашистского движения сопровождался появлением ряда отрицательных моментов: настроений «путчизма» – в среде студенчества и офицерства, «легализма» – среди буржуазно-либеральных и мелкобуржуазных политических и профсоюзных групп, «прямых действий» – среди студенчества и маргинальных слоев. Все это были проявления мелкобуржуазного революционаризма. Компартия вела борьбу за сплочение всех антифашистских сил, против левоавантюристических попыток «свалить» фашизм без масс, без участия всего народа. Благодаря пропагандистской и организационной работе ПКП основная часть рабочего класса выступала как организованная и передовая сила. В 1970 г. был создан независимый профцентр – Интерсиндикал, который объединил в своих рядах более 100 тыс. человек. Это была крупная организация, стоящая на классовых и демократических позициях.

В обстановке быстро развивающегося политического кризиса прогрессивное офицерство, объединенное в Движение вооруженных сил, 25 апреля 1974 г. без боя свергло фашистское правительство Марселу Каэтану. Весь народ с восторгом встретил известие о перевороте. Везде началось стихийное братание. На местах при помощи военных трудящиеся распускали старые органы власти и создавали новые. Переворот перерос в народную революцию.

Совет национального спасения, взявший власть в свои руки в Лисабоне, в программном заявлении выступил за полную дефашизацию и восстановление демократических порядков, немедленную деколонизацию африканских территорий, проведение аграрной реформы, принятие новой конституции, улучшение жизни народа и т. д. В мае 1974 г. первым президентом демократической Португалии был назначен генерал Антонио де Спинола. В состав коалиционного правительства вошли Генеральный секретарь КПК Алваро Куньял и коммунист Авелино Гонсалвеш. На короткое время создалась видимость прочного антифашистского единства.

Но вскоре все вновь встало на свои места: одни стремились продолжать идти вперед, другие хотели остановиться, а третьи желали вернуться назад. Такова диалектика любой настоящей революции.

Апрельская революция произошла быстро и бескровно благодаря союзу армии и народа. Главное ее достижение – свержение фашизма и последовавшее за этим в 1975 г освобождение от колониального гнета Анголы,

Мозамбика и Португальской Гвинеи. Создание новой, демократической власти позволило приступить к серьезным преобразованиям: была начата национализация ведущих отраслей промышленности и банков. Важным завоеванием явилось установление рабочего контроля на предприятиях. Огромное значение для страны имело проведение аграрной реформы в провинциях Алентежу и Рибатежу. Были приняты меры по улучшению условий жизни трудящихся, освобождены из тюрем политзаключенные, восстановлены демократические свободы, в апреле 1976 г. обнародована новая конституция, в которой провозглашалась цель уничтожения эксплуатации и угнетения человека человеком, обобществления основных средств производства и введения демократического управления[15].

Триумфальное развитие революции продолжалось до сентября 1974 г., но затем из-за сопротивления правых сил стало замедляться. В июле 1975 г. наметился резкий сдвиг вправо, причем особенно отрицательным было то, что стало разрушаться единство вооруженных сил и народа.

В политическом отношении это был союз коммунистов и руководства Движением вооруженных сил. Их непосредственные цели совпадали: демократизация, деколонизация и развитие. Во многом такое совпадение объяснялось многолетней и плодотворной работой коммунистов в армии. Компартия имела сильные позиции также в профсоюзах, среди крестьян, в средствах массовой информации. Военные учитывали это обстоятельство, стремясь с помощью коммунистов привлечь на свою сторону массы. Коммунисты в свою очередь видели в вооруженных силах основного гаранта успеха антифашистской революции.

Восходящее развитие революции от чисто политического антифашистского переворота до социальной революции с известным антикапиталистическим (точнее, антимонополистическим) содержанием в значительной степени было обеспечено именно союзом левого офицерства и коммунистов. Но как только этот союз дал трещину, так сразу же движение вперед затормозилось, а затем начался откат назад. Офицерство из-за предательства генерала Спинолы раскололось и вскоре утратило способность активно воздействовать на ход событий. Явный крен вправо в сентябре – октябре 1975 г. сделала и Португальская социалистическая партия, лидер которой Мариу Соареш отказался от сотрудничества с ПКП

и стал сам стремиться к власти. В июле 1976 г. М. Соарешу удалось образовать «одноцветное правительство соцпартии» и взять курс на постепенное свертывание завоеваний революции [16].

Наступил новый период в жизни Португалии — период открытого противоборства революции и контрреволюции, период отступления первой и наступления второй. Для этого имелись некоторые объективные и субъективные причины. Революция непосредственно была вызвана кризисом колониальной политики фашистского государства, что означало преобладание политических стимулов над социально-экономическими. Довольно быстро обнаружилась относительная слабость союза демократических сил, непоследовательность в поведении левого офицерства. Не полностью сумел консолидировать свои силы рабочий класс. Крестьянство вообще вело себя пассивно.

Все это предопределило то, что на этапе завершения демократических, точнее, антифашистских преобразований и подхода к социалистическим задачам возник кризис революции, а затем ее «откат назад». Иными словами, политические предпосылки антифашистской революции не означали наличия всех социоэкономических предпосылок революции социалистической. Та часть задач, которые стояли перед Португалией как страной «отсталой», пограничной с так называемым «третьим миром», была выполнена. Та же часть задач, которые стояли перед Португалией как страной капиталистической, была выполнена лишь частично. Чем дальше шла революция вперед, тем большее сопротивление она встречала и тем труднее становилось удерживать единство ее движущих сил. На каком-то этапе наступило неизбежное размежевание.

Антифашистский фронт, сложившийся накануне и в ходе апрельской революции, не мог, конечно, сохраняться вечно. Классовые противоречия подтачивали его изнутри. Серьезные разногласия обнаружились в лагере мелкобуржуазного революционного офицерства. Одна часть (группа О. С. ди Карвалью) склонялась к разрушению буржуазного государства и немедленному введению «народной власти» на местах. Это была лжереволюционная тенденция, которую подвергла самой резкой критике компартия. По сути дела «левый» радикализм способствовал не развитию революции, а укреплению контрреволюции [17].

Другая часть офицерства, в какой-то мере опасаясь

«леваков», сама стала шаг за шагом отходить в сторону. Умеренно-реформистские настроения были присущи и весьма широким слоям трудящихся. Крайне негативную роль в распространении таких взглядов играла социалистическая партия, мечтающая «демократизировать» капитализм, но во что бы то ни стало избежать диктатуры пролетариата и «советизации» Португалии.

Узость социально-политической базы революционного процесса, отсталость и неопытность широких масс, засилье мелкобуржуазного революционаризма, отрыв революционного авангарда от народа, пассивность и даже контрреволюционность крестьянства (на севере), оппортунистическое поведение социалистов и социал-демократов, внесших раскол в рабочее движение,— все это способствовало постепенной консолидации внутренней и внешней контрреволюции. Правые буржуазные и реформистские силы при помощи империализма США сумели в конечном счете перехватить инициативу и приостановить дальнейшее развитие революции.

Тем не менее «революция гвоздик» сделала главное — покончила с фашизмом, подорвала господство монополистического капитала, восстановила демократический строй, существенно облегчила победу антиколониальной борьбы народов Анголы и Мозамбика. В этом состоит ее непреходящее значение.

ПАДЕНИЕ ФАШИСТСКИХ РЕЖИМОВ В ГРЕЦИИ И ИСПАНИИ

Апрельская революция 1974 г. в Португалии положила начало своего рода цепной реакции гибели фашистских режимов — сначала в Греции, а затем в Испании. Эти страны Южной Европы, как и Португалия, относились к наиболее отсталым, бедным и зависимым. Не случайно именно в этом районе дольше всех сохранялся фашизм. Естественно, что салазаризм отличался от франкизма, а диктатура «черных полковников» в Греции имела свои специфические черты. Однако все эти режимы были вариантами одного и того же — антинародного, реакционно-диктаторского — типа.

Основная задача демократических и революционных сил в этих условиях состояла в том, чтобы покончить с фашистской тиранией, восстановить и расширить попранную демократию, открыть путь к социальному прогрессу. Эта задача теснейшим образом переплеталась с антиимпериалистическими (освободительными) целями,

поскольку именно империализм, и прежде всего империализм США, стоял за спиной фашистских диктатур.

В Греции военно-фашистская диктатура, узурпировавшая власть путем государственного переворота 1967 г., своими репрессиями, полным пресмыкательством перед империализмом США и авантюристическими планами военного «присоединения» Кипра к Греции вызвала всеобщее возмущение. Рабочий класс под руководством коммунистической партии развернул активные забастовочные действия. Решительно и смело вело борьбу против диктатуры студенчество. В движение Сопротивления включились некоторые либерально-буржуазные группировки.

Во избежание социального взрыва «снизу» правящие классы Греции при согласии США ради «умиротворения» страны вынудили хунту передать в июле 1974 г. власть гражданскому правительству во главе с опытным буржуазным политиком К. Караманлисом. По требованию народа монархия была упразднена и установлена республика. Правительство провело амнистию, были объявлены свободные выборы в парламент, легализована деятельность КПГ.

В отличие от Португалии в Греции дело не дошло до революционного взрыва. Режим «черных полковников» был ликвидирован без оружия. Это стало возможным потому, что диктатура не пользовалась авторитетом, не имела собственной политической структуры и держалась у власти лишь при помощи штыков и прямой поддержки со стороны империализма США. Когда же стало очевидным, что в стране назревают предпосылки мощного антифашистского народного движения, могущего перерасти в революцию, встал вопрос о необходимости пожертвовать диктатурой ради сохранения капиталистического строя. Выход был найден на путях восстановления буржуазно-демократических порядков. Но демократия не была дарована сверху. Она была завоевана героическим греческим народом, который ни на час не прекращал свою борьбу против ненавистного режима «черных полковников» и империализма США. Таким образом, свержение военно-фашистской диктатуры в Греции явилось результатом не политики «верхов», а подлинно народного движения Сопротивления.

В Испании франкистский режим, установленный при помощи немецкого и итальянского фашизма еще в 1936 г., в 70-х годах также вступил в фазу смертельного кризиса. Идеология и политика правительства не пользо-

вались авторитетом. Диктатор еще пытался прибегать к репрессиям и запугиваниям, но гражданское общество уже не подчинялось ему. Былой страх перед могущественным каудильо и его аппаратом был преодолен. В этих условиях сначала экономическая, а затем и политическая либерализация стала использоваться правящим классом как средство приспособления к новой ситуации. Отчасти этот курс оттянул гибель фашизма, но дни его были сочтены.

В стране развертывалось рабочее и массовое демократическое движение. Даже католическая церковь все больше отворачивалась от Франко и выступала за перемены. Восстановления демократии активно требовало студенчество. Буржуазно-оппозиционные партии, леводемократические группы, движение за автономию провинций и др. действовали почти легально, пренебрегая возможными неприятностями. Политические и идеологические структуры франкизма переживали глубочайший кризис. Казалось, все ожидали только смерти самого каудильо, чтобы окончательно сбросить с себя путы прошлого.

И действительно, смерть Франко в ноябре 1975 г. ускорила процесс восстановления нормальной демократической жизни. Была проведена политическая амнистия, легализованы демократические партии, включая коммунистическую, распущены франкистские организации, в 1977 г. состоялись первые после 1936 г. выборы в кортесы.

Эволюционный переход от правого тоталитаризма к буржуазной демократии отличает Испанию не только от Португалии, но и от Греции, где этот процесс произошел значительно быстрее. Испанский пример является наиболее интересным с точки зрения процесса медленной «либерализации» фашизма не только под активным давлением прогрессивных сил, но и, так сказать, «изнутри». В последние годы жизни Франко некогда могущественный фашизм уже почти полностью растерял былую силу. Режим еще цеплялся за власть, жестоко подавлял оппозиционные действия, но это были предсмертные судороги. Не имеющей достаточных жизненных сил правящей верхушке пришлось пойти на ослабление цензуры, разделить функции главы государства и главы правительства, изменить военное судопроизводство. Все чаще приходилось считаться и с волей оппозиционных течений, т. е. шаг за шагом, нехотя идти на уступки, лавировать, приспосабливаться к новым условиям.

Франкизм, как и Франко, как бы пережил сам себя.

«Тихая» смерть испанского режима была предопределена, конечно, не кончиной каудильо, а самоотверженной и длительной борьбой, которую вели демократические силы начиная с 1936 г. Именно народное движение и похоронило франкизм, вернув Испании демократию и будущее.

Ликвидация фашистских режимов в Португалии, Греции и Испании независимо от специфических путей этого процесса имела исключительно важное значение. Хотя все три страны остались в системе капитализма, было завоевано главное: восстановлена демократия.

В цитаделях империализма особенно нелегко вести борьбу против такого мощного врага, каким является государственно-монополистический капитализм. Поэтому опыт португальской революции и антифашистского сопротивления в Греции и Испании имеет особую ценность. Как и «горячий май» 1968 г. во Франции, он говорит о том, что главной революционной силой в Европе является рабочий класс, а условием его успеха служит боевое единство, в том числе единство рабочих партий.

Перед трудящимися Европы стоит сильный и опытный классовый враг, который окружил свою власть прочной социально-экономической и политической скорлупой. Это объясняет относительную сложность начала революции. В свое время В. И. Ленин отметил, что в ряде наиболее развитых стран капитализма правящему классу удалось создать некоторое подобие «социального мира»[18]. В 1922 г. он упомянул даже об одном из «немногих шансов мирной эволюции капитализма к новому строю, чему мы, как коммунисты, не очень верим, но помочь испытать согласны...»[19].

Если с этих позиций взглянуть на опыт Португалии, Греции и Испании, то, видимо, не будет преувеличением сказать, что при благоприятных условиях мирный переход от фашизма к демократии мог бы продолжиться и перерасти в мирный путь к социализму. Но на этом пути оказалось много помех: поведение социал-демократии, которая побоялась пойти дальше восстановления буржуазно-демократических порядков; отсутствие устойчивого и широкого классового и политического союза демократических сил под руководством революционного пролетарского авангарда; неготовность масс принять социалистическую альтернативу. Эти же факторы проявились, в частности, в ходе чилийской революции.

Как известно, еще К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что революционно-освободительные процессы в от-

дельных странах будут развиваться по-разному и не обязательно одновременно. «В конечностях буржуазного организма,— образно писал К. Маркс,— насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше»[20].

Эту идею впоследствии развил В. И. Ленин, подчеркнувший, что в эпоху империализма относительно «легче начинается движение в тех странах, которые не принадлежат к числу эксплуатирующих стран, имеющих возможность легче грабить и могущих подкупить верхушки своих рабочих»[21].

Опыт показал, что эта тенденция продолжает действовать и в наши дни, о чем свидетельствует весь цикл народных революций 70-х годов в Азии, Африке и Латинской Америке.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В странах Латинской Америки и Карибского бассейна в 70-х годах были на практике проверены и доказаны целесообразность и эффективность двух основных путей революции — мирного и немирного. Первый показал свою ценность в условиях Чили, второй — в Никарагуа, на Гренаде и в Сальвадоре. Все эти четыре народные революции развивались по-разному, но между ними имелось и нечто общее.

Общее заключалось прежде всего в том, что освободительные процессы протекали в странах со средним уровнем развития капитализма, с незавершенными буржуазными преобразованиями в аграрном секторе и сохранением латифундизма, при наличии сильной империалистической зависимости. Глубина внутренних социальных противоречий местного капитализма служила объективной основой антикапиталистической ориентации передовых сил, которые не ограничивались лишь освободительными антиимпериалистическими и антифеодальными (точнее — аграрно-демократическими) целями.

Антикапиталистическую тенденцию наиболее полно и последовательно защищал и выражал пролетариат. Его союзниками являлись средние городские слои и крестьянство. Однако они не были способны решительно выступить в защиту социалистической перспективы, предпочитая путем реформ несколько «улучшить», демократизировать капиталистический строй, придать ему, так

сказать, «национальную», латиноамериканскую форму. Особенно активно этот курс проводили буржуазно-националистические круги и мелкобуржуазная патриотически настроенная интеллигенция, уповая на некий особый, «третий путь» развития.

В отношении путей перестройки общества и будущей ориентации развития интересы различных классов и социальных слоев также существенно отличались друг от друга. Естественно, что это обстоятельство не могло не сказаться на характере и размахе борьбы.

ЧИЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1970—1973 гг.: ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ И УРОКИ

В истории революционного процесса в Латинской Америке XX в. особое место занимает чилийская революция. Союз коммунистической и социалистической партий позволил чилийскому пролетариату сыграть роль гегемона и впервые опробовать в условиях Латинской Америки мирный путь демократической и антиимпериалистической революции. Это была историческая заслуга рабочего класса Чили, внесшего тем самым огромный вклад в сокровищницу международного опыта.

Грандиозные преобразования, проведенные за три года существования правительства Народного единства, острота классовой борьбы и ее разнообразные формы, героическая деятельность социалистов и коммунистов, небывало богатый опыт революционного творчества народных масс, противоборство различных идеологий и политических направлений по проблемам стратегии и тактики — все это выдвинуло чилийскую революцию в ряд наиболее выдающихся революционных подвигов пролетариата и его союзников.

Проблемам чилийской революции посвящено много серьезных исследований, популярных очерков, мемуаров. Подробно, день за днем, описан ход событий[22]. И тем не менее эта тема продолжает находиться в центре внимания. Уроки Чили нисколько не устарели, имеют огромный теоретический и политический интерес. И это вполне естественно, так как все крупные революции независимо от их исхода навсегда остаются в истории человечества.

Кратко остановимся на вопросах, находящихся в центре современных теоретических споров. Начнем с первого вопроса: правы ли были коммунисты, другие участни-

ки блока Народного единства, делая ставку на мирный путь развития революции?

Большая группа зарубежных авторов, особенно из лагеря левацких и неотроцкистских групп, пытается доказать, что чилийский опыт якобы опроверг ленинскую концепцию мирного пути развития революции и доказал верность троцкистского лозунга о примате вооруженного пути независимо от условий. Некоторые авторы склоняются к выводу о том, что поражение Народного единства чуть ли не заранее предопределялось стратегией мирного пути революции, якобы исключавшего любое насилие в отношении ее классовых врагов. Это обстоятельство, мол, существенно ограничивало инициативу масс и превращало революцию в нечто вроде суммы реформ, проводимых сверху по инициативе правительства С. Альенде, которое вынуждено было в силу обстоятельств действовать в рамках строгого соблюдения конституционной законности.

Чтобы убедиться в ошибочности подобного мнения, следует напомнить ленинскую постановку вопроса о возможности мирного пути революции, точнее говоря, о процессе мирного перерастания революции демократической в революцию социалистическую.

Признавая возможность, хотя и не часто встречающуюся в истории, мирного (невооруженного) взятия власти революционными силами, В. И. Ленин призывал коммунистов «сделать все возможное для обеспечения «последнего» шанса на мирное развитие революции, помочь этому изложением нашей программы, выяснением ее общенародного характера, ее безусловного соответствия интересам и требованиям гигантского большинства населения»[23].

Именно это «все возможное» и сделали чилийские революционеры. Упрекать их за такие усилия — значит не понимать, что возможность мирного пути зависит не от чьего-либо субъективного желания, а от расстановки классовых сил, способности масс к вооруженным формам борьбы, позиции армии, политики врага и многих других объективных и субъективных факторов.

Чилийская компартия не исключала многообразия форм борьбы, хотя в принципе ориентировалась на относительно мирное развитие революционного процесса, т. е. на развитие прежде всего массового демократического (внепарламентского) движения, чтобы, опираясь на него и используя парламентские средства, завоевать исполнительную власть для постепенного осуществления

революционных преобразований. Именно таким путем, сохраняя принцип законности и избегая фронтального вооруженного столкновения, предполагалось добиться установления нового народно-революционного антиимпериалистического и антиолигархического переходного режима.

Эта стратегическая установка по существу развивала разработанную еще VII конгрессом Коминтерна в 1935 г. политику Народного фронта.

Специфика мирного пути социалистической революции характеризуется не только особыми формами борьбы (в основном без применения оружия), но и особой диалектикой формирования новой революционной власти. Создаются определенные возможности частичного использования старого буржуазного государственного аппарата — армии, парламента, местных органов власти. Об этом свидетельствует, например, политика большевиков в отношении Учредительного собрания, использования буржуазных служащих различных министерств и ведомств. Аналогичные методы применялись в 1919 г. в Советской Венгрии.

В новых исторических условиях левые силы Чили, объединенные в блок Народного единства, имели не меньшие, а большие, чем когда бы то ни было прежде, шансы на успех мирного развития революции. Главным гарантом этого выступала армия, занявшая лояльную позицию в отношении конституционного правительства С. Альенде.

Правительство Народного единства в этих условиях при активном участии трудящихся успешно провело национализацию крупных промышленных и горнорудных предприятий, создало сильный государственный сектор на основе экспроприированной монополистической собственности, национализировало банки, осуществило глубокую аграрную реформу, провело ряд важных мероприятий в интересах трудящихся, в том числе в области жилищного строительства, здравоохранения, образования. Огромный шаг вперед был сделан по пути развития демократии и расширения участия народа в руководстве судьбами страны. По существу в стране начался мирный поступательный процесс демократической народной революции с перспективой ее мирного перерастания в революцию социалистическую.

Три года успешного развития революционного процесса в Чили — лучшее доказательство жизненной силы и эффективности стратегической установки на мирное

развитие революции. Мирный путь имел не абсолютный, а относительный характер, выражал лишь основную тенденцию, исключающую на весь период или хотя бы на определенное время открытую вооруженную схватку между революцией и контрреволюцией. Но революция, по какому бы пути она ни развивалась, всегда принуждение, она немыслима без определенных форм диктата и сверху, и снизу. К сожалению, именно этого качества не хватило чилийской революции, что ослабило ее позиции и укрепило позиции ее врагов.

Означает ли победа фашизма в Чили, что концепция мирного развития революции оказалась ошибочной? Конечно, нет. Здесь следует разделять два самостоятельных вопроса: во-первых, проблему мирного и немирного путей самой революции и, во-вторых, проблему защиты революции от вооруженных атак врага. Во втором случае речь идет не о том, каким путем развивается победившая революция, а о необходимости защитить достигнутые народом завоевания, прежде всего революционную власть, любыми средствами, включая силу оружия и даже «красного террора» в ответ на контрреволюционные выступления. События в Чили еще раз показали, что эксплуататорские классы добровольно власть не отдают, а, напротив, ожесточенно отстаивают ее, идя на самые варварские преступления.

Опыт Чили со всей остротой поставил и такую важную проблему, как союз рабочего класса с промежуточными слоями общества, мелкой буржуазией города и деревни. Именно эти слои в решающий момент вошли в конфликт с правительством Народного единства и фактически помогли реакционным силам свергнуть народно-революционную власть и установить диктатуру Пиночета.

На этом основании многие мелкобуржуазные и леворадикальные авторы делают вывод о том, что якобы «основной расчет на союз между пролетариатом и средним классом в едином патриотическом антимонополистическом фронте потерпел фиаско»[24]. Эта точка зрения по существу повторяет троцкистский тезис о неизбежной контрреволюционности всех непролетарских групп трудового народа.

Вопрос о средних слоях и их роли в революции был поставлен впервые в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, предупреждавших рабочий класс о смертельной опасности его самоизоляции. В. И. Ленин, развивая эти идеи, выдвинул научно обоснованную платформу борьбы за

союз рабочего класса с крестьянством и промежуточными слоями города (интеллигенция, студенчество, мелкие собственники, служащие, лица свободных профессий, люмпен-пролетарские и маргинальные группы). Именно такой союз, по мысли В. И. Ленина и большевиков, не только в принципе возможен, но и крайне необходим для успешного развития демократической революции и подвода масс к революции социалистической.

По мнению современных авторов леворадикального направления, опыт Чили якобы доказал невозможность достижения прочного союза пролетарских и непролетарских слоев ввиду контрреволюционности последних. Отрицание всяких революционных потенций у мелкой буржуазии и промежуточных слоев, так же как и переоценка их возможностей, одинаково опасно и ошибочно, ибо означает неверие в силы пролетариата, в его способность повести за собой непролетарские классы и слои.

Опыт Чили со всей очевидностью доказал, во-первых, реальную возможность боевого союза всех прогрессивных сил вокруг рабочего класса и, во-вторых, крайнюю непоследовательность политического поведения мелкобуржуазных и промежуточных групп населения. Такая непоследовательность не равнозначна контрреволюционности, но ее необходимо постоянно иметь в виду. Конечно, намного проще заранее отбросить все промежуточные слои в лоно контрреволюции и вести пролетарскую борьбу за «чистую» социалистическую революцию. Но в жизни так не бывает. Революции развиваются не в вакууме, а в сложном и противоречивом обществе, все слои и группы которого по-своему участвуют в борьбе, вносят свой «вклад» в противоборство сил реакции и прогрессивных сил. Не стремиться использовать в интересах революции все колеблющиеся, временные, непоследовательные союзные силы – значит заранее обречь все дело на поражение.

В этой связи особое значение в Чили приобрела идеологическая борьба с оппортунизмом правого и «левого» толка. В условиях постоянной борьбы Народного единства против контрреволюции справа особую опасность представляла контрреволюция «слева», выражающая типично мелкобуржуазную тенденцию путчизма, авантюризма и анархизма. Объективно рост ультралевых тенденций отражал пробуждение к активной политической жизни промежуточных и мелкобуржуазных слоев чилийского общества, но это далеко не всегда выливалось

в правильные формы. По сути дела и правые, и ультралевые силы объединились, образовав своего рода единый фронт против революции. «Леваки» рассматривали империализм и олигархию как своих смертельных врагов, но полагали, что бороться с ними можно лишь вооруженным путем и без опоры на массы. Исходя из этого, они крайне враждебно относились к политике Народного единства, ориентирующейся на мирное развитие революции. В итоге не империализм и реакция, а само Народное единство и его правительство превратились для ультралевых в главного врага.

Именно ультралевый мелкобуржуазный революционаризм сыграл самую пагубную роль в дезориентации общественного мнения и переходе значительной части средних слоев в оппозицию к Народному единству. В этом смысле левацкие группировки оказались союзниками правых сил.

Тысяча дней существования правительства Народного единства – яркая страница в жизни чилийского народа, который впервые получил возможность распоряжаться собственной судьбой и осуществлять крупные социально-экономические преобразования. Чилийская революция навсегда вошла в историю мирового освободительного движения, в историю международного рабочего класса как крупное социальное событие XX в.

При анализе причин временного поражения чилийской революции следует со всей определенностью подчеркнуть, что к падению власти Народного единства привели не столько субъективные слабости революции, сколько прямой экспорт контрреволюции.

Империализм США при помощи целенаправленной подрывной деятельности ЦРУ, Пентагона и других ведомств, путем подкупа буржуазных специалистов, организации заговоров и диверсий (убийство генерала А. Шнейдера), тайного участия в антиправительственной деятельности «Интернэшнл телефон энд телеграф компани» и других фирм, прямого поощрения фашистских элементов способствовал возникновению в Чили сложной ситуации как в экономической, так и в политической жизни и фактически подготовил военно-фашистский переворот. На эти цели из федеральных фондов США были ассигнованы сотни миллионов долларов.

Заговор внутренней и международной реакции, объединение сил всех врагов Народного единства – вот что в конечном счете привело к поражению чилийской революции. Уроки Чили – это поучительная и необходимая

школа политического воспитания новых поколений борцов во всем мире.

Особое значение в этом отношении имеет наряду с другими проблема современной контрреволюции и роли в ее осуществлении империализма США. Вслед за Чили эта сторона дела со всей очевидностью проявилась в ходе революционной борьбы в Никарагуа.

НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НИКАРАГУА

Временный перевес сил в пользу реакции на юге континента в связи с победой фашизма в Чили привел к тому, что центр революционного движения стал перемещаться на север — в зону Центральной Америки и Карибского бассейна. Именно здесь революционному лагерю на рубеже 70-х и 80-х годов удалось добиться новых побед. Наиболее яркой и крупной из них явилась народная революция в Никарагуа.

Она началась еще в 1928 г., когда патриотические силы страны под предводительством Аугусто Сесара Сандино с оружием в руках выступили против американских оккупационных войск, за независимость и свободу своей родины, за революционное преобразование жизни трудового народа.

Подавив движение сандинистов, клан Сомосы при поддержке США надолго взял власть в свои руки. Однако поставить на колени свободолюбивый народ Никарагуа оказалось не под силу ни тирании Сомосы, ни его империалистическим покровителям и хозяевам. Сбылись слова генерала Сандино, сказанные им в 1928 г., накануне первого боя с оккупантами: «Мы достигнем солнца свободы или погибнем в бою. Если мы умрем, наше дело будет жить. Другие пойдут за нами»[25].

Так оно и случилось: вслед за Сандино на путь революционной борьбы встали тысячи новых патриотов. Освободительная борьба продолжалась, хотя в течение многих лет она носила разрозненный и стихийный характер. Военно-фашистская диктатура Сомосы путем насилия и террора прочно держалась у власти. По существу это была власть империализма США и местной буржуазно-помещичьей олигархии.

Под влиянием кубинской революции наметился перелом. В 1960—1961 гг. возникли первые ячейки Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО), который в 1962 г. оформился как более или менее стабильная военно-политическая организация. Руководите-

лем Фронта стал Карлос Фонсека Амадор (погиб в 1976 г.). Молодые герои мечтали по примеру Фиделя Кастро и Че Гевары разжечь пожар всенародного партизанского движения, но сделать это оказалось совсем непросто.

В течение ряда лет (1962—1974 гг.) в стране продолжались локальные партизанские выступления. Слабость антидиктаторских сил заключалась в их разобщенности, в отсутствии политического единства, в изолированности от масс. Между сандинистами и рабочими организациями не было почти никакой координации действий. Более того, многие относились к партизанам отрицательно, упрекали их, и нередко справедливо, в увлечении тактикой террора и даже в политическом авантюризме.

Отдельные партизанские отряды сражались в разных районах и постоянной связи друг с другом также не имели. Группировка «пролетарская линия» во главе с Хайме Уилоком и Луисом Каррионом считала, что для успешного развития борьбы с диктатурой главное внимание следует перенести на политическую работу среди рабочих, студенчества, городских низов.

Второе течение, возглавляемое Томасом Борхе и Анри Руисом, именовавшее себя «Ля гера популяр пролонгада» («Затяжная народная война»), полагало, что прежде всего необходимо укрепиться в сельской местности и продолжать партизанские акции, постепенно организуя опорные районы.

Третье течение во главе с братьями Ортега Сааведра и Виктором Мануэлем Сирадо (так называемые терсеристы) исходило из тезиса о необходимости подготовки всеобщего антидиктаторского восстания (в городе и в деревне) в союзе со всеми другими оппозиционными силами.

Разногласия касались в основном тактических вопросов, ибо все три течения считали главной задачей вооруженную борьбу против диктатуры Сомосы. Боевое единство трех течений свидетельствовало о высокой политической зрелости и ответственности руководящих кадров сандинистского движения.

Постепенно стала вырисовываться политическая стратегия всего движения. В 1970 г. СФНО обнародовал программу, в которой ставилась задача свержения бюрократического и военного аппарата диктатуры, завоевания политической власти и создания революционного правительства, основанного на союзе рабочего класса

и крестьянства при участии всех патриотических и антиимпериалистических сил страны[26].

Спустя несколько лет в программе 1977 г. были сформулированы цели будущего революционно-демократического правительства: достижение подлинно национального суверенитета и освобождение страны от империалистической зависимости, создание сандинистской рабоче-крестьянской армии, проведение аграрной реформы с целью передать землю тем, кто ее обрабатывает.

В ходе антидиктаторского сопротивления сандинисты все больше внимания стали уделять идейно-политической работе среди населения, была создана сеть подпольных кружков политобучения, начали издаваться нелегальные газеты и журналы. Огромную роль в формировании патриотического общественного мнения сыграла подпольная радиостанция «Радио Сандино». Рост и укрепление СФНО, сдвиг общественного мнения влево имели главным результатом политическую изоляцию диктатуры.

В 1977—1978 гг. в Никарагуа стала складываться революционная ситуация. Малочисленная, оторванная от масс Никарагуанская социалистическая партия, к тому же ослабленная фракционной борьбой, не могла возглавить антидиктаторское народное движение. Эту роль взял на себя Сандинистский фронт национального освобождения как единственно организованная военно-политическая революционная сила. Сандинисты не были организационно связаны с коммунистическим движением, но многие из них стояли на позициях марксизма-ленинизма. Свержение диктатуры и освобождение от империалистической зависимости сандинисты рассматривали как начало процесса радикальных революционных преобразований в экономике и политике с перспективой последующего перехода к социализму. В освободительное движение на последнем этапе включились и буржуазные оппозиционные силы, которые искренне стремились «свалить» Сомосу и добиться демократизации режима, но в отличие от сандинистов не хотели углубления революции.

Чтобы окончательно прояснить позиции и поднять массы на активные действия, сандинисты пошли на отчаянную акцию. 22 августа 1978 г., накануне готовящейся всеобщей забастовки, 25 бойцов захватили Национальный дворец и взяли заложниками депутатов конгресса. По требованию патриотов диктатор вынужден был дать согласие на передачу по радио и опубликование в печати развернутой программы СФНО и освободить из

тюрем 40 политических заключенных. Это была первая победа, вызвавшая подъем массового движения.

25 августа по всей стране началась забастовка, принявшая в ряде городов характер восстания. Вооруженная борьба продолжалась до 20 сентября, но диктатура сумела удержаться у власти. Около 5 тыс. человек погибли и 7 тыс. человек были ранены. Многие города — Матагальпа, Леон, Масая, Чинандета и др. — по приказу диктатора подверглись бомбардировке. Зверства национальной гвардии и банд иностранных наемников приняли беспрецедентные масштабы. Тысячи людей оказались вынужденными бежать из страны.

Казалось, революция потерпела поражение. Но прошло несколько месяцев, и борьба вспыхнула с новой силой. На этот раз сандинисты действовали сплоченнее. Было сформировано единое руководство, разработан план подготовки восстания, упрочены позиции СФНО в крупнейших стратегических центрах страны.

В мае 1979 г. развернулось мощное революционное наступление, в ходе которого сандинисты при поддержке народа освободили два крупных города — Леон и Матагальпу; 17 июня удалось сформировать Временное демократическое правительство национального возрождения, а спустя месяц, 16 июля 1979 г., диктатор вынужден был позорно бежать в США. Народная революция наконец торжествовала свою победу.

Разумеется, никто не мог предвидеть ход событий, а тем более предсказать, что именно в Никарагуа победит народная революция. Трагическая судьба Че Гевары, неудачи партизанского движения в Боливии, Венесуэле, Парагвае, Гаити и других странах в предыдущие годы породили скептическое отношение к тактике повстанческой борьбы. Опыт Никарагуа показал, что повстанческий очаг в определенных условиях способен сыграть роль катализатора, ускоряя кризис «верхов» и мобилизацию масс. Было бы, конечно, грубой ошибкой считать, что в любой момент любая революционная инициатива автоматически ведет к общенациональному кризису. Для этого необходимы определенные объективные и субъективные условия. В Никарагуа такие условия формировались постепенно, и в том числе под воздействием самоотверженных инициатив сандинистов. Именно их героическая борьба против диктатуры вызвала перелом в политической ситуации в пользу революции. В то же время опыт Никарагуа еще раз подтвердил тот факт, что до тех пор, пока самые широкие массы не включились

в борьбу, пока отсутствует кризис «низов», нет никаких шансов на победу.

Успехи сандинистов вызвали прилив бешенства у всех реакционных сил, прежде всего у империализма США. После избрания президентом США Р. Рейгана американская администрация разработала план ликвидации никарагуанской революции. Используя банды сомосовцев, диверсии, угрожая прямой интервенцией, США ведут фронтальную атаку на Никарагуа. Перед угрозой вторжения весь никарагуанский народ поднялся на защиту завоеваний революции и суверенитета своей родины. Во всем мире развернулась мощная кампания солидарности с Никарагуа, с сандинистским правительством, которое выражает подлинные интересы нации.

Никарагуанская революция по своему характеру является демократической, антиолигархической и антиимпериалистической революцией с ориентацией в перспективе на социализм. Движущими силами революции на ее первом, антидиктаторском этапе являлись все демократические и антиимпериалистические силы: рабочие, крестьяне, городские средние слои, а также либеральная, мелкая и средняя буржуазия, чиновничество, священнослужители, интеллигенция, студенчество и т. д. Конечно, каждый участник сопротивления преследовал свои цели и по-разному боролся против диктатуры, но в целом наблюдалось совпадение непосредственных интересов. После победы революции расстановка классовых сил в стране стала меняться. Свержение диктатуры Сомосы открыло никарагуанскому народу путь к строительству новой жизни.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В САЛЬВАДОРЕ

Нарастание революционного демократического движения в странах Центральной Америки привело не только к победе никарагуанской революции, но и к свержению в октябре 1979 г. реакционной диктатуры генерала К. У. Умберто Ромеро в Сальвадоре. Борьба приняла здесь затяжной характер и в конце концов вылилась в гражданскую войну.

Коммунистическая партия Сальвадора, ряд других демократических организаций, действуя нелегально или полулегально в рамках Национального союза оппозиции (создан в 1971 г.), определенное время исходили из признания возможности мирного пути революции, стремясь при помощи пропаганды добиться единства народа и ар-

мии. С целью мобилизации масс эти оппозиционные силы развернули широкую парламентскую борьбу.

На президентских выборах 1977 г. кандидат Национального союза оппозиции завоевал абсолютное большинство голосов, но правительство грубо фальсифицировало итоги голосования, и президентом снова был «избран» Ромеро.

Глумление над волеизъявлением народа вызвало взрыв всеобщего негодования. По всей стране начались массовые волнения. Армия и полиция подавили народные выступления. Было убито около 200 и ранено более 1000 человек, сотни людей брошены в тюрьмы. Репрессии приняли невиданные масштабы.

Такой поворот событий побудил левые оппозиционные силы пересмотреть свою стратегию. Коммунистическая партия признала, что «выборы исчерпали свои возможности в качестве главного орудия борьбы за свержение диктатуры и прихода к власти демократических сил»[27]. Отказываясь от установки на мирный путь, необходимо было наладить боевое сотрудничество с партизанскими группами, которые действовали в стране, и готовиться к всенародному вооруженному выступлению против диктатуры. Этот поворот в стратегии компартии был окончательно завершен в 1979 г., когда в стране уже разворачивалась гражданская война. Немалую роль в выработке новой стратегии сыграл пример Никарагуа, прежде всего опыт Сандинистского фронта.

В Сальвадоре, как и в Никарагуа, повстанческое антидиктаторское движение развернулось еще в начале 60-х годов. Но в те годы партизаны были разгромлены. Вторая волна повстанческой борьбы началась в 1970 г., когда по инициативе бывшего Генерального секретаря Коммунистической партии Сальвадора Кайетано Карпио были созданы Народные силы освобождения имени Фарабундо Марти*.

В течение ряда лет партизаны действовали в отрыве от масс, но с 1974 г. они стали укреплять связи с народом, создавая среди рабочих, студентов, крестьян так называемые группы поддержки. Правильная политическая

* Имя Фарабундо Марти — пламенного революционера и патриота — было выбрано не случайно. Аугустино Фарабундо Марти родился в 1893 г., был убит в открытом бою против американских оккупационных войск в Никарагуа в 1932 г. Он являлся основателем Коммунистической партии Сальвадора (1930 г.), вместе с генералом Сандино в качестве его личного секретаря с оружием в руках боролся против империализма США в Никарагуа.

линия открыла путь к сотрудничеству коммунистов и партизан. Однако в стране действовали и такие партизанские отряды, которые стояли на антикоммунистических позициях. Вследствие этого на протяжении ряда лет левые силы действовали разрозненно. Лишь после долгого опыта и опять-таки под воздействием никарагуанского примера в 1980 г., в обстановке стихийно начавшейся гражданской войны, сложились условия для объединения и координации антидиктаторских и антиимпериалистических действий.

Создание в июне 1980 г. Национального координационного центра и Объединенного военного командования народно-революционных сил, в который вошли: от коммунистов — Генеральный секретарь КПС Шафик Хорхе Хандаль, от мартинистов — командир Фронта народного освобождения Кайетано Карпио, а также представители других политических и партизанских организаций, открыло новый этап борьбы. По всей стране стало быстро нарастать стачечное движение против военной хунты (в политической забастовке в июне 1980 г. участвовало более 300 тыс. человек). Повсюду активизировалось партизанское движение. В городах и населенных пунктах развернулась гражданская война.

Империализм США срочно направил хунте щедрую военную и финансовую помощь, большую группу военных советников, специальное снаряжение для карательных экспедиций. Стали готовиться планы военной интервенции США с целью подавления народной гражданской войны. В течение ряда лет в Сальвадоре идет кровопролитная гражданская война. Перевес сил то склоняется в пользу повстанцев, то при помощи империализма США диктатура вновь добивается преимущества. Решающее слово будет за революцией, при условии, если США не начнут прямую военную интервенцию. Такой вариант вполне возможен. Об этом, в частности, свидетельствует трагедия Гренады.

ТРАГЕДИЯ ГРЕНАДЫ

Государство Гренада, расположенное на трех небольших островах в Карибском море (территория — 344 кв. км, население — 120 тыс. человек), до 1974 г. находилось в колониальной зависимости от Англии. Но и после получения независимости власть осталась в руках реакционного правительства Э. М. Гейри, рьяно защищавшего интересы своих заокеанских хозяев и местных

помещиков. Полицейский террор, коррупция, взяточничество, бедность трудового населения, бесконтрольная власть и отсутствие каких-либо политических свобод — таково было положение на Гренаде накануне революционных событий.

Борьба против диктатуры стала нарастать после того, как в марте 1973 г. возникла партия Новое движение ДЖУЭЛ (НДД). До этого в стране действовали две небольшие оппозиционные группы: 1) ДЖУЭЛ — Объединенный поход за благосостояние, образование и освобождение под руководством Ю. Уайтмена и 2) Движение за народные ассамблеи во главе с молодым адвокатом Морисом Бишопом, который еще студентом создал группу «молодых борцов за истину». Объединение оппозиционных сил в одну организацию (первоначально в ее рядах состояло всего 45 человек) позволило перейти к активным действиям против режима с целью «строительства новой жизни и нового общества» в условиях независимости и демократии. На выборах в парламент партия НДД провела трех депутатов.

Однако с самого начала было ясно, что диктатуру можно свергнуть только силой. Эта задача стала главной. Постепенно антидиктаторская пропаганда привлекла на свою сторону до 10—15 тыс. патриотов. Руководство НДД стремилось установить «революционную демократию народа» и повести Гренаду по пути социалистической ориентации. «Наша позиция,— говорил Морис Бишоп,— была всегда твердой и ясной: мир, если это возможно, революционное насилие, если оно необходимо»[28].

М. Бишоп и его друзья стали тайно готовиться к штурму. Многие заговорщики находились под влиянием концепции «власть черным», идей Кваме Нкрумы и Франца Фанона. Лучшим примером для них был героический штурм казармы Монкада, деятельность Фиделя Кастро и Че Гевары. С 1974 г. партия НДД стала развиваться в направлении марксизма, хотя часть ее членов склонялась к левому экстремизму.

Ситуация в стране резко обострилась в начале марта 1979 г., когда диктатор отдал приказ об аресте всех лидеров НДД. В ту же ночь на нелегальной квартире собралось Политбюро партии, принявшее решение на рассвете начать восстание. 13 марта 1979 г. на рассвете 47 молодых повстанцев атаковали оружейный склад и армейские казармы в Тру-Блю на западной окраине Сент-Джорджеса. В 5 часов утра была занята радиостанция.

В 10 часов 30 минут по радио было передано обращение к нации, с которым выступил Морис Бишоп: «Сегодня утром, в 3 часа 15 минут, Народная революционная армия захватила военные казармы в Тру-Блю. Казармы сожжены до основания. После 30-минутного боя силы армии Гейри были полностью разгромлены и сдались... Одновременно без единого выстрела была захвачена радиостанция... Революционные силы направляются на места, чтобы подавить возможные очаги сопротивления или неповиновения новому правительству... Я обращаюсь к трудовому народу, к молодежи, рабочим, крестьянам, рыбакам, к средним слоям, к женщинам с призывом присоединиться к нашим революционным вооруженным силам, находящимся в районах вашего проживания, и оказать им всяческую поддержку...»[29] Революция, заявил М. Бишоп, совершена ради того, чтобы люди получили работу, приобрели достойные человека права и свободы, чтобы Гренада стала свободным демократическим государством.

Революционный призыв привел в движение все прогрессивные силы общества. Тем временем повстанцы закрепляли успех. Их боевые отряды пополнились сотнями добровольцев — рабочими и учащейся молодежью. Вскоре они овладели резиденцией премьер-министра, телеграфом и другими стратегическими объектами. Всем, кто присоединялся к повстанцам, надевали на руку белую повязку с красным диском, ставшим эмблемой революции. К 16 часам на флагштоке Форт-Джорджеса, где засели последние вооруженные полицейские, был вывешен белый флаг. Прогнивший режим рухнул. Во всех населенных пунктах почти без боя власть перешла в руки народа.

Народное правительство во главе с М. Бишопом тут же приступило к преобразованиям в интересах трудящихся: были созданы революционная армия и милиция, оказана реальная помощь прогрессивным профсоюзам, расширены демократические права трудящихся, проведена реформа образования, разработана аграрная реформа. В корне изменилась внешняя политика, стало налаживаться экономическое сотрудничество со странами социализма. Народно-революционное правительство Гренады провозгласило курс социалистической ориентации.

Крошечная Гренада не представляла какой-либо угрозы для могущественных США, но для развития освободительного процесса в зоне Карибского бассейна ее пример имел важное значение, и это не могло не беспо-

коить Вашингтон. С приходом к власти администрации Рейгана ситуация в зоне Карибского бассейна и в Латинской Америке резко обострилась. Агрессивные акции империализма создали чрезвычайно опасную обстановку, которая в любой момент могла вылиться в прямую военную интервенцию. Казалось, Пентагон только ждал удобного момента для выполнения своего замысла.

Не без активного участия ЦРУ такой «подходящий случай» возник в связи с разногласиями в революционном руководстве самой Гренады. Дело в том, что сразу же после свержения Гейри среди руководства партии и правительства обострилась борьба двух фракций: умеренно-радикальная группа М. Бишопа предпочитала действовать осторожно и постепенно, левоэкстремистская группировка во главе с заместителем Бишопа Б. Кордом настаивала на искусственном ускорении революционного процесса.

Летом 1983 г. дискуссии стали перерастать в конфликт, причем весь огонь критики обрушился на М. Бишопа и стиль его руководства. На закрытом заседании ЦК в октябре 1983 г. Б. Корд обвинил Бишопа в «утрате способности по-революционному решать проблемы народной власти», диктаторских замашках и «отходе от марксизма». Часть членов ЦК поддержала Корда, причем на его сторону перешел командующий армией генерал Х. Остин. Фракционеры решили во что бы то ни стало изолировать Бишопа и даже подвергли его домашнему аресту. Это произошло 12 октября 1983 г. В столице начались волнения, причем по приказу Остина армия должна была силой пресечь любые «контрреволюционные выступления», т. е. выступления в поддержку Бишопа. Тем не менее спустя несколько дней, 19 октября, толпа людей сняла охрану и освободила Бишопа, но подоспевшие воинские подразделения открыли огонь. Премьер-министр был ранен и арестован, а затем без суда расстрелян.

Такая же участь постигла и его ближайших сотрудников. Трагическая гибель Мориса Бишопа привела к общей деморализации. Началось соперничество между Кордом и Остином, который 21 октября создал Революционный военный совет. Однако никто уже не контролировал ситуацию. Революционный режим стал быстро ослабевать и распадаться, потеряв поддержку масс. Как заявил Ф. Кастро, «группа Корда загубила революцию и открыла двери для империалистической агрессии»[30].

Правительство Рейгана, попирая все нормы междуна-

родного права, без санкции конгресса цинично воспользовалось возникшим на Гренаде внутренним конфликтом и отдало американской морской пехоте приказ оккупировать остров. 25 октября 1983 г. в 5 часов 30 минут по местному времени при поддержке боевых кораблей США на остров был выброшен авиадесант. В операции участвовало 1900 морских пехотинцев США, затем число американских интервентов достигло 6 тыс. человек. Вторжение регулярных войск США с военной и политической точки зрения означало прямой экспорт контрреволюции.

В Заявлении ТАСС от 26 октября 1983 г. подчеркивалось, что США «под предлогом заботы о «правах человека» пытаются потопить в крови право целого народа на свободное, суверенное существование... речь идет о прямой вооруженной агрессии против миролюбивого народа малой, никому и ничем не угрожающей страны. Цель – свержение существующего там общественного строя, попытка с помощью силы навязать гренадскому народу порядки, угодные Вашингтону, запугать другие свободолюбивые народы Латинской Америки, да и не только их... Бандитское нападение на Гренаду со всей очевидностью показывает ту опасность, которую несет для дела мира и свободы народов курс, проводимый в международных делах нынешней американской администрацией»[31].

Вопреки требованию ООН и всей мировой общественности США, объявившие «крестовый поход» против коммунизма, всей своей мощью обрушились на крохотную страну и в крови потопили гренадскую революцию.

Означал ли трагический исход, что гренадская революция с самого начала была обречена на гибель, что малые нации, совершившие революцию, не имеют реальных шансов на победу? Думается, что ответ может быть вполне определенным: в современных условиях все народы – и большие, и малые – имеют возможности для успешной борьбы за свободу и независимость. Об этом говорит опыт Кубы, Никарагуа, Гвинеи-Бисау и самой Гренады, которая более четырех лет уверенно шла по революционному пути. Лишь прямой экспорт контрреволюции прервал этот процесс.

Роковую роль сыграл внутренний разброд в лагере самих революционных сил Гренады. В этом состоит ее главнейший урок. Утрата единства в политическом руководстве, амбициозная фракционная борьба, ультрареволюционные настроения и прочие проявления беспринцип-

ного мелкобуржуазного революционаризма подорвали силы революции и облегчили ее подавление американской военщиной.

Трагедия Гренады предупреждает, что опасен не только внешний враг — империализм США, опасен и враг внутренний. Опыт Гренады, Сальвадора, Никарагуа и Чили, равно как и других стран Латинской Америки, показывает, что в 70-х годах революционные процессы в этом районе мира достигли более высокого уровня. В отличие от цикла военно-националистических революционных переворотов конца 60-х и начала 70-х годов последующие революции носили с самого начала подлинно народный, а не верхушечный характер. На новом историческом этапе революционные процессы в Латинской Америке, полностью сохраняя антиимпериалистическую и антиолигархическую направленность, оказались более глубоко и органично связаны с борьбой за ликвидацию эксплуататорского строя и социалистическое переустройство жизни.

Рабочий класс сыграл роль гегемона чилийской революции и в значительной степени никарагуанской революции. В других случаях его вклад был также поистине велик, причем везде именно рабочие выступали наиболее решительно, постоянно подталкивая вперед средние слои и других участников революции. В этом смысле 70-е годы явились важной школой нового революционного опыта, крупным этапом в истории классовой борьбы и демократического антиимпериалистического движения в Латинской Америке.

Везде главный стратегический удар революционных сил был нацелен против империализма США, но, как правило, непосредственной политической целью являлось свержение местной тирании — борьба за свободу и независимость. Благодаря этому революция приобрела самое ясное для масс содержание, что увеличивало революционный потенциал, с одной стороны, и затрудняло маневры империализма — с другой.

Битвы 70-х годов показали, что в современных условиях широкие массы трудящихся чрезвычайно быстро втягиваются в революционный процесс. Революционное творчество масс, как правило, обгоняло деятельность политических организаций, в том числе и самых прогрессивных. Революционные процессы теперь принимают столь разнообразные и неожиданные формы, что империализм не в силах вовремя разгадать ход событий. Однако реакция после первого политического поражения

и потери власти постепенно объединяет свои силы и переходит в наступление на экономическом фронте. Классовая борьба приобретает затяжной характер, что чрезвычайно утомляет массы и подчас завершается реставрацией старого строя. В ряде случаев контрреволюция перерастает в фашизм (Чили).

В борьбе за единство демократических и антиимпериалистических сил особенно трудно оказалось достичь прочного союза рабочего класса с крестьянством. За исключением отдельных крестьянских федераций, руководимых коммунистами, основная масса крестьян и батрачества оставалась пассивной, а иногда в решающий момент шла за правыми силами. Определенные группы крестьянства, получив в собственность земельные наделы, вообще отошли от борьбы.

Важнейшей чертой революционных процессов 70-х годов была крайне сложная динамика взаимоотношений пролетариата и его партий со средними слоями, в том числе с мелкой буржуазией города. Особенно ярко это проявилось в крайне неустойчивом политическом сотрудничестве коммунистических партий и левых профсоюзов, с одной стороны, и мелкобуржуазных реформистских националистических течений — с другой.

Будучи объективно союзниками в борьбе с империализмом, рабочий класс и средние слои нередко относились друг к другу враждебно, а в ряде случаев внутренние разногласия между их политическими организациями принимали антагонистический характер.

Вопрос о политическом сотрудничестве в таких условиях становится не только наукой, но и искусством. Нужен был огромный опыт применения революционной теории на практике, нужно было уметь пробивать дорогу к Народному фронту через все перипетии и трудности реальной жизни, через все препятствия, которые ежедневно рождали капиталистическая стихия, политика классового врага, предательство всякого рода случайных или шатких попутчиков и союзников по борьбе.

Особое место занимала проблема единства самого рабочего класса как ведущей революционной силы. Коммунисты стремились втянуть в революционное движение как можно более широкие слои трудового народа, сделать максимум для завоевания рабочим классом роли авангарда, преодоления пассивности масс, повышения уровня их политической сознательности и организованности. Во всех странах левые профсоюзы без колебаний включились в борьбу, составив пролетарский костяк де-

мократической революции. Однако многие крупные профсоюзные центры реформистского направления остались на позициях соглашательства и пассивности.

Крупные революционные сражения 70-х годов отразили глубокие сдвиги в расстановке классовых сил, показали огромную социальную энергию масс, которые пробудились к самостоятельной и активной политической жизни, к организованным революционным действиям. Это было завоевание исторического значения, которое создает прочную основу для революционного творчества масс в будущем.

АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ 70-х ГОДОВ: ЮЖНЫЙ ЙЕМЕН, ГВИНЕЯ-БИСАУ, АНГОЛА, МОЗАМБИК, ЗИМБАБВЕ

Во многом похоже и в то же время по-иному, чем в Латинской Америке, развивались революционные процессы в странах, которые в начале 70-х годов еще оставались под игом колониальной зависимости,— Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау, Зимбабве, Южном Йемене. Господствующие позиции везде занимала феодальная и племенная знать. Иностранные монополии беспощадно эксплуатировали колониальные народы, преграждая им путь к прогрессу и независимости.

Естественно, что рано или поздно такое положение должно было быть изменено. В ряде государств Африки и Азии революционный взрыв в 50—60-х годах инициировали мелкобуржуазные военные демократы, в других странах в 70-х годах развернулось народное повстанческое движение. Развитие революции здесь пошло, так сказать, по «алжирскому» образцу. Речь идет прежде всего об антиколониальной войне-революции народов португальских колоний — Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау (бывшая Португальская Гвинея), а также английских колоний — Зимбабве и Южного Йемена.

Революционные процессы в пяти перечисленных странах в принципе можно рассматривать в общей связи со всем циклом африканских революций. Вместе с тем перед нами совершенно иной тип и путь развития революции — не «сверху», по инициативе военных, а «снизу», в форме народного повстанческого движения. В этом смысле их можно сравнивать с Никарагуа и Сальвадором.

Второе поколение антиколониальных революций отличается более глубоким антиимпериалистическим и антифеодальным содержанием, более последовательным

продвижением по некапиталистическому пути развития. Это означает, что борьба за национальное освобождение еще более органично сплелась с борьбой против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических.

В авангарде освободительного движения во всех названных странах выступали представители гражданской революционной демократии, т. е. в основном городские мелкобуржуазные и средние слои, патриотическая интеллигенция. Основной движущей силой были трудящиеся — рабочие, городские низы, крестьянство. Напомним основные моменты этих революционных процессов.

Южный Йемен. Английская колониальная политика на юге Аравии никогда не пользовалась поддержкой местного населения, однако выступления феллахов и целых племен против чужеземных угнетателей носили стихийный характер и легко подавлялись. Начиная с 30-х годов XIX в. и вплоть до 40-х годов XX в. англичане прочно держали власть в своих руках. Лишь после второй мировой войны и особенно под влиянием революции 1952 г. в Египте национально-освободительное движение в Южном Йемене получило действительно широкий размах. В стране создавались тайные патриотические организации, активизировалось студенческое движение, участились крестьянские бунты.

Во главе антиколониальный борьбы вначале выступили представители феодально-племенной верхушки, действующие под знаменем ислама. Однако довольно быстро обнаружились ограниченность и противоречивость позиций имущих слоев. Произошло выделение демократического мелкобуржуазного крыла. В 1955 г. радикальная молодежь создала Объединенный патриотический фронт, который получил поддержку рабочих и интеллигенции.

В 1961 г. в стране стала действовать первая марксистская группа (Народно-демократический союз), выдвинувшая лозунг активной антиколониальной борьбы и создания широкого фронта всех патриотических сил. Одновременно появилось и вскоре набрало силу Движение арабских националистов. Его мелкобуржуазные идеологи видели основное условие успеха в движении «арабского единства» под руководством Египта. Главной формой признавались вооруженные действия по типу алжирского сопротивления. Националисты выступали за объединение Северного и Южного Йемена и создание «сильной нации».

Англия пыталась сбить нарастание антиколониальных настроений, создав в 1961 г. Федерацию Южной Аравии, в состав которой спустя два года была включена и колония Аден. Однако этот маневр не остановил подъема освободительного движения. После свержения реакционной монархии в Северном Йемене (сентябрь 1962 г.) патриотическая борьба получила еще больший размах. В августе 1963 г. образовался Национальный фронт, объединивший самые разнородные элементы – от бедных феллахов до шейхов. Руководство Фронтом осуществляли патриотические мелкобуржуазные деятели.

В течение четырех лет (с октября 1963 по 30 ноября 1967 г.) в Южном Йемене развивалась партизанская война против английских колонизаторов. В Национальной хартии, принятой в июне 1965 г., содержалось важное положение о том, что капиталистический путь развития не принесет стране подлинной самостоятельности и прогресса. Прямо идея социалистической ориентации еще не выдвигалась, но антиколониальная борьба стала тесно связываться с задачей последующего социально-политического преобразования. Постепенно была сформирована Армия революционного освобождения, которая стала наносить чувствительные удары по колониальным войскам [32].

Тем временем внутренние разногласия в лагере самих антиимпериалистических сил, особенно по вопросам перспективы общественного развития, привели к созданию параллельной организации под названием Фронт освобождения оккупированного Южного Йемена (ФЛОСИ). В него вошли буржуазно-умеренные и феодально-помещичьи слои. Обострилась борьба фракций и в рядах Национального фронта. Все это ослабляло силу революции, лишало ее необходимого единства и даже привело к вооруженным столкновениям различных группировок.

В какой-то степени такое стечение обстоятельств оказалось неизбежным. В отсталом феодальном Йемене существовала сложная система племенных противоречий, традиционная междоусобная вражда султанов и шейхов, имевших свои воинские соединения. Крестьянство было крайне отсталым, не осознавало свои интересы, то пассивно подчиняясь воле шейха, то бросаясь в разбойную вольницу. Рабочий класс оставался неразвитым и неорганизованным. Общий уровень культуры и политической грамотности трудящихся был крайне низок. Все эти факторы прямо или косвенно сказывались на развитии и антиколониального движения. Англичане умело пользова-

лись племенной враждой и противоречиями в лагере патриотических сил. Однако шаг за шагом освободительная борьба, причем в ее самых активных и боевых формах, нарастала.

Массовая забастовка, вспыхнувшая в Адене в январе 1967 г., открыла решающий этап борьбы за независимость. Все больший размах стало приобретать партизанское движение. Видя бесперспективность продолжения военной оккупации Южного Йемена, английское правительство в середине 1967 г. начало переговоры с султанами и шейхами о выводе войск и предоставлении стране независимости. План состоял в том, чтобы поставить у власти марионеточное правительство и тем самым продолжить колониальную эксплуатацию. Одновременно развернулись массовые репрессии против патриотических сил.

В ответ вспыхнуло восстание, во главе которого встал Национальный фронт. В ходе боев патриоты к ноябрю 1967 г. заняли ключевые позиции в Адене и ряде других городов. После свержения султанов и шейхов в городах и селах создавались народные комитеты. Колониальная власть трещала по швам. В этот решающий момент отряды ФЛОСИ нанесли удар в спину, выступив с оружием в руках против революционных частей Национального фронта. Страна оказалась на грани гражданской войны. Однако перевес сил быстро склонялся в пользу Национального фронта. Английские войска вынуждены были оставлять одну позицию за другой.

Перед лицом неминуемого поражения на женевских переговорах в ноябре 1967 г. англичане согласились предоставить Южному Йемену независимость. 30 ноября 1967 г. на карте мира появилось новое суверенное государство — Народная Республика Южного Йемена.

Придя к власти, Национальный фронт сразу же приступил к осуществлению ряда буржуазно-демократических реформ: власть султанов и федерального правительства была ликвидирована, частная собственность местной феодальной аристократии конфискована, старые княжества уничтожены, проведена чистка в армии и госаппарате. Постепенно стала проводиться аграрная реформа. В Южном Йемене было создано государство национальной демократии.

Победа национально-демократической революции была закреплена приходом к власти в июне 1969 г. левого крыла Национального фронта, которое сразу же резко углубило социально-экономические преобразования, при-

дав им четко выраженный антиимпериалистический и антифеодальный характер.

Примерно по такой же схеме развивалась антиколониальная борьба в португальских колониях в Африке — Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау.

Гвинея-Бисау. Из всех португальских колоний первой обрела независимость Гвинея-Бисау (бывшая Португальская Гвинея)[33]. В течение 11 лет патриотические силы этой отсталой и бедной части Африки вели героическую вооруженную борьбу за независимость и одержали победу: буквально накануне краха португальского фашизма, 24 сентября 1973 г., первая сессия Национального народного собрания провозгласила независимость новой республики — Республики Гвинея-Бисау. Это было первое поражение Португалии, которая спустя год, уже после Апрельской революции 1974 г., подписала акт о признании независимости Гвинеи-Бисау. По иронии судьбы этот документ скрепил своей подписью генерал Спинола, ставший президентом Португалии, а до этого — с мая 1968 по 1972 г. — командовавший колониальными войсками в Гвинее. Убедившись в невозможности силой подавить освободительное движение, он стал проводить линию на подрывную работу по расколу патриотических сил, заигрывать с племенной верхушкой, обещать реформы и самоуправление под лозунгом «За лучшую Гвинею!». По сути дела это был трезвый прагматический расчет на сохранение Гвинеи-Бисау в орбите контроля Португалии.

Политическое маневрирование в сочетании с военными действиями, которые пытался соединить Спинола, не сбили с толку революционные силы, которые под руководством Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ПАИГК), созданной еще в 1960 г., выступали за полную и немедленную независимость. Вооруженный путь революции в Гвинее-Бисау был совершенно неизбежен и логичен, ибо португальские войска самым жестоким образом в течение столетий карали любое выступление. Группа революционеров-демократов во главе с Амилкаром Кабралом, проанализировав ситуацию, уже в 1959 г. пришли к выводу, что в условиях самого грубого и жестокого военно-колониального диктата есть только один путь борьбы за свободу — путь народного повстанческого движения. Патриоты не отказывались от использования ненасильственных средств (стачки, петиции, демонстрации, политическая агитация, просвещение), но главное внимание

уделяли вооруженным методам борьбы. И это было абсолютно верно. Такой же выбор сделали и патриоты Островов Зеленого Мыса, сражавшиеся плечом к плечу с гвинейцами под руководством одной революционно-демократической организации, ПАИГК, за независимость и свержение португальского колониального гнета.

После нескольких лет героической повстанческой борьбы партизаны освободили некоторые районы на юге и севере, создав там опорные базы революции. Расширение зоны освобожденных районов на восток осложнилось тем, что между южными народностями «баланте» и восточными «фула» имелись разногласия и организовать их единство оказалось очень трудно. Лишь с течением времени на основе собственного опыта было преодолено взаимное недоверие, всячески насаждаемое португальцами, и освободительное движение приняло общегвинейские масштабы. Удалось подорвать и позиции многочисленных раскольнических организаций, которые подкармливали португальская охранка ПИДЕ и ЦРУ. Более того, стала налаживаться некоторая координация действий с патриотическими силами Анголы и Мозамбика. Португальские колониальные войска, намного превосходящие по численности отряды партизан, ни силой, ни хитростью не могли покончить с революцией, которая пробудила все народы страны. Весь мир выразил свою солидарность с патриотами Гвинеи-Бисау и Островов Зеленого Мыса. Даже ООН признала ПАИГК единственным представителем народа. К концу 1973 г. регулярные воинские части ПАИГК установили свой контроль на $^3/_4$ территории страны. В этих районах уверенно строилась новая жизнь — создавались органы народной власти, проводились экономические преобразования. Одним словом, революция фактически победила, и Португалии не оставалось ничего иного, как только признать свое полное поражение. Некогда могущественная колониальная империя трещала по швам, что в конечном счете вызвало к жизни Апрельскую революцию 1974 г. в самой Португалии.

Вскоре после этого увенчалась победой упорная борьба за независимость и других португальских колоний: Островов Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипи.

Освободительная борьба народов малых островных колоний (Сан-Томе и Принсипи), оторванных от континента и по населению очень малочисленных, не вылилась в повстанческое движение и развивалась в основном в рамках гражданского сопротивления, забастовок план-

тационных рабочих, патриотических выступлений интеллигенции. Португальские власти пытались сбить нарастание протеста введением «местной автономии», но после падения фашистского режима в самой метрополии дело независимости было обеспечено: 5 июля 1975 г. была создана Республика Островов Зеленого Мыса, а 12 июля 1975 г. флаг независимости взвился над Сан-Томе и Принсипи.

Смертельным ударом по всей колониальной системе империализма в Африке стало освобождение народов Анголы и Мозамбика, а затем Зимбабве (Южной Родезии).

Ангола. Падение фашизма в Португалии открыло заключительный этап длительной и тяжелой революционно-освободительной борьбы ангольского народа за свою национальную независимость. Однако процесс деколонизации проходил в обстановке острой внутриполитической борьбы между реакцией и патриотическими силами, во главе которых выступало Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА). Эта организация, соединившая в себе черты политической партии и военно-революционного фронта, образовалась еще в 1956 г. в результате слияния подпольных антиколониальных организаций.

При поддержке прогрессивных сил всего мира ангольский народ после многих лет вооруженной борьбы, начавшейся еще в 1961 г., одержал победу. 11 ноября 1975 г. была основана независимая Народная Республика Ангола. В марте 1976 г. иностранные интервенты, вторгшиеся с юга (из ЮАР) в июле 1975 г., были изгнаны из страны. Рабочий класс, крестьянство, городские средние слои, прогрессивная интеллигенция явились основными движущими силами революции. Правительство Агостиньо Нето взяло курс на развитие по пути социалистической ориентации.

После завоевания политической независимости III пленум ЦК МПЛА (1976 г.) указал, что построение социализма есть конечная цель борьбы. Для этого было решено преобразовать МПЛА в марксистско-ленинскую партию авангардного типа. На съезде в 1978 г. была основана МПЛА – ПТ (Народное движение за освобождение Анголы – Партия труда), ряды которой к 1982 г. превысили 30 тыс. членов, из них 45% – рабочие[34].

«В начальной стадии национально-освободительная борьба, хотя она и опиралась на массовую поддержку народа, – отмечал в Отчетном докладе ЦК I съезду МПЛА Председатель партии и президент Народной Рес-

публики Анголы Агостиньо Нето,— возглавлялась недовольными своим положением представителями мелкой буржуазии, многие из которых боролись за свои классовые привилегии»[35]. Однако постепенно руководство перешло к подлинно революционным силам.

Строительство нового общества в Анголе встретилось с колоссальными трудностями, оставленными в наследство португальским колониализмом. Экономика страны — одна из самых отсталых. Рабочий класс немногочислен (городской пролетариат — примерно 100 тыс. человек, сельский — также около 100 тыс. человек). Основную массу трудящихся составляют крестьяне-общинники (более 1 млн. человек). Политически они почти не развиты, разделены племенными перегородками, что затрудняет процесс революционных преобразований в деревне.

Мозамбик. Во многом схожие проблемы стоят перед Мозамбиком, который вплоть до 1975 г. также находился под колониальным диктатом португальского империализма.

В течение многих лет патриотические силы Мозамбика вели борьбу за свое освобождение. В 1962 г. на основе объединения различных патриотических организаций был создан Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), который возглавил в 1964 г. повстанческое народное движение за независимость. В 1965—1966 гг. возникли первые освобожденные районы.

После свержения фашизма в Португалии Мозамбик стал независимым государством. В 1977 г. произошло преобразование ФРЕЛИМО в авангардную партию народа, взявшую на вооружение идеи марксизма-ленинизма. Благодаря руководящей роли ФРЕЛИМО революция не ограничилась достижением политической независимости, а пошла дальше: были национализированы земля и решающие секторы экономики, проведено глубокое преобразование систем образования, юстиции, здравоохранения. Как записано в программе ФРЕЛИМО, «Народная Республика Мозамбик является государством революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян. Она использует свою власть против врагов народа, капиталистов, против империализма и его агентов, в интересах защиты и обороны революционных завоеваний, суверенитета и территориальной целостности страны»[36].

Победа революционно-демократических сил в бывших португальских колониях в Африке явилась крупным

событием в истории национально-освободительного движения. Революционные процессы были столь глубокими, что позволили утвердиться социалистической ориентации развития. Это означало коренной поворот в исторических судьбах народов этих стран. Под руководством авангардных партий трудящихся, стоящих на позициях марксизма-ленинизма, развернулась широкая и многообразная работа по созданию объективных и субъективных предпосылок построения основ социалистического общества.

Зимбабве. После 10-летней партизанской войны против расизма и империалистического угнетения народ бывшей английской колонии Южная Родезия также добился убедительной победы. В декабре 1979 г. было подписано соглашение между правительством Англии, марионеточным правительством Мазоревы – Смита и Патриотическим фронтом Зимбабве о прекращении огня и подготовке к всеобщим выборам. Это был компромисс, по которому Зимбабве получала независимость, а 225-тысячное белое меньшинство сохраняло многие (или почти все) привилегии. Белому меньшинству принадлежали 20 из 100 мест в парламенте, правительство не имело права в течение 10 лет национализировать плохо используемые или даже заброшенные угодья без «справедливой и достаточной» компенсации, страна обязана была выплатить ЮАР 500 млн долл. (долг расистского режима Яна Смита за поставку оружия в ходе 10-летней войны против африканского большинства) и т. д.

В феврале 1980 г. состоялись всеобщие выборы, на которых победила партия Африканский национальный союз Зимбабве (ЗАНУ). Пост премьер-министра занял лидер этой партии Роберт Мугабе.

Антиколониальная борьба в Зимбабве, вылившаяся в форму народного вооруженного движения, поначалу ограничилась сферой политики и не переросла в глубокую социальную революцию. Тем не менее завоевание государственной независимости, переход власти к черному большинству, ряд прогрессивных реформ, миролюбивая внешняя политика – все это явилось исторически важным и прогрессивным результатом народно-освободительного движения. Идя навстречу требованию масс, правительство Р. Мугабе одобрило курс на социалистическую ориентацию развития.

Как показал опыт 70-х годов, в целой группе государств (Южный Йемен, Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, Зимбабве) антиколониальные революции развива-

лись «снизу» в форме длительного повстанческого движения народов. Это обстоятельство благодаря большой активности масс в дальнейшем способствовало утверждению курса социалистической ориентации.

Отстранение от власти реакционных колониальных или проимпериалистических сил и создание национальных демократических государств, выражающих и защищающих интересы народных масс, явилось коренным сдвигом в истории бывших колониальных народов. Этот сдвиг открыл возможность проведения глубоких социально-экономических преобразований, т. е. осуществления качественной перестройки базиса, всей структуры производственных отношений. Процесс социальной революции продолжается.

НАРОДНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В АЗИИ

Бурный революционный поток 70-х годов захватил в свою орбиту также страны Ближнего и Дальнего Востока. О Южном Йемене уже говорилось. В пяти других государствах — Иране, Афганистане, Лаосе, Южном Вьетнаме и Кампучии также произошли победоносные народные революции. В результате воссоединения Вьетнама и перехода двух других стран Индокитая — Лаоса и Кампучии — на путь социалистического развития в корне изменилась расстановка классовых сил во всей Юго-Восточной Азии. Это означало историческое поражение американского империализма, пытавшегося любыми путями навязать свой диктат.

В результате того что во главе демократических сил Индокитая выступал рабочий класс, революции приобрели радикальное социально-экономическое содержание, открыв переход всего Индокитая к новой общественно-экономической формации, к социализму [37].

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА

Марионеточное государство «Республика Вьетнам», созданное в 1955 г. на территории Юга страны при поддержке империализма США, в течение многих лет служило инструментом борьбы против социалистического Северного Вьетнама и революционно-демократических сил Юга.

В то время как на Севере страны после победы национально-демократической революции 1945 г. шло успешное строительство социализма, на Юге сохранялся капи-

талистический строй. Коммунистическая партия Вьетнама, действовавшая на территории Северного и Южного Вьетнама как единая революционная организация, осуществляла руководство национальным народно-демократическим движением на Юге страны.

В Южном Вьетнаме существовал относительно многочисленный пролетариат — примерно 700 тыс. человек. В промышленности было занято около 10% рабочих, остальные — в кустарном промысле, в небольших мастерских, в сфере обслуживания, в том числе на военных базах и в тыловых учреждениях сайгонских и американских войск, в плантационном хозяйстве [38].

Материальное положение народа ввиду милитаризации экономики и набора в армию огромных масс молодого трудоспособного населения приближалось к нищенскому. «Желтые» профсоюзы, усиленно насаждаемые военным режимом, старались «приручить» рабочих и тем укрепить социальную базу диктатуры, но сделать это удалось лишь в отношении наиболее отсталой части пролетариата. Основная масса не пошла на поводу у марионеточного режима Тхиеу — Ки.

Более того, именно рабочий класс, возглавляемый коммунистами, являлся авангардом освободительного движения, его главной движущей силой. Параллельно с организацией забастовок (в 1971 г. общее число их участников было около 200 тыс. человек) [39] рабочие и другие группы трудящихся прибегали к вооруженным формам борьбы. В стране еще после 1945 г. оставались освобожденные районы, против которых правительственные войска проводили одну карательную экспедицию за другой, но всякий раз терпели поражение. В ходе повстанческой борьбы и восстаний в городах укреплялся союз рабочего класса и крестьянства, создавались предпосылки для создания единого патриотического фронта.

Специфической особенностью революции в Южном Вьетнаме, как в свое время в Китае, Корее и других странах, была структурная и территориальная неоднородность революционного процесса, развитие локальных революционных очагов и удержание власти «по частям». В освобожденных районах фактически создавались ячейки будущего общества, новые органы народной власти. Это были опорные базы революции, которая благодаря этому приобретала не только антидиктаторский и антиимпериалистический, но и глубокий социальный характер.

В 1960 г. по инициативе коммунистов был создан На-

циональный фронт освобождения Южного Вьетнама, который объединил все патриотические силы на борьбу против сайгонской клики и стоящего за ее спиной империализма США. Фактически на Юге развернулась гражданская война, в которой принимали прямое участие американские войска. Более того, США в 1964—1968 гг. проводили систематические бомбардировки территории суверенного социалистического государства — ДРВ.

В январе 1973 г. под давлением мировой общественности было наконец подписано соглашение о прекращении войны и восстановлении мира, однако по вине марионеточной клики Тхиеу — Ки политическое урегулирование оказалось сорвано. Американская военщина, хотя и вывела свои войска с Юга, тем не менее активно поддерживала антинародный режим Тхиеу, который развязал серию вооруженных нападений против освобожденных районов, встал на путь фашизации страны. Естественно, что такая антинародная политика привела к обострению социальных противоречий и новому подъему национально-освободительного движения. Трудящиеся Южного Вьетнама стремились путем свержения правящей клики добиться воссоединения страны на единых социалистических началах. В этом состояла главная историческая задача вьетнамской революции[40].

В 1974 г. в Южном Вьетнаме развернулась народная антидиктаторская война. В начале 1975 г. под контролем Временного революционного правительства оказалось до 80% территории Южного Вьетнама. В апреле 1975 г. мощное народное восстание смело реакционный режим Тхиеу. Власть перешла к революционным силам. В июле 1976 г. произошло мирное воссоединение Северного и Южного Вьетнама и была образована единая Социалистическая Республика Вьетнам.

На всей территории страны установилась диктатура пролетариата. Победа народной революции на Юге Вьетнама и воссоединение страны на принципах единого социалистического государства означали коренной поворот в исторических судьбах многострадального вьетнамского народа.

РЕВОЛЮЦИЯ В ЛАОСЕ

Одновременно с борьбой вьетнамских патриотов развивалось революционно-освободительное движение в Лаосе. Еще в годы второй мировой войны здесь развернулось движение Сопротивления против французских коло-

низаторов и японских оккупантов. В конце августа 1945 г., воспользовавшись благоприятным моментом, патриоты начали восстание и захватили власть в ряде городов страны. На этом этапе активное участие в борьбе за независимость принимали и буржуазно-националистические круги, в том числе члены королевского дома принцы Суфанувонг, Суванна Фума, Сомсанит и др. В октябре 1945 г. в столице Лаоса г. Вьентьяне было сформировано Временное правительство и провозглашена независимость страны Лао (Патет Лао), но освободительный процесс был прерван. В начале 1946 г. французские войска вновь вернулись в Лаос. Местные реакционные феодально-аристократические группы приветствовали восстановление французского господства. Вновь на престоле появился король Сисаванг Вонг Однако истинные патриоты из всех слоев населения приняли решение продолжать борьбу за свободу. В пограничных районах с Вьетнамом и Таиландом возникали партизанские базы. Началась длительная война народного Сопротивления, принявшая черты антифеодальной революции. В январе 1949 г. партизанские отряды объединились в Народно-освободительную армию. С августа 1950 г. стал действовать Фронт национального освобождения Лаоса. К 1953 г. почти половина территории страны контролировалась патриотическими силами. В освобожденных районах революционные комитеты крестьян и рабочих проводили глубокие социально-экономические преобразования, создавали новые общественные порядки.

В 1954 г. в соответствии с решением Женевского совещания независимость Вьетнама, Лаоса и Кампучии получила международно-правовое признание. Все военные действия в Лаосе на время политического урегулирования прекращались. Но мирный путь вновь был прерван. При поддержке США королевское правительство в начале 1955 г. развернуло военные операции по подавлению революционных районов. Патриотические элементы аристократической элиты пытались в этих условиях прибегнуть к старой тактике лавирования и компромиссов, но теперь они уже не имели былого авторитета: народные низы действовали все более самостоятельно. Силы патриотов возглавила Народная партия Лаоса (создана из бывших членов Компартии Индокитая в марте 1955 г.; в 1972 г. переименована в Народно-революционную партию Лаоса) во главе с Кейсоном Фомвиханом.

Многие годы военные действия шли с переменным ус-

пехом, но шаг за шагом революция медленно продвигалась вперед. Ситуация осложнилась тем, что королевское правительство прибегло к военной помощи США. Лаос наводнили американские военные советники и специалисты. Фактически началась сначала скрытая, а потом и открытая агрессия.

В мае 1964 г. США начали бомбардировки освобожденной зоны, стали применять напалм, фосфорные бомбы, отравляющие вещества. За период с 1964 по 1971 г. на территорию освобожденных районов было сброшено 3 млн т американских бомб[41].

Но все усилия потопить в крови освободительное движение лаосского народа наталкивались на его непоколебимое мужество и героизм. Работая под бомбами и с оружием в руках, бойцы Народно-освободительной армии, население освобожденных районов продолжали строительство нового, справедливого общества: возводились промышленные предприятия, создавались крестьянские кооперативы, велась активная борьба с неграмотностью, открывались больницы и школы для трудящихся.

В тяжелейших условиях Народно-освободительная армия, координируя свои действия с действиями народных вооруженных сил Вьетнама и Кампучии, добилась крупных побед. К началу 1973 г. революционная народная власть уже упрочилась на $^4/_5$ территории, где проживало более половины населения страны[42]. Революция, преодолев все трудности, порожденные экспортом контрреволюции и агрессией США, победила, а точнее говоря, доказала свою непобедимость.

В феврале 1973 г. во Вьентьяне было подписано соглашение о восстановлении мира и достижении национального единства. Это явилось исторической победой патриотов. Но борьба на этом не закончилась. Спустя год удалось сформировать коалиционное правительство. В конце 1974 и особенно весной 1975 г. в зоне, находящейся под контролем вьентьянской администрации,— на Юге и на Севере страны развернулось массовое движение за ликвидацию реакционного административного и военного аппарата и создание органов народной власти. При помощи Народно-революционной армии без кровопролития повсюду была установлена новая революционная власть. Лаос стал единым государством. В ноябре 1975 г. под давлением масс король отрекся от престола, а 2 декабря 1975 г. была провозглашена Лаосская Народно-Демократическая Республика.

Сразу же после завоевания власти Народно-революционная партия Лаоса заявила о своей решимости вести страну по пути строительства социализма, минуя капиталистическую стадию развития. Банки, крупные предприятия, транспорт, энергетика, печать были национализированы. Началась огромная работа по интенсификации сельского хозяйства, развитию кооперативного сектора и т. д. В результате всех этих мероприятий Лаос вступил в начальную стадию переходного периода.

В своей книге «Революция в Лаосе: некоторые основные уроки и главные задачи» Кейсон Фомвихан подчеркнул мысль о том, что победа «еще раз со всей очевидностью подтвердила, что в современную эпоху любая нация, будь то самая маленькая, способна одержать победу над империалистическими агрессорами, если только во главе этой нации стоит авангард в лице партии рабочего класса, которая умеет правильно и творчески применить марксизм-ленинизм к условиям данной страны, организовать и сплотить все силы нации в сочетании с революционными силами современности, оплотом которых служит социалистическая система»[43]. С этим выводом следует полностью согласиться.

Опыт Лаоса показал, как важно было вести революционную борьбу в союзе с братскими народами Вьетнама и Кампучии, какой полезной и эффективной явилась стратегия создания опорных революционных районов, какие преимущества дает сочетание военных действий повстанческих частей в сельских районах с политическими выступлениями масс в городах. История лаосской революции продемонстрировала подлинную роль тактики политических компромиссов, которую почти всегда успешно проводили патриотические силы, стремясь во что бы то ни стало добиться национального единения. Именно правильное сочетание национальных и демократических задач революции обеспечило ее победу.

КАМПУЧИЯ: ОТ ТРАГЕДИИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ (1970–1979 гг.)

Когда началось открытое вооруженное вмешательство США на Юге Вьетнама и в Лаосе, Кампучия некоторое время не была втянута в конфликт. Правительство принца Нородома Сианука, получившее в 1953 г. статус «независимости» от Франции, пыталось опереться на договор о военной помощи с США (заключен в 1955 г.) и таким путем предотвратить американскую экспансию.

Этот курс поддерживали все прогрессивные силы страны, в том числе и Национальный фронт Кампучии, во главе которого стояла Кхмерская народно-революционная партия (создана в 1951 г., впоследствии Народно-революционная партия Кампучии). Вместе с тем Сианук проводил жесткую линию репрессий против левых сил. По существу его правление носило диктаторский характер.

В этих условиях в оппозиционных кругах стала популярной идея о развертывании вооруженной борьбы против режима.

Особым влиянием в левых кругах пользовалась группа образованной радикальной молодежи, выходцев из зажиточных семей, возвратившаяся в конце 50-х годов из Франции. Среди них были такие деятели, как Салот Сар (Пол Пот), Иенг Сари, Сон Сен и др. Для «парижской группы» был характерен сильный налет троцкизма, идеологии европейских «новых левых», национализма. Это была весьма энергичная и крикливая группировка леворадикального и мелкобуржуазного толка. В конечном счете, не имея сильных конкурентов и физически устранив особенно опасных из них, она захватила ключевые позиции в Народно-революционной партии и лагере левой оппозиции. В дальнейшем это привело к трагическим последствиям.

По инициативе полпотовской группы был взят курс на развертывание «революционной гражданской войны» с целью свержения режима Сианука. В стране началась крестьянская партизанская война отрядов «красных кхмеров», как окрестил их сам Сианук. Это было выступление наиболее обездоленных и пауперизованных слоев, толком не понимавших, за что они борются, но испытывавших острое эмоциональное раздражение и ненависть ко всему городскому. Культ силы, грубость, уравниловка, отрицание знаний, установка на ускоренный марш к коммунизму, включая физическое уничтожение всех колеблющихся или «недостойных»,— таков был идеал Пол Пота и его группы. В политическом плане курс на гражданскую войну в условиях нарастающей экспансии США означал настоящую авантюру. «Эта политика нанесла тяжелый урон революционному движению. Погибли десятки тысяч членов партии и других борцов из народа, существенный ущерб был причинен революционным опорным базам»[44],— подчеркивал Генеральный секретарь ЦК Народно-революционной партии Кампучии, Председатель Госсовета Народной Республики Кампучии Хенг Самрин.

18 марта 1971 г. в результате государственного переворота к власти пришла группа Лон Нола и Сирик Матака, свергнувшая Сианука. Против крестьянских отрядов стали применяться самые жестокие военные акции. Авиация США прибегла к бомбовым ударам по освобожденным районам, в результате чего погибли сотни тысяч человек[45].

Однако освободительное движение подавить не удалось. Патриотические силы к 1973 г. уже контролировали 5 из 17 провинций страны. На северо-востоке продолжала действовать армия Пол Пота, на юге и юго-западе развивалось движение во главе с Ху Юном, в восточных районах сражались интернационалистские и коммунистические отряды Хенг Самрина.

К началу 1975 г. режим Лон Нола вступил в фазу агонии. 17 апреля 1975 г. Народные вооруженные силы освободили Пномпень. В декабре в соответствии с новой конституцией была образована республика — Демократическая Кампучия[46]. Перед страной открылся путь к свободе. Однако левоавангардистская группировка Пол Пота — Иенг Сари, узурпировавшая власть, извратила цели революции, установила полицейско-казарменные порядки, развернула политику самого настоящего геноцида. Это была чудовищная катастрофа и трагедия, прикрываемая левыми фразами о «радикальной социальной революции». Люмпен-пролетарская стихия полпотовцев взяла верх.

Полпотовская клика изгнала население из городов, уничтожила рынки, деньги, закрыла школы, попыталась предать забвению национальные традиции, ликвидировала все демократические права и свободы, отняла у народа средства к существованию, превратила деревни в концентрационные лагеря, заставила трудящихся работать до изнеможения.

В области внешней политики Пол Пот и его окружение выступали против Советского Союза и других социалистических стран, а Вьетнам объявили врагом номер один и развязали против него войну[47].

На повестку дня вновь встал вопрос о спасении народа и революции. Борьбу против полпотовского режима возглавил Единый фронт национального спасения Кампучии во главе с Хенг Самрином, созданный в декабре 1978 г. Антинародная диктатура Пол Пота — Иенг Сари, пытавшаяся путем кровавого террора насадить «казарменный социализм», в результате поражения в войне с Вьетнамом и под ударом вооруженного восстания 7 ян-

варя 1979 г. была свергнута. Народ Кампучии был спасен от полного уничтожения[48].

Огромную помощь братскому кампучийскому народу оказали социалистический Вьетнам, СССР и другие страны социалистического содружества. Народная власть приступила к восстановлению национальной экономики с ориентацией на социалистический путь развития[49].

Образование Социалистической Республики Вьетнам, провозглашение Лаосской Народно-Демократической Республики и ликвидация режима Пол Пота в Кампучии привели к существенному изменению общего соотношения сил в этом районе мира в пользу социализма. Спаянные между собой тесными узами солидарности, три страны Индокитая превратились во влиятельный фактор политики мира и безопасности в регионе. В Юго-Восточной Азии существенно сократилась зона влияния империализма, повысилась роль социалистических государств. Это был сдвиг подлинно мирового значения.

АФГАНИСТАН СТРОИТ НОВУЮ ЖИЗНЬ

Накануне Апрельской революции 1978 г. Афганистан был крайне отсталой и в социально-экономическом, и в политическом отношении страной. До свержения монархии (июль 1973 г.) у власти стояли феодально-клерикальные круги и компрадорская буржуазия, ориентировавшиеся на империалистические державы, преимущественно на США и ФРГ.

С установлением республиканского строя к власти пришла национальная буржуазия. В новое правительство во главе с М. Даудом наряду с буржуазно-помещичьими деятелями вошли сторонники Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), возникшей в 1965 г. Под влиянием левого крыла руководство режима обещало провести «фундаментальные реформы», прежде всего аграрную реформу с целью ликвидации феодальных пережитков и наделения крестьян землей. Национальная буржуазия еще не могла выступить как самостоятельная сила и потому нуждалась в поддержке со стороны офицерства, среди которого большим влиянием пользовалась НДПА.

За два года существования республики группировка М. Дауда политически окрепла и к концу 1975 г. сделала резкий крен вправо, изгнав из правительства сторонников НДПА. По конституции 1977 г., в стране был установлен президентский режим личной диктатуры бонапар-

тистского типа. Против левых сил развернулись репрессии, усилились связи режима с иностранными монополиями. Однако при помощи методов «управляемой экономики» ускорить эволюцию страны от феодализма к капитализму не удалось. К концу 70-х годов Афганистан оставался одним из самых отсталых государств с ежегодным доходом на душу населения около 100 долл. В деревне сохранялись старые порядки, хотя заметно окрепло буржуазное фермерство. Проблемы наделения крестьян землей и кочевничества решены не были. Промышленность фактически отсутствовала. Псевдореспубликанский режим оказался в изоляции. В этих условиях Народно-демократическая партия Афганистана и левое офицерство взяли курс на свержение власти М. Дауда.

Выступление армии 27 апреля 1978 г. носило характер чисто военного переворота, но оно открыло шлюзы революции. Городские низы — рабочие, ремесленники, студенты, интеллигенция — пришли в движение. Возникшее в ходе переворота новое правительство, возглавляемое Народно-демократической партией, приступило к проведению антифеодальных преобразований и строительству политической системы народовластия[50]. Однако государственный переворот Амина (сентябрь 1979 г.) поставил под угрозу все развитие революционного процесса.

На ход революционных событий в Афганистане крайне негативное влияние оказали также некоторые объективные факторы: многоукладность экономики и низкий уровень развития производительных сил; неравномерность экономического, социального и культурного развития различных областей страны; отсутствие закаленного рабочего класса; национально-этническая неоднородность населения и исторически сложившаяся напряженность в отношениях между пуштунами (афганцы) и национально-этническими меньшинствами; неграмотность подавляющей части населения; устойчивость пережитков и традиций общинной и патриархальной (родо-племенной) организации; сохранение власти так называемых традиционных лидеров (старейшин и ханов племен); значительное влияние ислама и устойчивый характер религиозных предрассудков, особенно в крестьянской среде и в ремесленно-торговых слоях городского населения.

Огромный ущерб нанесла развитию революционного процесса необъявленная война, которую развязали против ДРА силы внутренней контрреволюции при широкой помощи и активном участии международной реакции

(правящих кругов США, реакционных режимов ряда мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока и др.).

Свержение 27 декабря 1979 г. патриотическим большинством НДПА и вооруженных сил режима Амина ознаменовало начало нового этапа Апрельской революции, благодаря которому ее прогрессивный характер не только упрочился, но и получил стимул для дальнейшего развития.

Революция глубоко затронула социальный строй страны — уничтожила феодальное и полуфеодальное землевладение, ростовщичество, покончила с империалистической зависимостью, выдвинула на первый план задачи ликвидации неграмотности, эмансипации женщины и т. п.

К важнейшим мероприятиям революционной власти относится земельная реформа. До революции менее 3% населения владели более 30% земельных угодий страны. Реформа установила лимит — 15 акров на семью и бесплатное обеспечение землей безземельных крестьян. Важной задачей является перевод на оседлость кочевых племен, в отношении которого революционное правительство намерено строго соблюдать принцип добровольности. В течение 1980 г. около 3 тыс. кочевых семей стали оседлыми. Принцип добровольности соблюдается и в отношении организации сельскохозяйственных кооперативов. К концу 1980 г. было организовано 1200 кооперативов, объединивших около 10% крестьянских семей.

В решении «ключевой проблемы ДРА» — строительства современной экономики — правительство придает большое значение развитию промышленности. Первый пятилетний план включает развитие легкой, цементной, медной, нефтеочистительной, химической промышленности.

Благодаря растущей поддержке народом правительственных программ, укреплению революционных вооруженных сил, созданию добровольческих отрядов молодежи и особенно помощи Советского Союза революционный процесс в Афганистане успешно продолжается. Однако силы внутренней и внешней контрреволюции ведут жестокую борьбу против афганского народа. На территории соседнего Пакистана существуют десятки лагерей и военных баз, где обучаются и вооружаются тысячи мятежников и иностранных наемников для подрывной деятельности против афганской революции. В самом Афганистане действуют банды душманов.

Для защиты завоеваний революции оказалась необхо-

димой военная помощь со стороны Советского Союза. Без поддержки со стороны социализма достижение победы революций и защита народных завоеваний в Афганистане, Анголе, Кампучии, как, впрочем, и во всех других странах, были бы намного сложнее, а может быть, и вообще невозможны.

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ИРАНЕ

Народное антишахское движение, развивавшееся в Иране многие годы стихийно и параллельно с борьбой рабочего класса против эксплуатации, в 1977—1978 гг. стало приобретать общенациональный характер. Роль политического вождя играло мусульманское духовенство во главе с находившимся в изгнании аятоллой Хомейни. В феврале 1979 г. шахский режим, опиравшийся на поддержку империализма США и пытавшийся осуществить ряд буржуазных реформ по примеру Запада, вступил в острый конфликт с народом. В стране разразился общенациональный политический кризис.

Антишахское движение отличалось широким разнообразием форм народного протеста: мирные политические демонстрации и траурные массовые шествия и процессы, посвященные похоронам погибших борцов; нападения на полицейские участки и налоговые управления; погромы кинотеатров, демонстрирующих западные фильмы, винных и пивных заводов, кабаре; забастовки, занятия помещений, баррикады и уличные заграждения; партизанские вооруженные акции и т. д. — все эти формы всемерно поощрялись духовенством, которое, однако, удерживало массы от вооруженного восстания, надеясь свалить шаха «мирным путем», без кровопролития. Для такого решения имелись как религиозные, но в еще большей мере политические соображения, ради которых широкие массы чуть ли не добровольно, по совету имамов, шли на верную смерть. Армия и полиция в упор расстреливала демонстрантов, забастовщиков, но религиозная верхушка продолжала свою линию, спекулируя на традиционной склонности мусульман к жертвенности ради «высших целей», стремясь во что бы то ни стало избежать открытой конфронтации с армией. Иранская революция не была бы, по-видимому, столь яростной и наступательной, если бы не преклонение масс перед мученичеством и их фанатическая ненависть ко всякой тирании и несправедливости.

Немалое значение имела и своеобразная социальная структура иранского общества. Ввиду миграции в 60-х годах в города более 5 млн сельских жителей в стране образовалась специфическая и массовая социальная сила – обездоленные крестьяне-горожане, которые сформировали широкий маргинальный сектор, примыкающий частично к люмпен-пролетариату, частично – к мелкой буржуазии, развиваясь рядом с рабочим классом, но до поры до времени не смешиваясь с ним. Эти слои шли в основном за «базаром», т. е. мелкой торговой буржуазией города, которая в свою очередь находилась полностью под влиянием религиозной оппозиции. Средние городские слои, охватывающие до 25% самодеятельного населения, активно поддерживали шиитское духовенство в борьбе против шаха.

Что касается крестьянства (примерно 3,6 млн семей), то, ввиду того что значительная часть (до 2,5 млн семей) получила по декрету шаха в собственность небольшие земельные наделы (главным образом за счет конфискованных шахским режимом церковных и помещичьих земель), оно оставалось в стороне от основного потока политической жизни[51].

Революционная ситуация в Иране стала складываться в 1977 г., когда по всей стране по призыву религиозных деятелей прокатилась волна мирных демонстраций. Одновременно развернулось забастовочное движение рабочих – нефтяников, служащих городского коммунального хозяйства. С целью предотвратить накал классовой борьбы шах начал «сверху» процесс «либерализации», однако оппозиционное движение продолжало нарастать.

В сентябре 1978 г. в Тегеране прошла самая крупная демонстрация с участием около 1 млн человек. Шахское правительство ввело военное положение в 12 городах. Все чаще дело доходило до вооруженных схваток. 8 октября 1978 г. Хомейни, находившийся в Париже, стремясь удержать контроль над стихийным движением, провозгласил курс на всеобщее вооруженное восстание с целью свержения деспотической монархии. 16 января 1979 г. шах вынужден был позорно бежать из Ирана. Борьба вступила в новый этап.

С образованием в феврале 1979 г. Временного комитета исламской революции в стране возникло двоевластие. Забастовочное движение охватило 3–4 млн рабочих и служащих. На местах власть брали в свои руки исламские комитеты[52].

В феврале 1979 г. Хомейни прибыл в Тегеран. Массы

жаждали с оружием в руках выступить против старой власти, но религиозные лидеры сдерживали этот порыв, ведя линию на расширение ненасильственных форм сопротивления. Тем не менее 9 февраля 1979 г. в Тегеране стихийно началось вооруженное народное восстание, на сторону которого перешла часть армии. К середине дня 10 февраля город оказался в руках восставших. По признанию главы Временного революционного правительства Базаргана, назначенного Хомейни на этот пост 5 февраля, «нас захлестнула волна событий, и мы внезапно оказались у власти, не успев даже опомниться. Мы были к этому совершенно не подготовлены»[53].

Народные массы вопреки умеренной линии Хомейни и других религиозных вождей с оружием в руках свергли монархию и добровольно вручили власть правительству Базаргана. Во многом такой исход был предопределен тем, что идейно-политической основой антишахского движения служила концепция «исламской революции», разработанная в 60-х годах Р. Хомейни, А. Шариати, М. Талегани и другими высшими духовными авторитетами. Они выдвинули идею о необходимости введения в Иране теократической формы государственного устройства.

Закрепившись у власти, духовенство приступило к исламизации всех сторон жизни иранского общества. Прежде всего эта политика коснулась государственно-правовой сферы. Иран был провозглашен республикой (официальное название страны — Исламская Республика Иран). Принятая в декабре 1979 г., новая конституция базируется на шиитских принципах, основным из которых является принцип принадлежности духовенству верховной государственной власти. С чисто религиозных позиций оценена и иранская революция: ислам назван ее «движущей силой», а «приближение к богу» — ее целью.

Режим Хомейни оказался, однако, не в состоянии вывести Иран из кризиса, в котором он находился накануне революции. Более половины промышленных предприятий страны было закрыто. Война с Ираком еще более осложнила положение. Обострились социальные противоречия. Возросло недовольство рабочего класса экономической политикой исламского режима. Неспособность властей провести эффективную аграрную реформу, тенденция к возрождению феодальных отношений вызвали недовольство крестьянства.

Мелкобуржуазные и полупролетарские слои города по-прежнему остаются самой активной социальной силой

Ирана, для них не утратили привлекательности эгалитаристские лозунги ислама. Именно в этих слоях режим, как и раньше, находит наиболее преданных сторонников. Однако неспособность новой власти реализовать демократический потенциал иранской революции, провести радикальные преобразования в интересах трудящихся, враждебность по отношению к левым политическим организациям свидетельствуют об ее отходе от исламских принципов равенства и справедливости. Шаг за шагом режим Хомейни превращается в контрреволюцию.

Опыт революций в Азии свидетельствует о большом многообразии форм и методов борьбы трудящихся за свое национальное и социальное освобождение. Во всех странах проявилась новая закономерность освободительного движения на Востоке, а именно рост мощи народного фактора. Это в свою очередь способствовало тому, что революции приняли глубокий социальный характер.

Особую остроту приобрела проблема удержания власти и защиты революционных завоеваний. Эта проблема сохраняет центральное значение в Афганистане и Кампучии, где силы внутренней и внешней реакции действуют особенно нагло и активно. Дело осложняется тем, что еще сохраняется значительное несоответствие между передовой, революционной надстройкой и отсталым экономическим базисом. Это крайне затрудняет решение задач переходного периода, требует гибкой и продуманной политики со стороны революционного государства.

Большим своеобразием отличалось в странах Востока и развитие революционной ситуации. В Афганистане она возникла довольно быстро. В Иране, Лаосе и Южном Вьетнаме кризис «верхов» обозначился задолго до революции. В течение ряда лет «низы» самым активным образом, в том числе и вооруженным путем, боролись против диктаторских режимов. В Кампучии, Южном Вьетнаме оформилось мощное народное партизанское движение. В Иране массовое сопротивление носило более мирные формы ввиду соответствующей ориентации со стороны религиозных вождей. Религиозный фактор окрасил в свои специфические тона весь ход иранской революции.

Пример Афганистана и Кампучии показал, что революция в этих странах прошла два различных этапа: после первичного установления новой власти произошло реакционное перерождение руководства ввиду предательства Амина в Афганистане и Пол Пота в Кампучии, а затем последовал второй этап революции, приведший

к победе народно-демократических сил и утверждению курса на социализм.

В ряде стран (Лаос, Южный Вьетнам, Кампучия) политическое руководство революционной борьбой масс осуществляли не только революционные партии, но и военно-политические фронты, сочетающие в себе на разных этапах функции партии, партизанского соединения и революционной государственной власти на освобожденных территориях.

Во всех других странах, за исключением Ирана, борьба завершилась победой народно-демократических сил и установлением власти рабочего класса в союзе с крестьянством и городскими трудовыми слоями. Политическое руководство прочно взяли в свои руки марксистско-ленинские партии, возглавившие строительство нового общества.

Если исходить из формальных критериев, то на повестке дня на Востоке стояло капиталистическое развитие. Эту линию, собственно говоря, и проводили в жизнь, причем весьма энергично, Реза Пехлеви в Иране, Дауд в Афганистане, Тхиеу в Южном Вьетнаме. Политика стимулирования капиталистического развития поддерживалась также империализмом, который стремился убить сразу двух зайцев: дать толчок росту местных производительных сил и сохранить свое экономическое господство на Востоке.

Однако именно ускоренное развитие капитализма «сверху» не устраивало народные массы, поскольку не улучшало их материального положения, не вело к независимости, не расширяло, а сужало демократию, т. е. сопровождалось самыми негативными явлениями, обостряя и без того острые социальные противоречия. Возникла историческая дилемма: либо болезненная и медленная модернизация традиционных структур на буржуазный лад, либо социальная революция с целью быстрого перехода на новый, некапиталистический путь развития и радикальной перестройки общественной жизни. Народно-революционные силы избрали вторую перспективу, поднявшись на решительную борьбу со старым строем. Местная буржуазия не только оказалась в стороне от этого исторического процесса, но и активно выступила против революционных преобразований, чем обрекла себя на политическую смерть.

Особое, можно сказать исключительное, значение в ряде стран Востока, и прежде всего в Иране, приобрел так называемый исламский фактор. Возник и получил

широкую массовую поддержку политический ислам. В каждой стране он имел различный смысл и направленность – от некоего «исламо-марксизма» иранского социолога и писателя Али Шариати до «исламо-фашизма» иранской группировки Хезболла, проповедующей идею «одной партии – партии аллаха и одного вождя – Хомейни».

Ислам всегда имел сильные позиции на Востоке, объединяя под своими знаменами 700 млн человек, но в 60–70-х годах XX в. произошел необыкновенной силы взрыв исламского национализма, окрасившего в специфические тона революционные процессы в Алжире, Афганистане, Египте, Ираке, Иране, Южном Йемене, Ливии, Сирии и др. Политический ислам стал своего рода общим знаменем борьбы против «капиталистического Запада», а в некоторых случаях (Иран, Сомали, Пакистан) – и «против социалистического Востока», за свой «правоверный» путь.

Ислам в зависимости от ситуации мог играть и позитивную, и негативную роль. Курсу Хомейни, например, изначально была присуща критика американского империализма. Ислам Насера имел позитивный, антиимпериалистический настрой, а ислам Садата носил сугубо проимпериалистический и антикоммунистический характер.

Режим Хомейни, искренне продолжая служить аллаху и корану, в конечном счете скатился в болото самой настоящей контрреволюции и мракобесия: партия ТУДЕ была утоплена в крови, женское и молодежное движение парализовано, профсоюзы дезорганизованы, в стране установлен инквизиторский террор. Теократический режим отбросил Иран назад, в средневековье.

Опыт, накопленный в 70-х годах народами стран Азии, оказался, таким образом, чрезвычайно важным и богатым. На практике проявилась огромная разница между революционностью народных масс, способных, не останавливаясь на полпути, идти до конца, с одной стороны, и мелкобуржуазным революционаризмом, который даже в своей наиболее радикальной форме остерегается зайти слишком далеко, постоянно опасается энергии «низов», в трудной ситуации склонен к компромиссу, подвержен колебаниям, а иногда способен на предательство интересов революции, – с другой.

В самом обнаженном виде предстала предательская линия политических лидеров вроде Пол Пота, Амина

или Хомейни, поставивших свои амбиции выше нужд и интересов народа.

Со всей очевидностью выявилась и реакционная роль империализма — этого главного врага всякого прогресса и демократии, всякого движения вперед.

Тяжелый и поистине выстраданный опыт показал, что в современных условиях только сам народ способен обеспечить поступательное развитие революции и ее победу. Важным фактором, без которого нельзя обойтись в этом историческом деле, является солидарность и братская поддержка со стороны Советского Союза и других социалистических стран.

80-е ГОДЫ: БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В 80-х годах мировой революционный процесс развивался в обстановке острейшей конфронтации двух социальных систем и резко возросшей опасности ядерного конфликта. После краткого периода относительной разрядки международной напряженности империализм перешел к политике социального реванша, стремясь компенсировать те поражения, которые он потерпел в 70-х годах. Самые агрессивные группы монополистического капитала поставили в качестве главной задачи силовое подавление всех форм революционно-освободительного движения и массового социального протеста: в США, Западной Европе и Японии произошел резкий поворот политического курса вправо; против Кубы, Гренады, Никарагуа и Сальвадора был организован широкий и открытый экспорт контрреволюции; аналогичные атаки предприняты против Анголы, Мозамбика, Эфиопии и других стран социалистической ориентации; в Польше при поддержке США подняла голову внутренняя контрреволюция. Все это были звенья одной цепи, одной контрреволюционной политики.

Ухудшение международной обстановки привело к двум неоднозначным последствиям: к росту пассивности части трудящихся, распространению среди них настроений неуверенности, с одной стороны, и к политическому просвещению и закаливанию масс, к расширению зоны их социального протеста — с другой. Империализму не удалось ни остановить углубление социальных антагонизмов, ни «оздоровить» в неоколониальном стиле свои отношения с развивающимися государствами.

В 80-х годах на отдельных участках фронта классовых битв и освободительных движений прогрессивным силам

удалось достичь значительных успехов: в Бразилии, Аргентине, Уругвае диктатура военно-фашистских режимов сменилась восстановлением буржуазно-демократических порядков, окрепло движение неприсоединения, всемирные масштабы приобрели антивоенные выступления, на новый рубеж вышло международное рабочее движение.

В социально-политическом плане наиболее острые классовые бои в первой половине 80-х годов произошли в Южной Африке, на Гаити и в Чили. Они не вылились в социальные революции, но вплотную приблизились к ним, знаменуя собой переходный этап от революционного цикла 70-х годов к будущему циклу народных революций.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БУРЯ НАД ЮЖНОЙ АФРИКОЙ

Южно-Африканская Республика, будучи самым богатым государством на континенте, в течение многих десятилетий стояла в стороне от эпицентра антиимпериалистической борьбы. Привилегированное положение белого меньшинства, забитость и политическая отсталость африканских масс, племенная рознь, страх перед всесильным режимом апартеида* и монополистической олигархией — все это сковывало развитие освободительного движения. И хотя в стране нередко вспыхивали забастовки, проходили антирасистские демонстрации, в целом положение оставалось более или менее стабильным.

В середине 80-х годов ситуация резко изменилась. Под влиянием освободительной борьбы соседних африканских народов все пришло в движение. Угнетенные слои черного трудового населения утратили страх перед насилием и смертью, ибо жить «по-старому» стало для них просто невозможно. Открытое неповиновение антинародной власти буржуазно-бюрократической белой олигархии Претории, защищающей интересы местного крупного капитала и международных корпораций, приобрело всеобщий характер. Реакционный режим П. Боты, установленный в 1978 г. после отставки расиста Форстера, намеревался при помощи грубого насилия «навести по-

* Режим апартеида (раздельного развития рас) был установлен еще в 40—50-х годах XX в. Африканское население было лишено всяких прав, основная часть территории страны объявлена «белыми районами», миллионы африканцев загнаны в резервации.

рядок», но эффект оказался иной: африканское большинство поднялось на открытую борьбу против режима апартеида. Даже религиозные организации, объединяющие лиц различной расовой принадлежности, обратились к народу с призывом начать кампанию «гражданского неповиновения».

Эта форма массового движения имела в ЮАР глубокие исторические корни. Еще в начале века рабочие-иммигранты из Индии по призыву Ганди организовали первые кампании неповиновения. Эту тактику проводили патриотические организации, прежде всего созданный в 1912 г. Африканский национальный конгресс Южной Африки (АНК). За истекшие десятилетия АНК превратился в авторитетную политическую партию, которая встала во главе антирасистского и антиимпериалистического движения. Его левое крыло по идейно-политическим установкам близко стоит к Южно-Африканской коммунистической партии и действует в союзе с ней (создана в 1921 г.).

Руководство АНК стремится соединить воедино разрозненные классовые и антирасистские выступления. Под влиянием объективных условий постепенно стала формироваться убежденность в необходимости использования не только мирных, но и вооруженных форм борьбы. В 1985 г. был создан Объединенный демократический фронт, который взял курс на подготовку к народной войне и создание опорных революционных баз [54].

До этого в течение 70 лет АНК проводил курс на ненасильственное сопротивление в духе гандистской сатьяграхи [55], но в новой обстановке счел эту форму протеста малоэффективной или во всяком случае не универсальной.

Президент АНК Оливер Тамбо в 1986 г. отметил, что первоначальная стратегическая цель революционеров состоит в том, чтобы «сделать апартеид недействующим, а страну — неуправляемой» [56]. Нужно признать, что эта цель в основном была достигнута: в ЮАР сложилась затяжная кризисная ситуация. Стачечное движение рабочих приняло массовый характер. К сожалению, режиму удалось противопоставить друг другу два основных отряда пролетариата. Из 6,9 млн человек, работающих по найму, 4,7 млн, или 68,2%, составляли африканцы. Примерно такое же соотношение (3 : 1) наблюдалось в структуре промышленного пролетариата. В сельском хозяйстве доля рабочих-африканцев в 1970 г. достигла 86% [57].

В положении белых и черных пролетариев в ЮАР всегда была и остается существенная разница. Разрыв в оплате в среднем составляет 1 : 4, а по отдельным отраслям он еще выше. Такое положение чрезвычайно затрудняет достижение единства. Лишь в 1982 г. была создана общенациональная федерация черных и белых антирасистских профсоюзов – Конгресс южноафриканских профсоюзов, – которая объединила более полумиллиона человек[58].

Рабочий класс ЮАР – это главная сила сопротивления. В борьбе также участвуют студенчество, прогрессивная интеллигенция, мелкая и средняя буржуазия, священнослужители. Для большинства африканского населения наиболее приемлемой формой борьбы пока остается ненасильственное сопротивление – проведение маршей и демонстраций, стачек, митингов, бойкота распоряжений властей, другие формы неповиновения.

Однако опыт показал необходимость сочетания ненасильственных и насильственных (вооруженных) форм борьбы. Первыми выступили за вооруженные формы борьбы коммунисты, по инициативе которых еще в 60-х годах была создана тайная военная организация «Умконто ве сизве» (Копьё нации). В начале 80-х годов необходимость повстанческого движения признало и руководство АНК. Важную роль в выработке такого решения сыграл пример революционного повстанческого движения в Анголе, Мозамбике и Зимбабве. В итоге была сформирована подпольная Народная армия АНК. В первой половине 1985 г. партизаны сумели провести более 40 боевых акций. Постепенно в ЮАР расширяется зона вооруженного сопротивления. Это свидетельствует о чрезвычайно важном сдвиге в общественном сознании африканского населения.

Кризис системы апартеида привел к расколу и внутри белой общины: против твердолобых расистов выступает буржуазно-реформистская группировка, которая полагает, что без уступок не обойтись. Но речь идет не о косметической «либерализации» расизма, а о его полном и немедленном уничтожении. За эту цель и ведет борьбу народ Южной Африки. Специфика состоит в том, что здесь движение национального освобождения против расизма как особой «внутренней» формы колониализма сочетается с борьбой рабочего класса против господства местного монополистического капитала. В современных условиях речь идет не о ликвидации капиталистического строя, а о сломе расистского политического режима.

В этой борьбе способны участвовать все демократические силы ЮАР.

Вторая национальная консультативная конференция АНК (июнь 1985 г.) утвердила курс на свержение режима Боты и «взятие народом власти путем сочетания массовых политических выступлений с вооруженной борьбой»[59]. Народные массы Южно-Африканской Республики поднимаются на решающий бой с расизмом за демократию, национальную и социальную свободу. Предстоит длительная и тяжелая борьба.

ПАДЕНИЕ АНТИНАРОДНОЙ ДИКТАТУРЫ НА ГАИТИ

Начало 1986 г. ознаменовалось неожиданным, хотя и давно назревшим, событием в Карибской Америке: в ночь с 6-го на 7 февраля «наследственный и пожизненный президент» Республики Гаити Жан-Клод Дювалье позорно бежал из страны, спасаясь от гнева народа. Падение диктаторского режима, установленного отцом отвергнутого президента еще в сентябре 1957 г., явилось результатом общенародного протеста, который едва не вылился в революцию. Именно в целях «успокоения» масс и сохранения полицейского режима посол США по сигналу из Вашингтона «посоветовал» диктатору срочно покинуть страну, что тот и сделал, прихватив «на память» всю государственную казну.

Негритянская Республика Гаити, расположенная на территории западной части одноименного острова (площадь — 77,1 тыс. кв. км, население — 2,1 млн человек), является одной из самых отсталых и бедных стран мира. Хотя она первой в Латинской Америке, еще в 1802 г., завоевала формальную независимость, в течение 180 лет была и остается в подлинно колониальном рабстве у своего могущественного северного соседа. США контролируют все сферы ее жизни.

Диктатура семьи Дювалье опиралась на поддержку Вашингтона и умело паразитировала на общей отсталости народа. Ее главным орудием были насилие (более 50 тыс. убитых и замученных) и религиозно-мистические манипуляции старшего Дювалье — «папы Дока», пользовавшегося у невежественных масс авторитетом колдуна и повелителя. Культ «воду» с его ритуальным фанатизмом и послушанием «высшим силам», которых якобы представлял «папа Док», террор и пытки со стороны специальных полицейских банд «тонтон-макутов» (оборот-

ней)*, демагогия и страх — вот что определяло жизнь гаитянского народа в течение трех мрачных десятилетий «дювальизма». Это был один из самых жестоких военно-полицейских режимов: никакой оппозиции, никакого парламента, никаких профсоюзов — открытая террористическая диктатура, и только. Голод, нищета, невежество, огромный внешний долг (400 млн долл.), истощение земель, безработица, дизентерия и туберкулез — таковы главные характеристики, применимые к Гаити в годы правления Дювалье. По данным экспертов ООН, около 70% населения жило в условиях ниже «абсолютного уровня бедности». Нация была на грани гибели. Сотни тысяч людей нелегально бежали из страны, спасаясь от насильственной или голодной смерти[60].

Патриотические силы сопротивлялись, но не могли нанести сильного удара. По закону 1969 г. только за принадлежность к компартии или даже за ведение разговоров «подрывного характера» предусматривалась смертная казнь.

Главной причиной длительного существования тирании, как отметил руководитель Объединенной партии гаитянских коммунистов Р. Теодор, был не страх перед наказанием, а отсутствие «политической силы, способной объединить разрозненные течения демократического направления»[61].

Такой силы нет и поныне, но с начала 80-х годов наметилась тенденция к единству оппозиционных течений, а главное, стихийно начало нарастать движение протеста, которое было поддержано церковью. Последнее обстоятельство сыграло особую роль.

В стране стала назревать революционная ситуация. В конце 1985 — начале 1986 г. в ряде городов прошли демонстрации под лозунгом «Долой Дювалье!». Наметился раскол среди офицерства. На местах по инициативе коммунистов возникли комитеты самозащиты. В этой обстановке в Вашингтоне было решено пожертвовать Дювалье ради сохранения на Гаити «дювальизма», т. е. антинародной власти проимпериалистической военно-полицейской мафии.

Бегство диктатора и учреждение военной хунты не успокоило массы, а, напротив, вызвало мощный прилив энергии. В городах одна за другой вспыхивали забастов-

* Отряды «тонтон-макутов» насчитывали до 20 тыс. человек. Они рекрутировались из уголовников и безработных. Рядовые «оборотни» не получали жалованья и «добывали» себе средства к жизни грабежом и насилием, наводя ужас и страх на все общество.

ки. Пришло в движение студенчество. Участились контакты оппозиционных партий и групп, выступающих за полное восстановление демократии.

Развитие народного движения осложняется, однако, тем, что существует угроза прямой интервенции США и повторения «гренадского эксперимента». Удастся ли гаитянским революционерам в этих условиях продвинуться вперед, сказать трудно: все зависит от способности передовых сил нации организовать социальный протест масс.

ЧИЛИ: НАРОД ПРОТИВ ФАШИЗМА

В середине 80-х годов произошел принципиальный сдвиг в развитии антифашистского сопротивления в Чили. До этого в течение всего периода после сентябрьского переворота Пиночета в 1973 г. в стране ни на день не прекращалась борьба против тирании, однако силы демократии действовали разрозненно. Тяжелый груз поражения Народного единства и кровавый террор сковывали инициативу масс. Постепенно, однако, наметился перелом.

В сентябре 1980 г. КПЧ взяла курс на подготовку народного вооруженного восстания с целью свержения фашистской диктатуры. Главным условием успеха, подчеркивали коммунисты, является достижение боевого единства демократических сил. При этом были пересмотрены старые догмы и отмечено, что политика, которая предварительным условием активных действий ставит единство, является неэффективной и следует действовать в обратном порядке. Единство достигается в борьбе, а не до нее[62]. Далеко не все оппозиционные силы поддерживают курс на вооруженные методы борьбы, считая, что Пиночета можно свалить «мирным путем». Будущее покажет, как произойдет этот процесс. Ясно одно — без сопротивления фашизм своих позиций не сдаст.

С конца 1982 г. в Чили наметился устойчивый подъем массового движения. С мая 1983 г. было проведено несколько Дней национального протеста. Особенно активные акции антидиктаторского протеста прошли в конце 1984 — начале 1985 г. Сотни тысяч чилийцев в июне 1986 г. приняли участие в антидиктаторских демонстрациях и митингах. По всей стране прокатилась всеобщая 48-часовая забастовка протеста.

Это самое крупное выступление трудового народа ознаменовало глубокий кризис диктатуры Пиночета. Карательные подразделения спецслужб и армии почти еже-

дневно применяют против безоружных чилийцев оружие, гранаты со слезоточивым газом, мощные водометы. Тысячи патриотов брошены в тюрьмы. Но народ Чили непреклонен: он решительно выступает против режима Пиночета.

Антифашистское движение в Чили весьма сложно и неоднородно по своей природе, поскольку в нем участвуют десятки политических партий и группировок. В известной мере повторяется уже знакомая по периоду Народного единства картина внутренних споров и междоусобиц по поводу определения стратегических и тактических установок борьбы. Единый фронт против Пиночета еще не сложился, существует лишь договоренность «в верхах» антифашистского лагеря.

В авангарде борьбы идут коммунисты и социалисты, хотя и они имеют разные точки зрения. Свою линию проводят христианские демократы. Опять начинают действовать ультралевые и анархистские течения, игнорирующие всякие промежуточные цели и призывающие к осуществлению немедленной социалистической революции.

Чили 80-х годов — это огромный бурлящий политический котел, фашистская «крышка» которого вот-вот будет снесена революционным взрывом. Повторится ли в Чили эксперимент с постепенной либерализацией по типу Бразилии, Аргентины и Уругвая, пойдет ли развитие событий по сандинистской модели народного восстания, или диктатор в один прекрасный момент, как Жан-Клод Дювалье, сбежит от суда народа, покажет будущее. Ждать, судя по всему, остается недолго.

Развитие антифашистского сопротивления в Чили, народные волнения на Гаити, борьба с апартеидом в Южно-Африканской Республике — это свидетельство непрекращающегося обогащения форм и методов политической деятельности революционных сил в новых исторических условиях. В отличие от периода 70-х годов, когда в обстановке разрядки международной обстановки сложились более благоприятные условия для проявления освободительно-революционных потенций угнетенных народов, в 80-х годах империализм сумел организовать мощное контрнаступление, заставив прогрессивные силы в некоторых районах мира временно перейти к оборонительной стратегии.

Наступило время «переваривания» уроков новейшего революционного опыта, выработки новых стратегических установок, перегруппировки классовых сил, т. е. в конеч-

ном счете приспособления к новым историческим условиям классовой борьбы.

«Изменения в современном мировом развитии настолько глубоки и значительны,— подчеркивалось в Политическом докладе ЦК КПСС на XXVII съезде Коммунистической партии Советского Союза,— что они требуют переосмысления, комплексного анализа всех его факторов. Обстановка ядерного противостояния обязывает к новым подходам, способам и формам взаимоотношений между различными социальными системами, государствами и регионами»[63]. Проблемы и кризисы, переживаемые миром капитала, развиваются и возникают в собственных недрах капиталистического общества, представляя закономерный результат углубления внутренних социальных антагонизмов. На каких-то участках капитализму удается добиваться социального реванша, возвращения ранее утраченных позиций, но ход истории необратим: борьба за социальный прогресс, мир и свободу, за демократию и независимость продолжается.

Глава восьмая

ХАРАКТЕРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Мировое развитие подтверждает фундаментальный вывод марксизма-ленинизма о том, что история общества – не сумма случайных слагаемых, не беспорядочное «броуново движение», а закономерный поступательный процесс. Его противоречия не только выражают приговор старому миру, всему, что мешает двигаться вперед, но и являют собой источник, движущую силу общественного прогресса. Прогресса, который разворачивается в условиях борьбы, неизбежной, пока существуют эксплуатация и эксплуататорские классы.

М. С. Горбачев. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ

В предыдущих главах мы стремились проследить накопление международного революционного опыта на примере отдельных стран и регионов. Теперь, когда такой обзор завершен, можно выделить некоторые наиболее характерные тенденции мирового революционного процесса. Они зависят как от объективных, так и от субъективных факторов классовой борьбы, внутренних и международных условий. Эти факторы и условия не статичны, а постоянно меняются, что прямо отражается на динамике и формах борьбы. Сама же эта борьба, взятая во всей своей совокупности, также упорядочена, имеет некоторые общие закономерности. Они проявляются по-разному и с неодинаковой силой, т. е. действуют как определенные тенденции.

За короткий срок, отделяющий нас от Октября 1917 г., в мире произошли поистине исторические изменения, которые в совокупности создали нынешнюю структуру политической жизни человечества. Эту струк-

туру можно рассматривать с разных точек зрения: как итог общественного развития и классовой борьбы в предшествующие десятилетия, как объективную реальность, в условиях которой в настоящее время развертывается классовая борьба, как предпосылку и фундамент ее будущего развития.

Все эти стороны взаимосвязаны и образуют единое целое. В историко-хронологическом и географическом плане эта целостность складывается из различных по характеру революционных процессов, каждый из которых сохраняет свою самостоятельность и оригинальность.

К главнейшим общим тенденциям мирового революционного процесса XX в. относится прежде всего поступательное развитие социализма, начатое победой Великого Октября. Мировой социализм сегодня — это мощное международное образование, во многом определяющее ход общественного прогресса в мире.

В целом ряде государств Азии, Африки и Латинской Америки упрочилась социалистическая ориентация.

Сужение сферы капитализма, расширение зоны реального социализма и социалистической ориентации — главная и определяющая тенденция всего XX в.

Такой кардинальный сдвиг обусловлен прежде всего выдвижением международного рабочего класса в центр общественной жизни человечества. Ведущая роль рабочего класса определяет перспективы всего мирового революционного процесса. В нем участвуют и другие социальные силы, в том числе непролетарские слои и классы. Их борьба зачастую не направлена непосредственно против капитализма, но она в огромной степени способствует общему ослаблению империализма, постепенно подводит массы к борьбе против эксплуататорского строя. Общая антиимпериалистическая направленность всех потоков мирового революционного процесса обусловливает их взаимосвязь и взаимодействие. В одиночку мировому социализму, рабочему классу стран капитализма, силам демократии и национального освобождения было бы значительно труднее вести борьбу с реакцией и угнетением. Не случайно буржуазная пропаганда с особым рвением старается нанести удар именно по целостности мирового революционного процесса, разобщить его по «национальным квартирам» и тем ослабить общую силу. Успешное развитие мирового революционного процесса немыслимо без боевого единства всех ее составных частей и потоков. В социальном плане это означает жизненную необходимость укрепления союза ра-

бочего класса с крестьянством, городскими средними слоями, студенчеством и другими трудовыми группами населения при ведущей роли рабочего класса. Непролетарские участники революционной борьбы — это огромная сила, без поддержки которой рабочий класс обречен на самоизоляцию и неизбежное поражение.

Одной из важных черт революционной борьбы в XX в. является то, что она в силу своего всемирного размаха идет неравномерно. Революции развивались либо по цепочке, в хронологической последовательности, либо более или менее одновременно, образуя мощные «выбросы» социальной энергии. При этом каждый такой «выброс» имел некий главный центр, вокруг которого группировались все другие революции одного и того же цикла.

Так, в 1905—1917 гг. (до Октября) центральное место принадлежало народной революции 1905—1907 гг. в России. Именно она, а не младотурецкая или даже февральская революция 1917 г. определила общий дух первого революционного цикла XX в. как прежде всего общедемократического по своим целям и характеру.

В 1917—1923 гг. ядром нового революционного цикла стала Великая Октябрьская социалистическая революция. Ведущей силой революций в Европе (Финляндия, Австрия, Германия, Венгрия) выступил пролетариат, выдвигавший в качестве главной цели установление власти Советов.

Затем последовал довольно длительный период (примерно 20—25 лет), в течение которого революционные процессы развивались как бы по цепочке: Китай — 1925—1927 гг., Никарагуа — 1927—1934 гг., Куба — 1933 г., Бразилия — 1935 г., Испания — 1936—1939 гг. Наибольшее международное звучание приобрела в этот период китайская революция.

В 40-х годах, в период освободительной борьбы против фашизма, произошел третий мощный революционный взрыв, приведший к победе социализма сразу в 11 странах и образованию мировой социалистической системы.

В 50-х годах вновь сложилась последовательная цепь революций (Алжир, Египет, Куба), которая сменилась «африканским взрывом» 60-х годов и серией военно-националистических революционных переворотов.

И наконец, в 70-х годах возник еще один мощный взрыв революционных выступлений, который завершился победой народных сил в новой группе стран (Ливия, Эфиопия, Никарагуа, Ангола, Мозамбик, Южный

Йемен, Зимбабве, Южный Вьетнам, Лаос, Кампучия, Афганистан и др.).

Столь неравномерная пульсация отражает определенные взаимосвязи и взаимовлияния внутри мирового революционного процесса, который не может развиваться каким-либо иным способом, поскольку является живым делом живых людей, а не мертвой абстрактной схемой.

Общий кризис капитализма налицо, однако готовность масс к революции, их активность в разных странах различны. Несовпадение ритмов развития отдельных потоков революционного процесса вызывает известные противоречия и трудности. При умелой координации действий и политике революционной солидарности эти трудности удается преодолевать. Призывы ультралевых оппортунистов искусственно экспортировать революцию в те страны, где ее наступление, по их мнению, «слишком долго задерживается», в корне противоречат не только теории марксизма-ленинизма, но и исторически обусловленной неравномерности развития классовой борьбы.

Как свидетельствует исторический опыт, к числу важных закономерностей революционных процессов в нашу эпоху следует отнести постоянное расширение их социальной базы, так сказать, развитие «вширь». В борьбу все активнее втягиваются новые поколения рабочих, крестьян, студенчества, служащих, интеллигенции и других групп населения. Это порождает некоторые сложности ввиду политической неопытности новых борцов, но в целом данный факт неизбежен и имеет в высшей степени положительное значение. Историю творят миллионные массы простых людей, которые не хотят и не могут жить «по-старому», стремятся к ликвидации всех форм эксплуатации и угнетения.

Наряду с этим происходят постоянное углубление социального содержания и обогащение форм классовой борьбы, так сказать, развитие революционных процессов «вглубь». Это проявляется в том, что в целом ряде стран успешно идет социалистическое строительство, в капиталистических государствах борьба пролетариата все чаще нацеливается против буржуазной системы, антиимпериалистическое освободительное движение наполняется новым содержанием, перерастает в борьбу за социалистическую ориентацию развития.

Мировой революционный процесс развивается в борьбе со своей противоположностью — мировой

контрреволюцией, наличие и действенность которой также можно представить в виде общей тенденции общественного развития в XX в.

Вопрос о взаимосвязи революции и контрреволюции как единстве и борьбе противоположностей широко освещен в марксистской литературе, и здесь нет смысла повторять известное[1]. Нас в данном случае интересует лишь международный аспект противоборства революции и контрреволюции.

В XX в. контрреволюция по своим формам и характеру стала особенно многообразной, как бы объединив в себе все ее прежние исторические формы: феодальная контрреволюция вела борьбу против революции буржуазной, как это было, скажем, в Мексике в 1910—1917 гг.; буржуазная контрреволюция противостояла социалистическим революциям; империализм путем прямой и косвенной интервенции боролся против всех видов революций, которые угрожали интересам мирового капитала; фашизм развязал войну против Советского Союза и стремился повсюду подавить демократию; США и другие империалистические державы ради контрреволюционного реванша за понесенные в XX в. поражения теперь готовы поставить на карту саму жизнь человечества, лишь бы подавить социализм и восстановить повсюду капиталистические порядки. Опираясь на международный опыт контрреволюции, ее современные организаторы и исполнители используют весь арсенал средств — от заговоров и убийств до интервенций и войн.

Социальной базой контрреволюции были и остаются те классы и группы, которые сходят с исторической сцены: эксплуататорские классы и обслуживающая их военно-государственная бюрократия, деклассированные элементы, наемники. Контрреволюция, взятая во всей своей совокупности, защищает интересы не только умирающих классов, но частично и интересы некоторых слоев общества, которые не могут быть удовлетворены революцией. Так, разочарование «плодами» победы Народного единства в Чили временно толкнуло часть средних слоев в сторону фашизма. Контрреволюция умело спекулирует и на левом радикализме студенчества, подкармливает террористические «красные бригады» в Италии и т. д.

К. Маркс в предисловии к «К критике политической экономии» писал, что «эпоха социальной революции» наступает тогда, когда производственные отношения становятся тормозом на пути развития производительных сил,

приходят в противоречие с ними[2]. Отсюда со всей очевидностью вытекают и объективные причины социальной контрреволюции, которая независимо от своей формы защищает обратную тенденцию и стремится силой или обманом восстановить утерянное равновесие, сохранить умирающие производственные отношения и соответствующие им юридические, политические, религиозные, идеологические формы, т. е. не допустить социальной революции или подавить ее. Так эпоха социальной революции порождает противостоящую ей эпоху контрреволюции. В этом смысле можно сказать, что XX век — это век постоянной, перманентной контрреволюции в ее борьбе с мировым революционным процессом.

Иногда контрреволюция способна дать определенное движение вперед, но «по-своему» и только с целью предотвращения крупного социального взрыва. Такую роль играли реформы «сверху», которые проводили Бисмарк в Германии, Столыпин в России, шах в Иране. В данном случае нас интересует не бонапартизм как форма «контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»[3], а самая обычная контрреволюция, контрреволюция, так сказать, в «чистом виде». Формы такой контрреволюции, как показал опыт XX в., поистине неисчерпаемы: фашистская, расистская, колониалистская, антикоммунистическая, агрессивно-империалистическая, буржуазно-соглашательская, помещичья, исламская, мелкобуржуазная, леворадикальная и т. д. В последние годы возникла особая форма контрреволюции, которую проводят транснациональные корпорации. Администрация Рейгана мечтает о своего рода космической контрреволюции «звездных войн».

Фактически существует и действует некая объединенная мировая контрреволюция во главе с империализмом США. Ее общая функция сводится к тому, чтобы уничтожить или хотя бы ослабить социализм, раздавить международное рабочее движение и подавить освободительную борьбу народов. Эту цель она стремится осуществить любыми средствами, вплоть до атомной войны.

В конкретной политической жизни все действия контрреволюции чрезвычайно многообразны и подчас достаточно эффективны. Бороться с ними нелегко. Сложность усиливается тем обстоятельством, что революции XX в. побеждали до сих пор не в самых передовых странах, т. е. имели изначально слабую экономическую базу.

И наоборот, оплотом современной контрреволюции являются самые сильные империалистические державы — США, Англия, ФРГ, Япония и их союзники по НАТО. База для международной контрреволюции более чем достаточная, не говоря уже о ее внутренних предпосылках в каждой отдельно взятой стране.

Различие старых и современных форм контрреволюции еще и в том, что раньше, во всяком случае до Парижской коммуны, речь шла о переходе от феодальной к капиталистической формации, но в рамках сохранения эксплуататорской цивилизации. Теперь речь идет о переходе к социализму и коммунизму, т. е. о ликвидации всякой эксплуатации и переходе к неэксплуататорской, коммунистической цивилизации. Разумеется, контрреволюционная тенденция в таких условиях становится еще более мощной и изощренной, еще более жестокой и насильственной. Полагать, что мировой революционный процесс может легко и просто подавить эти реакционные тенденции, — значит предаваться иллюзиям и опасным заблуждениям. XX век показал все тяжелейшие последствия «кровожадной агонии старого общества»[4], как характеризовал такую буржуазную контрреволюцию К. Маркс.

«Кровавые муки родов нового общества»[5] не закончились в 1917 г., а только начались. Они продолжаются и поныне. Более того, они становятся все более тяжелыми ввиду возросшего сопротивления контрреволюционных сил. Гигантские революционные свершения XX в. не должны затемнять мощь и возможности современной контрреволюции.

Важно понять, что контрреволюция — это не только внешний враг, но и некая потенция, таящаяся в лоне самого мирового революционного процесса. Эта потенция может превратиться в контрреволюционное движение невежественного крестьянства наподобие банд УНИТА в Анголе, в предательство армии и фашистский переворот, как это случилось в Чили, в выступление мелкобуржуазных слоев против новой революционной власти по примеру «левых» эсеров в 1918 г. и т. д. «Всходы» могут быть самыми различными.

«Никогда не бывало и никогда не может быть такой классовой борьбы, когда бы *часть* передового класса не оставалась на стороне реакции. И то же относится к гражданской войне, — писал В. И. Ленин. — Часть отсталых рабочих неизбежно помогает — на более или менее короткое время — буржуазии»[6]. Тем более такая тенденция

свойственна классам и слоям непередовым, отсталым, консервативным.

Защита от всех внешних и внутренних форм контрреволюции — это одна из высших задач революции. «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...» [7] — писал В. И. Ленин. Это относится, разумеется, и к развитию мирового революционного процесса в целом. Без умения защищаться он обречен на поражение. Вот почему интернациональная солидарность всех отрядов мирового революционного процесса столь необходима в настоящее время.

Не случайно поэтому важнейшая закономерность классовой борьбы в XX в., если иметь в виду ее всемирные масштабы, состоит в постоянном развитии революционного интернационализма. Его стержнем является пролетарский интернационализм, а наиболее широкой внешней сферой — международная солидарность всех антиимпериалистических сил. Та или иная система переплетения, уровень взаимопроникновения классового, пролетарского и общедемократического, антиимпериалистического (на определенных этапах антифашистского, антимонополистического) содержания интернационализма в значительной степени определяют успех революционных процессов как в отдельно взятых странах или регионах, так и на отдельных этапах истории.

Иными словами, революционный интернационализм всегда имеет определенную историческую окраску, внутреннюю связь с тем или иным историческим этапом борьбы. Это не абстрактно-философская, а конкретная политическая категория, отражающая в конечном счете уровень развития революционных сил, их боевого единства.

Так, в годы Октябрьской революции сердцевина интернационализма в самом широком смысле слова заключалась в солидарности с Советской Россией, в поддержке первой победоносной социалистической революции. В. И. Ленин подчеркивал, что поддержка трудящихся других стран, их сочувствие делу Октября «были последним, самым решающим источником, решающей причиной того, что все направленные против нас нашествия кончились крахом...» [8].

В период всемирной борьбы с фашизмом все формы и проявления международной солидарности были так или иначе связаны с антифашистским Сопротивлением. Разумеется, и в эти годы важную роль играла солидарность с Советским Союзом, но и она проявилась во

многом как своеобразный ответ на угрозу войны, как единство действий против общего фашистского врага.

В послевоенный период на первый план выдвинулась международная антиимпериалистическая солидарность, а сейчас солидарность в борьбе против ядерной катастрофы, за спасение жизни на Земле. В. И. Ленин подчеркивал, что пролетарский интернационализм — это не что иное, как самая «беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы*, такой же линии, и *только ее одной*, во *всех* без исключения странах»[9].

Таким образом, интернационализм как реальное действие — процесс двухсторонний, он определяет взаимосвязь революционных сил, объединенных единой целью. В XX в. не было ни одной революции, которая бы изолировалась от других стран, не нуждалась в поддержке трудящихся всего мира или отказывалась от такой же посильной поддержки со своей стороны. Идеологи антикоммунизма видят в этом «экспорт революции», стремясь таким образом подорвать международную солидарность трудящихся. Вот почему забота о постоянном укреплении единства революционных сил во всем мире — высший интернациональный долг каждой марксистско-ленинской партии. Накопленный в XX в. опыт международного революционного интернационализма — это ценное достояние всех прогрессивных сил и важный фактор дальнейшего продвижения вперед.

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ СТАТИСТИКА» XX ВЕКА

Мировой революционный процесс XX в. — не механическая сумма отдельных национальных революций, а диалектически взаимосвязанное целостное историческое явление. По сравнению с предшествующими веками, когда социальные революции обеспечивали прогресс в рамках сохранения эксплуататорского общества, меняя лишь его исторические формы — рабство, феодализм, капитализм, мировой революционный процесс XX в., начатый Великим Октябрем, призван покончить со всяким эксплуататорским строем и создать новую, коммунистическую цивилизацию. Как показал опыт, этот переход требует гораздо больше усилий и жертв, гораздо большего числа социальных революций, причем самого разнообразного характера. Такой переход, писал В. И. Ленин, «не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяю-

щей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»[10].

В прежние исторические эпохи в мире также происходили крупные социальные революции, однако их число было незначительным, объем массового участия также ограничен, а результаты часто сводились к компромиссу нового и старого, так сказать, к «конвергенции» разных исторических форм эксплуататорского общества. Феодализм не полностью ликвидировал рабовладение, а капитализм интегрировал в свою общественную систему многие феодальные и полуфеодальные формы эксплуатации и институты.

В XVI—XVII вв. в мире произошли всего три крупные революции. В XVIII в. имели место две революции. В XIX в. многообразие социальных революций и их число заметно возросли, причем буржуазные, в том числе антиколониальные, революции XIX в. происходили в форме неких циклов, т. е. в форме более или менее одновременного развития в рамках целого региона. Так развивались Война за независимость испанских колоний в Америке, революции 1830 и особенно 1848 г. в Европе.

В XX в. число социальных революций измерялось уже не единицами, а десятками, что позволяет составить некую «революционную статистику» и применить новые методы анализа. Если объединить все социальные революции и крупные революционные политические выступления XX в., которые мы рассмотрели выше, то их общее число приблизится к 60.

Попробуем сгруппировать их по историческим циклам. Первый, дооктябрьский, цикл был относительно краток (январь 1905 – февраль 1917 г.) и включал шесть буржуазно-демократических революций, различающихся не столько содержанием, сколько структурой движущих сил и размахом участия народных масс. В двух российских революциях роль гегемона принадлежала рабочему классу, в остальных случаях руководство осуществляли буржуазные и мелкобуржуазные националистические элементы.

За 10 лет — с октября 1917 по август 1927 г. — в мире произошло девять революций, в том числе две социалистические революции — в России и Венгрии. Великая Октябрьская социалистическая революция и ее ближайшее революционное «окружение» в лице восьми революций

ознаменовали по существу начало нового, современного мирового революционного процесса.

Однако на этом пути стоял крепкий заслон в лице мировой контрреволюции. Она сумела извлечь уроки из опыта 1917—1923 гг. и готова была стоять насмерть. В течение двух десятилетий после Октября контрреволюция имела определенный перевес. Мировой революционный процесс столкнулся с огромными трудностями и в основном сконцентрировался на защите завоеваний Октября и укреплении социализма в СССР.

В 30-х годах имели место три крупных революционных события (Куба, Китай, Испания). В ряде других стран в эти годы происходили острые социальные схватки и освободительные движения, но в революцию они не вылились. Империалистическая и фашистская реакция обладала явным преимуществом, хотя в Китае ей так и не удалось подавить революционный процесс. Вопреки всем антисоветским наскокам продолжал укрепляться социалистический строй в СССР.

Качественно новый этап в развитии мирового революционного процесса наступил в 40-х годах. На этот раз контрреволюции пришлось уступить сразу на многих фронтах. Фашистская Германия вместе со своими сателлитами с помощью войны намеревалась установить «новый порядок» и навсегда покончить с социализмом. Но история рассудила иначе: в 40-х годах был осуществлен второй после Октября гигантский революционный прорыв: в мире произошло сразу 15 революций.

Характерной чертой этого революционного цикла явилось то, что освободительные антифашистские революции повсюду переросли в революции социалистические и завершились рождением мировой системы социализма. Лишь в Греции из-за интервенции английского империализма народная революция потерпела поражение.

Революции 40-х годов открыли новый этап борьбы, который в широком историческом плане обозначил эпоху отступления империализма и наступления революционных сил: в 1949—1959 гг. произошло 5 революций, в 1959—1969 гг.— 7, в 1970—1977 гг.— 15 революций.

Если взять революции, свершившиеся после второй мировой войны, то подавляющее их большинство имело своим результатом глубинные социально-экономические сдвиги формационного характера: Куба, Лаос, Кампучия, Южный Вьетнам, Никарагуа, Афганистан встали на социалистический путь развития; Египет, Алжир, Ирак,

Сирия, Южный Йемен, Эфиопия, Мозамбик, Ливия, Бенин, Ангола, Мадагаскар, Зимбабве избрали курс социалистической ориентации. Революции в Чили, Португалии, Перу, Панаме, на Гренаде также открывали большие перспективы, но потерпели поражение.

Если сгруппировать все более или менее крупные революции, происшедшие после Октября 1917 г., то их общее число составит 52. Многообразие революций удивительно, а общие итоги величественны и непреходящи. Важно и интересно установить типологию всех революций, тем более что до сих пор такой обработки «революционной статистики» не предпринималось.

Если взять революции, завершившиеся установлением социалистического строя, то они обеспечили переход к социализму девяти стран в Европе, пяти – в Азии и одной – в Латинской Америке.

Характерно, что шесть из 19 социалистических революций начинались как антиимпериалистические (Монголия, Корея, Вьетнам, Китай, Куба, Лаос), семь – как антифашистские (Югославия, Болгария, Албания, Чехословакия, Польша, Венгрия, Румыния). Всего же в XXв. совершилось 10 антифашистских революций, включая Испанию и Португалию.

Вплотную к первому (социалистическому) типу революций примыкает вторая группа революций, которая обеспечила победу новой, социалистической ориентации развития. В эту группу входят революции в 15 странах, таких, как Алжир, Ирак, Сирия, Ливия, Бенин, Эфиопия, Ангола, Мозамбик, Мадагаскар, Зимбабве, Кампучия, Никарагуа, Гренада, Афганистан, Южный Йемен. Вместе с первой группой, а с точки зрения формационно-созидающих функций их следует рассматривать вместе, они насчитывают 34 революции, или более половины от их общего числа в XX в. Это исключительно важная и во многом определяющая черта революционных процессов в нашу эпоху.

Примечательно, что из общего числа революций XX в. 37, или более $^2/_3$, носили антиимпериалистический характер. В эту группу входят революции, совершившиеся в следующих странах: Иране (1905–1911), Турции, Китае (1910–1913), Мексике, Ирландии, Монголии, Китае (1925–1927), Кубе (1933), Греции, Корее, Вьетнаме, Китае (1949), Алжире, Египте, Боливии, Гватемале, Кубе (1959), Перу, Панаме, Ираке, Сирии, Ливии, Бенине, Чили, Гренаде, Никарагуа, Эфиопии, Анголе, Мозамбике, Мадагаскаре, Зимбабве, Вьетнаме, Кампучии, Иране

(1979), Афганистане, Лаосе, Южном Йемене. В 10 случаях имели место непосредственно антиколониальные революции (Ирландия, Китай (1925—1927), Корея, Вьетнам, Алжир, Ливия, Бенин, Ангола, Мозамбик, Зимбабве).

Антиимпериалистический характер большинства революционных выступлений отражает общую особенность нашей эпохи.

Национально-освободительные революции произошли в двух европейских, в 17 азиатских, в девяти латиноамериканских и в восьми африканских странах. Такое «распределение» по континентам определялось характером империалистической колониальной системы, которая, оформившись окончательно в ходе первой мировой войны, затем под влиянием Октября и мощной волны освободительных движений стала распадаться. Особенно активно этот процесс развивался в 50—60-х годах.

Если сопоставить структуру движущих сил революций, то, по нашим подсчетам, в 31 случае (три российские революции, Финляндия, Германия, Австрия, Венгрия — 1919, Испания, Чили, Литва, Латвия, Эстония, Чехословакия, Польша, Венгрия — 1945, Румыния, Югославия, Албания, Болгария, ГДР, Греция, Вьетнам, Китай — 1949, Куба — 1959, Чили, Вьетнам, Португалия, Никарагуа, Лаос, Южный Вьетнам, Афганистан) рабочий класс сыграл роль гегемона или во всяком случае самой передовой силы, в 7 — руководство принадлежало националистической буржуазии (Иран — 1905, Китай — 1911, Мексика, Алжир, Египет, Боливия — 1952, Иран — 1979) и в 20 — национальной и революционной демократии (Турция, Ирландия, Монголия, Куба — 1933, Гватемала, Перу, Боливия — 1968, Панама, Ирак, Сирия, Ливия, Бенин, Гренада, Мадагаскар, Кампучия, Эфиопия, Южный Йемен, Мозамбик, Ангола, Зимбабве).

Разумеется, эти подсчеты весьма условны, ибо во многих случаях трудно выделить какой-то один класс в качестве руководящей силы. Нередко на эту роль претендовали одновременно несколько участников (блок буржуазных и мелкобуржуазных кругов — Турция, Китай — 1911, Куба — 1933; блок рабочего класса и революционной демократии — Ирландия, Никарагуа, Гренада).

Расстановка политических сил в каждом случае отличалась неповторимым своеобразием. В 35 революциях самое активное, а иногда и ведущее участие принимали коммунистические партии, в других странах такие организации просто отсутствовали.

С точки зрения итогов борьбы победой завершилось подавляющее большинство революций и лишь 14 потерпели поражение (Финляндия, Германия – 1918, Австрия, Венгрия – 1919, Китай (1925–1927), Испания, Греция, Гватемала, Перу, Боливия, Панама, Чили, Гренада, Иран). Во многом неудачи объяснялись прямым экспортом контрреволюции извне (Иран, Турция, Китай, Мексика, Венгрия, Испания, Греция, Гватемала, Чили, Гренада). В остальных случаях имели место косвенные интервенции и тайные подрывные действия. В семи странах (Россия после 1917 г., Венгрия после 1919 г., Китай, Испания, Греция, Алжир, Афганистан) по вине внутренней и внешней реакции велись продолжительные и кровопролитные гражданские войны.

Весьма симптоматично то, что окончательная победа революции в ряде стран потребовала не одного, а нескольких ударов: в России произошли три революции, в Китае – также три (1911–1913, 1925–1927, 1945–1949), в Венгрии, Германии и Иране – по две, причем в последнем случае революционный цикл еще далеко не закончился.

Политико-статистический анализ революционного опыта XX в. позволяет выделить повторяемость некоторых типических черт борьбы, но такой прием недостаточен, страдает излишним схематизмом. Вот почему важно дополнить его анализом социальных факторов мирового революционного процесса.

РАБОЧИЙ КЛАСС – ВЕДУЩАЯ СИЛА ПРОГРЕССА

История классовой борьбы в XX в. полностью подтвердила правоту марксистско-ленинского учения о всемирно-исторической миссии рабочего класса – борца за уничтожение всех форм эксплуатации и социального неравноправия, созидателя новой, социалистической цивилизации, поборника мира на Земле. В постоянном возвышении роли и силы международного рабочего класса выражается важнейшая закономерность социального прогресса в XX в.

Начиная с российской революции 1905–1907 гг. и вплоть до наших дней рабочий класс вносит решающий вклад в общее дело борьбы за демократию, независимость, мир и социализм. Победа Великого Октября, утверждение реального социализма навсегда предопределили гегемонию международного рабочего класса в мировом революционном процессе. Независимо от того,

играл или не играл пролетариат роль гегемона в той или иной конкретной революции, эта закономерность проявляется в укреплении главного детища рабочего класса — социалистического содружества во главе с Советским Союзом, в развитии классовой борьбы пролетариата в капиталистических странах, в расширении масштаба его активных массовых действий, в росте политического авторитета коммунистических партий, в существенном изменении роли пролетариата молодых освободившихся государств в общемировых политических и экономических процессах.

Современный международный рабочий класс во многом отличается от того, каким он был в начале и даже в середине XX в. Иной стала его социальная и профессиональная структура, в десятки раз выросла его численность, укрепилась партийно-политическая и профессиональная организованность. Несколько десятилетий назад рабочий класс по численности уступал крестьянству, ныне он является самым крупным классом общества — около 650 млн человек, в том числе 540—550 млн человек в несоциалистических странах[11].

Буржуазные социологи утверждают, что центральное место в современном капиталистическом обществе занимает не пролетариат, а так называемый «средний класс». В него механически включаются и рабочие, и служащие, и крестьяне, и мелкие хозяйчики, и лица свободных профессий, и государственные чиновники — одним словом, все, кого нельзя включить ни в группу самых богатых, ни в группу самых бедных. При таком подходе за решающий признак берется размер дохода, но игнорируется главное — отношение людей к средствам производства. Основываясь на таком методе, нетрудно «доказать», что пролетариата как класса просто не существует, что он растворен в растущем «среднем классе».

Применяются и другие приемы, рассчитанные на умаление роли рабочего класса и его революционной борьбы. Факты, однако, свидетельствуют о том, что именно рабочий класс — самая крупная социальная сила современности, роль которой постоянно растет. В середине XIX в. в капиталистических странах Европы, США и Японии насчитывалось всего 10 млн пролетариев. В начале XX в. их число перевалило за 30 млн человек. В настоящее время только в Западной Европе насчитывается более 100 млн рабочих. Если иметь в виду весь мир, то в XX в. общая численность рабочего класса выросла почти в 6 раз (см. табл. 1).

ТАБЛИЦА 1. **Рост рабочего класса в XX столетии, млн человек**

	Начало 20-х годов	Начало 80-х годов
Всего в мире	117	660
Социалистические страны	16	220
Зона развитого капитализма	82	241
Европа	49	102
Северная Америка	23	95
Развивающиеся государства	19	217
Латинская Америка	5	63
Азия	11	130
Африка	3	24

Источник. Рабочий класс и современный мир. 1986. № 2. С. 23.

Буржуазные ученые отрицают руководящую роль пролетариата. В последние годы распространились идеи о постепенном «затухании классовых антагонизмов», а следовательно, об изживании самой проблемы политической гегемонии рабочего класса. Некоторые социологи полагают, что погоня за личным благополучием якобы превратила основную массу рабочих в типичных обывателей и потребителей. Было бы, конечно, неверно отрицать наличие подобных тенденций, но категорически нельзя согласиться с тем, что якобы пролетариат как класс в целом обуржуазился, утратил былую революционность, интегрировался в капиталистическую систему.

Жизнь свидетельствует о том, что пролетариат не только не утратил свою боевитость, но, напротив, обрел еще большую революционность. Пролетариат – единственный класс, который лишен какой-либо собственности на средства производства, поэтому он кровно заинтересован в замене капиталистической собственности общественной. История знает множество примеров боевых выступлений против эксплуатации и реакции, однако никогда прежде борьба рабочего класса не имела такого большого размаха, не приобретала такого боевого характера, как в наши дни. В данном случае речь идет не о роли рабочего класса в ускорении социально-экономического развития победившего социализма, а о той борьбе, которую разворачивает пролетариат в капиталистических и развивающихся странах в настоящее время.

Классовая борьба пролетариата чрезвычайно многообразна и динамична. Одним из общих показателей ее динамики служит статистика забастовок и массовых политических выступлений.

ТАБЛИЦА 2. **Участие трудящихся промышленно развитых капиталистических стран в классовых конфликтах, млн человек**

	1975–1979 гг.	1980–1984 гг.
Общее число участников забастовок и политических выступлений	282	335
В том числе:		
по экономическим причинам	127	114
по политическим причинам	155	221
Доля участников политических выступлений (в %)	54,9	65,9

Источник. Рабочий класс и современный мир. 1986. № 2. С. 26.

Изменения в расстановке классовых сил, которые произошли в мире, неоспоримо свидетельствуют о выдвижении пролетариата в центр общественной жизни. Раньше эта тенденция касалась лишь развитых капиталистических стран, теперь она пробила себе дорогу и в странах Латинской Америки, Азии и Африки. Пролетариат развивающихся стран за последние десятилетия стал играть в развитии всего мирового революционного процесса и международного рабочего движения принципиально иную роль.

К началу 80-х годов в этих странах общая численность работающих по найму достигла примерно 270–280 млн человек и впервые в истории сравнялась с числом рабочих и служащих в развитых капиталистических государствах (примерно тоже 270 млн человек)[12]. Последствия этого сдвига проявляются уже сейчас, а в еще большей мере скажутся в будущем на масштабах и особенностях мирового революционного процесса.

В состав рабочего класса индустриальных капиталистических государств входит около 120 млн промышленных и 7 млн сельскохозяйственных рабочих.

Иной является структура рабочего класса развивающихся государств. Основная часть (примерно 100 млн человек) занята в сельском хозяйстве, причем из них только около $^1/_5$ относится к рабочим современного типа. В промышленности – средней и крупной – работает 56–60 млн рабочих, а всего в производственных сферах занято примерно столько же рабочих, сколько в сфере торговли и обслуживания[13].

В ходе освободительного движения рабочий класс шаг за шагом выдвигался на передовые позиции. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в последние десятилетия. Правда, в целом ряде государств Азии и Африки пролетариат развит еще слабо, пока не может претендовать на роль вождя, уступая лидерство революционной демократии, не имеет достаточного политического опыта и своих марксистских партий.

Место пролетариата в демократической революции определяется, однако, не только и, быть может, не столько объемом и формой его участия в начальной стадии борьбы против старой власти (нередко сугубо разрушительная функция в большей мере присуща непролетарским группам), сколько его объективной заинтересованностью в продолжении революции, обеспечении ее непрерывности вплоть до утверждения нового, социалистического строя. Вот почему общая оценка роли пролетариата в революции может быть дана лишь при учете всех этапов ее развития. Однако еще нередко роль пролетарских масс на начальном этапе оценивается в зависимости от того, сыграл или не сыграл рабочий класс роль гегемона в революции. В том случае, когда эту функцию выполняли другие (непролетарские) силы, вклад рабочего класса оценивался как недостаточный. Такое мнение ошибочно, ибо именно основные массы рабочих вместе с другими слоями народа (не во главе их, а вместе с ними) двигали социальную революцию вперед.

Следует, на наш взгляд, различать два уровня участия рабочего класса в революции:

— активное участие вместе с другими слоями народа при политической гегемонии революционно-демократических сил или даже при отсутствии четко оформленной роли социального гегемона (а таких случаев было немало);

— участие в роли класса-гегемона, ведущего за собой другие слои народа.

Достижение высшего уровня по общему правилу невозможно без прохождения через первую стадию. Только на основе активного участия в процессе демократического движения рабочий класс шаг за шагом выделяется из общей народной массы и постепенно завоевывает авторитет как передовая сила.

Значит ли это, что на первом этапе роль рабочего класса в революции не существенна? Конечно, нет. Более того, в ряде случаев она оказалась решающей. Возьмем, к примеру, освободительные революции последнего деся-

тилетия. Везде цели и объективное содержание преобразований в экономике и политике поначалу ограничивалось демократическими и антиимпериалистическими рамками, но тем не менее почти во всех революциях ощущалась сильная антикапиталистическая тенденция. И главная заслуга в этом принадлежит именно пролетарским группам.

Революционная демократия, выражая интересы всех народных масс, иногда сама того не сознавая (или даже не желая) и провозглашая курс на социалистическую ориентацию, фактически защищала такую перспективу, к которой более всех других стихийно стремились именно пролетарские слои. В тех случаях, когда такая политика проводилась новой народной властью решительно и настойчиво, рабочий класс по мере продвижения революции приобретал все большую силу, наращивал свой авторитет. В некоторых странах вскоре после политической победы революции рабочий класс выдвинулся на позиции ведущей социальной силы. Фактически именно на втором этапе революции пролетариат в ряде стран Азии и Африки вступил в фазу ускоренного формирования как класса, и одновременно с этим шел процесс его выдвижения на позиции класса-гегемона. В этом совмещении двух различных процессов заключается, пожалуй, одно из главных своеобразий развития по пути социалистической ориентации. Такое явление мы наблюдаем в наши дни в Анголе, Эфиопии, Мозамбике и ряде других стран.

Иными словами, гегемония рабочего класса может быть достигнута в определенной обстановке не до, а в ходе и после победы политической революции, т. е. на том этапе, когда развертывается созидательная работа по строительству нового общества. В конечном счете именно на этом этапе и необходима руководящая роль рабочего класса и его партии.

КЛАССОВЫЕ ЗОНЫ И НАРОДНЫЙ ФАКТОР РЕВОЛЮЦИИ

Как показывает исторический опыт, революция не сводится к действиям какого-нибудь одного, хотя бы и самого передового, класса. Даже в верхушечных дворцовых переворотах в прошлом, как правило, были заняты представители разных социальных групп: придворная знать, феодальные рыцари, торговая буржуазия, помещики, простые солдаты, крестьяне, ремесленники и т. д. Правда, «участие» низов обычно носило сугубо

исполнительский характер, тем не менее без их силы и крови не обходился ни один общественный переворот, если оставить за скобками столь модные в средние века коварные династические отравления, тайные удушения царственных особ и другие подобные методы узурпации власти.

В буржуазных революциях, даже самых куцых и локальных (подобно, скажем, революциям XIX в. в Испании), участие низших сословий стало более заметным, хотя массы и не в состоянии были наложить свой отпечаток на ход борьбы, в основном продолжая играть роль послушного орудия в руках борющихся элит.

Впервые на путь самостоятельного революционного творчества низы вышли в эпоху буржуазно-демократических революций. «...При каждом крупном буржуазном движении, — отмечал Ф. Энгельс, — вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»[14]. В развитие и победу ранних буржуазных революций (Крестьянская война в Германии, нидерландская революция, английская революция, Война за независимость английских колоний в Америке, не говоря уже о Великой французской революции) главный вклад внесли народные массы.

По мере развития капитализма состав участников классовой борьбы расширялся, а в периоды крупных революционных потрясений на политической сцене все чаще появлялся народ, т. е. широкие слои трудящихся, эксплуатируемые низы.

Революция 1905—1907 гг. в России, как уже отмечалось, по движущим силам, формам борьбы, размаху и характеру была первой подлинно народной революцией. Общественные низы, как отметил В. И. Ленин, «наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество...»[15].

Мы еще раз напомнили этот пример для того, чтобы показать, что с самого начала в развитии социальных революций XX в. наблюдалось параллельное развитие отдельных классовых движений, с одной стороны, и более широкого народного фактора — с другой. Различные участники революционных боев — рабочие, крестьяне, городские низы, мелкая буржуазия и др., действуя совместно, в то же время преследовали свои собственные цели, имели, так сказать, свою особую зону интересов и действий в общем революционном процессе. Иными слова-

ми, под социальной зоной (сферой) мы подразумеваем определенную (самостоятельную) часть революции, а именно ту ее часть, которую заполняет движение отдельно взятого класса или слоя, принимающего участие в борьбе. В то же самое время различные социальные зоны впаяны, соединены, смонтированы в общий каркас революции. Специфический монтаж различных классовых (социальных) зон, их взаимодействие как раз и определяют силу и размах революции.

Естественно, что в данном случае речь идет не о простой сумме отдельных революционных классовых сегментов, а о такой их взаимосвязи, которая приводит к новому качеству, а именно придает революции народный характер. Иными словами, чем больше число классовых сегментов, чем теснее их взаимосвязь, тем сильнее становится и народный фактор. Его мощь зависит не столько от того, что в революции соучаствуют представители различных групп народа, сколько от того, насколько они самостоятельны и насколько значителен их «отпечаток».

В. И. Ленин по интересующему нас вопросу писал следующее: «...под общенародным движением надо понимать вовсе не такое, с которым — при условиях буржуазно-демократической революции — солидарна вся буржуазия или хотя бы либеральная буржуазия. Так смотрят только оппортунисты. Нет. Общенародно то движение, которое выражает объективные нужды всей страны, направляя свои тяжелые удары против центральных сил врага, мешающего развитию страны. Общенародно то движение, которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения»[16].

Народный характер революции, таким образом, прямо зависит от того, насколько она соответствует назревшим нуждам общественного прогресса, который является прогрессом именно потому, что выражает историческую потребность поступательного развития всей страны, всего народа, а не интересы какого-либо одного класса.

Между общественным прогрессом и интересами народа в эксплуататорском обществе существует немалая дистанция, движение вперед достигается в основном ценой усиленной эксплуатации масс, подавления их свободы, при помощи войн, колонизации, насилия и других реакционных средств.

Народные движения, в том числе революционные, естественно, всегда имели и имеют своей целью улучше-

ние жизни простых людей, расширение их прав, повышение их благосостояния. Однако, насколько ожидания и устремления масс удовлетворялись после победы революций, зависит от конкретной расстановки классовых сил, от политики новой власти. В эпоху буржуазных революций коренного улучшения жизни народа, как правило, не происходило. И тем не менее именно революции, решительно сметая препятствия на пути общественного прогресса, толкали вперед развитие новых производительных сил и производственных отношений, изменяли формы собственности и методы эксплуатации, влияли на условия труда и быта людей, характер власти и т. д., т. е. приводили к существенным изменениям в жизни общества.

«Революции,— писал В. И. Ленин,— праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса»[17].

Общая черта большинства революций XX в. состоит в том, что в них с каждым десятилетием все более полно проявлялась решающая роль народного фактора.

Опыт показал определенную разницу в характере народного фактора революций в зависимости от уровня развития социально-классовой структуры общества. В одних странах революции приняли народный характер благодаря соединению различных социальных зон борьбы, в первую очередь благодаря расширению сферы активной деятельности пролетариата и наемных групп городских слоев, а иногда и прямой гегемонии рабочего класса.

Ряд революций имел более широкую зону деятельности мелкой городской буржуазии и крестьянства. В тех революциях, которые произошли в группе наиболее слаборазвитых стран, народный фактор сложился до образования классов на основе единства патриотических интересов различных слоев населения. Эмоционально-стихийный патриотизм и антиимпериализм объединили под своими знаменами все здоровые силы нации.

Разумеется, на этапе борьбы за власть народный фактор революции имел одно содержание, а после свержения старой власти и по мере углубления революционных преобразований его структура и функции стали меняться. Речь в данном случае, конечно, идет не о всем народе, а лишь о его революционном большинстве, поскольку

в каждом обществе, как отмечал В. И. Ленин, неизбежно также «есть люди, забитые физически, запуганные, люди забитые нравственно, например, теорией о непротивлении злу насилием, или просто забитые не теорией, а предрассудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!)»[18]. Но не эта трусливая прослойка движет историю вперед. Силой прогресса является та часть народа, которой присуща реальная способность действовать по-революционному. В современных условиях это качество приобретают все новые и новые слои трудящихся, что дает полное право говорить о росте революционности народных масс.

По сравнению с первыми десятилетиями XX в. ныне сложилась многомиллионная армия трудящихся, готовых к решительной борьбе, способных на самопожертвование, хотя нередко не разбирающихся или просто не способных разобраться в подлинном значении собственных усилий. Устремление к свободе и демократии в большинстве случаев первоначально носит, как и прежде, сугубо эмоциональный характер протеста против существующих порядков.

Как известно, для успешного развития революционной борьбы одной теории и пропаганды мало. «Для этого,— подчеркивал В. И. Ленин,— нужен собственный политический опыт этих масс. Таков — основной закон всех великих революций...»[19] Активное участие народных масс в большинстве революций XX в. чрезвычайно способствовало политическому росту самих масс, проявлению их лучших качеств. Это обстоятельство в свою очередь придало дополнительную силу народному фактору мирового революционного процесса.

«Действительное воспитание масс,— отмечал В. И. Ленин,— никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»[20].

Народность, массовость революционных процессов породила огромное богатство форм и методов борьбы, вдохнула свежее содержание в некоторые традиционные формы. Преемственность и обновление в процессе революции тесно переплетены, и выделить новаторский эле-

мент не всегда просто. По-разному проявляется и действие традиций, т. е. исторически устоявшихся и привычных тенденций и форм поведения классов и социальных групп. Подчас некоторые старые традиции в новом контексте приобретают иное значение, чем прежде, наполняются более богатым содержанием, играют новую роль.

Так, религиозный фактор в Иране на прежних этапах сдерживал социальную активность масс, а в условиях кризиса шахского режима, напротив, способствовал эмоциональному пробуждению низов. В последующем он вновь стал играть реакционную роль. С другой стороны, такие традиционные формы смены государственной власти в относительно отсталых странах, как военные перевороты, в революционной обстановке последних десятилетий оказались одним из эффективных инструментов борьбы против старой власти, особенно против диктаторских режимов.

Иначе, чем прежде, проявилась и роль повстанческих партизанских движений, которые в истории Латинской Америки, например, практически никогда полностью не прекращались, то тлея, подобно углям, то разгораясь в огромный костер народной гражданской войны.

Новым социальным содержанием наполнилась и такая традиционная для стран с буржуазно-демократическими режимами форма, как парламентская борьба.

Не отрицание традиционных форм, а наполнение старой традиции новым содержанием — вот что характерно для всего революционного процесса в XX в. В то же время творчество масс постоянно порождало новые формы и методы борьбы. Таким образом, традиции и новаторство в революционных движениях органично переплелись друг с другом.

Преемственность и новаторство — это две стороны процесса классовой борьбы. Обе они важны, обе сосуществуют, то ускоряя, то замедляя процесс развития. Не всякая традиция плоха, и не всякая новация хороша. Все зависит от конкретных условий.

МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНАРИЗМ: ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Вопрос о роли средних слоев современного общества в развитии мирового революционного процесса давно стоит в центре внимания марксистской теории Начиная с «Принципов коммунизма» Ф. Энгельса (1847 г.) и «Ма-

нифеста Коммунистической партии» (1848 г.), марксисты всегда рассматривали и рассматривают мелкую городскую буржуазию и те группы городских средних слоев, которые не имеют в своей частной собственности средств производства (светская, церковная, художественная и военная интеллигенция, служащие, учителя, студенчество, низшие группы конторских чиновников, журналисты, лица свободных профессий, другие категории), в качестве важной общественной силы. Их удельный вес достигает 30—40% самодеятельного населения, а их роль в развитии классовой борьбы в нашу эпоху исключительно велика.

К. Маркс и Ф. Энгельс впервые по-научному подошли к вопросу об определении социальной роли средних слоев. В «Манифесте Коммунистической партии» подчеркивалось: «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата»[21].

История не раз подтверждала справедливость этих оценок. Развитие мирового революционного процесса в XX в. ярко и отчетливо показало противоречивую роль средних слоев. В одних случаях они по-боевому выступали вместе с пролетариатом в защиту «своих будущих интересов», в других действовали как консервативная и даже реакционная сила, тянущая общество назад, к реставрации старых порядков.

Столь явную непоследовательность политического поведения средних слоев было бы неверно объяснять только тем, что они занимают промежуточное между буржуазией и пролетариатом положение и потому неизбежно колеблются то в ту, то в другую сторону. Этот фактор, конечно, играет свою роль, но важное значение имеет и то влияние, которое оказывают на средние слои главные классы, а также конкретная международная и национальная ситуация. Иными словами, до конца понять политическое поведение средних слоев можно лишь в общем контексте классовой борьбы, политики всех ее

участников, а не только самих средних слоев, взятых изолированно от общей расстановки классовых сил.

По сути дела средние слои, как и все общество в период революции, расколоты на три лагеря: одна часть ведет активную революционную борьбу, другая относительно пассивна, ограничивается сиюминутными частными требованиями, третья служит опорой и резервом контрреволюции. При этом, однако, для мелкой буржуазии и средних слоев в целом, точнее, для идеологической и политической элиты этих групп характерно то, что они субъективно воспринимают все свои действия не как защиту своих эгоистических социальных интересов, а как защиту всеобщих интересов и заботу о гармонизации классовых антагонизмов ради высших интересов всей нации. На этой основе возникает столь дорогое для всех мелкобуржуазных политических группировок стремление предложить обществу некий «третий путь» развития, который бы смог примирить все классы, сгладить острые углы, избежать «крайности».

На этот общий фон накладывается достаточно толстый слой национализма, причем национализма или патриотизма также мелкобуржуазного. Нация при этом интерпретируется как некая метафизическая и трансцендентная общность «судьбы и духа», ради своего счастья и процветания исключающая всякую социальную борьбу внутри себя, т. е. как категория, противостоящая классовой борьбе. Любое социальное движение протеста априорно рассматривается как антинациональное, антипатриотическое. В этом отношении мелкобуржуазный национализм ничем не отличается от буржуазного, допуская лишь контролируемый и направляемый протест масс против внешнего врага.

Тем не менее средние слои в целом гораздо ближе стоят к позициям стихийного патриотизма, способны весьма энергично выступать против империализма и даже блокироваться с рабочим классом. Практика многих стран полностью подтвердила вывод К. Маркса о том, что «мелкая буржуазия может только до тех пор удерживать революционные позиции против буржуазии, пока за ее спиной стоит пролетариат»[22].

В течение всего XX в. в поведении средних слоев четко обнаружились две прямо противоположные тенденции, а именно тенденция к ультраправому и ультралевому действию. Особенно это характерно для мелкой буржуазии.

Первая тенденция наиболее ярко показала себя в от-

ношении фашизма и правототалитарной государственной политики вообще. Начиная с установления военно-полицейской диктатуры Столыпина и до настоящего времени значительная часть мелкобуржуазных слоев во многих странах прямо или косвенно сотрудничала и продолжает сотрудничать с самыми реакционными режимами.

Налицо и прямо противоположная тенденция, уклон в сторону всякого рода ультрареволюционного поведения, авантюризма и анархизма. Ультралевые движения при определенных условиях могут, однако, более или менее органично преобразовываться в революционные движения, если руководящее ядро искренне и до конца готово бороться не «ради народа», но «вместе с народом», если сам ход борьбы шаг за шагом заставляет преодолевать первоначальные заблуждения, если накапливается опыт, растет политическая зрелость участников движения. Важную роль в этом процессе может сыграть и действительно играет гибкая тактика коммунистических партий.

В современных условиях средние слои все более пролетаризируются. Эта тенденция особенно отчетливо проявляется в тех группах средних слоев, которые продают свою рабочую силу, т. е. являются лицами наемного труда. Свойственный этим группам мелкобуржуазный революционаризм в ходе революции оказывается узким. Сам ход событий заставляет их переходить на новые, подлинно революционные позиции, отказываться от авангардизма и принимать руководство рабочего класса.

При характеристике мелкобуржуазного революционаризма обычно ссылаются на известные слова В. И. Ленина о том, что эта тенденция «смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует», отступает от «потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы». В. И. Ленин подчеркивает, что налицо крайняя «неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением...»[23].

Все это действительно так, но важно подчеркнуть два обстоятельства, которые иногда не принимаются во внимание. Во-первых, В. И. Ленин пишет о мелкобуржуазной революционности, а не о мелкобуржуазной контрреволюционности. И хотя эта революционность относительно (т. е. в сравнении с пролетарской) неустойчива, часто бесплодна и даже может переродиться в контрреволюционность, пока этого перерождения не произошло,

сбрасывать ее позитивную силу со счетов никак нельзя. Напротив, следует максимально использовать ее энергию в целях революции. Поскольку же налицо условный характер этой революционности, В. И. Ленин применяет для определения несколько иронический термин – «мелкобуржуазный революционаризм».

Исходя из вывода К. Маркса о том, что «мелкая буржуазия явится составной частью всех грядущих социальных революций»[24], В. И. Ленин призывал стремиться к союзу рабочего класса с «взбесившимся от ужасов капитализма» мелким буржуа, который при всех своих пороках все же способен, хотя бы временно, вести себя по-боевому, действовать сообща с рабочим классом. Во-вторых, В. И. Ленин, характеризуя типичные черты мелкобуржуазного революционаризма, противопоставляет его «выдержанной пролетарской» линии. Иными словами, В. И. Ленин рассматривает проблему мелкобуржуазного революционаризма не саму по себе, а лишь в контексте развития рабочего движения, как врага рабочего движения, подчеркивая, что «большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности*...»[25]. Речь идет, таким образом, не о том, чтобы умалить мелкобуржуазную революционность как фактор реального политического процесса, а о том, чтобы не дать идеологически «заразиться» ею пролетариату и его партии, изгнать мелкобуржуазные тенденции из рабочего движения, бороться за руководящую роль рабочего класса в революции.

Понятие «мелкобуржуазный революционаризм», таким образом, отражает в первую очередь непролетарский, т. е. не до конца последовательный, условный, неустойчивый, тип политического мышления и поведения. Чаще всего сторонники этой формы революционаризма вербуются из средних слоев города и деревни, включая и собственно мелкобуржуазное предпринимательство, но не только из них. Об этом писал Ф. Энгельс еще в «Принципах коммунизма», подчеркивая, что сторонниками такой ориентации могут быть и определенные группы пролетариата, «которые еще недостаточно уяснили себе условия освобождения своего класса...»[26].

Практика показала, что для тех сторонников мелкобуржуазного революционаризма, которые не имеют частной собственности и работают по найму (рабочие, служащие, интеллигенция, беднейшие крестьяне), характерно по общему правилу более устойчивое революционное поведение по сравнению с мелкими предпринимате-

лями (торговцы, ремесленники, среднее крестьянство). И эта разница имеет принципиальное значение.

Развивая эту точку зрения применительно к новой эпохе, В. И. Ленин неоднократно отмечал, что было бы совершенно односторонне и неправильно говорить только «в *положительной* форме о революционности мелкой буржуазии», поскольку «недовольство пролетариата и недовольство мелкого производителя совершенно неправильно отождествлять», ибо «самое положение мелкого производителя очень во многом *резко противополагает* его интересы интересам пролетариата»[27].

Общий вывод В. И. Ленина сводится к следующему: «В положительной форме мы можем (и обязаны) указать на *консервативность* мелкой буржуазии. *Или шь в условной форме* мы должны указать *на ее революционность*. Только такая формулировка будет в точности соответствовать всему духу учения Маркса»[28].

В нашу эпоху условный характер революционности самой мелкой буржуазии проявился достаточно отчетливо. Мелкие предприниматели, торговцы, зажиточное и среднее крестьянство многократно выступали на стороне контрреволюции. И хотя сама мелкая буржуазия города и деревни на определенных этапах участвовала в революционном движении вместе со всем народом, действовала она весьма пассивно и непоследовательно.

Совсем по-другому показал себя мелкобуржуазный революционаризм эксплуатируемых групп населения. Многие из них оказались способны бороться действительно по-революционному, практически (политически) покидая свою прежнюю мелкобуржуазную точку зрения.

Характеризуя специфику мелкобуржуазного революционаризма, необходимо всегда иметь в виду различие между ситуацией, когда в стране имеется развитой рабочий класс, действует крепкая марксистско-ленинская партия, развертывается борьба за социалистическую революцию, и ситуацией, когда речь идет о демократической революции или освободительном движении при слабом развитии пролетариата и отсутствии марксистско-ленинской партии. Возможности и роль мелкобуржуазного революционаризма в каждом из этих случаев существенно отличаются. На протяжении XX в. именно революционные демократы, в основном выходцы из средних и мелкобуржуазных слоев, неоднократно возглавляли революционные процессы во многих странах Африки и Латинской Америки, ведя борьбу в условиях недостаточно-

го развития рабочего класса и отсутствия или относительной слабости коммунистических партий.

Таким образом, мелкобуржуазный революционаризм в определенных условиях может играть позитивную роль, хотя сама мелкая буржуазия (или ее значительная часть) остается на реакционных политических позициях.

Вместе с рабочими, беднейшим крестьянством наемные элементы городских средних слоев являются ныне носителями более высокой формы революционности, выражающей подлинно демократические (и антикапиталистические) устремления народа. Одним словом, народные массы уже не находятся, как прежде, в тенетах буржуазного национализма и узкой мелкобуржуазной революционности, а в ходе борьбы вырабатывают свои собственные взгляды на проблемы демократии, свою народную революционность. Революционность народных масс в современную эпоху – это не абстракция, а действительное движение живых людей, поставленных в конкретные условия и обладающих способностью к революционной деятельности.

Каждому времени и каждой стране присущи свои понятия революционности. 70-е годы показали, что во многих странах эти массы действительно созрели как самостоятельная революционная сила, выступив за демократический переворот в широком смысле – освобождение от иностранного диктата, свержение тиранических режимов, демократизация общественной жизни, преобразование аграрных отношений, реформа образования и т. д. Эти требования составили ядро демократической революционности как политического, идеологического и эмоционального пробуждения народных масс.

Таким образом, в современных условиях взаимодействует несколько типов революционности: мелкобуржуазная, трудовая (народная) и пролетарская. Первая становится все более ограниченной, а вторая быстро укрепляется и имеет тенденцию сближения с пролетарской, социалистической революционностью.

Повсюду происходит рост социальной активности всех групп трудящихся, укрепление народного характера освободительной борьбы, рост авторитета рабочего класса. Народные массы выступают главным двигателем общественного прогресса. Демократическая революционность народных масс – это огромная сила, которая, несомненно, сыграет еще большую роль в дальнейшем развитии мирового революционного процесса.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРИЗИС: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И МНОГООБРАЗИЕ

Многообразие революций предопределяет разницу типов революционной ситуации и форм политического переворота. В каждой отдельной стране конкретная расстановка социальных сил и национальные традиции также прямо воздействуют на специфику предреволюционного периода и на весь ход борьбы.

История знает немало примеров, когда при помощи реформ или путем кровавого подавления масс, а чаще всего того и другого одновременно господствующие классы предотвращали социальный взрыв и находили выход из самой безнадежной обстановки.

Однако вполне очевидно и другое: всякая подлинная революция не возникает на пустом месте, а вырастает на почве объективных общественных противоречий. «Эпоха социальной революции», как писал К. Маркс, наступает лишь тогда и постольку, когда и поскольку все другие формы разрешения общественных противоречий полностью исчерпаны, т. е. «сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»[29].

Важнейшим элементом «становления» таких объективных предпосылок является формирование особого предреволюционного (точнее — начально-революционного) состояния общества. Данное особое и не часто повторяющееся состояние В. И. Ленин вслед за Ф. Энгельсом именовал «революционной ситуацией». Почти синонимом служит понятие «общенациональный кризис», т. е. такой кризис, который затрагивает и эксплуатируемых, и эксплуататоров одновременно, все основные сферы социально-экономических и политических отношений в обществе[30].

К. Маркс в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» характеризует такое экстремальное положение общества как «глубокую отчужденность его элементов», как «исходный пункт для революции», «*пролог* революции»[31].

Эту мысль высказывал и В. И. Ленин. В своей полемике с Аксельродом он высмеивал наивные призывы к «немедленному штурму», скорейшему проведению «настоящей» революции, т. е. взятию власти сразу, одним ударом. «Революция,— писал В. И. Ленин,— никогда не падает с неба совершенно готовой, и в начале революю-

ционного брожения никто никогда не знает, приведет ли оно и когда к «настоящей», к «доподлинной» революции»[32]. Именно ради того, чтобы ускорить «роды» революции, приблизить решительный бой, политический авангард обязан «всеми силами укреплять, углублять, расширять и обострять начинающееся революционное движение...»[33].

Особенно важно стимулировать рост революционных настроений в массах, помочь им осознать эти настроения, углубить и оформить их. Только такой политической работой — агитацией, пропагандой, разоблачением старой власти, смелыми лозунгами и собственным героическим примером — авангард пробуждает массы к активному действию, вселяет веру в революцию, т. е. способствует качественному сдвигу в настроении и поведении масс. «Всеобщая вера в революцию,— отмечал В. И. Ленин,— есть уже начало революции»[34].

Успех революционных действий масс во многом зависит от способности революционного авангарда правильно ориентироваться в объективной политической обстановке, вовремя увидеть, «схватить» тот исторический момент, когда наступает общенациональный кризис и начинается «пролог революции».

К числу главных признаков революционной ситуации В. И. Ленин относил три главных признака: 1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свою власть, т. е. кризис политики «верхов»; 2) чрезвычайное обострение экономического и социального положения угнетенных классов; 3) значительное повышение, в силу указанных причин, протеста «низов». «Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция — по общему правилу — невозможна»[35].

Последствия революционной ситуации, однако, могут быть самыми разными — удачная или неудачная революция, реформа или компромисс борющихся сил, победа контрреволюции. Само же возникновение революционной ситуации является закономерным, неизбежным объективным итогом развития общественных противоречий. Именно в этом смысле ее возникновение, если оно произошло, уже не зависит от воли и желания кого бы то ни было, хотя «выход» из создавшегося положения, конечно, еще зависит, и, более того, только и зависит, от воли и силы борющихся классов, групп и партий.

Итак, революционная ситуация независимо от ее ис-

хода подразумевает прежде всего экстремальное, из ряда вон выходящее обострение внутренних социальных антагонизмов. В. И. Ленин специально подчеркивал: «Одно угнетение, как бы велико оно ни было, не всегда создает революционное положение страны. Большей частью для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели* жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли* хозяйничать и управлять, как прежде»[36].

В чистом виде, таким образом, предполагается «совпадение этой невозможности»[37], хотя полная синхронизация указанных «кризисов» на практике встречается далеко не всегда. В данном случае мы имеем в виду не просто параллельное вызревание кризиса «верхов» и кризиса «низов», а именно их абсолютное совмещение, совпадение наивысшей остроты обоих процессов. В России такое совпадение сложилось к 25 октября 1917 г. Поэтому не случайно В. И. Ленин накануне в письме членам ЦК партии указывал, что любое промедление «смерти подобно»[38].

В большинстве случаев две стороны общественного кризиса развиваются неравномерно. Складывание революционной ситуации и ее «перерастание» в революцию также зависят от конкретного стечения обстоятельств, конкретной расстановки сил.

Марксистско-ленинское учение о революционной ситуации — это не схема, а метод научного анализа. Подгонять все и вся под общую модель — значит донельзя упрощать историю. То, что характерно для ситуации накануне социалистической революции, нельзя механически распространять на все другие типы революций.

Реальная жизнь не развивается по шаблону, а привносит каждый раз новые и неожиданные моменты. Но дело не только в этом. Даже при наличии, так сказать, самой «чистой» революционной ситуации важно не просто оценить кризис «верхов» и «низов», но и вовремя раскрыть его живую структуру, особенность, неповторимость. В чем выражается неспособность «верхов» управлять по-старому, а главное, как, в каких сферах и формах кризис «верхов» проявляется в их отношениях с «низами»? Ведь именно в этих отношениях и таится главная суть, сердцевина всякой революционной ситуации. Объективные перемены в состоянии «верхов» и «низов» развиваются асинхронно и с разной глубиной. Иногда активность масс поначалу бывает недостаточной, и лишь в ходе самой революции они «дозревают» до самостоятельного исторического творчества. Нередко инициативу берет на

себя революционное меньшинство, создающее первую брешь, в которую затем прорывается социальная энергия угнетенных классов.

В нашу эпоху особое значение приобретают международные факторы, способные существенно влиять на ход борьбы в отдельно взятой стране. Это могут быть локальная война, экономический кризис, внешнеполитические осложнения и т. д. В. И. Ленин не раз подчеркивал, что мы не можем знать и никто не в состоянии наперед определить, «*какой повод* более всего разбудит, разожжет, подвинет на борьбу очень широкие, ныне еще спящие, массы»[39]. Одним словом, обстоятельства могут быть самыми разными, а следовательно, и революционные ситуации неизбежно отличаются многообразием.

«Революции,— по образному выражению В. И. Ленина,— никогда не рождаются готовыми, не выходят из головы Юпитера, не вспыхивают сразу. Им предшествует всегда процесс брожений, кризисов, движений, возмущений, *начала* революции, причем это начало *не всегда* развивается до конца (например, если слаб революционный класс)»[40]. Это ленинское определение, по нашему мнению, позволяет говорить о возможности специфического вида революционной ситуации, так сказать, неполной революционной ситуации, когда низы относительно слабы, не могут сами начать борьбу за власть, как бы ждут толчка извне. Такой толчок и призван дать авангард.

Революционная ситуация, как отмечал В. И. Ленин,— это «такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*»[41]. Здесь В. И. Ленин специально выделяет роль «передовых рядов народа», которые своими героическими действиями поднимают массы на борьбу. Революция может начаться в этом случае еще до полного созревания общенационального кризиса. Такой вариант свидетельствует о сложном диалектическом взаимодействии объективного и субъективного факторов.

Марксизм-ленинизм отличается от всех других социалистических теорий соединением полной научной трезвости в анализе объективного хода революции с признанием значения революционной инициативы масс, партий, групп и отдельных личностей[42]. В этом проявляется субъективный фактор революции.

Опыт XX в. блестяще доказал правоту ленинского вывода о том, что «не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к... объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»»[43].

Это не значит, конечно, что все и вся решает субъективный фактор. Так полагают лишь отъявленные авантюристы и анархо-троцкистские элементы, но их намерения теперь уже никого не могут ввести в заблуждение. В равной степени история не раз выносила свой приговор и тем горе-теоретикам, которые призывали дожидаться в бездействии того момента, когда все стороны общенационального кризиса созреют полностью, т. е. когда «верхи» до конца разложатся и ослабеют, а «низы» решительно и все до одного перейдут на сторону революции.

Основные характеристики революционной ситуации, сформулированные В. И. Лениным, служат методологической основой для анализа конкретного опыта XX в. Сам же этот опыт позволяет увидеть многообразие революционных ситуаций как неповторимых моментов в жизни каждого общества накануне и в начале «своей» социальной революции.

С этой точки зрения необходимо уточнить ряд принципиальных моментов, прежде всего то, кого следует относить к «верхам», а кого — к «низам»? Этот вопрос не так прост, как кажется.

Во-первых, ясно, что «верхи», о которых обычно идет речь, выглядят по-разному. В принципе под «верхами» подразумевается главный классовый враг революции, или, другими словами, те силы, которые стоят у власти и которые революция призвана свергнуть. В России в 1905—1907 гг. это был царизм, а в Октябре 1917 г.— буржуазная власть Временного правительства. В социальных революциях 40-х годов в Европе — фашизм и силы внутренней реакции. В Португалии начала 70-х годов это был насквозь прогнивший и ослабевший фашистский режим, а точнее, узкая олигархическая группировка, стоявшая у власти. В Никарагуа — это довольно сильная антинародная диктатура Сомосы, хотя и она уже вошла в противоречие со всем обществом. В Чили до 1970 г. к «верхам» относилась буржуазно-либеральная

группировка во главе с христианской демократией, защищавшей интересы крупной буржуазии. В Иране кризис «верхов» отражал прежде всего кризис монархии. В Эфиопии императорский двор также пытался проводить некоторые реформы, но, как и шах, лишь обострил этим социальные противоречия, противопоставил себя народу. В Анголе и Мозамбике местные феодально-буржуазные «верхи» стояли на позициях рабского служения португальской фашистской метрополии, в свою очередь зависимой от империализма.

Ясно, что в столь различных условиях и кризис, который переживали «верхи», в каждой стране проявлялся неодинаково, причем важно иметь в виду, что в каждом конкретном случае речь шла о разных революциях – социалистических, демократических, антиколониальных, а посему и расстановка классовых сил отличалась огромным своеобразием. Иными словами, везде имелся кризис «верхов», но он был разным, особым, так сказать, национальным.

Такой же дифференцированный подход требуется, по нашему мнению, и при разборе кризиса «низов». Само понимание «низов», стремящихся к социальному обновлению общества, также не тождественно. Конечно, везде в их состав прежде всего входит большинство эксплуатируемых классов, т. е. широкие трудящиеся массы (рабочие, крестьяне, студенчество, интеллигенция, средние слои, мелкая буржуазия), однако в ряде стран в оппозиции к старой власти оказывается и часть национальной буржуазии.

Можно ли, скажем, к «низам» отнести мелкобуржуазное офицерство Португалии, Перу, Эфиопии и других стран, которое незадолго до революции само расправлялось с бунтующими низами? Перелом в позиции армии отражал, с одной стороны, кризис «верхов», орудием которых она являлась до этого, а с другой – кризис «низов», на позицию защиты которых оказалась способна перейти часть армии.

Видимо, в категорию «низов» следует включать не просто самые бедные и обездоленные слои, тем более люмпен-пролетариат, который зачастую служит контрреволюции, а те слои, в том числе и средние, даже более или менее обеспеченные, которые политически, морально, психологически ощущают свою ущемленность, стремятся к демократизации общества, к социальным переменам, участвуют в революции.

Понятия «верхи» и «низы» имеют, на наш взгляд,

в основном политический смысл, т. е. делят общественные слои главным образом по признаку их отношения к существующей власти, их протеста против существующего порядка вещей, а не по их материальному благосостоянию и социальному статусу, хотя в жизни между этими категориями имеется определенная и даже определяющая связь.

Естественно, буржуазию нельзя без оговорок относить к «низам», но далеко не всегда все ее группы можно включать и в понятие «верхи», тем более если эти группы ведут борьбу, пусть непоследовательную и ограниченную, скажем против империализма или старой власти. Таким образом, кризис правящих «верхов» и кризис недовольных старой властью «низов» необходимо оценивать применительно к каждой конкретной ситуации.

Это требование относится и к характеристике ритма созревания этих двух «кризисов», степени их синхронизации. Эта проблема вызывает особый интерес, так как важно трезво и объективно определить тот момент, когда возникает наибольшая совместимость остроты двух кризисов. Любая ошибка в этом отношении может привести к непоправимому просчету и в конечном счете к поражению революции.

Сравнение уровней напряженности (разумеется, весьма относительное и условное) показывает, что в 70-х годах, например, в ряде стран (Ангола, Иран, Португалия, Никарагуа) кризис «верхов» был более явным, чем, скажем, в Афганистане, Чили, Эфиопии. В ряде стран (Португалия, Перу, Эфиопия) революционная ситуация возникла быстро, в Иране, Анголе ее складывание растянулось на длительный срок.

Там, где кризис «верхов» сложился раньше, чем созрел кризис «низов» (Перу, Португалия, Эфиопия), инициатором политической революции выступила армия, а сама революция началась с военного переворота. В Иране, Афганистане кризис «низов», напротив, развивался быстрее, определяя глубину кризиса «верхов».

Все эти рассуждения, конечно, имеют весьма условный характер, тем более если учесть особую роль внешнего фактора, который либо замедлял, либо ускорял созревание революционной ситуации. Так, вмешательство США во внутреннюю жизнь Никарагуа усложнило формирование непосредственной революционной ситуации и начало революции. Такое же влияние оказывал колониализм в Анголе.

Важным элементом теоретического анализа является

определение роли субъективного фактора в процессе формирования революционной ситуации. В Перу, Португалии и ряде других стран непосредственная революционная ситуация сложилась под прямым влиянием политической инициативы армии, не только начавшей борьбу за власть, но и быстро овладевшей ею и пробудившей тем самым социальную энергию низов, которые получили недостающую прежде уверенность в успехе революции. Так или иначе, но если бы патриотическое офицерство не поднялось на политическую революцию, низы далеко не в те же сроки могли бы включиться в открытую борьбу против старой власти. Их «кризисное» состояние скорее выражалось в общей неудовлетворенности существующим порядком вещей, нежели в готовности вступить в прямую схватку. Уступив инициативу вначале, народные массы затем самым энергичным образом включились в революционное движение и составили в конечном счете главную движущую силу революции.

В каждой стране непосредственная революционная ситуация имела огромное своеобразие. В Анголе и Никарагуа она выросла из состояния длительной освободительной войны; в Иране возникла в ходе стихийного массового движения против шахского режима; в Афганистане, Перу, Португалии, Эфиопии созрела крайне быстро, стимулируемая военным переворотом.

В данном случае речь идет не об общей революционной ситуации, а о фазе непосредственного начала революции. Иными словами, в ряде случаев практически не наблюдалось хронологического разрыва между созреванием непосредственной революционной ситуации и началом самой революции. Опыт свидетельствует о том, что в большинстве случаев «пролог революции», если он не выражен в продолжительной гражданской войне, по времени очень краток: высшая точка кризиса возникает быстро и неожиданно, будучи объективно подготовлена всем ходом классовой борьбы. Можно сказать, что в такой обстановке оказывается достаточно «последней капли», любого толчка или повода для начала революции.

Если сравнить специфику революционных ситуаций с начальной формой или фазой революции, то обнаружится следующая закономерность: в тех случаях, когда кризис «низов» развивался медленно, превалировала форма государственного военного переворота (в Чили победа левых сил на выборах президента), и, наоборот, там, где кризис «верхов» развивался медленнее, там до-

минировала форма длительной гражданской войны и повстанческого движения.

Опыт не только подтвердил общие закономерности развития классовой борьбы, но и во многом обогатил их содержание, показал некоторые новые тенденции и черты революционных процессов. В частности, в последние десятилетия практически во всех странах исключительно высокой была роль субъективного фактора.

Под субъективным фактором революции обычно имеется в виду степень политической зрелости революционного авангарда, его способность повести за собой массы, с одной стороны, и боевитость, стремление, готовность самих масс к решительным переменам — с другой. В том случае, если субъективный фактор слаб или вообще не созрел, «тогда,— писал В. И. Ленин,— общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия»[44]. Такое положение наблюдается, например, в Парагвае. До 1986 г. оно существовало на Гаити и в ряде других стран.

Зрелость субъективного фактора подразумевает не только боевое психологическое состояние «низов», но также общий уровень их идейно-политического развития, объем их опыта, степень единства и организации, силу авторитета политического авангарда, его связь с массами и т. д. Вообще говоря, субъективный фактор революции — это все то, что прямо или косвенно зависит от людей, их настроения и действий, их воли в отличие от объективного фактора, который не зависит от желаний или действий людей (уровень развития капитализма, наличие общественных противоречий, кризис экономики и т. д.).

Оценка субъективного фактора во многом зависит, конечно, от характера революции. Одно дело, когда речь идет о социалистической революции, и совсем другое, если имеется в виду антиколониальная или народно-демократическая революция. Субъективный фактор — это не абстрактное понятие, а определенное состояние реально существующих классов, поднявшихся на борьбу.

Критерии субъективного фактора социалистической революции нельзя автоматически переносить на другую почву, где подчас нет развитого рабочего класса или коммунистических партий и где сама революционная борьба носит иной характер. Было бы ошибкой смешивать эти проблемы. Естественно, повсюду субъективный фактор существует и действует, но он имеет немалое своеобразие в каждой стране, в каждой революции.

Субъективный фактор чилийской революции, например, отличался высокой степенью политической организации масс, во главе которых выступили рабочий класс и его авторитетные политические партии. В Португалии боевитость масс, и особенно рабочего класса, руководимого коммунистической партией, сочеталась с политической активностью прогрессивного офицерства, взявшего на себя инициативу открытого антифашистского действия. В Никарагуа сложился особый тип политического авангарда — Сандинистский фронт национального освобождения. Здесь боевитость масс созревала постепенно в ходе вооруженного антидиктаторского сопротивления.

Одним из важнейших элементов в развитии субъективного фактора является своеобразное сочетание стихийных и сознательных моментов в поведении «низов». В целом на всем протяжении XX в. происходит рост сознательного фактора в действиях масс, хотя нередко развивались и стихийные формы.

Социальное возбуждение, экзальтация, даже неудержимая страсть к любому действию без достаточно четкого представления о его целях и исходе толкали массы в бой, вовлекая в сферу своего психологического гипноза все новых и новых людей. В этих случаях было крайне трудно искусственно тормозить или сознательно ускорить этот процесс без угрозы почти немедленно потерять всякое расположение и доверие масс, а в итоге оказаться в стороне от главного течения революции. Во всяком случае сдержать стихию масс оказалось так же трудно, как и пробудить ее. Все зависело в конечном счете от состояния самих масс, их готовности или неготовности к борьбе.

Естественно, что революционный авангард не мог не учитывать это обстоятельство, как бы разумно или неразумно, по его мнению, ни вели себя массы. Наиболее сознательные элементы революции волей-неволей должны были приспосабливаться к фактору стихийности, искать каждый раз новое тактическое решение в зависимости от настроений и поведения масс. Разумеется, речь идет не о беспринципном приспособленчестве и хвостизме, а о разумном и реалистическом действии авангарда, который постоянно стремился поднимать, возвышать революционный дух масс, вести их вперед.

Все это означает, что было бы ошибкой механически абсолютизировать сознательный элемент в революции и полностью игнорировать стихийный элемент. Оба этих элемента связаны между собой, воздействуют друг на

друга. Даже в самом продуманном, сознательном и организованном социальном действии, если в нем участвуют широкие массы, остается место для случайности, для нового непредвиденного обстоятельства.

В наше время практически почти не бывает абсолютно неосознанных, т. е. бессознательных, иррациональных, действий. Даже самые стихийные движения масс в чем-то осознаются его участниками, хотя обычно такая оценка не выходит за рамки обыденного сознания, повседневных и привычных категорий.

Стихийность проявляет себя не только в революционных действиях масс, но и в появлении ультралевых настроений, с одной стороны, трусости и пассивности — с другой. Вот почему невозможно представить процесс революционной борьбы как полностью сознательный и организованный, так сказать, очищенный от нежелательных, а в действительности весьма важных и, главное, неизбежных стихийных действий масс.

Таким образом, политика отчетливо показала тесную взаимосвязь между складыванием объективных сторон революционной ситуации, стихийным пробуждением масс и формированием необходимого уровня субъективного фактора революции. Диалектическое сочетание этих трех процессов и определяло ход революционных процессов в каждой стране.

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИЙ

Одной из важнейших общих тенденций в развитии революции является определенное соотношение «внешних» и внутренних противоречий — экономических, социальных, политических и идеологических.

Обычно главное внимание уделяется, во-первых, выявлению того общественного антагонизма, который вызвал к жизни ту или иную социальную революцию, а во-вторых, также анализу противоречия между победившей революцией и контрреволюцией. Оба этих вида противоречий принадлежат, если можно так выразиться, к «внешней сфере» революции, к ее «окружающей среде».

Но есть и другой вид противоречий — внутри самого революционного процесса. О них известно, как правило, меньше, хотя нередко именно они способствуют победе классового врага. В то же самое время эти противоречия выступают и движущей силой революции. Такова диалектика жизни.

Было бы упрощением изображать революцию как процесс, чуть ли не вообще лишенный своих внутренних противоречий и развивающийся только под влиянием противоречий «внешних», т. е. антагонизма со своими врагами. В такой интерпретации проблема союзов и компромиссов с попутчиками революции, вопрос о единстве революционных сил, о гегемоне революции, разногласиях в стратегии и тактике различных участников борьбы и т. д. рассматриваются лишь с точки зрения развития субъективного фактора, т. е. как такая сфера политической борьбы, которая может быть поставлена под контроль, «обеспечена» при условии правильной тактической линии, бдительности, опытности и т. п. При таком подходе объективное противоречие исчезает, уступает место ошибке, просчету или, напротив, гибкости и удаче, т. е. приобретает субъективный характер.

Получается так, что при умении и желании все внутренние противоречия революции могут быть устранены: все зависит от субъективного фактора. Во всяком случае примерно подобные мысли высказывают многие критики чилийской революции, упрекая правительство С. Альенде и КПЧ в просчетах, ошибках, недоработках в отношениях со средними слоями, армией и т. д. Все труднейшие объективные проблемы, которые возникали даже и при принятии самых верных, разумных и точных решений, тем самым примитивизируются, принижаются и не учитываются как органические элементы революционного процесса.

Социальная революция как высшая фаза классовой борьбы ведет к неизбежному обострению противоречий не только с врагом, но и между различными участниками революции, различными ее сторонами — экономической и политической, различными ее частями и сферами — город и деревня, различными ее целями и средствами — демократия и диктатура, различными ее путями — мирный и немирный и т. д. Нет смысла перечислять все возможные типы такого рода противоречий, чтобы выявить некоторые общие тенденции.

Внутренние противоречия революции в своеобразной форме выражают неодинаковое отношение совместно выступающих, но различных классовых сил к назревшей общественной потребности и выбору средств для ее удовлетворения.

Исходя из этих методологических предпосылок, бросим взгляд на систему противоречий ряда социальных революций XX в.

Начнем с «внешних» противоречий. Во всех случаях налицо их почти полное совпадение. Везде главным врагом революций являлся империализм, крупная буржуазия, помещики-феодалы, реакционные круги военщины и государственной бюрократии. Везде достаточно широка была и полоса «болота», т. е. той части общества, которая стояла вне пределов революционной борьбы и в то же время не поддерживала реакцию.

Разница касалась в основном не содержания «внешнего» противоречия, а формы его политического проявления: антагонизм между народом и царизмом (Россия в 1905 г.), нацией и империализмом (Китай в 1925—1927 гг.), обществом и фашизмом (Португалия), народными массами и тиранией (Никарагуа), народом и колониализмом (Ангола) и т. д.

Разумеется, в каждой революции система ее противоречий со своими врагами имела свою специфику. В одних случаях на первый план выступало противоречие с местными реакционными режимами, а антифеодальное, антикапиталистическое или антиимпериалистическое острие таилось внутри. В других случаях то и другое совмещалось, образуя единую направленность народного движения.

Так или иначе, но главное почти повсюду сводилось к борьбе против иностранного империализма и местной буржуазно-феодальной реакции. В этом состояло основное «внешнее», т. е. антагонистическое, противоречие всех революций XX в. Не случайно поэтому все революции, в том числе и социалистические, носили прежде всего демократический характер.

Более сложной и многообразной являлась, однако, система внутренних (неантагонистических) противоречий каждой, отдельно взятой революции. Это и понятно, ибо данные противоречия в конечном счете отражали пеструю национальную специфику, конкретную расстановку классовых сил.

В отличие от «внешних» противоречий, которые всегда носят антагонистический характер, внутренние противоречия революционных процессов в принципе имеют неантагонистический характер и лишь в процессе борьбы могут вырасти в антагонизм. В политике это выражается в прямом столкновении революционного авангарда с ультралевыми группировками, в перерождении отдельных лиц, в отходе от революции той или иной социальной группы и т. д.

О каких же внутренних противоречиях революции мо-

жет идти речь? В самом общем виде можно выделить следующие:

— прежде всего (и это главное) между интересами различных социальных и политических участников революции на каждом этапе ее развития;

— между ядром революционного лагеря (авангардом) и массами;

— между ритмом и масштабами революционной борьбы в городе и деревне;

— между целями и средствами борьбы.

В известном смысле можно также говорить о противоречиях между политической революцией (началом — слом старой власти) и социальной революцией (продолжением — строительство нового общества) в рамках одного революционного процесса. О противоречиях в том смысле, что цели первого, а следовательно, состав его участников, их единство никогда полностью не совпадают со вторым этапом революции как длительной эпохой общественного переустройства.

Смена власти не есть, как известно, автоматическая смена базиса, перестройка которого требует гораздо большего времени. А это значит, что между началом и продолжением революции уже заложено известное противоречие. Не случайно, между прочим, К. Маркс и Ф. Энгельс, а затем и В. И. Ленин ставили задачу никогда не останавливаться на первом этапе политической революции, не прекращать после взятия власти революцию, к чему чаще всего стремятся силы, которые не хотят полного обновления, то есть «сделать революцию непрерывной»[45]. Речь шла о задачах пролетариата в демократической революции, но эта мысль имеет, конечно, более широкое методологическое значение.

На наш взгляд, было бы неверно считать, что внутренние противоречия революции носят частный характер. Антагонизм со старой властью, со старым обществом, его идеологией, политикой, мировоззрением имеет, конечно, основное значение, но из этого вовсе не следует, что внутренние противоречия революции — это нечто второстепенное. В действительности внутренние противоречия играют исключительно важную роль.

По сути дела развитие революции есть процесс постоянного преодоления возникающих внутренних противоречий ради достижения главной цели — разгрома классового врага. Иными словами, возникновение внутренних противоречий есть неизбежное следствие столкновения различных социальных сил — более революционных

с менее революционными или совсем нереволюционными, втянувшимися в общую борьбу против старой власти, иногда даже вопреки собственному желанию.

К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» дал блестящую характеристику той «самой пестрой смеси вопиющих противоречий», которые сопровождают каждый период революции: наиболее радикальные ее участники вдруг оказываются предателями, пассивные элементы становятся активными, популярные вожди — политическими невеждами, складываются всякого рода политические «союзы, в основе которых лежит разъединение», развертывается междоусобная «борьба, основной закон которой — не доводить борьбы до конца», горят модные «страсти, лишенные истины» и горячо выдвигаются «истины, лишенные страсти», возникают периоды топтания на месте, такого замедленного развития, которое «утомляет монотонным повторением одних и тех же состояний напряженности и разрядки», возникает иногда ситуация, когда «революция сама парализует своих собственных носителей и наделяет страстной энергией насилия лишь своих врагов»[46].

Как полно и ярко подтвердил опыт всего XX в., это саркастические, но предельно точные характеристики К. Маркса. Все это и есть внутренние противоречия революции, ее жизнь, которая развивается вовсе не по школьным учебникам, где все разложено по полочкам и очевидно, что плохо, а что хорошо, разобраны все ошибки, извлечены все уроки и т. д.

Одним словом, сферы «внешних» и внутренних противоречий революций пересекаются, но отнюдь не совпадают друг с другом, не заменяют одна другую. Динамика борьбы, однако, ведет подчас и к превращению былого внутреннего противоречия во «внешнее». Так случилось, например, в ряде стран с либеральной буржуазией. Тот факт, что она оказалась неспособной участвовать в революционной борьбе, свидетельствует о коренном сдвиге в расстановке классовых сил, а следовательно, и в развитии внутренних противоречий революции. Раньше в их структуру входили противоречия между народом и либеральной буржуазией, выступающей вместе и иногда даже во главе народа. Затем это противоречие вышло на «внешнюю» границу революции, поскольку буржуазия скатилась на контрреволюционные позиции.

Прежде национальная буржуазия также нередко стояла у руля освободительной революции не потому, что за

ней шел народ, а потому, что народ толкал ее впереди себя. Теперь же он просто оттолкнул ее в сторону, где она и осталась брюзжать по поводу нового революционного урагана, лишенная былой энергии и инициативы.

Возьмем другой пример. В Чили на первом этапе революции удалось достичь достаточно прочного союза рабочего класса со средними городскими слоями, однако затем между ними возникли трения, по-разному стала оцениваться главная задача правительства Народного единства. Городская мелкая буржуазия под влиянием контрреволюционной пропаганды начала серьезно опасаться якобы грозящей ей полной национализации и в конце концов отошла от революции. Огромный урон делу революции нанесли также всякого рода ультралевые группировки, подтолкнувшие в лагерь контрреволюции многие здоровые силы. Весьма показателен и пример португальской революции. На первом ее этапе сложилось единство вооруженных сил и народа, но затем этот союз раскололся.

Какую бы революцию мы ни взяли, везде ее развитие было сопряжено с преодолением серьезных внутренних противоречий. Опыт подтвердил, что резкое обострение внутренних противоречий происходит, как правило, при смене этапов революции, а также после первой победы или первого поражения. Как писал Ф. Энгельс, «такова уж судьба всех революций, что то единение разных классов, которое до известной степени всегда является необходимой предпосылкой всякой революции, не может долго продолжаться. Едва лишь одержана победа над общим врагом, как победители уже расходятся между собой, образуя разные лагери, и обращают оружие друг против друга»[47]. Такая поляризация происходит при всяком крутом повороте.

Одной из причин обострения внутренних противоречий и одновременно следствием этого обострения нередко служит стремление каждого участника революции к сохранению своей самостоятельности, опасение подчиниться воле и интеллекту союзника, оказаться у него в хвосте, на вторых ролях. Избежать столкновения почти невозможно, более того, стремление к примирению нередко оборачивается предательством дела революции.

При изменении ситуации союз различных политических сил может легко распасться, уступая место открытому соперничеству былых союзников. Революция не терпит мещанской сентиментальности. Когда идет борьба за судьбы всего народа, в защиту достигнутых завое-

ваний революции, за ее будущее, нет ничего опаснее, чем не распознать в былом союзнике врага, не заметить его контрреволюционного перерождения.

Само развитие революции ведет к перестройке отношений между теми, кто совместно ее начал, но не может совместно ее продолжать. Нередко революционное настроение самих масс также сменяется утомлением или даже поворотом в противоположную сторону, как только наступает разочарование или возникает страх перед контрреволюцией. Такая ситуация нередко порождает рост внутренних противоречий, которые либо двигают дело революции вперед, либо обрекают ее на поражение, на движение вспять.

Но противоречия возникают не только во взаимоотношениях революционных сил. Немалую роль играет противоречие между целями революции и средствами их достижения. Чтобы покончить с насилием, революция нередко сама прибегает к насилию, что определенной частью общества, в том числе и прогрессивной, оценивается как отрицательный момент. Это ведет к конфронтации между революционными силами и той частью общества, которая в принципе стремится к преобразованию, но без применения насильственных средств. Реакционная же пропаганда каждый революционный акт выдает за террор, неоправданное насилие, чтобы отвратить гражданское население от участия в революции.

Однако история доказала, что подлинную революцию нельзя делать в белых перчатках. Революционное насилие — это действенное средство борьбы против насилия старой власти.

Существует также противоречие между отдельными сторонами (сферами) революции: одна ее сфера направлена на решение задач национального освобождения, другая — на решение социальных (внутренних) проблем, третья — на обеспечение нового пути развития. И все три сферы переплетены, развиваются с разной скоростью, имеют неодинаковые движущие силы. Все это не может не вызывать трения, расколы, противоречия.

Колоссальный разрыв складывается подчас между теми ожиданиями, которыми живут массы накануне революции, и теми непосредственными достижениями, которые она им дает. Чаще всего результаты борьбы оказываются, по мнению масс, слишком малыми. В итоге возникает неудовлетворение, а затем раздражение и даже протест против кажущейся «пассивности», «неспособности» новых властей облегчить положение народа.

Говоря о революционном лагере, К. Маркс подчеркивал, что его монолитность всегда относительна и подвижна, непостоянна, поскольку «является коалицией различных интересов. От ничтожнейшей реформы старого общественного беспорядка до ниспровержения старого общественного порядка, от буржуазного либерализма до революционного терроризма — так далеко отстоят одна от другой крайности, составляющие исходный и конечный пункт «партии анархии»»[48], т. е. революционного лагеря. Отсюда понятно, что «коалиция различных интересов» с самого начала чревата серьезными противоречиями, которые рано или поздно выходят наружу, по-новому освещая все стороны революционного процесса.

Главную роль в сохранении необходимого единства призвано сыграть руководящее ядро революционного лагеря, те социальные и политические силы, которые наиболее последовательно участвуют в революции, наиболее полно выражают общие интересы и более всего способны руководить борьбой. В разных революциях это ядро складывалось по-разному, но везде оно выполняло функцию по преодолению центробежных тенденций, как бы стягивая вокруг себя своей волей и примером всех других участников движения. В тех случаях, когда такое ядро было слабым, революция под грузом внутренних противоречий распадалась, расслаивалась и нередко терпела поражение.

В. И. Ленин подчеркивал, что даже в социалистической революции, а тем более в революции демократической будут участвовать слои мелкой буржуазии, крестьянства и отсталых рабочих, так как «без такого участия *не* возможна *массовая* борьба, не возможна *никакая* революция», а посему неизбежно внесение в движение всякого рода предрассудков, реакционных фантазий, слабостей, непоследовательности, предательства, ошибок и прочих «шлаков»[49].

Мера и характер этих тенденций в каждом конкретном случае разные, но повсеместно и постоянно идет непрекращающийся процесс обострения и притупления противоречий, пульсации напряжений.

Краткий обзор противоречий в развитии современных революций показывает, что система внутренних противоречий революции в наше время стала еще более многообразной и сложной. Это выдвигает в качестве важной теоретической задачи разработку общей концепции противоречий революции, чтобы понять их механизм и сознательно реагировать на них в различных ситуациях.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ТРУДНОСТИ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОШИБКИ

Каждая революция встречает на своем пути огромные трудности объективного порядка. К ним относятся неблагоприятная международная обстановка, небольшие размеры национальной территории, низкий экономический потенциал страны, многоукладность, национальные противоречия и т. д. Для революции, разумеется, далеко не безразличны все эти условия, поскольку от них в немалой степени зависит не только ход, но и исход борьбы. Правда, географический фактор теперь уже не играет такой роли, как прежде. Многие государства, в которых совершились революции, имели небольшие размеры территории, относительно немногочисленное население, низкий уровень хозяйственного развития. Однако можно представить, сколь непросто прогрессивным силам преодолевать эти неблагоприятные моменты, барьер неверия в возможность победы над могущественным врагом, избавляться от сковывающего комплекса «маленькой страны».

Не меньшие препятствия встречаются на пути революции и в крупных странах. Здесь наличие огромной территории и многомиллионного населения не облегчает, а, напротив, затрудняет организацию революционных сил, растягивает классовые коммуникации, порождает региональные диспропорции в ритме, формах и результатах борьбы. Пока в одном районе массы едва пробуждаются, в другом уже идет вооруженная схватка, а в третьем все остается по-старому.

Правда, немалые трудности в этих условиях встречают и контрреволюционные силы, которые вынуждены постоянно перебрасывать свои войска из одного района в другой. Центральная власть не может по-настоящему руководить действиями местных властей. Таким образом, объективные трудности на пути революции подчас оборачиваются и трудностями для контрреволюции, хотя, естественно, они гораздо ниже для того, кто владеет властью, имеет материальные средства, регулярную армию и т. д.

Особо следует сказать о многоукладности. Эта черта характерна для всех стран со средним и особенно низким уровнем развития капитализма. Революция в этих странах разворачивается в неоднородной экономической и социальной среде. Одни формы борьбы характерны для капиталистического города, другие – для феодаль-

ной деревни, третьи — для отсталых скотоводческих племен. Чем шире многоукладность, тем сложнее и противоречивее развивается революционная борьба. Об этом свидетельствует опыт многих стран. Здесь дело не только в том, что многоукладность, как правило, сопровождается недостаточным развитием рабочего класса. Важно и то, что остаются относительно недоразвитыми, политически отсталыми, неорганизованными те социальные классы и слои, которые существуют в условиях докапиталистических укладов.

Все эти факторы оказывают негативное влияние, ослабляя силу революции, но ждать, пока все эти слои разовьются, станут сознательными, означает до греческих календ отложить начало революционного сражения, застрять в болоте отсталости. В этих условиях от смелой инициативы революционного меньшинства подчас зависит пробуждение до этого скрытой энергии масс. В обстановке напряженного общенационального кризиса именно так началась революция в Эфиопии, Афганистане, Никарагуа и ряде других стран. Почти везде инициатива в борьбе против старой власти исходила из капиталистического города, где формировалась мелкобуржуазная (в том числе военная) демократия, укреплялась патриотическая интеллигенция, складывались первые революционные политические организации.

Многоукладная экономика создает для революции особенно много хлопот после свержения старой власти, когда развертывается строительство новых форм общественного производства. Именно эту особенность имел в виду В. И. Ленин, когда писал, что в более отсталых странах легче начать революцию, но значительно труднее ее продолжить и завершить [50]. Многоукладность здесь буквально стоит заслоном на новом пути, хотя, с другой стороны, капиталистический уклад слаб, а посему общинные традиции могут быть использованы в пользу социалистической ориентации.

Наряду с объективными трудностями, которые встречаются на пути каждой революции, пагубное действие оказывают субъективные ошибки, которые допускают в своей политике сами революционные силы. Никто не застрахован от просчетов, поскольку революция решает крайне сложные задачи, сталкивается с самыми неожиданными ситуациями, ведет непрерывную и ожесточенную борьбу с внутренними и внешними врагами.

Известно много просчетов и ошибок стратегического и тактического плана, которые допускали револю-

ционные силы в разных странах. Особенно широко изучались уроки Парижской коммуны благодаря специальным работам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Много написано по проблемам трех российских революций, Венгерской Советской Республики 1919 г., истории народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, революции в Китае. Из революций последнего десятилетия особенно подробно в научной и политической литературе разобраны уроки чилийской и португальской революций.

Не вдаваясь в подробный анализ тактических ошибок, допущенных революционными силами, остановимся на наиболее типичных из них. Возьмем, например, вопрос об отношении коммунистических партий к мелкобуржуазной демократии. Все партии всегда признавали и признают за мелкобуржуазной демократией право на участие в революции, но на деле отношения с этой важной политической силой складывались весьма непросто. Основываясь на правильном тезисе о непоследовательной политике мелкобуржуазных слоев, компартии нередко абсолютизировали эту сторону. В результате в ряде случаев не была замечена другая сторона — способность средних слоев при определенных условиях сыграть позитивную роль и даже взять на себя инициативу революционного выступления. Не случайно поэтому весьма неожиданными явились для многих мужественные действия мелкобуржуазной военной демократии. Некоторые коммунистические партии поначалу дали сугубо негативную оценку этим действиям.

Другой пример. Коммунисты Чили, правильно взяв курс на мирный путь развития демократической революции, не уделили достаточного внимания подготовке масс к активной защите завоеваний революции, в том числе и с оружием в руках. Не совсем удачно строилась тактика Народного единства в отношении городских средних слоев, в том числе интеллигенции и студенчества, которые на определенном этапе отшатнулись от революции, чем и воспользовалась реакция.

Внутри самого блока Народного единства отсутствовало необходимое согласие по стратегическим и тактическим вопросам. Позиция С. Альенде и большинства членов КПЧ исходила из стремления осторожно и постепенно развивать революцию по мирному пути с привлечением всех возможных союзников, в том числе либеральной буржуазии, средних слоев, зажиточного крестьянства.

Линия К. Альтамирано, избранного в 1971 г. генеральным секретарем социалистической партии, ориентировалась на союз рабочего класса с «последовательно революционными» силами — бедняками города и деревни. Национальная буржуазия объявлялась «непреложно контрреволюционной силой», какие-либо политические компромиссы отвергались с порога. Внутренние распри ослабили силы революции.

Революции не всегда завершаются победой, но и из поражений можно извлекать ценный опыт, чтобы научиться побеждать. В. И. Ленин неоднократно указывал, что не только победы, но и поражения дают «революционным партиям и революционному классу настоящий и полезный урок, урок исторической диалектики, урок понимания, уменья и искусства вести политическую борьбу»[51].

События в Чили показали, сколь важно умение защищать революционные завоевания, какое гигантское значение имеет готовность к быстрой смене форм борьбы — мирных и немирных, способность ответить революционным насилием на контрреволюционное насилие буржуазии.

Если говорить о португальской революции 1975 г., то и в ее ходе было допущено немало аналогичных ошибок. Серьезная критика просчетов, имевшихся в деятельности левых сил, была дана А. Куньялом на VIII съезде (1976 г.) партии. «Представление о том,— говорится в этом документе,— что коммунисты одни могут разрешить все проблемы, недостаточная гибкость в отношениях с другими политическими течениями и социальными слоями, даже в отношении союзников, узкая ориентация только на рабочий класс, триумфализм, неумение выработать в конкретных ситуациях ясную платформу действия, закрытие некоторых организаций, острая критика сектантства других при появлении собственного сектантства — все это явилось негативными факторами в развитии партии, в расширении ее влияния на массы, в реализации социальных и политических союзов»[52].

Объективные трудности на пути революции, с одной стороны, слабости и ошибки левых сил — с другой,— вот то поле, на котором всегда стремится собрать свой «урожай» внутренняя и внешняя реакция. Подчас ей удается нащупать наиболее уязвимые стороны революционного процесса, уловить перемены в настроении масс и внезапно нанести чувствительные, а подчас и смертельные удары. Вот почему необходима постоянная оценка ре-

альных трудностей, анализ собственных ошибок, чтобы не дать ни малейшего повода для стратегических и тактических успехов контрреволюции.

Нельзя забывать, что против революции идет атака не только справа, но и «слева», т. е. со стороны левацко-анархистских попутчиков. Со времен М. Бакунина и до сих пор ультралевизна в ее самых различных обличьях внешне выступает в тоге самого радикального крыла революции, на деле же, независимо от намерений ее носителей, объективно служит союзником контрреволюции.

Если классового врага можно поразить одним или несколькими ударами в открытом бою, то левый уклон развивается внутри революционного процесса, незаметно заражая его здоровые «клетки» или даже полностью перерождая отдельные из них. Избавиться от ловко приспосабливающихся к любой обстановке вирусов левизны крайне трудно. Их носители, в основном выходцы из средних слоев и студенчества, пытаются искусственно ускорить революционный взрыв, постоянно подталкивают массы к вооруженной борьбе. Левацкие тенденции троцкистского или анархистского типа сохраняются в революционном движении ряда стран Азии, Африки и Латинской Америки как своеобразные пережитки прошлого, хотя при известных условиях «левые» тенденции могут неожиданно дать самое буйное цветение.

Это относится и к правому оппортунизму, который также порожден «объективными условиями империализма».

Оппортунизм как политическая тенденция многолик и многосущ, что крайне затрудняет борьбу с ним. А поскольку рабочий класс живет и борется не в изоляции, а в соседстве с другими классами и слоями, вирусы оппортунизма — и «левого», и правого — проникают в пролетарскую среду. Вообще говоря, оппортунизм способен размножаться во всех зонах классовой борьбы, проникать из одной зоны в другую подобно летучей инфекции. Наиболее опасный характер этот процесс приобретает в годы революционных подъемов, когда приходят в движение все слои общества.

Чаще всего обе оппортунистические тенденции развиваются параллельно, как бы питая друг друга. Чем активнее действуют правые оппортунисты, тем больше шансов для расцвета левацких настроений, и наоборот. Одной из причин оживления «левого» оппортунизма в последние годы явилось расширение социального состава лагеря революции, втягивание в политическую

борьбу широкой массы непролетарских слоев — мелкой городской буржуазии, служащих, интеллигенции, студенчества и др. Все это привело к привнесению в революционное движение мелкобуржуазных предрассудков и заблуждений, создало неодинаковый уровень политической зрелости, организованности различных слоев трудящихся.

Важно подчеркнуть, что оппортунизм лишь до тех пор остается сам собой, пока он действует в лоне революции, прикрывается ее флагом; когда же налицо переход в лагерь контрреволюции, с этого момента наступает конец оппортунизма как специфической формы политического поведения. На смену ему приходит открытое предательство или контрреволюционное перерождение.

Отмечая различия между правым и «левым» оппортунизмом, нельзя упускать из виду их определенную общность. На эту сторону дела обращал внимание В. И. Ленин, подчеркивавший, что «одна и та же психология, одна и та же классовая особенность, напр., мелкой буржуазии, проявляется и в унынии оппортуниста и в отчаянии террориста» [53]. Именно этим и спешит воспользоваться контрреволюция.

Правда, между оппортунистическими тенденциями, с одной стороны, и силами контрреволюции — с другой, подчас возникают разногласия. Было бы неверно отождествлять оппортунизм с контрреволюцией. Главное различие состоит в том, что оппортунисты формально остаются в рядах революции, иногда сообща действуют вместе со всеми другими силами в борьбе против империализма и реакции, но делают это по-своему, по-оппортунистически, отрицая единую стратегию революции, необходимость единого политического руководства и т. п.

При этом характерно, что ультралевые тенденции по духу и субъективным устремлениям их носителей ближе к революции, чем правый оппортунизм. Они, с одной стороны, в чем-то переплетаются с общей борьбой масс, а с другой — объективно ослабляют лагерь революции, подрывая авторитет политического авангарда. Главная опасность ультралевизны состояла и состоит в том, что она способна увлечь за собой массы, сбить их с правильного пути и тем самым нанести удар по революции.

Следует, конечно, всегда проводить различие между ультралевизной и теми радикальными движениями, которые играют позитивную роль в развитии революции, а иногда выступают в роли ее политического авангарда

(деятельность сандинистов в Никарагуа, повстанцев в Сальвадоре). Социальная энергия непролетарских групп населения – это огромная сила, которая может действовать в союзе со всеми действительно левыми течениями. Только так формируется субъективный фактор революции, обеспечивающий ее успешное продвижение вперед.

БОРЬБА ЗА МИР И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС: НОВАЯ ДИАЛЕКТИКА КЛАССОВЫХ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Развитие мирового революционного процесса прошло ряд этапов, каждый из которых имеет свою историческую специфику. Нынешний этап отличается тем, что он развивается в обстановке резкого обострения международной напряженности. С конца 70-х годов по вине администрации Рейгана, выражающей волю военно-промышленного комплекса США, возникла острая конфронтация, грозящая в любой момент выйти из-под контроля. Понеся в 70-х годах явный урон ввиду победы целой серии народных революций, империализм стремится при помощи насилия добиться социального реванша. С этой целью он перешел к стратегии фронтального контрнаступления. Иными словами, международные условия классовой борьбы по сравнению с периодом разрядки существенно ухудшились.

Перед всеми классами и социальными группами в связи с этим возникла новая проблема – во что бы то ни стало предотвратить ядерную войну и обеспечить сохранение жизни на Земле. Выше этой общечеловеческой задачи нет ничего. Все другие, в том числе классовые и революционные, интересы не могут быть поставлены изолированно, в отрыве от этой главной и всеобщей цели.

В беседе с участниками «Иссык-Кульского форума» деятелей мировой культуры 20 октября 1986 г. М. С. Горбачев специально остановился на этом вопросе: «В. И. Ленин в свое время высказал мысль колоссальной глубины – о приоритетности интересов общественного развития, общечеловеческих ценностей над интересами того или иного класса. Сегодня, в ракетно-ядерный век, значимость этой мысли ощущается особенно остро... Надо сохранить цивилизацию – при всех ее трудностях и противоречиях – для жизни, для человека. А если человечество будет жить, с противоречиями оно

как-нибудь разберется. Поэтому задача задач – сохранить этот мир, может быть, даже уникальный во Вселенной»[54].

На государственном уровне эта задача может быть достигнута при помощи политики мирного сосуществования. Кроме контролируемых государствами международных отношений в обществе действуют и не подвластные чьему-либо «указанию» законы классовой борьбы, которая не прекращается ни на минуту. Продолжается освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки. И социализм, и капитализм так или иначе участвуют в процессах антиимпериалистической борьбы: социализм – как оплот революционных сил, империализм – как главный фактор контрреволюции. При таком положении не исключено резкое обострение отношений между ними вплоть до самой опасной черты. В этой ситуации общечеловеческие интересы выживания становятся выше всего, а значит, им и следует без колебаний отдать полное предпочтение.

Для рабочего класса, всех трудящихся приоритет общечеловеческих ценностей не противоречит их классовым интересам, полностью соответствует стремлению народов к избавлению от войн и насилия, к мирному труду и свободе. Об этом мечтали чартисты. Такую задачу ставили перед рабочим классом К. Маркс и Ф. Энгельс. Идею о мирном сосуществовании противоположных социальных систем выдвинул В. И. Ленин. За мир и разоружение всегда выступали и выступают коммунистические партии и прогрессивные профсоюзы. Не случайно поэтому подлинно миролюбивый характер носит внешняя политика СССР и других стран социалистического содружества. Особенно наглядно свидетельствует об этом инициатива СССР о ликвидации к 2000 г. всего ядерного оружия и об исключении всех форм насилия в международной политике. Иначе говоря, классовые интересы революционных сил в XX в. во всем совпадают с общечеловеческими ценностями и интересами защиты мира на Земле.

Другое отношение к проблемам войны и мира присуще империализму. Для монополий, особенно военных, милитаризация экономики и гонка вооружений – важный источник наживы и средство давления, а войны и насилие – метод осуществления своих глобалистских притязаний, борьбы с социализмом и революционными силами.

В Программе КПСС, принятой на XXVII съезде пар-

тии, дается следующая оценка этой проблемы: «Империализм — виновник двух мировых войн, унесших многие десятки миллионов жизней. Он создает угрозу третьей мировой войны. Достижения человеческого гения империализм ставит на службу созданию оружия чудовищной разрушительной силы. Политика империалистических кругов, готовых жертвовать судьбами целых народов, усиливает опасность того, что такое оружие может быть пущено в ход. В конечном счете это грозит глобальным военным конфликтом, в результате которого не оказалось бы ни победителей, ни побежденных, но могла бы погибнуть мировая цивилизация»[55]. Это означает, что классовые интересы монополистического капитала, особенно его наиболее агрессивных групп, противоречат прочному миру и безопасности, связаны с политикой милитаризации и войн.

В таких условиях всемирно-историческая миссия рабочего класса неизбежно обогащается новым содержанием, включая в себя как социальное освобождение трудящихся от эксплуатации и угнетения, так и освобождение человечества от перспективы гибели в пламени ядерной войны. Сила мирового революционного процесса, в том числе военно-стратегическая мощь социализма, — важнейший фактор сохранения мира и необходимое условие дальнейшего развития борьбы за социальный прогресс.

Новая диалектика классовых и общечеловеческих интересов состоит не в изменении характера требований трудящихся или политики монополистических кругов — они остались прежними, а в том, что сложилась более тесная взаимосвязь борьбы за мир и борьбы за социальный прогресс. И прежде они имели определенную взаимосвязь, но были как бы разделены во времени и пространстве. Теперь одно невозможно без другого.

Новое состоит также в том, что все более широкие социальные группы, включая непролетарские слои населения, активно участвуют в борьбе против военной угрозы, что открывает возможности для формирования широкой коалиции миролюбивых и демократических сил.

Огромную роль в мобилизации общественного мнения в пользу мирного сосуществования играет активная внешняя политика КПСС и Советского государства, других социалистических стран. Подписание в 1975 г. в Хельсинки соглашений по безопасности и сотрудничеству в Европе явилось крупным успехом всех миролю-

бивых и демократических сил. Однако с тех пор ситуация серьезно ухудшилась. США взяли курс на подготовку «звездных войн» и превратили Западную Европу в стартовую площадку своих ядерных ракет. Военные приготовления империализма вызвали мощный подъем миролюбивых массовых движений, в которых ныне участвуют десятки и сотни партий, организаций и групп. В одних рядах борцов за спасение жизни на Земле оказались представители различных классовых ориентаций, самых противоречивых политических течений.

Налицо массовый и во многом стихийный, более того, в значительной степени эмоциональный характер выступлений в защиту мира, в которых на основе простой и ясной цели объединяются десятки миллионов людей. Это в свою очередь предполагает социальный, политический и идеологический плюрализм движения и, как следствие, отсутствие единого и всеми признанного руководящего центра. В известной мере речь идет о некоем потоке различных акций, выступлений, движений, совпадающих по целям лишь в самом главном, но стоящих на разных политических позициях в оценке причин кризисной ситуации и путей выхода из нее.

Важной особенностью современного антивоенного движения являются его всемирные, а не узконациональные или региональные рамки и масштабы, хотя в каждой стране имеется своя национальная специфика. В ходе современного движения против войны, как правило, создаются новые организационные структуры, причем их число уже достигает сотен и тысяч. В то же время продолжают действовать старые структуры — международные объединения, партии, профсоюзы, ассоциации по профессиям, региональные центры, молодежные федерации. Во многих странах и те и другие еще слабо связаны между собой, действуя каждый на свой страх и риск. Международное антивоенное движение как бы питается их соками, их силой, но не подавляя инициативу и самостоятельность каждого, образуя широкий живой поток разнообразных течений.

Борьба за мир приобретает не только массовый, но и наступательный характер, оказывая растущее воздействие на выработку государственной политики. Конечно, буржуазные правительства далеко не всегда учитывают волю миллионов, но игнорировать ее оказывается все сложнее и опаснее.

Более того, от стихийного антивоенного протеста широкие слои переходят на позиции сознательного антиим-

периализма, связывая воедино антивоенные и социальные требования. Постепенно складывается даже некая «революционная сторона» современной фазы антивоенного движения, которая заключается в стремлении разорвать порочный круг войн и агрессий, вывести мир за рамки термоядерной катастрофы и создать новый мировой экономический и политический порядок без насилия и войн.

Разве эти цели не имеют революционного содержания? Конечно, имеют. Для борьбы за эти цели нужны не меньший героизм и сила воли, чем для совершения революции.

Антивоенное массовое движение — это самое широкое общедемократическое и гуманистическое движение, и вместе с тем это движение глубоко социальное, объективно имеющее антиимпериалистическое содержание. Антивоенная борьба направлена против самой сути современного империализма — против милитаризма и военно-промышленного комплекса.

В ходе борьбы за мир и безопасность постепенно создается новая иерархия ценностей, складывается новое политическое мышление по проблемам современной и будущей жизни общества, социального прогресса, демократии, морали и т. д. Это обстоятельство приобретает исключительно важное значение, поскольку во многом предопределяет и другие стороны поведения людей. Ныне повсюду все более явственный приоритет получает идея о необходимости предотвращения ядерной катастрофы. Новая логика мышления в ядерный век совершенно по-новому ставит и вопросы демократии, и право наций на самоопределение и выбор ими пути развития, и проблему гонки вооружений, и многие другие сложные вопросы современной жизни.

Внутри антивоенного движения многое еще не устоялось, идет постоянная перегруппировка сил, смена лозунгов, поиски форм и методов борьбы. Вместе с тем налицо серьезные внутренние противоречия, идеологическая и политическая борьба между различными течениями. хотя объективно все они в главном и основном защищают одну идею — идею предотвращения ядерной катастрофы.

Отношение к миру в условиях возможного глобального самоубийства служит ныне главным критерием нравственного и политического самосознания каждого человека, каждой партии, каждого правительства и государства.

Отмечая позитивные черты в расширении антивоенного движения, нельзя не видеть и некоторые слабости. Прежде всего еще явно не в полную силу развернулась вся мощь рабочего класса и его организаций. Это, по-видимому, связано с тем, что не преодолен прежний разрыв между социальными требованиями трудящихся и их выступлениями в защиту мира, т. е. не произошло полного и органического совмещения этих двух основных направлений борьбы. Сохраняются старые сектантские тенденции в деятельности ряда коммунистических партий, что проявляется в неумении открыто и инициативно сотрудничать с пацифистами, в том числе с религиозными кругами.

В течение ряда лет среди многих сторонников мира преобладало мнение о равной ответственности «двух сверхдержав» за гонку вооружений и международную напряженность. Предложение СССР от 15 января 1986 г. о ликвидации ядерного оружия к 2000 г., односторонний мораторий на испытания ядерного оружия, другие советские инициативы имели огромное значение. Они позволили преодолеть эту тенденцию и склонить общественное мнение на сторону миролюбивой политики СССР и других стран социализма.

Некоторые буржуазные политологи считают, что главной причиной современного антивоенного движения является страх людей перед угрозой ядерной смерти. Но объяснять страхом небывалый размах борьбы за мир, конечно, неверно. Страх парализует волю, а мы видим обратный процесс: укрепление воли масс. Не страх, а ответственность за судьбы мира, вера в реальную возможность отвести угрозу войны — вот что движет массами сегодня. Опыт классовой борьбы, в том числе революционный опыт XX в., служит в этом отношении тем идейным и духовным базисом, опираясь на который можно найти наиболее приемлемые и современные формы развития и борьбы классов, с одной стороны, укрепления мира и безопасности народов — с другой.

Глубоким заблуждением, если не сознательной фальсификацией, является мнение о том, что мир и борьба за социальный прогресс несовместимы. Они и совместимы, и взаимосвязаны друг с другом. Какие бы действия ни предпринимал империализм, он неизбежно встретит еще большее противодействие народов, всех прогрессивных и демократических сил. Такова диалектика современности.

Опыт XX в. показывает, что из 58 революций 36, т. е.

подавляющее большинство, развивались в условиях мира, а не войны. Нет никаких оснований считать, что эта закономерность перестала действовать в связи с угрозой ядерной войны. Как бы империализм ни пугал народы войной, он сам ее боится. Не случайно все планы использования атомного оружия в отношении Китая, Кореи, Вьетнама были в конечном счете отброшены. Особенно значительным в этом отношении явился опыт карибского кризиса 1962 г. Империализм вынужден идти на компромиссы и приспосабливаться к новым политическим реалиям, дабы самому не сгореть в военном пожаре.

Новое состоит не в том, что революция готова в страхе отказаться от самой себя, а в том, что она развивается теперь в новых исторических условиях, в условиях ядерного противостояния. Этот фактор вносит много нового, в чем-то меняет, и весьма существенно, и формы, и ритм, и характер социальных массовых движений. Возникают новые проблемы и трудности. Однако нет сомнений, что революционные силы сумеют преодолеть все препятствия, правильно оценить сложившуюся обстановку и найти смелые стратегические решения. При всей неравномерности, сложности и противоречивости поступательное движение человечества к социализму и коммунизму неодолимо.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революционный опыт XX в. — это поистине уникальное богатство мирового сообщества народов, накопленное в нелегкой и длительной борьбе. Благодаря усилиям и героизму трудящихся, в первую очередь рабочего класса, были одержаны поистине исторические победы. В начале XX в. везде безраздельно господствовали капиталистические и феодальные порядки. Капитализм в наиболее передовых странах достиг своей высшей, монополистической стадии. Казалось, что буржуазный строй обрел незыблемую мощь. Царская Россия играла роль жестокого жандарма в Европе и на Ближнем Востоке. Англия и США держали в узде Латинскую Америку. В Африке и Азии неприступными выглядели устои колониализма. На Тихом океане набирала силу Япония. XX век сулил стать «золотым веком» капитализма.

Прошло всего 15—20 лет, и стало ясно, что империализм — это не только высшая, но и последняя ступень истории эксплуататорского общества. Революция 1905—1907 гг. в России взорвала «мирную жизнь» и привела в движение колоссальные, дотоле дремавшие социальные силы.

Октябрь 1917 г. ознаменовал начало новой исторической эпохи — эпохи революционного обновления мира.

В течение семи истекших десятилетий произошло более 50 революций в самых разных странах Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Социализм стал мировой системой. Сложилось прочное содружество социалистических государств. Сейчас уже $^1/_3$ населения Земли живет в условиях социализма. На долю молодых государств социалистической ориентации приходится около 20% населения. Таким образом, к концу XX в. примерно половина землян навсегда вырвалась из оков эксплуатации. Успешно развивается новая, коммунистическая цивилизация. Таково первое главное достижение XX в., открывающее путь к полной и окончательной победе коммунизма.

В начале XX в. самый революционный в истории класс — рабочий класс был относительно невелик; теперь его численность превышает 660 млн человек. Но дело не только в количественном росте. В начале XX в. господ-

ствующие позиции в международном рабочем движении принадлежали реформистским партиям II Интернационала. Теперь коммунистические партии действуют в 95 странах мира, объединяя в своих рядах более 80 млн человек. В 15 странах социализма коммунисты стоят у власти и руководят созиданием нового общества. Международное коммунистическое движение превратилось в самую влиятельную политическую силу современности.

В начале XX в. подавляющее большинство стран Азии и Африки находилось в оковах колониального рабства, а Латинская Америка, обладая формальной политической независимостью, развивалась в условиях экономической зависимости от империализма.

Спустя семь десятилетий обстановка в корне изменилась: колониальная система империализма повергнута в прах. И хотя многие страны еще остаются в империалистической зависимости, страдают от неоколониалистских форм эксплуатации, десятки государств Азии, Африки и Латинской Америки сумели добиться подлинной самостоятельности и суверенитета, успешно развиваются по пути свободы и прогресса.

В начале века широкие слои трудящихся, особенно на периферии капитализма, не имели серьезного политического опыта, были способны лишь на стихийные формы протеста. Революция 1905—1907 гг. и последовавший за ней цикл буржуазно-демократических революций впервые пробудили к активной борьбе народы Азии и Латинской Америки. Под влиянием Великого Октября в политическую жизнь втянулись миллионы людей всего мира.

За десятилетия борьбы массы накопили богатый революционный опыт, резко возросли их организованность и политическое сознание. Возник и окреп народный фактор революционных процессов.

Опыт Октября 1917 г. и идейно-политический авторитет большевизма способствовали соединению рабочего движения и освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран. После 1917 г. благодаря деятельности Коминтерна фактически впервые открылись возможности для теоретического обобщения и распространения революционного опыта, его подлинной интернационализации. Этот процесс развивался в остром противоборстве с контрреволюционными, в том числе антикоммунистическими, тенденциями, в борьбе с «левым» и правым оппортунизмом.

Противоборство теоретических концепций и раз-

личных политических курсов развертывалось в сложной и чрезвычайно многообразной политической обстановке, которая порождала в каждой стране «свой» опыт и «свои» традиции революционной борьбы. Национальное своеобразие иногда абсолютизировалось и противопоставлялось общим закономерностям мирового революционного процесса. Особенно на этом поприще постарались буржуазная пропаганда и различного рода оппортунистические силы. Однако их усилия оказались тщетными. Важным итогом XX в. явилась идейная победа марксизма-ленинизма, преодоление многих «лево»- и правооппортунистических тенденций.

В начале XX в. революционный опыт (особенно опыт крупных социальных революций) имел весьма ограниченные масштабы. В основном он сводился к урокам буржуазных революций XVII—XIX вв., нескольких крупных пролетарских восстаний (Лионские восстания 1830 и 1834 гг., восстания в Париже, Берлине и Вене в 1848 г.), ряда стихийных крестьянских войн и антиимпериалистических выступлений, а также Парижской коммуны. Лишь небольшое меньшинство передового рабочего класса обладало политическим сознанием, стояло на почве научного социализма.

Ныне положение иное. Объем и качество международного революционного опыта стали исключительно богатыми и разнообразными. Он включает опыт строительства социализма и международного социалистического сотрудничества, опыт развития десятков освободившихся государств, идущих по пути социалистической ориентации, опыт революционных битв народов Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, рабочего и коммунистического движения.

Развитие мирового революционного процесса в 80-х годах столкнулось с новой надклассовой общечеловеческой проблемой — проблемой спасения жизни человеческого рода. В этой новой реальности опыт XX в. служит важным ориентиром, но жизнь требует новых, нетрадиционных подходов. И такие подходы помогают нащупать анализ уроков истории, опыта борьбы в годы второй мировой войны против фашизма, за спасение мировой цивилизации.

Послевоенная практика показала, что развитие классовой борьбы не противоречит задаче сохранения мира. Особенно важен в этом отношении опыт карибского кризиса в октябре 1962 г., когда мир оказался буквально на волоске. С тех пор ситуация не раз обострялась до край-

ности, но всякий раз удавалось находить компромиссные решения и предотвращать военное столкновение систем. Линию на безусловное исключение насилия из мировой политики последовательно проводят Советский Союз и другие страны социалистического содружества. При этом они исходят из того, что сохранение мира является не только необходимым условием для дальнейшего развития борьбы прогрессивных сил за социальный прогресс, но и важнейшей общечеловеческой самоцелью. Такой подход свидетельствует о новом политическом мышлении.

Рабочий класс и его коммунистические партии, отстаивая свои революционные идеалы, творчески развивая теорию и практику классовой борьбы и освободительного антиимпериалистического движения, проводят последовательный курс на единство действий всех людей труда в борьбе за их общие интересы, за прочный мир и безопасность народов, за национальную независимость, демократию и социализм. В этом на практике в новых формах продолжается дело Великого Октября.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 6.
[2] См.: Правда. 1987. 28 янв.
[3] Там же.
[4] См. подробнее: *Гавлин М. Л., Казакова Л. А.* Современные буржуазные теории социальной революции. М., 1980.
[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 384.
[6] Там же. Т. 33. С. 29.
[7] См. там же. Т. 41. С. 78.
[8] Там же. Т. 27. С. 11.
[9] См. там же. Т. 20. С. 65.
[10] Там же. Т. 16. С. 347.
[11] Там же. Т. 9. С. 381.
[12] Там же. Т. 25. С. 133.
[13] Там же. Т. 41. С. 65.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] *Симбирский Н.* Правда о Гапоне и «9-м января». СПб., 1906. С. 72, 73–74.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 227.
[3] См.: История рабочего класса СССР: Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 338.
[4] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 3: Начало революционных битв XX века. М., 1978. С. 121.
[5] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 131.
[6] Там же. Т. 41. С. 4.
[7] См. там же. Т. 12. С. 34.
[8] Там же.
[9] Цит. по: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 57–58.
[10] Там же. С. 167.
[11] Там же. С. 115.
[12] *Милюков П.* Год борьбы: Публицистическая хроника 1905–1906. СПб., 1907. С. 497–498.
[13] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 220.
[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 6. С. 114.
[15] Там же. С. 116.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 131.
[17] Там же. С. 308.
[18] См. там же. Т. 41. С. 8.
[19] Подробнее см.: *Иванов М. С.* Движущие силы иранской революции 1905–1911 гг. М., 1960; История Ирана. М., 1977; Иран: Очерки новейшей истории. М., 1976.
[20] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 3. С. 414.
[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 4.

[22] Там же. Т. 17. С. 174.
[23] См.: *Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М., 1983; *Шпилькова В. И.* Младотурецкая революция 1908–1909 гг. М., 1977.
[24] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 177.
[25] Там же. С. 223.
[26] Там же. Т. 33. С. 39.
[27] Там же. Т. 23. С. 167.
[28] См. подробнее: Революционная демократия и коммунисты Востока. М., 1984. С. 45–47.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 83.
[30] Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 3. С. 414.
[31] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 401.
[32] См.: *Ефимов Г. В.* Буржуазная революция в Китае и Сунь Ят-сен (1911–1913 гг.): Факты и проблемы. М., 1974. С. 66–67.
[33] См. подробнее: Синьхайская революция 1911–1913 гг. М., 1968; *Белов Е. А.* Революция 1911–1913 годов в Китае. М., 1958.
[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 402–403.
[35] Там же. Т. 23. С. 139.
[36] Там же. С. 3.
[37] См. там же. Т. 27. С. 383.
[38] См.: Очерки новой и новейшей истории Мексики. 1810–1945. М., 1960. С. 265.
[39] См.: *Альперович М. С., Руденко Б. Т.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. и политика США. М., 1958. С. 53.
[40] История мексиканской революции 1910–1917 гг. исследована достаточно основательно. Из наиболее содержательных трудов советских ученых следует выделить: *Альперович М. С., Руденко Б. Т.* Указ. соч.; *Лавров Н. М.* Мексиканская революция 1910–1917 гг. М., 1972; Очерки новой и новейшей истории Мексики.
[41] Очерки новой и новейшей истории Мексики. С. 259–260.
[42] См. подробнее: *Лавров Н. М.* Указ. соч.
[43] *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары. Т. III. М., 1935. С. 373.
[44] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 41.
[45] См. там же. Т. 22. С. 258.
[46] Там же. С. 252.
[47] Цит. по: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 14.
[48] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 331.
[49] Там же. С. 15.
[50] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее: КПСС в резолюциях...). Ч. I: 1898–1925 гг. М., 1953. С. 391.
[51] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 280.
[52] Там же. Т. 36. С. 361.
[53] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 3. С. 604.
[54] См.: *Бурджалов Э. Н.* Указ. соч. С. 90.
[55] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278.
[56] См.: Гегемония пролетариата в трех русских революциях. М., 1975. С. 191.
[57] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 67.
[58] Там же. С. 24.
[59] Революционное движение после свержения самодержавия. М., 1957. С. 5.
[60] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 6.

61 *Кольцов М.* Февральский март. М., 1927. С. 6.
62 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.
63 Там же. Т. 34. С. 63.
64 Там же. Т. 31. С. 156.
65 Там же. Т. 34. С. 11.
66 См. там же. С. 11—12.
67 Там же. С. 49.
68 Там же. С. 83.
69 Там же. С. 63.
70 Там же. С. 135.
71 Там же. С. 14.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1 КПСС в резолюциях... Ч. I. С. 376.
2 Цит. по: *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. С. 423.
3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 250.
4 Там же. С. 120—121.
5 Там же. С. 390.
6 См.: *Голиков Г.* Великий Октябрь. Начало новой эры. М., 1982. С. 145—146.
7 См.: *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 70.
8 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435—436.
9 Там же. Т. 35. С. 3.
10 Там же. С. 287.
11 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 124.
12 *Castro F.* La Revolución de Octubre y la Revolución Cubana. Discursos. 1959—1977. La Habana, 1977. P. 69.
13 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 16.
14 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 11.
15 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 11.
16 Там же. С. 9.
17 Там же. Т. 37. С. 311—312.
18 См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. I. М., 1967. С. 244, 247.
19 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 216.
20 Там же. Т. 34. С. 321.
21 См. там же. С. 305.
22 См. там же. Т. 36. С. 51.
23 Там же. Т. 12. С. 171.
24 Там же. Т. 16. С. 119.
25 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 22.
26 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 189.
27 См. там же. Т. 32. С. 310.
28 См. там же. Т. 34. С. 277.
29 Там же. Т. 41. С. 14—15.
30 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 412.
31 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 7.
32 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 385.
33 См. там же. Т. 35. С. 245.
34 Там же. С. 301, 303.
35 См. там же. Т. 36. С. 15.
36 Там же. Т. 37. С. 299.
37 См. там же. С. 300.

[38] См. там же. С. 301.
[39] Там же. С. 74.
[40] Там же. Т. 41. С. 3.
[41] Там же.
[42] Там же. Т. 38. С. 180.
[43] Там же. Т. 35. С. 90.
[44] См. *Куусинен О. В.* Избранные произведения (1918–1964). М., 1966. С. 15–16.
[45] Там же. С. 16.
[46] См.: 40 лет рабочей революции в Финляндии: Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Финляндии // Новая и новейшая история. 1958. № 2. С. 122.
[47] *Саломаа Э.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на рабочее движение Финляндии. М., 1967. С. 22.
[48] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 4: Великий Октябрь и международный рабочий класс (1917–1923). М., 1980. С. 144.
[49] *Куусинен О. В.* Указ. соч. С. 15–17.
[50] Из истории Коммунистической партии Финляндии. М., 1960. С. 21.
[51] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 157.
[52] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 471.
[53] Об этом факторе как одной из причин длительного существования империи Габсбургов писал В. И. Ленин (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 270).
[54] См.: *Пристер Е.* Краткая история Австрии. М., 1952. С. 491.
[55] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 312–313.
[56] Цит. по: *Пристер Е.* Указ. соч. С. 503.
[57] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 394.
[58] См.: *Бауэр О.* Австрийская революция 1918 года. М.; Л., 1925. С. 63.
[59] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 4. С. 147.
[60] См. там же. С. 149.
[61] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 34. С. 248.
[62] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 152.
[63] См. там же. С. 527.
[64] Там же. С. 112.
[65] Там же. С. 151.
[66] См.: *Фюрнберг Ф.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Австрию. М., 1967. С. 90.
[67] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 121.
[68] См. там же. Т. 38. С. 166.
[69] См. там же. Т. 44. С. 145.
[70] К числу основных достижений советской историографии Ноябрьской революции можно отнести следующие труды: *Драбкин Я. С.* Ноябрьская революция в Германии. М., 1967; *Застенкер Н. Е.* Баварская советская республика. М., 1934; *Зубок Л. И.* Германия в 1918–1923 годах. М., 1945; *Кривогуз И. М.* «Спартак» и образование Коммунистической партии Германии. М., 1962; *Давидович Д. С.* Революционный кризис 1923 г. в Германии и Гамбургское восстание. М., 1963; *Кульбакин В. Д.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962, и др.
[71] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 186.
[72] Там же. Т. 37. С. 459.
[73] Цит. по: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 4. С. 150.
[74] См. там же. С. 149.
[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 531.

[76] Цит. по: *Драбкин Я. С.* Указ. соч. С. 35.
[77] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 331.
[78] Цит. по: *Драбкин Я. С.* Указ. соч. С. 90.
[79] Цит. по: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 4. С. 193.
[80] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 161.
[81] См.: *Драбкин Я. С.* Указ. соч. С. 392.
[82] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 350.
[83] Там же. Т. 38. С. 178.
[84] Там же. Т. 37. С. 109–110.
[85] См.: *Драбкин Я. С.* Указ. соч. С. 148.
[86] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 77.
[87] См. там же.
[88] Там же. С. 77–78.
[89] См. подробнее: *Кенде Я., Гечени Л., Штейнбах А.* Венгерские революции 1918 и 1919 гг. М., 1969; История венгерского революционного рабочего движения. Т. 1. М., 1970; *Лебов М. Ф.* Венгерская Советская республика 1919 года. М., 1959; *Липтаи Э.* Венгерская Советская республика. М., 1970; *Рети Л.* Ленин и венгерское рабочее движение. М., 1972, и др.
[90] См.: История венгерского революционного рабочего движения. Т. 1. С. 165.
[91] См.: История Венгрии. Т. III. М., 1972. С. 63–64.
[92] Там же. С. 28–29.
[93] Там же. С. 52.
[94] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 260.
[95] См.: *Кун Б.* О Венгерской Советской Республике (Избранные статьи и речи). М., 1966. С. 125–128.
[96] Там же. С. 143.
[97] См.: История Венгрии. Т. III. С. 169–170.
[98] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 80.
[99] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 205.
[100] *Кун Б.* Указ. соч. С. 350.
[101] См.: 1919 год в Венгрии: Сборник материалов. К 40-летию Венгерской Советской Республики. М., 1959. С. 48.
[102] *Кун Б.* Указ. соч. С. 440.
[103] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 214.
[104] Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 195.
[105] Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 4. С. 629.
[106] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 204.
[107] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 4. С. 632.
[108] *Димитров Г.* Избранные статьи и речи. М., 1972. С. 38.
[109] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54.
[110] См. там же. С. 36.
[111] К наиболее интересным работам советских авторов, посвященным ирландской революции, можно отнести следующие: *Керженцев П. М.* Ирландия в борьбе за независимость. М., 1936; *Колпаков А. Д.* Ирландия – остров мятежный (Ирландский народ в борьбе за независимость 1900–1963 гг.). М., 1965; *Орлова М. Е.* Ирландия в поисках путей независимого развития. 1945–1948. М., 1973.
[112] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 376.
[113] См.: *Колпаков А. Д.* Ирландия на пути к революции. 1900–1918. М., 1976. С. 70.

[114] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 317.
[115] Там же. Т. 30. С. 54.
[116] Там же. Т. 45. С. 174.
[117] Подробнее см.: *Коваль Б. И.* История бразильского пролетариата (1957—1967). М., 1968.
[118] *Коваль Б. И.* Свет Октября над Латинской Америкой. М., 1977. С. 122.
[119] Там же. С. 124—125.
[120] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 246.
[121] См.: *Ким Г. Ф., Шабшина Ф. И* Союз рабочего класса с крестьянством и опыт социалистических стран Азии (На примере МНР, КНДР, ДРВ). М., 1977. С. 20—21.
[122] См.: Всемирная история. Т. VIII. М., 1961. С. 419.
[123] См. подробнее: *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
[124] История Монгольской Народной Республики. М., 1967. С. 273.
[125] Советско-монгольские отношения. 1921—1974: Документы и материалы. Т. 1. 1921—1940. М., 1975. С. 22.
[126] Цит. по: Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. С. 70.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[1] Коммунистический Интернационал в документах (решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ). 1919—1932 гг. (далее: Коммунистический Интернационал в документах). М., 1933. С. 53—54.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 14.
[3] См. там же. Т. 37. С. 245.
[4] См.: Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. С. 110.
[5] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 4. С. 357.
[6] См. там же. С. 358.
[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 78—79.
[8] См. там же. Т. 36. С. 174.
[9] *Дюкло Ж.* Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975. С. 18.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 162.
[11] См. там же. С. 233.
[12] Коммунистический Интернационал. 1920. № 15. С. 3374.
[13] См. там же.
[14] Там же. С. 3377.
[15] Там же. С. 3337—3338.
[16] Там же. С. 3380.
[17] Там же. С. 3377.
[18] Там же. С. 3382.
[19] Там же. С. 3390.
[20] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 293.
[21] См. там же. С. 311.
[22] Там же. Т. 41. С. 233.
[23] См. там же. С. 241.
[24] См. там же. С. 166, 243, 244.
[25] См. там же. С. 216.
[26] Текст «Дополнительных тезисов» опубликован в приложении документов к XXV тому третьего издания Сочинений В. И. Ленина (*Ленин В. И.* Соч. Т. XXV. С. 573—575), а также в другом

переводе (Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала. Второй конгресс Коминтерна, июль—август 1920 г. М., 1934. С. 497—498).

27 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 243.

28 Там же. С. 243—244.

29 Коммунистический Интернационал в документах. С. 173.

30 Цит. по: Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. М., 1969. С. 139.

31 Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. IV. М.; Л., 1929. С. 6.

32 См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 4. С. 429.

33 См. там же. С. 434.

34 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 402.

35 См.: *Мяо Чу-хуан.* Краткая история Коммунистической партии Китая. М., 1958. С. 36, 67.

36 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 167.

37 Коммунистический Интернационал в документах. С. 322.

38 Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. С. 140.

39 История национально-демократической революции 1925—1927 гг. в Китае освещается в следующих работах: *Юрьев М. Ф.* Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968; *Григорьев А. М.* Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг. М., 1980; Новейшая история Китая. 1917—1927. М., 1983; Рабочее движение в Китае. Революция 1924—1927 гг.: Сборник документов профсоюзного движения и др. материалов. М., 1966, и др.

40 Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. С. 302.

41 Там же. С. 131.

42 См.: *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М., 1964. С. 399—412.

43 См. подробнее: История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974; Новейшая история Китая. 1917—1927; Новейшая история Китая. 1928—1949. М., 1984.

44 *Сталин И. В.* Соч. Т. 7. М., 1954. С. 144.

45 Там же. С. 147.

46 См. подробнее: Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. С. 262—272.

47 См.: Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. С. 149.

48 См.: Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. С. 256.

49 Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. С. 315—316.

50 История антиимпериалистической борьбы в Индии, в том числе история гандизма как идеологии и политики популизма, исследована в следующих работах: *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955; *Он же.* Автобиография. М., 1955; *Рославлев У.* Гандизм. М.; Л., 1931; *Комаров Э. Н., Литман А. Д.* Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди. М., 1969; *Мартышин О. В.* Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. М., 1970; *Девяткина Т. Ф., Егорова М. Н., Мельников А. М.* Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. М., 1978; Проблемы коммунистического движения в Индии. М., 1971; Новейшая история Индии. М., 1959; *Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г.* История Индии. Краткий очерк. М., 1973; *Рай-*

ков А. Б. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу. 1905—1930 гг. М., 1979.

51 *Мартышин О. В.* Указ. соч. С. 171.

52 См. там же. С. 198.

53 Там же. С. 133.

54 *Ганди М. К.* Моя жизнь. М., 1969. С. 508.

55 Там же. С. 376.

56 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 296.

57 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. С. 135—136.

58 См.: *Ганди М. К.* Указ. соч. С. 503.

59 Там же. С. 506.

60 См.: Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. С. 385.

61 См.: Коминтерн и Восток: Критика критики. Против фальсификации ленинской стратегии и тактики в национально-освободительном движении. М., 1978. С. 175.

62 Цит. по: Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. С. 386.

63 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 37.

64 Цит. по: Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. С. 382.

65 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 457.

66 См. там же. С. 243.

67 Там же. С. 122.

68 См.: В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970. С. 306.

69 Цит. по: Коминтерн и Восток: Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении. С. 139.

70 См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 7. С. 147—148.

71 См.: Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. С. 242—243.

72 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 78.

73 Там же. С. 80.

74 См. подробнее: Пролетариат Латинской Америки. М., 1968; *Ермолаев В. И., Шульговский А. Ф.* Рабочее и коммунистическое движение в Латинской Америке (с Октября до наших дней). М., 1970; *Коваль Б. И., Семенов С. И., Шульговский А. Ф.* Революционные процессы в Латинской Америке. М., 1974, и др.

75 Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. IV. С. 235.

76 См.: Коминтерн и Восток: Критика критики. Против фальсификации ленинской стратегии и тактики в национально-освободительном движении. С. 170.

77 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 162.

78 См. там же. С. 167—168.

79 Там же. С. 246.

80 Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. IV. С. 117.

81 Там же. С. 119.

82 См. там же. С. 120.

83 См. там же. С. 121.

84 См.: Коммунистический Интернационал. 1926. № 14. С. 47.

85 Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. VI. М.; Л., 1929. С. 125.

86 Цит. по: За единство всех революционных и демократических сил. М., 1966. С. 122.

87 См.: Программа и Устав Коммунистического Интернационала. М., 1936. С. 110, 111.

[88] См.: Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. VI. С. 125.
[89] См. подробнее: Очерки истории Бразилии. М., 1962; *Коваль Б. И.* История бразильского пролетариата (1957–1967).
[90] См. подробнее: *Хенкин С. М.* Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. 20–30-е гг. XX в. М., 1985.
[91] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178.
[92] Колониальные проблемы. Сб. 3–4. М., 1935. С. 105.
[93] Колониальные проблемы. Сб. 2. М., 1934. С. 236.
[94] Архив Государственного музея Революции СССР, д. 709, л. 404–11 п.
[95] Там же, д. 744, л. 405–11 т.
[96] Ideario Politico del general Augusto Cesar Sandino. S. l., s. a. P. 18.
[97] Цит. по: *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 216–217.
[98] См.: Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (Материалы). М., 1935. С. 390–422.
[99] См. там же. С. 393.
[100] См.: Проблемы Южной и Карибской Америки. М., 1934. С. 303.
[101] См. там же. С. 23–24.
[102] Колониальные проблемы. Сб. 2. С. 253.
[103] См.: *Коваль Б. И.* Рабочее движение в Латинской Америке (1917–1959). М., 1979. С. 59.
[104] Там же.
[105] См.: Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. С. 393.
[106] El movimiento obrero cubano. Documentos y articulos. 1925–1935. T. II. La Habana, 1977. P. 440–441.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 300–301.
[2] См.: Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт пролетариата. 1920–1923 гг. М., 1977. С. 21.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 7.
[4] Там же. Т. 45. С. 140.
[5] Цит. по: Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт пролетариата. С. 74.
[6] См.: Коммунистический Интернационал в документах. С. 760.
[7] См.: Борьба за мир: Материалы трех Интернационалов. М., 1967. С. 384.
[8] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 5: Созидатель социализма, борец против фашизма. М., 1981. С. 163; Борьба за мир: Материалы трех Интернационалов. С. 384, 393.
[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 408.
[10] См.: *Ривера К.* Воспоминания. М., 1976. С. 139.
[11] См.: *Ширина К. К.* Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934–1939 гг.). М., 1979. С. 26.
[12] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 5. С. 158, 203–205, 161, 189.
[13] См. подробнее: *Гинзберг Л. И.* Рабочее и коммунистическое движение в Германии в борьбе против фашизма (1919–1933). М., 1978. С. 163.
[14] Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 5. С. 284.

[15] См. там же. С. 302–303.
[16] См. там же. С. 297.
[17] См.: Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. С. 213.
[18] См.: Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. С. 170.
[19] См. там же. С. 170–171.
[20] Коммунистический Интернационал. 1922. № 23. С. 6222.
[21] *Димитров Г.* Избранные произведения. Т. I. М., 1957. С. 435.
[22] *Торез М.* Единый и народный фронт во Франции. М., 1935. С. 43, 57.
[23] *Димитров Г.* Избранные статьи и речи. С. 200.
[24] См.: Коммунисты Западной Европы в борьбе за единый фронт пролетариата. С. 165.
[25] Там же. С. 181.
[26] См.: Коммунисты в авангарде борьбы за единый рабочий и народный фронт 1934–1939: К пятидесятилетию VII конгресса Коминтерна. М., 1985. С. 44.
[27] См.: Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. С. 198–200.
[28] Цит. по: *Ширия К. К.* Указ. соч. С. 146.
[29] См. подробнее: *Егоров Ю. В.* Народный фронт во Франции (Внутриполитическая борьба во Франции в 1934–1938 гг.). Курс лекций. Л., 1972; *Салычев С. С.* Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921–1940 гг. М., 1973; *Покровская С. А.* Движение против войны и фашизма во Франции. 1932–1939 гг. М., 1980, и др.
[30] О национально-революционной антифашистской войне в Испании в 1936–1939 гг. см. следующие работы: *Пожарская С. П.* Тайная дипломатия Мадрида (Внешняя политика Испании в годы второй мировой войны). М., 1971; Испания. 1918–1972. Исторический очерк. М., 1975; *Пожарская С. П.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931–1939. М., 1966; *Майданик К. Л.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне. 1936–1937 гг. М., 1960; *Мещеряков М. Т.* Испанская республика и Коминтерн (Национально-революционная война испанского народа и политика Коммунистического Интернационала, 1936–1939 гг.). М., 1981; Из истории освободительной борьбы испанского народа. Сборник статей. М., 1959; *Пономарева Л. В.* Рабочее движение в Испании в годы революции. 1931–1934. М., 1965, и др.
[31] См.: Испания 1918–1972 гг.: Исторический очерк. С. 175–184.
[32] Международная встреча, посвященная 30-летию VII конгресса Коминтерна, Прага, 21–23 октября 1965 г. Прага, 1966. С. 204.
[33] См. там же. С. 205.
[34] См.: Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. С. 440.
[35] См.: Испания. 1918–1972: Исторический очерк. С. 152.
[36] Там же. С. 167–168.
[37] См.: Проблемы мира и социализма. 1986. № 7. С. 69.
[38] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 5. С. 319.
[39] См.: Испания. 1918–1972 гг.: Исторический очерк. С. 112, 233.
[40] См.: *Диас Х.* Под знаменем народного фронта: Речи и статьи. 1935–1937. М., 1937. С. 160.
[41] *Димитров Г.* Избранные произведения. Т. I. С. 468.
[42] См.: Коммунистический Интернационал. 1935. № 9. С. 31.
[43] См. подробнее: Очерки истории Аргентины: М., 1961; *Коваль Б. И.* Рабочее движение в Латинской Америке.

[44] Цит. по: Георгий Димитров – выдающийся деятель коммунистического движения. М., 1972. С. 260–261.
[45] Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. С. 454.
[46] См. подробнее: *Пинтос Ф.* Профсоюзное движение в Уругвае. М., 1964.
[47] См. там же. С. 247.
[48] El movimiento obrero cubano. T. II. P. 726.
[49] См. подробнее: Очерки истории Кубы. М., 1978.
[50] См.: *Табарес Х. А.* Кубинская революция 30-х годов, ее последние два года. М., 1974. С. 372.
[51] El movimiento obrero cubano. T. II. P. 726–727.
[52] См.: *Коваль Б. И.* Рабочее движение в Латинской Америке. С. 69.
[53] Там же. С. 71.
[54] См. там же.
[55] *Димитров Г.* В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. Статьи и речи. 1935–1939 гг. М., 1939. С. 46.
[56] См. подробнее: *Шульговский А. Ф.* Мексика на крутом повороте истории (Освободительная и антиимпериалистическая борьба мексиканского народа в 30-е годы и проблема выбора Мексикой пути социального развития). М., 1967.
[57] Коммунистический Интернационал. 1938. № 3. С. 48.
[58] См.: Георгий Димитров – выдающийся деятель коммунистического движения. С. 262.
[59] Там же. С. 258.
[60] См.: Очерки новой и новейшей истории Мексики. С. 418.
[61] Международная встреча, посвященная 30-летию VII конгресса Коминтерна. С. 126.
[62] Там же. С. 130.
[63] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 11.
[64] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 1.
[65] Коммунистический Интернационал в документах. С. 268.
[66] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 152.
[67] См. там же. С. 255.
[68] Там же. Т. 26. С. 302.
[69] См. там же. С. 268.
[70] Там же. С. 299–300.
[71] Там же. С. 303.
[72] Там же. Т. 44. С. 57–58.
[73] Там же. Т. 54. С. 171.
[74] Борьба за мир: Материалы трех Интернационалов. С. 244.
[75] Там же. С. 278.
[76] Там же. С. 295.
[77] Там же. С. 314.
[78] Там же. С. 495–496.
[79] См.: *Тольятти П.* Избранные статьи и речи. Т. I (1923 год – октябрь 1956 года). М., 1965. С. 171.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[1] Цит. по: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 79.
[2] См.: История Болгарской коммунистической партии. М., 1971. С. 395.
[3] Цит. по: Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. С. 416.
[4] Борьба за мир: Материалы трех Интернационалов. С. 498.
[5] См.: Коммунистический Интернационал. 1939. № 8-9. С. 24–26.

[6] Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. С. 487.
[7] См. подробнее: Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом. С. 310–322.
[8] Цит. по: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 5. С. 70.
[9] См.: *Миллер В. О.* Победа Советской власти в Прибалтике в 1940 году. Учебное пособие. Рига, 1974. С. 1–8.
[10] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 5. С. 73.
[11] См.: Проблемы мира и социализма. 1984. № 7. С. 41.
[12] Проблемы антифашистской борьбы и социальных революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы широко освещены в исторической литературе. Наиболее свежими обобщающими публикациями являются следующие: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов; Социальные революции 40-х годов XX века // Проблемы мира и социализма. 1984. № 7. См. также: Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941–1945 гг. М., 1978; Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Сборник. М., 1979; Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977; Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М., 1982.
[13] См.: Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии. М., 1979. С. 200.
[14] См. там же. С. 225.
[15] Там же. С. 237.
[16] См. подробнее: *Янин А. А.* Решающее сражение: Февральская победа трудящихся Чехословакии в 1948 г. М., 1978.
[17] См.: Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии. С. 266–273.
[18] См.: *Парваданова В. С.* Формирование национального фронта в Польше (1944–1946 гг.). М., 1972. С. 21.
[19] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 178.
[20] См. подробнее: *Малиновский М., Павлович Б., Потеранский В., Пшигонский А., Вилюш М.* Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. Сентябрь 1939 г.– январь 1945 г. М., 1968; *Зуев Ф. Г.* Польский народ в борьбе против фашизма. М., 1967; *Яжборовская И. С.* Польская рабочая партия в борьбе за развитие революции (середина 1945 – начало 1947 г.) // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.
[21] См.: *Парсаданова В. С.* Указ. соч. С. 63.
[22] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1976. С. 303.
[23] См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны: Документы и материалы в двух томах. 1941–1945. Т. 2: 1944–1945. М., 1983. С. 135.
[24] См. там же. С. 247.
[25] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 342.

[26] См.: История Венгрии. Т. III. С. 384–387.
[27] См.: *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966; Освобождение Венгрии от фашизма: Сборник статей. М., 1965; *Нежинский Л. Н.* Перерастание демократической революции в Венгрии в социалистическую // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.
[28] См.: История Венгрии. Т. III. С. 547–550.
[29] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 211.
[30] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. М., 1946. С. 105.
[31] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 527.
[32] См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 277.
[33] См.: *Севьян Д. А.* Из истории Союза коммунистов Югославии. 1919–1945. М., 1982. С. 81–82.
[34] См.: *Славин Г. М.* Освободительная война в Югославии (1941–1945 гг.). М., 1965. С. 7, 10.
[35] *Марьянович И.* Освободительная война и народная революция в Югославии. М., 1956. С. 20.
[36] Там же. С. 24.
[37] См.: *Севьян Д. А.* Указ. соч. С. 110.
[38] См.: *Марьянович И.* Указ. соч. С. 33.
[39] См.: *Славин Г. М.* Указ. соч. С. 46.
[40] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 143.
[41] См. там же. С. 135.
[42] *Славин Г. М.* Указ. соч. С. 92–93.
[43] Там же. С. 116.
[44] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 209.
[45] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 440–446.
[46] Цит. по: *Славин Г. М.* Указ. соч. С. 145.
[47] См. подробнее: История Болгарской коммунистической партии; *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма. (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964; *Копылов А. А.* Отечественный фронт и народно-демократическая революция в Болгарии. Львов, 1985.
[48] См.: История Болгарской коммунистической партии. С. 433.
[49] См. там же. С. 435.
[50] См. там же. С. 441, 444, 446.
[51] Там же. С. 464.
[52] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 151–152.
[53] См. подробнее: *Смирнова Н. Д.* Борьба албанского народа за свое национальное и социальное освобождение (1941–1944) // Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941–1945 гг.
[54] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 156.
[55] См. там же. С. 154, 157, 238, 240.
[56] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 162.
[57] См. там же. С. 165–166.

[58] См. там же. С. 245–246.
[59] См. подробнее: *Сарлис Д.* Уроки греческого сопротивления в современной борьбе // Проблемы мира и социализма. 1986. № 6. С. 45–49.
[60] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 169.
[61] См. подробнее: *Кирьякидис Г. Д.* Греция во второй мировой войне. М., 1967; *Он же.* Гражданская война в Греции 1946–1949. М., 1972.
[62] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.): Сборник документов. М., 1984. С. 450.
[63] См. подробнее: История Германской Демократической Республики. 1949–1973. Краткий очерк. М., 1975; *Цапанов В. И.* Знаменосец демократических и социалистических преобразований в ГДР. (К 30-летию образования Социалистической единой партии Германии). М., 1976; *Горошкова Г. Н.* Национальный фронт демократической Германии (1949–1963 гг.). М., 1966; *Бовтрук А. П.* СЕПГ – боевой отряд международного коммунистического движения. Киев, 1977; История Германской Демократической Республики.1949–1979. М., 1979.
[64] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. С. 419.
[65] См.: Проблемы мира и социализма. 1984. № 7. С. 45.
[66] См. подробнее: *Глазунов Е. П., Исаев М. П.* Страны Индокитая: путь борьбы и свершений. М., 1984; Победа СССР в войне с милитаристской Японией и послевоенное развитие Восточной и Юго-Восточной Азии. К 30-летию победы СССР в войне с милитаристской Японией. М., 1977.
[67] См.: Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 168–169.
[68] См. подробнее: *Хорос В. Г.* Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 149–155.
[69] См. подробнее: Национально-освободительное движение в Индонезии (1942–1965). Сборник. М., 1970.
[70] См. подробнее: *Васильев В. Ф.* Очерки истории Бирмы. 1885–1947. М., 1962; *Гаврилов Ю. Н.* Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме. М., 1970; *Можейко И. В., Узянов А. Н.* История Бирмы (Краткий очерк). М., 1973.
[71] См. подробнее: *Руднев В. С.* Очерки новейшей истории Малайи. 1918–1957. М., 1959.
[72] См. подробнее: *Левинсон Г. И.* Филиппины на пути к независимости (1901–1946). М., 1972; *Левтонова Ю. О.* История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979.
[73] См.: *Пигулевская Е. Л.*Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М., 1952. С. 50–53.
[74] См. там же. С. 108–109.
[75] См. там же. С. 141, 145.
[76] Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.). М., 1951. С. 566.
[77] См.: *Пигулевская Е. Л.* Указ. соч. С. 174.
[78] Цит. по: История августовской революции. Ханой, 1973. С. 7.
[79] См.: Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.). С. 488.
[80] См.: Краткая история Партии трудящихся Вьетнама. М., 1971. С. 29.
[81] См.: История августовской революции. С. 78.

[82] См. подробнее: *Дивильковский С. И., Огнетов И. А.* Путь к победе: очерк борьбы за национальную независимость, единство, мир и социализм во Вьетнаме (1945—1976 гг.). М., 1978; Рабочий класс Вьетнама в национально-освободительной и социалистической революциях. Сборник статей. М., 1982; Вьетнам в борьбе. М., 1981; История Вьетнама в новейшее время (1917—1965). М., 1970.

[83] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.): Сборник документов. М., 1984. С. 81.

[84] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945: Документы и материалы в двух томах. М., 1983. Т. 2: 1944—1945. С. 545.

[85] История августовской революции. С. 128.

[86] См. подробнее: *Глунин В. И.* Третья гражданская революционная война в Китае (1946—1949): Очерк политической истории. М., 1958; *Борисов О.* Советский Союз и Маньчжурская революционная база, 1945—1949. М., 1985; Новейшая история Китая. 1928—1949.

[87] См. подробнее: Новейшая история Китая. 1928—1949. С. 42—43.

[88] Там же. С. 83.

[89] Цит. по: *Меликсетов А. В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927—1949). М., 1977. С. 63.

[90] См.: Новейшая история Китая. 1928—1949. С. 68.

[91] Там же. С. 147.

[92] См.: *Ледовский А. М.* СССР, США и народная революция в Китае. М., 1979. С. 21.

[93] См. там же. С. 23.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[1] См.: Новейшая история Африки. М., 1968. С. 18.

[2] См. подробнее: Идеология революционных демократов Африки. М., 1981. С. 167—170.

[3] См.: Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 1. 1941—1943. С. 402.

[4] См.: Новейшая история Африки. С. 75—76.

[5] См. подробнее о взглядах Ф. Фанона: *Уоддис Д.* «Новые» теории революции: Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе. М., 1975.

[6] Цит. по: *Хорос В. Г.* Указ. соч. С. 162.

[7] См.: Антиимпериалистическая революция в Африке. М., 1967 С. 107.

[8] См. там же. С. 111, 114.

[9] См. подробнее: *Симония Н. А.* Страны Востока: пути развития. М., 1975. С. 313—314.

[10] См.: Новейшая история Африки. С. 149—150.

[11] *Тума Э.* Национально-освободительное движение и проблема арабского единства. М., 1977. С. 155.

[12] См. подробнее: Развивающиеся страны в современном мире: Пути революционного процесса. М., 1986. С. 145—146.

[13] См.: Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. 3: Выбор пути. М., 1968. С. 88.

[14] См.: *Пегушев А. М.* Кения. Очерк политической истории (1956—1969). М., 1972. С. 14.

[15] См.: Классы и классовая борьба в развивающихся странах. С. 89.

[16] См.: Новейшая история Африки. С. 496.
[17] Цит. по: *Уоддис Д.* Указ. соч. С. 60.
[18] Там же. С. 88.
[19] См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 7: Рабочий класс и национально-освободительные революции после второй мировой войны. М., 1985. Гл. I.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 243.
[21] См. там же. С. 64.
[22] *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. Т. II. М., 1956. С. 322.
[23] Глубокий разбор концепции Режи Дебре дается в кн.: *Уоддис Д.* Указ. соч.; *Арисменди Р.* Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1973.
[24] См.: *Ермолаев В. И., Шульговский А. Ф.* Рабочее и коммунистическое движение в Латинской Америке (с Октября до наших дней). С. 28.
[25] См. подробнее: *Коваль Б. И.* Рабочее движение в Латинской Америке. С. 94.
[26] См.: Пролетариат Латинской Америки. М., 1968. С. 31.
[27] Из богатой библиографии кубинской революции, насчитывающей сотни специальных исследований, можно выделить следующие: Очерки истории Кубы; Кубинская революция, ее развитие и опыт. М., 1976; *Ларин Е. А.* Повстанческая армия в Кубинской революции (Декабрь 1956 – январь 1959 г.). М., 1977; *Обыден К. М.* Куба в борьбе за свободу и независимость. М., 1959; *Слезкин Л. Ю.* История Кубинской революции. М., 1966.
[28] Народы СССР и Кубы навеки вместе. М., 1963. С. 39.
[29] I съезд Коммунистической партии Кубы. Гавана, 17–22 декабря 1975 г. М., 1976. С. 288.
[30] См.: Очерки истории Кубы. С. 317.
[31] Героическая эпопея: От Монкады до Плайя-Хирон. М., 1978. С. 402.
[32] Цит. по: Очерки истории Кубы. С. 386.
[33] См.: *Уоддис Д.* Указ. соч. С. 323.
[34] Героическая эпопея. С. 114.
[35] Цит. по: Очерки истории Кубы. С. 435.
[36] I съезд Коммунистической партии Кубы. С. 312–313.
[37] *Кастро Ф.* Во имя взаимного процветания // Коммунист. 1977. № 4. С. 80.
[38] Цит. по: *Мирский Г. И.* «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976. С. 181.
[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 36. С. 260–263.
[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 53.
[41] См.: *Федченко А. Ф.* Ирак в борьбе за независимость (1917–1969). М., 1970. С. 221–222.
[42] См.: *Тума Э.* Указ. соч. С. 419.
[43] См. там же. С. 396.
[44] *Bosch J.* The Unfinished Experiment: Democracy in the Dominican Republic. N. Y., 1965. P. 148.
[45] Partido Comunista Dominicana: Documentos para el Congresso. Proyecto de Programa. Documento N 3. Santo Domingo, 1968. P. 18–19.
[46] См.: *Кремер Т. И.* Доминиканская Республика: Очерк политической истории (60–70-е годы). М., 1980. С. 67.
[47] *Blasier C.* The Hovering Giant: US Responses to Revolutionary Change in Latin America. Pittsburg, 1976. P. 230.
[48] Department of State Bulletin. 1965. N 5. P. 744–748.
[49] *Blasier C.* Op. cit. P. 247.

50 Цит. по: Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М., 1976. С. 218.
51 Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм: Декларация Совещания коммунистических партий стран Латинской Америки и Карибского бассейна, состоявшегося в Гаване с 10 по 13 июня 1975 года. М., 1975. С. 22.
52 Латинская Америка. 1973. № 1. С. 17.
53 См.: *Товмасян С. А.* Ливия на пути независимости и социального прогресса. М., 1980.
54 Правда. 1986, 25 нояб.
55 См. подробнее: Развивающиеся страны в современном мире. С. 162.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1 См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 6: Рабочее движение развитых капиталистических стран после второй мировой войны (1945—1979). М., 1981. С. 188.
2 См. там же. С. 307.
3 См. подробнее: Трудовая Франция против власти монополий: Майско-июньские события 1968 г. и дальнейшее развитие классовой борьбы. М., 1973; *Семенов А. Л.* Левое студенческое движение во Франции (1956—1968 гг.). М., 1975; *Мяло К. Г.* Под знаменем бунта (Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950—1970-х гг.). М., 1985; *Варфоломеева Р. С.* Борьба Французской коммунистической партии за мир, демократию, социализм. 1945—1970 гг. М., 1972.
4 См.: Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX в.— 70-е годы XX в. (Статистика). М., 1980. С. 322.
5 См.: История Франции. Т. 3. М., 1973. С. 492.
6 См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 6. С. 399—400.
7 См.: Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX в.— 70-е годы XX в. (Статистика). С. 322.
8 См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 17.
9 См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 6. С. 405.
10 Борьба за освобождение португальских колоний в Африке (1961—1973). М., 1975. С. 5.
11 См.: Проблемы мира и социализма. 1976. № 10. С. 65.
12 См.: *Кольчик В. А., Ястржембский С. В.* Португальская компартия в борьбе за демократию и социальный прогресс. М., 1984. С. 146.
13 См. подробнее: *Допни В. А.* Португальская революция: пути и проблемы. М., 1979.
14 См.: *Кольчик В. А., Ястржембский С. В.* Указ. соч. С. 45.
15 См.: Португалия: Конституция и законодательные акты. М., 1979. С. 76.
16 См. подробнее: Социал-демократический и буржуазный реформизм в системе государственно-монополистического капитализма. М., 1980. С. 193—227.
17 См.: Рабочий класс в авангарде борьбы за демократию. М., 1981. С. 138—139.
18 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 402.
19 Там же. Т. 44. С. 407.
20 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 100.
21 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 279.

[22] См., например: *Королев Ю. Н.* Чили: революция и контрреволюция. М., 1976; *Он же.* Чилийская революция: проблемы и дискуссии. М., 1982; *Кудачкин М. Ф. и др.* Чилийская революция: опыт и значение. М., 1977; Уроки Чили. М., 1977; *Шрагин В. О.* Чили, Корвалан, борьба. М., 1977; Внешняя политика правительства Народного единства Чили (1970–1973 гг.). М., 1976, и др.

[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 230.

[24] *Debray R.* La critique des armees. Vol. 1. P., 1974. P. 290.

[25] Resistencia Chilena. 1978. N 18. P. 48.

[26] См.: Коммунист. 1979. № 13. С. 98.

[27] Латинская Америка. 1978. № 1. С. 177.

[28] Bohemia. 1980. N 11. P. 68.

[29] *Bishop M.* Selected Speeches. 1979–1981. La Habana, 1982. P. 3–5.

[30] Granma. 1983, 15. X.

[31] Правда. 1983, 27 окт.

[32] См.: Новейшая история Южного Йемена. 1917–1982 гг. М., 1984; *Шваков А. В.* Пробуждение Аравии. М., 1969.

[33] См. подробнее: *Хазанов А. М.* Крушение последней колониальной империи. М., 1986.

[34] См.: Проблемы мира и социализма. 1982. № 3. С. 35.

[35] I съезд Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА). Луанда, 4–10 декабря 1977 г. М., 1978. С. 17–18.

[36] Документы партии ФРЕЛИМО Народной Республики Мозамбик. III съезд. Мапуту, 3–7 февраля 1977 г. М., 1980. С. 221.

[37] См. подробнее: *Исаев М. П.* Современный революционный процесс в странах Индокитая. М., 1985.

[38] См.: *Летягин Д. В.* Рабочий класс Южного Вьетнама (1954–1975). М., 1977. С. 63.

[39] См. там же. С. 126–127.

[40] См. подробнее: *Мазырин В. М.* Крах марионеточного режима Нгуен Ван Тхиеу в Южном Вьетнаме 1965–1975. М., 1978; *Он же.* Вьетнамское общество и рабочий класс на рубеже 70–80-х годов. М., 1984; *Михеев Ю. Я.* Борьба народа Южного Вьетнама за свободу и независимость. М., 1970.

[41] См.: *Кожевников В. А.* Очерки новейшей истории Лаоса. М., 1979. С. 189.

[42] См.: III съезд Народно-революционной партии Лаоса. Вьентьян, 27–30 апреля 1982 г. М., 1983. С. 9.

[43] *Фомвихан Кейсон.* Революция в Лаосе: некоторые основные уроки и главные задачи. М., 1980. С. 5.

[44] Коммунист. 1986. № 11. С. 98.

[45] См. подробнее: *Кожевников В. А.* Указ. соч.

[46] См.: *Скворцов Н. Н.* Кампучия: спасение свободы. М., 1980; История Кампучии: краткий очерк. М., 1981.

[47] См.: Коммунист. 1986. № 11. С. 98–99.

[48] См.: Кампучия: от трагедии к возрождению. Сборник. М., 1979.

[49] См. подробнее: *Шубин В. В.* Кампучия: суд народа. М., 1980.

[50] См.: *Поляков Г.* Демократическая Республика Афганистан: трудный путь к стабилизации // Международный ежегодник: Политика и экономика. М., 1981. С. 224–229; *Мурадов Г.* Демократическая Республика Афганистан на новом этапе Апрельской революции // Афганистан: прошлое и настоящее. М., 1982. С. 97–112; *Цедров И. М.* Афганистан. Молодость революции. М., 1982.

[51] См. подробнее: *Агаев С. Л.* Иран в прошлом и настоящем. М., 1981. С. 178–179; *Ульяновский Р.* Иранская революция и ее особенности // Коммунист. 1982. № 10. С. 106–116.

52 См.: *Агаев С. Л.* Указ. соч. С. 209–210.
53 Там же. С. 212.
54 См.: Проблемы мира и социализма. 1986. № 1. С. 64.
55 См. подробнее: *Давидсон А. Б.* Южная Африка. Становление сил протеста. 1870–1924. М., 1972. С. 224–248.
56 Проблемы мира и социализма. 1986. № 1. С. 60.
57 См.: Международное рабочее движение: Справочник. М., 1982. С. 304–305.
58 См.: Проблемы мира и социализма. 1986. № 1. С. 60.
59 Там же. С. 63.
60 См. подробнее: Латинская Америка. 1986. № 6. С. 17, 28.
61 Там же. 1981. № 9. С. 78.
62 См.: Проблемы мира и социализма. 1982. № 4. С. 43–44.
63 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 4.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1 См.: Марксизм-ленинизм о диалектике революции и контрреволюции: Из опыта борьбы с контрреволюцией и современность. М., 1984.
2 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 7.
3 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83.
4 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 5. С. 494.
5 См. там же.
6 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 189.
7 Там же. Т. 37. С. 122.
8 Там же. Т. 44. С. 293.
9 Там же. Т. 31. С. 170.
10 Там же. Т. 30. С. 112.
11 См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 7. С. 567.
12 См. там же.
13 См. там же.
14 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 191.
15 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 39.
16 Там же. Т. 22. С. 282–283.
17 Там же. Т. 11. С. 103.
18 Там же. Т. 12. С. 321.
19 Там же. Т. 41. С. 78.
20 Там же. Т. 30. С. 314.
21 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 434.
22 Там же. Т. 7. С. 33.
23 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 14.
24 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 412.
25 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 14.
26 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 338.
27 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 228, 227.
28 Там же. С. 228.
29 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 7.
30 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 69–70.
31 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 125, 122, 124.
32 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 125.
33 Там же.
34 Там же. Т. 9. С. 159.
35 Там же. Т. 26. С. 218–219.
36 Там же. Т. 23. С. 300.

[37] См. там же. С. 329.
[38] См. там же. Т. 34. С. 436.
[39] Там же. Т. 41. С. 82–83.
[40] Там же. Т. 27. С. 112.
[41] Там же. Т. 34. С. 242–243.
[42] См. там же. Т. 16. С. 23.
[43] Там же. Т. 26. С. 219.
[44] Там же. Т. 11. С. 367.
[45] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 261.
[46] Там же. Т. 8. С. 142, 143.
[47] Там же. Т. 38.
[48] Там же. Т. 7. С. 89.
[49] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54–55.
[50] См. там же. Т. 35. С. 279.
[51] См. там же. Т. 41. С. 10.
[52] *Cunhal A.* A Revolução Portuguesa: O Partido e o Futuro. Lisboa, 1976. P. 384.
[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 143.
[54] Коммунист. 1986. № 16. С. 12.
[55] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 136.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абд аль-Керим 321
Абдул-Хамид II 47, 61
Адамс А. 17
Адамс Б. 18
Адлер Виктор 17, 93
Адлер Фридрих 104
Айюб Хан 363
Аксельрод Л. И. 480
Александр II 360
Али-шах Моххамед 45, 46
Альварадо Веласко 368, 369
Альенде Сальвадор 397, 398, 491, 500
Альтамирано К. 501
Амадор Карлос Фонсека 403
Амин 433, 434, 440
Антонеску И. 278, 279
Арана Ф. 347
Арбенс Гусман Хакобо 347, 348
Аревало Хуан Хосе 347, 348
Арсф Абдель Салям 360, 361
Армас Кастильо 348
Ататюрк Мустафа Кемаль 49, 50
Ахмед 46
Аун Сан 302
Аустерлиц Ф. 105

Багир 45
Баденский М. 112
Базаргап 437
Бакр Ахмед Хасан 361
Бакунин М. А. 148, 149, 502
Бальвиан 346
Бао Дай 311
Батиста Фульхенсио 75, 202, 341, 342, 348–351, 354, 356
Бауэр Отто 93, 105
Бен Белла Ахмед 327, 338
Бенеш Э. 269, 270
Бернардес А. 188
Бернштейн Э. 26, 93, 110, 115
Берут Болеслав 273
Бисмарк 75, 455
Бишоп Морис 409–411
Блэзер К. 367
Блюм Л. 217–219
Бодин Д. 18
Борхе Т. 403
Босом Ч. 167
Бота П. 442, 445
Бош Х. 364, 365, 367
Брандао О. 135, 137
Брандлер 209
Браудер Э. 343
Бринтон К. 18
Брум Бальтасар 231
Бухарин Н. И. 206, 209

Вайян-Кутюрье П. 218
Варгас Жетулио 189, 234–236, 238
Вашари Иштван 277
Вереш Янош 276
Вессин-и-Вессин 366
Виктор Эммануил 210
Вильгельм II 110
Витте С. Ю. 27

Галифе Г. 90
Ганди М. К. 168–171, 173–175, 177, 178, 181, 326, 443
Гапон Г. 24, 77
Гароди Р. 17
Гевара Эрнесто (Че) 191, 356, 405, 409
Гейри Э. М. 408, 410, 411
Георг II 291
Гинденбург 212
Гитерас А. 201, 233
Гитлер 212, 223, 255, 257, 263, 276, 281
Голль Шарль де 310, 311, 325, 327, 328, 383
Гольц 99
Гонсалвеш Авелино 388
Гонсалес Видела 246
Горбачев М. С. 13–15, 450, 504
Готвальд Клемент 257, 259, 271
Грамши Антонио 16, 210, 211
Гроза П. 279
Гротеволь Отто 295
Гувер Г. 194
Гуральский А. Я. 196
Гусак Г. 270
Гучков А. И. 69, 70

Давила К. 243
Даладье 218, 219
Дауд М. 432, 433, 439
Де Валера 133, 134
Дебре Режи 341, 352, 356
Джефферсон 202
Джонсон Л. 367
Джонсон Ч. 18

Диас Порфирио 56, 57, 58, 60, 61
Диас Хосе 224
Димитров Георгий 16, 128, 129, 211, 215–217, 222, 227, 230, 237, 241, 287
Дольфус Э. 212
Дуань Цижуй 162
Дуарте А. К. 135
Дюбуа У. 321
Дювалье Жан Клод 445, 446, 448
Дюкло Жак 149
Дюркгейм Э. 17

Залуцкий П. А. 71
Засулич В. И. 359
Зиновьев Г. (Радомысльский) 81, 151, 166, 209

Ибаньес К. 242
Ибаррури Долорес 221
Иден А. 285
Идрис 373
Иенг Сари 430, 431
Илек 208

Кааманьо Франсиско 364, 366, 367
Кабрал Амилкар 419
Кабрал Аннибал 337
Кавеньяк Л. 90
Каддафи М. 372, 373
Кайстано Карпио 407, 408
Кальес 238
Каменев Л. Б. (Розенфельд) 81
Кандиа Овандо 370
Караманлис К. 392
Карвалью О. С. ди 390
Карденас Ласаро 229, 239, 240, 241, 242
Карл IV 117
Каройи Михай 117, 118, 120–123
Карранса В. 59–62, 75
Каррион Б. 403
Касем Абдель Керим 360, 361
Кастро Фидель 84, 349, 351–353, 357, 409, 411
Катру 309, 310
Каутский К. 17, 93, 94, 110, 111, 112, 115, 152
Кашен М. 208
Каэтану Марселу 387, 388
Кениата Джомо 334, 338
Кереку Матье 374
Керенский А. Ф. 71, 72, 74, 75, 80–82, 189
Ким Ир Сен 305, 306
Клаудин Ф. 17
Кодовилья Викторио 186
Коларов Васил 128
Кольцов Михаил 71
Коннолли Джеймс 132
Конт О. 17
Корд Б. 411
Корнилов Л. Г. 79, 80
Кропоткин П. А. 135, 148, 149
Круи Мустафа 288
Кун Бела 119, 122–125
Куньял Алваро 388, 501
Куусинен О. В. 16, 98, 100, 157

Лаборде Э. 240
Лайдонер Й. 265
Лара Г. Р. 371
Ларго Кабальеро Ф. 223, 224
Лафертс Э. 243
Легин К. 110
Ленин Владимир Ильич 4, 15, 16, 18–21, 23, 24, 25, 29, 32, 38–40, 43, 45, 48, 49, 51, 52, 54–56, 63–67, 69, 71–76, 78–82, 84, 85, 87–97, 100, 106–116, 120, 124–126, 128, 130–133, 146–148, 150–156, 160–162, 169, 173, 177, 178, 180, 183, 184, 189, 204–206, 209, 216, 248–253, 321, 337, 339, 360, 381, 394, 395, 397, 399, 400, 456–458, 469–472, 476–478, 480–484, 488, 493, 497, 499, 500, 501, 504, 505
Леуенрот Э. 135
Ли Лисань 209, 314
Либкнехт Карл 110, 113
Ли Сын Ман 305, 308
Ллойд-Джордж Д. 63, 133
Ловстон 208
Лон Нол 431
Лопес Арельяно О. 372
Львов Г. Е. 70, 72
Людендорф 99
Люксембург Роза 110, 113
Ляхов 45

Мадеро Ф. 56–59, 61, 62, 77
Майерс Э. 291
Маннер К. 98
Маннергейм К. 98
Мануильский Д. З. 16, 179, 211
Мао Цзэдун 164, 317
Мариатеги Хосе Карлос 200
Мариг Г. 162
Маркс Карл 15, 18, 19, 35, 85, 90, 91, 106, 149, 173, 248, 394,

395, 399, 454, 456, 474, 475, 477, 478, 480, 493, 494, 497, 500, 505
Марти Аугустино Фарабундо 194, 407
Мартинес 343
Массио 327
Матак Сирик 431
Мачадо Г. 200, 201
Мбоя Том 334
Менгисту Хайле Мариам 376
Мендиетта 202, 233
Метаксас И. 262
Миклош Бела 276
Миколайчик Ст. 272, 274
Милюков П. Н. 33, 69, 73
Мирошевский В. М. 190
Миттеран Ф. 385
Михай 279, 280
Михайлович Дража 283–285
Мосью Али 45
Моххамед Реза Пехлеви 439
Мугабе Роберт 423
Муззафар-эд-Дин 44
Муссолини 210, 223
Мюслим Пеза 288

Нагиб Муххамед 331
Наполеон III 75
Насер Гамаль Абдель 331, 332, 338, 358, 359, 360, 362, 440
Негрин Хуан 224
Нейман Г. 211
Неру Джавахарлал 167
Нето Агостиньо 421, 422
Николай II 45, 63, 66–68, 70, 106, 110
Нкрума Кваме 323, 335, 336, 338, 363, 409
Носке Г. 110, 112, 113
Ньерере Дж. 338

Одриа М. 349
Остин Х. 411
Осубка-Моравский Э. 274

Панчо Вилья (Вилья Франсиско) 57, 59, 61
Пас Эстенсоро Виктор 345, 346
Перейра А. 135, 137, 192
Петен 309, 325
Пети Дж. 18
Петков П. 17
Пик Вильгельм 295
Пинилья Р. 349
Пиночет 447, 448
Плеве В. К. 32, 33
Плеханов Г. В. 340, 360
Пол Пот (Салот Сар) 170, 430–432, 438, 440
Престес Луис Карлос 188–193, 235, 237
Примо де Ривера 213, 220
Примо де Ривера А. Х. 222
Пу И 306
Пятаков Л. Б. (Киевский) 155
Пятс К. 265

Радек К. Б. 132, 155
Распутин Г. Е. 63, 66
Рацирака Д. 374
Рейган Р. 406, 411, 455, 504
Реннер К. 104, 105, 106, 107, 189
Родзянко М. В. 68
Рой М. Н. 155, 156, 175–179, 183, 209
Роммель Э. 330
Рудаш Ласло 125
Рузвельт Ф. Д. 195, 273, 306, 310, 317
Руис Анри 403

Сааведра Ортега 403
Садат Анвар 332, 359, 373, 440
Саид Нури 360
Салазар 386, 387
Салан 327
Салаши Ф. 276
Сандино Аугусто Сесар 193–195, 402, 404, 407
Сан-Мартин Грау 201, 202
Сапата Эмилиано 57–59, 62
Саттар 45
Свинхувуд 97, 99
Секу Туре 338
Серда А. 245
Серра 208
Сеспедес К. М. 201
Сианук Нородом 429–431
Симау Тока 334
Сирадо Виктор Мануэль 403
Сирола Ю. 98
Скалов Г. Б. (Синани) 196, 197
Скобелев М. И. 71
Скоби 293
Сметона А. 265, 266
Смит Ян 423
Соареш Мариу 389, 390
Сомоса А. 194, 195, 199, 402–404, 406, 484
Сомсанит 427
Сон Сен 430
Сорокин П. А. 17, 18
Спенсер Г. 17

Спинола А. 388, 389, 419
Сталин И. В. 164, 179, 273, 274, 310
Стамболийский А. 126, 127
Стимсон 194
Столыпин П. А. 27, 45, 64, 455
Суванна Фума 427
Суварин 217
Сукарно 301, 363
Сунь Ятсен 51–54, 62, 162–164, 316
Суфанувонг 427
Сухэ-Батор 140

Тайми А. 98
Талегани М. 437
Тальгеймер 209
Тамбо Оливер 443
Таннер В. 99
Тантер Р. 18
Тафт В. 193
Тельман Эрнест 211
Теодор Р. 446
Терра Г. 231, 232
Терри Б. 368
Тибор Самуэли 119, 125
Тито Иосип Броз 282, 284, 286
Тихомиров Л. 33
Толбухин Ф. И. 285
Толстой Л. Н. 174
Тольятти Пальмиро 16, 210, 211, 255
Торез Морис 16, 211, 217, 218, 259
Ториэльо Х. 347
Торре Айя де ла 199
Торрес Хуан Хосе 370, 371
Торрихос Эрера Омар 369, 370
Травин 183
Треп 217
Троцкий Л. Б. (Бронштейн) 81, 82, 87, 93, 111, 145, 166, 209
Трумэн Г. 307, 318
Трухильо Р. 364
Тхиеу-Ки 425, 426, 439

Уайтмен Ю. 409
Убико Хорхе 347
Уилок Хайме 403
Ульманис К. 265, 266
Умберто Ромеро 406, 407
Унгерн фон Штернберг 139, 140
Урибуру 229
Усскин М. 385
Уэрта 58, 59, 62

Фанон Франц 326, 336, 409
Фараго Габор 277
Фарук 330, 359
Фейсал 360
Фомвихан Кейсон 427, 429
Фор Э. 217
Форстер 442
Фостер У. З. 16
Франко 222, 393
Франц Иосиф 102, 117
Фроссар 217
Фэн Юйсян 314

Хайле Селассие I 375, 376
Хандаль Шафик Хорхе 408
Хатта М. 301
Хезболла 440
Хенг Самрин 430, 431
Хименес П. 349
Хомейни 435–438, 440, 441
Хорти 124, 262, 276
Хо Ши Мин 311, 312
Хусто Х. 229
Ху Юн 431

Цанков А. 127, 128
Цергибель К. 211
Цеткин Клара 211
Циранана Ф. 373

Чан Кайши 165, 166, 202, 305, 306, 312–315, 317–319
Черчилль У. 274, 284, 285, 293, 298, 306
Чжан Цзолинь 314
Чильбум 209
Чичерин Г. В. 252
Чойбалсан 140
Чхеидзе Н. С. 71
Чэнь Дусю 164

Шариати Али 437, 440
Шейдеман Ф. 110, 112, 114
Ширак Ж. 385
Шишекли А. 362
Шляпников А. Г. 71
Шнаке О. 245
Шнейдер А. 401
Штюргк К. 104
Шубашич И. 285, 286
Шульгин В. В. 70

Эберт Фридрих 110, 112, 113, 114
Эдвардс Л. 18
Эйзенхауэр Д. 348
Эллвуд Ч. 18

Эмбер-Дро 184 – 186, 196, 208
Энгельс Фридрих 15, 19, 102, 124, 173, 359, 394, 399, 469, 473, 474, 477, 480, 493, 495, 500, 505
Юань Шикай 53, 54, 61, 62, 160, 162, 189
Юсупов Ф. 66

Янь Сишань 314

ОГЛАВЛЕНИЕ

О книге Б. И. Коваля и современных проблемах революционной борьбы 3

Предисловие 13

Глава первая

ДООКТЯБРЬСКИЙ ЦИКЛ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ XX ВЕКА 24

Первая народная революция XX века и ее международное значение . . . . . —
Пробуждение Азии 41
Революция 1905—1911 гг. в Персии (Иране) 42
Младотурецкая революция 1908—1909 гг. . . . 46
Синьхайская революция 1911—1913 гг. 50
Мексиканская революция 1910—1917 гг. 56
Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. Опыт двоевластия 63

Глава вторая

НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ 79

Октябрь 1917 г. — главное событие XX века . . . . . —
Революционные битвы 1918—1923 гг. в Европе 92
Пролетарская революция в Финляндии (январь—апрель 1918 г.) 96
Революция 1918 г. в Австрии 102
Ноябрьская революция в Германии 107
Революция и контрреволюция в Венгрии . . . 117
Антифашистское восстание в Болгарии . . . 126
Великий Октябрь и антиимпериалистические революционные движения в 1918—1923 гг. 129
Антиимпериалистическая революция 1920—1923 гг. в Ирландии 130
Пролетарское восстание в Бразилии 134
Народно-демократическая революция 1921 г. в Монголии 137

Глава третья

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРАКТИКА В 20-х И НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ 146

Коммунистический Интернационал — боевой штаб революционных сил . . . . . —
Два пути борьбы с империализмом и отсталостью: опыт Китая и Индии 157
Национально-демократическая революция 1925—1927 гг. в Китае 162
Народное ненасильственное сопротивление в Индии 167
Многообразие революционных движений в Латинской Америке (1924—1933 гг.) 181

Коминтерн о Латинской Америке 181
Мелкобуржуазный революционаризм в Бразилии (1924—1930 гг.) 187
Революционно-освободительная война 1927—1934 гг. в Никарагуа 193
Дискуссии в Коминтерне по проблемам мелкобуржуазной демократии в Латинской Америке 196
Революция 1933 года на Кубе 200

Глава четвертая
СТРАТЕГИЯ ЕДИНОГО НАРОДНОГО ФРОНТА: ОПЫТ 30-х ГОДОВ 204

Проблема единого рабочего фронта в Западной Европе . . . —
Борьба против фашизма в 20-х и начале 30-х годов 209
Народный фронт во Франции 217
Национально-революционная антифашистская война в Испании 220
Единый антиимпериалистический фронт в Латинской Америке 227
Опыт аргентинских коммунистов 229
Борьба демократических сил Уругвая 231
Компартия „Кубы против империализма и реакции 232
Национально-освободительный альянс и вооруженные восстания в Бразилии 234
Особенности политики антиимпериалистического единства в Мексике 238
Победа Народного фронта в Чили 242
За единый мировой антивоенный фронт 248

Глава пятая
АНТИФАШИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ 40-х годов 256

Коммунисты и антифашистское Сопротивление накануне второй мировой войны 257
Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии 264
Народные революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы 267
Чехословакия: от фашистской зависимости к социализму 269
Трудный путь Польши 272
Движение Сопротивления в Венгрии 275
Освобождение Румынии 278
Рабочий класс Югославии в борьбе за свободу и социализм 281
Антифашистское восстание 9 сентября 1944 г. в Болгарии 286
Албанский народ в борьбе за национальное освобождение 288
Революция в Греции: причины поражения . . 290
Рождение ГДР 294
Революции в Азии: Корея, Вьетнам и Китай 299
Народы Азии против японского империализма —
Освобождение Северной Кореи и создание КНДР 304
Августовская революция 1945 г. во Вьетнаме 308
Победа народной революции в Китае 313

Глава шестая

РЕВОЛЮЦИОННО-АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 321

Освобождение Африки (Египет, Алжир, Кения и др.) . . . —
Латинская Америка: от восстания 1944 г. в Гватемале до кубинской революции 340
Буржуазно-демократическая революция 1952 г. в Боливии 345
Революционный процесс в Гватемале 347
Победа кубинской революции 349
Армия: революция или контрреволюция? Опыт 60-х и начала 70-х годов 357
Ирак: от военного переворота к революции 360
Сирия избирает новый путь 362
Война конституционалистов Доминиканской Республики против интервенции США 364
Революционно-националистические эксперименты военных в Перу, Панаме, Боливии и Эквадоре 367
Военные перевороты в Ливии, на Мадагаскаре и в Бенине 372
Эфиопия: армия — народ — революция 375

Глава седьмая

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЦИКЛ 70—80-х ГОДОВ 381

Западная Европа: на фронтах классовой борьбы 382
«Горячий май» 1968 г. во Франции 383
«Революция гвоздик» в Португалии 385
Падение фашистских режимов в Греции и Испании 391
Революционные процессы в Латинской Америке 395
Чилийская революция 1970—1973 гг.: ее значение и уроки 396
Народная революция в Никарагуа 402
Гражданская война в Сальвадоре 406
Трагедия Гренады 408
Антиколониальные революции 70-х годов: Южный Йемен, Гвинея-Бисау, Ангола, Мозамбик, Зимбабве 415
Народные революции в Азии 424
Освобождение Южного Вьетнама . . . . . —
Революция в Лаосе 426
Кампучия: от трагедии к возрождению (1970—1979 гг.) 429
Афганистан строит новую жизнь 432
Революция и контрреволюция в Иране 435
80-е годы: борьба продолжается 441
Революционная буря над Южной Африкой . . 442
Падение антинародной диктатуры на Гаити . . 445
Чили: народ против фашизма 447

Глава восьмая

ХАРАКТЕРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА 450

Общие черты и закономерности . . . . . —
«Революционная статистика» XX века 458
Рабочий класс — ведущая сила прогресса 463

Классовые зоны и народный фактор революции 468
Мелкобуржуазный революционаризм: его прошлое и настоящее 473
Революционный кризис: общие черты и многообразие . . . 480
Противоречия и их роль в развитии революций 490
Объективные трудности и субъективные ошибки 498
Борьба за мир и социальный прогресс: новая диалектика классовых и общечеловеческих интересов 504

Заключение 511

Примечания 515

Указатель имен 535

21751

Коваль Б. И.
К56 Революционный опыт XX века.— М.: Мысль, 1987.— 542, [1] с., [16] л. ил.
(В пер.): 2 р. 60 к.

Книга посвящена 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Главное внимание уделено раскрытию международного значения ее опыта для современного этапа классовой борьбы.

Автор рассказывает о наиболее драматических эпизодах из истории мирового революционного движения в XX веке, дает обстоятельную характеристику освободительной борьбы народов в новейшую эпоху.

К $\frac{0302030100\text{-}138}{004(01)\text{-}87}$ 40-87 ББК 66.017.715

БОРИС ИОСИФОВИЧ КОВАЛЬ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ОПЫТ XX ВЕКА

Заведующий редакцией А. Л. Ларионов
Редактор Н. И. Калашникова
Младший редактор Т. М. Найденова
Оформление художника С. Ю. Биричева
Художественный редактор Н. В. Илларионова
Технический редактор Т. Г. Сергеева
Корректор Г. Б. Абудеева

ИБ № 3198

Сдано в набор 19.02.87. Подписано в печать 08.05.87. А09097. Формат 84 × $108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Таймс». Высокая печать. Усл. печатных листов 30,24 с вкл. Усл. кр.-отт. 32,34. Учетно-издательских листов 34,46 с вкл. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1131 Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Отпечатано в Московской типографии № 11 Союзполиграфпрома при Государственном Комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113105, Москва, Нагатинская, 1.

Р.С.Ф.С.Р.
Р.С.Ф.С.Р.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ХРОНИКА XX ВЕКА

1949 1969

1944-1954 ГВАТЕМАЛА
1952 ЕГИПЕТ
1952 БОЛИВИЯ
1954-1962 АЛЖИР
1959 КУБА
1963 ИРАК
1963 СИРИЯ
1968 ПЕРУ
1968 БОЛИВИЯ
1968 ПАНАМА
1969 ЛИВИЯ
1969 ЮЖНЫЙ ЙЕМЕН

1970 1987

1970-1973 ЧИЛИ
1972 БЕНИН
1973-1979 КАМПУЧИЯ
1973 ГВИНЕЯ-БИСАУ
1974-1976 ЮЖНЫЙ ВЬЕТНАМ
1974 ПОРТУГАЛИЯ
1974 ЭФИОПИЯ
1975 МАДАГАСКАР
1975 ЛАОС
1975 МОЗАМБИК
1975 АНГОЛА
1979-1983 ГРЕНАДА
1979 НИКАРАГУА
1979 ЗИМБАБВЕ
1979 ИРАН
1979 АФГАНИСТАН
1986 ЮЖНАЯ АФРИКА